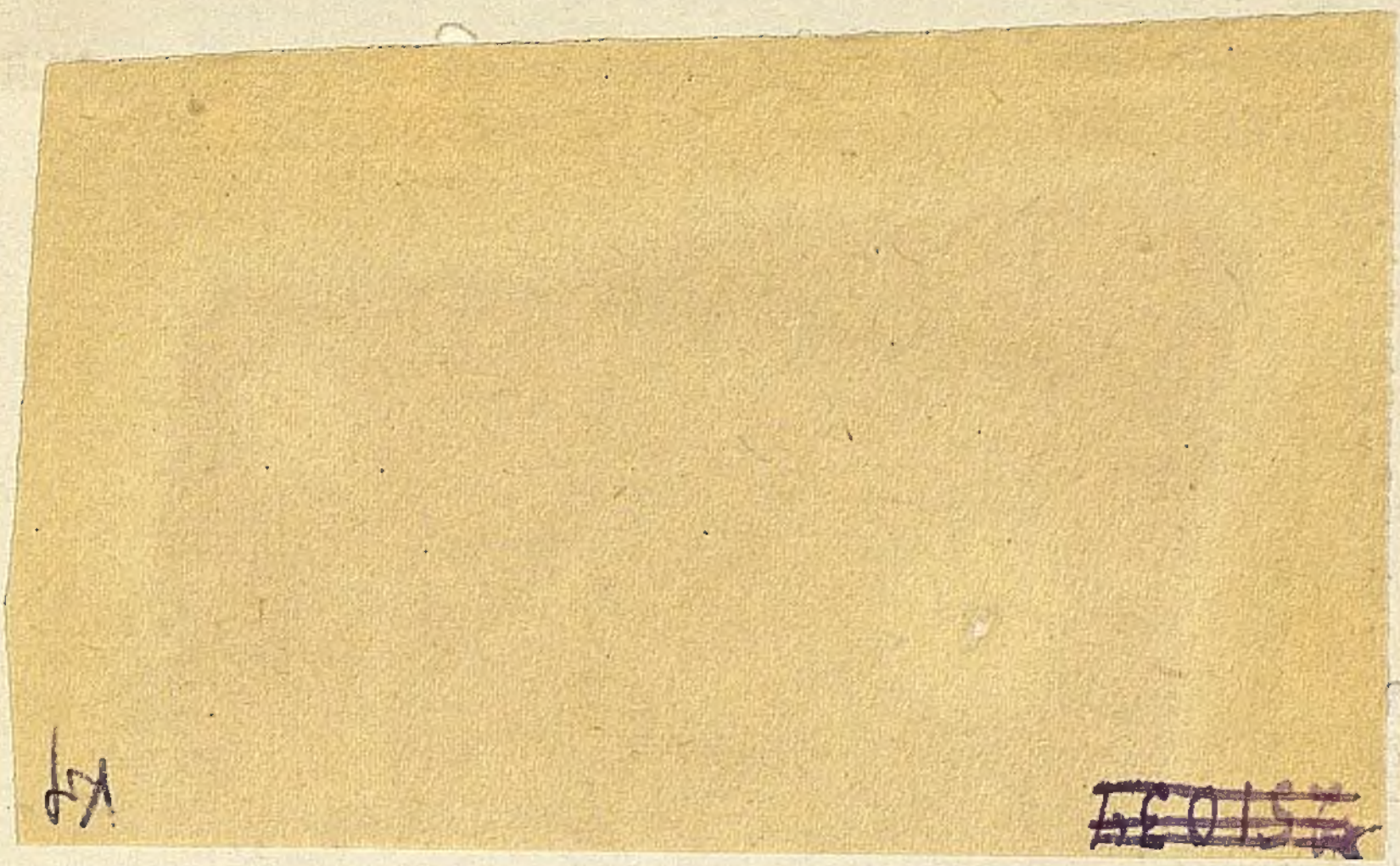
947
П-121

947
П121



~~45T037~~

Kf

МАТ. КН. 1486
№№ П37/629 р-4
УЧЕНИЧЕСКАЯ
БИБЛІОТЕКА
[illegible]ОВСКОЙ 10-й ГИМНАЗІИ

РУССКАЯ ИСТОРІЯ

п 34

ОТЪ

ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

ПЕРВЫЕ ПЯТЬ ВѢКОВЪ РОДНОЙ СТАРИНЫ

(862—1362 гг.).

Томъ второй.

60499
49 г.
947
П121

Н. М. ПАВЛОВЪ.

Центральное книгохранилище

МОСКВА.
Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская улица, собствен. домъ.
1899.

Сочувственное вниманіе къ первой части «Русской исторіи отъ древнѣйшихъ временъ» побудило автора дополнить вторую часть тремя новыми главами, которыхъ первоначально предполагалось избѣгнуть. Во второй части, прежде изготовленной къ печати, три существеннѣйшіе вопроса (о *нашествіи татаръ и Монгольскомъ игѣ*, о *вторженіи нѣмцевъ и Орденѣ Ливонскихъ Рыцарей*, о *литвѣ и Коронѣ Литовской*) ограничивались лишь тѣми общими мѣстами, которыя общепринятыже у насъ въ «Отечественной Исторіи» во всѣхъ курсахъ. Но внесеніе этихъ главъ въ настоящемъ видѣ заставило видоизмѣнить соотвѣтственно сдѣланному добавленію — и весь текстъ. При этомъ самый размѣръ второй части такъ увеличился, что потребовалъ двухъ томовъ, вмѣсто предполагавшагося одного. Такъ какъ и третій томъ уже изготовленъ къ изданію, надѣемся и его не задержать.

Авт.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. **Смута въ Кіевской Руси по смерти Андрѣя Боголюбскаго.** Безпорядки на сѣверѣ и югѣ. Оставленіе Кіева Ярославомъ Луцкимъ. Старшій сынъ Ростислава (схимолюбиваго) вторично на Кіевскомъ престолѣ. Отказъ Романа въ пользу Ольговичей. Святославъ Всеволодовичъ—Великій Князь Кіевскій 1

II. **Смута по смерти Андрѣя Боголюбскаго въ Суздале-Ростовскомъ краѣ.** Крамола въ Суздалѣ и Ростовѣ. Князья, призванные въ Ростовъ боярами. Двоевластіе Михаила и Всеволода Юрьевичей. Борьба народа за единодержавіе во Владимірѣ. Покореніе Всеволодомъ Рязанскаго князя Глѣба. Народное ожесточеніе противъ крамольниковъ. Конецъ смутѣ 8

III. **Русь въ концѣ XII-го и началѣ XIII-го вѣка, во времена Всеволода** 27

IV. **В. К. Владимірскій Всеволодъ Юрьевичъ** (прозвищемъ Большое Гнѣздо]. **I. Первыя 18 лѣтъ его княженія.—Сѣверная Русь.**—Отношеніе къ Новгороду и Рязани. Княженіе въ Новгородѣ Мстислава Храбраго. Замѣшательства въ Рязани. Война между Кіевскимъ и Владимірскимъ Великими Князьями. Походъ Всеволода (Большое Гнѣздо) противъ Волжанъ-Болгаръ. Миролюбіе Всеволода и нарушеніе мира рязанскими замѣшательствами. Второй походъ Всеволода противъ Рязани 36

V. **В. К. Владимірскій Всеволодъ Юрьевичъ** (прозвищемъ Большое Гнѣздо). **II. Первыя 18 лѣтъ его княженія. — Южная Русь.** Половцы. Главный походъ Святослава Всеволодовича на Половцевъ. Игоревъ походъ въ степь Половецкую. Еще и еще Половцы. Галичь во времена Владиміра Ярославича, внука Владимірка. Послѣдніе дни и кончина Кіевскаго Князя Святослава Всеволодовича . . 69

VI. **В. К. Владимірскій Всеволодъ Юрьевичъ** (прозвищемъ Большое Гнѣздо). **III. Послѣднія 18 лѣтъ его княженія.** Отношеніе Всеволода Юрьевича къ Кіевскому князю Рюрику Ростиславичу. Ссоры и междуусобія южно-русскихъ князей. Княженіе Романа, самодержца бывша всей Русской земли, князя Галичскаго. Взятіе

Стр.

Кіева Рюрикомъ Ростиславичемъ и постриженіе этого князя. Кончина Романа Мстиславича. Замѣшательства въ Галичѣ и всей южной Руси. Усугубленіе смутъ и раздоровъ на всемъ югѣ. Вмѣшательство въ южныя распри Всеволода Юрьевича. Война Великаго Князя противъ Рязани. Дальнѣйшія смуты и замѣшательства въ Галичѣ. Оскудѣніе южнорусскихъ Князей. Послѣдніе годы княженія Всеволода Юрьевича и перемѣны въ Новгородѣ. Выступленіе на поприще Мстислава Удалого. Кончина Всеволода Юрьевича 110

VII. **Смутный промежутокъ времени по кончинѣ Всеволода** (Большое Гнѣздо). Ослабленіе Владимірскаго Княженія. Дѣятельность Мстислава Удалого, до его похода на Владиміръ, въ Кіевской Руси. Дѣятельность Мстислава Удалого, до его похода на Владиміръ, въ Галичѣ. Возвращеніе Мстислава Удалого въ Новгородъ и ссора съ Владимірскими Князьями. Походъ Мстислава Удалого противъ Владимірцевъ. Пораженіе Владимірскихъ Князей при Липицѣ. Юрій Всеволодовичъ лишенъ Владимірскаго престола. Успѣхъ Мстислава Удалого въ Галичинѣ. Волынь и Галичъ при Мстиславѣ Удаломъ. Юрій Всеволодовичъ вторично на Владимірскомъ престолѣ. Заключеніе древнихъ междуусобій 192

VIII. **Что пошло въ Русской землѣ въ XIII вѣкѣ** 234

IX. **Битва съ Татарами на рѣкѣ Калкѣ** 236

X. **Послѣдніе годы Руси передъ Монгольскимъ игомъ.** Общія замѣшательства на сѣверѣ и югѣ. Послѣдніе годы и кончина Мстислава Удалого. Соперничество между южно-русскими князьями. Усиленіе смутъ въ Галичѣ. Послѣднія времена Кіева передъ грозой Татарской. Позднее возвышеніе Даніила Романовича. Канунъ нашествія Татаръ 247

XI. **Чингисхановы Монголы** 265

XII. **Нашествіе татаръ при Батыѣ.** Раззореніе Татарами Рязанскаго края. Раззореніе Татарами Владимірскаго Княженія. Раззореніе Татарами южной Руси. Взятіе Татарами Кіева. Опустошеніе Галича и Волыни. Золотая или Сарай-Орда Батыя. Судьба Даніила Романовича Галичскаго. Святые мученики Князь Михаилъ Всеволодовичъ и бояринъ Ѳеодоръ. Монгольское иго 287

XIII. **Великій Князь Владимірскій Ярославъ Всеволодовичъ** (отецъ Невскаго) 331

XIV. **„Татарство“ и „Татарва“** 344

КОНЕЦЪ ОГЛАВЛЕНІЯ II-ГО ТОМА.

Смута въ Кіевской Руси по смерти Андрѣя Боголюбскаго.

Безпорядки на сѣверѣ и югѣ. Не стало на Руси грознаго державца, какимъ сѣверъ и югъ почитали Андрѣя Боголюбскаго, не замедлили обнаружиться и послѣдствія его кончины: тамъ и здѣсь—на всемъ же сѣверѣ и югѣ—произошли замѣшательства.

Но въ Кіевской Руси это была неурядица старинная: опять тамъ закипѣла вражда у Ольговичей съ Мономаховичами, умножились и взаимные раздоры въ ихъ собственной братьѣ. А во Владимірскомъ княженіи вспыхнула борьба иная. Изъ края въ край зачалась тамъ, можно бы сказать, небывалая смута: самъ народъ поднялся на защиту отечества, и пошли его очищать всѣмъ міромъ отъ старинныхъ здѣшнихъ крамольниковъ.

Вдадимірцы поднялись поголовно, тьмочисленными толпами приложились къ нимъ еще населенія тамошнихъ селъ и городовъ,—и стали отомщать кровь убіеннаго князя, начали добывать его стольный городъ ближайшему его наслѣднику, меньшому оставшемуся въ живыхъ брату Андрѣеву; сами возвели его на Владимірскій престолъ; сами приносили ему клятву въ соборахъ, цѣлуя крестъ „*на дѣтяхъ и на внукахъ его*“ и потомъ, успокоенные подъ его державой, все время сами же торопили желанный переходъ его княжеской власти во власть Государеву. Такимъ образомъ, смута, послѣдовавшая во Владимірѣ за убіеніемъ Андрѣя Боголюбскаго, повела не къ упадку воздвигнутаго имъ Великокняжескаго престола, а прямо сказать: была еще къ росту и усиленію Владимірскаго княженія.

Противуположное происходило тѣмъ временемъ въ Кіевѣ:

тамъ все вело къ его дальнѣйшему упадку, съ тѣмъ вмѣстѣ и къ общему ослабленію южной Руси.

Оставленіе Кіева Ярославомъ Луцкимъ. Князь Луцкій *) Ярославъ Изяславичъ, удивившій Кіевлянъ съ самаго начала княженія взбалмошнымъ поступкомъ — сборомъ военнаго окупа даже съ иностранныхъ гостей, Латынянъ и прочихъ иновѣрцевъ—поразилъ всѣхъ напослѣдокъ еще болѣе, заключивъ свое кратковременное великое княженіе лихимъ отказомъ отъ здѣшняго престола. Двоюродные его братья, сыновья схимолюбиваго Ростислава, поманили его тогда Кіевомъ не какъ старшаго въ родѣ, а потому только, что самимъ пришлось круто отъ Андрѣя Боголюбскаго: теперь для Ярослава Изяславича это казалось очевидно. На его глазахъ они же, Ростиславичи, опять обратились къ Андрѣю съ просьбой возвратить Кіевъ ихъ старшему брату, уже сидѣвшему тутъ по его волѣ: а едва Андрѣева кончина огласилась на югѣ, самъ Романъ Ростиславичъ и поспѣшилъ сюда изъ Смоленска, ведя многочисленныя рати. Приднѣпровье на черниговской сторонѣ опустощалось тогда отъ раздора Ольговичей: все еще не прекратилась ихъ межеусобица изъ-за открывшагося Вщижскаго наслѣдства **). Вмѣшавшись въ эту черниговскую распрю, Романовы братья Давидъ и Рюрикъ и призвали его къ себѣ въ помощь. Смута осложнилась еще тѣмъ, что по зову воюющихъ Ольговичей подошли къ нимъ тогда Половцы и, по обыкновенію не столько помогая собственнымъ союзникамъ, какъ грабя и раззоряя области ихъ противниковъ, „*дикіе*“ разсыпались во всѣ стороны, грозя даже Кіевскимъ предѣламъ.

Въ такихъ обстоятельствахъ Ярославъ Изяславичъ бросилъ Кіевъ на произволъ судьбы и, послав укоръ двоюроднымъ братьямъ: „вы навели на меня Романа, не хочу оставаться въ Кіевѣ“, побѣжалъ въ свой Луцкъ. Такое пренебреженіе къ древней столицѣ со стороны ихъ старшаго родича смутило Ростиславичей: они послали воротить его съ дороги; умоляя не покидать спорнаго престола и подтверждая за нимъ обладаніе Кіевомъ, изъявляли

---

*) См. томъ I, стр. 392.

**) См. т. I, стр. 323, 324 и 392.

полную готовность довольствоваться прилегавшими областями. Но бѣглеца и слѣдъ простылъ въ Кіевскихъ владѣніяхъ: Ярославъ Изяславичъ, на весь остатокъ дней, захоронился у себя на Волынѣ.

Старшій сынъ Ростислава (схимолюбиваго) вторично на Кіевскомъ престолѣ. Романъ Ростиславичъ волей-неволей занялъ вторично престолъ Кіевскій и, прямо сказать, неохотно. Безъ того уже всѣ здѣшнія земли находились въ обладаніи его братьевъ, Рюрика и Давида: тщетный титулъ великаго князя не могъ быть лестнымъ для Романа. Къ тому же война съ черниговской стороны переступила уже за Днѣпръ къ Триполю въ Поросье: сюда именно устремилъ напослѣдокъ Черниговскій князь свою силу,—наведенные имъ Половцы страшили Романа за безопасность самого Кіева: битвы съ ними проигрывались *). Заволновались и замутились сами здѣшніе Черкасы: уже на ихъ преданность нельзя было положиться. Къ довер-

---

*) Въ лѣтописяхъ излагается, по обыкновенію, и эта война чуть не поденно. Подробно описываются опустошенія Лутавы и Моровійска, битва подъ Стародубомъ и Новгородомъ-сѣверскимъ. Въ войскѣ *Святослава Всеволодовича* поминаются: его *братъ* Ярославъ Всеволодовичъ (бывшій прежде княземъ въ Ропскѣ или Юропескѣ) и *сынъ* Олегъ Святославичъ, далѣе еще нѣкій Мстиславъ Владиміровичъ (по всей вѣроятности сынъ *«вертляваго»* Владиміра Мстиславича, безземельнаго князя), сидѣвшій тѣ дни въ Триполѣ. Противникомъ же Черниговскаго князя былъ тогдашній Новгородсѣверскій князь, *двоюродный братъ его, одноименный съ его сыномъ* — Олегъ Святославичъ (старшій наслѣдникъ Юрьева союзника) съ братьями своими: въ томъ числѣ герой *Слова о полку Игоревѣ*. Олегу сѣверскому (этому вдовцу отъ Юрьевой дочери и женатому второй разъ на дочери схимолюбиваго Ростислава) и помогали тогда шурья его: Рюрикъ и Давидъ Ростиславичи. Но онъ въ томъ же году, къ общей радости черниговскихъ князей, замирился съ двоюроднымъ братомъ,—вскорѣ послѣ того и скончался; впослѣдствіи Новгородсѣверскій престолъ и поступилъ его брату — герою «*Слова*». Когда война была перенесена въ Поросье, Половцы, призванные Ольговичами «къ великой ихъ радости», нанесли погромъ Романову войску (его братьямъ Рюрику и Давиду, и сыновьямъ его Ярополку и Борису) подъ *Растовцемъ*. Потерпѣвшіе пораженіе слагали вину въ томъ другъ на друга; но главнымъ образомъ неудача подъ *Растовцемъ* постигла ихъ оттого именно, что—вопреки ихъ ожиданію—Черкасы Триполя вовсе не были тогда преданы Роману, а передались Черниговскому князю. Въ этомъ Ростиславичи не переставали потомъ корить вышеупомянутаго

шенію всего, родной городъ Романа, гдѣ онъ оставилъ за себя княжить молодого сына (Ярополка), Смоленскъ предпочелъ, за мѣсто его молодчика, видѣть у себя княземъ брата Романова, прославленнаго Вышгородскою осадой, *храбраго* Мстислава. Все это не располагало Романа удерживать Кіевъ за собою: иное дѣло было сидѣть тутъ съ воли Андрѣя, и совсѣмъ другое дѣло держать Кіевъ за свой собственный страхъ, вопреки родовому старшинству самовольно.

Старшимъ изъ князей на всемъ югѣ приходился тогда уже самъ Черниговскій князь Святославъ Всеволодовичъ, этотъ „*сестричичъ*“ Мономаховичей по матери Мстиславнѣ и наслѣдникъ памятнаго Всеволода Ольговича, сидѣвшаго въ Кіевѣ тридцать лѣтъ тому назадъ, сравнительно говоря, еще въ цвѣтущую пору.

Уважая такое безспорное старшинство, кроткій Романъ не имѣлъ и въ мысли вступать въ раздоры съ Черниговскимъ княземъ. Повидимому и самъ Святославъ Всеволодовичъ щадилъ мягкосерднаго Романа, которому уже разъ и уступилъ первенство, когда Романа посадилъ въ Кіевѣ Андрѣй Боголюбскій. Прямой вражды не было между ними, не ожидалось и впереди. Тѣмъ не менѣе однако у всѣхъ было въ свѣжей памяти, что какъ только вокняжился въ Кіевѣ Ярославъ Луцкій, уже втупору Святославъ Всеволодовичъ требовалъ себѣ надѣла въ кіевскихъ владѣніяхъ, ссылаясь на старинные о томъ договоры и оставляя рѣчь въ сторонѣ: право ли еще или неправо Волынскій князь, мимо его, завладѣлъ Кіевомъ *). Обойденный вторично, теперь Святославъ Всеволодовичъ и вступился за свои нарушенныя права.

Впрочемъ, онъ объявилъ войну не Роману, а только его братьямъ: Рюрику и Давиду Ростиславичамъ, забравшимъ всѣ здѣшнія волости въ свои руки и надѣлавшимъ ему не

Мстислава Владиміровича, вспоминая даже многіе годы спустя: «*тотъ первые предалъ Триполь Ольговичамъ*»! Но всѣ подобныя происшествія и сами ихъ дѣятели, изъ которыхъ нѣкоторые не были въ точности извѣстны даже и современникамъ, не стоятъ и помину. Сколько бы мы ни перечисляли подробностей этого смутнаго промежутка,—тѣмъ не прибавили бы ему достопамятности, ни его дѣятелямъ—славы.

*) См. т. I, стр. 391.

мало вреда вмѣшательствомъ въ черниговскія распри. Выступивъ противъ нихъ и начавъ воевать правый берегъ Днѣпра, онъ послалъ даже извиниться передъ Кіевскимъ княземъ: „братъ Романъ! я не ищу подъ тобой ничего; но самъ знаешь—такой ужъ у насъ порядокъ: провинившійся бояринъ платится головою; а провинится князь — платится волостью. Отними же волости у неправаго Давыда: онъ виноватъ передо мною“. Черкасы, передавшіеся на сторону Святослава Всеволодовича, прислали ему сказать тѣмъ временемъ, что Романъ затворился въ Бѣлгородѣ, и звали въ Кіевъ. Не трудно было оставленную столицу захватить изгономъ, но Святославъ Всеволодовичъ и на этотъ разъ не думалъ въ ней утвердиться. У Ростиславичей сила была большая, а въ это самое время подоспѣлъ къ нимъ еще изъ Смоленска ихъ меньшой братъ, Мстиславъ Храбрый, и по своему обыкновенію рвался въ бой. Онъ радостно обнадеживалъ братьевъ, что завтра же повоюютъ они черниговскихъ зашельцевъ и погонятъ передъ собой наведенныхъ ими Половцевъ: война обѣщала быть лютою.

Отказъ Романа въ пользу Ольговичей. Вдругъ Романъ Ростиславичъ отказался отъ великаго княженья. Сдумавши на братскомъ совѣтѣ, тогда и всѣ сообща положили: отдать кіевскій престолъ Святославу Всеволодовичу, а всю землю подъ Кіевомъ удержать за собой Давиду съ Рюрикомъ. Выславъ сказать, что не ради чего иного, а только, чтобы не дать радости поганымъ видѣть ихъ братское кровопролитіе—они уступаютъ старѣйшинство Черниговскому князю и прекращаютъ войну: такъ и поступили. Романъ опять ушелъ въ родной Смоленскъ и княжилъ тамъ уже послѣ того не долго (уступивъ Кіевъ въ 1176-мъ году, умеръ черезъ три года на четвертый). Его кротость и мягкосердіе поминаютъ единогласно всѣ лѣтописцы, особенно же при описаніи его кончины, когда онъ, по выраженію одного изъ нихъ, *„приложился къ дѣдамъ и отцамъ своимъ, отдавъ общій долгъ, его же нѣсть убѣжати всякому рожденому“*. Вдова его княгиня не переставала плакать у его гроба: „Царь мой благій, кроткій, смиренный и правдивый! воистину наречено тебѣ имя Романъ: всею ты своей добродѣтелью ему подобенъ. Многія досады принялъ на своемъ вѣку

и не видѣла я, господинъ ты мой, чтобы воздалъ кому когда-нибудь зломъ за зло; а всегда во всемъ располагалъ на Бога".

Южно-русскіе князья, такимъ образомъ, предоставленные собственнымъ силамъ, а болѣе не руководимые Андрѣемъ съ сѣвера, Мономаховичи и Ольговичи сочлись между собой—и развелись миромъ. Всю землю подъ Кіевомъ и его старинныя области Мономаховичи удержали за собою, а самую столицу уступили Ольговичамъ. Хоть и не велика была честь для правнуковъ насильника-Святослава владѣть обездоленнымъ Кіевомъ — этою столицей безъ городовъ—однако Ольговичи тѣмъ удовлетворились: опять ихъ родъ возвеличился на Кіевскомъ престолѣ.

Святославъ Всеволодовичъ — Великій Князь Кіевскій. И, получивъ Кіевъ на старости лѣтъ, Святославъ Всеволодовичъ владѣлъ имъ ужъ до самой кончины: безпримѣрная рѣдкость въ тѣ дни. Чтобы князь, сѣвшій въ Кіевѣ, владѣлъ имъ безсмѣнно; чтобы соперники ни разу не выгнали его оттуда и могъ бы онъ даже умереть на Кіевскомъ княженіи, этого за весь дальнѣйшій промежутокъ времени болѣе не повторялось. Такая честь за это послѣднее время выпала на долю единственно Святославу Всеволодовичу и довольно уже одного этого, чтобы не смѣшать его съ другими, послѣдовавшими за нимъ, безпрестанно мѣнявшимися Кіевскими князьями *). Вообще это былъ по тому времени замѣчательнѣйшій князь.

Смолоду отличавшійся мудростью не по лѣтамъ, онъ, осиротѣвъ рано, тогда-же умѣлъ себя поставить въ безукоризненныя отношенія съ своими *родными* дядями и *двоюродными*, воевавшими другъ съ другомъ (съ одной стороны

---

*) Княживший послѣ него въ Кіевѣ Рюрикъ Ростиславичъ то и дѣло замѣщался другими: убѣгалъ самъ и былъ изгоняемъ изъ Кіева, и опять возвращался въ Кіевъ. Умеръ *княжа на Кіевскомъ престолѣ*, пожалуй и сынъ кроткаго Романа Смоленскаго; но то былъ скончавшійся еще въ молодыхъ лѣтахъ, павшій въ битвѣ съ татарами на рѣкѣ Калкѣ *Мстиславъ Романовичъ*—князь, только этимъ смертнымъ подвигомъ и стяжавшій славу; *княжить въ Кіевѣ* значило ужъ въ его время быть блюстителемъ города, и ничего больше. А послѣ него уже ни одинъ изъ державцевъ Кіева не удерживалъ его за собой по день смерти:

Игорь и Святославъ Ольговичи, а съ другой — Давыдовичи): никотораго изъ нихъ въ жизнь свою не обидѣлъ! Съ удивительною разборчивостью умѣлъ онъ держать себя и въ послѣдовавшихъ затѣмъ, еще болѣе осложнившихся междуусобіяхъ. Колеблясь между искреннимъ расположеніемъ къ дядѣ чтимому за отца, къ родному Святославу Ольговичу (тогда уже вѣрному *Юрьеву союзнику*) и въ то же время къ ласковымъ до него наслѣдникамъ Мстислава-великаго (которые съ Юрьемъ воевали, а его звали „сестричичемъ“ своимъ), онъ и тутъ не положилъ на себя укора. Также и въ зрѣлую пору мужества, когда изъ Новгорода-сѣверскаго достигъ по лѣствичному восхожденію Чернигова, не переставалъ онъ — при всегдашнемъ сердоболіи къ родному *„Олегову гнѣзду“* — быть ласковъ и къ Мономаховичамъ. Михалко и Всеволодко, (кромѣ того, изгои Мстиславъ и Ярополкъ, сироты старшаго сына Долгорукаго, Ростислава Юрьевича) всегда находили пріютъ въ его владѣніяхъ *). Даже съ такими врагами изъ Мономаховичей, какими пришлись ему Давидъ и Рюрикъ, сыновья схимолюбиваго Ростислава, умѣлъ онъ напослѣдокъ ужиться миромъ. Державствуя въ Кіевѣ и окруженный со

родной сынъ Святослава Всеволодовича *Всеволодъ Чермный* и разные его совмѣстники изъ Мономаховичей—всѣ тутъ замѣщали одинъ другого, изгоняя другъ друга и не давъ никому усидѣть по день смерти. Напослѣдокъ, при взятіи Кіева татарами, никто даже не умѣлъ опредѣлить въ точности: кто изъ трехъ-четырехъ тогдашнихъ совмѣстниковъ, кто именно владѣлъ Кіевомъ? Кіевъ стоялъ безъ князя.—Могутъ сказать, что самъ Святославъ Всеволодовичъ уже два раза сидѣлъ въ Кіевѣ, прежде чѣмъ утвердиться въ немъ окончательно; но невѣрно будетъ такъ сказать: оба раза захватилъ онъ «изъѣздомъ» Кіевъ лишь для военныхъ цѣлей, а водворяться въ немъ не думалъ. Возразятъ еще, пожалуй, что и дальнѣйшее его владѣніе Кіевомъ было нарушено вторженіемъ Рюрика Ростиславича: напрасно было бы и это возраженье. Рюрикъ Ростиславичъ—этотъ, можно-бы сказать, перемежающійся Кіевскій князь—дѣйствительно, вступилъ въ Кіевъ, когда Святославъ Всеволодовичъ предпринялъ дальній походъ на сѣверъ; но сейчасъ же и вышелъ изъ Кіева, едва заслышалъ о возвращеніи Святослава Всеволодовича, этого настоящаго и всѣми тогда признаннаго Кіевскаго державца. Такимъ образомъ, вѣрно и правильно будетъ про него сказать что, получивъ съ общаго совѣта Кіевъ подъ свою державу, онъ и держалъ его честно и грозно по день смерти.

*) См. т. I, стр. 336.

всѣхъ сторонъ до тѣсноты ихъ здѣшними владѣніями, онъ не только дѣлилъ съ ними на старости лѣтъ хлѣбъ-соль и дружбу, но вступилъ еще въ родство, оженивъ одного изъ сыновей на Рюриковнѣ; тогда же раздѣлялъ со сватами и главную честь и славу южно-русскихъ князей: походы въ степь Половецкую. Это его именно величаетъ „Святославомъ Грознымъ Великимъ Кіевскимъ“, пѣвецъ *Слова о полку Игоревѣ*, объ немъ говоритъ: „Онъ наступилъ на землю Половецкую! притопталъ холмы и овраги! помутилъ рѣки и озера! изсушилъ потоки и болота. А того поганаго Кобяка — изъ среды его великихъ желѣзныхъ полковъ Половецкихъ—будто вихремъ вырвало изъ Лукоморья!.. и палъ-очутился Кобякъ въ Кіевѣ, въ гридницѣ у Святослава. За то Нѣмцы и Венеціане, за то Греки и Морава—поютъ славу Святославову“. Безспорно, это былъ лучшій князь своего времени—на всемъ югѣ. Можно бы сказать, въ цѣломъ Олеговомъ племени это былъ самый видный и *доблій южно-русскій* князь.

Но не про южную Русь можно было сказать тогда, что слава ея—еще впереди. Грядущія судьбы русскаго народа предуказывалъ тогда уже сѣверъ, а не югъ.

Смута по смерти Андрѣя Боголюбскаго въ Суздале-Ростовскомъ краѣ.

Крамола въ Суздалѣ и Ростовѣ. Сейчасъ по убіеніи Андрѣя всѣ потаковники заговорщиковъ, будто сговорясь между собою, стали плодить на вѣчахъ Суздаля и Ростова одни и тѣ же рѣчи. „Что жъ теперь съ этимъ дѣлать, что князь нашъ убитъ? Намъ-то не остаться бы безгосударнымъ! Кого призвать на его мѣсто—вотъ о чемъ толковать надо. По сосѣдству съ нами Рязань; бѣда будетъ, если теперь муромскіе да рязанскіе князья, по нынѣшнему нашему безвременью, поднимутся на насъ войною. А лучше намъ оттуда, съ Рязани, и просить себѣ князя. Великій князь Рязанскій къ тому-же нашимъ сродни: женатъ на внучкѣ Долгорукаго: на дочери старшаго его сына Ростислава Юрьевича. Оба его сына, Мстиславъ да Ярополкъ Ростиславичи, доводятся шурьями Рязанскаго князя. Къ нему, къ князю Глѣбу, и надо теперь послать на Рязань:

его и будемъ просить, чтобы отпустилъ къ намъ шурьевъ своихъ, обоихъ Ростиславичей *). А другихъ намъ никого не надобно".

Съ такими рѣчами бояре прислали своихъ людей во Владиміръ объявить приверженцамъ Андрѣя: „васъ не много; лучше и не противьтесь тому, на чемъ сдумаютъ старинные города Ростовъ да Суздаль; вы—нашъ пригородъ и должны подчиниться. А если захотите стоять на своемъ, какъ повелось при убитомъ князѣ, знать бы вамъ напередъ: мы ни передъ чѣмъ не остановимся, готовы противъ васъ итти даже войною". Скоро боярскія дружины—и изъ Суздаля, и изъ Ростова, и изъ Переяславля—для поддержки такого предложенія наводнили собою цѣлый Владиміръ.

Мизинные люди Владимірцы — какъ сами себя они называли—и голоса не подавали на боярскомъ вѣчѣ. Въ первый же день по убіеніи Андрѣя они дали тогда во всеуслышаніе свой отвѣтъ заговорщикамъ: *„которые съ вами, тъ намъ не надобны"*; но попробовалъ бы кто изъ нихъ возразить теперь противъ ихъ боярскаго рѣшенія—не дали бы и рта разинуть. На эти случаи у *„гордыхъ высьниковъ обидящихъ меньшихъ и работѧщихъ сиротъ"*, отвѣтъ былъ всегда готовъ и напередъ всѣмъ извѣстенъ: „вы, дескать, Владимірцы—наши холопы! молъ, въ Новгородѣ и въ Кіевѣ, и у Смолянъ, и во всѣхъ областяхъ обычай искони: на вѣчѣ, какъ на думу, сходятся—и на чемъ старѣйшіе положатъ, на томъ и пригороды станутъ: здѣсь же старые города Ростовъ да Суздаль, а Владиміръ нашъ пригородъ".

Боярамъ, очевидно, хотѣлось такихъ князей, которыхъ бы легко было и забрать въ боярскія руки! которые бы не только не мстили за кровь Андрѣя, а были бы еще извѣстны за прямыхъ его недоброжелателей. Отстраняя старшую братью Андрѣя (Михалка да Всеволодка), бояре и зовутъ Андрѣевыхъ племянниковъ, сиротъ рано умершаго Юрьева сына Ростислава,—двухъ изгоевъ, съ малолѣтства отрѣшенныхъ отъ наслѣдства еще самимъ Юріемъ. Какъ изгои, призванные мимо старшихъ князей, братьевъ Андрѣя, они и будутъ всѣмъ обязаны призвавшему ихъ боярству; а какъ свояки рязанскимъ злодѣямъ, какъ шурья та-

*) См. т. I, стр. 362.

мошнему Глѣбу, разумѣется, и за кровь Андрѣя отместниками не будутъ. На Рязани по кончинѣ Андрѣя радость была всеобщая: самый заговоръ шелъ оттуда! опять кто жъ того не знаетъ—на вѣчахъ въ Суздалѣ да въ Ростовѣ рязанцы-же всею сходкой заправляли! всѣмъ вѣдомо: два рязанскихъ боярина, Борисъ и Дѣдилецъ, и улещали всѣхъ тогда, чтобы никого не хотѣть другихъ, а непремѣнно избрать шурьевъ Глѣбовыхъ.

Такъ думали про себя и между собой Владимірцы, а на сходкахъ голоса не подавали. О чемъ было и толковать въ самомъ дѣлѣ, когда еще въ Суздалѣ да въ Ростовѣ ужъ все было напередъ рѣшено между боярами?

Князья, призванные въ Ростовъ боярами. Рязанскій князь Глѣбъ, когда къ нему пріѣхали просить шурьевъ на княженіе, не зналъ мѣры своей радости на такой чести. Онъ присоединилъ къ посланнымъ еще пословъ и отъ себя и отправилъ ихъ въ Черниговъ, гдѣ находились тогда изгои Ростиславичи; обѣщалъ кромѣ того привести муромскіе и рязанскіе полки въ помощь ихъ дѣлу. Посланные отправились въ Черниговъ къ тамошнему князю Святославу Всеволодовичу; но украшенный тогда ужъ *серебряною сѣдиною*, Святославъ Всеволодовичъ смѣтилъ недоброе въ подозрительномъ посольствѣ. Послы хвалились Ростиславичамъ: „васъ зовутъ всею землею; вашъ отецъ Ростиславъ былъ добръ до насъ, всею землей и приговорили: никого не хотѣть, кромѣ васъ однихъ“,—а между тѣмъ народнаго-то голоса и не слыхать было въ льстивомъ посольствѣ. Кромѣ Ростиславичей, были тогда на лицо въ Черниговѣ ихъ дяди: Михалко и Всеволодко, братья Андрѣя Боголюбскаго. Старый Святославъ Всеволодовичъ, всѣхъ ихъ общій покровитель, настоялъ на томъ, чтобы они отправились всѣ четверомъ: на его глазахъ и при здѣшнемъ епископѣ, дяди и племяники утвердились между собой крестнымъ цѣлованіемъ, что будутъ почитать старшимъ Михаила Юрьевича: такъ оно и было въ дѣйствительности, а за нимъ слѣдовалъ его родной братъ Всеволодъ. Вчетверомъ и отправились добывать наслѣдіе Андрѣя Боголюбскаго.

Вѣсть о томъ озлобила бояръ Суздаля и Ростова: Михаила съ братомъ Всеволодомъ бояре не желали. Путники, по

дорогѣ изъ Вятичей находились еще въ московскихъ мѣстахъ; сюда отъ бояръ было прислано распоряженіе, чтобы Михаилъ (съ братомъ Всеволодомъ) тутъ и остановился: далѣе *Кучкова селенья*—какъ еще тогда обозначался здѣшній городъ—не продолжалъ пути. Но Михаилъ ослушался боярскаго приказа и наспѣхъ пошелъ къ столицѣ Боголюбскаго: въ самый Владиміръ. Здѣшніе обыватели обрадовались его приходу и затворились съ нимъ въ осаду.

Ко Владиміру между тѣмъ приближались не только Суздальцы и Ростовцы—во главѣ съ обоими призванными Ростиславичами, но успѣлъ уже придти и самъ рязанскій князь Глѣбъ съ муромскими и рязанскими полками. Ко Владиміру же, на защиту своего города, спѣшила въ это время дружина, состоявшая изъ самихъ Владимірцевъ—полторы тысячи человѣкъ: бояре повернули и ихъ противъ осажденныхъ. Въ теченіи семи недѣль осажденные не сдавались; и напослѣдокъ началъ ихъ одолѣвать голодъ и моръ: въ городѣ распространились болѣзни. Народъ съ горемъ говорилъ Михаилу, что волей-неволей приходится сдаться и совѣтовалъ мириться. Но Михаилъ отвѣтилъ: „въ самомъ дѣлѣ, не пропадать же вамъ изъ-за меня“ и оставилъ городъ: съ братомъ Всеволодомъ опять они ушли вдвоемъ къ своему покровителю черниговскому князю. А Владимірцы, *„проводивъ Михалка съ плачемъ великимъ“* взяли съ осаждающихъ слово, что не сдѣлаютъ имъ вреда и отворили городъ.

Мстиславъ и Ярополкъ выслушали при сдачѣ Владиміра такую мірскую жалобу отъ народа „не противъ васъ бились мы изъ своего города, а не хотимъ покоряться Ростовцамъ; они хвалились надъ нами: пожжемъ васъ да и посадимъ къ вамъ своего посадника: вы—холопы наши, плотники да каменщики“. Изгои Ростиславичи, обѣщая миръ и любовь, дали въ томъ присягу Владимірцамъ и были честно приняты всѣмъ здѣшнимъ населеніемъ съ крестами и иконами. Но союзное ихъ войско надѣлало много вреда; всѣ села вокругъ города были тогда пожжены и повоеваны рязанскими полками. Неутѣшительные начались порядки и въ самомъ Владимірѣ.

Князья, обязанные своимъ призваніемъ ростовскимъ боярамъ, начали и управлять на всей ихъ волѣ: разослали ихъ посадничать по городамъ; дали великую власть и младшимъ

своимъ дружинникамъ; сами мало даже и входили въ дѣла. А бояре, по обыкновенію, увѣщевали ихъ только *на многое имѣнье*; пошли обиды всему народонаселенію: боярское скорое разбогатѣнье, утѣсненіе возраставшими поборами и продажами на судѣ. Мало этого: въ число условій, на которыхъ были призваны Ростиславичи, входило еще лишеніе Владиміра его первенства. Князья, въ угоду бояръ, отняли у здѣшняго стольнаго города всю его славу, перенесли главный столъ опять въ Ростовъ и возвеличили Суздаль надъ Владиміромъ. Села и вотчины, которыя Андрѣй приписалъ ко Владимірскому десятинному собору, они отобрали у церкви; захватили изъ нея драгоцѣнныя каменья, золото и серебро, сняли даже иконы,—тогда же часть сокровищъ передали въ Рязань. Не пощадили и главной здѣшней святыни: Владимірская икона Богоматери и Боголюбовская не избѣгли вражескаго хищенья; хищники дорожили собственно золотомъ и драгоцѣнными каменьями, составлявшими несмѣтное богатство на окладѣ этихъ иконъ; но одна изъ нихъ, какъ говорили, прямо была захвачена въ плѣнъ рязанскимъ Глѣбомъ въ числѣ прочей военной добычи; онъ-же забралъ церковныя паникадила и церковныя книги изъ здѣшнихъ храмовъ; у него же очутилось и завѣтное сокровище, хранившееся въ роду Мономаха: мечъ святаго Бориса—тотъ самый, котораго не нашелъ возлѣ себя Боголюбскій передъ своею кончиной.

Владимірцы не переставали обращаться въ Ростовъ и Суздаль съ жалобами на свои вопіющія обиды; тамъ, на словахъ лицемѣрили съ ними, выказывали мнимое участіе и обѣщали содѣйствіе, а на самомъ дѣлѣ смѣялись надъ ихъ жалобами и оставляли ихъ безъ послѣдствій. Не вытерпѣли наконецъ Владимірцы. „Что жъ это такое?—громко заговорили они въ свою очередь у себя во Владимірѣ на собственномъ городскомъ вѣчѣ,—мы доброй волею приняли этихъ князей заодно съ Суздалемъ и Ростовомъ; а они грабятъ нашу землю, какъ чужіе зашельцы. Видимое дѣло: и не считаютъ насъ за свою прирожденную волость“. И единогласно согласились на томъ, чтобы, возложивъ упованіе на Заступницу Владимірскую Богоматерь—призвать на княженіе прямыхъ наслѣдниковъ Андрѣя, его братьевъ родныхъ Михаила и Всеволода, послѣдне-уцѣлѣвшихъ сыновей Юрія Долгорукаго. Такъ было постановлено всѣмъ міромъ.

Двоевластіе Михаила и Всеволода Юрьевичей. По приглашенію Владимірцевъ, Михаилъ съ братомъ Всеволодомъ вторично пошли отыскивать своихъ правъ на родинѣ. Старый ихъ покровитель отпустилъ съ ними полкъ для охраны и далъ имъ своего сына (Владиміра Святославича). Этотъ молодой черниговскій князь провелъ ихъ своими владѣніями черезъ всю страну Вятичей, до самой Оки. Тутъ на ея правомъ берегу, противъ Серпухова находилось черниговское мѣстечко Свина, а ниже Свины, на правомъ же черниговскомъ берегу Оки стоялъ городокъ Тѣшиловъ, а еще ниже другой черниговскій городокъ Лопасня. Противуположная сторона за Окой была уже московская: отсюда было рукой подать и до «Кучькова селенья», какъ еще и въ ту пору звалась Москва. Въ Свинѣ путники задержались: вдругъ разболѣлся Михалко—и такъ жестоко, что едва остался живъ: отсюда его несли до самой Москвы на носилкахъ. Въ „Кучьковомъ селеньи“ нетерпѣливо ожидало князей посольство, высланное къ нимъ на встрѣчу изъ Владиміра. Посланные подтвердили волю всей земли: „идите къ намъ княжить; если же Суздальцы и Ростовцы пойдутъ противъ насъ войною, пусть самъ Богъ насъ разсудитъ съ ними и Заступница Богородица: всѣ мы за васъ поголовно“. Михалко уже не могъ оправиться отъ постигнувшей его болѣзни, отъ нея черезъ короткое время и умеръ. Такимъ образомъ, хотя какъ старшій изъ двухъ братьевъ, и поминается онъ именно на первомъ мѣстѣ, но уже нераздѣльно съ нимъ и даже главнымъ дѣйствующимъ лицомъ выступаетъ Всеволодъ Юрьевичъ.

Бояре Суздаля и Ростова, узнавъ о замыслѣ Владимірцевъ, готовились къ борьбѣ не на животъ а на смерть. Ярополкъ Ростиславичъ высланъ былъ напередъ къ Москвѣ съ тѣмъ, чтобы не допустить Андрѣевыхъ братьевъ завладѣть Владиміромъ. Но противники разошлись другъ съ другомъ тогдашними, дремучими въ здѣшнихъ мѣстахъ, необъятными лѣсами: тѣ ко Владиміру, а Ярополкъ къ Москвѣ. Отсюда онъ наспѣхъ послалъ гонца увѣдомить брата о болѣзни Михалка: „его несутъ на носилкахъ, дружины съ нимъ мало: я по немъ иду, вслѣдъ за его дружиною; а ты, братецъ, выйдь навстрѣчу и загороди имъ входъ во Владиміръ“. Какъ только Мстиславъ передалъ эту вѣсть своей дружинѣ, всѣ *погнали вборзѣ яко на заяцъ.*

Всеволодъ и Михалко между тѣмъ уже завидѣли свою столицу: до Владиміра имъ оставалось всего пять верстъ. Вдругъ прямо противъ нихъ, блистая сверху здѣшняго плоскогорья какъ бы ледяная лавина, показались полки, ведомые Мстиславомъ, съ распущенными знаменами и уже облаченные въ брони. Всеволодъ и Михалко и молодой черниговскій князь стали на мѣстѣ, чтобы изготовиться къ отпору, а тѣ кинулись на нихъ съ такимъ крикомъ *яко пожрети хотяще*. Что же случилось? Воины изъ простыхъ Суздальцевъ и Ростовцевъ, находившіеся въ войскѣ Мстислава смѣшались со своими земляками-владимірцами и не стали драться: бились тутъ одни только боярскія дружины, а простыхъ воиновъ нельзя было уже и отличить однихъ съ другими. „Не было никакого знаменья положено между ими и нами“ — такъ могли оправдываться потомъ сѣрые воины передъ укорявшими ихъ суздальскими и ростовскими боярами, — „всѣ и смѣшались одни съ другими“. А народъ приписалъ это чудо заступленію Богородицы. „Явное чудо“! — утверждали единогласно — „Мстиславовы полки, не дошедши до Михалковыхъ, побросали знамена и разбѣжались, гонимые страхомъ“. Обоимъ Ростиславичамъ съ ихъ боярами и въ самомъ дѣлѣ оставалось только одно: бѣжать со срамомъ, проигравъ битву, которая даже и не возгорѣлась; противники набрали тогда между ними еще довольно и плѣнныхъ. Михалко и Всеволодъ торжественно праздновали свою побѣду; весь народъ вышелъ къ нимъ навстрѣчу изъ города съ духовенствомъ, съ крестами и иконами. Князья сошли съ коней, чтобы приложиться къ образамъ, и уже пѣшіе въ окруженіи всенароднаго множества вошли въ ликовавшую столицу. Это случилось въ самый разгаръ лѣта (15-го іюня 1176-го года) достопамятный день для Владимірцевъ, праздновавшихъ какъ свѣтлый праздникъ возвращеніе своихъ „прирожденныхъ князей“ на престолъ *отнинъ и дѣдинъ*.

Первымъ дѣломъ у себя въ столицѣ Михаилъ и Всеволодъ распорядились тѣмъ, чтобы возвратить здѣшнему десятинному собору приписаннные къ нему города и села, отнятые у него бывшими князьями. И радость великая была на всемъ народѣ; не переставали Владимірцы благодарить Всемилостиваго Спаса и Пречистую Его Матерь *„скорую*

помощницу граду своему“. Не умолкали восторженные клики по всему городу: „это Она заступилась за людей своихъ, укрѣпила ихъ надеждою, не допустила смутиться страхомъ и избавила отъ великихъ бѣдъ. Не убоялись владимірцы сильныхъ властниковъ: прещеніе бояръ ни во что вмѣнили! семь недѣль оставались безгосударны, возложивъ упованіе на Бога и на свою правду. Не добро было боярамъ старшихъ городовъ слушаться злыхъ людей да развратниковъ: не хотѣли они по Божьей правдѣ поступить, а захотѣли свою правду поставить! хвалились: Суздаль да Ростовъ дескать старше! Владиміръ нашъ пригородъ! плотники да каменщики—холопы вы наши; какъ намъ любо такъ съ вами и сотворимъ. Такъ самъ Богъ не допустилъ обидѣть мизинныхъ людей: Онъ и прославилъ теперь Владимірцевъ на всю землю за ихъ правду“.

О князьяхъ-изгояхъ больше не было и помину: Мстиславъ бѣжалъ въ Новгородъ, гдѣ одинъ разъ уже княжилъ кратковременно, а Ярополкъ укрылся на Рязанѣ. Второпяхъ они бросили на произволъ судьбы и свои семьи: ихъ жены и престарѣлая мать пришли просить пріюта у Владимірцевъ.

Къ излюбленнымъ Всеволоду и Михаилу вскорѣ прибыли народные-же послы еще изъ Суздаля и изъ Ростова: просилось и тамошнее народонаселеніе подъ ихъ державу. „Мы, княже, на полку съ Мстиславомъ не были, были съ нимъ одни бояре“, оправдывались послы передъ братьями Андрѣя Боголюбскаго, „на насъ сердца не держите, пріѣзжайте въ свою вотчину“. По такому зову Михаилъ и Всеволодъ пошли въ Суздаль, а оттуда въ Ростовъ,—и дѣйствительно въ обоихъ городахъ были приняты съ великою честью и многими дарами. Старшій изъ братьевъ Михаилъ — какъ въ самомъ Владимірѣ, такъ и въ Суздалѣ и въ Ростовѣ— вездѣ утвердился съ народомъ крестнымъ цѣлованіемъ, брату же своему уступилъ славный здѣшній городъ Переяславль-Залѣсскій съ прилегавшею къ нему областью; впрочемъ, всѣ дѣла продолжали они вести вдвоемъ и можно бы сказать: властвовали оба.

Умиротворивъ въ короткое время всю страну, рѣшились они тѣмъ же лѣтомъ наказать и рязанскаго князя Глѣба: пошли противъ него походомъ на Коломну; но вѣролом-

ный князь, испуганный ихъ торжествомъ и неимовѣрнымъ успѣхомъ, склонилъ тогда передъ ними повинную голову. Онъ выслалъ къ нимъ тотъ разъ мирное посольство, встрѣченное ими въ нынѣшнихъ Бронницкихъ мѣстахъ,—и рязанскіе послы передали повиновеніе Глѣба въ такихъ словахъ: „кланяюсь, во всемъ виноватъ! что было черезъ Мстислава и Ярополка, шурьевъ моихъ, захвачено мною изъ Владимірской церкви отъ святой Богородицы, все ворочу, и до золотника". Дѣйствительно, онъ прислалъ назадъ не только такія сокровища, какъ драгоцѣнные каменья, золото и серебро: но и безъ окладовъ захваченныя иконы, и церковныя книги; возвращенъ былъ и мечъ святаго Бориса. На этомъ ему дали миръ и братья возвратились во Владиміръ.

Власть ихъ казалась уже такъ прочна и настолько они освоились на своемъ княженьи, что изъ Чернигова Святославъ Всеволодовичъ прислалъ тогда и обѣихъ ихъ княгинь къ нимъ на новоселье. Проводить ихъ онъ отправилъ своего младшаго сына Олега Святославича Лопасенскаго, который и довезъ княгинь до самой Москвы. Отсюда онъ долженъ былъ поспѣшить въ свою Лопасенскую волость *) гдѣ настигнулъ рязанскую дружину, высланную противъ него Глѣбомъ, и удачно отразилъ этихъ враговъ—тогда общихъ у Чернигова съ Владимірцами. Вскорѣ послѣ того Михалко и скончался отъ своей болѣзни. Быть ли не быть ли Всеволоду единодержавнымъ на владимірскомъ княженіи? изъ-за этого вопроса началась новая продолжительная смута.

Борьба народа за единодержавіе во Владимірѣ. По смерти Михаила Владимірцы торжественно признали своимъ кня-

---

*) Удѣльные городки Олега Святославича, Лопасня и Тѣшиловъ стояли на правомъ берегу Оки (тогда Чернигово-рязанскомъ, нынѣ Тульскомъ), а именно: Тѣшиловъ въ 12-ти верстахъ отъ города Серпухова, Лопасня же въ 27-ми верстахъ отъ Серпухова противъ впаденія въ Оку рѣчки Лопасни. Нынѣ они составляютъ селенія: *Спасъ-Тѣшиловъ* и *Городищи*: въ обоихъ цѣлы остатки старинныхъ валовъ и нѣкоторые другіе слѣды древности. Тѣшиловъ заодно съ Москвою поминается въ лѣтописи первый разъ подъ 1147-мъ годомъ, когда вѣрный союзникъ Юрія Долгорукаго Святославъ Ольговичъ шелъ этимъ путемъ изъ Вятичей къ нему на свиданье въ Москву. Свина—тогда Черниговское же мѣстечко—нынѣ такъ называемая „Свинская станція", на правомъ же берегу Оки противъ Серпуховскихъ мѣстъ.

земъ Всеволода Юрьевича, и когда нареченный великій князь по обычаю утверждался съ народомъ, ему цѣловали крестъ *„и на дѣтяхъ его“*. Случились тогда въ столицѣ многіе Суздальцы, также и они приняли участіе въ присягѣ; кромѣ того, присягнули всѣ Переяславцы; народный голосъ былъ всеобщій: „никого не хотѣть, кромѣ Всеволода“, единственнаго послѣдне-уцѣлѣвшаго сына Юрья Долгорукаго, брата и прямого наслѣдника скончавшагося Михаила. Но, схоронивъ брата, Всеволоду пришлось немедленно-же войною защищать принятое отъ него наслѣдство. Бояре Суздаля и Ростова воспользовались кончиной Михаила для новой смуты. Они настаивали на томъ, что при крестномъ цѣлованіи покойному князю ничего не упоминалось о Всеволодѣ и никто не обязывался почитать его наслѣдникомъ: поэтому его вступленіе на престолъ беззаконно. Крамольники опять обратились къ изгою Мстиславу Ростиславичу; ободряя его вѣстями о кончинѣ Михалка и своимъ отказомъ цѣловать крестъ брату покойнаго, подтверждали ему: „иди къ намъ, кромѣ тебя, не хотимъ другого князя“. Онъ для нихъ оставилъ Новгородъ, гдѣ отъ такого поступка всѣ пришли въ негодованье: *„ударилъ въ Новгородъ пятою“*, говорили про него Новгородцы.

Такъ какъ, утверждаясь съ народомъ во Владимірѣ, Всеволодъ принялъ присягу и отъ многихъ Суздальцевъ—случившихся тогда въ столицѣ—онъ почиталъ ихъ городъ вѣрнымъ себѣ заодно съ самимъ Переяславлемъ: къ Суздалю и повелъ онъ свои войска, заслышавъ о новыхъ козняхъ Ростиславичей. Народъ жаловался тогда на *„благосердіе“* Великаго Князя, ставя ему въ вину уклончивое обращеніе и заискивающую обходительность съ бунтовщиками. Онъ послалъ сказать любимцу крамольныхъ бояръ, своему племяннику: „меня призвали къ себѣ и крестъ мнѣ цѣловали Владимірцы и Переяславцы, а тебя призвалъ Ростовъ-великій—старѣйшая дружина. Пусть такъ и будетъ; пусть за мной останется Владимірская область съ Переяславлемъ, а ты сиди у призвавшей тебя старѣйшей дружины въ Ростовѣ. Суздаль же ни мнѣ, ни тебѣ: да будетъ общимъ, — кого сами Суздальцы захотятъ, тотъ изъ насъ пусть тамъ и княжитъ“.

Изгой Ростиславичъ былъ не прочъ отъ [illegible] согла-

Центральное книгохранилище Моск. Обл. Б-ки

шенья; но призвавшіе его бояре не хотѣли о томъ и слышать. „Знай, княже“ отвѣтила ему боярщина, „еслибъ ты и захотѣлъ мириться со своимъ дядей, мы на то не согласны; мы тебя до того не допустимъ“. Повинуясь своимъ совѣтчикамъ (такимъ напримѣръ, какъ Добрыня Долгій, да Иванько Стефановичъ, да Матьяшъ Бутовичъ и имъ подобные) Мстиславъ Ростиславичъ вторгнулся внутрь Владимірскихъ владѣній и изъ-подъ Юрьева прислалъ не то отвѣтъ, не то требованіе Всеволоду, чтобы онъ самъ пришелъ къ нему, дядя къ племяннику, для личныхъ переговоровъ. Всеволодъ готовъ былъ исполнить даже и это; но когда о томъ узнали въ его полкахъ, негодованіе было всеобщее. Ему говорили: „князь! и думать не моги идти въ станъ ихъ вражій! ты добра хотѣлъ своему племяннику а онъ явно твоей головы ищетъ; только они тебя изловятъ—кто-жъ намъ тогда, и женамъ и дѣтямъ нашимъ, кто всѣмъ намъ защитникъ будетъ? Изъ-за твоего благосердія всѣмъ намъ пропадать что ли? Еще по твоемъ покойномъ братѣ девяти дёнъ не прошло; племянникъ по своемъ дядѣ и девятинъ не далъ тебѣ справить, а ужъ на кровопролитіе готовъ. Всѣ они клятвопреступники, не вѣрь имъ“.

И у Всеволода былъ бой съ Мстиславомъ Ростиславичемъ подъ самымъ Юрьевомъ.

Бояре и вся ихъ дружина Ростовская дрались ожесточенно, падали раненые и валились мертвые во множествѣ съ обѣихъ сторонъ; долго не унималось упорное кровопролитье. Но здѣшніе Переяславцы *„рвущись изо всѣхъ силъ“*, смяли наконецъ и попятили правое крыло въ войскѣ Мстислава Ростиславича; тогда и Владимірцы приложили къ чести честь, да помогли еще сами Суздальцы: ибо и полкъ суздальцевъ пришелъ тогда на помощь Всеволоду. Изгой Мстиславъ Ростиславичъ былъ разбитъ на-голову; и „побѣжалъ въ малѣ“; не многимъ изъ его доброхотовъ удалось спастися. Двое бояръ ростовскихъ, самые главные совѣтчики Ростиславича, Добрыня Долгій да Иванько Стефановичъ, пали въ бою *„со многими другими“*, прочіе взяты въ плѣнъ и были перевязаны. Побѣдители, кромѣ того что захватили въ плѣнъ по дорогѣ къ Ростову множество бояръ и ихъ дружинниковъ, забирали еще боярскія села; уводили весь скотъ, рогъ и копыто, и ополонились всякимъ имуществомъ:

„села же боярскія вся пограбиша, яко ничему же въ нихъ остати“.

Мстиславъ Ростиславичъ не остался въ Ростовѣ, а прибѣжалъ опять въ Новгородъ; но оттуда его проводили, велѣвъ еще захватить съ собой и сына, котораго онъ было оставилъ за себя, отправляясь воевать съ дядей. „Богъ тебя разсудилъ съ нимъ, съ твоимъ дядей“, сказали ему новгородцы на прощаньи, „а мы себѣ князя добудемъ“. Бѣглецъ кинулся въ Рязань за помощью: Глѣбъ рязанскій опять вступился за шурьевъ своихъ. Пройдя черниговскимъ берегомъ Оки (на Лопасню и на Тѣшиловъ) и вторгнувшись на ея противуположной сторонѣ въ беззащитную окраину тамошнихъ Владимірскихъ владѣній, Глѣбъ всю ту осень безнаказано жегъ и грабилъ села вкругъ Москвы, сжегъ и самое „Кучьково селенье“. Это заставило Всеволода отступить отъ Ростова; онъ удовольствовался только тѣмъ, что захватилъ въ плѣнъ еще нѣкоторыхъ изъ противившихся ему тамошнихъ бояръ, отобравъ на себя ихъ села и имѣнье,—и спѣшилъ отразить вторженіе Глѣба, готовясь внести войну въ его собственные предѣлы.

Но Рязанцы, послѣ того какъ сожгли Москву, ушли восвояси; а походъ на самую ихъ столицу, уже предположенный въ умѣ Всеволода, онъ отсрочилъ до сбора въ *плотной силѣ*—въ ожиданіи прибытія союзниковъ. Съ одной стороны, къ нему обѣщали придти для этого похода, даже сами вызвались на это—Новгородцы, приславшіе сказать, чтобы онъ безъ нихъ не ходилъ, а сождался бы съ ними; кромѣ того должна была придти помощь и изъ южной Руси. Изъ Новгорода, впрочемъ, просилась къ нему тогда лишь *гулящая молодь*, такъ называемые повольники,—именно „Милонѣжкова чадь“; важнѣе на этотъ разъ была помощь съ юга. Оттуда вскорѣ Святославъ Всеволодовичъ прислалъ къ нему двухъ сыновей: опять Олега и Владиміра Святославичей съ черниговскими ратями; пришелъ къ нему еще изъ южнаго Переяславля, съ береговъ Альты, родной племянникъ, одинъ изъ „удалыхъ сыновей Глѣбовыхъ“ съ тамошнею Переяславскою дружиной (сынъ Всеволодова покойнаго брата Глѣба Юрьевича). Съ такими соединенными силами, гдѣ, соревнуя другъ другу, особенно отличались дружины обоихъ Переяславлей и полки Владимірскій съ

Суздальскимъ, въ ту же зиму Всеволодъ и выступилъ противъ непокорной Рязани походомъ на Коломну.

Покореніе Всеволодомъ Рязанскаго князя Глѣба. Московская область въ ту пору начала уже обозначаться весьма виднымъ владѣніемъ въ общемъ составѣ Владимірскихъ земель; по московскому-же владѣнію не было тогда для Владиміра и болѣе важнаго города на всемъ рязанскомъ пограничьѣ, какъ Коломна: находясь на Москвѣ-рѣкѣ при ея впаденьи въ Оку, она замыкала Московскую область. На этотъ именно городъ и шли обыкновенно владимірскіе князья, воюя съ Рязанью: въ Коломнѣ же расположился станомъ и Всеволодъ.

Но къ нимъ вдругъ пришла громовая вѣсть, мгновенно обратившая весь походъ въ другую сторону.

Рязанскій князь Глѣбъ съ сыновьями (Романъ, Игорь) и его шуринъ изгой Мстиславъ Ростиславичъ съ полчищами наведенныхъ ими Половцевъ, вторгнулись другимъ путемъ во владѣнія самого Всеволода и очутились тѣмъ временемъ прямо подъ его столицей. И уже много зла сотворили: Половцы грабили села, жгли церкви и монастыри; князь Глѣбъ Рязанскій отдалъ все народонаселеніе въ плѣнъ поганымъ; самъ же захватилъ Боголюбовъ: тамъ вышибли двери главной, украшенной Андрѣемъ неисчислимымъ богатствомъ, Боголюбовской церкви съ иконой Богоматери — и всю ее разграбили.

Тогда съ Оки при устьѣ Москвы-рѣки войска перенеслись „вборзѣ“ на берега Клязьмы и застигли побѣдителей, нагруженныхъ несмѣтною добычей, уже огородившимися острожками на Колокшѣ—мѣсто памятное давнишнимъ боемъ еще во времена Олега Гориславича *).

Обозы Рязанскихъ князей, усугубленные въ своей многочисленности отъ военныхъ захватовъ, городились за рѣкой въ неприступномъ мѣстѣ; тамъ же были раскинуты и несмѣтные таборы половцевъ съ тьмочисленнымъ множествомъ забраннаго ими въ плѣнъ крестьянства. Душа рвалась у

---

*) Рѣка Колокша составляетъ притокъ съ лѣвой стороны Клязьмы выше Владиміра; селеніе Колокша нынѣ извѣстная станція подъ Владиміромъ.

воиновъ Всеволода скорѣй освободить родныхъ земляковъ и уничтожить вторгнувшихся чужеземцевъ. Но по неприступности мѣста, удачно выбраннаго и надежно утвержденнаго непріятелемъ; кромѣ того, по прихотямъ тогдашней зимы съ постоянными оттепелями и самой здѣшней рѣки, которая во многихъ мѣстахъ съ одного берега на другой льдомъ не пропускала—оба стана около мѣсяца лишь надзирали другъ за другомъ. Противники изъявили тогда желаніе вступить въ мирные переговоры, но Всеволодъ имъ въ томъ отказалъ: Рязанскій князь не имѣлъ себѣ отъ него никакой обиды, а ему много зла сотворилъ, слушаясь своихъ шурьевъ да ростовскихъ крамольниковъ, притомъ еще навелъ поганыхъ на Владимірское княженье: простить этого было нельзя.

Казалось невозможно перейти рѣку и еще невозможнѣй городиться на той сторонѣ противъ хорошо защищенныхъ непріятелей: тѣмъ не менѣе, однако, за это взялся и выполнилъ съ успѣхомъ князь южнаго Переяславля „удалой сынъ Глѣба Юрьевича“. Съ Переяславскими полками отъ обоихъ городовъ этого имени — Владиміръ Глѣбовичъ утвердился на той сторонѣ рѣки подъ самымъ непріятелемъ: возлѣ стана Мстислава Ростиславича, шурина Рязанскаго князя.

Тогда волей-неволей началось и общее движеніе въ войскахъ, а вслѣдъ за битвами отдѣльныхъ отрядовъ и уже не прекращавшихся ежедневныхъ стычекъ дошло наконецъ и до рѣшительнаго побоища. Рязанскій Глѣбъ, видя, что отъ Всеволода полки за полками начали переходить черезъ рѣку на ихъ сторону въ помощь Переяславцамъ, и вообразивъ, что на другой сторонѣ Колокши самъ Всеволодъ у Прусковой горы остался „вмалѣ“, рѣшился самъ перейти на его сторону, чтобы отрѣзать отрядъ Всеволодовъ, и повелъ на него своихъ Рязанцевъ. Но въ это самое время „удалой Владиміръ Глѣбовичъ“ такъ ударилъ на его шурина и вихремъ погналъ передъ собой его дружины, что все войско Мстислава Ростиславича опрокинулось въ бѣгство. А увидавъ это, уже послѣ того какъ перешли рѣку, смутились за своихъ соратниковъ и воины Глѣба Рязанскаго и сыновей его (Романъ, Игорь). Они подошли уже къ стану Всеволода на разстояніе одного перестрѣла, какъ завидѣли

бѣгущихъ на другомъ берегу и дрогнувъ замѣшались сами. Это рѣшило ихъ участь.

Тогда открылось зрѣлище полнаго пораженія непріятельскихъ войскъ по обоимъ берегамъ Колокши; они бѣжали, гонимые страхомъ. Самъ Всеволодъ, отъ Прусковой горы, кинулся преслѣдовать Рязанцевъ. Лихіе черниговскіе князья Олегъ и Владиміръ Святославичи взяли на свою часть управиться съ погаными: знакомое для нихъ было дѣло рубить Половцевъ. И уговорясь никого изъ нихъ не брать въ плѣнъ, всѣхъ поганыхъ искрошили мечами: два десятка, не больше, оставили въ живыхъ изъ самыхъ знатныхъ. Прочихъ перебили безъ остатка, и радостные клики поднялись въ ихъ бывшихъ таборахъ отъ освобожденнаго изъ ихъ плѣна тьмочисленнаго крестьянства. Изгой Мстиславъ Ростиславичъ отдался въ плѣнъ; а его доброхотовъ ростовскихъ и суздальскихъ бояръ большею частью перебили,—тѣхъ же, которые въ живыхъ остались, вязали веревками. Рязанскіе князья — двое главныхъ: самъ Глѣбъ и сынъ его Романъ—также были захвачены въ плѣнъ. Преслѣдуя ихъ Владимірцы побили „*многое множество*“ суздальскихъ, ростовскихъ и рязанскихъ бояръ. Владимірцы хвалились, что они въ этомъ бою „*повязали всѣхъ княжескихъ думцевъ*“; попался между ними и бывшій Андрѣевъ воевода, передавшійся въ Рязань: Борисъ Жидиславичъ,—и Ольстинъ и самъ—замутившій тогда все ростовское вѣче Дѣдилецъ, и „иныхъ бояръ множество“; рязанцевъ „вельми много было побито“. Долго еще рубили саблями, сѣкли и кололи мечами; вязали веревками и заключали въ колодки; не скоро можно было разобраться и во множествѣ добычи отбитой у непріятеля: ихъ товары и обозы съ награбленнымъ добромъ, которымъ они не успѣли воспользоваться, казались несмѣтны.

Возвращеніе побѣдителей въ столицу приняло видъ небывалаго и ни разу еще невиданнаго во Владимірѣ всенароднаго торжества (это случилось на первой недѣлѣ Великаго поста въ чистый понедѣльникъ). Впереди всѣхъ ѣхали верхомъ черниговскіе князья (Владиміръ и Олегъ Святославичи) со своими, тамошнихъ мѣстъ, полками. За ними шли пѣши плѣнные князья, Глѣбъ Рязанскій съ сыномъ и съ шуриномъ своимъ; за ними „ведены связаны“ многіе плѣн-

ники „вельможи ихъ“. Потомъ ѣхалъ на конѣ самъ Всеволодъ Юрьевичъ со здѣшними полками своими. Шествіе замыкалъ князь южнаго Переяславля, Владиміръ Глѣбовичъ съ дружинами тамошнихъ мѣстъ. Народъ, отъ мала до велика, сцѣшилъ навстрѣчу къ возвращавшимся полкамъ, съ тѣмъ вмѣстѣ привѣтствовали и освобожденныхъ отъ половецкаго плѣна земляковъ своихъ. Радость была неописанная, что не дали матерямъ плакать по ихъ дѣтямъ, а женамъ по мужьямъ: всѣ были возвращены теперь, всѣ кого ужъ почитали обреченными на гибель въ половецкихъ улусахъ. Радовались и возврату отвоеванной добычи, возвращенію несмѣтныхъ сокровищъ и драгоцѣнностей, похищенныхъ было вторгнувшимся чужеземцемъ. И не умолкали въ златоверхомъ соборѣ благодарственные молебны передъ Владимірской иконой Богородицы: все приписывалось Ея чудесному заступленію.

Народное ожесточеніе противъ крамольниковъ. До какой степени вся эта боярская смута, состоявшая въ связи съ убіеніемъ Андрѣя Боголюбскаго, раздражила народныя страсти и возбудила всеобщее негодованіе противъ крамольниковъ, казалось бы, самый успѣхъ Всеволода при подавленіи мятежа долженъ былъ его достаточно вразумить о томъ. Но Великій Князь, по мнѣнію народа, не довольно понималъ „зломыслы“ и „обиды“ того времени; не понималъ „*благосердный Государь*“, казалось народу, настоящаго значенія разразившейся крамолы, ни ея дѣйствительныхъ размѣровъ. „*Благосердный*“ — такъ называлъ народъ Великаго Князя и его пресловутое „*благосердіе*“ смущало народъ. Владимірцы—отъ богатѣйшихъ обывателей до бѣдняковъ, отъ дворянства, купечества и до крестьянъ пахотныхъ — видѣли теперь въ плѣненныхъ князьяхъ и въ ихъ боярахъ своихъ личныхъ, непримиримыхъ враговъ: у кого села были выжжены и опустошены ими, у кого похищено ими все имущество, у другихъ убиты родственники и сыновья. Всѣ отъ мала до велика почитали ихъ за отъявленныхъ злодѣевъ и несомнѣнныхъ завѣдомыхъ измѣнниковъ своей родины; гласно указывали на Рязанскихъ князей и на ихъ боярство, какъ на главныхъ заводчиковъ всего зла еще противъ Андрѣя Боголюбскаго, винили и Глѣбовыхъ шурьевъ въ ненависти

ко всѣмъ сторонникамъ и приверженцамъ убитаго князя и въ явномъ благорасположеніи къ его убійцамъ. А Великій Князь обращался съ крамольниками, даже послѣ того какъ они попались въ плѣнъ, такъ „благосердно“, что обходительности съ ними и щедрому ихъ содержанію можно было даже позавидовать. Слышно было притомъ, что всѣхъ ихъ готовятся выпустить на волю. Это возмутило Владимірцевъ и дошло до мятежа въ городѣ.

Обыватели—богатые и бѣдные, дворянство и купечество, знатные и простые люди—толпились на улицахъ, совѣщаясь между собой; наконецъ пришли и во дворъ къ князю. Всеволодъ вышелъ унимать народъ, а ему говорили: „мы за твою честь головы кладемъ и ничего не жалѣемъ; ты же нашихъ злодѣевъ, рязанскихъ князей и ихъ бояръ, всѣхъ этихъ вельможъ, нашими руками плѣненныхъ, держишь не какъ плѣнниковъ,а ровно гостей своихъ, и они еще расхаживая на свободѣ по всему городу, ругаются надъ нами. Довольно у насъ и безъ нихъ своихъ здѣшнихъ злодѣевъ—такіе же все враги изъ Суздаля да Ростова, всюду кроются между нами—только и ждутъ случая опять приняться за своё. А потому просимъ: всѣхъ теперешнихъ плѣнниковъ, на страхъ другимъ, казнить смертью или ослѣпить; *ежели же самъ того не хочешь, то отдай намъ*“. Насилу могъ Всеволодъ унять раздраженное населеніе. Онъ обѣщалъ, что впередъ плѣнные будутъ содержаться строже; оправдывался еще и тѣмъ, что не только не даетъ пощады врагамъ, а послалъ уже на Рязань съ грознымъ требованіемъ выдать оттуда и другого Глѣбова шурина, Ярополка Ростиславича, въ противномъ случаѣ пойдетъ на Рязань даже войною. Въ самомъ дѣлѣ, мѣры были приняты, чтобы плѣнные больше не показывались въ народѣ, и нѣкоторые изъ нихъ были заключены въ темницы. Вскорѣ, дѣйствительно, былъ доставленъ и изгой Ярополкъ Ростиславичъ, захваченнный уже въ Воронежскихъ мѣстахъ, куда бѣглецъ думалъ скрыться.

Конецъ смутѣ. Но за плѣнныхъ князей начали поступать со всѣхъ сторонъ ходатайства, отъ разныхъ княжествъ. Знаменитый тёзка одного изъ плѣненныхъ Ростиславичей, *Храбрый* Мстиславъ Ростиславичъ, былъ женатъ на

дочери князя Глѣба. *Храбрый* снесся съ черниговскимъ Святославомъ Всеволодовичемъ и его просилъ вступиться во Владимірѣ за освобожденіе своей родни. Для такого ходатайства прибыло изъ Чернигова цѣлое посольство съ тамошнимъ духовенствомъ (былъ тутъ и самъ Черниговскій Епископъ съ однимъ изъ своихъ игумновъ). Въ народѣ прошелъ опять слухъ, что Всеволодъ хочетъ князей отпустить. Другой разъ повторилось возмущеніе во Владимірѣ, и страшнѣе перваго. Народъ хотѣлъ кинуться въ тюрьмы и уже былъ готовъ немедля „ослѣпить Ростиславичей".

Толпа больше прежняго собралась на княжій дворъ, Всеволодъ вышелъ въ сопровожденіи Епископа; ихъ слушали, но имъ и возражали. Всеволодъ успокоивалъ тѣмъ, что иначе не выпуститъ рязанскихъ князей на волю, какъ по исполненіи ими всѣхъ условій, о которыхъ съ ними велись переговоры; а Епископъ увѣщевалъ не нарушать Богомъ постановленныхъ законовъ и приводилъ доказательства отъ Писаній. Народъ возражалъ: „мы никакого закононарушенія не требуемъ; того и просимъ, чтобы съ измѣнниками и клятвопреступниками было поступлено по Божескому закону. Самъ Богъ, видя всѣ ихъ злодѣянія, предалъ ихъ, по нашей правости, намъ въ руки. Можемъ ли мы такихъ злодѣевъ, по закону Божію, безъ наказанія освободить?" И, возражая Епископу его же доводами и по его примѣру, заключили такъ: „не можемъ того: да не будетъ намъ такожде наказанія, яко древле Израилю за помилованіе враговъ ихъ". Великій Князь, видя наконецъ, что ярости народной нельзя унять уклончивыми рѣчами, возвысилъ голосъ и произнесъ такое рѣшеніе: Ростиславичи не иначе будутъ отпущены, какъ бывъ предварительно ослѣплены; а князь Рязанскій Глѣбъ—если не уступитъ Владимірскому княженію требуемыхъ городовъ — и до смерти своей останется въ неволѣ.

Народъ на этомъ разошелся по домамъ.

Въ тотъ же день къ вечеру было приведено въ исполненіе то особое распоряженіе насчетъ Ростиславичей, послѣ котораго они прослыли въ народѣ *Безокими*. „Благосердный" велѣлъ сдѣлать видъ ихъ ослѣпленія лишь напоказъ, для народа. Ростиславичамъ сдѣлали порѣзы надъ

глазами и ночью выпроводили въ Смоленскъ; всю дорогу, пока ихъ везли по владѣніямъ Всеволода, боясь народа, ихъ выдавали за ослѣпленныхъ,—только уже по выходѣ изъ его владѣній огласилось, что Безокіе прозрѣли. И пошла молва, что они точно были ослѣплены, но потомъ исцѣлились чудомъ. Ихъ сдали съ рукъ, не доѣзжая до Смоленска, на рѣчкѣ Смядинкѣ, гдѣ была церковь святыхъ Бориса и Глѣба. Тутъ они могли благодарственно молебствовать по случаю своего избавленія отъ ярости народа: здѣшнему мѣсту молва народная пріурочила и чудо ихъ исцѣленія. Въ Смоленскъ-же ихъ направили потому именно, что самое ходатайство о нихъ шло отъ тамошнихъ князей: отъ Мстислава Ростиславича *Храбраго*.

Рязанскому князю Глѣбу было предложено для освобожденія изъ плѣна уступить Коломну. Глѣбъ не согласился. Потомъ ему предложили, по ходатайству Черниговскаго князя, уйти на югъ, отказавшись отъ княженія въ Рязани,—онъ не согласился и на это, отвѣтивъ зловѣще: „лучше умру въ плѣну“. Спустя нѣкоторое время онъ дѣйствительно былъ найденъ мертвымъ у себя въ тюрьмѣ: „*мертвъ бысть*“, какъ сказано въ лѣтописи. Весь этотъ плѣнъ, должно замѣтить, продолжался не болѣе четырехъ мѣсяцевъ. Вслѣдъ за кончиною Глѣба, сынъ его Романъ былъ отпущенъ въ Рязань, обѣщавъ полную покорность.

Такъ кончилась смута, разгорѣвшаяся вслѣдъ за убіеніемъ Андрѣя Боголюбскаго (1174—1177 гг.), и, ко благу Владимірскаго княженія, дѣло своего отца Юрія Долгорукаго и старшаго брата Андрѣя Боголюбскаго довершилъ младшій изъ Юрьевыхъ сыновей Всеволодъ, прозвищемъ Большое Гнѣздо *).

---

*) Такое прозвище дано было этому князю не за личныя качества или свойства, и не при его жизни, а при его размножившемся потомствѣ. Это не народное прозвище, а книжное. Послѣ Всеволода, во время Монгольскаго ига, всѣ Русскіе князья (за исключеніемъ именно Всеволодовыхъ потомковъ) захудали и пропали съ глазъ Русской исторіи, сами ихъ области были похищены Литвой и Польшей. Напротивъ Владимірское княженіе обратилось мало-по-малу въ «Московское государство». Такимъ образомъ, весь древній княжескій родъ Владиміра Святого сошелъ напослѣдокъ исключительно лишь на потомковъ этого Всеволода. Всѣ прочія колѣна и поколѣнія остальныхъ княжескихъ родовъ

Русь въ концѣ XII-го и началѣ XIII-го вѣка во времена Всеволода.

Дѣло своего отца и своего старшаго брата довершилъ младшій изъ сыновей Юрія Долгорукаго—Всеволодъ Юрьевичъ. При немъ суздале-ростовскій край окончательно сложился какъ-бы въ особое благоустроенное государство, гдѣ великокняжеская власть достигла высоты почти самодержавной и славы почти царской. Залѣсская сторона—эта „отчина и дѣдина“ младшихъ Мономаховичей—пересиливъ достояніе старшихъ и превысивъ наслѣдіе первородныхъ князей, окончательно взяла верхъ надъ Русью южной. Кіевъ уже не почитался стольнымъ городомъ всея Руси, а Владиміръ былъ „глава всѣмъ“. Ростовъ и Суздаль склонились, наконецъ, передъ младшею столицей и вся, по ихъ имени древлезовомая, здѣшняя земля — прозвалась навсегда Владимірскимъ Великимъ княженіемъ.

Произошло это, впрочемъ, не по какимъ-либо широкимъ замысламъ или дальновиднымъ соображеніямъ Всеволода (онъ ихъ вовсе не имѣлъ и вообще способностями не отличался), а такъ вышло по здѣшнимъ природнымъ и народнымъ условіямъ само собою: *свой бытъ* здѣшняго народа и *свобода* здѣшней страны привели къ тому. Воцареніе Всеволода лучше всего показываетъ, какъ всѣ народонаселенія Владимірскаго княженья, сами здѣшнія земли, рады были сложиться подъ рукой „прирожденнаго князя“ въ единую нераздѣльную, цѣльную и крѣпкую, державу; только старинные боярскіе заводы и дружинные порядки повели къ смутѣ, разразившейся убіеніемъ Андрѣя Боголюбскаго, а народъ въ ней не участвовалъ. Народъ, напротивъ того, не далъ заводчикамъ смуты пожать ея плодовъ и смирилъ ее. Съ другой стороны, все долговременное Всеволодово княженье ясно-же доказываетъ отъ начала до конца, что самъ князь ничѣмъ не стоялъ выше своихъ современниковъ прочихъ князей, многочисленныхъ

лишились значенія и исчезли; а гнѣздо Всеволода дало напослѣдокъ Великихъ Князей всея Руси, сдѣлавшихся Царями. Вообще, размножившіеся княжескіе роды на сѣверѣ, какъ ни многочисленны ихъ боковыя линіи, колѣна и поколѣнія, всѣ происходятъ именно отъ одного Всеволода Юрьевича; всѣ принадлежатъ къ его *Большому Гнѣзду*.

тогдашнихъ своихъ собратій, хотя по многимъ отличіямъ своей родины—весьма былъ отъ нихъ отличенъ. Воцарясь въ ней безъ всякаго о томъ домогательства съ своей стороны путемъ всенароднаго избранія; получивъ вотчину по добровольной присягѣ народа, цѣловавшаго ему крестъ „*на дѣтяхъ и на внукахъ его*“, принявъ ее именно какъ „дѣдину и прадѣдину“, которую и самъ готовился передать въ родъ свой,—онъ и прилежалъ къ ней всей душою, заботясь объ ея упроченіи изъ вѣкъ-ввѣки и о возвеличеніи изъ рода въ роды.

Здѣсь онъ не разсаживалъ посадниковъ по городамъ для заглазнаго управленія, правилъ самъ лично: ходилъ по всей странѣ и уряжалъ землю. Самый сборъ княжескихъ доходовъ — частью съ судебныхъ дѣлъ (*виры*), частью съ *мытовъ* и *перевозовъ*, наконецъ съ разныхъ статей установленныхъ изстари въ пользу князя—производился подъ его же личнымъ наблюденіемъ; а не былъ порученъ, какъ это по необходимости дѣлалось при заглазномъ управленіи, противнымъ для народа княжіимъ намѣстникамъ.

Изо всѣхъ позднѣйшихъ князей именно о Всеволодѣ извѣстно, что такъ называемое „полюдье“ онъ справлялъ самолично. „Князю сущу Ростовѣ въ полюдьѣ“ или: „тогда сущу Князю Великому въ Переяславлѣ въ полюдьѣ“—такія свидѣтельства мелькаютъ въ лѣтописи при описаніи событій за это время. Объѣзды по городамъ—кромѣ того, что при этомъ князь давалъ судъ людямъ и уряжалъ земское дѣло—способствовали еще ему видѣть собственными очами: какой городъ въ чемъ нуждался и въ какой области что̀ слѣдовало предпринять къ общей выгодѣ всей земли и въ общихъ видахъ благоденствія цѣлаго края: для общей пользы обширнаго Владимірскаго Княженія. Если объ его братѣ Михалкѣ говорили, что онъ пріобрѣталъ всеобщую любовь въ народѣ тѣмъ, что „самъ вездѣ опредѣлялъ, что надлежало, и прилежалъ милости и правосудію“—еще въ бо̀льшей мѣрѣ это относилось къ Всеволоду. Великій Князь уже не отдѣлялъ народнаго благосостоянія отъ своего собственнаго: голодъ-ли или другія общественныя бѣдствія постигали его вотчину—онъ самъ первый и спѣшилъ на помощь страждущему населенію.

Такъ сохранилось не случайное извѣстіе, что при ча-

стыхъ тогда пожарахъ—свирѣпствовавшихъ не одинъ разъ въ Суздалѣ, Ростовѣ и другихъ городахъ, въ томъ числѣ и въ самомъ Владимірѣ—Всеволодъ всякій разъ помогалъ народонаселенію *„строивъ изъ своей казны“*. Невидная и негромкая, трудовая и кропотливая дѣятельность досталась на долю здѣшняго князя по сравненію, можно бы сказать, съ „блестящимъ рыцарствомъ“ новгородскихъ и южно-русскихъ князей: тѣ удалые князья безпрестанно слагали свои головы—то въ бояхъ съ Половцами, то въ борьбѣ съ дикими племенами Литвы и Чуди, наконецъ и въ междуусобныхъ схваткахъ изъ-за самого Кіева и изъ-за Новгорода,—а Всеволодъ ратною удалью не отличался. Но его вотчина, уже по самой заселенности своихъ рубежей русскимъ-же народомъ, была противъ всѣхъ наиболѣе ограждена отъ вторженія чужеземцевъ и вставала на войну лишь въ крайней необходимости.

Здѣшній обширный край съ многочисленнымъ мирнымъ и трудолюбивымъ населеніемъ, изстари занимавшійся, кромѣ земледѣлія, различными промыслами, ремеслами и торговлей,—гордившійся возроставшимъ благосостояніемъ и дорожившій расширявшимися средствами къ процвѣтанію именно по причинѣ здѣшняго благоустройства и единодержавія,—такой край болѣе всего нуждался и въ такомъ князѣ, который бы прежде всего былъ мирнымъ, рачительнымъ и хозяйственнымъ правителемъ. А таковъ именно и былъ добродетельный семьянинъ и домостроительный хозяинъ—столько же чадолюбивый къ собственнымъ дѣтямъ, какъ и къ подданнымъ своимъ—Всеволодъ (прозвищемъ Большое Гнѣздо). Это былъ истинный „государь-отецъ“ какъ о немъ говорили въ народѣ, носившій мечъ („невтунѣ мечъ нося“) лишь для обидящихъ землю. Пусть—какъ жалуется на него пѣвецъ *Слова о полку Игоревѣ*,—у Всеволода „не было и въ мысли поберечь кіевскаго престола“,—а это на языкѣ древняго пѣвца прямо значитъ: Владимірскій дескать князь о благѣ *„всей Руси“* даже и не думалъ.... Такова была сама тогдашняя эпоха: *„ся на ниче година обратиша“*; въ томъ заключался не личный недостатокъ Всеволода, а общій порокъ его времени и грѣхъ цѣлыхъ поколѣній. Въ этомъ отношеніи единодержавная Русь Святого Владиміра, Ярослава Мудраго и временъ Владиміра

Мономаха стояла гораздо выше, чѣмъ раздробленная на неисчислимые удѣлы Русь конца XII-го и начала XIII-то столѣтія.

Уже наступило то самое время, когда размножившіяся колѣна князей, разбившись еще на множайшія поколѣнія, растеривались уже и разрознивались до мельчайшихъ выдѣловъ и раздробленій; съ тѣмъ вмѣстѣ и ихъ неисчетные столы не заслуживали болѣе наименованія княженій. Такъ, напримѣръ, всѣ Рогнѣдичи-Рогвольдовичи, замѣшавшіеся съ захудалыми потомками Святополка - Михаила (и тѣ и другіе, перемѣшавшіеся еще съ чужеродцами изъ Литвы, роднившимися съ ними), всѣ полоцкіе князья, давно потерявшіе значеніе отъ взаимныхъ междуусобій и отъ захвата ихъ владѣній смоленскими и волынсками князьями, ниспадаютъ къ этому времени въ полную неизвѣстность до утраты своихъ именъ—даже для современниковъ, а не только для потомства. Лѣтописцы уже начинаютъ обозначать ихъ глухо и неопредѣленно, называя вообще *кривьскими князьями* или, еще глуше, просто *„полоцкою княжьею“*. Въ такихъ-же неименитыхъ державцевъ, или даже вовсе безыменныхъ, обратились и нѣкоторые изъ пинскихъ и минскихъ князей: отъ начала владѣли они лишь одиночными, мало кому извѣстными городами; а къ этому времени начали и вовсе сходить на простыхъ обывателей. Подобные владѣльцы одиночныхъ и ничтожныхъ мѣстечекъ и городовъ—не столько державцы, какъ простые обыватели—развелись тогда, за исключеніемъ владимірскаго княженія, повсюду. Настоящихъ въ древнемъ смыслѣ князей все убывало; а такихъ помѣстныхъ, безудѣльныхъ, мало уже и отличавшихся въ прочемъ населеніи, вездѣ,—и въ Смоленской области, и въ Волынской, и въ Черниговской—годъ отъ году все прибавлялось.

Еще во времена двоевластія въ Кіевѣ (при дядѣ Вячеславѣ Мономаховичѣ и его племянникѣ Изяславѣ Мстиславичѣ), стало входить въ обычай между князьями титуловать другъ друга „великими“ по стольнымъ городамъ главныхъ княженій, по старшимъ въ Русской землѣ столицамъ. Такъ напримѣръ, обращаясь къ Юрію Долгорукому, оба кіевскіе державца говорили ему: „иди на свое Великое Суздальское княженіе“. Смоленскаго Ростислава также величали „Вели-

кимъ Княземъ Смоленскимъ“ и его вотчину—„Смоленскимъ великимъ княженіемъ“. Тогда же, разумѣется, называли „великими“ и князей сидѣвшихъ въ Черниговѣ; но въ описываемую пору такая честь дошла даже и до рязанскихъ князей. У рязанцевъ, въ свою очередь, образовались удѣлы: Муромъ и Пронскъ; сама же Рязань почиталась стольнымъ городомъ и сидѣвшій тамъ князь, напримѣръ извѣстный плѣнникъ Всеволода Глѣбъ, въ лѣтописяхъ именуется „Великимъ“. Замѣчательно въ то же время, что Кіевъ напротивъ того какъ ни сильно было въ этомъ случаѣ народное преданье въ его пользу, утрачиваетъ мало-по-малу утвердившійся за нимъ титулъ великаго княженья и не рѣдко про того или другого изъ тамошнихъ державцевъ, именно со времени Всеволода Юрьевича, упоминается въ лѣтописяхъ уже просто: „Кіевскій князь“ и просто-же: „*Кіевское княженье*“. Собственно говоря, не могло и быть иначе: въ послѣдніе годы Всеволода Юрьевича, и особенно вслѣдъ за нимъ, князю сидѣвшему въ Кіевѣ, приходилось уже блюсти не „всю Русь“, а одинъ только Кіевъ; тамошній князь и обратился напослѣдокъ, прямо сказать, въ блюстителя города, а не „всей Руси“.

Съ тѣмъ вмѣстѣ, отрѣшась отъ своего средоточія, и всѣ области, окружавшія Кіевъ, разрознились между собой. Разъ онъ пересталъ быть „стольнымъ городомъ“, къ которому, какъ къ сердцу, тянули Галичъ съ Волынью, и Смоленскъ, и Черниговъ, и вся Русь,—тотчасъ же онѣ и сами, всѣ эти области, разобщились одна отъ другой и пошли врассыпную. Тогда для Смоленска, и для Волыни, и для Чернигова—Кіевъ обратился лишь въ окраину, которую каждая изъ этихъ областей старалась урвать къ себѣ, перетянуть на свою сторону и прикрѣпить къ собственному владѣнію: ни одна не сладила съ такой задачей не по силамъ; и всѣ онѣ—именно изъ-за этого—еще болѣе перессорились другъ съ другомъ и разрознились между собой: каждая со всѣми, и всѣ съ каждою.

Въ самое это время Всеволодъ Юрьевичъ и былъ призванъ управлять своею вотчиной и дѣдиной на сѣверѣ. Забота о благѣ „всей Руси“—правду надобно сказать—ему и въ голову не приходила: онъ зналъ одно свое Владимірское княженье—и только. Такова была эпоха и такъ измѣнились нравы.

Отецъ его, Юрій Долгорукій, предпочитая сѣверъ югу, не допускалъ однако еще и мысли „отчуждиться отъ великаго княженья Кіевскаго *и всея Руси*“; а Всеволодовъ братъ Андрѣй Боголюбскій хотѣлъ рѣшить эту задачу тѣмъ чтобы, сидя у себя во Владимірѣ, оттуда и владычествовать надъ Русскою землею, быть повелителемъ *„всея Руси“*. Но Всеволодъ въ этомъ отношеніи вышелъ ни въ отца, ни въ брата. Онъ зналъ своё и только себя, а до остального и до другихъ—ему не было дѣла.

Охотно допуская всѣхъ прочихъ князей воевать съ Кіевскимъ и другъ съ другомъ въ ихъ собственныхъ владѣніяхъ,—даже какъ бы поощряя южно-русскихъ князей рвать всѣ тамошнія владѣнія на части другъ у друга,—онъ никого не допускалъ вмѣшиваться лишь въ ту собину, которую почиталъ исключительно своею и ничьей кромѣ. Къ этому относилъ онъ, напримѣръ, рязанскія владѣнія, съ князьями которыхъ велъ нескончаемые счеты; сюда же включалъ и нѣкоторыя изъ своихъ притязаній относительно Новгорода. Въ эти именно и подобныя дѣла, включенныя имъ въ кругъ собственныхъ дѣйствій, не впускалъ онъ рѣшительно никого: тутъ уже, какъ съ недругами своими такъ одинаково и съ друзьями, былъ упрямъ и настойчивъ донѣльзя. Во всемъ, прочемъ, что не касалось его близко—былъ онъ одинаково-же уступчивъ ко всѣмъ безъ разбора и вообще легко мирился со всѣмъ, что тогда происходило на югѣ. Къ нему, какъ къ старшему и самому сильному изъ тогдашнихъ князей, обращались безпрерывно, то изъ Кіева, то изъ Чернигова, то изъ Смоленска, то изъ Галича съ Волынью, прося помощи и защиты или даже дружескаго совѣта... А онъ вступался лишь настолько въ эти чужія для себя дѣла, насколько это ни къ чему его не обязывало,—лишь въ томъ случаѣ, если можно было удовлетворить просителей безъ малѣйшаго для себя ущерба или даже къ прямой собственной выгодѣ. И разъ только предположенная выгода и имѣвшаяся въ виду цѣль была достигнута, далѣе ужъ свои совѣты и союзы Всеволодъ оставлялъ безъ послѣдствій. Такъ, не одинъ разъ содѣйствуя въ качествѣ союзника князьямъ, сидѣвшимъ въ Кіевѣ и черниговскимъ, онъ тѣмъ самымъ благополучно приводилъ къ концу, напримѣръ, собственную распрю съ рязанскими князьями, или вдобавокъ

къ Переяславлю на Альтѣ и прочимъ своимъ владѣніямъ на югѣ пріобрѣталъ еще нѣсколько лишнихъ городовъ въ Поросьѣ — и отступалъ отъ союза. Такъ еще, напримѣръ, совершенно затѣснивъ новгородцевъ своимъ расширившимся Тверскимъ владѣніемъ и болѣе не нуждаясь давать имъ на княженье кого-либо изъ своихъ, онъ постоянно льстилъ имъ, говоря: „вы въ князьяхъ вольны“. И какъ бы даже поощряя ихъ на дальнѣйшія смуты и безпорядки, на вошедшія у нихъ въ употребленіе уличные драки и избіенія посадниковъ — не безъ лукавства прибавлялъ къ тому: „впередъ — кого хотите миловать — милуйте, а кого хотите казнить — казните“. А между тѣмъ, при малѣйшемъ сопротивленіи Новгорода, сейчасъ же опустошалъ его владѣнія, то и дѣло бралъ и сжигалъ Новоторжскъ. Такова была великокняжеская *политика* Всеволода, за которую и друзья и недруги упрекали его нерѣдко въ двуличности, а подчасъ даже и въ коварствѣ; у себя же дома, на Владимірскомъ княженьи, онъ не переставалъ слыть отцомъ подданныхъ и „благосерднымъ государемъ“.

О Всеволодѣ должно сказать въ заключеніе, что въ ряду всѣхъ предшествовавшихъ ему и послѣдовавшихъ за нимъ князей, онъ занималъ совершенно исключительное мѣсто. За все свое долговременное княженіе онъ вовсе не стремился къ тому, чтобы изъ Владиміра владычествовать надъ Русскою Землею; не заявлялъ даже притязаній къ титулу „великій князь владимірскій“ сдѣлать еще прибавку *и всея Руси*. Но если въ его время какое-либо изъ русскихъ княжествъ и обозначало дѣйствительно *всю Русь* — разумѣется, Владимірское; и если кому-либо изъ тогдашнихъ державцевъ приличествовалъ титулъ „князя всей Руси“ — никому иному, какъ Всеволоду. Съ одной стороны, престолъ, имъ занимаемый, былъ такъ великъ и славенъ, что его первенства и главенства ужъ нельзя было оспаривать еще и при Андрѣѣ Боголюбскомъ; съ другой стороны, и самъ онъ, какъ прямой наслѣдникъ Юрія Долгорукаго и родной внукъ Мономаха, Всеволодъ Юрьевичъ — не имѣлъ соперниковъ, всѣхъ былъ старше между тогдашними князьями. Старѣй его лѣтами былъ посѣдѣвшій его покровитель Святославъ Всеволодовичъ, утвердившійся тогда въ Кіевѣ; но *во-первыхъ*, по своимъ правамъ Мономахови-

чи шли впереди Ольговичей и, *во-вторыхъ*, по родословной лѣствицѣ (учитывая того и другого князя по степенямъ до общаго ихъ прапрадѣда Ярослава Мудраго: одного черезъ Олега Гориславича и насильника-Святослава, а другого черезъ Владиміра Мономаха и Всеволода-праваго), оба князя приходились равны, стояли на одной ступени; всѣ же остальные прочіе ни по годамъ, ни по своимъ правамъ рѣшительно къ Всеволоду Юрьевичу не подходили. За исключеніемъ именно Святослава Всеволодовича, никого нельзя было и указать ему подъ пару. Всѣ колѣна и поколѣнія тогдашнихъ князей — черниговскіе и рязанскіе, смоленскіе и волынскіе; не говоря уже о сиротѣвшихъ Галицкихъ и Полоцкихъ князьяхъ — одни раньше другіе позднѣе, но всѣ безъ исключенія, признавали и признали старѣйшинство Всеволода Юрьевича, утвердясь на томъ и крестнымъ цѣлованіемъ, что будутъ его почитать *„яко-же отца и господина“*.

Такимъ образомъ, хотя Всеволодъ Юрьевичъ (прозвищемъ Большое Гнѣздо) не былъ признаваемъ по титулу и самъ не признавалъ себя — „Великимъ Княземъ Владимірскимъ *и всея Руси*“, тѣмъ не менѣе однако всѣ къ нему относились, какъ къ *„главѣ вспѣмъ“*; по необходимости и Владимірское княженіе въ его время обратилось въ средоточіе для всѣхъ прочихъ. Повсемѣстныя множайше-разнообразныя событія тогдашней Руси, крупныя и мелкія происшествія того времени, какъ живою ниткой, связываются между собою тѣмъ именно, что прямо или косвенно, такъ или иначе, всѣ хоть мелькомъ входятъ въ кругъ дѣйствія Владимірскаго княженія и болѣе или менѣе зависятъ отъ великаго князя Всеволода—болѣе чѣмъ отъ всѣхъ прочихъ по крайней мѣрѣ, не исключая и князей Кіева,— кіевскіе же князья, послѣ того какъ скончался Святославъ Всеволодовичъ, уже не значили ничего ровно.

Пока былъ живъ старый Святославъ Всеволодовичъ, можно-бы сказать: южная и сѣверная Русь—Кіевская и Владимірская—поддерживались еще въ нѣкоторомъ равновѣсіи; но потомъ все измѣнилось. Кіевъ, по смерти Святослава Всеволодовича, уже безпрестанно переходилъ изъ рукъ въ руки соперничествовавшихъ князей; съ тѣмъ вмѣстѣ переходили-же изъ рукъ въ руки, волновались и всѣ ихъ та-

мошніе удѣлы—изъ края въ край. Галичъ сталъ жертвой боярскихъ крамолъ и, терзаемый внутренними раздорами, попадалъ въ руки то Волынскихъ, то Черниговскихъ, то Смоленскихъ князей; доставался даже иноплеменнымъ: въ него вводили свои войска уже Венгры и Поляки. Къ этому времени Всеволодъ (Большое Гнѣздо) продолжая свое долговременное единодержавіе на сѣверѣ, относился къ Кіеву уже гораздо вольнѣй и рѣшительнѣе чѣмъ прежде; совсѣмъ безъ того стѣсненія, которое при старомъ своемъ покровителѣ, почиталъ еще въ нѣкоторомъ родѣ обязанностью съ своей стороны.

Кончина Святослава Всеволодовича, такимъ образомъ, отразилась въ исторіи Всеволодова княженія какъ бы нѣкоторымъ переломомъ и провела рѣзкую грань: съ одной стороны, сами дѣла южной Руси, а съ другой стороны и отношеніе къ нимъ Всеволода съ тѣхъ поръ измѣнились.

Притомъ, все его княженіе — само тридцатисемилѣтнее княженіе Всеволода (Большое Гнѣздо)—годомъ кончины Святослава Всеволодовича (1194) дѣлится по счету годовъ какъ разъ пополамъ. Возсѣвъ на Владимірскій престолъ въ 1176-мъ году, онъ прокняжилъ къ кончинѣ своего стараго покровителя ровно 18 лѣтъ; настолько именно, ровно же на 18 лѣтъ, и пережилъ его, скончавшись самъ въ 1212-мъ году.

Такъ какъ 1194-ый годъ, составляя рѣзкую грань въ исторіи Всеволодова княженія, кромѣ того и по самому времени дѣлитъ его пополамъ, то и самый обзоръ всѣхъ событій, совершившихся на Руси втеченіи долговременнаго Всеволодова княженія, удобнѣе раздѣлить на эти именно двѣ равныя половины; притомъ по необходимости первая потребуетъ двухъ главъ, а вторая лишь одной. Такъ какъ за все время княженія въ Кіевѣ своего стараго покровителя, дѣйствительно, Всеволодъ не вмѣшивался въ тамошнія дѣла, то за первыя 18 лѣтъ его княженія все касающееся южной Руси—какъ постороннее для него—и должно быть изложено особо, а въ его собственную исторію не можетъ войти. Послѣ-же кончины Святослава Всеволодовича, напротивъ того, вмѣшательство Великаго князя Владимірскаго въ дѣла южной Руси увеличивается настолько, что и тамошнія событія уже неотдѣлимы отъ его собственной исторіи: въ нее и войдутъ.

Великій князь Владимірскій Всеволодъ Юрьевичъ

(прозвищемъ Большое Гнѣздо).

I. Первыя 18 лѣтъ его княженія, до кончины Святослава Всеволодовича на Кіевскомъ престолѣ.—Сѣверная Русь.

Отношеніе къ Новгороду и Рязанѣ.—Всеволоду по смежности населеннѣйшихъ рубежей Владимірскаго княженія со владѣніями Новгорода и Рязани—съ двумя этими сосѣдями чаще всего и приходилось имѣть дѣло. Но и къ Рязанѣ и къ Новгороду ужъ его отношенія были не тѣ, что у его предшественниковъ еще въ недавнюю пору.

Рязанскихъ князей, покоренныхъ его оружіемъ въ войну съ Глѣбомъ (умершимъ у него въ темницѣ) онъ уже считалъ навсегда подчиненными своими, обязанными являться по первому зову, во всемъ его слушаться и повиноваться ему, какъ Государю. Коломна у нихъ была отобрана ко Владиміру: та же участь, въ случаѣ малѣйшаго сопротивленія и покушенія на независимость, грозила и прочимъ ихъ владѣніямъ. Сами они къ тому же—вся ихъ размножившаяся братья: и рязанскихъ и муромскихъ и пронскихъ князей—не умѣли больше управиться въ здѣшней прадѣдинѣ своей, растерзанной на клочки, и, вырывая ихъ изъ рукъ другъ у друга, постоянно обращались во Владиміръ съ жалобами одинъ на другаго, подавая тѣмъ поводъ и къ неизбѣжному вмѣшательству. Отношеніе Всеволода къ рязанскимъ князьямъ, такимъ образомъ, заключалось въ слѣдующемъ: за невозможностью ихъ владѣніямъ держаться самостоятельно отъ другихъ особо, приходилось ихъ взять подъ собственную державу; а этого—по тогдашнимъ временамъ — Всеволодъ не только не имѣлъ духу исполнить, ни даже—по тогдашнимъ понятіямъ—не могъ бы себѣ представить и въ мысли. Другаго исхода—собственно говоря—не могло и быть изъ несноснаго положенія; но по тѣмъ временамъ и тогдашнимъ понятіямъ ни одинъ изъ русскихъ князей не только не рѣшился бы этого высказать вслухъ, а не могъ бы и самому себѣ дать въ томъ яснаго отчета.

Что касается до „Великаго Господина Новгорода“, онъ такъ былъ затѣсненъ напослѣдокъ усилившимися владѣньями Всеволода, что и худой съ нимъ миръ предпочиталъ доб-

рой ссорѣ. Двинская область, *„отметнувшеся отъ великаго Новгорода и не восхотѣвши дани давати Новгородцамъ“*, приложившаяся еще во времена Андрѣя ко Владимірскому княженію — все болѣе и болѣе прикрѣплялась къ нему, сливаясь съ кореннымъ его народонаселеніемъ *). Оно же въ свою очередь, плотно утвердясь тѣмъ временемъ и размножившись отъ Мологи до Вологодскихъ мѣстъ и отъ Костромы до Галича Мерянскаго—все болѣе распространялось къ сѣверо-востоку; а въ западную сторону сами ужъ Бѣлозерскія мѣста — отъ временъ Рюрика достояніе Суздаля и Ростова—не давали тамъ усиливаться Новгородскому вліянію въ ущербъ Владимірскому. Въ это же время Волга, на всемъ своемъ среднемъ теченіи, была совершенно заперта для Новгородцевъ. Тамъ, гдѣ въ нее пала Ока, Всеволодъ укрѣпилъ городъ ихъ имени (Нижній Новгородъ), и въ короткое время такъ населилъ и оживилъ весь тотъ край, что уже при его дѣтяхъ Нижній слылъ весьма значительнымъ городомъ; а при его внукахъ тамъ составился цѣлый обширный удѣлъ, который и поступилъ одному изъ его внучатъ какъ особое „Нижегородское княженіе“.

На Волгѣ же, въ верхнемъ ея теченіи, Всеволодомъ была утверждена Тверь при рѣчкѣ Тиверцѣ; этотъ хорошо-укрѣпленный городъ, вокругъ котораго охотно-же стало сгущаться населеніе, въ короткое время, еще при самомъ Всеволодѣ, также достигъ того, что составлялъ какъ бы особое владѣніе. Владимірцы не только оградились имъ отъ Новгородцевъ, а именно своею новой твердынею—(такъ уже звали Тверь; самое имя ея нѣкоторые

---

*) Къ тому времени Новгородцы стали распространять свои владѣнія все далѣе и далѣе къ Уралу: то были обширныя земли носившія названія Печоры, Перми и Югры. Но въ числѣ Новгородскихъ высельниковъ бывали еще и такіе удальцы, которые — удалясь изъ Новгорода въ поиски за новыми землями и найдя ихъ—уже не возвращались на Волховъ и не давались подъ власть великаго господина Новгорода; а усѣвшись на новыхъ мѣстахъ, настроивъ тамъ православныхъ храмовъ и вообще соблюдая древле-отческіе нравы *„начаша общежительствовати самовластвующе, правими и обладаеми самими жители“*. Къ числу такихъ „самовластвующихъ общежительствъ“ принадлежали города: Хлыновъ, Котельничь, Вятка и нѣкоторые другіе, образовавшіеся именно во времена Всеволода.

производили отъ „тверди“)—сами уже грозили въ свою очередь Новгородцамъ наступательной войною и держали ихъ Новый-Торгъ (нынѣшній Торжокъ) съ ихъ Волокомъ при озерѣ Мстино (нынѣшній Вышній-Волочекъ) какъ бы въ крѣпостной у себя неволѣ и въ вѣчномъ страхѣ.

Этимъ навсегда былъ положенъ конецъ притязаніямъ новгородцевъ на здѣшнія мѣста и бывалымъ ихъ вторженіямъ въ эту сторону; это-же давало возможность Владимірскимъ державцамъ простирать отсюда могущественнѣйшее вліяніе на самый Новгородъ. Его пригородъ—какъ новгородцы звали свой Новый-Торгъ—послѣ утвержденія Твери, прямо сказать, ужъ не выходилъ изъ воли Владимірскихъ Князей въ такой степени, что при дѣтяхъ Всеволода, мирясь съ Новгородомъ, они ставили въ число непремѣнныхъ условій для мира еще и то, чтобы Торжка болѣе новгородцы не требовали себѣ *). Держа Новый Торгъ въ своей власти, Тверичи черезъ него отпирали и запирали впускъ хлѣба въ Новгородъ и вообще всю торговлю съ нимъ всего Низа. Это ставило Владимірскихъ князей въ совершенно-исключительныя и самыя выгодныя условія относительно Новгорода; черезъ это они болѣе не выпускали его изъ своей зависимости, кто бы тамъ ни княжилъ.

Еще во времена Юрія Долгорукаго, какъ только стало заводиться Владимірское княженіе, смѣтливые на всякій убытокъ и чуткіе къ своей выгодѣ новгородцы искали съ нимъ постояннаго сближенія; въ Новгородѣ завелись сторонники Владимірскаго княженія и съ тѣхъ поръ уже не переводились; число ихъ не смотря даже на приключавшіяся столкновенія съ Владиміромъ, все прибавлялось. Всеволодъ, втеченіи своего долговременнаго княженія, почти не считалъ и нужнымъ посылать въ Новгородъ сыновей своихъ, какъ ни часто о томъ просили его сами Новгородцы; число тамошнихъ сторонниковъ Владимірскаго княженія въ его время было такъ значительно, что завѣдомо превышало число его непримиримыхъ противниковъ. Вообще,

---

*) На этомъ настаивали сыновья Всеволода (Большое Гнѣздо) Юрій Ситскій, павшій при нашествіи татаръ на рѣкѣ Сити,—и Ярославъ Всеволодовичъ, наиболѣе знаменитый не собственными подвигами, а тѣмъ что былъ отцемъ Александра Невскаго.

противъ прежняго времени, уже не было между Новгородомъ и Владимірскимъ княженіемъ неотвратимыхъ причинъ къ неминуемой борьбѣ, ни острыхъ поводовъ къ разрыву.

Лишь на самыхъ первыхъ порахъ, при своемъ вступленіи на Владимірскій престолъ, Всеволодъ находился во враждѣ съ новгородцами. Онъ не могъ простить имъ той обиды, что они дали у себя пріютъ его личнымъ врагамъ—прозрѣвшимъ князьямъ *Безокимъ*: Мстиславу и Ярополку Ростиславичамъ, посадивъ опять одного въ Новгородѣ, а другаго въ Новомъ-Торгѣ; Мстиславъ вскорѣ умеръ и, схоронивъ его у св. Софіи, они перевели Ярополка въ Новгородъ изъ Торжка. Всеволодъ захватилъ тогда купцовъ новгородскихъ по всѣмъ своимъ владѣніямъ, наложилъ запретъ на ихъ товары и выступилъ войною. Испуганные новгородцы—въ угоду Всеволоду указали отъ себя путь Ярополку. Но тѣмъ временемъ уже Владимірцы и Тверичи подступили къ Новому-Торгу. Хотя Всеволодъ, удовлетворенный изгнаніемъ *Безокаго*, съ тѣмъ вмѣстѣ и Новоторжцами, вступившими съ нимъ въ переговоры, готовъ былъ снять осаду,—но война обратилась въ народную: вѣрный знакъ, что войско Всеволода состояло изъ Владимірцевъ и самихъ Тверичей, которые въ этомъ случаѣ стояли не только за Всеволодову обиду, а за кровныя выгоды своей земли, вѣчно оспариваемыя у нихъ „Великимъ Господиномъ новгородомъ“. Жаловались на уступчивость Великаго Князя и обвиняли его въ нерѣшительности. „Вѣчно клянутся Новгородцы и вѣчно-же не исполняютъ клятвы! мы не цѣловать ихъ пріѣхали“, роптало войско, — и взяли Новоторжскъ, перевязали здѣшнихъ мужей, плѣнили ихъ женъ и дѣтей, и забрали всѣ товары, потомъ сожгли городъ. Отославъ плѣнниковъ во Владиміръ, Всеволодъ двинулся тогда и къ Волоку; не доходя до него, пустилъ впередъ охотниковъ; тѣ врасплохъ захватили и Волокъ, также обогатились добычей и также сожгли городъ. Всеволодъ почелъ наконецъ наказаніе Новгородцевъ достаточнымъ и возвратился во свояси.

Княженіе въ Новгородѣ Мстислава Храбраго. Вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ Новгородцы пригласили къ себѣ на княженіе Храбраго Мстислава; особенно почетное посольство

изъ самыхъ знатныхъ Новгородскихъ бояръ отправилось просить о томъ въ Смоленскую область. Цвѣтущій юностью и увѣнчанный славой Вышгородской осады, этотъ князь былъ дорогъ Новгородцамъ и какъ родной внукъ завѣтнаго ихъ любимца Мстислава-великаго. Но молодой князь не хотѣлъ покидать родины, сердце не лежало идти нà сторону. „Какъ же я разстанусь съ братьями моими и свою-то вотчину оставлю?“ отвѣтилъ онъ новгородскимъ боярамъ, и чѣмъ болѣе размышлялъ объ этомъ, тѣмъ рѣшительнѣе стоялъ на отказѣ. Ему хотѣлось вѣкъ цѣлый страдать за родину: для нее всею душой радъ былъ онъ на великія дѣла. Но всѣ вокругъ стали его уговаривать; братья понуждали его, также и дружина. „Братъ“! говорили ему всѣ до одного старшіе братья, сыновья схимолюбиваго Ростислава „зовутъ тебя честью: иди. А тамъ развѣ не наша вотчина?“ (Тогда былъ живъ еще и Романъ Ростиславичъ). „Какъ не идти? Отчего не идти, ежели зовутъ честью?“ повторяла въ одинъ голосъ и вся дружина. „Лишь бы далъ Богъ возвратиться на родину“, отвѣтилъ молодой князь—„ужъ я Русской земли не забуду“—и поѣхалъ. Встрѣченный Новгородцами съ крестами и иконами, соборомъ игумновъ съ тамошнимъ Владыкой, вошелъ онъ въ св. Софію поклониться святому Спасу и святой Богородицѣ и *сѣлъ на столѣ дѣда своего и отца своего со славой и честью великою.*

Одною изъ важнѣйшихъ услугъ, наиболѣе цѣнимыхъ Новгородцами въ своихъ князьяхъ, было защищеніе ими здѣшняго края отъ „поганыхъ“, набѣгавшихъ со стороны Варяжскаго моря: удерживаніе всей тамошней Чуди въ покорности и подданствѣ; а „некрещеная чудь“ начинала къ этому времени (на то были особенныя причины) глухо волноваться. Окраины Пскова и Новгорода терпѣли отъ тамошнихъ племенъ; давно уже слѣдовало наказать ихъ, какъ это изстари и дѣлалось по временамъ, когда эти старинные данники Руси, вмѣсто того, чтобы исправно вносить установленную дань и справлять возложенныя на нихъ повинности по тамошнимъ волокамъ и перевозамъ при проходѣ торговыхъ судовъ — вдругъ отказывались отъ повиновенья, позволяя себѣ грабительство и прочіе мятежные поступки. Въ Новгородѣ уже и забыли, когда именно были послѣдніе

Б.10,4.

походы въ ихъ сторону, и дерзость ихъ все болѣе возростала. Мстиславъ Храбрый, едва осмотрѣлся на новомъ мѣстѣ, и рѣшилъ: *„пойти на Чудь“*. Онъ собралъ новгородцевъ и сказалъ имъ: „Братья! сами видите: намъ отъ поганыхъ обида; положимся на Божью помощь и свободимъ-ка отъ нихъ Новгородскую Землю“. Всѣмъ міромъ дали отвѣтъ: „ежели такъ Богу угодно и тебѣ, князь, вотъ мы и готовы“. Когда войско было собрано и князь урядилъ полки, самъ свелъ счеты: числомъ вышло 20 тысячъ. Съ ними онъ и пошелъ въ Чудьскую землю, поповоевалъ ее изъ края въ край, доходилъ до самаго моря, вездѣ забирался челядью и скотомъ и прочею добычей; а гдѣ надо было особенно наказать виновныхъ—все пожегъ, не оставилъ и селенья; коротко сказать: не прежде вышелъ изъ Чудьской земли, какъ довершивъ ея полное усмиренье. Дорогою оттуда онъ зашелъ и во Псковъ. По давнему обычаю, отъ новгородскаго князя зависѣло и то, кого отъ себя назначить посадникомъ во Псковѣ; но у Псковичей— какъ по этому поводу, такъ и по многимъ другимъ — шли вѣчныя распри съ Новгородцами. Мстиславъ Ростиславичъ уладился съ Псковичами, утвердился мирно и со Псковомъ; съ „Великой“ возвратился довольный всѣми удачами на „Волховъ“ и провелъ въ Новгородѣ, всю ту зиму.

За-зиму онъ надумался, куда идти на-весну. Онъ вспомнилъ старинную обиду, нанесенную Новгороду Полоцкимъ Всеславомъ: какъ онъ *„съ Неревскаго конца“* занялъ тогда Новгородъ. Хотя этому прошло больше ста лѣтъ, но въ Новгородѣ еще сохранялась память о томъ, какъ Всеславъ снялъ паникадило въ Софійскомъ соборѣ; взялъ еще тотъ разъ и „церковный іерусалимъ и сосуды служебные“. Все это и захотѣлъ Мстиславъ Храбрый возвратить Новгороду, лишь весна наступитъ. Тогдашній Полоцкій Князь (также прозывавшійся Всеславомъ), приходился, къ своему счастію, зятемъ старшему Мстиславову брату, кроткому Роману Ростиславичу. *Храбрый* уже велъ полки на Полоцкъ; а старшій его братъ Романъ выслалъ къ нему навстрѣчу въ Великія-Луки нарочнаго посла и велѣлъ сказать въ защиту зятя: „обиды отъ него тебѣ нѣтъ, какая же у тебя до него обида? Ежели пойдешь на него — на перваго иди на меня“. Не захотѣлъ *Храбрый* огорчать старшаго своего

брата и поворотилъ полки назадъ; но едва возвратился въ Новгородъ, разнемогся. Болѣзни молодого князя не умѣли опредѣлить; но это было общее ослабленіе и уже полный упадокъ силъ, онъ лежалъ безъ памяти и безъ языка. Княгиня стояла возлѣ и ближніе изъ дружинниковъ. Придя въ себя, онъ посмотрѣлъ на всѣхъ и заплакалъ. Нѣсколько сказанныхъ имъ словъ едва можно было разобрать, а всѣхъ распоряженій не дослышали. Тутъ былъ Борисъ Захарьичъ, его любимѣйшій бояринъ; ему на руки передалъ онъ младшаго своего сына Владиміра, а двухъ другихъ велѣлъ отдать братьямъ (одинъ изъ нихъ, Мстиславъ же именемъ, впослѣдствіи вышелъ и прозвищемъ въ отца: отецъ звался Храбрый, а этотъ — Мстиславъ Мстиславичъ *Удалой*; черкасы звали его „удатный“). Къ концу больной все поминалъ братьевъ и что они не забудутъ его дѣтей. „Воздѣвъ руцѣ на небо и воздохнувъ изъ глубины сердца, *прослезився*“—и его не стало. (1180 г.). „Плакало надъ нимъ все множество Новгородское—и сильные и худые“; голосили: на кого онъ всѣхъ оставляетъ? поминая, какъ онъ поработилъ Чудь, причитывали: „уже не можемъ идти съ тобой на иныя земли! ото всѣхъ бѣдъ, Господине, какъ и дѣдъ твой Мстиславъ-великій, освободилъ ты насъ, унаслѣдовалъ славу своего дѣда“. Отпѣвалъ его епископъ Илія со всѣмъ освященнымъ соборомъ и похоронили у св. Софіи въ томъ же склепѣ, который былъ сдѣланъ еще во дни Ярослава Мудраго для скончавшагося тутъ старшаго его сына Владиміра Ярославича, строителя св. Софіи: съ нимъ рядомъ и положили. И не только въ Новгородѣ, во всей Русской Землѣ печаль по немъ была великая. Въ Кіевѣ говорили: *„не можемъ забыть доблести его“;* а Черкасы прибавляли къ тому: *„Черные Клобуцы вси не могутъ забыть приголубленія его“*. О немъ говорили, что не было той земли, которая-бы его себѣ не хотѣла; ласковый до всѣхъ, онъ не собиралъ золота и серебра, а все отдавалъ дружинѣ, также и на милостыню не было его щедрѣе; при сраженіи онъ вѣчно говорилъ, бывало: „если не теперь, братья, все умремъ же когда-нибудь; если намъ суждено пасть — вѣнцовъ мученическихъ за братьевъ сподобимся; а живы воротимся — такъ и слава Богу; все равно умремъ же“.

За краткій промежутокъ времени, пока тутъ въ Новгородѣ сидѣлъ случайный князь, повидимому Всеволодъ Юрьевичъ не гнѣвался съ своей стороны; но когда вслѣдъ затѣмъ Новгородцы по старинѣ обратились въ Кіевъ и просили кіевскаго державца дать имъ сына, дѣло приняло иной оборотъ. Едва только по ихъ просьбѣ Святославъ Всеволодовичъ дѣйствительно отпустилъ къ нимъ одного изъ собственныхъ сыновей (Владиміра Святославича), прежнія добрыя отношенія обоихъ Великихъ Князей, владимірскаго и кіевскаго, сейчасъ-же нарушились: столкновеніе между ними казалось неизбѣжнымъ. Оно и не замедлило разразиться; послѣдовало однако не изъ-за новгородскихъ дѣлъ, а Рязань дала тому поводъ: очевидно, рязанскія дѣла заботили Всеволода болѣе новгородскихъ.

Замѣшательства въ Рязани. Бывшій владимірскій узникъ Романъ (старшій сынъ плѣнника Глѣба, умершаго во владимірской темницѣ) породнился тѣмъ временемъ съ Кіевскимъ Княземъ. За него Святославъ Всеволодовичъ выдалъ дочь свою и Романъ Глѣбовичъ, такимъ образомъ, сталъ ему союзникомъ на Рязани. Черниговская область, не забывая того, что Рязань нѣкогда была ея удѣломъ, простирала на нее и до сихъ поръ нѣкоторые виды: въ епархіальномъ отношеніи Рязань и до сей поры была подчинена Чернигову, Епископъ черниговскій былъ владыкою и Рязани. Къ этому времени забота черниговскихъ князей, по старинным счетамъ съ Рязанью, относилась главнымъ образомъ къ побережью Оки: ихъ заботили тѣ уцѣлѣвшія владѣнія Чернигова, смежныя съ рязанскими на правомъ берегу Оки, которыя тогда составляли границу Чернигова съ самимъ Владимірскимъ княженіемъ—насупротивъ нынѣшнихъ, по этой-же рѣкѣ, московскихъ мѣстъ. Черниговцы ничего не имѣли противъ Рязанцевъ за удержаніе ими Коломны и распространеніе ихъ владѣній оттуда на востокъ; но свои собственныя владѣнія по берегу Оки (на западъ отъ Коломны) къ странѣ Вятичей, берегли крѣпко. Здѣшняя Лопасенская волость — городъ Лопасня съ Колтескомъ въ сторону къ Коломнѣ внизъ по Окѣ, и Тѣшиловомъ къ серпуховскимъ мѣстамъ вверхъ по Окѣ — составляла тогда хотя

и не большое владѣніе, но цѣлый особнячокъ, предоставленный Кіевскимъ Княземъ своему сыну Олегу Святославичу. А между тѣмъ это именно владѣніе въ Лопасенскихъ мѣстахъ и служило поводомъ къ постояннымъ и непрекращавшимся раздорамъ между черниговскими и рязанскими князьями; споры изъ-за него велись между ними изстари и Святославъ Всеволодовичъ очень нуждался ихъ прекратить. Выдавъ свою дочь за рязанскаго князя Романа Глѣбовича и обѣщавъ ему свое покровительство, онъ *во-первыхъ*) по необходимости долженъ былъ содѣйствовать тому, чтобы Рязань удерживала на Окѣ свои владѣнія въ Коломенскихъ мѣстахъ, а не тянула бы въ черниговскую сторону къ Вятичамъ; а *во-вторыхъ*) вообще способствовалъ усиленію зятя надъ прочими тамошними князьями. Въ этихъ видахъ онъ отправилъ своему союзнику уже и помощь (послалъ къ нему своего сына Глѣба Святославича).

Въ 1180 мъ году братья Романа рязанскаго (Всеволодъ и Владиміръ Глѣбовичи) обратились къ Великому князю Всеволоду Юрьевичу съ такою жалобой: „Ты господинъ и отецъ нашъ, разсуди между нами: Романъ, братъ нашъ старѣйшій отнимаетъ волости у насъ, слушая тестя своего Святослава: а тебѣ цѣловавъ крестъ—преступилъ“. Великій князь немедленно выступилъ въ походъ по ихъ просьбѣ; двое Глѣбовичей, подавшіе ему жалобу, встрѣтили его подъ Коломной съ поклономъ и были имъ приняты съ любовью. Но въ Коломнѣ засѣлъ сынъ Святослава Всеволодовича, присланный изъ Кіева въ помощь Роману. Великій Князь позвалъ его къ себѣ, Глѣбъ-же Святославичъ не хотѣлъ ѣхать къ нему; Коломна однакожъ была занята и пришлось волей-неволей покориться. Всеволодъ Юрьевичъ велѣлъ заключить Святославова сына въ оковы и отослалъ во Владиміръ; туда же была отправлена и вся его захваченная дружина, тамъ было велѣно содержать ихъ подъ стражей. Прогнавъ затѣмъ передовые отряды Романа—частью захвативъ въ плѣнъ, а частью истребивъ вовсе—Всеволодъ по дорогѣ къ Рязанѣ захватилъ Борисоглѣбскъ; Романъ тѣмъ временемъ—утвердивъ свою столицу лишь тѣмъ, что затворилъ въ ней на осаду меньшихъ братьевъ (Игоря и Святослава)—самъ бѣжалъ въ степь. Всеволодъ Юрьевичъ, подступивъ къ Рязанѣ, не встрѣтилъ отъ Романовой братьи ни малѣйшаго

сопротивленья и далъ имъ миръ. Всѣ они (и подавшіе жалобу Всеволодъ съ Владиміромъ и не подававшіе жалобы: Игорь со Святославомъ,—вскорѣ же и самъ Романъ) всѣ здѣшніе Глѣбовичи подчинились теперь крѣпче прежняго Великому Князю: „цѣловали крестъ Всеволоду на всей волѣ его: Всеволодъ же, смиривъ братью, раздѣлилъ между ними волости, каждому по старѣйшинству, и возвратился во Владиміръ“.

Война между Кіевскимъ и Владимірскимъ Великими Князьями. Услыхавъ о плѣнѣ своего сына, Святославъ Всеволодовичъ весь былъ—негодованье: на ту бѣду, въ злую-же минуту получилъ и вѣсть о томъ! Стѣсненный въ столицѣ вверхъ и внизъ по Днѣпру волостями Рюрика и Давида,—окруженный ихъ владѣніями до такой тѣсноты, что даже подъ самымъ Кіевомъ встрѣчался съ ними, какъ съ хозяевами здѣшнихъ мѣстъ, а самъ былъ тутъ чужой—онъ съ трудомъ переносилъ такое положеніе. Даже для охоты, чтобы „ловы дѣлать по Днѣпру“, долженъ былъ онъ отъѣзжать на свою черниговскую сторону; а охота по тѣмъ временамъ была дѣломъ нешуточнымъ. Не даромъ въ лѣтописи записано, что древле война разгорѣлась между дѣтьми Дунайскаго Святослава изъ за того именно, что „ловъ дѣюще Свѣнельдичю именемъ Лютъ гнà по звѣрю въ лѣсѣ, и узрѣ ѝ Олегъ, уби ѝ, бѣ бо ловы дѣя Олегъ“. Случилось такъ, что Святославъ Всеволодовичъ, именно „дѣлая ловы по Днѣпру“, ходилъ по черниговской сторонѣ: тутъ несчастному отцу и передали вѣсть о плѣненіи Глѣба Святославича. Вспыхнулъ старикъ яростью и помянулъ лихомъ все Владимірово—не чужое для себя по Мстиславнѣ, матери своей—враждебное племя, разжегся гнѣвомъ. А тѣмъ временемъ показался въ ладьяхъ Давидъ Ростиславичъ у противуположнаго берега и также „дѣлалъ ловы“. Не вытерпѣлъ Святославъ Всеволодовичъ, устремился черезъ Днѣпръ и ударилъ на Давида Ростиславича. Тотъ, утвержденный съ кіевскимъ княземъ крестнымъ цѣлованіемъ не ожидая себѣ отъ него зла, мирно охотясь—былъ тутъ съ княгинею и лишь съ немногими людьми. Вдругъ на нихъ посыпались стрѣлы и стали нападать,—застигнутые врасплохъ едва успѣли пристать къ берегу и скрылись бѣгствомъ. Но

совершивъ это нападеніе нечаянно, и Святославъ Всеволодовичъ, былъ тутъ лишь съ малыми людьми. Онъ успѣлъ только передать находившейся съ нимъ княгинѣ и своему любимцу Кочкарю: „отомстился бы я Всеволоду, да бѣда въ Ростиславичахъ! всячески надѣлаютъ мнѣ зла на Руси; а захвачу я теперь Давида, выгоню потомъ Рюрика вонъ отсюда, тогда ужъ и Всеволоду отомщуся“. Но не удалось захватить Давида, Святославъ захватилъ только дружинниковъ и обозъ его; какъ безпамятный провелъ ночь подъ Вышгородомъ, а къ утру—гдѣ ни искали Давида, пропалъ слѣдъ его: Давидъ кинулся тогда въ Бѣлгородъ къ своему брату Рюрику. Даже въ Кіевъ не имѣлъ духу возвратиться Святославъ Всеволодовичъ, а прибылъ въ Черниговъ: туда же велѣлъ придти своей дружинѣ и всѣмъ полкамъ своимъ,— и собралъ „старшихъ и молодшихъ“ всю свою братью—на совѣтъ.

Въ Черниговѣ княжилъ братъ его Ярославъ Всеволодовичъ, нѣкогда владѣвшій однимъ Ропскомъ, а въ это время достигшій по „лѣствичному восхожденію“ и главнаго стола въ своемъ удѣлѣ. Изъ младшихъ князей тутъ были: Игорь Святославичъ, герой „*Слова*“ и братъ его Всеволодъ, „буй-туръ“ какъ его зоветъ пѣвецъ *Слова* (сыновья бывшаго Юрьева союзника Святослава Ольговича); были и ихъ подроставшіе княжичи. Всѣ приняли къ сердцу обиду старика, а онъ говорилъ такъ: „какъ же быть? разъ моя вражда къ Ростиславичамъ открылась теперь, нельзя мнѣ оставаться въ Кіевѣ. Куда же пойдемъ всѣ? на ихъ ли Смоленскъ или въ Суздаль прямо на Всеволода“? Игорь отвѣтилъ: „Отче! на что бы лучше, еслибъ тишина была въ Русской Землѣ; а какъ этого не случилось — лишь-бы ты, далъ Богъ, остался намъ здоровъ“—и вся братія положилась на волю стараго князя. Тогда Святославъ Всеволодовичъ сказалъ: „Вотъ, я старше Ярослава, а ты, Игорь, старше Всеволода—всѣмъ я вамъ теперь за отца и велю такъ: ты, Игорь, съ братомъ моимъ Ярославомъ останьтесь дома блюсти Чернигова: а самъ я съ твоимъ братомъ Всеволодомъ пойду къ Суздалю и взыщу сына моего Глѣба—съ тамошнимъ княземъ и разсудитъ насъ Богъ“. Распредѣливъ полки поровну себѣ и имъ, Святославъ Всеволодовичъ раздѣлилъ и Половцевъ на двое: половину взялъ съ

собою, а другую половину оставилъ братьѣ, и пошелъ въ походъ,—захватилъ и ютившагося у него тѣмъ временемъ Ярополка Ростиславича Безокаго.

На соединенье съ ними, навстрѣчу къ отцу, долженъ былъ тогда притти и сынъ его (Владиміръ Святославичъ) княжившій въ Новгородѣ. Союзники съ сѣвера и съ юга соединились въ нынѣшнихъ Тверскихъ мѣстахъ и, обратясь лицомъ на врага, пошли къ Переяславлю-Залѣсскому, откуда шелъ имъ на встрѣчу самъ Всеволодъ. Дорогою они страшно повоевали здѣшнее Поволжье,—отъ самой рѣчки Тиверцы и до Дубны всѣ села были раззорены и пожжены ими,—„*положили всю Волгу пусту*“ по словамъ лѣтописи и, не доходя сорока верстъ до Переяславля, настигли Всеволола Юрьевича на одномъ изъ притоковъ Дубны, на рѣкѣ Вленѣ.

Великій князь Владимірскій занялъ тутъ неприступное мѣсто. Рѣка Влена въ крутыхъ каменистыхъ берегахъ, пересѣченныхъ обрывами и оврагами, вообще представляла хорошія средства для обороны; Всеволодъ-же утвердился въ крѣпяхъ главнаго изъ крутояровъ. Владимірцы стали на горахъ „въ пропастяхъ и въ ломахъ“, такъ что къ нимъ нельзя было и подступиться. Напрасно оба непріятельскія войска, расположась другъ противъ друга по обѣимъ сторонамъ рѣки, надзирали другъ за другомъ и втеченіи двухъ недѣль выманивали одинъ другаго въ чистое поле. Многочисленное и, по сравненію съ непріятельскимъ, даже огромное войско Всеволода заключало въ себѣ, кромѣ множайшихъ полковъ его собственнаго княжества, еще муромскіе и рязанскіе. И Рязанскіе и Муромскіе князья, какъ подручники Всеволода, были съ нимъ тутъ же. А противъ нихъ, въ войскѣ Кіевскаго Князя былъ сынъ его, Олегъ Святославичъ Лопасенскій и другой сынъ Новгородскій князь (Владиміръ Святославичъ)—оба брата, которые возводя Всеволода на престолъ—давно ли еще защищали его противъ Рязанцевъ... Тогда они били Половцевъ, а теперь въ союзѣ съ ними, съ Половцами за-одно, бились противъ Владимірскаго князя. Какъ его ни вызывали выйти изъ засады и разсудиться честнымъ боемъ—Всеволодъ не двигался съ мѣста.

Задорилась его дружина схватиться съ непріятелемъ, сами

Владимірцы просились въ бой: Всеволодъ Юрьевичъ не пускалъ. Въ началѣ онъ выслалъ было муромцевъ и рязанцевъ; тѣ ворвались въ обозы Святослава Всеволодовича и потоптали Черниговскіе полки; но братъ Игоря-сѣверскаго („буй-туръ“ Всеволодъ) подоспѣлъ на выручку—и бѣгущіе отъ него отступили съ большимъ урономъ. Послѣ того, уже съ обѣихъ сторонъ ничего не предпринимали и время тянулось даромъ.

Въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ старый Святославъ Всеволодовичъ рѣшился начать переговоры съ противникомъ — безъ непріятельской угрозы, но и безъ просительскаго смиренія, а *по-совѣсти* въ видѣ увѣщанья; для подобныхъ переговоровъ выбирали обыкновенно посредниковъ изъ духовенства. Изъ священниковъ, находившихся въ станѣ Святослава Всеволодовича, двое и были имъ отправлены къ Владимірскому Великому Князю. Старый его покровитель велѣлъ передать своему обидчику такъ: „Братъ мой и сынъ мой! много я тебѣ добра творилъ и не чаялъ себѣ отъ тебя такого возмездія; но если уже ты умыслилъ на меня зло—отнялъ у меня моего сына—такъ недалёко меня искать, отступи дальше отъ рѣки, дай мнѣ путь, я выйду къ тебѣ и пусть насъ Богъ разсудитъ; а если не хочешь мнѣ дать пути, такъ я отступлю пожалуй, ты переходи на эту сторону: здѣсь насъ разсудитъ Богъ“.

Всеволодъ задержалъ посланныхъ, отправилъ ихъ какъ плѣнниковъ во Владиміръ,—и Святославу не отвѣчалъ. Положеніе союзниковъ въ непріятельской странѣ—въ виду близкой весны, разлитія рѣкъ и всеобщей распутицы—становилось не безопаснымъ: нельзя было медлить долѣе. Святославъ Всеволодовичъ испугался наступившей теплыни и снялъ свой станъ. Тогда Всеволодъ далъ волю своему войску напасть на его обозы и въ нихъ захватили много добра; а самого̀ его не велѣлъ трогать, преслѣдовать запретилъ. Союзники, избѣгая ими-же опустошенныхъ мѣстъ, отступили прежнею дорогой, но южнѣе. Кіевскій князь на пути взялъ городъ Дмитровъ и раззорилъ это мѣсторожденіе Всеволода; отпустилъ отъ себя сына Олега Лопасенскаго домой, также и своего двоюроднаго брата („буй-тура“ Всеволода), а съ другимъ сыномъ (Владиміромъ Свя-

тославичемъ) пошелъ въ Новгородъ: находившійся съ нимъ въ полкахъ Ярополкъ Безокій былъ опять посаженъ въ Новоторжскѣ. Въ Новгородѣ надо было дождаться вѣстей обо всемъ, что произошло на югѣ? За все время ихъ отсутствія не было вѣстей оттуда.

На югѣ, между тѣмъ, по выбытіи оттуда Святослава Всеволодовича, Рюрикъ Ростиславичъ хотѣлъ опять провозгласить себя „возсѣвшимъ на престолъ отца своего и дѣда“ и началъ собирать охотниковъ идти съ нимъ на Кіевъ: привелъ на помощь съ Волыни сыновей Ярослава Луцкаго (Ингварь и Всеволодъ), послалъ еще за помощью въ Галичъ къ старому Ярославу Осмомыслу, приславшему ему съ небольшимъ отрядомъ боярина Тудора. А Давидъ Ростиславичъ, первый возвѣстившій тотъ разъ въ Бѣлгородѣ брату Рюрику объ „измѣнѣ“ Кіевскаго князя, былъ тогда-же отправленъ за помощью къ старшему ихъ брату Роману; но въ то самое время кроткій и мягкосердый Романъ скончался: Давидъ Ростиславичъ и замѣшкался въ Смоленскѣ, утверждаясь на тамошнемъ престолѣ.

Такимъ образомъ, Ярославъ Святославичъ (бывшій нѣкогда владѣлецъ Ропска, а напослѣдокъ княжившій въ Черниговѣ) съ двоюроднымъ своимъ братомъ Игоремъ сѣверскимъ, оставленные *„блюсти Черниговъ“*, не дождались враговъ у стѣнъ своего города и рѣшились сами выступитъ войною въ Смоленскіе предѣлы *). Въ придачу къ своимъ полкамъ захвативъ еще съ собою Половцевъ, они

*) Къ этому времени у Черниговскихъ князей завязались особенныя и совершенно исключительные, путаные счеты со Смоленскими князьями—ради Полочанъ. По владѣніямъ черниговскихъ князей вкругъ Гомеля, гдѣ изстари заключалась *„ихъ жизнь вся“* (какъ нѣкогда говорили они сами) они находились въ близкихъ сношеніяхъ съ Полоцкими, вообще съ Кривьскими князьями. Но, издавна бѣднѣвшіе и мельчавшіе, Полоцкіе князья напослѣдокъ захудали такъ, что и вовсе растеряли свои владѣнія. Ихъ Витебскъ, Друцкъ и прочіе города, переходя между ними изъ рукъ въ руки, постоянно-же были вырываемы изъ ихъ рукъ—именно Смоленскими сосѣдями. Кривьскіе князья, отстаивая свою независимость, дружили съ Литвой и Ливью, болѣе и болѣе вступали съ ними въ союзы какъ равные съ равными, а уже не какъ съ данниками своими,—и съ помощью этихъ *„погапыхъ“* отбивались отъ посягательства Смоленскихъ князей: не хотѣли чтобы Кривьскія ихъ владѣнія были поглощены Смоленскимъ княжествомъ. Но этого-же въ свою очередь не хотѣли допу-

тронулись въ путь тѣми своими владѣніями, гдѣ у нихъ были города Гомель, Чечерскъ и прочіе, сосѣдившіе съ Кривьскою землею, — спѣша къ Витебску и Друцку. Оба эти города и находились тогда въ бранной тревогѣ. Одинъ изъ *„полоцкой княжьи“* (Глѣбъ Рогвольдовичъ) передавшійся Смоленску, воевалъ тутъ съ помощью Смолянъ; а всѣ прочіе (Всеславъ Васильковичъ Полоцкій, Брячиславъ Витебскій и т. д.) бились противъ него, отстаивая свою независимость отъ Смоленска. У нихъ мало было своей силы и они привели съ собой полчища подвластной литвы. Къ нимъ въ помощь и приспѣли Черниговскіе князья; война сразу приняла болѣе обширныя размѣры и обратилась не въ пользу Смолянъ. Черниговскіе князья — кромѣ того, что дѣйствовали съ успѣхомъ—дали о себѣ еще вѣсти въ Новгородъ находившемуся тамъ Кіевскому князю, и ждали себѣ помощи оттуда. Въ союзномъ станѣ Полочанъ и Черниговцевъ (до тѣхъ поръ еще небывалое явленье!) очутились тогда въ однихъ рядахъ съ Половцами, приведенными Черниговцами, еще Литва и Ливь, наведенныя *полоцкою княжьею*; такимъ образомъ, „поганые“ изъ подъ древней Тьмутаракани смѣшались въ однихъ рядахъ съ „погаными“ отъ Варяжскаго взморья.

Противъ нихъ выступилъ наконецъ съ значительнымъ войскомъ новый Смоленскій князь Давидъ Ростиславичъ самъ лично; подъ Друцкомъ онъ хотѣлъ вынудить бой, надѣясь на перевѣсъ своихъ силъ противъ союзниковъ; но Ярославъ Святославичъ уклонился отъ боя, дожидаясь старшаго своего брата Кіевскаго князя, спѣшившаго къ нимъ изъ Новгорода. Ярославъ Святославичъ съ Игоремъ сѣверскимъ заняли выгодное положеніе на берегу

стить и Черниговскіе князья, болѣе безкорыстные въ этомъ случаѣ сосѣди Полочанъ; по своимъ Гомельскимъ владѣніямъ и они также могли—наравнѣ со Смолянами—желать себѣ Витебска, Друцка и смежныхъ городовъ,—но во всякомъ случаѣ для нихъ было выгоднѣе чтобы эти спорныя мѣста, по крайней мѣрѣ, оставались за Полоцкими князьями, а не отошли бы подъ власть Смоленскихъ державцевъ. Отсюда и всѣ тамошнія междуусобія: втеченіи полувѣка не умолкали междуусобныя битвы подъ городомъ Друцкомъ, не прерывалось и вмѣшательство въ эти междуусобія со стороны Черниговскихъ князей, чуть только подъ Витебскомъ или Друцкомъ являлись Смоленскіе полки.

Дручи и стояли цѣлую недѣлю, перестрѣливаясь съ непріятелемъ черезъ рѣку. Когда же Святославъ Всеволодовичъ дѣйствительно соединился съ ними и они начали устраивать гати для переправы черезъ рѣку, чтобы ударить на Давида Ростиславича, въ свою очередь и онъ не захотѣлъ биться, побѣжалъ назадъ въ Смоленскъ.

Святославъ Всеволодовичъ подступилъ къ Друцку, пожегъ острогъ, и тѣмъ покончилъ походъ. Съ роднымъ братомъ (Ярославомъ Святославичемъ) и съ двоюроднымъ (Игоремъ Святославичемъ сѣверскимъ) они съ Дручи перешли на Днѣпръ и поплыли внизъ—въ Кіевъ. При возвращеніи Кіевскаго князя, Рюрикъ Ростиславичъ ушелъ въ свой Бѣлгородъ, но выслалъ войско противъ черниговскихъ союзниковъ Половцевъ; а они съ Игоремъ Сѣверскимъ расположились станомъ отдыхать у Долобскаго озера. Высланное противъ нихъ Рюриково войско не было многочисленно и предводительствовавшіе князья были изъ не большихъ; но Игорь Святославичъ отдыхалъ безъ всякаго береженья, и при этомъ дѣлѣ въ его полкахъ скорѣе, можно сказать, произошло всеобщее замѣшательство, чѣмъ ихъ пораженье. Въ войскѣ Рюрика Ростиславича отличились тогда Борисъ Захарьичъ (любимый воевода Храбраго Мстислава, которому покойный князь поручилъ своего младшаго сына Владиміра) и дружинники самого этого молодаго княжича. Рюрикъ Ростиславичъ хвалился тогда этою „побѣдою“ надъ Игоремъ сѣверскимъ, уплывшимъ въ лодкѣ черезъ Днѣпръ; но хвалился только на словахъ, а на самомъ дѣлѣ и не думалъ пожинать плодовъ ея: тотчасъ же укрѣпился новымъ крестнымъ цѣлованіемъ со Святославомъ Всеволодовичемъ, вторично признавъ за нимъ Великое княженье. Къ такой удачѣ Кіевскаго князя прибавилась еще и неожиданная радость: сынъ его Глѣбъ Святославичъ былъ выпущенъ на волю и возвратился изъ Владиміра къ отцу; произошло все это почти одновременно.

Великій князь Владимірскій, доканчивая свою распрю со старымъ своимъ покровителемъ, вспыхнувшую изъ-за новгородскихъ и рязанскихъ дѣлъ, Всеволодъ Юрьевичъ тѣмъ временемъ напалъ на Новый-Торгъ, взялъ городъ осадой и раненнаго при этомъ Ярополка Безокаго увелъ плѣнникомъ во Владиміръ—уже навсегда; вскорѣ онъ и скончался отъ

своей тяжкой раны *). Новгородцамъ наскучило тѣмъ временемъ быть въ ссорѣ съ Великимъ Княземъ Владимірскимъ и они обратились къ нему съ просьбою дать имъ князя по своей волѣ, а бывшаго у нихъ (Владиміра Святославича) отправили назадъ къ отцу въ Кіевъ. Всеволодъ Юрьевичъ назначилъ въ Новгородъ одного изъ ничтожнѣйшихъ князей того времени, который однакоже находился съ нимъ въ свойствѣ **), а самъ, довольный удаленіемъ изъ Новгорода сына Святослава Всеволодовича и прекращеніемъ бывшихъ съ нимъ распрей—тогда и выпустилъ Глѣба Святославича на волю. Возстановившееся согласіе скрѣпилось еще и родствомъ; временная размолвка Кіевскаго князя со Всеволодомъ Юрьевичемъ и Рюрикомъ Ростиславичемъ покрылась у нихъ семейною радостью—одновременно двумя браками: одинъ изъ сыновей Кіевскаго князя—Глѣбъ Святославичъ женился на Рюриковнѣ, а другой—Мстиславъ, на свояченицѣ помогшаго Всеволода. На сѣверѣ и на югѣ, такимъ образомъ, произошло полное замиреніе.

Походъ Всеволода (Большое Гнѣздо) противъ Волжанъ-Болгаръ. Святославъ Всеволодовичъ не только примирился съ Великимъ княземъ Владимірскимъ, а постарому-побывалому опять при разныхъ случаяхъ присылалъ ему своихъ сыновей на помощь. Такъ, по примѣру отца своего Юрія Долгорукаго и брата Андрѣя, Всеволодъ задумалъ походъ противъ „*Серебряныхъ Болгаръ*“: такъ они названы въ лѣтописи. Онъ списался о томъ съ Кіевскимъ княземъ и этотъ, отвѣтивъ

---

*) Карамзинъ ошибочно показываетъ (И. Г. Р. III томъ, стр. 99) этого „мятежнаго Ярополка, сего славнаго чудеснымъ прозрѣніемъ слѣпца“ живымъ въ Новгородѣ въ 1196 году. Объ этомъ см. далѣе.

**) Нѣкій князь, по крестному имени Иванъ; а обычнымъ прозвищемъ Ярославъ Владиміровичъ, о которомъ не оставлено точныхъ свѣдѣній современниками—лучшій знакъ того, что онъ не стоитъ и помина; по однимъ догадкамъ, это сынъ „вертляваго“ князя Владиміра Мстиславича безземельнаго; по другимъ—нѣтъ. Въ точности неизвѣстно и то, въ какомъ именно свойствѣ находился онъ съ великимъ княземъ. Коротко сказать: мало извѣстный своими дѣлами и даже по отцу и матери, онъ тѣмъ только и высился въ глазахъ современниковъ, что приходился своякомъ великому князю. Когда говорили просто: „*своякъ Всеволодовъ*“ безъ дальнѣйшаго обозначенія — всегда и разумѣлся этотъ именно Ярославъ Владиміровичъ.

радостнымъ привѣтомъ: „дай Богъ и въ наши дни намъ съ тобою, братъ и сынъ мой, постоять по-старинѣ противъ поганыхъ“ прислалъ полкъ съ сыномъ (Владиміромъ Святославичемъ), который только-что передъ тѣмъ княжилъ въ Новгородѣ. Для этого же похода собрались во Владимірѣ по зову Всеволода муромскіе князья и рязанскіе; кромѣ того изъ южнаго Переяславля пришелъ одинъ изъ „удалыхъ сыновей Глѣбовыхъ“ (Изяславъ Глѣбовичъ)—племянникъ Всеволода; по всеобщей установившейся тогда дружбѣ и Смоленскій князь (Давидъ Ростиславичъ) прислалъ въ помощь одного изъ своихъ княжичей (Мстислава Давидовича). Гостепріимный хозяинъ, Всеволодъ Юрьевичъ, долго чествовалъ и ласкалъ собравшихся у него гостей, угощалъ ихъ [illegible]скончаемыми пирами,—и лишь послѣ многихъ веселій въ [illegible]лицѣ двинулись въ походъ: общій сборъ войскамъ былъ назначенъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Отсюда часть войска пѣшаго [illegible]оннаго шла степью, прочіе поплыли на судахъ Волгою. [illegible] Великій Князь находился при войскѣ.

Этотъ походъ замѣчателенъ тѣмъ, что никогда при прежнихъ вторженіяхъ къ Волжанамъ-Болгарамъ русскіе не заходили такъ далеко: поминается, напримѣръ, этотъ разъ племя Темтюзей (нынѣшнее мѣстечко Тетюши) и рѣка Черемшанъ—имена, ни разу еще до тѣхъ поръ не встрѣчавшіяся въ лѣтописи. За рѣкой Сурой въ степи примѣтило разъ сторожевое войско тьмочисленную толпу конниковъ и приняло ихъ за приближавшагося непріятеля; но пятеро изъ невѣдомаго полчища, отдѣлясь отъ прочихъ, прискакали къ Русскимъ и сказались Половцами изъ орды Ёмяка. Они ударили челомъ Великому Князю: „кланяются тебѣ Ёмяковы Половцы! заслышавъ твой приходъ на здѣшнихъ твоихъ враговъ, пришли и мы воевать ихъ же“. Всеволодъ Юрьевичъ, по совѣту братіи и дружины, привелъ ихъ къ ротѣ, по обычаю Половецкому,—и стали воевать вмѣстѣ. Русскіе нанесли тогда много пораженій „поганымъ Бохмитаиъ“ какъ звали магометанъ; но подъ однимъ укрѣпленнымъ городомъ молодые князья охотились ворваться къ затворившимся въ осаду и неосторожно бились подъ самыми воротами: тутъ былъ раненъ стрѣлою сквозь броню подъ самое сердце удалой Изяславъ Глѣбовичъ и принесенъ въ станъ уже полумертвымъ. Хотя гибель молодого

князя была отомщена погромомъ Серебряныхъ Болгаръ въ жестокомъ побоищѣ на самой Волгѣ,—больше тысячи ихъ было потоплено вмѣстѣ съ ихъ судами и свыше полуторы тысячи изрублено на берегу,—но удалой князь умеръ отъ той стрѣльной раны, хоронить его отправили во Владиміръ. Это опечалило его дядю, великое было уныніе и во всей дружинѣ. Впрочемъ, страна Серебряныхъ Болгаръ была повоевана уже довольно и они взмолились о пощадѣ. Въ виды великаго князя входило тогда не завоеваніе здѣшней магометанской страны и не взятіе здѣшнихъ магометанскихъ городовъ подъ свою державу, а лишь укрѣпленіе за Владимірскимъ княженіемъ мѣстъ, смежныхъ съ Нижнимъ-Новгородомъ и эта цѣль была вполнѣ достигнута.

Давъ миръ, Всеволодъ Юрьевичъ пошелъ обратно на судахъ вверхъ Волгою, а конницу отпустилъ Мордовскою страною. Возвратясь изъ этого похода, онъ вскорѣ получилъ жалобу Новгородцевъ на его свояка (Ярослава Владиміровича) и просьбу дать имъ новаго Князя. Въ награду смоленскому Давиду Ростиславичу за присылку своего сына въ Волжскій походъ Всеволодъ Юрьевичъ и отпустилъ тогда княжить въ Новгородъ Мстислава Давидовича, ходившаго на Волжанъ-Болгаръ.

Для удержанія этихъ племенъ въ покорности и совершеннаго отторженія отъ магометанской Болгаріи походы сюда Владимірцевъ уже не прекращались; при Всеволодѣ объ этихъ походахъ, кромѣ уже описаннаго, упоминается потомъ дважды. Мордва, Черемисса и остальная Чудь, подвластная Волжанамъ-Болгарамъ, не прилагалась съ своей стороны къ ихъ магометанству; однакоже, находясь въ подданствѣ у магометанъ, ими и возбуждались постоянно на борьбу съ православною Русью. Необходимо было пресѣчь это „магометанское вліяніе“ въ мѣстахъ подвластныхъ Владимірскому княженію, и когда силою русскаго оружія власть Волжанъ-Болгаръ дѣйствительно была вытѣснена отсюда и отодвинута дальше—внизъ по Волгѣ, сами здѣшніе Чудьскія племена сдѣлались миролюбивѣй. Какъ вездѣ, такъ и здѣсь, по своему обычаю, русскіе князья никого не обращали силой въ православную вѣру, предоставляя инородцамъ жить самобытно по ихъ старинѣ; но едва только здѣш-

няя Чудь отпала отъ власти магометанъ, уже относилась дружелюбнѣй къ православному населенію и сама русѣла. При дѣтяхъ Всеволода здѣшнюю мирную Мордву и Черемиссу уже звали русскою; такъ при походахъ въ этотъ край при Юріи Всеволодовичѣ поминается „Пургасова Русь“, „Русъ Пурѣха“ и прочіе.

Миролюбіе Всеволода и нарушеніе мира Рязанскими замѣшательствами. Не боясь войны и не уклоняясь отъ ратныхъ подвиговъ въ случаѣ надобности, Всеволодъ предпочиталъ имъ, однако, мирную гражданскую дѣятельность. Заслуживъ общую любовь народа водвореніемъ порядка и правосудія, чѣмъ особенно славилась его держава, онъ заботился еще о поддержаніи въ цвѣтущемъ видѣ многочисленныхъ городовъ своего княжества, особливо своей столицы. Въ Суздалѣ заложилъ онъ кремль и обнесъ его стѣнами; тамошній соборъ, пришедшій въ ветхость, былъ отдѣланъ заново: «*бысть яко нова*» сказано о главной церкви. Здѣшній Переяславль при озерѣ Плещеевѣ, также укрѣпленный и украшенный Всеволодомъ, слылъ тогда уже однимъ изъ знатнѣйшихъ городовъ и, окруженный многочисленными селеніями, составлялъ какъ бы удѣлъ особый. Во Владимірѣ кремль былъ воздвигнутъ съ башнями и стѣнами еще грознѣй и краше, чѣмъ въ Суздалѣ: на случай осады это была надежная твердыня. Много было воздвигнуто великимъ княземъ и по прочимъ городамъ разныхъ сооруженій „на память отечеству своему“.

Но главный изъ такихъ памятниковъ, который такъ же какъ златоверхій храмъ, построенный Боголюбскимъ, считался чудомъ своего времени и, по прошествіи вѣковъ, донынѣ составляетъ славу и красоту Владиміра — это Дмитріевскій соборъ, построенный имъ во имя своего ангела Димитрія Солуньскаго. Не ровняясь богатствомъ и размѣрами съ храмомъ, созданнымъ Андреемъ, Дмитріевскій соборъ превосходилъ его стройностью и красотою; кромѣ того, отличался затѣйливымъ разнообразіемъ рѣзныхъ украшеній по стѣнамъ снаружи. Но дороже золота и серебра благочестивый храмоздатель обогатилъ его еще драгоцѣнностью святыни. Почитая память Чудотворца, издревле славнаго въ преданіяхъ цѣлаго славянства, Всеволодъ снес-

ся съ цареградскимъ патріархомъ и греками Солуня: по его просьбѣ ему доставили для этого храма доску съ гробницы Димитрія Солуньскаго и сорочку великомученика, съ частью мощей его. Велика была радость Владимірцевъ о принесеніи въ ихъ городъ такой святыни. Дмитріевскій соборъ, поставленный Всеволодомъ на своемъ княжьемъ дворѣ, составлялъ какъ бы придворную церковь; тогда же великій князь обновилъ и свой княжій дворъ новыми теремами: по умножившемуся своему семейству онъ выстроилъ еще особый дворецъ, гдѣ помѣщались его дѣти.

Всѣ главныя торжества и народныя молебствія, какъ изначала повелось во Владимірѣ, совершались въ Успенскомъ соборѣ при образѣ Владимірской Божіей Матери, но уже нерѣдко и въ Дмитріевскомъ соборѣ. Особенно свои домашнія и семейныя торжества великій князь любилъ праздновать въ этомъ именно соборѣ; а у многочаднаго и чадолюбиваго Всеволода эти семейныя празднества, можно бы сказать, круглый годъ не переводились. Если за многочисленность своего потомства, которое многовѣтвистыми родами охватило вскорѣ всю сѣверную Русь, онъ получилъ прозвище Большое Гнѣздо, то уже и при его жизни семья его отличалась многолюдствомъ. Изъ восьми его сыновей, упоминаемыхъ въ лѣтописяхъ, выдавались потомъ извѣстностью: старшій *Константинъ*, напоминавшій своимъ именемъ родство отца съ греческими императорами; потомъ (стяжавшій вѣчную память въ битвѣ съ татарами на рѣкѣ Сити) *Юрій Всеволодовичъ* и изъ младшихъ—*Ярославъ Всеволодовичъ* (не столько знаменитый собственными подвигами, какъ тѣмъ, что былъ отцомъ Александра Невскаго). Кромѣ восьмерыхъ сыновей, было у Всеволода еще нѣсколько дочерей: извѣстнѣе другихъ Всеслава, выданная замужъ въ Черниговъ (за сына черниговскаго Ярослава Всеволодовича), и Верхуслава—любимица отца и матери, выданная за старшаго Рюрикова сына Ростислава Рюриковича. Родины и крестины дѣтей великаго князя и прочія торжества и празднества въ его домашнемъ быту—по любви къ нему народа и установившемуся во Владимірѣ полному единенію самого народа съ княжившею здѣсь династіей—получали еще характеръ праздниковъ и торжествъ всенародныхъ. Ни

про одного изъ прежнихъ князей не приводится столько свидѣтельствъ въ этомъ родѣ, какъ про Всеволода Юрьевича. Когда родился, напримѣръ, упомянутый выше князь Ситскій (26 ноября 1187 года) въ Суздалѣ, гдѣ происходили и крестины, объ этомъ записано такъ: „велѣлъ отецъ его Всеволодъ епископу Лукѣ наречь имя сыну Юрій, дѣдино имя, *и бысть радость велика въ Суздальской земли во всей*“. Подъ другимъ годомъ записано: „того же лѣта у великаго князя у Всеволода родися сынъ меньшой, мѣсяца августа въ 1-й день, *и бысть радость велика въ градѣ Володимірѣ о рожденьи его*“. Кромѣ рожденія и крестинъ каждаго изъ сыновей Всеволода, упоминаются еще подробно ихъ „постриги“, совершавшіеся Всеволодомъ также на глазахъ всего народа. Этотъ обычай заключался въ томъ, что княжича — по выходѣ изъ младенчества и по достиженіи имъ дѣтскаго возраста — первый разъ сажали на коня и въ первый разъ стригли ему волосы. Отъ мала до велика вся княжеская семья принимала участіе въ такомъ праздникѣ; приглашался епископъ и духовникъ княжеской семьи съ прочимъ духовенствомъ, и послѣ молебствія и совершенія радостнаго обряда садились за пиръ; въ то же время устраивался пиръ на весь міръ и въ цѣлой столицѣ. Такъ, про отца Александра Невскаго записано подъ 1194-мъ годомъ: „быша постриги сына Ярослава апрѣля 27 дня при блаженномъ епископѣ Іоаннѣ, *и бысть радость велика во градѣ Владимірѣ*“. Князь Ситскій былъ рожденъ и крещенъ въ Суздалѣ, тамъ же праздновались и его постриги, объ этомъ подъ 1192-мъ годомъ записано такъ: „быша постригъ у великаго князя Всеволода сына Юрія въ градѣ Суздалѣ, *того же дня и на конь его всади, и бысть радость велика во градѣ Суздалѣ*“. Еще торжественнѣй справлялъ великій князь на всемъ народѣ свадьбы многочисленныхъ дѣтей своихъ; женилъ ли кого изъ сыновей или дочь выдавалъ замужъ, непремѣнно устраивалось праздненство для народа, оставлявшее впечатлѣніе въ цѣломъ же народонаселеніи, почему лѣтописцы и заносили отмѣтки: „*сотвори великъ бракъ Всеволодъ*“ или: „*сватьба была сильная*“, или еще: „великая радость была въ народѣ“.

Особеннымъ богатствомъ и великолѣпіемъ поразилъ всѣхъ свадебный поѣздъ Верхуславы, любимой дочери Все-

волода. Изъ-подъ Кіева сватъ Рюрикъ Ростиславичъ (сидѣвшій тогда въ Бѣлгородѣ) прислалъ одного изъ шурьевъ своихъ во Владиміръ „по невѣсту для сына своего Ростислава Рюриковича“, а съ шуриномъ прибыло цѣлое посольство, состоявшее изъ множества бояръ и боярынь. Великій Князь одарилъ пріѣзжихъ богатыми дарами, а за дочерью далъ множество серебра и золота, всякаго приданаго безъ числа, бисера и драгоцѣнныхъ каменьевъ; свату же Рюрику приложилъ дары особо. Втеченіи двухъ недѣль не прерывались тогда пиршества во Владимірѣ; въ это время дарили невѣсту князья, съѣхавшіеся на ея проводы изъ Мурома и Рязани, также приносили ей дары горожане Ростова, Суздаля, Переяславля и прочіе; чествовали многими дарами на прощаньи и сами Владимірцы. Когда же пришло время разставаться и посадили Верхуславу на коня, родители „плакали по милой дочери своей“ — любимицѣ отца съ матерью: притомъ это была еще отроковица; они проводили ее до трехъ становъ и множество своихъ собственныхъ бояръ съ ихъ боярынями отпустили съ нею, ожидая разсказовъ о совершеніи брака. И свадьба Верхуславы съ Ростиславомъ Рюриковичемъ въ Бѣлгородѣ, совершенная епископомъ (Максимомъ) была въ мѣру чести, какой только могъ желать великій князь для своей любимой дочери. Изъ Кіева пріѣзжалъ тогда въ Бѣлгородъ самъ Святославъ Всеволодовичъ съ сыномъ; были на свадьбѣ и всѣ окольные князья; три дня кряду не разъѣзжались съ общаго веселія. Сноху свою Рюрикъ одарилъ многими дарами и далъ ей еще кромѣ того городъ Брягинъ; потомъ отдарился въ свою очередь великими дарами и передъ Всеволодомъ, щедро наградивъ всѣхъ бояръ его, присланныхъ на свадьбу. Они донесли ему по возвращеніи во Владиміръ, что Рюрикъ Ростиславичъ *„сотвори вельми сильну свадьбу*, какой и не бывало въ Руси; однихъ князей было за двадцать и самъ Кіевскій былъ же“. Послѣ того молодые изъ-подъ Кіева не одинъ разъ навѣщали родителей во Владимірѣ и всякій разъ Всеволодъ подолгу задерживалъ у себя зятя; Верхуслава нерѣдко и одна гостила у отца съ матерью подолгу. Изъ свадебъ, сыгранныхъ въ самомъ Владимірѣ, одна другую превосходила разъ отъ разу, какъ по своему богатству и великолѣпію, такъ и по множеству съѣзжавшейся родни.

Самъ великій князь былъ женатъ на Горской княжнѣ изъ Яссовъ: старинная связь Руси съ Кавказомъ не прерывалась, чему доказательствомъ и служитъ, между прочимъ, самый этотъ бракъ. Великая княгиня (Марія) отличалась многими добродѣтелями и раздѣляла съ супругомъ его усердіе къ церкви. Она устроила женскій монастырь во Владимірѣ, въ которомъ напослѣдокъ постриглась и сама. Въ послѣдніе годы жизни страдая неизлѣчимою болѣзнью и перенося ее съ удивительною кротостью, она все время изъявляла желаніе уединиться въ монастырѣ: только просьбы дѣтей удержавали ее въ мірѣ. Но, почувствовавъ приближеніе кончины, исполнила свое желаніе: съ плачемъ великимъ вся семья, самъ Всеволодъ съ сыновьями и дочерьми, въ окруженіи монашества и духовенства со всего города и самихъ горожанъ провожали ее до стѣнъ монастырскихъ; по прошествіи восемнадцати дней послѣ постриженія она скончалась. Епископъ владимірскій Іоаннъ совершалъ ея погребеніе соборнѣ со Смоленскимъ, случившимся тогда въ Владимірѣ, и съ духовникомъ ея знаменитымъ игумномъ Симономъ и со многими игумнами и пресвитерами. Овдовѣвшій великій князь и осиротѣвшія его дѣти плакали безутѣшно; а въ народѣ поминали благотворенія Маріи. Кромѣ прочихъ ея неисчислимыхъ благодѣяній, особенно вспоминали, какъ послѣ случившагося во Владимірѣ пожара, когда сгорѣлъ мало не весь городъ — (однихъ церквей погибло въ пламени тридцать двѣ, и сгорѣлъ дворецъ княжескій) — великая княгиня расточала многое имѣнье бѣднымъ погорѣльцамъ и помогала имъ обстроиться, хотя у самой тотъ разъ погибли многія драгоцѣнности и сокровища, а богатые ея уборы погорѣли почти всѣ. Счастливая въ своемъ супружествѣ, она обязана была Всеволоду еще и тѣмъ, что онъ пристроилъ двухъ сестеръ ея: одну, свояченицу Ясыню, онъ выдалъ за меньшого сына Кіевскаго князя (за Мстислава Святославича), а другая, какъ полагаютъ, и была за своякомъ его (Ярославомъ Владиміровичемъ). За другого сына Кіевскаго князя (за Владиміра Святославича) онъ выдалъ сироту, оставшуюся послѣ брата его Михалка; также и сама вдова Михаила до конца оставалась подъ гостепріимнымъ кровомъ Всеволода. Кромѣ нея, жила напослѣдокъ во Владимірѣ у брата великаго

князя и несчастная по своему браку съ Осмомысломъ Галицкимъ Ольга Юрьевна. Свадьба одной изъ его свояченицъ была сыграна въ самомъ Владимірѣ; объ этомъ бракѣ и упоминается въ лѣтописи: *„бысть же бракъ великъ“*. Сыновья его нашли себѣ невѣстъ въ роду Смоленскихъ и Черниговскихъ князей; ихъ свадьбы праздновались такъ, что о каждой изъ нихъ сохранилась и отмѣтка въ лѣтописи: *„великая была радость во всемъ Владимірѣ“*.

Породнившись, такимъ образомъ, черезъ браки сыновей и дочерей своихъ и съ Кіевскимъ княземъ Святославомъ Всеволодичемъ, и съ его братомъ Черниговскимъ княземъ Ярославомъ Всеволодичемъ, и съ ихъ сватами Рюрикомъ и Давидомъ Ростиславичами, великій князь Всеволодъ Юрьевичъ находился въ дружбѣ со всѣми тогдашними державцами южной Руси. Бывъ „самовластцемъ“, какъ говорилось тогда, то-есть единодержавнымъ въ своей сѣверной вотчинѣ, онъ не только за силу и величіе своего Владимірскаго княженія, но и по родству съ южно-русскими князьями весьма почитался на всемъ югѣ; кромѣ того, выражаясь словами отца его Юрія Долгорукаго, имѣлъ и причастіе въ тамошней землѣ. Ему принадлежалъ любимѣйшій его отцомъ—Городецъ Остерскій; а когда скончались, не оставивъ наслѣдниковъ, „удалые сыновья Глѣба“, къ нему же перешелъ и тамошній любимый удѣлъ еще дѣда его Владиміра Мономаха и прадѣда Всеволода-праваго—знаменитый Переяславль на Альтѣ. И Всеволодъ Юрьевичъ весьма дорожилъ двумя этими дѣдинами и прадѣдинами своими. Городецъ Остерскій былъ возстановленъ краше прежняго и въ немъ соорудили цѣлую крѣпость: „созда *градъ* и обнови отчину свою“. Что касается до Переяславля на Альтѣ, онъ не довольствовался держать тамъ посадника, а прислалъ сына Ярослава, тогда еще несовершеннолѣтняго, „и бысть радость велика въ градѣ Переяславлѣ“; народъ съ честью принялъ сына великаго князя, *„хвалящe Бога, давшаго имъ князя, его же желаша“*.

На сѣверѣ и на югѣ, такимъ образомъ, во всѣхъ владѣніяхъ Всеволода Юрьевича былъ миръ полный: всѣ прочіе князья находились въ наилучшихъ отношеніяхъ съ Владимірскимъ княземъ. Кіевскій Святославъ Всеволодовичъ былъ съ нимъ въ непрерывной ссылкѣ и ника-

кихъ важныхъ распоряженій, касавшихся всей Русской земли, не предпринималъ иначе, какъ обратясь предварительно за совѣтомъ во Владиміръ. „*Братъ мой и сынъ мой!*“ съ такимъ воззваніемъ обращался къ нему обыкновенно Кіевскій князь. А великій князь Владимірскій, хотя и глава всѣмъ, памятуя однако-же старинное покровительство своего благодѣтеля, величалъ его, при своемъ къ нему обращеніи, еще почтительнѣй: „*Отецъ мой и братъ мой*“,—таковы были отношенія между двумя главными и старѣйшими князьями, державшими тогда равновѣсіе Руси.

Если миролюбивая дѣятельность Владимірскаго великаго князя и нарушалась по временамъ, вынуждая его браться за оружіе—виной тому были „свары и которы“, не прекращавшіеся въ Рязанской землѣ. Тамошніе князья дожили до такого разлада, что стали уже помышлять объ избіеніи другъ друга, не стѣснялись грозить одинъ другому прямо преступнымъ убійствомъ, напоминая тѣмъ времена Окаяннаго Святополка. Взявъ ихъ подъ свою руку, Всеволодъ Юрьевичъ по необходимости долженъ былъ усмирять ихъ братоненавидѣніе; съ тѣмъ вмѣстѣ долженъ былъ оберегать ихъ владѣнія и отъ вторженія Половцевъ: дерзость „дикихъ кочевниковъ“ усиливалась по мѣрѣ того, какъ рязанскіе князья все болѣе воевали другъ съ другомъ. Всеволодомъ въ этихъ видахъ былъ предпринятъ одинъ Половецкій походъ именно въ тѣ Задонскія мѣста, которыя соприкасались съ Воронежскими владѣніями рязанскихъ князей. Это были дальныя кочевья такъ называемыхъ „дикихъ“ Половцевъ, избравшихъ себѣ какъ бы на свою особую часть нападенія именно на Рязанскіе предѣлы. Всеволодъ прошелъ въ самую глубь ихъ „незнаемыхъ степей“ и искалъ „дикихъ“ по всѣмъ ихъ зимовищамъ; но ограничился лишь тѣмъ, что навелъ страхъ на поганыхъ своимъ грознымъ вторженіемъ, а съ ними нигдѣ не встрѣтился: „дикіе“ тотъ разъ укрылись отъ его преслѣдованій. — По временамъ грозили нарушить миръ Владимірскаго княженія также новгородскіе безпорядки; но Всеволодъ Юрьевичъ не находилъ нужнымъ вступаться за тѣхъ князей, которыхъ давалъ Новгородцамъ по ихъ просьбѣ: не препятствовалъ мѣнять ихъ. Такъ, когда ему пожаловались на „его свояка“ (Ярослава Владиміровича) онъ послалъ въ Новгородъ союзника по Болгарскому по-

ходу Мстислава Давидовича (сына Смоленскаго князя); а когда и этого по своему обыкновенію не взлюбили Новгородцы и опять просили возвратить „его свояка“, великій князь снова уступилъ ихъ желанію. Въ Новгородѣ эти два незначительные князя послѣ того не одинъ разъ смѣнили другъ друга. Впослѣдствіи Новгородцы обратились къ великому князю съ прямою просьбой: „молъ, Новгородъ искони твоя вотчина и дѣдина, дай намъ своего сына“,—Всеволодъ Юрьевичъ послалъ къ нимъ одного изъ младшихъ своихъ сыновей (Святослава), бывшаго тогда еще младенцемъ. И этотъ князь не одинъ разъ возвращался къ отцу и опять былъ посылаемъ Новгородцамъ — всякій разъ по ихъ же просьбѣ. Коротко сказать: удерживая Новгородцевъ въ мирѣ съ собою затѣсненіемъ ихъ владѣній, великій князь уже не смущался судьбой Новгорода по отношенію къ своему собственному княжеству. Рязанскія дѣла, какъ съ самаго начала, такъ и въ это время, заботили его гораздо болѣе въ этомъ отношеніи. Напослѣдокъ произошло у него весьма важное замѣшательство съ тамошними князьями.

Второй походъ Всеволода противъ Рязани. Старшій изъ Рязанскихъ князей (Романъ Глѣбовичъ), возгордившійся съ тѣхъ поръ, какъ сталъ зятемъ Кіевскаго князя, не оставилъ своихъ притязаній. Онъ возстановилъ родныхъ своихъ братьевъ другъ противъ друга; владѣвшіе совмѣстно съ нимъ Рязанью Игорь и Владиміръ начали воевать противъ меньшихъ своихъ братьевъ Всеволода и Святослава, сидѣвшихъ въ Пронскѣ. „Встали на меньшую братью свою и бысть зла крамола въ землѣ ихъ, *искаша братъ брата убити, послаша ихъ звать къ себѣ лестью: какъ бы взять ихъ*“. Младшіе Глѣбовичи, Пронскіе князья, узнавъ о заговорѣ, что ихъ хотятъ захватить, укрѣпили свой Пронскъ, затворились въ немъ осадой. Старшіе Глѣбовичи пошли тогда всѣ вмѣстѣ на Пронскъ, осадили въ немъ свою меньшую братью и стали опустошать ихъ волость.

Похоже было, что Романъ Глѣбовичь и его старшіе братья, воюя противъ меньшихъ, осуждали именно ихъ преданность Великому князю Всеволоду, а сами ужъ не почитали себя его подручниками и не хотѣли зависѣть отъ Влади-

мірскаго княженія ни въ чемъ. Это подтверждалось уже и самовольнымъ ихъ рѣшеніемъ отнять Пронскъ у меньшихъ Глѣбовичей, тогда какъ всѣ волости Глѣба (умершаго плѣнникомъ во Владимірской темницѣ) были распредѣлены между его дѣтьми самимъ Всеволодомъ. Именно, по его рѣшенію, Романъ со старшею братьей получилъ тогда Рязань; а меньшіе Всеволодъ и Святославъ Глѣбовичи надѣлены были Пронскомъ. Война старшихъ Глѣбовичей противъ меньшихъ, такимъ образомъ, была прямымъ вызовомъ еще и самому Великому Князю: онъ не замедлилъ выразить имъ неудовольствіе съ своей стороны. Не вмѣшиваясь еще прямо въ ихъ распри, онъ прислалъ къ нимъ двухъ бояръ съ грознымъ предостереженіемъ: „Не диво, что приходятъ къ вамъ съ-чужи поганые и губятъ вашу землю; но если, вмѣсто того, чтобы братски въ мирѣ и любви жить, общими силами отъ Половцевъ и Волжанъ-Болгаръ русскую землю охранять, вы сами братъ на брата воюете и губите людей вашихъ, я этого не потерплю. Богъ меня поставилъ правость наблюдать и не дать никого въ обиду, а насилующаго и законъ преступающаго смирять. Боюся, какъ бы за всѣ ваши преступленія Богъ на мнѣ не взыскалъ. Что такое вы дѣлаете, братья, сами посудите“. Рязанскіе князья хорошо поняли значеніе этихъ словъ, и *„воспріяша буй помыслъ“*, дали гордый отвѣтъ. Немного нашлось благоразумныхъ совѣтниковъ, склонявшихъ ихъ подчиниться требованію Великаго Князя и прекратить усобицы; напротивъ того, большинство рязанскихъ дружинниковъ, „всякій въ себѣ девять силъ сказывая и не видавъ никогда непріятеля, на печи сидя, лишь въ мысляхъ его побѣждая“, поддерживали буйные помыслы Романа,—и онъ дерзко отвѣтилъ посланнымъ: „Что намъ Всеволодъ повелѣваетъ? развѣ мы у себя въ своей волости не такіе же князья, какъ и онъ?“. Такой ихъ отвѣтъ Всеволодовы бояре и привезли съ собой во Владиміръ.

Великій Князь смутился. Въ это самое время младшіе Глѣбовичи (Всеволодъ и Святославъ), осажденные въ Пронскѣ, обратились къ нему съ просьбою о защитѣ. Всеволодъ, не столько чтобы показать свою силу, а именно для доказательства заступленія съ своей стороны, сейчасъ же послалъ отрядъ, триста человѣкъ дружины,

въ Пронскъ на помощь осажденнымъ: они были радостно приняты меньшими Глѣбовичами и введены въ городъ. Но Романъ со старшею своею братьей продолжалъ осаду: ни во что́ вмѣнили великокняжеское заступленіе. Тогда Великій Князь выслалъ противъ непокорныхъ ихъ же братью Муромскихъ князей и полкъ отъ себя (со своякомъ Ярославомъ Владиміровичемъ). Эти союзники были еще въ Коломнѣ, какъ Романъ, испугавшись ихъ приближенія, снялъ осаду и побѣжалъ въ Рязань. Одинъ изъ Пронскихъ сидѣльцевъ (именно Всеволодъ Глѣбовичъ) оставилъ тогда въ городѣ брата (Святослава Глѣбовича), а самъ пришелъ къ союзникамъ въ Коломну. Эти, услыхавъ отъ него о бѣгствѣ Романа, почли свой походъ достигшимъ цѣли и поворотили полки назадъ; но Пронскій князь и самъ отправился вслѣдъ за Владимірскимъ полкомъ въ столицу Великаго Князя просить о дальнѣйшей защитѣ: не надѣялся на миръ со старшими братьями своими. Романъ и въ самомъ дѣлѣ, какъ только заслышалъ объ уходѣ союзниковъ, опять приступилъ къ Пронску; перекопавъ рѣку, отнялъ воду у осажденныхъ, довелъ ихъ до крайности и старался еще лестью склонить сидѣвшаго тамъ княжича (Святослава) на свою сторону противъ ихъ брата, „передавшагося во Владиміръ и кинувшаго его одного въ осадѣ“. Романъ говорилъ своему меньшому брату: „не морись голодомъ съ дружиною и людей не мори, но выйди къ намъ, вѣдь ты нашъ братъ; чего боишься? съѣдимъ мы тебя, что ли? не съ тобой мы ратны, а только не приставай къ нашему брату, измѣнніку Всеволоду“. Собственная дружина княжича повторяла тѣ же самыя рѣчи: „братъ твой передался во Владиміръ, а тебя выдалъ; отвори городъ Роману“. Пронскъ сдался, а при этомъ отрядъ въ триста человѣкъ, присланный Великимъ Княземъ, былъ взятъ въ плѣнъ и отосланъ въ Рязань; еще худшая доля постигла дружину и всю семью Всеволода Глѣбовича, *„передавшагося во Владиміръ“*. Этотъ горемычный князь узналъ, возвратясь въ Коломну, что всѣхъ его дружинниковъ и бояръ перевязали веревками, все его имѣнье пограбили, взяли себѣ и все имѣнье бояръ его, захватили въ плѣнъ его княгиню съ дѣтьми и содержатъ въ Рязани въ тяжкой неволѣ; онъ остался въ Коломнѣ и началъ воевать оттуда уже противъ всей своей братіи, от-

давшей Пронскъ меньшому Святославу, передавшемуся на ихъ сторону.

А Великій Князь, когда дошла до него вѣсть о взятіи Пронска лестью, вспыхнулъ гнѣвомъ. Онъ сталъ готовиться къ прямой войнѣ съ Рязанью и послалъ сказать Пронскому князю: „отдай добромъ мою дружину, такъ какъ ее принялъ. Вы съ братомъ Всеволодомъ присылали ко мнѣ оба, просили войска въ помощь и я, не хотя васъ въ обидѣ видѣть, повѣря вамъ, послалъ. Ты-же со своимъ братомъ Романомъ учинилъ миръ, а моихъ людей предалъ. Пока ты былъ ратенъ — ратны были и они, а ты замирился— такъ и они въ мирѣ. Вѣдь, ты ихъ у меня челомъ выбилъ, прося въ помощь себѣ. Отдай же добромъ; а если нѣтъ— знать бы вамъ и съ Романомъ: вы мнѣ врагами будете, съ вами тогда какъ съ врагами и поступлю“. Всѣ тогда Глѣбовичи, не исключая и главнаго зачинщика всего зла Романа, испугались прихода на Рязань Великаго Князя и еще разъ, ужъ который разъ, послали къ нему выразить полное подчиненіе. „Ты Господинъ и отецъ нашъ! и братъ старѣйшій! Гдѣ будетъ твоя обида, прежде всѣхъ за тебя мы первые головы сложимъ. Воевали мы противъ своего брата (Всеволода Глѣбовича) за то, что онъ не слушался насъ; а на насъ гнѣва не держи; къ тебѣ всѣ мы съ поклономъ; людей же твоихъ всѣхъ отпускаемъ въ цѣлости“. Но Всеволодъ Юрьевичъ, видя, что Романъ перемѣнилъ свою злобу на коварную покорность, болѣе не захотѣлъ ихъ лживаго мира. „Честная война лучше постыднаго мира“, объявилъ онъ посланнымъ съ Рязани и отпустилъ ихъ ни съ чѣмъ. Выступивъ къ Коломнѣ, онъ велѣлъ идти съ собою Муромскимъ князьямъ и обездоленному Пронскому князю, своему тезкѣ, и, перейдя Оку, *„разорялъ села многія и сдѣлалъ пусту Рязанскую область“*. Тогда же, зная о неурядицѣ въ Рязанской землѣ, устремились на нее Половцы; вся страна крамольныхъ князей подверглась неисчислимымъ бѣдствіямъ.

Романъ Глѣбовичъ, пользуясь тѣмъ, что былъ зятемъ кіевскому Святославу Всеволодовичу и дорожа на этотъ разъ тѣмъ, что Рязань состояла еще въ нѣкоторой связи съ Черниговскими владѣніями, просилъ о тамошнемъ заступленіи и о ходатайствѣ передъ великимъ княземъ въ

пользу своего истерзаннаго края. Во Владиміръ былъ присланъ черниговскій епископъ, онъ же и рязанскій (Порфирій) ходатайствовать о мирѣ; онъ просилъ заступиться передъ великимъ княземъ и здѣшняго епископа: тогда уже былъ тутъ не Лука, а Іоаннъ, бывшій духовникъ великаго князя *). Вдвоемъ оба епископа, вмѣстѣ еще съ присланными боярами отъ Кіевскаго князя, и склонили Всеволода Юрьевича къ примиренію. На какихъ именно условіяхъ хотѣлось бы великому князю быть въ вѣчномъ мирѣ съ

*) Послѣ извѣстной смуты съ „пронырливымъ Ѳеодорцемъ“ епископствовалъ во Владимірѣ ростовскій Леонъ; но въ 1185 году, когда митрополитомъ Кіевскимъ и всея Руси былъ ничѣмъ не отличавшійся Никифоръ, Всеволодъ Юрьевичъ просилъ поставить епископомъ во Владиміръ смиреннаго духомъ Луку игумна одного изъ кіевскихъ монастырей. Между тѣмъ, митрополитъ поставилъ уже одного изъ своихъ, родомъ грека же, взявъ съ него за поставленіе какъ было слышно не малую мзду. Владимірцы пришли въ негодованье. Великій князь обратился къ кіевскому Святославу Всеволодовичу съ просьбою оказать содѣйствіе къ отмѣнѣ такого рѣшенія; а митрополиту велѣлъ сказать „присланнаго тобою не избирали нашей земли люди; ты его поставилъ и ступай съ нимъ куда угодно“. Сильно приневоленный обоими князьями, и владимірскимъ и кіевскимъ, митрополитъ уступилъ: поставилъ Луку, а „Никола Гречинъ“ былъ отправленъ въ Полоцкъ. Лука пользовался всеобщею любовью въ народѣ. „Не достойно, говорили Владимірцы, наскакать на святительскій чинъ на мздѣ; а надо того, кого Богъ призоветъ и святая Богородица, кого князь захочетъ и на кого укажутъ люди: такъ и сего игумена Луку возлюбили за его кротость и смиреніе“. По всеобщимъ отзывамъ былъ онъ немногорѣчивъ, милостивъ къ убогимъ и вдовицамъ, ласковъ съ бѣдными и богатыми; духовными же подвигами своими побѣдивъ мірскую похоть и міродержца князя вѣка сего, слѣдовалъ обычаю святыхъ. Послѣ его кончины (1190 г.) великій князь послалъ въ Кіевъ къ Святославу Всеволодовичу и къ митрополиту Никифору „отца своего духовнаго Іоанна на епископство и поставленъ бысть“. Іоаннъ уже до самой кончины Всеволода Юрьевича, въ теченіе двадцати двухъ лѣтъ, былъ съ нимъ неразлученъ: при всѣхъ его семейныхъ радостяхъ и печаляхъ поминается обыкновенно и имя этого святителя; онъ же и схоронилъ своего духовнаго сына (1212 г.) Вскорѣ послѣ того Іоаннъ отказался отъ епископства: въ 1214-мъ году постригся въ монахи. По обоимъ этимъ поставленіямъ, и Луки и Іоанна, очевидно какимъ великимъ уваженіемъ пользовался Всеволодъ Большое Гнѣздо въ Кіевѣ—во времена Святослава Всеволодовича; но и послѣ того, когда въ Кіевѣ сидѣлъ опять Рюрикъ Ростиславичъ, это уваженіе не ослабѣло. Попрежнему озабочиваемый своими отношеніями къ Рязани, Всеволодъ былъ доволенъ назначеніемъ туда особаго епископа. Рюрикъ Ростиславичъ, какъ вотчинникъ собственно смоленскій, иначе

Рязанью, объ этомъ велись долгіе предварительные переговоры, затруднительные уже по самой сущности дѣла для точнаго ихъ опредѣленія. Собственно говоря, приходилось требовать, чтобы Рязанскіе князья болѣе не почитались державцами своей земли, а состояли бы въ полной зависимости Великаго Князя. Но самое это выраженіе *„быть въ полной волѣ“* и употреблялось обыкновенно еще и прежде при заключеніи съ ними мира. Епископъ Порфирій, такимъ образомъ, могъ смѣло ручаться передъ Великимъ Княземъ, что его *подручники* и на этотъ разъ не откажутся утвердиться съ нимъ крестнымъ цѣлованіемъ „на всей его волѣ“ и впередъ будутъ состоять „въ полной волѣ его“. Великій Князь уполномочилъ заключить миръ на такомъ уговорѣ; тогда же освободилъ изъ плѣна многихъ Рязанцевъ, томившихся во владимірскихъ тюрьмахъ; отпустилъ всѣхъ присланныхъ къ нему для переговоровъ; отрядилъ и отъ себя цѣлое посольство въ Рязань для утвержденія мира.

Но Черниговскій Епископъ, онъ же и Рязанскій (Порфирій), упередилъ тогда Всеволодовыхъ пословъ, привезъ на Рязань вѣсть о мирѣ и склонилъ самые переговоры о томъ не въ томъ духѣ, какъ о томъ съ нимъ лично переговаривались во Владимірѣ при предварительныхъ совѣщаніяхъ, и скрылся въ Черниговъ, избѣгая даже встрѣтиться на Рязани съ послами Всеволода. Очевидно, черниговскій Владыка былъ озабоченъ тѣмъ, чтобы Рязань и впредь оставалась навѣки неразрывна съ Черниговомъ, какъ бы въ нѣкоторомъ подчиненіи у своей метрополіи; а

относился къ Рязани, чѣмъ Черниговскіе князья. При немъ Рязань была выдѣлена изъ Черниговской епархіи; тогдашній митрополитъ уже не Никифоръ, а Іоаннъ—по соглашенію съ Рюрикомъ Ростиславичемъ, поставилъ для Рязани (въ 1198-мъ году) особаго епископа и тѣмъ ослабилась ея прежняя зависимость отъ Чернигова. Несомнѣнно, что и Всеволодъ (Большое Гнѣздо) настаивалъ на томъ съ своей стороны или по крайней мѣрѣ содѣйствовалъ такому отдѣленію, хотя прямыхъ на то указаній нѣтъ. А содѣйствовать такому епархіальному отдѣленію Рязани отъ ея старинной метрополіи было тѣмъ удобнѣй, что имѣть своего собственнаго епископа, независимо отъ Чернигова, было выгодно къ тому же и для самихъ рязанскихъ князей. Зять Рюрика Ростиславича рязанскій князь Ярославъ Глѣбовичъ, дѣйствительно, и хлопоталъ тогда объ этомъ.

для Владимірскаго княженія было выгоднѣй, напротивъ того, чтобы Рязань болѣе не почиталась подвѣдомой Чернигову, а крѣпче зависѣла бы отъ Владиміра. Владимірцы и укоряли тогда черниговскаго Епископа (Порфирія), что онъ въ этомъ случаѣ поступилъ не какъ святитель, а *„яко перевѣтникъ“*, жаловались что миръ съ Рязанью былъ заключенъ не въ точности на тѣхъ условіяхъ, какъ уговорились во Владимірѣ. Хотѣли даже, чтобы Всеволодъ выслалъ догонять „перевѣтчика“ скрывшагося въ Черниговъ; но Великій Князь не нашелъ возможнымъ настаивать на такомъ мирѣ съ Рязанью, какого требовали Владимірцы. Тѣмъ не менѣе однако миръ былъ возстановленъ и Глѣбовичи, неоднократно присягавшіе Всеволоду Юрьевичу „на всей его волѣ“, теперь еще болѣе должны были отказаться отъ своихъ *„буйныхъ помысловъ“*; тогда же и горемычный тезка Великаго Князя, Всеволодъ Глѣбовичъ, былъ опять возстановленъ въ своихъ правахъ на Пронскомъ княженіи: владѣлъ тамошними волостями вмѣстѣ съ меньшимъ братомъ (Святославомъ) поровну. Вслѣдъ затѣмъ, уже въ теченіи весьма долгаго промежутка времени, подручники Великаго Князя, всѣ Рязанскіе князья безъ исключенія, оставались у него въ послушаніи. Описанное замѣшательство происходило въ 1185 и 1186-мъ году, а напримѣръ при вѣнчаніи во Владимірѣ Константина Всеволодовича (что происходило уже десять лѣтъ спустя) между съѣхавшимися на это торжество гостями были и всѣ рязанскіе князья въ многочисленномъ сборѣ. Невѣсту для своего старшаго сына Всеволодъ взялъ тогда изъ рода смоленскихъ князей. Это была внучка кроткаго и мягкосердаго Романа (дочь старшаго его сына Мстислава Романовича, вѣчно-памятнаго страшною кончиной въ бою съ татарами на рѣкѣ Калкѣ). Свадьба была отпразднована (15 октября 1196 года) съ большимъ веселіемъ въ великокняжеской столицѣ. Въ числѣ гостей были тогда трое рязанскихъ Глѣбовичей: Романъ, Всеволодъ и Владиміръ (послѣдній съ сыномъ *Глѣбомъ*: замѣтьте этого *Глѣба*, — онъ скажется въ свое время страшнымъ злодѣйствомъ). Изъ муромскихъ князей также было трое. Празднованіе Константиновой свадьбы продолжалось десять дней и заключилось еще постригами Всеволодова сына (Владиміра); а эти постриги дали поводъ еще къ новымъ

пирамъ и забавамъ. Князья веселились тотъ разъ больше мѣсяца и разъѣхались по домамъ, богато одаренные отъ хозяина конями, золотыми и серебряными кубками, платьемъ и паволоками; не одни князья, и всѣ ихъ дружинники также были одарены щедро богатыми подарками.

Великій князь Владимірскій Всеволодъ Юрьевичь

(прозвищемъ Большое Гнѣздо).

II. Первыя 18 лѣтъ его княженія, до кончины Святослава Всеволодовича на кіевскомъ престолѣ.—Южная Русь.

Половцы. Старшій между всѣми южно-русскими князьями по занимаемому имъ Кіевскому престолу и по своему родословію Святославъ Всеволодовичъ, благодаря личной своей доблести, былъ одинаково уважаемъ всѣми какъ въ Галичѣ и на Волынѣ, такъ и между Смоленскими князьями и, своею ближнею родней, Черниговскими, — но ни для кого изъ нихъ уже не былъ *великимъ княземъ* въ собственномъ смыслѣ этого слова: „главою всѣмъ“ его не почитали. Напротивъ, всякая область держалась при немъ особнякомъ отъ Кіева, и любой владѣтель въ каждой изъ нихъ почиталъ себя съ нимъ равнымъ. У всѣхъ были, какъ тогда говорилось, „*свои орудійцы*“, свои нужды и заботы, а по временамъ раздоры,—и мѣстные князья не находили нужнымъ просить вмѣшательства въ ихъ дѣла: ни за помощью по разнымъ мѣстнымъ потребностямъ, ни по своимъ распрямъ другъ съ другомъ—въ Кіевъ уже болѣе не обращались. Общаго дѣла или предпріятій во благо *всей земли*, словно, уже и не предполагалось тогда у князей на Руси.

Одно только заставляло еще иногда ближнія и дальныя и великія и малыя области соединяться воедино: это береженье Русской земли отъ Половцевъ. Для борьбы съ ними не только Черниговъ и Новгородъ-сѣверскій, Переяславль на Альтѣ и Бѣлгородъ съ Вышгородомъ приводили свои дружины подъ главный стягъ Святослава Всеволодовича, но присоединялись къ нему и прочіе князья. Между ними отличались во-первыхъ князья Волынскіе: наслѣдникъ Мстислава II Изяславича, отразившій еще от-

рокомъ рати Боголюбскаго отъ Новгорода и входившій теперь въ зрѣлую пору своего мужества *Романъ Мстиславичъ*, и двоюродные его братья, наслѣдники умершаго Ярослава Луцкаго; потомъ князья Пригоринской страны и Припетской; наконецъ присылалъ обыкновенно помощь отъ себя и Ярославъ Осмомыслъ изъ Галича. Однако, случалось уже нерѣдко, что и это общее дѣло то одинъ князъ, то другой, и многіе считали постороннимъ для себя на приглашеніе участвовать въ немъ отвѣчали отказомъ. Одинъ отговаривался необходимостью „воевать литву“ въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ; другой тѣмъ, что въ его странѣ „жито не уродилось“; а то еще проще: „отъ насъ Днѣпръ далеко“. Всякій ссылался на собственныя дѣла и тревоги, что и вынудило Святослава Всеволодовича повторить не одинъ разъ на своемъ великомъ княженьи: „у меня одни орудійцы, у тебя другіе; да если всѣ мы разойдемся каждый по своимъ орудійцамъ—кто жъ останется стеречь Русскую землю?“ Даже и противъ Половцевъ, къ этому времени, князья уже большею частью дѣйствовали вразсыпную, каждый самъ по себѣ: всякій руководился собственнымъ благоусмотрѣніемъ, а не общею пользой. И никого изъ тогдашнихъ князей, прямо сказать, нельзя было и винить въ томъ; это уже зависѣло не отъ нихъ. Со времени Владиміра Мономаха, когда онъ еще, великій князь Кіевскій и всея Руси, громилъ Половцевъ—ихъ положеніе въ здѣшнемъ краѣ измѣнилось,—сама судьба всего здѣшняго края была не прежняя.

Черкасы, составлявшіе нѣкогда чуть замѣтное меньшинство въ кіевскомъ населеніи, теперь составляли въ немъ подавляющее большинство, занимая уже сплошнымъ населеніемъ все Поросье,—и это поросьское народонаселеніе распространялось все болѣе. А самъ Кіевъ пересталъ уже обновляться приливомъ въ него свѣжихъ силъ со всей Руси какъ было прежде: что и оставалось отъ прежняго времени—теперь перевелося. Въ этомъ отношеніи даже Волынь и Галичъ были счастливѣй Кіева и могли хвалиться предъ нимъ, не говоря уже о могущественномъ Владимірскомъ княженьи на сѣверѣ: туда постоянный притокъ свѣжихъ силъ со всей Руси не только не унимался изъ одного десятилѣтія въ другое, а все прибывалъ. Ту-

да устремилась тяга Русской земли и, ставъ ея средоточіемъ, стольный городъ Владиміръ все больше въ кругъ своихъ дѣйствій вовлекалъ всѣхъ. Кіевская же область съ ея Поросьскимъ населеніемъ обратилась нѣкоторымъ образомъ въ *заглохшій край* и въ ту непривлекательную окраину, куда ни изъ Галича, ни съ Волыни, ни даже изъ Смоленска, а тѣмъ болѣе изъ Владимірскаго княженія—никто больше не переселялся на жительство; а оттуда, напротивъ того, коренное и зажиточное населеніе все больше перебиралось въ Галичъ и на Волынь, а во Владимірское княженье больше всего. Если кого и манилъ къ себѣ Кіевъ какъ средоточіе, если еще и притягивалъ въ ту пору какъ край для всѣхъ желанный, то именно тѣхъ русскихъ и полурусскихъ бродниковъ, которые—налѣво и направо отъ Кіева въ сторону Дуная къ нынѣшнимъ Бессарабскимъ мѣстамъ, и въ другую сторону къ подошвѣ Кавказскихъ горъ—составляли изъ себя разносмѣшеніе той степной вольницы, чьи летучія станицы изстари скитались по всей Черноморской степи, да еще „*дикихъ*“ Половцевъ. А они, тѣ и другіе, довольно перемѣшались между собой за этотъ историческій промежутокъ: за истекшія со смерти Владиміра Мономаха три четверти вѣка. Этихъ русскихъ и полу-русскихъ бродниковъ, а съ ними еще и обрусѣлыхъ и полуобрусѣлыхъ станишниковъ, едва уже можно было напослѣдокъ и отличать, съ одной стороны, отъ зовомыхъ „*мирныхъ* Половцевъ“, а съ другой—отъ самихъ черкасовъ. Ибо „*мирные* Половцы“, постоянно водясь съ черкасами и помогая то и дѣло русскимъ князьямъ—не то воюя, не то ведя дружбу съ ними, настолько уже обрусѣли въ свою очередь, что мало отличались отъ черкасовъ.

Всѣ эти Тогліевичи и Бурчевичи да Урусовичи или еще Глѣбъ Тиріевичъ, Козелъ Сатановичъ, Кунячукъ Богатый, Кобякъ Карлыевичъ, Корязь Калантаевичъ, Изай Билюковичъ, Сдвакъ Кулобичъ, Кза Бурновичъ и Ярополкъ Томзаковичъ и всѣ прочіе, однимъ словомъ, Половцы того времени были уже таковы, что съ ними Половцевъ прежняго времени—Всеволода-праваго и его сына Мономаха нельзя было и ровнять. На всемъ Кіево-Черниговскомъ пограничьѣ, смежномъ съ Половецкою степью—и мѣстами въ ней самой—трудно было уже и указать: гдѣ оканчивались станицы мирныя съ

Русью и гдѣ начинались враждебныя ей. На самомъ же дѣлѣ не было строго-опредѣленныхъ или остававшихся впрокъ неизмѣнными ни тѣхъ, ни другихъ; а всѣ эти русскіе и полурусскіе бродники, съ ними вмѣстѣ и обрусѣлые и полуобрусѣлые вольные станишники, да и сами Половцы вели себя изо дня въ день такъ, какъ въ томъ или другомъ случаѣ представлялось имъ выгоднѣй. То и дѣло по обстоятельствамъ изъ враговъ Руси обращались они въ ея союзниковъ и столь же часто, при другихъ обстоятельствахъ, изъ мирныхъ союзниковъ, обязанныхъ „ротою“, обращались въ клятвопреступныхъ враговъ. Живя въ свое удовольствіе въ степныхъ шатрахъ на полной волѣ, обильные табунами коней и стадами, преимущественно мелкаго скота, и наживаясь еще до разбогатѣнья грабительствомъ и добычей, они всегда готовы были на войну: то званые приходили въ помощь русскимъ князьямъ, воевавшимъ другъ съ другомъ а то нападали и никѣмъ незваные на ихъ же плохо-охраняемые предѣлы. Это была не война въ точномъ смыслѣ этого слова, не сраженіе врага со врагомъ на истребленіе однимъ другого или на подчиненіе побѣжденнаго побѣдителю, а это были—со стороны Руси—военныя прогулки не столько для наживы, какъ для освобожденія своихъ плѣнныхъ и для наказанія хищниковъ, а со стороны Половцевъ — внезапные хищническіе набѣги именно для наживы.

Тѣмъ не менѣе однако, если всегда съ такою хищнической цѣлью Половцы приходили на Русь, то и сами русскіе князья напослѣдокъ не многимъ отличались отъ нихъ своими собственными къ нимъ походами—на Дунай, на Донъ и на Волгу. Льстились также и они ополониться степною добычей: на то были, кромѣ коней, скота и челяди, еще цвѣтные шатры изъ шемаханскихъ и китайскихъ шелковъ, „ортьмы да япанчейки“ нигдѣ и не встрѣчаемые, кромѣ какъ у азіатовъ, и *„красныя дівкі Половицъскія“*; всему этому также не давали спуску русскіе князья, хвалясь еще и величаясь своею военною наживою, какъ *„трофеемъ“* по выраженію Латинцевъ, или какъ *„сайгатомъ“*, говоря языкомъ самихъ Половцевъ. Во время-оно, когда стольный Кіевъ простиралъ свою державу на всю Русь и стремился всѣ страны, гдѣ звучалъ языкъ славянскій, даже до подошвы Кав-

казскихъ горъ, включить въ свою державу — тогда не было и взаимныхъ у Руси и Половцевъ военныхъ прогулокъ другъ къ другу: то была настоящая грозная война великаго князя Кіевскаго и всея Руси съ „Половецкою Ордою“. Но тѣ времена прошли, то была уже невозвратная давноминувшая старина: не такъ воевалъ съ Половцами теперешній Кіевскій князь и всѣ окольные, ему ужъ болѣе неподручные, южно-русскіе князья.

Главный походъ Святослава Всеволодовича на Половцевъ. Святославъ Всеволодовичъ, находясь въ полной дружбѣ съ Рюрикомъ Ростиславичемъ, сидѣвшимъ рядомъ съ нимъ въ Бѣлгородѣ и съ братомъ его Давидомъ Ростиславичемъ (перешедшимъ изъ Вышгорода въ Смоленскъ) также съ волынскими князьями и съ Галичскимъ—послалъ къ нимъ звать ихъ съ собою въ походъ на Половцевъ, и они обѣщали придти. А черниговскіе князья (двоюродные его братья — дѣти бывшаго *Юрьева союзника* Святослава Ольговича—Игорь Сѣверскій и „буй-туръ“ Всеволодъ Трубчевскій, и родной братъ, княжившій тогда въ Черниговѣ, Ярославъ Всеволодовичъ) своя братья—съ великимъ княземъ не пошли. Онъ былъ друженъ и съ ними: старшій его наслѣдникъ Всеволодъ Чермный только что передъ этимъ участвовалъ въ одномъ походѣ на Половцевъ вмѣстѣ съ Игоремъ; но Кіевскому князю было труднѣе ладить со своею ближнею родней, чѣмъ съ чужими именно по родственнымъ счетамъ у себя дома въ черниговской сторонѣ. Взрослые его сыновья, и кромѣ Всеволода Чермнаго, нуждались въ тамошнихъ волостяхъ; а дѣляся приходилось тѣснить другъ друга. Впрочемъ, братья не прислали ему прямого отказа, а сослались на то, что походъ задуманъ не въ удобную для нихъ сторону; если же измѣнятъ по ихъ удобству, тогда и они пойдутъ.

Но князей, и безъ нихъ, набралось довольно. Съ самимъ великимъ княземъ пошли два его сына (Глѣбъ и Мстиславъ Святославичи); изъ Переяславля на Альтѣ пошелъ „удалой Владиміръ Глѣбовичъ“; изъ Владиміра-волынскаго пришелъ Романъ Мстиславичъ и привелъ еще своихъ двоюродныхъ братьевъ изъ Луцка (Всеволодъ и Мстиславъ Ярославичи — дѣти Ярослава Луцкаго, взбалмошнаго князя); были тутъ и незнатные князья: Горо-

денскій, Пинскій и Дубровицкій. Изъ Смоленска Давидъ Ростиславичъ прислалъ одного изъ своихъ сыновей (Изяслава Давидовича), а Рюрикъ Ростиславичъ пошелъ самъ; прислалъ отъ себя помощь и Ярославъ Осмомыслъ изъ Галича. Союзники, подъ великокняжескимъ знаменемъ Святослава Всеволодовича, перебродились Днѣпромъ не доходя нынѣшнихъ екатеринославскихъ мѣстъ и, напрасно искавъ Половцевъ пять дней кряду, напали на ихъ слѣдъ у рѣки, нынѣ зовомой Орелъ и слывшей у Половцевъ за *Ерелу*,— въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ между двухъ притоковъ Днѣпра, идущихъ поблизости одинъ отъ другого (между Ворсклою и этой самою *Ерелой*), образуется тупикъ, замкнутый самимъ Днѣпромъ: тогда это мѣсто и прозывалось по простому Угломъ. Тамъ „въ степи незнаемой“ и была одержана великая побѣда.

Какъ только стали приближаться къ Половецкой силѣ, удалой Глѣбовичъ ужъ выпросился у великаго князя впередъ: „Пусти меня, отче! вся моя волость выпустошена ими! отпусти меня впереди всѣхъ со сторожевыми“. Но и сыновья великаго князя не хотѣли отставать. Тогда Святославъ Всеволодовичъ отрядилъ всю „молодшую дружину“; отпустилъ съ удалымъ Глѣбовичемъ всѣхъ бывшихъ съ собой въ походѣ младшихъ князей, въ томъ числѣ и своихъ двухъ молодцевъ впередъ со сторожевыми, давъ въ придачу къ ихъ собственнымъ дружинникамъ еще двѣ тысячи и одну сотню Черкасовъ. Владиміръ Глѣбовичъ повелъ такъ шибко, что отъ нихъ далеко отстало войско, а ужъ они встрѣтились съ непріятелемъ. Половцевъ было много. Ихъ караулы, объѣхавъ удалого Глѣбовича и никого не смѣтивъ кромѣ, дали о томъ знать Кобяку, главному изъ хановъ, находившихся тогда при войскѣ. Половцы радовались, говоря: „мы и не трудились а вотъ русскіе сами пришли къ намъ! даромъ дается намъ богатство въ руки“,—и по своему обычаю ударя съ дикимъ и пронзительнымъ крикомъ, понеслись въ бой. Но устоялъ удалой Глѣбовичъ, не дрогнули „молодшіе князья“. Половцы, не ждавъ себѣ такого отпора и изумясь, что съ ними бьются крѣпко, обратились вспять. Тогда самъ Кобякъ двинулъ навстрѣчу главныя полчища и начали уже приступать *всею конницей половецкою*. Ханъ думалъ: толь-

ко и есть Руси, сколько у него передъ глазами, и велѣлъ гнать; а вдругъ завидѣли еще приближавшіеся полки—и смутились. Святославъ Всеволодовичъ и Рюрикъ Ростиславичъ, пославъ эти большіе полки на помощь, давали знать, что торопятся и сами къ бою. Половцы, принявъ подходившіе въ помощъ полки за самого Святослава Всеволодовича и Рюрика Ростиславича, видимо, стали колебаться: готовились уже къ отступленью; но тѣ, призвавъ Бога въ помощь, кинулись на нихъ споперёка и не дали ускакать: ввертѣлись въ ихъ ряды и остановили отступленье, начали колоть и рубить приведеннаго въ смятеніе непріятеля; а какъ подоспѣли еще старые князья—побѣда была полная. Кобяка живого взяли руками, и двухъ сыновей его; и Товлія съ сыномъ, и брата его; однихъ хановъ было захвачено больше двѣнадцати, а прочихъ безъ числа. Павшихъ въ бою было много: изъ убитыхъ хановъ главный былъ Тарсукъ. Русское воинство ополонилось тогда несмѣтнымъ количествомъ оружія и коней и колодниковъ (1184 года іюля 30 дня, въ понедѣльникъ). „Великіе же князья Святославъ Всеволодовичъ и Рюрикъ Ростиславичъ, пріемше отъ Бога на поганые побѣду, возвратишася во-свояси съ славою и честью великою“.

Этотъ изъ ряда вонъ выступившій тогда походъ противъ Половцевъ, собственно говоря, былъ уже не первый при кіевскомъ княженіи Святослава Всеволодовича; этому походу предшествовалъ цѣлый рядъ мелкихъ сшибокъ съ ними: онъ и вызванъ былъ ихъ постоянными, еще въ 1183-мъ году не прекращавшимися набѣгами въ русскіе предѣлы. Не одинъ разъ нападалъ „треклятый Кончакъ“, люто славившійся тѣмъ между прочимъ, что всякій разъ „избивалъ множество младенцевъ“; захваченъ былъ разъ въ плѣнъ между Половцами еще одинъ „басурманинъ, стрѣлявшій живымъ огнемъ“, и были у него отобраны самые снаряды, которыми онъ хвалился; бились тогда съ Половцами и въ Переяславскихъ мѣстахъ и дальше, даже на Хоролѣ; со сватомъ Рюрикомъ Ростиславичемъ ходилъ на нихъ самъ Святославъ Всеволодовичъ „многажды“; а братъ его родной Черниговскій князь Ярославъ Всеволодовичъ уклонялся всякій разъ отъ этихъ походовъ и съ нѣкоторыми изъ ордынцевъ вступалъ даже въ дружбу. Но двоюродный ихъ

братъ, Игорь сѣверскій, осуждалъ за это Ярослава Черниговскаго, говоря: „не дай намъ Богъ отрекаться отъ войны съ погаными: Половцы враги наши общіе“; однакожъ когда его отрядили вмѣстѣ съ Переяславскимъ Владиміромъ Глѣбовичемъ въ погоню за Кончакомъ и удалой Глѣбовичъ, по своему обыкновенію, просился быть въ передовой дружинѣ, Игорь такъ съ нимъ разссорился изъ-за первенства, что повоевалъ еще его-же волость; а тотъ не утерпѣлъ и самъ, задѣлъ край его новгородсѣверскихъ владѣній, хотя и легче. Тогда же Игорь, отказавшись гнать Кончака, отрядилъ за нимъ вслѣдъ одного вольнаго станишника, водившагося съ черкасами, Кунтувдая; а этотъ удалецъ между черкасами, слывшій вольнымъ и независимымъ богатыремъ между ними, возвратился изъ-за Хороля ни съ чѣмъ, ссылаясь на то, будто снѣгъ стаялъ въ степи за Хоролемъ и наступила распутица, а похоже было: далъ Кончаку уйти. Ибо у Черкасовъ велось сватовство съ Половцами: нерѣдко уже они давали знать *„сватамъ своимъ“*, что на нихъ идутъ Русскіе, если князья направляли походъ въ сторону нежелательную для Чернаго Клобука—къ тѣмъ именно ордынцамъ, съ которыми Черкасы дружили,—если и не весь Черный Клобукъ, то нѣкоторые ихъ ватаги и таборы: не переводились ссоры и между самими Черкасами.

Такъ же точно и послѣ Ерельскаго похода встрѣчи и сшибки съ Половцами ни мало не прекратились. Когда Русскіе наносили уронъ Половцамъ, тѣ приходили „отомьщеваться за своихъ братій“; а когда Половцамъ удавалось поживиться на Сулѣ, на Альтѣ или на кіевской сторонѣ Днѣпра „отомщевались“ въ свою очередь Черкасы, приходили съ ними и окольные князья. Съ одной стороны степь Половецкая, а съ другой кіево-черниговское пограничье составляли два противуположныхъ стана, не выпускавшіе изъ рукъ оружія другъ противъ друга; впрочемъ, они не то враждовали, не то еще мирились между собой, вступали вперемежку и черезполосно тамъ и здѣсь въ союзы другъ съ другомъ для борьбы—тамъ же и здѣсь вперемежку и черезполосно—одни противъ другихъ. А ужъ общихъ походовъ Руси на Половцевъ не было за это время.

Ерельскій походъ Святослава Всеволодовича тѣмъ и прославился, что имѣлъ видъ обще-русскаго дѣла, на которое князья сошлись во множествѣ давно небываломъ и всѣ были заедино; притомъ и побѣда удалась полная, отличившаяся небывалымъ-же успѣхомъ: безпримѣрнымъ множествомъ убитыхъ, плѣнныхъ и забранной добычи.

Игоревъ походъ въ степь Половецкую. Игорь новгородсѣверскій и „буй-туръ“ Всеволодъ Святославичъ, два родныхъ брата и неразлучные друзья, сыновья памятнаго Святослава Ольговича (бывшаго *Юрьева союзника*) не участвовали въ Ерельскомъ походѣ. По мелкимъ родственнымъ несогласіямъ съ Кіевскимъ Княземъ (изъ-за волостей у себя дома) они въ этомъ случаѣ бо́льше дружились (изъ своихъ двоюродныхъ братьевъ) съ Черниговскимъ Ярославомъ Всеволодовичемъ и держались крѣпче союза съ нимъ именно, а не со Святославомъ Всеволодовичемъ, хотя и съ нимъ были въ мирѣ. А Черниговскій князь въ Ерельскій походъ не ходилъ. У Игоря Святославича къ тому же случились тотъ разъ и особенныя заботы, удержавшія его́ дома. Онъ былъ женатъ на Ярославнѣ, на дочери Осмомысла Галичскаго; а старый Галичьскій князь (давно разведясь съ Юрьевною, сестрою Всеволода Большое Гнѣздо, которая у него и проживала) Ярославъ Осмомыслъ въ это время совсѣмъ разстроился въ своихъ семейныхъ дѣлахъ. Онъ опять выгналъ отъ себя законнаго своего сына Владиміра и этотъ скиталецъ — второй разъ уже на своемъ вѣку — гдѣ ни слонялся, нигдѣ не могъ найти пріюта. По сосѣдству Волыни съ Галичемъ, онъ на первыхъ порахъ кинулся было во Владиміръ-волынскій къ Роману Мстиславичу. Но этотъ суровый князь—хотя и родную дочь сосваталъ за Владімірова сына по нѣкоторымъ своимъ расчетамъ—однако такъ боялся стараго Осмомысла, что не далъ его изганнику „даже и переночевать у себя“ во Владімірѣ-волынскомъ. Куда потомъ ни обращался изгнанникъ — ѣздилъ даже къ дядѣ своему Всеволоду Большое Гнѣздо— всюду оставался недоволенъ пріемомъ, и наконецъ пришелъ къ своей сестрѣ Ярославнѣ и къ ея мужу, своему зятю—именно въ Новгородъ-сѣверскій къ Игорю Святославичу. Тутъ его обласкали, и онъ успокоился наконецъ —

всѣмъ довольный; тутъ и проживалъ вплоть уже до новаго примиренія съ отцомъ, что послѣдовало однако не ближе, какъ года черезъ два, уже передъ самою кончиной Осмомысла. Это родство Игоря съ домомъ Галичскихъ князей и ласковый пріемъ, оказанный бѣглецу Владиміру въ Новгородѣ-сѣверскомъ, произвели потомъ гибельныя послѣдствія для сыновей Игоря,—но тогда кто жъ это могъ знать? Какъ разъ въ то время и промчался гулъ на всю Русь о славѣ половецкаго похода Святослава Всеволодовича; величали *Ерелъскую побѣду*, славили и даже воспѣвали этотъ знаменитый походъ: а сѣверскіе князья не участвовали въ немъ.

Запала мысль Игорю прославиться во что бы то ни стало. Онъ, воюя еще прошлые раза противъ Половцевъ за Мерломъ и на Хоролѣ, ужъ тогда говорилъ: „настигну ихъ и въ Лукоморьѣ“. Смѣясь надъ удалымъ Владиміромъ Глѣбовичемъ, который тотъ разъ погромилъ Половцевъ у себя подъ Переяславлемъ, Игорь хвалился собственнымъ походомъ на Хороль и говорилъ соратникамъ: „къ тѣмъ вонъ Половцы сами пришли! тамъ съ ними бились, да на Переяславль оглядывались, а по нихъ не смѣли идти; а вотъ мы бьемся въ ихъ землѣ, всѣхъ перебили и женъ ихъ и дѣтей взяли; мы съ вами и за Донъ пойдемъ, въ конецъ перебьемъ Половцевъ; а ежели и тамъ на нашей сторонѣ удача будетъ, пойдемъ по нихъ на луку моря, куда и дѣды наши не заходили; до конца возьмемъ себѣ честь и славу“. Никому не сказавшись, кромѣ Черниговскаго, который далъ ему отъ себя отрядъ черкасовъ; взявъ съ собой въ походъ подроставшаго сына (Владиміра), кое-кого изъ окольныхъ князей (Рыльскаго, напримѣръ) а главное пригласивъ съ собою „*буй-тура*“ брата своего Всеволода,—съ нимъ Игорь Святославичъ и выступилъ въ походъ „1185-го года, мѣсяца Апрѣля въ 23 день, во Вторникъ“. Они были разбиты и дѣйствительно очутились „за Дономъ“; только ихъ отвели туда плѣнниками, „*высадивъ изъ княжескаго сѣдла въ сѣдло невольника*“. И, на обиду православной Руси, все Лукоморье огласилось тогда радостными кликами самихъ поганыхъ. Тамъ, гдѣ Донъ-рѣка пала устьемъ въ синее море, уже славили и пѣли—не честь, а гибель Руси,—и малолѣтки-половчата и „красныя дівки Половицькія“ величали Половецкую славу.

Этотъ погромъ, нанесенный Игореву войску, поднялъ тогда на-ноги всю Половецкую степь и придалъ великую дерзость ихъ Ханамъ. Они послали сказать на Русь: „приходите къ намъ выручать своихъ братій, либо насъ ждите къ себѣ: мы придемъ къ вамъ за своими“—этимъ они намекали на Кобяка и Товлія и прочихъ безъ числа, захваченныхъ въ плѣнъ на Ерелѣ. И дѣйствительно разсыпались по всему кіево-черниговскому Приднѣпровью; жгли, грабили, забирали плѣнныхъ. Несчастный Владиміръ Глѣбовичъ насилу отбился отъ нихъ тотъ разъ подъ своимъ Переяславлемъ; израненный съ ногъ до головы былъ замертво вынесенъ изъ боя; черезъ какой-нибудь годъ послѣ того онъ и умеръ отъ этихъ ранъ; хотя на первыхъ порахъ, только что оправился, опять воевалъ съ Половцами. (Выморочный Переяславль на Альтѣ достался Всеволоду Большое Гнѣздо). Въ Кіевѣ горесть стараго Святослава Всеволодовича, когда онъ узналъ о гибели „храбраго Олегова гнѣзда“, была несказанная. „*Юношами*“ назвалъ онъ безумныхъ князей и горько сѣтовалъ: зачѣмъ они лишили его только-что достигнутой славы! сгубили старческій подвигъ, богодарованную недавнюю побѣду! Онъ, на старости лѣтъ загородилъ поганымъ дорогу въ Русскую землю; а „*юноши*“ опять ее имъ отворили. (Игорю было тогда 30 лѣтъ, шелъ тридцать первый). Какія только можно было взять мѣры для отраженія нахлынувшихъ Половцевъ—всѣ были приняты Великимъ Княземъ: но слабыя мѣры были не въ мѣру тогдашняго зла, оно долго не унималось.

Самъ Игорь, смирившись при постигшемъ его несчастіи, каялся и молился о прощеніи ему прегрѣшеній; съ горестью вспоминалъ тогда свою распрю съ Переяславскимъ княземъ,—теперь только не прощалъ высокоумія своего. „*Истиненъ Господь и правы суды Его, воздалъ мнѣ по беззаконію моему*“, повторялъ онъ въ горести. И терзаясь совѣстью за гибель, причиненную своимъ ближнимъ и всему воинству своему, онъ истинно сокрушался: „зачѣмъ я остался въ живыхъ? столькихъ погубилъ! столько изъ за меня вѣнцовъ мученическихъ принято! зачѣмъ одинъ я, повинный, не принялъ страсти за всѣхъ сихъ“? Не вдругъ, но унялись однако напослѣдокъ разбойныя вторженія обезумѣвшихъ Половцевъ—не столько впрочемъ отъ наносимаго имъ урона, какъ

оттого только, что спалъ ихъ первый пылъ радости отъ невѣроятной для нихъ самихъ побѣды. И оба воинскихъ стана—съ одной стороны кіево-черниговскія предѣлы, а съ другой Половецкая степь—стали опять въ прежнее, будто уже освященное обычаемъ—не то мирное, не то военное положеніе: не то миръ а не то война, вѣчное вооруженное размирье продолжалось между ними.

Игорь жилъ въ плѣну безбѣдно, здѣшніе степные хозяева стыдились его воеводства. Онъ имѣлъ при себѣ священника и походную церковь, были ему оставлены и его люди: такъ напримѣръ былъ свой конюхъ; Князь выѣзжалъ на охоты, тѣшился ястребами и соколами. Приставленные сторожить его шатеръ—также знали съ кѣмъ обращаются, почитали его. Особенно одному изъ Половчанъ, Лавру, сильно полюбился русскій Князь! Лавръ только и мечталъ о томъ, какъ бы ему переселиться въ Русь и тамъ служить Князю. Лавръ предложилъ Игорю уйти изъ плѣна, что и было благополучно приведено въ исполненіе. Страшное наступило мгновенье для Князя, когда надо было рѣшиться и оставить шатеръ. По ночамъ стража была за нимъ крѣпкая, также и по цѣлымъ днямъ глазъ съ него не спускали; только и было время посвободнѣй при закатѣ солнца. Тутъ день кончался, а ночь еще не начиналась: Князь обыкновенно готовился ко сну. Тутъ, въ самый ужинъ, и всѣ Половцы пьянѣли отъ кумыса. Съ утра еще Князь велѣлъ своему конюшему уговориться съ Лавромъ, чтобы къ ночи за рѣчкой, которая была у ихъ стана, Лавръ ждалъ его съ конемъ. Въ вечернія сумерки вошелъ къ нему конюшій и сказалъ, что Лавръ ждетъ. Наступило страшное мгновенье. Всталъ Игорь и перекрестился на образъ; потомъ на себя надѣлъ еще образокъ и крестъ въ дорогу; поднялъ пологъ и вышелъ изъ шатра,—его конюшій остался ни живъ ни мертвъ на мѣстѣ. На стану играли и веселились, все было пьяно; а про Князя думали, что онъ спитъ. Игорь рѣчку перешелъ въ бродъ и на берегу нашелъ Лавра съ конемъ. Радость великая огласилась на Руси объ его возращеньи; на первыхъ же порахъ онъ съѣздилъ навѣстить въ Кіевѣ Святослава Всеволодовича,—и старикъ горячо, со слезами радости на глазахъ, обнялъ его при свиданьи. Плѣнъ Игоря, какъ извѣстно окончился тѣмъ, что онъ еще и породнился съ Половцами

за это время. Молодой его сынъ, Владиміръ Игоревичъ, находясь въ плѣну съ отцемъ, влюбился тамъ въ Половчанку: „*Ханы опутали его красною дѣвицей*“. Это была ханская дочь, и бракъ ихъ вскорѣ былъ торжественно отпразднованъ уже на Руси, — молодая приняла христіанство. Какъ война съ Половцами не мѣшала русскимъ князьямъ дружиться и родниться съ ними, такъ въ свою очередь родство и дружба не препятствовали воевать. Не только Святославъ Всеволодовичъ со сватомъ своимъ Рюрикомъ Ростиславичемъ, но опять и самъ Игорь не переставали, послѣ того, воевать съ Половцами попрежнему. Отношенія съ ними вошли въ свою обычную колею.

Еще и еще Половцы. Безпрестанныя вторженія Половцевъ въ русскіе предѣлы и отдѣльные къ нимъ походы русскихъ князей напрасно было бы и перечислять во всей подробности. Это уже было неискоренимое безпрерывное (хроническое) зло на Руси за все дальнѣйшее время— вплоть до нашествія татаръ. Нельзя не упомянуть особо лишь о томъ погромѣ, который былъ нанесенъ Половцамъ суровымъ Романомъ Мстиславичемъ на Дунаѣ нѣсколько позднѣе описываемаго времени (въ 1202-мъ году) когда самъ онъ уже находился во всемъ величіи достигнутой имъ славы. Къ нему обратился съ просьбою Греческій Императоръ, умоляя защитить Цареградъ отъ дикихъ „варваровъ“; по просьбѣ о томъ же цареградскаго Патріарха къ кіевскому Митрополиту, и митрополитъ *всея Руси* просилъ Романа Мстиславича не отказать въ томъ. Этотъ могучій Князь, владѣвшій тогда Галичемъ, слѣдовательно и всѣми при-Дунайскими русскими городами, нанесъ страшный погромъ Половцамъ на Дунаѣ; предпринялъ еще Задунайскій на нихъ походъ,—и сами Греки провозгласили его тогда освободителемъ Ѳракіи.

Что же касается до борьбы съ ордынцами въ при-Днѣпровьѣ, она продолжалась — иногда для наказанія, а то и прямо для добычи — въ прежнемъ видѣ все тѣхъ-же военныхъ прогулокъ, никогда особенно-негрозныхъ и всегда нерѣшительныхъ, какъ и быть не могло иначе по тогдашнимъ обстоятельствамъ южной Руси и по тѣмъ безурядным временамъ. Тогда уже на всемъ югѣ не проис-

ходило важныхъ событій и дѣяній, которыя могли бы занимать подобающее мѣсто въ лѣтописяхъ Русской земли; можно бы сказать, не становилось исторіи самихъ здѣшнихъ княжествъ: все тутъ сходило на фамильныя лѣтописи самихъ князей, а ихъ собственная исторія обращалась уже въ ихъ семейную хронику—и только. Объ этой нескончаемой тогдашней смутѣ отъ ватагъ и отъ таборовъ половецкихъ довольно уже будетъ упомянуть—въ образецъ тогдашняго безнарядья—лишь вкратцѣ и въ общихъ чертахъ. Она, послѣ краткаго мирнаго промежутка, послѣдовавшаго за освобожденіемъ изъ плѣна Игорева семейства, уже не прекращалась съ 1186-го года, за все время княженія Святослава Всеволодовича въ Кіевѣ.

Зная, что Половцы со своей Днѣпровской стороны, изъ за пороговъ, нерѣдко позволяютъ себѣ переходить черезъ рѣку и безнаказанно располагаютъ стойбища на кіевскомъ берегу Днѣпра, Великій Князь рѣшился прекратить такую вольность. Услыхавъ разъ, что они опять тамъ же раскинули свои таборы, онъ со сватомъ своимъ Рюрикомъ погналъ на нихъ „вборзѣ“: хотѣли ихъ захватить врасплохъ. Но кочевники, должно быть, расположились тутъ не безъ тайнаго на то согласія самихъ Черкасовъ: князья еще шли походомъ — и шли вборзѣ „безъ возовъ“ — а ужъ Черкасы успѣли дать о томъ вѣсть „сватамъ своимъ“ и Половцы ушли за Днѣпръ; а объ ихъ преслѣдованіи нельзя было и думать: весна была на дворѣ и полой воды ждали вскорѣ. Лѣтомъ Половцы часто воевали Поросье, нападали и на Черниговскую волость; къ зимѣ князья собрались ихъ наказать примѣрнымъ походомъ за ихъ лѣтнія прогулки. А зима наступила такая, что, по словамъ современниковъ— *„въ нашу память такой зимы николи не бывало“*, снѣга были глубокіе. Князья уморили тогда своихъ коней, уморились и сами. Шли долго и весь длинный путь должны были идти Днѣпромъ по́-льду: нельзя было отойти въ сторону, снѣгъ былъ великъ. Когда наконецъ настигли сторожевыхъ Половчанъ, отъ нихъ узнали, что ихъ стойбище недалеко отсюда, всего на полдня пути, *„у Голубаго лѣса“*. Тутъ Черниговскій князь Ярославъ Всеволодовичъ сказалъ брату: „не могу идти въ сторону, моя дружина опѣшилась“. Рюрикъ Ростиславичъ взмолился великому князю угово-

рить брата не уходить отъ нихъ прочь; а Святославъ Всеволодовичъ о томъ же просилъ самого Рюрика: „я, молъ, всегда готовъ съ тобою и нынѣ; а ты пойди-ка уговори брата, чтобы идти всѣмъ вмѣстѣ, какъ прежде сговорились“. Рюрикъ Ростиславичъ пошелъ уговаривать: „братъ мой! согласились вѣдь всѣ мы вмѣстѣ идти на Половцевъ и вотъ уже сколько прошли. Не слухъ теперь какой-нибудь невѣрный, а вѣрное дѣло, что Половцы отъ насъ близко: всего до нихъ полдня остается! ну, сдѣлай, братъ, для меня милость! пройди для меня полдня всего, а я для тебя десять дёнъ готовъ пройти“. Но Ярославъ отказался: „не могу же я идти одинъ; вы бы мнѣ, пока я еще былъ дома, раньше сказали, что идти будетъ такъ далёко“. И была между ними распря: ни съ чѣмъ всѣ и возвратились назадъ. На весну большая часть Половцевъ откочевала къ Дунаю, мало вѣжей осталось въ Приднѣпровьи,—и эти остальные умирились въ такую волю великаго князя, обклялися такою ротою, что все лѣто шло мирно.

Святославъ со сватомъ Рюрикомъ каждый день ходили тогда на ловы по Днѣпру, въ ладьяхъ; обловились тогда множествомъ звѣрей; пребывая въ любви между собою, возвращались по домамъ и опять съѣзжались вмѣстѣ на охоту, провожали лѣто въ веселостяхъ и забавахъ *„по вся дни“*. А осенью Половцы вновь разсвирѣпѣли. „Потоптали роту свою“, говорили про тогдашнихъ клятвопреступниковъ. Миръ казался за все лѣто такъ надеженъ, что къ осени даже и князья разъѣхались: Святославъ Всеволодовичъ по своимъ дѣламъ отлучился въ свои черниговскія владѣнія, а Рюрикъ Ростиславичъ, также по своимъ дѣламъ, изъ Бѣлгорода ушелъ въ свой Вручій, а оттуда хотѣлъ еще побывать въ своихъ дальныхъ удѣлахъ—на пограничьѣ Волынскихъ владѣній со Смоленскими и Полоцкими: мѣста Кривичей, оспариваемыя тогда у Смоленска черниговскими князьями. Пользуясь отсутствіемъ князей, Половцы и забушевали въ окрестностяхъ Кіева, въ Поросьскихъ мѣстахъ. А поднялъ тогда ордынцевъ на эти прогулки никто другой, какъ самъ Кунтувдай. Этотъ вольный станишникъ и богатырь между Черкасами хвалившійся независимостью своей, — тотъ самый, который былъ заподозрѣнъ, что далъ уйти Кончаку — показался напослѣдокъ вовсе подозрителенъ Кіевскому Кня-

зю, и велѣно было его заточить. Услыхавъ о томъ и убоявшись такого неосторожнаго обхожденія съ Кунтувдаемъ, Рюрикъ сейчасъ же прислалъ предостеречь великаго князя, что это не простой мужъ въ бродникахъ, а почитаемый между черкасами: *„дерзокъ и надобенъ въ Руси“*. Тогда Святославъ Всеволодовичъ велѣлъ его выпустить, но предварительно привести къ присягѣ. Удалого станишника привели къ ротѣ; онъ далъ требуемую присягу и былъ отпущенъ, но уже не могъ простить нанесенной ему обиды. Онъ сейчасъ же отъѣхалъ къ Половцамъ и тѣ приняли его съ почетомъ, зная какимъ уваженіемъ пользуется онъ во всемъ „Черномъ Клобукѣ“. Для него они и забыли свою роту, *сѣли на коня* и грабили Поросье, захватили тамъ нѣсколько городковъ, жгли и грабили, ополонились многою добычей; хотѣли продолжать, но услыхали, что изъ Торческа готовы противъ нихъ выступить сильные полки, и возвратились къ своимъ ватагамъ.

Сынъ Рюрика, Ростиславъ Рюриковичъ, тогда уже молодой супругъ, недавно женившійся на дочери Всеволода Верхуславѣ, дѣйствительно былъ оставленъ своимъ отцомъ въ Торческѣ съ сильнымъ полкомъ, именно въ ожиданіи Кунтувдая. Князь напередъ зналъ, что этотъ боецъ, послѣ нанесеннаго ему срама, не оставитъ ихъ теперь въ покоѣ, для этого и послалъ сына .въ Торческъ. Мало этого, онъ прислалъ еще сказать и въ Кіевъ Святославу Всеволодовичу: „вотъ, хоть я по своимъ дѣламъ и отлучаюсь, а Русской земли не забываю; я оставилъ за себя сына съ полкомъ его; также и ты, если уѣзжаешь самъ, оставилъ бы кого изъ сыновей своихъ“. Старый князь обѣщалъ послать беречь Поросье сына своего Глѣба, и не послалъ. Въ самое это время у него вышло нелюбье со смоленскими князьями. Они находились въ тяжбахъ и распряхъ между собою изъ-за смежныхъ волостей у Чернигова со Смоленскомъ. Для этого тогда Святославъ Всеволодовичъ и выѣхалъ изъ Кіева, чтобы сойтись на сеймъ съ братьями своими по поводу этихъ дѣлъ; а Поросье для Святослава Всеволодовича было чужое: тамъ почти сплошь все было занято одними Мономаховичами. И Кунтувдай доказалъ на дѣлѣ, что онъ *„мужъ дерзъ“*, а не простой бродникъ; всю осень не переставалъ *„воевать по Руси“*:

наводимые имъ Половцы много надѣлали тогда зла *Поршанамъ*. Зимою въ Торческъ пріѣхали старшины отъ черкасовъ и жаловались Ростиславу Рюриковичу на то, что они не Берладники, не Подунайцы какіе-нибудь: за что же князья ихъ бросили на произволъ Половцевъ? „Половцы воюютъ насъ часто, а отецъ твой далече, а Святославъ на насъ гнѣвъ держитъ за Кунтувдая“, и просили молодого князя вести ихъ съ собою замѣсто старшихъ князей. Польстило это молодому князю и онъ послалъ къ одному изъ окольныхъ князей, сидѣвшему тутъ же въ одномъ изъ незначительныхъ Поросьскихъ городковъ, съ такою рѣчью: „братъ мой! надо бы на Половцевъ сходить, да отцы наши далече, старшихъ князей тутъ нѣтъ никого; давай мы съ тобой будемъ за старѣйшихъ, пріѣзжай ко мнѣ скорѣе“, и вдвоемъ повели Черкасовъ къ нынѣшнимъ екатеринославскимъ мѣстамъ, на пороги.

А зима была съ постоянными оттепелями; рѣки то замерзали, то вскрывались опять; теплые туманы стояли въ воздухѣ; снѣгъ было напалъ и потомъ весь стаялъ. Не доходя пороговъ, нашли они тогда Половцевъ на своей, на кіевской сторонѣ Днѣпра: тутъ были раскинуты ихъ вѣжи, паслись табуны коней и стада ихъ въ лугахъ днѣпровскихъ. Стадъ было множество, а вѣжей мало; и все было захвачено безъ сопротивленья. Черкасы подъ предводительствомъ двухъ молодшихъ князей обогатились на этотъ разъ, можно бы сказать, безъ боя многочисленною добычей; а погони за собой не боялись, нельзя было перебродиться Днѣпромъ: Днѣпръ былъ въ краяхъ,—и погнали съ собой захваченныхъ женъ и дѣтей половецкихъ, коней ихъ и скотъ. Но Половцы, когда дошла о томъ вѣсть на ихъ сторону, ухитрились перейти Днѣпръ и погнались за молодыми князьями; настигли ихъ ужъ на третій день: приходилось вступить въ бой съ ними. Оказалось, что много собралось князьковъ половецкихъ; подошли въ помощь къ ордынцамъ, чьи таборы были забраны, и сосѣднихъ ордъ посторонніе Половцы—къ чужимъ на помощь. Ростиславъ Рюриковичъ остановилъ походъ на мѣстѣ и выслалъ впередъ меньшую свою дружину съ черкасами—встрѣтить приближавшихся. Начался лучной бой, перестрѣливались другъ противъ друга; но когда и сами Князья приступили со своими полками, Половцы, едва за-

видѣли княжескія знамена, хотѣли бѣжать; а черкасы ввертѣлись въ ихъ ряды и не дали имъ ускакать,—замѣшательство у отступавшихъ произошло такое, что свыше пол-тысячи поганыхъ живыми отдались въ руки, а многихъ перебили. Черкасы захватили тутъ въ плѣнъ еще одного половецкаго князя Кобана; но, утаивши отъ Ростислава Рюриковича, не доведя хана до полковъ, сговорились съ нимъ дорогою и отпустили, взявъ съ него окупъ. Побѣда была полная; молодой князь, супругъ Верхуславы, хотѣлъ похвалиться своимъ „*сайгатомъ*“ и, возвратясь въ Торческъ, поѣхалъ во Вручій къ отцу; по тогдашней теплой зимѣ Рюрикъ Ростиславичъ не могъ проѣхать Припетскими болотами: съ дороги и возвратились вдвоемъ съ сыномъ во-свояси. Въ ту же зиму и Святославъ Всеволодовичъ долженъ былъ по бездорожью возвратиться назадъ въ Кіевъ и послалъ сына Глѣба противъ Половцевъ къ Каневу, гдѣ Половцы „гуляли съ Кунтувдаемъ“; заслышавъ о возвращеніи великаго князя, эти молодцы оставили окрестности Кіева и спѣшили безнаказанно ускользнуть изъ Поросьскихъ предѣловъ; но ихъ нагнали въ пути и многіе были захвачены, иные перебиты, другіе утопли при переправѣ черезъ рѣку, „*а Кунтувдай утече*“.

На слѣдующее лѣто Игорь сѣверскій съ братьей ходилъ на Половцевъ и ополонились скотомъ и конями, а осенью повторили свой походъ. Тогда и Святославъ Всеволодовичъ посылалъ противъ Половцевъ наслѣдника своего Всеволода Чермнаго; съ нимъ пошли его братья и нѣкоторые изъ Ольговичей же—окольные князья. Они доходили до Оскола; но Половцы заслыша на себя ихъ приходъ, отпустили свои вѣжи съ дѣтьми и женами въ глубь своей земли; отогнали туда-же скотъ и коней, а сами, скопясь многочисленными силами, выступили впередъ противъ Ольговичей: тѣ возвратились во-свояси безъ урона, однако и Половцамъ не нанесли никакого вреда. Весь тотъ годъ прошелъ въ нерѣшительности какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Слѣдующій годъ, съ самой ранней весны, Святославъ Всеволодовичъ и Рюрикъ Ростиславичъ, взявъ съ собой нѣкоторыхъ меньшихъ князей, стерегли Половцевъ военнымъ станомъ подъ Каневомъ: о Половцахъ не было и слуха. Слыша крѣпкое береженье, Половцы откочевали тогда опять къ

Дунаю, а дома ихъ осталось не великое число. Желая воспользоваться такимъ малолюдіемъ въ степяхъ половецкихъ, Черкасы опять просили Ростислава Рюриковича идти съ ними; но отецъ его не пустилъ. Въ это время Рюрикъ Ростиславичъ находился въ дѣятельныхъ переговорахъ со многими ордами—ближними и дальными, и съ тѣми, между прочимъ, которые приняли къ себѣ Кунтувдая; похоже было: отъ того онъ и не хотѣлъ отпускать сына, что ждалъ полнаго замиренья съ Половцами; а между Черкасами къ тому же была всегда рознь между собою; такъ или иначе, онъ сыну запретилъ на этотъ разъ тревожить Половцевъ. Тогда Черкасы взяли съ собой бывшаго союзника Ростислава Рюриковича, здѣшняго же Поросьскаго князя и пошли съ нимъ, но этотъ жалкій походъ кончился ничѣмъ. Когда тотъ разъ доѣхали до Днѣпра, часть черкасовъ не захотѣла переступать черезъ рѣку: оказалось, что между Половцами, расположившимися тутъ стойбищемъ, находились еще и такіе, которые доводились „сватами“ нѣкоторымъ изъ ихъ собственныхъ таборовъ. Въ ихъ ватагахъ—какъ это всегда бывало въ такихъ случаяхъ—начались распри и кончилось тѣмъ, что всѣ повернули назадъ. А Рюрикъ тѣмъ временемъ сошелся дружбою съ Кунтувдаемъ; Половцы, съ которыми гулялъ Кунтувдай, получивъ дары отъ Рюрика, пріѣхали къ нему утвердиться ротою: привезли съ собой и Кунтувдая. О Рюрикѣ Ростиславичѣ прямо записано въ лѣтописи, что его всѣ любили одинаково *„крестьяне и поганіи, зане всѣхъ пріимаше къ себѣ съ любовью, и крестьяне и поганыя, и не отгоняше никого же“*. Князь честилъ тогда дарами съѣхавшихся къ нему степныхъ гостей и отпустилъ, утвердившись съ ними полнымъ миромъ; а Кунтувдая оставилъ при себѣ и пожаловалъ ему еще цѣлый городъ. Городокъ, разумѣется, былъ не изъ великихъ: никто бы не могъ и указать въ точности въ какомъ именно углу Поросья находится этотъ городокъ и даже какъ зовутъ этотъ Кунтувдаевъ городокъ,—но велика была уже сама честь отъ князя! и Кунтувдай примирился съ Русью. Рюрикъ-же Ростиславичъ такъ и увѣдомилъ великаго князя, что онъ примирился съ Кунтувдаемъ *„и далъ ему городъ Дверенъ Русской земли дѣля“*.

Половцы дѣлились на безчисленное множество ордъ и

каждая изъ нихъ притомъ еще распадалась на мелчайшія съ отдѣльными ханами, то и дѣло одни возвышались въ ущербъ другимъ; мирясь съ одними, нельзя было миновать другихъ; со всѣми надо было торговаться о мирѣ: всѣ хотѣли себѣ за миръ барыша отъ князя. Святославъ Всеволодовичъ послалъ сказать своему свату Рюрику Ростиславичу: „вотъ, ты сошелся съ лукоморцами—съ Итоглыемъ и съ Акушей, надо бы сойтись и съ Бурчевичами; пошлемъ и по всѣхъ лукоморцевъ—по Бурчевича и по Осолука; сговоримся со всѣми“. Сваты, чтобы сговориться о мирѣ, выступили къ Каневу; туда же вызвали и Половцевъ: взять миръ со всѣмъ Лукоморьемъ. Тѣ пришли къ Каневу по зову князей, расположились таборами на своей сторонѣ Днѣпра. Рюрикъ Ростиславичъ послалъ къ нимъ для переговоровъ своего сына, и Ростиславъ Рюриковичъ возвратился въ Каневъ съ мирными лукоморскими князьями (Итоглыемъ и Акушемъ), а Бурчевичи не тронулись со стойбища. Оставшись на той сторонѣ Днѣпра противъ Канева, они прислали отвѣтъ: „ежели вамъ любо договориться съ нами, переѣзжайте сами къ намъ на нашу сторону для переговоровъ“. Сватъ Рюрикъ Ростиславичъ былъ не прочь исполнить ихъ желаніе, но Кіевскій князь рѣшительно воспротивился. Ордынцамъ послали сказать: „ни дѣды, ни отцы наши къ вамъ не ѣздили, а противъ того приходили вы сами; угодно вамъ—такъ пріѣзжайте, а если нѣтъ—какъ угодно, вы вольны во всемъ“. Бурчевичи не рѣшились: у нихъ за то время томилось въ неволѣ много колодниковъ, забранныхъ ими при послѣднихъ походахъ въ Поросье,—и они съ сейма отъѣхали прочь. Рюрикъ Ростиславичъ, испугавшись ихъ отказа, убѣждалъ великаго князя заключить миръ съ Лукоморцами во что бы то ни стало; но Святославъ Всеволодовичъ возразилъ: „не могу же я мириться только съ половиною“,—и всѣ разъѣхались во-свояси.

Тогда Рюрикъ Ростиславичъ, возвратясь въ Бѣлгородъ, прислалъ письмо Кіевскому князю: „се, брате, мира не улюбилъ, а намъ уже нельзя не доспѣшнымъ быть; подумаемъ, брате, о землѣ своей“, и прочее. Со стороны Рюрика это былъ только благовидный предлогъ оповѣститься, что онъ уѣзжаетъ: онъ готовился въ это время отлучиться надолго въ свои удѣлы по собственнымъ дѣламъ. Надо было

ему заглянуть въ свой Вручій; кромѣ того, тогда происходилъ (на что были свои особыя причины) общій подьемъ Литвы. Во всей Кривьской землѣ не прекращались смуты; Ятвяги, соплеменники литвы, также глухо волновались. Пинскъ и Минскъ и всѣ сопредѣльныя съ ними—съ одной стороны Волынскія, а съ другой — Смоленскія мѣста были объяты тревогой. Лѣтошній годъ Рюрику надо было отлучиться въ Пинскъ, куда его приглашала родня на готовившуюся свадьбу одного изъ Пинскихъ князей; а теперь уже его вызывали по военнымъ тревогамъ — прямо въ походъ на Литву для усмиренія Ятвяговъ. Отлучаясь надолго, Бѣлгородскій сосѣдъ Кіевскаго князя и требовалъ отъ него опредѣленнаго отвѣта: „ежели отлагаешь походъ до зимы, объяви прямо: такъ я и распоряжусь тогда со своею дружиною и съ братьею моею; а если хочешь теперь стеречь землю, также объяви напередъ“. Святославъ Всеволодовичъ не далъ опредѣленнаго отвѣта; но и по его мнѣнію походъ надо было отложить: онъ и самъ долженъ былъ отлучиться по своимъ дѣламъ въ собственныя черниговскія владѣнія. Лѣто прошло мирно; хотя Половцы позволяли себѣ самовольно переходить рубежи и располагаться кочевьями въ русскихъ предѣлахъ, ихъ не тревожили. Напослѣдокъ всю ту зиму ужъ они располагались стойбищами въ разныхъ кіевскихъ мѣстахъ, совершенно какъ у себя дома. Тогда лѣпшіе изъ Черкасовъ опять пріѣхали къ Ростиславу Рюриковичу и говорили ему: *„поѣди, княже, съ нами на вѣжи половецкія!* теперь самое время—другого такого не будетъ. Хотѣли мы было у отца твоего выпросить тебя въ походъ съ нами; да слышно: хочетъ онъ идти на Литву; мало ли того, чтобы не отпустить тебя? А впередъ такого времени не будетъ“. Ростиславъ Рюриковичъ тѣмъ часомъ „ловы дѣлалъ“, но сейчасъ же бросилъ ловы и возвратился въ Торческъ; ему понравились вѣсти Черкасовъ и онъ послалъ въ Триполь звать съ собою двоюроднаго брата своего (замѣтьте: это былъ Мстиславъ Мстиславичъ, уже выросшій въ это время сынъ Мстислава Храбраго, унаслѣдовавшій доблесть отца и прозванный *Удалымъ*); а самъ собралъ свою дружину и сказалъ ей: „ежели отецъ мой позоветъ насъ на литву съ собою, мы еще успѣемъ съѣздить и до того; а теперь самое время ударить на Половцевъ“. Единогласно отвѣтила и вся дру-

жина: „успѣемъ еще возвратиться до похода на Литву“ и не теряя времени, молодой князь уже былъ за Поросьемъ и велъ Черкасовъ. Въ Поросьѣ присоединился къ нему и званый Мстиславъ Мстиславичъ *Удалой*. Послѣ небольшаго пути они уже встрѣтили сторожевыхъ Половцевъ, а отъ нихъ узнали, что ихъ стойбище неподалёку, отсюда всего на одинъ день пути, и дѣйствительно, какъ говорили Черкасы, таборы раскинуты на русской, на кіевской сторонѣ Днѣпра. Молодые князья всю ночь спѣшили походомъ и на самомъ разсвѣтѣ ударили на безпечныхъ кочевниковъ: ополонились тогда скотомъ и конями и челядью. Правду говорили черкасы: нельзя бы и выбрать болѣе благопріятной минуты: — удача была полная, забрали тогда добычи несмѣтно; добрыхъ ихъ мужей и князьковъ, и коней, и скота, и челяди, и всякаго полона—безъ числа. Половцы, кинувшись по поданной тревогѣ на выручку къ своимъ изъ-за Днѣпра, увидали запустѣніе на мѣстѣ ихъ табора; увидали что жены и дѣти ихъ захвачены, и уведены ихъ скотъ и кони—и бросились вдогонку; но, испугавшись многочисленности полковъ Ростислава Рюриковича и Мстислава *Удалаго*, не стали вступать съ ними въ бой, а только жалобно провожали ихъ по пятамъ до самой Руси. Молодые князья хвалились своимъ „сайгатомъ“; Ростиславъ Рюриковичъ не засидѣлся тогда въ Торческѣ, а поѣхалъ во Вручій къ своему отцу: тотъ въ это самое время уже дѣйствительно выступалъ въ свой походъ на Литву.

Но молодые князья Мстиславъ Мстиславичъ Удалой и сынъ Рюрика хвалились своею „славою и честью великою“, а грозный Святославъ Всеволодовичъ вовсе не пришелъ въ восхищеніе отъ ихъ подвига: онъ хорошо зналъ, что Половцы не стерпятъ теперь этой обиды, лучше было бы ихъ и не трогать! Онъ послалъ выговоръ молодымъ князьямъ и жаловался на нихъ свату Рюрику Ростиславичу: „вотъ, сынъ твой захватилъ Половцевъ, а ты хочешь идти литву воевать, а свою землю оставилъ. Нѣтъ, возвратись назадъ. Ужъ если сынъ твой зачалъ рать, сами теперь и приходите стеречь Русскую землю“. И Рюрикъ долженъ былъ возвратиться въ Бѣлгородъ; въ самомъ дѣлѣ надлежало принять мѣры противъ раздраженныхъ Половцевъ, которыхъ лучше было и не тревожить на

этотъ разъ. А молодой побѣдитель на радости отпросился у отца съѣздить въ Смоленскъ, къ дядѣ Давиду Ростиславичу, со своею молодою супругой: еще и въ эту пору едва ли его княгинѣ было 14-ть лѣтъ. Захотѣлось молодымъ супругамъ и передъ дядею похвалиться „половецкимъ сайгатомъ“. А когда Всеволодъ (Большое Гнѣздо) узналъ, что они гостятъ у дяди въ Смоленскѣ, звалъ ихъ еще и непремѣнно къ себѣ во Владиміръ. Ростиславъ Рюриковичъ съ молодою женой поѣхали въ сѣверный стольный городъ къ родителю своему и загостились тамъ. Всеволодъ Юрьевичъ долго не отпускалъ тогда отъ себя своей любимицы Верхуславы, а по ней и любимаго своего зятя.

Установившаяся тишина (какъ можно было назвать ни бранныя, ни мирныя другъ къ другу отношенія южно-русскихъ княжествъ, продолжавшіяся изо дня въ день при Святославѣ Всеволодовичѣ) и полное затишье, наступившее при немъ въ самой Кіевской области, гдѣ все ограничивалось лишь вошедшими въ обычную колею, однообразными походами на Половцевъ—вдругъ нарушились на всемъ-же югѣ отъ замѣшательствъ въ Галичѣ. Тамъ завелись безпорядки еще неслыханные и незнаемые на Руси. Русь ли, нѣтъ ли была тамъ отъ начала, но къ этому времени, казалось, то былъ міръ совсѣмъ иной *).

---

*) См. Русская Исторія, томъ I, стр. 106. „Тогда Кіевская область начиналась отъ праваго берега Днѣпра и досягала западныхъ русскихъ рѣкъ: Днѣстра, Прута и Серета, вплоть до Дуная; простиралась даже до горъ Карпатскихъ. Правый и кроткій Всеволодъ, въ удовлетвореніе обездоленныхъ князей, рѣшился раздробить эти самыя земли. На предѣлахъ съ Польшей и съ Венгріей онъ отдѣлилъ русскіе прикарпатскіе города (Теребовль, Перемышль, Червень—достояніе святого Владиміра) въ особый удѣлъ; эту область и назначилъ Володарю и Василько Ростиславичамъ въ родъ ихъ. Они сѣли тамъ, какъ Рогнѣдичи въ Полоцкѣ, удѣльными князьями; основали впослѣдствіи столицу Галичъ, и съ тѣхъ поръ прозвалась та страна Галичемъ, Галичьекою землей. Задачей Галича было охранять Русь отъ Венгровъ и Польши. Но эта близость и сосѣдство съ Польшей и съ Венгріей наложили особую печать на всю Галицкую землю. У Галицкихъ князей завелись свои особые счеты по отношенію къ западнымъ сосѣдямъ, вообще къ Западу. Изъ враговъ то Венгріи, то Польши, то обѣихъ вмѣстѣ они вдругъ обращались въ ихъ друзей, сами вступали въ союзы то съ Польшей, то съ Венгріей; вмѣшивались въ войны однихъ съ другими, а тѣмъ подавали еще поводъ и въ Русскія дѣла вмѣшиваться то Венграмъ, то Полякамъ“.

Галичъ во времена Владиміра Ярославича, внука Владимірка. Давно уже какъ только началъ Кіевъ клониться къ упадку, сталъ и Галичъ отдѣляться отъ него какъ бы въ самостоятельное, державшееся само о себѣ, отъ другихъ особое княженье. Съ тѣмъ вмѣстѣ и вліяніе западныхъ сосѣдей, губившее его изначала, стало въ него проникать глубже и вкрадываться сильнѣй. Венгры и Ляхи, давно *„приложившись къ западнымъ“*, то-есть къ числу латинствующихъ народовъ, къ этому времени уже могли хвалиться, пожалуй, что дѣйствительно составляли на востокѣ Европы крайній оплоть западнаго латинства, послѣднюю границу *„священно-римской Германской имперіи“*: за ними уже была Русь.

Въ быту Венгровъ и Ляховъ были нѣкоторыя общія черты. В о-п е р в ы х ъ, угнетеніе всей массы приниженнаго народа господствовавшимъ надъ нимъ государскимъ сословіемъ Бановъ или Пановъ, или какъ бы они ни назывались, составлявшихъ изъ себя настоящихъ государей, тогда какъ самъ Государь былъ у нихъ только лучезарнымъ средоточіемъ ихъ-же блеска и вседержителемъ ихъ же верховныхъ правъ и привилегій, а кромѣ того для нихъ и для цѣлаго народа не значилъ ничего ровно; самъ ихъ король къ тому же почитался вассаломъ Германскаго Императора. Хотя у Ляховъ, дѣйствительно, одинъ изъ ихъ князей по выбору и голосованію носилъ титулъ „Короля Польскаго“, но всѣ польскіе князья оспаривали у него самодержавіе и каждый изъ нихъ самодержавствовалъ въ свою очередь мимо его; а въ свой-же чередъ самодержавствовали и всѣ господа выборщики, голосовавшіе избраніе своихъ вѣнценосцевъ на тронъ. Вся источная сила законовъ, подати и распредѣленіе богатствъ, надѣлы самихъ себя угодьями и городами и все правительство страны были въ ихъ рукахъ. Отсюда вопіющее скопленіе богатствъ въ правительствующихъ классахъ и нищета въ странѣ: шляхта вольничала, а народъ страдалъ. В о-в т о р ы х ъ, въ связи съ празднолюбіемъ отъ богатства царилъ въ быту Венгровъ и Ляховъ утонченный развратъ. Блескъ геройской знатности и роскошь, чувственныя удовольствія и женская прелесть—въ этомъ заключался для нихъ „свѣтъ“. Женъ своихъ любите, но подъ власть женской прелести не поддавайтесь—таковъ былъ завѣтъ на Руси („Жену свою любите, но не дайте имъ надъ собою

власти"—училъ еще Владиміръ Мономахъ); а по свѣтскимъ понятіямъ Запада выходило иначе. Любви къ своимъ женамъ и особенно почтительности къ нимъ не требовалъ свѣтскій законъ; но власть женской прелести царила даже во дворцѣ Папъ (Амвросія). Мать извѣстнаго тогда рыцаря Ричарда-Львиное Сердце, который воевалъ съ сарацинами и увѣшивалъ коню своему шею, въ видѣ ожерелья, отрубленными ихъ головами, королева Елеонора также ходила крестовымъ походомъ въ Іерусалимъ; но хвалилась, какъ блистательнѣйшею изъ своихъ тамошнихъ побѣдъ, тѣмъ особенно, что склонила въ свои объятія нѣкоего Селадина, также одного изъ Сарацинъ *). Венгры и Поляки, отдавшись въ духовный плѣнъ пересилившему ихъ своимъ могуществомъ Западу, не столько усвоили себѣ его просвѣщеніе, какъ заразились именно всѣми пороками его, заразили ими же и своихъ сосѣдей Галичанъ.

Соблазны и беззаконія, свившіе себѣ гнѣздо въ нѣдрахъ княжескаго семейства (тѣ самые, которые привели въ Галичѣ къ народному бунту и „сожженію Настаськи") не кончились однимъ этимъ; смуты послѣ того волновали уже весь тамошній край за все время княженія Осмомысла, съ тѣмъ вмѣстѣ и самодержавствованіе Галичьскихъ верховниковъ, здѣшнихъ бояръ, все шло въ гору **).

---

*) Дворъ съ его придворною жизнью и съ его придворными отношеніями, всякій „Дворецъ" однимъ словомъ, западный рыцарь иначе не понималъ, какъ мѣстомъ любовныхъ похожденій, а не семейнаго быта. У того изъ западныхъ народовъ, который почитается цвѣтомъ западной образованности и по рыцарской вѣжливости служитъ образцомъ всему свѣту, сами женщины, отрекавшіяся отъ материнскихъ обязанностей и предпочитавшія подобныя похожденія домашнему семейному быту, прозывались изстари непереводимымъ на русскій языкъ словомъ, обозначающимъ именно „Дворъ и придворное обращеніе, общепринятое въ королевскихъ дворцахъ."

**) „Они (Галицкіе князья) сильно ослабляли себя отношеніями съ западными сосѣдями, съ которыми то бились, то дружились и роднились,—какъ, наприм., съ венгерскими и польскими королями. Дружба и родство вредили больше самыхъ битвъ. Они вносили сюда чужіе элементы, производили рознь въ семьѣ княжеской, порождали преступныя связи, подорвавшія совершенно наслѣдственныя права князей. Этимъ путемъ и изгибъ родъ Ростиславичей. Паденіе ихъ сопровождалось и разслабленіемъ всѣхъ верхнихъ силъ Галицкихъ. Заразившись тѣми же чужими элементами, Галичане развили у себя сильное боярство, которое забирало въ свои руки власть". *Лекціи по Исторіи Западной Россіи. Кояловичъ.*

Осенью 1187 года на самый Покровъ скончался сынъ Владимірка, знаменитый Ярославъ Осмомыслъ, у себя въ Галичѣ. Почувствовавъ приближеніе кончины, онъ созвалъ мужей своихъ и духовенство изъ церквей и монастырей, велѣлъ отворить княжескій дворъ для народа: сильнымъ и худымъ, и нищимъ,—каялся и прощался. „Отцы и братья, сыны мои, простите! отхожу я суетнаго свѣта, иду къ Творцу моему, паче всѣхъ согрѣшилъ! другого такого грѣшника и не было, какъ я. Отцы и братья! простите и отдайте,—*и тако плакашеся по три дня*“. Трои сутки стекался къ нему народъ со всего города; умирающій велѣлъ раздавать имѣніе свое монастырямъ и нищимъ. Онъ говорилъ: „сколько могъ, прилежалъ я къ тому, чтобы обидимыя оборонять и подати распредѣлить такъ, чтобы не было людямъ въ тягость; смутителей и навѣтниковъ не слушалъ; иныхъ явно передъ всѣми, а другихъ—для ихъ заслугъ—втайнѣ обличалъ; но я, какъ человѣкъ, многіе пороки имѣлъ и не могъ всего управить. У всѣхъ прошу прощенія“. Множеству бѣднымъ роздали милостыню въ эти дни; щедро расточали имущество князя по его повелѣнію, но всего не могли роздать. Онъ говорилъ еще: „Ежели я кого обидѣлъ, уже не имѣю времени оправдаться передъ всѣми; но нѣтъ ли кого, кто бы что̀ имѣлъ противъ меня,—пусть объявитъ; что̀ могу, еще успѣю. Богъ видитъ, что я добраго желалъ; но по слабости не могъ исполнить“.

Ближніе бояре и старцы духовные окружали смертный одръ отходившаго князя; прочіе толпились по комнатамъ дворца, народъ занималъ сѣни и не расходились со двора его. Онъ распорядился княжествомъ и дѣтьми своими, сказавъ боярамъ: „вотъ, удержалъ я всю Галицкую землю, одинъ ходя со своею худою головою. Вмѣсто себя приказываю Галичъ Олегу, а Владиміру даю Перемышль“, и велѣлъ привести на томъ къ присягѣ. Настасьичъ былъ ему милъ.

Но въ Галичѣ царила уже невѣроятная смута. Въ народѣ ненависть къ Настасьичу была общая; а въ боярахъ, при всеобщей-же ненависти къ Олегу, обнаружилась такая рознь враждовавшихъ сторонъ, что готово было вспыхнуть вооруженное возстаніе. Одни хотя и присягнули Олегу, вели тайные переговоры, чтобы передаться Владиміру; другіе

не хотѣли уже ни того, ни другого, а предлагали обратиться во Владиміръ-волынскій и призвать Романа Мстиславича; наконецъ, третьи вовсе не желали ни кого изъ князей, а заявляли себя прямо и открыто сторонниками Венгерскаго Короля.

Связь у Галичанъ съ Венграми была старинная и постоянная. Многіе изъ Галичскихъ бояръ вели дружбу и даже родство въ тамошней сторонѣ, навѣдывались туда по-сосѣдски и бывали туда посылаемы по дѣламъ княжества, заживались тамъ подолгу. Имъ нравились у Венгровъ тѣ порядки, что тамъ весь народъ былъ какъ покоренный и рабствовалъ на Венгерцевъ ровно-же какъ на побѣдителей своихъ; всѣ до одного знатные мужи и одинъ величавѣй другого гордые Венгры владѣли помѣстьями и городами, какъ настоящіе государи и самъ король былъ въ ихъ полной волѣ, а тамошній народъ весь приниженъ и находился въ полномъ подчиненіи у бояръ. Связи Галича съ Венгріей установились такія тѣсныя за это время, что самъ здѣшній наслѣдникъ въ случаѣ надобности скорѣе могъ бы обратиться теперь туда, именно къ Венгерскому королю искать себѣ помощи и опоры, чѣмъ въ Кіевъ или Владиміръ-волынскій и прочія княжества на Руси, гдѣ у него не было благопріятелей. Кіевскому князю Владиміръ Ярославичъ доводился даже зятемъ по первому браку: за него была выдана княжна Болеслава, дочь Святослава Всеволодовича, уже умершая тогда; но этотъ бракъ былъ такъ несчастливъ, что тесть не любилъ и вспоминать о немъ. Во Владимірѣ-волынскомъ строилъ противъ него ковы самъ Романъ Мстиславичъ, хотя и просваталъ свою дочь (Ѳеодору) за Владимірова сына. А въ Смоленскѣ дали пріютъ тѣмъ временемъ естественнѣйшему врагу Владиміра: Берладникову сыну, такому же скитальцу какимъ былъ вѣкъ цѣлый и отецъ его—Ростиславу Берладнику.

На первыхъ порахъ послѣ похоронъ Ярослава Осмомысла все обошлось, впрочемъ, какъ нельзя лучше для его законнаго наслѣдника *). Боярскія крамолы тогда не повели ни къ чему и Владиміръ Ярославичъ, можно бы ска

*) Его мать Ольга Юрьевна, дочь Юрія Долгорукова, скончалась постригшись въ монашество года за три передъ тѣмъ во Владимірѣ у брата своего Всеволода Юрьевича.

зать, самимъ народомъ—его единодушнымъ порывомъ и его единогласнымъ рѣшеніемъ — былъ возведенъ на престолъ Галичскій. Безъ вины виноватому Настасьичу, всѣми ненавидимому Олегу, оставалось только бѣжать изъ отцовскихъ предѣловъ и онъ, скончавшись еще юнымъ, пропалъ безслѣдно.

Но Владиміръ унаслѣдовалъ отъ отца только пороки, а не его добродѣтель. Безпутный съ раннихъ лѣтъ и неуправленный съ самаго дѣтства, онъ былъ „*любезнивъ питью многому*“—въ томъ и провелъ полтора года своего княженія; притомъ всѣ жаловались на него: „если гдѣ улюбитъ чью жену или дочь—отнималъ насиліемъ“; въ довершеніе всего женился на такой супругѣ, что всѣ его просили развестись съ нею. Какъ про его мачиху „Настаську“ не любили говорить вслухъ и не приводили о ней подробностей, также и про эту княгиню знали только, что князь прижилъ съ нею уже двоихъ дѣтей и что она была отнята отъ живого мужа (отъ священника) и не любопытствовали больше. Никогда ея не называли по имени, въ народѣ она такъ и слыла попадьею. Соблазнъ, произведенный этою свадьбой, былъ такъ великъ, что едва не вспыхнуло возмущеніе. Старшій сынъ новобрачнаго (сынъ Владиміра отъ перваго брака) въ это самое время уже былъ женатъ на дочери Романа Мстиславича и она находилась тутъ въ Галичѣ; коварный сватъ Волынскій князь, открыто сносился съ Галичанами, „подталкивая ихъ на своего князя дабы его выгнали изъ отчины своей, а самогò-бы приняли на княженье“. Сторонники Романа, исполняя его совѣтъ, произвели вооруженное возстаніе; но не смѣли захватить князя, ни тѣмъ болѣе погубить его, потому что не всѣ были съ ними въ одной думѣ, боялись еще и народной преданности къ Владиміру. Они выслали сказать князю „не противъ тебя возсталъ народъ, а не хотятъ кланяться попадьѣ; возьми себѣ гдѣ хочешь княгиню: примемъ любую, а попадью народъ хочетъ убить“, — сказали-же такъ, зная напередъ, что онъ ни за что не разстанется съ нею, а отъ одной угрозы вмѣстѣ и убѣгутъ. Такъ и случилось; уложивъ въ дорогу все что только можно было изъ своихъ сокровищъ, захвативъ довольно золота и серебра, взявъ свою жену и дѣтей, онъ съ немногими дружинниками скрылся изъ Галича:

поѣхалъ къ Венгерскому королю. Ему не препятствовали бѣжать, только не дали увезти невѣстку Ѳеодору, которую онъ желалъ взять съ собою. Вслѣдъ затѣмъ на убылое мѣсто, не мѣшкая явился Романъ Мстиславичъ и былъ провозглашенъ Галичскимъ княземъ. Тогда же свой Владиміръ-волынскій (сказавъ „теперь онъ мнѣ больше не надобенъ“) онъ передалъ своему брату (Всеволоду Мстиславичу) и крестъ ему въ томъ цѣловалъ; но—какъ это не замедлило оказаться—поспѣшилъ напрасно и поторопился некстати.

Венгерскій король Бела III принялъ бѣглеца съ распростертыми объятіями и обѣщалъ дружескую помощь. Договорясь по всѣмъ статьямъ—съ военнымъ вознагражденіемъ за походъ включительно—король и князь дали въ томъ другъ другу крестное цѣлованіе,—и вотъ во главѣ многочисленнаго войска, славившійся рыцарскимъ нравомъ Бела III повелъ Владиміра съ семьею и съ дружиною его—возвращать ему утраченную столицу.

Смѣлый и рѣшительный Романъ Мстиславичъ, услыхавъ что Венгры уже въ Карпатахъ, не посмѣлъ и не рѣшился оставаться въ Галичѣ: съ его умомъ нельзя было и не видѣть тогдашняго положенія дѣлъ. Самъ народъ всей Галичской области волновался изъ края въ край; села и веси и города находились въ возбужденномъ состояніи: не любили Владиміра за его безпутство, однакожъ это былъ свой Галичу „прирожденный князь“; народъ думалъ, что въ заготовлявшейся войнѣ „правъ Владиміръ“: самое его изгнаніе приписывали крамолѣ бояръ. А въ боярствѣ была рознь: они собирали одни противъ другихъ „снѣмы и соймы“, враждовавшіе другъ съ другомъ даже до возможности кровавыхъ междуусобій въ странѣ. Сторонниковъ Романа Мстиславича, сравнительно говоря, было немного: всѣ они и сомкнулись вкругъ него, но уже сами требовали себѣ защиты противъ своей-же братьи бояръ. А боярское большинство было теперь противъ всякаго князя, откуда бы кто къ нимъ ни пришелъ съ Руси,—тѣмъ болѣе противъ суроваго Романа Мстиславича, котораго прямо боялись, не сомнѣваясь, что онъ заберетъ ихъ въ свои руки; большинство бояръ объявляли уже себя открыто приверженцами Венгерскаго короля. А Венгры

уже приблизились и безъ всякаго иносказанія а во всѣхъ смыслахъ сказать: *были не за горами.* Романъ Мстиславичъ захватилъ въ дорогу все, что только успѣлъ изъ имущества и сокровищъ Галичскаго князя, собралъ всѣхъ своихъ здѣшнихъ приверженцевъ, множество бояръ съ женами и дѣтьми, Галичанъ и Галичанокъ, и направился во Владиміръ - волынскій; но братъ (Всеволодъ Мстиславичъ) не захотѣлъ уже разставаться со своею столицей и не впустилъ его. Тогда обездоленный князь рѣшился—по своему родству съ Поляками—обратиться за помощью къ своей польской роднѣ (мать его была дочь Польскаго короля Болеслава Кривоустаго и онъ провелъ дѣтство при дворѣ Казиміра). Тогда-же свою княгиню (Романъ былъ женатъ на дочери Рюрика Ростиславича) онъ отправилъ къ тестю, а съ нею отправились боярскія жены и дѣти, всѣ Галичанки; онѣ нашли временный пріютъ у Романова тестя въ припетскихъ его вотчинахъ. Но польская помощь оказалась ненадежною и Романъ Мстиславичъ обратился уже прямо къ тестю. Рюрикъ Ростиславичъ не замедлилъ оказать ему двѣ услуги: далъ ему сейчасъ - же во временное владѣніе городъ Торческъ и послалъ угрозу его брату, требуя чтобы онъ возвратилъ Владиміръ-волынскій Роману, удалился бы снова въ свой городокъ Бѣльзъ, что и было исполнено. Такимъ образомъ, благодаря не польскимъ войскамъ князя Мешка (Мечислава) которыя только побушевали и надѣлали много безчинствъ въ окрестностяхъ Владиміра-волынскаго, а благодаря именно заступленію своего тестя, Романъ Мстиславичъ водворился опять въ своей только-что было „навѣки уступленной“ столицѣ.

А въ Галичѣ тѣмъ временемъ происходило нѣчто невѣроятное: еще невиданное и неслыханное на Руси.

Король Бела III не только не встрѣтилъ ни малѣйшаго въ Галичѣ сопротивленія, а былъ встрѣченъ съ удивившею его „великою честью“; но что должно было удивить его напослѣдокъ и еще болѣе, это—поведеніе здѣшнихъ бояръ. Король получилъ отъ здѣшняго боярства торжественное заявленіе вѣрноподданства. Верховники прямо заявили, что имъ довольно извѣстно, какъ онъ, король, государствуетъ въ Венгріи, что имъ любы тамошнія порядки, и они про-

сили-бы такіе-же точно завести и въ Галичѣ, дать и здѣшней странѣ тотъ же самый государственный нарядъ. Самъ не вѣря своему удивительному успѣху и изумленный такимъ оборотомъ дѣлъ, тогда король *„не посади въ Галичъ Владиміра, но даде весь нарядъ Галичанамъ и посади въ немъ сына своего Андрѣя“*, а Владиміра повелъ съ собой плѣнникомъ назадъ въ Венгрію, подъ предлогомъ, что князь передалъ ему лживо о состояніи дѣлъ въ Галичѣ и не уплатилъ условленныхъ военныхъ издержекъ. Король отобралъ у Владиміра все его имѣніе и заключилъ его подъ стражу въ башенный замокъ вмѣстѣ съ его женою. Выходило какъ бы такъ, что вся Галичская земля ударила челомъ королю Белѣ „дать ей отъ себя государственный нарядъ и въ государи своего сына“ и онъ сдѣлалъ еще жертву, взявъ на себя этотъ трудъ и уступивъ своего собственнаго наслѣдника Андрѣя. Ко всѣмъ прежнимъ владѣніямъ, перечислявшимся въ титулѣ Венгерскаго короля, тогда была присоединена прибавка: *Галичскихъ земель*; Бела III сталъ именоваться „rex Galliciae, королемъ Галлиціи“. Но такъ какъ Венгерское королевство находилось въ подчиненіи у римскаго Папы и самъ королевскій титулъ всякаго римско-католическаго государства утверждался „апостолическимъ благословеніемъ“ Папы, то одновременно съ тѣмъ и новоявленное „королевство Галлиція“ сопричислилось къ общему составу римско-католическихъ эпархій. Боярство хорошо знало, что когда о томъ провѣдаетъ самъ народъ, непремѣнно вспыхнетъ возстаніе противъ иновѣрцевъ; тѣмъ не менѣе однако, передавшись латынцамъ, приверженцы Венгровъ ручались имъ за спокойствіе здѣшняго народа,— самое подчиненіе Галича римскому папѣ выставляли они легкимъ дѣломъ, лишь бы вводить латынство исподволь и незамѣтно, а не явно на-показъ всѣмъ, лишь-бы по наружности сохранять здѣшніе обычаи и обряды.

Но къ чести Венгерскаго короля должно сказать, что Бела III не принадлежалъ къ числу такъ называемыхъ „коварныхъ политиковъ“; если вмѣсто того, чтобы посадить въ Галичѣ на престолъ Владиміра, какъ о томъ утвердился съ нимъ присягою, онъ засадилъ его въ башню, можно сказать, такой оборотъ дѣлъ произошелъ неожиданно для самого Белы и онъ былъ мало виноватъ въ томъ. Въ Римѣ подозрѣ-

вали одно время Белу даже въ приверженности къ православію и ненависти къ латынству; тогдашній греческій императоръ (Мануилъ Комненъ) обручилъ его со своею дочерью и провозгласилъ наслѣдникомъ Цареградскаго престола. Бела, учредивъ „королевствованіе своего сына въ Галичѣ“, увидалъ весьма скоро, что былъ введенъ въ обманъ тамошнимъ измѣннымъ боярствомъ; вскорѣ онъ получилъ вѣсти отъ своего сына, что его положеніе въ Галичѣ нестерпимо и день ото дня становится все болѣе невозможнымъ. Бела самъ пожелалъ тогда выдти изъ затруднительнаго положенія, въ которомъ очутился по *„лести“* галичскихъ бояръ. Съ нимъ находились въ дружескихъ сношеніяхъ, кромѣ Галича, и другія русскія княжества; самъ Кіевскій князь велъ съ нимъ постоянные переговоры. Святославъ Всеволодовичъ искалъ родственныхъ связей для собственныхъ дѣтей и для подроставшихъ внуковъ своихъ на Западѣ. По одному этому онъ уже могъ сноситься съ Венгерскимъ королемъ, котораго въ письмахъ своихъ всегда звалъ своимъ братомъ; но сохранилось кромѣ того положительное извѣстіе, что между Святославомъ Всеволодовичемъ и Белою III-мъ велись переговоры прямо о Галичѣ — еще ранѣе того, чѣмъ Бела посадилъ тамъ своего сына.

Положеніе королевича Андрѣя въ Галичѣ, нестерпимое съ самаго начала, напослѣдокъ и въ самомъ дѣлѣ сдѣлалось невозможнымъ. Приверженцы Венгровъ, опираясь въ столицѣ королевства и во всей Галичской области на многочисленные венгерскіе отряды, повидимому, достигли желаемой цѣли и торжествовали. Но на самомъ дѣлѣ было не такъ. Вся Галичская земля изъ края въ край находилась въ возбужденномъ состояніи; народъ готовъ былъ подняться противъ чужихъ зашельцевъ; не знали только, къ кому обратиться и кто бы еще взялъ на себя кликнуть кличъ по волѣ народа. Нашлись, однако, между боярами не измѣнившіе народному дѣлу; въ боярствѣ, опиравшемся на венгерскіе полки, начали раздаваться нѣкоторые голоса за свободу родины, за свой бытъ. Въ удовлетвореніе зову народа „прирожденныхъ князей“ и кличу объ изгнаніи иновѣрцевъ — эти немногіе изъ самихъ-же галичскихъ бояръ отложились отъ прямыхъ крамольниковъ и,

цѣлуя крестъ, дали клятву исполнить народную волю. Они отрядили отъ себя пословъ въ Смоленскъ: рѣшились призвать Ростислава Берладника, сына Ивана Берладника, внука Ростислава, котораго нѣкогда отстранилъ Владимірко. Прибывши въ Смоленскъ, эта Галичьская дружина цѣловала крестъ Ростиславу Берладнику на томъ, что „зовутъ его всею землею на Галичьское княженье". Ростиславъ пошелъ съ ними и былъ радостно встрѣченъ въ Галичьскихъ предѣлахъ, но ему не посчастливилось подъ самою столицей. „Мужи Галичьскіе не были всѣ одной мысли, но чьи сыновья и братья *бяхутъ* у короля—тѣ держались крѣпко *по королевичи*", въ то же время прислалъ король полки Угорскіе *многіе* въ помощь сыну, боясь Руси. Королевичъ и Угорскіе воеводы, услыхавъ, что Ростиславъ идетъ къ Галичу, начали по совѣту бояръ приводить весь городъ къ присягѣ: „правые цѣловали тогда крестъ по невѣдѣнію, а виноватые *блюдучися Угоръ*". И невообразимое замѣшательство произошло тогда подъ стѣнами Галича.

Ростиславъ Берладникъ пришелъ не самъ собою, а дѣйствительно по зову Галичанъ; съ нимъ была дружина, состоявшая изъ самихъ-же Галичанъ; но эта дружина обѣщала ему, что на ихъ сторонѣ много приверженцевъ, которые и присоединятся къ нимъ, какъ только они подойдутъ къ столицѣ,—а теперь, когда они расположились станомъ близъ стѣнъ Галича, тамошніе ихъ единомышленники, „*блюдучисъ Угоръ*", опять переложились на сторону крамольныхъ бояръ. Ростиславъ Берладникъ пошелъ навстрѣчу къ выступавшему противъ него венгерскому войску, гдѣ виднѣлись и русскія дружины; а сами его приверженцы уже уговаривали не вступать въ бой, умоляли отступить. Ростиславъ не вѣрилъ: предаютъ ли его эти совѣтчики, ручавшіеся ему за успѣхъ и смущавшіеся теперь тѣхъ, которыхъ выдавали ему за единомышленниковъ своихъ? въ самомъ-ли дѣлѣ желали его спасенія, увидавъ что ихъ единомышленники имъ измѣнили? Онъ колебался: идти ли впередъ, идти ли назадъ? Дружина, призвавшая его изъ Смоленска и вѣрными рядами окружавшая сейчасъ, умоляла отступить. Возмутился духомъ несчастный сынъ несчастнаго отца и сказалъ имъ: „братья!

сами же вы цѣловали мнѣ крестъ, а ежели теперь головы моей ловятъ—Богъ имъ судья и тотъ крестъ! а я больше не хочу блуждать по чужой землѣ! тутъ на своей вотчинѣ и голову свою положу“—и бросился въ бой. Дружина рванулась за нимъ навстрѣчу къ войску. Галичане же, не только Венгры, кинулись на Берладника; въ дракѣ его ранили и сшибли съ коня; его дружинники кинулись защищать князя, подняли его съ земли. Вножнили свои мечи тогда и противники ихъ; не дошло до боя, все кончилось однимъ этимъ. Раненнаго князя уже общими силами тѣ и другіе понесли въ городъ. Тогда Венгры, во избѣжаніе смуты отъ междуусобія — какъ они говорили — сочли дѣломъ государственной мудрости избыть Ростислава Берладника и избыли. „Полки Галичьскіе и Угры объемше и сбодоша Ростислава съ коня, вземше его вельми ранена и еле жива суща, несоша въ Галичь. Галичане же возмятошася, хотяче изъяти его у Угоръ и пріяти себѣ на княженье. Угре же, усмотрѣвши то, *приложивше зелье смертное къ ранамъ, и съ того умре*, и положиша въ монастырѣ во церкви святаго Іоанна, и причтеся къ дѣдамъ и отцамъ своимъ“.

Королевичъ, котораго все время до тѣхъ поръ боярство увѣряло во всеобщей къ нему преданности и въ томъ, что никто изъ Галичанъ не хочетъ русскихъ князей, Андрѣй вѣрилъ теперь больше своимъ собственнымъ глазамъ, чѣмъ лести ласкателей. Венгры начали мстить Руси, жестоко поступать въ странѣ, которую занимали военнымъ станомъ. Къ этому еще примѣшивалась воле-неволей съ ихъ стороны и прямая злоба иновѣрцевъ. Латинцы издѣвались надъ „русскою греческою вѣрой“, они начали обращать русскія церкви въ конюшни, намѣренно выказывали презрѣніе къ русскому духовенству и народу, вводили коней на постой въ боярскія палаты тѣхъ бояръ, которые бѣжали изъ Галича, не желая союза съ Венграми или обнаружили свое нерасположеніе къ нимъ. А рыцарская гульба по всей странѣ пошла уже необузданно во всю ширь: *„почаше насилье дѣяти во всемъ, у мужей Галичьскихъ почаше отымати жены и дщери.. къ себѣ, и въ божницахъ почаше кони ставляти и въ избахъ, иная многа насилья дѣяти“*. Вопль отчаянія огласилъ тогда изъ края въ

край Галичскую землю, достигалъ уже и всей Руси. Въ Кіевѣ митрополитъ съ освященнымъ соборомъ приняли горячо къ сердцу происходившее въ Прикарпатьѣ. Святители обратились къ Святославу Всеволодовичу и къ Рюрику Ростиславичу съ великимъ прещеніемъ: „вотъ иноплеменники отняли вашу вотчину“, говорилъ князьямъ митрополитъ кіевскій и всея Руси, „вамъ бы поревновать, не оставлять Галичьской вотчины въ рукахъ иноплеменныхъ“. Но что Галичъ попалъ въ руки иновѣрцевъ, повидимому, это мало заботило здѣшнихъ князей. Самый вопросъ о Галичѣ сошелъ тогда между здѣшними князьями на вопросъ о выгодѣ или невыгодѣ „волоститься“ имъ между собой изъ-за Галича и подалъ поводъ къ ссорѣ между сватами: между Кіевскимъ княземъ Святославомъ Всеволодовичемъ и Бѣлгородскимъ Рюрикомъ Ростиславичемъ вскорѣ вспыхнулъ раздоръ изъ-за Галича.

Оказалось, что король Бела III-й велъ съ Кіевскимъ княземъ тайные переговоры. Выторговывая разныя выгодныя для себя условія, повидимому, онъ предлагалъ очистить Галичъ отъ венгерскаго вторженія и просилъ Святослава Всеволодовича прислать къ нему кого-либо изъ своихъ сыновей для окончательныхъ переговоровъ, и къ нему былъ посланъ Глѣбъ Святославичъ. Но Рюрикъ Ростиславичъ воспротивился такому посольству и прислалъ выговоръ Кіевскому князю: „какъ такъ сына своего ты послалъ къ королю, а со мной о томъ не свѣстился? этимъ порушенъ договоръ между нами“—и вспыхнула распря между ними, едва не окончившаяся полнымъ разрывомъ. Самъ Святославъ Всеволодовичъ поспѣшилъ склонить его къ примиренью; онъ прислалъ ему въ отвѣтъ дружеское увѣщаніе: „братъ мой и сватъ мой! я послалъ сына не на тебя короля наводить, а по своимъ орудійцамъ; если-же самъ ты хочешь идти на Галичъ—*се азъ* готовъ съ тобою“. Князья съѣхались въ мирѣ и сговорились о Карпатскомъ походѣ; обоихъ увѣщевалъ и митрополитъ: *„лѣто вамъ будетъ потрудиться, не отдайте своей вотчины иноплеменнымъ“*. Рюрикъ Ростиславичъ выступилъ въ походъ со своею братьей, а Святославъ Всеволодовичъ пошелъ съ сыновьями своими. Но у Кіевскаго князя была при этомъ особенная цѣль на умѣ, достиженіе которой заботило его

съ самыхъ еще тѣхъ поръ, какъ онъ водворился въ Кіевѣ. Попрежнему не мирясь съ тѣмъ, что въ кіевской области онъ до тѣсноты окруженъ отовсюду владѣніями Мономаховичей (имъ принадлежали тутъ и Вышгородъ и Бѣлгородъ и мало не все Поросье) Святославъ Всеволодовичъ надѣялся получить, наконецъ, вдобавокъ къ Кіеву всѣ эти земли цѣною именно Галичьскаго княжества, которое и готовъ былъ уступить полностью своему свату. Но этого онъ ему не высказалъ, когда переговаривались о походѣ къ Карпатамъ, и только уже на пути къ горамъ открылся свату. Оказалось, однако, что и самъ Рюрикъ Ростиславичъ не особенно гнался за ненадежными владѣніями въ Галичѣ, а предпочиталъ тому свои земли подъ Кіевомъ. Это разсорило союзниковъ; оба князя сколько ни сговаривались между собой, не могли уже сговориться, какъ имъ будетъ дѣлить между собой Галичскія владѣнія,—и возвратились съ полдороги, не кончивъ задуманнаго похода.

Судьба Галича тотъ разъ вдругъ рѣшилась иначе. Владиміръ, заключенный въ башнѣ со своею попадьею, соскучился въ неволѣ. Хотя его недругъ, король, и отобралъ у него имущество, привезенное имъ съ собой въ Венгрію, но золота и серебра еще нѣсколько уцѣлѣло въ его рукахъ: достаточно для того, по крайней мѣрѣ, чтобы подкупить стражу, которая была приставлена къ его башнѣ. Между стражниками нашлись такіе преданные Владиміру, которые брались не только дать ему спастись бѣгствомъ, но еще и вывести его незнаемыми лѣсами изъ венгерскихъ предѣловъ въ Нѣмецкую землю. Оставалось только спуститься съ башни; но на это безпутный и не отличавшійся умомъ Владиміръ оказался умнѣе разумныхъ мудрецовъ. Башня была превысокая, и узниковъ заточили на ея вершинѣ; тамъ для прохлады была устроена площадка, узенькая и небольшая—такая однакоже, что на ней былъ раскинутъ полотняный шатеръ, въ которомъ можно было укрываться днемъ отъ знойнаго солнца, а ночью любоваться на звѣзды. Въ одну лѣтнюю ночь Владиміръ и употребилъ въ дѣло эту самую палатку; изодравъ ее въ полотнища, онъ свилъ изъ нихъ жгуты, а ихъ связалъ въ длинную веревку,—по ней и спустился. Вѣрные стражники, съ которыми онъ сговорился заранѣе, дѣйствительно, провели его ко владѣніямъ

германскаго императора Фридриха Барбароссы. Бѣглецъ былъ принятъ самимъ императоромъ и просилъ его защиты.

Если въ точности неизвѣсто, какое именно вознагражденіе—тому назадъ года полтора—предлагалъ Владиміръ венгерскому королю за возвращеніе ему Галича, то объ его договорѣ объ этомъ съ германскимъ императоромъ сохранилось точное извѣстіе. Владиміръ обязался ему, въ случаѣ если съ его помощью утвердится въ Галичѣ, выплачивать по двѣ тысячи гривенъ серебра ежегодно. Были и кромѣ того причины, по которымъ германскій императоръ въ немъ принялъ участіе. Фридрихъ Барбаросса изумился, что видитъ передъ собой родного племянника Андрѣя Боголюбскаго и Всеволода Юрьевича. Услыхавъ, что онъ родной сынъ сестры двухъ этихъ великихъ князей Владимірскихъ, императоръ уже не сомнѣвался въ могуществѣ и самомъ этого Галичьскаго князя, ихъ племянника. Андрѣя Боголюбскаго императоръ зналъ еще по своимъ собственнымъ съ нимъ сношеніямъ; когда этотъ Владимірскій державецъ строилъ свой знаменитый соборъ у себя въ столицѣ, тогда еще посылались къ Андрѣю Боголюбскому, по его перепискѣ о томъ съ императоромъ, разные мастера и матеріалы изъ Германіи. А о могуществѣ Всеволода Юрьевича, преемника Андрѣя Боголюбскаго, и объ его первенствѣ между всѣми русскими князьями—въ ту пору также молва была общая даже и въ отдаленнѣйшихъ предѣлахъ. Притомъ, оказать помощь этому русскому князю для самого императора не стоило большого труда: самъ онъ и не думалъ защищать его собственными войсками; въ то время онъ отправлялся въ крестовый походъ подъ Іерусалимъ на Сарациновъ; но ему была подвластна Польша: какъ самъ король Ляховъ, такъ и всѣ польскіе князья числились вассалами германскаго императора. Онъ и поручилъ одному изъ нихъ (именно Казиміру) проводить изгнанника въ его владѣнія и водворить на княженіи.

И Германія и Польша имѣли къ тому же свои счеты съ Венгріей: Ляхи завидовали тогда Венграмъ въ пріобрѣтеніи Галичской земли и находили свои выгоды въ изгнаніи Венгровъ изъ Галича. Владиміръ Ярославичъ, внукъ Владимірка, ведя съ собой польское войско, вступилъ безпрепятственно въ родные предѣлы, а едва слухъ о возвращеніи „прирож-

деннаго князя“ огласился въ народѣ—по всему княжеству всѣ кинулись къ нему навстрѣчу: королевичу Андрѣю и его Уграмъ, и ихъ приверженцамъ крамольнымъ галичскимъ боярамъ оставалось только бѣжать. „Галичьскіе мужи *срѣтоша* Володиміра съ радостью великою, князя своего и дѣдича, а королевича *прогнаша* изъ земли своей, а Володиміръ *сѣде* на столѣ дѣда своего и отца своего“. Такъ, безъ малѣйшаго кровопролитія, вокняжился Владиміръ Ярославичъ при всеобщемъ ликованіи Галичанъ, радовавшихся изгнанію чужихъ зашельцевъ и хвалившихся, что ужъ будетъ имъ „ставить своихъ коней въ божницы“ и полно имъ „женъ и дочерей русскихъ отнимать насиліемъ“. Королевичъ Андрѣй, не думая сопротивляться, бѣжалъ съ позоромъ... но и съ титуломъ однакожъ „короля Галлиціи“: сопряженныя съ онымъ владѣнія уже не вычеркнулись изъ герба венгерской короны съ тѣхъ поръ.

Но Владиміръ, утвердясь тогда на княженіи, пребывалъ на немъ твердо и непоколебимо уже до самой смерти, благодаря тому только, что обратился съ просьбою о томъ къ своему дядѣ Великому Князю владимірскому Всеволоду Юрьевичу и въ немъ именно нашелъ себѣ покровителя на всю остальную жизнь. Галичьскій Князь послалъ къ дядѣ въ сѣверную столицу особое посольство и просилъ такъ: „Отецъ и господинъ мой! молюся тебѣ: удержи Галичъ подо мною, а *язъ* Божій и твой *есмь* со всѣмъ Галичемъ, въ твоей волѣ *есмь* всегда“. Всеволодъ Юрьевичъ, исполняя просьбу племянника, сына сестры Ольги Юрьевны, обослался со всѣми князьями и привелъ ихъ на томъ къ присягѣ, что бы никто изъ нихъ болѣе не посягалъ на Галичскія владѣнія; кромѣ того, по этому же поводу обослался съ Польскими князьями и съ королемъ ихъ: потребовалъ и отъ нихъ, привелъ и ихъ ко кресту на томъ, что подъ его сестричичемъ не будутъ искать Галича, *„и оттолѣ не бысть нань никого же“*. Грозное слово великаго князя Владимірскаго, разумѣется, было принято къ надлежащему исполненію и въ самомъ Кіевѣ; такимъ образомъ, ни Рюрику Ростиславичу ни самому Святославу Всеволодовичу болѣе уже не приходилось ни ссориться, ни мириться между собой изъ-за Галича. Утѣшенъ былъ въ свою очередь митрополитъ кіевскій и всея Руси тѣмъ, что, благодаря

великому князю Владимірскому, иновѣрцы болѣе не владѣютъ Галичемъ; иначе отнеслись къ тому при дворѣ Папы: съ тѣхъ поръ курія ужъ не сводила глазъ съ при-Карпатской Руси.

Послѣдніе дни и кончина Кіевскаго князя Святослава Всеволодовича. Исканіе Галича со стороны Святослава Всеволодовича, такимъ образомъ, было вызвано не тѣмъ важнымъ значеніемъ, какое это княжество и его похищеніе Латинцами имѣло для всей Руси, а мелочными заботами объ увеличеніи своей собственной волости. Съ его стороны это была попытка лишь нѣсколько расширить свое кіевское владѣніе и освободиться отъ той тѣсноты, которую ему причиняли Мономаховичи, завладѣвшіе всѣми землями подъ Кіевомъ. Но попытка не удалась и онъ терпѣливо перенесъ свою неудачу.

Подобная съ его стороны попытка была уже не первая; такую-же точно неудачу потерпѣлъ онъ еше и ранѣе: тогда именно, когда ѣздилъ совѣщаться съ братіей своею, черниговскими князьями, объ утѣсненіи ихъ владѣній Смоленскими князьями. Въ тотъ разъ сваты его Рюрикъ и Давидъ Ростиславичи также съѣхались на сеймъ въ своихъ удѣлахъ (о чемъ упомянуто при описаніи походовъ на Половцевъ 1190-го года)—и между ними вышла тогда ссора. Смоленскіе князья искали пополнить свои владѣнія и округлить границы своихъ волостей въ Полоцкихъ мѣстахъ—къ сторонѣ Витебска и Друцка—мѣста, въ которыя вступались, по смежности своихъ владѣній, и черниговскіе князья. Указывая на постоянные захваты, производившіеся Смоленскомъ въ эту сторону, куда съ тѣмъ вмѣстѣ простиралось вліяніе самихъ черниговскихъ владѣній, Кіевскій князь требовалъ взамѣнъ того по крайней мѣрѣ пересмотра договора, по которому онъ владѣлъ Кіевомъ въ урѣзанномъ видѣ,—договора, заключеннаго при покойномъ братѣ Ростиславичей, кроткомъ и мягкосердномъ Романѣ; великому князю хотѣлось владѣть Кіевомъ въ тѣхъ же границахъ, какія были установлены для Кіевской области еще при ихъ отцѣ схимолюбивомъ Ростиславѣ. Другими словами, Кіевскій князь настаивалъ и тотъ разъ на томъ же: чтобы ему были отданы въ придачу къ Кіеву и Вышгородъ и Бѣлгородъ съ прочими мѣстами подъ Кіевомъ и города Поросьскіе,

отнятые у него Ростиславичами. Раздоры приняли грозный видъ и мало не дошло до войны. Рюрикъ и Давидъ Ростиславичи уже отослали ему его крестныя грамоты; а онъ имъ отвѣчалъ въ свою очередь, что не уступитъ ни подъ какимъ видомъ. Тогда Смоленскіе князья обратились съ жалобою ко Владимірскому великому князю Всеволоду Юрьевичу; они прислали сказатъ ему: „мы тебя приняли себѣ за отца, разсуди *тяжу* нашу между нами и Кіевскимъ княземъ“. И Всеволодъ Юрьевичъ, вступясь за смоленскихъ князей, прислалъ сказать Святославу Всеволодовичу: „на чемъ ты утвердился при князѣ Романѣ, того и держимся всѣ; если стоишь на томъ—всѣ мы съ тобой въ мирѣ; а если будешь поминать давнія тяжбы, которыя были при Ростиславѣ, отступишь отъ договора, мы того не допустимъ“. И Святославъ Всеволодовичъ покорился; больше съ его стороны и помину не было съ тѣхъ поръ объ уступкѣ ему сватомъ земель подъ Кіевомъ—до самой попытки пріобрѣсти эти земли цѣною Галича.

Напослѣдокъ своей жизни Кіевскій князь получилъ отъ Всеволода Юрьевича еще болѣе грозное внушеніе по рязанскимъ дѣламъ, и также ему подчинился. Не удалось исправить границъ на Кіевскомъ княженіи, онъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, столько же въ собственное удовлетвореніе, какъ и въ угоду своей черниговской братьи, отстоять и пополнить ихъ черниговскія родовыя волости на пограничьѣ съ Рязанью. Ихъ владѣнія въ древнихъ Вятичахъ, соприкасавшіяся съ рязанскими въ верховьяхъ Оки, подвергались постояннымъ нападеніямъ со стороны Рязани и оспаривались тамошними князьями. Вся черниговская братья, подъ предсѣдательствомъ Святослава Всеволодовича, собралась на сеймъ въ Карачевѣ—городъ, находившійся за Новгородсѣверскими и Трубчевскими мѣстами уже въ землѣ Вятичей. На этомъ сеймѣ рѣшено было, что иначе нельзя отстоять спорныхъ съ Рязанью черниговскихъ владѣній, какъ прямою войною,—и съѣхавшіеся князья, вся черниговская братья, готовы были выступить на Рязань общимъ походомъ. Но Кіевскій князь не рѣшился—ни самъ предпринять этого похода, ни допустить его своей братіи—безъ воли владимірскаго Великаго Князя; послали его спросить о томъ. Изъ Владиміра пришелъ отвѣтъ, что Всево-

лодъ Юрьевичъ не велитъ черниговскимъ князьямъ вступать въ Рязанскую область походомъ. И всѣ повиновались.

Во время этого съѣзда въ Карачевѣ, Святославъ Всеволодовичъ и заболѣлъ недугомъ, который свелъ его въ могилу: *„изверглось нѣчто на ногѣ“*—записано объ его болѣзни. Онъ не могъ уже держаться на конѣ; по тамошнимъ болотамъ и неудобнымъ для колесной ѣзды гатямъ его везли въ саняхъ; Десною и Днѣпромъ ѣхали въ ладьяхъ. По прибытіи въ Кіевъ ему непремѣнно хотѣлось посѣтить храмъ Бориса и Глѣба и поклониться могилѣ отца своего; для этого, несмотря на тягостную болѣзнь, онъ поѣхалъ въ Вышгородъ. Оба страстотерпца, открыто почивавшіе въ гробницѣ какъ живые, постоянно привлекали къ себѣ молельщиковъ. Съ особеннымъ чувствомъ молился этотъ разъ Святославъ Всеволодовичъ у своихъ сродниковъ и, прикладываясь къ ихъ мощамъ, залился слезами; послѣ того прошелъ къ гробницѣ отца своего и по обыкновенію хотѣлъ войти въ самый притворъ; но притворъ былъ запертъ. Послали за ключами и пришлось больному дожидаться; ключей не нашли: священника не было дома, онъ на то время отлучился и ключи взялъ съ собою. Удрученный тѣмъ, что такъ и не повидалъ гроба своего родителя, больной возвратился въ Кіевъ уже въ полномъ изнеможеніи.

Въ это время готовилась свадьба дочери одного изъ сыновей его (дочь Глѣба Святославича Евфимія была помолвлена за Греческаго царевича, и изъ Цареграда прибыли послы за нею). Святославъ Всеволодовичъ уже не могъ принять участія въ этомъ торжествѣ своей внучки, а успѣлъ только распорядиться: выслалъ отъ себя бояръ навстрѣчу къ императорскимъ посламъ пріѣхавшимъ за невѣстой; одинъ разъ успѣлъ еще онъ выѣхать изъ дворца къ обѣднѣ; слабѣлъ, едва говорилъ и напослѣдокъ находился въ постоянномъ усыпленіи. Княгиня находилась безотлучно при умирающемъ; разъ ей показалось, что онъ видитъ видѣніе, и начала спрашивать его о томъ; онъ же сталъ читать *„Вѣрую во единаго Бога“* и велѣлъ постричь себя въ чернецы. При кончинѣ пожелалъ онъ видѣть свата своего Рюрика; между ними давно было условлено, что по немъ Кіевъ отданъ будетъ, какъ старшему въ родѣ, именно Рюрику и все послѣднее время дружба между сватами не прерывалась.

Сватъ засталъ умирающаго друга еще въ живыхъ, но уже не въ памяти: больной едва ли узналъ его и словъ отъ нихъ другъ къ другу при этомъ свиданіи не сохранилось.

Одна княгиня была свидѣтельницей послѣднихъ минутъ Святослава Всеволодовича. Тихо угасалъ убѣленный сѣдинами старецъ; затемнялось ли мало-по-малу въ его памяти все пережитое втеченіи многихъ десятилѣтій, или напротивъ, все живѣй и живѣе обновлялось въ ней по мѣрѣ того, какъ душа разставалась съ тѣломъ—онъ лежалъ въ забытьи; вдругъ, какъ бы взбудясь, спросилъ княгиню: *„когда будутъ Маккавеи?“*... Исходили тогдашняго краснаго лѣта послѣдніе іюльскіе дни; онъ вспомнилъ *первое августа* — роковой день кончины его отца Всеволода Ольговича и также дѣда своего Олега Гориславича. Княгиня отвѣтила: *„въ этотъ понедѣльникъ“*. Дряхлый больной глядѣлъ ей въ глаза, какъ бы что̀ видѣлъ передъ собою. *„Нѣтъ, я не доживу до Маккавеевъ“*, сказалъ онъ. Это было его послѣднее слово *). Онъ скончался въ середу 27-го іюля 1194 года.

Схоронивъ свата, Рюрикъ Ростиславичъ замѣстилъ его на Кіевскомъ престолѣ; но о томъ надлежало спроситься еще Великаго Князя владимірскаго Всеволода Юрьевича, котораго Рюрикъ Ростиславичъ съ братьею давно признали старшимъ и почитали *„яко-же отца“*.

Великій князь Владимірскій Всеволодъ Юрьевичъ (прозвищемъ Большое Гнѣздо.)

III. Послѣднія 18 лѣтъ его княженія, по кончинѣ Кіевскаго князя Святослава Всеволодовича.

Отношенія Всеволода Юрьевича къ Кіевскому князю Рюрику Ростиславичу. Всеволодъ Юрьевичъ (Большое Гнѣздо) не только ничего не имѣлъ противъ вокняженія въ Кіевѣ Рюрика Ростиславича (егоже первенецъ Ростиславъ Рюриковичъ былъ женатъ на любимой дочери Всеволода Верхуславѣ), но прислалъ еще своихъ бояръ изъ Владиміра утвердить его на престолѣ *„посла князь*

---

*) См. т. I, стр. 217.

Великій Всеволодъ мужи своя къ Кіеву, и посади въ Кіевъ Рюрика Ротиславича свата своего“. Вскорѣ родство между ними скрѣпилось еще новымъ семейнымъ союзомъ: Всеволодъ для своего старшаго сына сосваталъ невѣсту въ Смоленской области: *Константинъ* женился на дочери Мстислава Романовича (сынъ кроткаго Романа, позднѣе Кіевскій же князь, павшій въ бою съ татарами на Калкѣ). И Рюрикъ и Давидъ Ростиславичи, такимъ образомъ, черезъ это новое родство еще болѣе сблизились съ владимірскимъ Великимъ Княземъ: теперь онъ ужъ доводился сватомъ и родному ихъ племяннику Мстиславу Романовичу. Какъ старшее колѣно Мономаховичей, происходившее отъ Мстислава-великаго, такъ и младшее отъ Юрія Долгорукаго, все „*Владимірово племя*“ находилось теперь въ полномъ единеніи и дружбѣ. Этотъ установившійся миръ казался тѣмъ болѣе проченъ, что обѣ линіи и въ самомъ старшемъ колѣнѣ (потомки Изяслава Мстиславича съ одной стороны, а съ другой—потомки схимолюбиваго Ростислава) также сошлись и породнились тогда между собою. Ибо главный между Волынскими князьями, Романъ Мстиславичъ, сидѣвшій въ стольномъ городѣ здѣшней страны, во Владимірѣ-волынскомъ, былъ женатъ на дочери Рюрика Ростиславича: Кіевскій князь былъ ему тестемъ; прочіе же волынскіе князья, наслѣдники Ярослава Луцкаго, уже не много значили тогда.

Но Романъ Мстиславичъ, не оказывавшій съ самаго начала должнаго уваженія своему тестю, окончательно не взлюбилъ его по достиженіи имъ Кіевскаго престола; по его мнѣнію, тесть его не годился управлять Кіевомъ. „Кіевъ, говорилъ онъ, есть старѣйшій престолъ въ Русской землѣ и надлежитъ на ономъ быть мудрѣйшему во всѣхъ князьяхъ русскихъ, чтобы могъ благоразумно управлять и землю Русскую отовсюду оборонять, а въ братіи князьяхъ русскихъ добрый порядокъ содержать, дабы одинъ другого не могъ обидѣть и на чужія области наѣзжать и разорять: нынѣ же видимъ тому противное: похищаютъ престолъ несмысленные, которые не могутъ не токмо другихъ распоряжать и братію во враждахъ разводить, но сами себя оборонить не въ состояніи, приводятъ поганыхъ Половцевъ и раззоряютъ землю Русскую: того ради виненъ и Рю-

рикъ“—такого невыгоднаго мнѣнія былъ зять о своемъ тестѣ,—отъ ихъ ненависти другъ къ другу и произошли всѣ дальнѣйшіе раздоры между южно-русскими князьями.

Рюрикъ, хотя и занималъ Кіевскій престолъ, никѣмъ однако не почитался Великимъ Княземъ, къ тому же неоднократно и лишался кіевскаго престола; напротивъ того, Романъ Мстиславичъ, даже не добивавшійся лично для себя Кіева, стяжалъ такую великую славу между всѣми южно-русскими князьями, что въ немъ видѣли *„самодержца бывша всей русской земли“*. Оба притомъ, какъ Рюрикъ Ростиславичъ также и Романъ Мстиславичъ, одинаково почитали надъ собою главенство Всеволода Юрьевича; самъ же Великій Князь владимірскій лишь настолько вмѣшивался въ ихъ распри—какъ и вообще въ тогдашнія междуусобія южно-русскихъ князей—насколько это казалось ему нужнымъ для своихъ собственныхъ выгодъ;—а независимо отъ того, онъ предоставлялъ полную волю ихъ междуусобіямъ или даже—въ чемъ его и обвиняютъ нѣкоторые—постоянно еще возстановлялъ тамошнихъ князей одного противъ другаго, взаимно ослабляя ихъ другъ другомъ и находя выгоднымъ для своего собственнаго усиленія ихъ тамошніе раздоры.

Рюрику Ростиславичу привелось уже съ самаго начала, въ первый же годъ торжественнаго водворенія въ Кіевѣ (въ 1195-мъ) испытать на себѣ это „коварство“ Всеволодовой политики. Довѣрясь при своемъ восшествіи на престолъ ласковому привѣту свата, выразившемуся въ присылкѣ для того собственныхъ мужей изъ Владиміра, Рюрикъ Ростиславичъ отблагодарилъ Великаго Князя новыми заявленіями преданности съ своей стороны и, на радости о своемъ утвержденіи, вызвалъ къ себѣ своего брата, написавъ ему: „вотъ, мы остались теперь съ тобою старѣйшими въ Русской Землѣ; пріѣзжай ко мнѣ въ Кіевъ: поздороваемся другъ съ другомъ и посовѣтуемся о своей братіи,—все, о чемъ надлежитъ подумать—мы и рѣшимъ съ тобою: вдвоемъ и покончимъ“. Давидъ Ростиславичъ пріѣхалъ на такое приглашеніе изъ Смоленска—и не было конца пирамъ и праздненствамъ, которые тогда въ честь его давались въ Кіевѣ; можно было истинно сказать словами одного изъ древнихъ проповѣдниковъ (такъ выразился митрополитъ Іоаннъ) *„въ тѣхъ пирахъ*

другъ другу преспѣвали: кто лучше сотворитъ пиръ“. Давидъ Ростиславичъ поплылъ изъ Смоленска въ Кіевъ по Днѣпру; самъ Рюрикъ выѣхалъ къ нему навстрѣчу въ его Вышгородъ и позвалъ на обѣдъ къ себѣ: большой устроилъ праздникъ въ Кіевѣ для него и для дѣтей его; чествовали пирами и дарами, провели время въ великой любви и во многомъ веселіи. Вслѣдъ за тѣмъ, старшій наслѣдникъ кіевскаго князя, Ростиславъ Рюриковичъ съ княгинею Верхуславой устроили въ честь пріѣзжихъ семейный праздникъ у себя въ Бѣлгородѣ, также дарили гостей великими дарами и веселились еще болѣе. Тогда и Давидъ Ростиславичъ позвалъ на обѣдъ къ себѣ Кіевскаго Князя и дѣтей его: также провели время въ любви и въ веселіи, отдарился въ свою очередь и Вышгородскій хозяинъ богатыми дарами. Потомъ Давидъ Рюриковичъ позвалъ на обѣдъ монаховъ изъ всѣхъ монастырей, роздалъ имъ и нищимъ „милостыню многу“; наконецъ, онъ устроилъ еще пиръ для самихъ Черкасовъ: весь Черный Клобукъ былъ званъ на его пиръ,—всѣ перепились и получили богатые дары на прощаньи. Тогда напослѣдокъ сами Кіевляне захотѣли почтить князя обѣдомъ; онъ принялъ ихъ угощеніе и его чествовали всѣмъ Кіевомъ, подносили ему во время пиршества и дары многіе. Не могъ уже тогда въ свою очередь не отдариться и Давидъ Ростиславичъ передъ Кіевлянами, всѣхъ созвалъ къ себѣ на обѣдъ и *„ту бысть съ ними въ веселіи мнозѣ и во любви велицѣ“*. Пируя, братья занимались и дѣлами: урядились обо всей роднѣ, распредѣлили всѣ волости между собою. Щедрый тесть, Рюрикъ Ростиславичъ, богато наградилъ втупору зятя своего Романа Мстиславича, давъ ему Торческъ, Каневъ, Триполь, Корсунь и Богуславъ—коротко сказать: самые лучшіе города Поросья; въ томъ еще и крестъ цѣловалъ своему зятю, что этихъ городовъ у него не отниметъ.

Когда вѣсть объ этихъ кіевскихъ торжествахъ достигла сѣверной столицы, тамъ не изъявили особенной радости о водворившемся согласіи *„во всемъ Владиміровомъ племени“*. Просто ли былъ обиженъ Всеволодъ Юрьевичъ, что на югѣ его обошли волостями, прямо ли входило въ его расчетъ перессорить двухъ главныхъ тамошнихъ князей—Рюрика Ростиславича съ Романомъ Мстиславичемъ—онъ прислалъ отъ

себя пословъ въ Кіевъ съ грознымъ укоромъ. „Вы меня во всемъ Владиміровомъ племени, нарекли старшимъ. А нынѣ, братъ мой и сватъ, ты—сѣвъ въ Кіевѣ—роздалъ всѣ тамошнія земли младшей своей братіи, а мнѣ въ ней части не учинилъ. Если же мнѣ нѣтъ тамъ части, пусть такъ и будетъ: ты съ кіевской областью — самъ по себѣ; кому ее раздарилъ — съ тѣми и береги, а мнѣ больше не надобно. Только какъ вы ее безъ меня удержите — посмотримъ". Смущенный столь неожиданнымъ оборотомъ, Рюрикъ Ростиславичъ былъ готовъ на всякія уступки и предлагалъ свату выбрать любую волость изъ тѣхъ, которыя еще оставались у него въ свободномъ распоряженіи; но Всеволодъ Юрьевичъ упорно стоялъ на своемъ: требовалъ тѣ самыя, которыя были отданы Волынскому Князю. Тогда тесть послалъ уговаривать своего зятя: не отдастъ ли онъ назадъ уступленныхъ ему городовъ? въ свою очередь также и ему предлагалъ взамѣнъ любую волость.

Но Романъ Мстиславичъ не хотѣлъ о томъ и слышать, грозился даже войною.

Ропотъ пошелъ тогда по всей Кіевской области; всѣ болѣе или менѣе склонялись въ этомъ случаѣ на сторону Волынскаго Князя и осуждали уступчивость Рюрика; всѣ указывали съ негодованіемъ, что вмѣшательство въ кіевскіе распорядки со стороны Великаго Князя владимірскаго напоминаетъ уже старинныя притязанія его отца Юрія Долгорукаго и его борьбу съ дѣдомъ Романа Мстиславича; требовали, чтобы митрополитъ пересмотрѣлъ всѣ грамоты и договоры, уцѣлѣвшіе отъ предшественниковъ Рюрика Ростиславича, Великихъ Князей Кіевскихъ: кроткаго Романа и Святослава Всеволодовича (которые грамоты сберегались въ древлехранилищѣ здѣшняго Софійскаго собора). Всѣ указывали, что предшественники Рюрика Ростиславича на томъ только уговорѣ и отреклись отъ Новгорода въ пользу Всеволода, лишь съ тѣмъ и допустили ему свободу распоряжаться Новгородомъ, чтобы самъ онъ отрекся отъ Кіева и что по тѣмъ договорамъ, которые цѣлы въ Софійскомъ древлехранилищѣ, дѣйствительно видно: молъ, Всеволодъ Юрьевичъ тогда-же, еще въ ту пору, и отрекся отъ Кіева. Но чѣмъ болѣе затягивались въ этомъ именно духѣ препинанія Кіева съ Владиміромъ, тѣмъ упорнѣе стоялъ Всеволодъ Юрье-

вичъ, на своемъ и тѣмъ грознѣе давалъ знать Кіевлянамъ, что готовъ выступить противъ нихъ даже войною. Въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ Рюрикъ Ростиславичъ и самъ обратился напослѣдокъ къ суду Митрополита (Никифора) чтобы онъ научилъ его: какъ дѣйствовать? Митрополитъ далъ отъ себя такой отвѣтъ: „На то мы, княже, и приставлены въ Русской Землѣ отъ Бога, чтобы васъ удерживать отъ кровопролитія. А такъ какъ, вижу, не миновать его оттого, что ты уважилъ волостью не старѣйшаго, а меньшаго, я съ тебя крестное цѣлованіе снимаю и беру грѣхъ на себя: разрѣшаю взять волости у молодшаго и передать старѣйшему; только послушайся меня и въ томъ, чтобы Роману вмѣсто той, которую отберешь, дать иную волость—такую же“.

Рюрикъ Ростиславичъ послѣдовалъ этому совѣту, ласково обѣщалъ обиженному зятю вознаградить его сполна за эту вынужденную необходимостью уступку и, повидимому, убѣдилъ его; но крайней мѣрѣ, когда у него отбирали Поросьскіе города, онъ прислалъ Рюрику Ростиславичу покорный отвѣтъ: „не изъ-за меня же, отче, вступать тебѣ въ нелюбье со своимъ сватомъ! Отдай ему волости, которыя онъ проситъ и изъ-за которыхъ жалуется на меня; а мнѣ на мѣсто того дашь другую или заплатишь чего стоитъ, все равно“. И Кіевскій Князь торжественно оповѣстилъ свата, что передаетъ ему пять городовъ въ Поросьѣ: Торческъ, Корсунь, Богуславль, Триполь и Каневъ—тѣ самые, которые онъ требовалъ себѣ. Такимъ образомъ, кончились переговоры грозившіе войною, и съ обѣихъ сторонъ *„утвердились крестомъ честнымъ на всей любви своей“*.

Великій Князь владимірскій, между тѣмъ, какъ только было исполнено его желаніе—ко всеобщему удивленію, выставилъ явно всѣмъ на показъ, что вовсе не дорожилъ тѣми городами, изъ-за которыхъ готовъ былъ идти даже войною: главный изъ этихъ городовъ сейчасъ-же возвратилъ свату назадъ, передалъ Торческъ его сыну, своему зятю Ростиславу Рюриковичу; прочіе же оставилъ безъ вниманія, прославъ туда незначительныхъ посадниковъ. Романъ Мстиславичъ увидалъ себѣ въ этомъ новое оскорбленіе. Подозрѣвалъ ли онъ въ томъ нѣкоторый умыселъ со стороны самого Рюрика или напротивъ совершенно зналъ объ его

неучастіи въ томъ, но потерялъ и послѣднее уваженіе, которое до тѣхъ поръ хотя въ малой мѣрѣ оказывалъ еще своему тестю. Онъ сталъ гласно обвинять его въ неспособности *держать Кіевъ* и заключилъ союзъ противъ него съ Ольговичами: велъ явные переговоры съ Черниговскимъ княземъ Ярославомъ Всеволодовичемъ и съ Игоремъ сѣверскимъ прямо уже о томъ: какъ бы общими силами изгнать Рюрика изъ Кіева! Въ это время онъ *„сталъ отпускать отъ себя“* жену свою Рюриковну, совѣтуя ей постричься въ монашество. Тесть вступилъ съ нимъ въ переговоры и оправдывался самымъ жалобнымъ образомъ: „Я тебѣ прежде всѣхъ далъ тѣ волости; а какъ началъ на меня жаловаться Всеволодъ, что я чести не положилъ на немъ, вѣдь я тебѣ объявилъ всѣ его рѣчи; ты же самъ согласился на уступку. Намъ безъ Всеволода—самъ знаешь—нельзя быть; положили мы—вся братія Владимірова племени—на немъ старѣйшинство; а ты мнѣ сынъ свой: будетъ тебѣ такая же волость — той ровна“. Но Романъ Мстиславичъ понапрасну корилъ тестя волостями; на самомъ-же дѣлѣ *„ловилъ извъта на своего тестя и не хотѣлъ быть съ нимъ въ любви“*. Узнавъ наконецъ про зятя, что онъ утвердился уже крестнымъ цѣлованіемъ съ Ярославомъ Всеволодовичемъ о переходѣ его изъ Чернигова на престолъ Кіевскій, Рюрикъ послалъ мужей своихъ повергнутъ къ ногамъ измѣнника его крестныя грамоты; тогда же писалъ и Всеволоду Юрьевичу про *изліпну Романа*, прося помощи: „ты, брате, въ Володимери племени старѣй еси насъ; а думай-гадай о Русской землѣ и о своей чести и о нашей“. Готовилась уже всеобщая война; но Романъ Мстиславичъ, подстрекавшій на нее всѣхъ южнорусскихъ князей, ушелъ къ своей роднѣ въ Польшу *). Такъ какъ онъ находился въ родствѣ со мно-

*) Этотъ волынскій князь находился въ тройномъ родствѣ съ Поляками. *Во-первыхъ* его отецъ, Мстиславъ II Изяславичъ, былъ женатъ на дочери Польскаго Короля Болеслава Кривоустаго; такимъ образомъ, Романъ Мстиславичъ по своей матери былъ внукомъ этого короля и въ юности живалъ при Дворѣ въ Краковѣ. Притомъ, одинъ изъ сыновей Болеслава Кривоустаго—дядя и крестный отецъ Романа Мстиславича—Казиміръ Справедливый впослѣдствіи женился на родной племянницѣ своего крестника: взялъ за себя дочь Романова брата (Всеволода Мстиславича Бѣльзскаго). Слѣдовательно, *во-вторыхъ* Романъ Мстиславичъ, доводившійся племянникомъ Казиміру Справедливому, сдѣлался ему

гими изъ Польскихъ князей, они же постоянно ссорились и воевали другъ съ другомъ, то и Романъ Мстиславичъ все время имѣлъ въ Польшѣ, какъ временныхъ враговъ, такъ и временныхъ союзниковъ *).

вдругъ еще дядей по родной племянницѣ Еленѣ Всеволодовнѣ, вышедшей замужъ за Казиміра. Наконецъ, *въ-третьихъ* около описываемаго времени Романъ Мстиславитъ развелся съ своею женой *поча отпущати дщерь Рюрикову, хотя постричи* и женился на другой. Объ немъ подозрѣвали, что онъ взялъ себѣ вторую жену изъ Венгріи; но былъ ли онъ, не былъ ли дѣйствительно женатъ на Венгеркѣ, извѣстно тѣмъ не менѣе, что онъ напослѣдокъ вступилъ въ бракъ съ Польскою княжною, родною племянницей Казимірова сына, Лешка Бѣлаго, котораго защищалъ противъ Лешкова дяди Межка (Мечислава). Это путаное родство съ Польскими князьями, которые находились въ бепрерывныхъ междуусобіяхъ другъ съ другомъ, вовлекло Романа Мстиславича во многія войны и во многія же союзы съ Поляками: ему приходилось то мириться то воевать съ одними и тѣми же Польскими князьями и королями.—Не надо забывать, что древняя Польша Пястовъ и послѣдовавшая затѣмъ Ягеллоновская Польша—не во всемъ схожи и существенно отличаются одна отъ другой. Послѣдняя состояла въ полномъ подчиненіи у священно-римской Германской имперіи, позднѣе же во времена Іезуитовъ подернулась сплошь іезуитскою окраской: напротивъ того, первоначальная и старинная Польша Пястовъ была наклонна отчуждиться отъ принадлежности къ „священно-римской Германской имперіи“ и оказывала попытки освободиться отъ Латынства. Лишь къ концу XII вѣка, именно въ описываемую пору, произошелъ въ этомъ отношеніи нѣкоторый переломъ. Не надо забывать и того еще, что издревле — со времени Владиміра Святаго—православные русскіе города съ православнымъ русскимъ населеніемъ простирались и къ Венгріи и къ Польшѣ, весьма далеко; щли въ глубь Семиградья и за Тису, и не только по Сану, а за Вислокъ къ Дунайцу и, насупротивъ этого междурѣчія, простирались по лѣвому побережью самой Вислы. Въ описываемую пору, въ XII-мъ вѣкѣ, Судоміро-Люблинская область, по языку и по вѣрѣ своего народонаселенія, была чисторусскою страною; такъ называемая Мазовія мало чѣмъ отличалась отъ Руси: мазовецкія князья болѣе прочихъ дружили и кумились съ Русью, какъ получужіе и полу-свои.

*) Не вдаваясь въ подробности о Ляхахъ, такъ какъ это относится къ Польской Исторіи, довольно будетъ упомянуть объ ней лишь въ краткихъ и общихъ чертахъ. „Болеславъ Кривоустый раздѣлилъ свою державу по числу сыновей, оставилъ четыре княжества: Краковское (съ Помераніею и Силезіею), Сандомірское, Мазовецкое (съ Куявіею) и Польское (воеводства Гнѣзненское и Познаньское). Отъ старшаго сына Болеслава, Владислава II-го, пошли герцоги Силезскіе въ двухъ главныхъ отрасляхъ: Нижнесилезской; къ первой относились герцоги Глогавскіе, Саганскіе, Ельскіе, Швейдницкіе, Яурскіе, Минстербергскіе, Лигницкіе, Бригскіе, Волавскіе и Бреславскіе; ко второй: Тешен-

Ссоры и междуусобія южно-русскихъ Князей. Романъ Мстиславичъ, испугавшись Кіевскаго князя, кинувшаго ему его крестныя грамоты и его могущественнго союзника великаго князя Владимірскаго—чтобы не затягивать переговоровъ о Польской помощи — взялъ съ собой свою дружину и самъ лично, изъ Владиміра-волынскаго, прибылъ въ Краковъ: тутъ засталъ онъ свою родню въ большой тревогѣ. Романовъ дядя и племянникъ и его крестный отецъ въ одно и то же время, Казиміръ Справедливый умеръ еще ранѣе того (въ 1194-мъ году); но его вдова Елена Всеволодовна, родная племянница Романа, и ея дѣти наслѣдники Казиміра обрадовались пріѣзду Волынскаго князя—впрочемъ, вмѣсто того чтобы дать помощь, сами еще просили его заступиться за нихъ противъ дяди Межка (Мечислава). Этотъ бѣдовый Межка не хотѣлъ признавать королемъ Казимірова сына Лешка, возведеннаго на Краковскій престолъ польскимъ вельможествомъ (всѣми духовными и свѣтскими Чинами королевства) и всталъ на него войною. Казиміровичи сказали Волынскому князю: „мы бы и рады

скіе, Заторскіе, Козельскіе, Опельнскіе, Ратиборскіе. Отъ Мечислава III-го: князья Великопольскіе, Познанскіе, Калишскіе. Отъ Казиміра II-го: князья Куявскіе и Мазовецкіе, подраздѣлявшіеся на Ленчицкихъ, Серадскихъ, Иноврощлавскихъ, Черскихъ, Плоцкихъ, Сохачевскихъ. Всѣ эти поколѣнія, въ видѣ самостоятельныхъ отраслей, возникли съ половины XII-го вѣка: одни угасали; другія занимали ихъ мѣсто; иногда сливались, но вскорѣ раздѣлялись и вновь дробились. Междуусобіе было безпрерывное: споры за удѣлы, стремленіе однихъ князей къ самостоятельности, усилія другихъ присвоить Краковскій престолъ, владѣтель коего принималъ титулъ королевскій, оспариваемый впрочемъ императоромъ и папою, все это влекло за собою пагубныя слѣдствія: ослабленіе государства, медленные успѣхи гражданственности, кулачное право. Къ бѣдствіямъ междуусобія присоединилось другое зло. Съ одной стороны тѣсная связь съ Германіей познакомила высшія сословія съ феодальными понятіями: Польскіе Магнаты, присвоивъ себѣ обширныя помѣстья, искали тѣхъ же правъ,коими пользовались Германскіе бароны, хотѣли господствовать въ своихъ отчинахъ независимо отъ князей, и самовольно располагали Краковскимъ престоломъ, предлагая оный тому изъ Пястовъ, кто обѣщалъ выборщикамъ не касаться ихъ вольностей. Съ другой стороны исключительная зависимость Польскаго духовенства отъ Папы давала Римскому двору средства вмѣшиваться въ княжескіе раздоры, располагать церковными отчинами и дѣйствовать вообще такъ, какъ дѣйствовали Папы во всѣхъ подвластныхъ имъ государствахъ“. (Устряловъ. *Великое княжество Литовское*).

помочь тебѣ, но старый Межка обидитъ насъ! ищетъ подъ нами волости! самъ ты помоги намъ прежде управиться съ дядей; а какъ будемъ всѣ мы, Ляхи, подъ однимъ щитомъ—отомстимъ тогда и твою обиду". Роману Мстиславичу понравилась мысль объединить всю Польшу въ пользу своихъ ближнихъ сродниковъ, а потомъ съ ихъ помощью—мимо всѣхъ князей на Руси—и добиться въ ней себѣ первенства: *сдѣлаю по своему хотѣнью*—открылся онъ тогда своей дружинѣ. Но старый Мечиславъ не желалъ биться съ Романомъ и прислалъ къ нему дружеское посольство, прося его быть посредникомъ въ своей семейной распрѣ. Послы уговаривали Романа не биться съ Мечиславомъ, а напротивъ примирить его съ враждовавшими племянниками; то-же самое совѣтывала теперь и собственная дружина князя. Романъ же не послушалъ пословъ, ни мужей своихъ, и далъ полкъ Мечиславу, ударилъ на него съ Ляхами и со своею дружиною—и не сбылось его слово: *хотѣніе мысли своей налъзу*, данное имъ своей дружинѣ. Межка побѣдилъ Романа, избилъ много русскихъ въ его полку, не мало и Ляховъ. Романъ Мстиславичъ, весь израненный, не могъ держаться на конѣ; его понесли назадъ въ Краковъ уже на рукахъ,—также и домой оттуда, во Владиміръ-волынскій, всю дорогу изъ Кракова несли его на носилкахъ: тѣмъ и кончились на этотъ разъ его гордые замыслы.

На возвратномъ пути, онъ совѣтывалъ однако своимъ Польскимъ сродникамъ не унывать, обѣщая опять придти къ нимъ на помощь, какъ только соберется съ силами; а что онъ поправится въ своихъ обстоятельствахъ—въ томъ не сомнѣвался. Зная своего тестя за слабодушнѣйшаго человѣка, онъ послалъ въ Кіевъ съ повинной, просилъ и митрополита (Никифора) замолвить слово въ свою пользу. Обрадовался тому Кіевскій князь и сказалъ: „такъ какъ Романъ кается въ винѣ своей, я опять приведу его ко кресту и надѣлю волостями; а будетъ онъ меня почитать за отца, радъ буду его опять по-прежнему имѣть за сына; я всегда ему хотѣлъ добра": дѣйствительно тѣмъ и кончилось, что Роману Мстиславичу придали еще новыхъ волостей къ его Владиміру-волынскому. Усмиривъ зятя, Рюрикъ Ростиславичъ хотѣлъ оградиться и со стороны черниговскихъ князей, поднятыхъ противъ него Романомъ. Сославшись о томъ

со сватомъ Всеволодомъ Юрьевичемъ,они оба — Великій Князь владимірскій и Кіевскій—прислали сказать въ Черниговъ (Ярославу Всеволодовичу и его братіи) *всѣмъ* Ольговичамъ отъ имени *всѣхъ-же* Мономаховичей: „цѣлуй намъ крестъ со всею своею братьей, чтобы не искать вамъ нашей отчины Кіева и Смоленска: подъ нами и дѣтьми нашими и подъ всѣмъ нашимъ Владиміровымъ племенемъ“. Ссылаясь на древнее распоряженіе еще Ярослава Мудраго, предоставившаго родоначальнику всѣхъ Ольговичей (Святославу-Насильнику) черниговскую сторону „*по Днѣпръ*“, они прибавили къ тому; „*Кіева намъ ненадобно*“. Обиженные Ольговичи собрались на совѣтъ подъ главенствомъ Черниговскаго князя Ярослава Всеволодовича и послали великому князю во Владиміръ такой отвѣтъ: „На чемъ мы уговорились, чтобы ни подъ тобою, ни подъ сватомъ твоимъ не искать Кіева—въ томъ стоимъ; а ежели велятъ намъ его лишиться навсегда—такъ мы не Венгры и не Ляхи, а одного дѣда внуки *есьмы;* при вашей жизни не ищемъ Кіева, а по васъ—кому Богъ дастъ“.

Такой рѣшительный отвѣтъ ни мало не смутилъ Всеволода Юрьевича; напротивъ того, Рюрика Ростиславича привелъ въ крайнее смущенье: онъ ужъ неотступно требовалъ отъ великаго князя Владимірскаго выступить противъ черниговцевъ войною. Всеволодъ Юрьевичъ далъ обѣщаніе *сѣсть на коня* и дѣйствительно велѣлъ полкамъ собираться; тогда по его зову двинулись въ походъ даже Новгородцы, а на самомъ дѣлѣ радушно принялъ тѣмъ временемъословъ у себя во Владимірѣ отъ Черниговскаго князя, жаловавшагося что съ его стороны не было ему и нѣтъ никакой обиды, и *слѣзъ съ коня*: тогда же распустилъ свое войско, велѣно было и Новгородцамъ идти назадъ во-свояси. Уклончивость въ этомъ случаѣ Всеволода Юрьевича понятна. Уже въ требованіи, обращенномъ къ Ольговичамъ, не только не искать Кіева, а еще не вступаться и въ Смоленскую область — обнаруживалась нѣкоторымъ образомъ причина тѣхъ назойливыхъ опасеній, которыми такъ безпокоился Рюрикъ и безпокоилъ свата, но къ которымъ самъ Владимірскій князь относился безучастно. Дѣло шло все о тѣхъ же спорныхъ „Кривскихъ“ городахъ: Витебскъ, Друцкъ и окольныя мѣста — которые по сосѣдству съ тамошними

черниговскими владѣніями захватывались все болѣе смоленскими князьями, а Чернигову было выгоднѣй—если не присоединить къ себѣ, по крайней мѣрѣ оставить ихъ во власти *„полоцкой княжьи“*, лишь бы не перепустить къ Смоленску.

Въ это самое время братъ Рюриковъ, Давидъ Ростиславичъ, завладѣлъ Витебскомъ и изъ-за этого находился въ открытой враждѣ съ Черниговскимъ княземъ Ярославомъ Всеволодовичемъ: для погашенія этой ссоры Рюрикъ Ростиславичъ обѣщалъ предоставить Витебскъ Чернигову, вступилъ объ этомъ въ переговоры съ своимъ братомъ и условился, что черниговцы не поднимутъ оружія до окончанія этихъ переговоровъ. Но черниговскіе князья, изготовившіеся къ войнѣ еще прошлымъ лѣтомъ (возбужденные тогда Волынскимъ княземъ Романомъ Мстиславичемъ) не захотѣли дожидаться переговоровъ Кіевскаго князя со Смоленскимъ и тою же зимой выступили въ походъ — воевать смоленскіе предѣлы на пограничьѣ своихъ собственныхъ владѣній съ Полоцкими. Черниговскій князь Ярославъ Всеволодовичъ послалъ туда своего племянника (Олега Святославича) а ему помогала и „полоцкая княжья“. Съ своей стороны Давидъ Ростиславичъ выслалъ противъ нихъ также своего племянника (сына кроткаго Романа) Мстислава Романовича, тогда уже доводившагося сватомъ Всеволоду Юрьевичу; съ нимъ были еще двое незначительныхъ княжичей и земскіе полки самого Смоленска съ ихъ тысяцкимъ (Михалко Давыдовъ — такъ звали этого тысяцкаго). Ольговичи (наслѣдникъ бывшаго Кіевскаго князя Святослава Всеволодовича, Олегъ Святославичъ и молодой его сынъ Давидъ Олеговичъ) приняли всѣ мѣры для встрѣчи непріятелей: отоптали снѣгъ на равнинѣ, простиравшейся въ даль навстрѣчу къ подходившему войску, а въ тылу у нихъ по близости былъ лѣсъ, въ которомъ можно было укрыться въ случаѣ отступленія. Мстиславъ Романовичъ, увидавъ при своемъ приближеніи такую съ ихъ стороны предосторожность, не сталъ и укрѣплять своихъ полковъ противъ ихъ стана, а стремительно кинулся въ бой на Ольговичей, велѣвъ въ то же время тысяцкому Михалкѣ со смолянами ударить на Полоцкій полкъ: *„бяхуть бо полоцкіе князи помогающе Ольговичамъ“*.

Бой вышелъ безтолковый. Ольговичи были смяты, уже

были потоптаны ихъ знамёна; но Смоляне не устояли противъ грозныхъ Полочанъ. Въ то время, когда молодой княжичъ Давидъ бѣжалъ преслѣдуемый Мстиславомъ Романовичемъ, а Олегъ Святославичъ уже изнемогалъ удерживать натискъ непріятелей, обороняя своего сына,—въ то же самое время съ другой стороны обратились въ бѣгство смоляне отъ напора Полочанъ: все поле сраженія изверну-лось. Увидавъ Мстислава одолѣвающимъ Ольговичей, Полочане не стали больше гнать Смолянъ, *„но увернувшеся, ударили въ тылъ полка Мстиславля и потопташа и“*; самого его тутъ не было. Мстиславъ (этотъ сынъ Кроткаго Романа) вослѣдъ Олегова полка занесся въ самый передній край и,—когда возратился назадъ, думалъ что попалъ къ своимъ и что они побѣдили Олега, а не подозрѣвалъ своихъ разбитыми,—вмѣсто своихъ очутился среди противниковъ и былъ окруженъ врагами: его узнали и онъ долженъ былъ сдаться въ плѣнъ. Прочіе, возвращаясь изъ погони за Олегомъ, издали смѣтили побѣду Полочанъ и кинулись спасаться вслѣдъ за отступавшими смоленскими полками.

Освободясь отъ преслѣдовавшихъ его, Олегъ Святославичъ глазамъ не вѣрилъ, что захвачены непріятельскія знамёна, выпросилъ себѣ у Дручанъ взятаго ими въ плѣнъ Всеволодова родственника, свата Великаго Князя, и послалъ сказать въ Черниговъ дядѣ Ярославу Всеволодовичу: „Мстислава я взялъ въ плѣнъ, разбилъ его войско—и Давыдово и Смолянъ; отче! такого удобнаго времени ужъ другой разъ не будетъ: приходи самъ скорѣе, совокупясь со всей братьею—возьмемъ честь свою“.

Получивъ эти вѣсти Ярославъ Всеволодовичъ и Игорь новгородсѣверскій и всѣ Ольговичи совокупились въ походъ: имъ хотѣлось занять Смоленскъ изъѣздомъ. Но когда въ свою очередь узналъ о томъ Рюрикъ Ростиславичъ, удалившійся было тѣмъ временемъ изъ Кіева на отдыхъ къ себѣ въ Овручь (Вручій былъ любимымъ мѣстопребываніемъ его) онъ выслалъ навстрѣчу Ярославу Всеволодовичу его крестныя грамоты и велѣлъ сказать: „ежели на своей радости ты идешь еще теперь убить моего брата, вотъ тебѣ твои крестныя грамоты! иди же къ Смоленску, а я пойду на Черниговъ; посмотримъ: какъ насъ съ тобой разсудитъ Богъ и крестъ честный“.

Получивъ такую угрозу, Ярославъ Всеволодовичъ не пошелъ къ Смоленску, но возвратился опять въ Черниговъ—и оба князя, кіевскій и черниговскій, стали пересылаться послами и укорять другъ друга въ несоблюденіи договоровъ. Ярославъ Всеволодовичъ оправдывался, что онъ не нарушалъ своего крестнаго цѣлованія, а всему виной Давидъ Ростиславичъ, захватившій Витебскъ. А Кіевскій князь возражалъ Черниговскому: „я уже обѣщалъ тебѣ уступку Витебска и готовъ былъ о томъ сослаться съ братомъ, что тебѣ уступается Витебскъ; ты же, не дождавшись того, послалъ своего племянника къ Витебску и онъ дорогою повоевалъ смоленскую область; разумѣется, услыхавъ на себя рать, и братъ мой долженъ былъ послать противъ тебя Мстислава“. Были между ними многія распри и *рѣчи великія* и не уладились между собой. Тогда Рюрикъ Ростиславичъ, по совѣту своей дружины, послалъ къ Всеволоду Юрьевичу посольство во Владиміръ и велѣлъ сказать такъ: „какъ ты уговорился со мною и съ братомъ моимъ Давыдомъ, чтобы намъ о Рождествѣ Христовѣ сѣсть на коня и всѣмъ сойтись къ Чернигову, такъ я и сдѣлалъ: совокупился съ братьею моею и съ дружиной, и съ дикими Половцами, и ждалъ отъ тебя вѣсти; ты же всю зиму не сѣлъ на коня, а довѣрился Черниговскимъ, что они не выйдутъ изъ нашей воли. Тогда и я распустилъ свою братью и Половцевъ, а съ Ярославомъ Черниговскимъ цѣловалъ на томъ крестъ, чтобы намъ не подымать другъ на друга оружія впредь до того, какъ либо всѣ уладимся, либо не уладимся между собою. Нынѣ же, братъ мой, нашему общему съ тобой сыну Мстиславу до того дошло, что онъ у Ольговичей въ узахъ сидитъ; уже не откладывая дольше, сѣлъ бы ты на коня и самъ бы назначилъ: гдѣ намъ сойтись всѣмъ вмѣстѣ? отомстимъ свою обиду и снимемъ съ себя стыдъ: освободимъ изъ плѣна Мстислава и добьемся своей правды“. Отъ Всеволода же Юрьевича не было вѣсти все лѣто; только уже осенью, когда, призвавъ Половцевъ и свою братью, Рюрикъ Ростиславичъ пошелъ съ ними противъ Ольговичей, великій князь прислалъ ему сказать изъ Владиміра: „ты починай, а я готовъ за тобою“.

Узнавъ о такомъ союзѣ противъ себя обоихъ старшихъ князей и уже видя опустошеніе своей области отъ наве-

денныхъ Половцевъ, Ярославъ Всеволодовичъ послалъ сказать Рюрику Ростиславичу: „почто, братъ мой, началъ ты воевать мою волость и полнишь руки поганымъ? ни ты не сдѣлалъ мнѣ зла, ни я Кіева не ищу подъ тобою; если же братъ твой наслалъ на меня племянника и Богъ меня разсудилъ съ Мстиславомъ — вотъ, я даже выкупа не требую за него, а готовъ по любви отпустить на волю. Цѣлуй мнѣ крестъ на томъ, что введешь меня въ дружбу съ своимъ братомъ Давидомъ и что вамъ съ нимъ до Всеволода (Большое гнѣздо) — улажусь я съ нимъ или не улажусь — дѣла нѣтъ“. Рюрикъ Ростиславичъ, не унимая однакожъ наведенныхъ имъ Половцевъ, вступилъ въ переговоры, требуя чтобы Ярославъ Всеволодовичъ далъ пропускъ его посламъ въ Смоленскъ и во Владиміръ. Но Черниговскій князь опасался—и весьма основательно—что эти ссылки и сносы направлены будутъ противъ него-же и заперъ для Кіевлянъ всѣ свои владѣнія: такъ всю глубокую осень вплоть до зимы и не прекращалась война между ними. Къ печали приложилась печаль для Ярослава Всеволодовича въ это время: съ великимъ плачемъ и рыданіемъ похоронили тогда Ольговичи храбрѣйшаго въ своемъ „храбромъ Олеговомъ гнѣздѣ“ Всеволода *буй-тура* Трубчевскаго. Но въ эту же пору они были обрадованы и новымъ союзомъ, который имъ опять предложилъ Волынскій князь (Романъ Мстиславичъ): мятежный зять опять поднялъ оружіе противъ ненавидимаго имъ тестя.

Кіевскій князь вдругъ получилъ заразъ отъ сына своего Ростислава Рюриковича и отъ брата Давида Ростиславича вѣсти о томъ, что Романъ Мстиславичъ вторгнулся въ ихъ волости; тогда въ Кіевъ былъ вызванъ удалой Мстиславъ Мстиславичъ (сынъ Мстислава Храбраго) и посланъ въ Галичъ ко Владиміру Ярославичу (сыну Осмомысла и племяннику Великаго Князя владимірскаго) чтобы они вдвоемъ напали на Волынскіе предѣлы. Рюрикъ, для того чтобы сильнѣй побудить Галичьскаго Князя, велѣлъ сказать ему: „я бы и самъ пошелъ въ походъ съ вами, да получилъ вѣсти, что сватъ мой Всеволодъ сѣлъ на коня и идетъ мнѣ въ помощь противъ Ольговичей: рѣшено между нами всѣмъ сойтись подъ Черниговомъ“. Дѣйствительно, въ это самое время Всеволодъ Юрьевичъ съ Давидомъ Ростиславичемъ уже

вступили въ землю Вятичей, забирали и жгли тамъ селеніе за селеніемъ, „*положили всю землю пусту*“. По такой невзгодѣ, Черниговскій князь Ярославъ Всеволодовичъ, велѣвъ готовиться къ осадѣ, оставилъ въ столицѣ своихъ племянниковъ (Олега и Глѣба Святославичей), а самъ съ Игоремъ сѣверскимъ, захвативъ еще и дикихъ Половцевъ, пошелъ ко Всеволоду Юрьевичу и смоленскому Давиду навстрѣчу. Въ тамошней лѣсистой сторонѣ огородился онъ засѣками и заставами; гдѣ развелъ,—а гдѣ вовсе разрушилъ мосты по рѣкамъ; всюду затруднилъ дороги и переправы, и отправилъ отъ себя къ великому князю Владимірскому одного изъ знатнѣйшихъ мужей своихъ съ мирнымъ, но и рѣшительнымъ словомъ: „Братъ мой и сватъ мой! отчину нашу и хлѣбъ нашъ *взялъ еси*! но ежели хочешь урядиться въ правду и съ нами въ любви быть, то мы любви не бѣгаемъ и на всей волѣ твоей станемъ: Мстислава (Романовича) твоего свата я тебѣ даромъ отпущу. Если же что замыслилъ противъ насъ, мы и того не бѣгаемъ-же: пусть насъ съ вами Богъ разсудитъ и святой Спасъ“.

Тогда Всеволодъ Юрьевичъ созвалъ на совѣтъ рязанскихъ князей, которые были съ нимъ въ походѣ, пригласилъ и Давида Ростиславича съ его мужами—и на совѣтѣ объявилъ прямо, что по его мнѣнію больше воевать нѐ-изчего и онъ хочетъ дать миръ Чернигову. Давидъ Ростиславичъ пришелъ въ негодованье отъ такихъ рѣчей великаго князя и настаивалъ на необходимости похода. Онъ говорилъ: „какъ же ты уговорился съ братомъ и со мною, чтобы всѣмъ намъ сойтись подъ Черниговомъ — только тамъ уже и заключить миръ на всей нашей волѣ! А теперь мы еще и не увѣдомили брата ни о твоемъ, ни о моемъ приходѣ, — онъ ждетъ не дождется отъ насъ правой вѣсти, воюетъ съ ними изъ всѣхъ силъ и для насъ съ тобою всю свою волость обнялъ огнемъ, а мы, безъ его вѣдома и совѣта, хотимъ мириться? какъ хочешь, братъ, а я тебѣ скажу откровенно: такой миръ не полюбится моему брату“. Рязанскіе князья также стояли за продолженіе войны: у нихъ не прекращались пограничные споры и счеты съ Черниговомъ; но Всеволодъ Юрьевичъ, никого не послушавъ, прекратилъ войну и вступилъ въ мирные переговоры. Въ это безвременье сынъ Черниговскаго князя сидѣлъ въ

Новгородѣ, призванный туда новгородцами нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ (Ярополкъ Ярославичъ); великій князь потребовалъ прежде всего, чтобы его вывели оттуда *), потомъ еще подтвердилъ отпускъ изъ плѣна, безъ выкупа, свата своего Мстислава Романовича; наконецъ, совѣтовалъ чтобы черниговскіе князья отступились отъ союза съ Волынскимъ княземъ (Романомъ Мстиславичемъ). На все, кромѣ послѣдняго, было изъявлено полное согласіе; въ концѣ концовъ переговоры заключились точнымъ и строгимъ обязательствомъ со стороны черниговскихъ князей—но уже безъ упоминанія о какихъ бы то ни было союзахъ—въ томъ, что они не будутъ искать подъ Ростиславичами, Рюрикомъ и Давидомъ „ни Кіева, ни Смоленска“. На этомъ Всеволодъ Юрьевичъ далъ миръ Ольговичамъ, цѣловалъ на томъ крестъ и съ нихъ отобралъ въ томъ присягу, и послалъ сказать Кіевскому князю: „съ Ярославомъ я умирился; онъ мнѣ крестъ цѣловалъ: не искать подъ тобой Кіева, ни подъ твоимъ братомъ Смоленска“.

Рюрикъ Ростиславичъ вспыхнулъ, получивъ вѣсть отъ брата о такомъ сеймѣ; а когда выслушалъ еще посла Всеволодова, сейчасъ же отправилъ великому князю не отвѣтъ, а, можно бы сказать, выговоръ: „Сватъ мой! крестъ *еси ко мнѣ* цѣловалъ на томъ: кто мнѣ врагъ тотъ и тебѣ врагъ. Про-

---

*) Карамзинъ, за нимъ и другіе ошибочно принимаютъ этого *Ярополка* за ослѣпленнаго и прозрѣвшаго Ростиславича, который будто бы, „будучи взятъ въ плѣнъ великимъ княземъ, ушелъ изъ неволи и жилъ въ Черниговѣ“ (И. Г. Р. т. III, гл. 3). Въ лѣтописяхъ этотъ *Ярополкъ* приводится безъ отчества: нигдѣ не названъ Ростиславичемъ. Между тѣмъ, въ эту пору поминается: „послаша же Новгородцы въ Черниговъ къ Ярославу *по сынъ*“ (Воскресенск. лѣт. подъ 1196-мъ годомъ) тамъ же подъ 1197 годомъ: „пріиде въ Новгородъ изъ Чернигова Ярополкъ *Ярославичъ*, сѣдѣвшу ему 6 мѣсяцъ“ Наконецъ, въ Ист. Россійск. Татищева обстоятельно указано подъ 1196-мъ годомъ: „Новгородцы сидѣли всю зиму безъ князя, а на весну послали къ *Ярославу* въ Черниговъ и выпросили у него *сына* Ярополка“; и послѣ того: „Всеволодъ... послалъ къ Ярославу съ братіей, чтобы... они Ярополка *изъ Новгорода возвратили*“, и они „Ярополку изъ Новгорода велѣли выѣхать, и съ тѣмъ послали въ Новградъ нарочнаго“. Что же касается до заточеннаго Всеволодомъ, раненнаго въ Торжкѣ и взятаго въ плѣнъ Ярополка Ростиславича Безокаго, о немъ тамъ же подъ 1182-мъ годомъ значится: „Ярополкъ Ростиславичъ преставился въ заточеніи вскорѣ по приведеніи его во Владиміръ, зане тяжко былъ раненъ“.

силъ ты у меня части въ Русской землѣ и я тебѣ далъ волость лѣпшую, не отъ обилья, но отнялъ у своей братьи: у зятя своего Романа для тебя, и сталъ онъ мнѣ ворогомъ ни про кого, какъ только про тебя. Ты же, какъ ни обѣщалъ мнѣ сѣсть на коня и помочь мнѣ—только въ однихъ обѣщаніяхъ и провелъ зиму и лѣто. Вотъ наконецъ *всѣлъ на коня*, но какъ же помогъ и чѣмъ урядился? Вѣдь, зять мой Романъ воюетъ противъ меня изъ-за волостей, которыя я у него для тебя отнялъ! Про кого я тебя на-конь всадилъ? кто жъ меня теперь съ нимъ, съ зятемъ моимъ—Ярославъ развѣ Черниговскій—разсудить?—Какая же мнѣ обида отъ Ольговичей-то была? развѣ они подо мной Кіева искали? самому тебѣ отъ нихъ было худо и я для тебя-же съ ними недобръ былъ, и воевалъ съ ними, и свою волость огню предалъ. Нынѣ же, на чемъ ты уговаривался со мною и мнѣ крестъ цѣловалъ, ничего не исполнилъ". И разгнѣванный Рюрикъ Ростиславичъ отнялъ тѣ города, которые отдалъ свату у себя въ Поросьѣ; а Всеволодъ Юрьевичъ и вниманія не обратилъ на отнятіе этихъ волостей—тѣмъ болѣе, что тогда же еще въ ту пору самъ отдалъ лучшій изъ тѣхъ городовъ Торческъ Рюрикову сыну, а своему зятю Ростиславу Рюриковичу.

Такимъ образомъ, произошелъ раздоръ между Кіевскимъ и Владимірскимъ великими князьями: полный разрывъ между сватами. Что это было не къ добру для Рюрика Ростиславича и едва ли послѣ того онъ удержится на Кіевскомъ престолѣ—объ этомъ на югѣ болѣе не сомнѣвались: нѣсколько раньше или нѣсколько позднѣе, но паденіе его казалось неизбѣжнымъ. Въ это время къ тому-же онъ лишился лучшаго друга и вѣрнѣйшаго защитника своего: въ Смоленскѣ умеръ братъ его Давидъ Ростиславичъ (23 апрѣля 1197 года) уподобившійся всею жизнью и самою кончиной отцу своему схимолюбивому-Ростиславу. Былъ онъ милостивъ къ нищимъ, любилъ монастыри и жизнь иноковъ, „такой обычай имѣлъ: по вся дни ходить ко церкви святаго архистратига Божія Михаила, юже бѣ самъ создалъ во княженіи своемъ"; часто выражалъ желаніе принять схиму и предъ кончиной успѣлъ его исполнить. Видѣвши какъ, „сподобясь ангельскаго чина, онъ радовался душой и тѣломъ" приняла тогда постриженіе и

сама его княгиня. Смоленскій престолъ и находившіяся въ его владѣніи земли подъ Кіевомъ передалъ онъ послѣ себя старшему въ ихъ семьѣ Мстиславу Романовичу, а своихъ дѣтей поручилъ брату.

Княженіе Романа, самодержца бывша всей Русской земли, князя Галичскаго. Что Рюрикъ Ростиславичъ слабо держится на Кіевскомъ престолѣ и вконецъ уронилъ его значеніе—въ этомъ болѣе всѣхъ былъ убѣжденъ самъ зять его, Волынскій князь Романъ Мстиславичъ, который тѣмъ временемъ развелся съ его дочерью, отправилъ ее съ требованіемъ чтобы она поступила въ монастырь къ ея родителямъ, не признавалъ въ нихъ больше ни тестя, ни тещи, и успѣлъ жениться вторично *). Рюрикъ Ростиславичъ продержался однако еще нѣсколько лѣтъ благодаря тому, что въ это самое время бывшій его зять изъ года въ годъ лишь забирался силами и, какъ сказалъ о себѣ *„хотѣніе мысли моей налъзу“* такъ и исполнилъ: въ короткій срокъ достигъ страшнаго могущества и довольный своимъ жребіемъ еще не вмѣшивался до поры до времени въ кіевскія распри, оставилъ и Кіевскаго князя до времени въ покоѣ.

Вскорѣ послѣ того какъ скончались другъ за другомъ храбрѣйшій изъ Ольговичей Всеволодъ Святославичъ въ Трубчевскѣ и не послѣдній-же между Мономаховичами Давидъ Ростиславичъ смоленскій, многіе князья одного съ ними поколѣнія стали одинъ за другимъ сходитъ въ могилу. Въ Черниговѣ скончался Ярославъ Всеволодовичъ (1198 г.) и его столъ занялъ по старшинству Игорь сѣверскій; а года черезъ два скончался на своемъ Черниговскомъ столѣ и онъ, герой *„Слова“*. Между Ольговичами сталъ тогда выдаваться впередъ и вскорѣ занялъ первое мѣсто Всеволодъ Чермный, сынъ бывшаго кіевскаго князя Святослава Всеволодовича (тотъ самый, котораго нѣкогда отецъ посылалъ въ Кіевъ на службу къ схимолюбивому Ростиславу) **). Такъ, выбывавшіе изъ міра старики

---

*) Отъ перваго брака Романа Мстиславича извѣстна лишь его дочь Ѳеодора, просватанная за Галичскаго княжича, за сына Владиміра Ярославича; а отъ втораго брака остались: Даніилъ и Василько Романовичи, столь извѣстные впослѣдствіи.

**) См. томъ I, стр. 305. „Рѣшено было между союзниками прислать

уступали мѣсто дальнѣйшему потомству и нигдѣ тогда отъ такой смѣны особенныхъ замѣшательствъ не произошло: улаживались мирно. Но напослѣдокъ скончался и еще одинъ князь, чья смерть произвела множайшія перемѣны и повлекла за собой нескончаемныя смуты на всемъ югѣ: это распутный Владиміръ Ярославичъ, послѣдній Галичскій князь изъ рода Володаря Ростиславича, не оставившій по себѣ потомковъ. Объ его наслѣдіи стали метать жребій и Венгры и Ляхи; на первый разъ однако всѣхъ отстранилъ ближній сосѣдъ Галичины — Волынскій князь Романъ Мстиславичъ, который уже побывалъ одинъ разъ на тамошнемъ престолѣ и съ тѣхъ поръ глазъ съ него не спускалъ, какъ со своей неминуемой добычи.

Венгерскій король, не перестававшій титуловаться „*королемъ Галлиціи*“, уже спѣшилъ занять осиротѣлый край своими войсками: туда-же ранѣе его двинулъ свои полки и Романъ съ Волыни. Онъ счелъ нужнымъ въ этомъ случаѣ вооружить противъ Венгровъ еще и вѣчныхъ ихъ соперниковъ Ляховъ; второпяхъ навѣстилъ Краковъ, опять обратился къ тому же Лешку, за котораго нѣсколько лѣтъ тому назадъ проливалъ кровь, защищая его противъ Мечислава,—и съ нимъ вмѣстѣ, опередивъ Венгровъ, подступилъ къ Галичу. Угры заслышавъ торжество Романа, повернули назадъ и скрылись за Карпаты; а Галичане отворили ворота Роману и посадили его на столъ Володаря, Владимірка и Ярослава Осмомысла: всѣхъ ихъ превзошелъ славой и могуществомъ новый державецъ Галича. При его

на показъ всѣмъ одного изъ молодыхъ черниговскихъ князей на службу къ великому князю; выборъ палъ на сына Святослава Всеволодовича сестричича: это Всеволодъ Чермный. Новый великій князь держалъ его при себѣ дѣйствительно на показъ всей столицѣ и особенно выставлялъ его на видъ всему Черному Клобуку, зовомымъ Черкасамъ“. А дѣти Игоря сѣверскаго, приходившіяся по матери внуками Ярослава Осмомысла, вскорѣ всѣ вчетверомъ Владиміръ, Святославъ, Романъ и Ростиславъ были призваны въ Галичъ, и погибли тамъ злою смертью, кромѣ старшаго Владиміра Игоревича. Этотъ княжичъ, памятный еще тѣмъ, что вмѣстѣ съ отцомъ былъ разбитъ въ несчастномъ походѣ и взятъ въ плѣнъ Половцами, Владиміръ спасся отъ злоключенія, постигшаго въ Галичѣ остальныхъ его братьевъ: Святослава, Романа и Ростислава Игоревичей. Объ этомъ см. далѣе.

мужественномъ умѣ и богатырскомъ нравѣ не могло и быть иначе. Это былъ первый здѣшній князь, который за одно съ Галичиной владѣлъ и цѣлою Волынью; а обѣ эти области какъ по составу своего народонаселенія, такъ и по всѣмъ прочимъ условіямъ страны, дѣйствительно, составляли одно неразрывное цѣлое. Съ самыхъ тѣхъ поръ какъ ихъ насильственно раздѣлили (а раздѣлилъ ихъ еще Всеволодъ-правый, умершій въ 1093 году, въ пользу тогдашнихъ сиротъ изгоевъ) споры сосѣдей о томъ чьихъ владѣнія зашли въ чьи въ здѣшнемъ краѣ и которыя изъ урочищъ и мѣстныхъ произведеній, по общимъ въ нихъ потребностямъ, наиболѣе необходимы однимъ противъ другихъ—эти споры были тутъ безконечны,—между Галичскими и Волынскими князьями цѣлый вѣкъ не прекращались. Первый изъ здѣшнихъ князей, такимъ образомъ, Романъ Мстиславичъ и владѣлъ обѣими этими областями къ ихъ общему благу совокупно.

Волынскій князь потому и занялъ безъ боя всю Галичину, что самъ народъ въ томъ помогалъ ему: все народонаселеніе здѣшней страны, боясь иноплеменниковъ, приняло его какъ желаннаго князя, никого не хотѣло кромѣ. Но Ляхи чванились и уже не переставали гордиться тѣмъ, что благодаря дескать ихъ помощи Романъ Мстиславичъ водворился въ Галичѣ, обязанный тѣмъ своему близкому родству съ Пястовичами. А когда они потомъ обирали и забирали Волынь и Галичъ (уже по смерти Романа при его малолѣтнихъ дѣтяхъ) это стародавнее чванство и дѣйствительно-тѣсное родство Волынскихъ князей съ Мазовецкими—дали еще поводъ къ диковинной баснѣ и къ общей вѣрѣ между ляхами, будто всѣ эти похищаемыя ими земли стародавняя-же принадлежность Польши. По смерти Романа всѣ эти земли прямо считались ляхами ихъ собственностью, которую ихъ князья лишь по личному дескать великодушію уступали отчасти въ пользованіе родственнымъ русскимъ князьямъ. Но тогда и между русскими были уже многіе измѣнники, охотно прилагавшіеся къ иноплеменнымъ. Тогда заговоры и стачки здѣшнихъ бояръ вспыхнули съ новой силой и уже распространились общимъ пожаромъ по всей странѣ; тогда приложились къ крамольникамъ еще и отщепенцы отъ народа и всякіе проходимцы; тогда вся

исторія Галича обратилась по словамъ лѣтописи въ „*сказаніе о безчисленныхъ ратяхъ и частыхъ войнахъ, о многихъ крамолахъ и возстаніяхъ, о великой лести и многомъ мятежѣ*“. По такимъ наступившимъ временамъ стало тогда удобно Ляхамъ и Венграмъ забирать здѣшнія земли. Соревнуя другъ другу, тѣ и другіе одинаково спѣшили прибрать Галичъ къ своимъ рукамъ, вырывали Галичину изъ рукъ другъ у друга, раздирая ее на части; изъ-за Галича и Волыни то воевали, то дружились другъ съ другомъ, даже наконецъ вступали въ союзъ противъ „рутеновъ“. Но до всего этого было далёко: при Романѣ Мстиславичѣ до того еще не доходило. Лешко Бѣлый былъ доволенъ уже тѣмъ однимъ, что прогнали Венгровъ; а Угры утѣшались въ свою очередь тѣмъ по крайней мѣрѣ, что не достался-же Галичъ и ихъ соперникамъ Ляхамъ. Тѣ и другіе къ тому же, Венгры и Ляхи, одинаково страшились Романа, о которомъ у нихъ сложилась и поговорка, что былъ онъ храбръ, какъ туръ; сердитъ же какъ рысь, а губилъ какъ крокодилъ.

Бывшій „*король Галлиціи*“ венгерскій королевичъ Андрѣй все время, пока былъ живъ Романъ Мстиславичъ, не заявлялъ съ своей стороны ни малѣйшихъ притязаній на Галичъ: съ нимъ самъ Романъ заключилъ еще союзъ и дружбу и покровительствовалъ ему *). Что же касается до Польскихъ князей, они заискивали въ немъ; они не только не посягали на владѣнія могущественнаго сосѣда, а боялись какъ бы еще самъ онъ не потребовалъ отъ нихъ нѣкоторыхъ областей, которыя издревле составляли достояніе Руси, а Поляки присвоили ихъ къ себѣ не по праву. Венгры и Ляхи одинаково страшились Романа **).

---

*) Отецъ королевича, Бела III, уже не былъ тогда въ живыхъ; ему наслѣдовалъ однако не Андрѣй, а его братъ: Андрѣй по смерти отца и велъ долгую борьбу со старшимъ своимъ братомъ, королемъ Эмерихомъ, и потомъ съ его сыномъ малолѣтнимъ Владиславомъ III, пока послѣдній не умеръ и не опросталъ для него престола. Андрѣй во все время этихъ междуусобій, не только не препинался съ Романомъ за Галичское наслѣдство, а заискивалъ себѣ покровительства у Галичскаго князя. Они стали братьями названными и поклялись другъ другу, что кто изъ нихъ переживетъ другого, тотъ будетъ заботиться о семьѣ умершаго.

**) Къ числу земель вполнѣ русскихъ, какъ по языку и православію народонаселенія, также и по его приверженности къ князьямъ дома

Но еще страшнѣй и грознѣй былъ этотъ князь для внутреннихъ враговъ своего отечества, чѣмъ для внѣшнихъ,—а если не всѣ, то почти всѣ Галичскіе бояре, дѣйствительно, уже были тогда отступниками отъ народа: всѣмъ своимъ расшатаннымъ бытомъ—сластолюбивыми нравами своими и усугубившеюся наклонностью къ властолюбію—уподобились они въ конецъ западнымъ своимъ сосѣдямъ. Выситься надъ народомъ и кабалить его въ полную неволю для собственнаго воцаренія въ странѣ, подобно тому, какъ это велось у Венгровъ и Ляховъ—вотъ къ чему стремились верховники: для того и передались Венграмъ. Подобныя поползновенія, разумѣется, величали они стояніемъ за родину и „болѣніемъ“ о пользахъ и нуждахъ отечества своего. Но проницательный Романъ Мстиславичъ, насквозь видя ихъ козни, говорилъ со свойственною ему насмѣшливостью имъ прямо въ лицо, что имъ хочется *пѣсть меду*, не давалъ меда на съѣденіе боярамъ и всѣхъ бояръ, жадныхъ до меда, по собственному его выраженію, *давилъ какъ пчелъ*. Враги его разсказывали, что онъ съ крамольными Галичскими боярами поступалъ жестоко и безчеловѣчно: въ кратковременное свое княженіе уничтожилъ ихъ вовсе; будто онъ четверилъ, разстрѣливалъ и живыми зарывалъ ихъ въ землю, казнилъ и другими изысканными муками, а тѣхъ, которые успѣвали спастись бѣгствомъ, возвращалъ обѣщаніями милостей, а по возвращеніи предавалъ лютѣйшимъ казнямъ. Правда же заключается въ томъ, что уже съ самаго начала, при своемъ первомъ набѣгѣ на Галичъ, довольно насмотрѣвшись здѣшнихъ непорядковъ, которые на его очахъ привели къ тому, что „радѣтели и печальники Галичьской земли“ передали ее латинскому королевичу, онъ,

---

Святаго Владиміра—относились напримѣръ нѣкоторыя части такъ называемой Сендоміро-Люблинской области. Если еще первоначальный изъ Галичскихъ князей,—въ ту пору, когда здѣшняя земля даже и не именовалась Галичиной—ослѣпленный Святополкомъ-Михаиломъ Василько Ростиславичъ говорилъ нѣкогда, что онъ *отомститъ Польшѣ ея старинныя обиды* и подъ этимъ разумѣлось то именно, что Ляхи *„отшукали“* у Руси нѣкоторыя земли въ Волынѣ и Галичинѣ, составлявшія еще достояніе Св. Владиміра, то и Романъ Мстиславичъ не забывалъ-же этой *„старинной обиды“* со стороны Ляховъ: въ этомъ отношеніи они никого изъ прежнихъ Галичскихъ державцевъ не опасались такъ, какъ именно Романа Мстиславича.

дѣйствительно, не щадилъ крамольниковъ. При окончательномъ-же водворенiи въ Галичѣ онъ по необходимости долженъ былъ принять строгiя и рѣшительныя мѣры противъ измѣнныхъ бояръ, столько же личныхъ своихъ недоброжелателей, какъ и враговъ самого здѣшняго народа. Сомнѣнiя нѣтъ, что большая часть изъ нихъ избѣжала однако его гнѣва, удалясь заблаговременно въ Венгрiю: перевести ихъ въ конецъ ему не удалось; прочихъ онъ дѣйствительно либо казнилъ либо смирилъ: *„не подавивши пчелъ, меду не пьстъ“*—одно это и повторялъ онъ постоянно въ отвѣтъ на взводимыя на него обвиненiя въ жестокости при той борьбѣ, которую велъ съ боярами,—и, заслуживъ себѣ не въ укоръ, а въ честь отъ лѣтописцевъ проименованiе „самодержца Галичьской земли“, царилъ въ ней со славою.

Владѣя всею Карпатскою Русью, то-есть властвуя единодержавно на берегахъ Днѣстра, Прута, Серета и въ Придунавьѣ (сказать короче: въ мѣстахъ, находящихся нынѣ въ составѣ—частью Австрiи, частью Молдавiи и Валахiи) и кромѣ того держа въ своихъ рукахъ всю Волынскую область, Романъ Мстиславичъ слылъ въ народѣ и надолго остался у всѣхъ въ памяти подъ именемъ *„великаго-Романа“*. Онъ дѣйствительно казался истиннымъ „самодержцемъ Русской земли“ по сравненiю съ прочими сосѣдями, ничтожными въ ту пору и ослабнувшими князьями южной Руси, не выключая изъ ихъ числа и самого Кiевскаго князя,—и царилъ со славой.

По сосѣдству древняго *Берестья* съ Ятвягами и тамошнихъ мѣстъ еще съ Литвою онъ страшно погромилъ тогда этихъ старинныхъ данниковъ Руси, волновавшихся къ концу XII вѣка съ необычайною силой (на что были особенныя причины). А по смежности Дунайскихъ русскихъ городовъ съ пустынными и степными мѣстами, гдѣ обычно укрывались берладники всякаго рода, а напослѣдокъ скитались Половцы, Романъ Мстиславичъ не переставалъ громить и этихъ „поганыхъ“. Баснословятъ, что и съ Литвой поступалъ онъ безчеловѣчно, избивалъ этихъ дикарей и замучивалъ безъ числа, приковывалъ и впрягалъ въ плуги, заставляя ихъ „распахивать коренья на новыхъ расчищенныхъ мѣстахъ“, отчего будто и сложилась пословица про тирана: „ху-

дымъ живеши, Литвою орѣши". А правда заключается въ томъ, что Ятвяги не смѣли бунтовать при немъ: походы въ ихъ пущи и болота предпринималъ Романъ вслѣдствіе ихъ же нападеній, о чемъ въ лѣтописи и записано прямо: *„ходилъ отмьщеваться ятвягамъ"*. Правда и то, что онъ побѣдоносно отражалъ литовскіе набѣги, грозно приводилъ подъ свое державство Литву и Ятвяговъ, осмѣливавшихся дѣлать нападенія на его владѣнія: *„одолѣша всѣмъ погапьскимъ языкомъ"*; старался отучить этихъ дикихъ народцевъ отъ ихъ одичалаго, почти исключительно - звѣроловнаго быта, а желалъ пріучить къ сѣянію хлѣба и вообще къ земледѣлію. О Половцахъ извѣстно уже, что онъ нанесъ имъ страшное пораженіе въ Придунавьи, защищая отъ нихъ Греческую имперію, за что получилъ отъ грековъ титулъ „освободителя Ѳракіи". Греческій императоръ (Ласкарисъ), пользовавшійся дружбой Галичскаго князя и случившійся у него въ гостяхъ, былъ чествуемъ въ здѣшней столицѣ. Но не только Цареградъ—этотъ *второй или восточный* Римъ, какъ называли столицу греческихъ императоровъ,—и Римъ папскій, западный Римъ, также искалъ сблизиться съ Галичскимъ самодержцемъ. Сношенія съ западнымъ Римомъ, впрочемъ, у Романа Мстиславича были иныя, чѣмъ съ восточнымъ.

Причисливъ *„королевство Галлицію"* къ своимъ епархіямъ еще съ первой измѣны бояръ, когда они впервые передались Венгерскому королевичу, Римъ уже не забывалъ этого. Римъ, имѣвшій обыкновеніе все почитать своимъ, что разъ попало въ его руки хотя бы даже и обманомъ, а если не было ему оказано повиновенія и не предстояло поводовъ къ захвату, самъ измышлявшій эти поводы и ссылавшійся еще на мнимые примѣры подчиненности въ небываломъ прошломъ, — Римъ вступилъ въ совершенно-особенныя сношенія съ Романомъ Мстиславичемъ. Папа прислалъ къ нему своего посла съ увѣщаніемъ *„соблюдать вѣрность Римскому Апостольскому престолу"* и предложилъ въ награду за то королевскую корону. Романъ Мстиславичъ смутилъ латынца простодушнымъ вопросомъ: „зачѣмъ это нужно?" Легатъ наговорилъ много о томъ, что Христова власть всецѣло передана Намѣстнику и, какъ отъ Бога Самого, всякая власть исходитъ отъ

папы; потомъ широковѣщательно превозносилъ преимущество королевскаго титула предъ тѣмъ, который носилъ самъ князь, и доказывалъ ему всю прелесть получить королевскую корону изъ рукъ святѣйшаго отца или отъ ребра его, то-есть папскаго легата. Но Романъ насмѣялся латынцу, а съ тѣмъ вмѣстѣ и надъ папскимъ предложеніемъ. Тогда хитроумный легатъ, смѣтивъ какъ мало дѣйствуетъ на грубую натуру неподатливаго русскаго князя утонченная прелесть *королевскаго вѣнца*, сталъ уже грозить Роману страшнымъ всемірнымъ могуществомъ папы: Святѣйшій отецъ, дескать, носитъ при своемъ бедрѣ мечъ святого Петра и повелѣваетъ всѣми царствами во всѣхъ краяхъ вселенной; но тогда Галичскій князь и вовсе поднялъ на смѣхъ латынца. Объяснивъ ему коротко и ясно, что,—не примѣняя Христовой области къ земному владычеству, онъ, русскій князь, по примѣру отцовъ и дѣдовъ, оберегаетъ своихъ людей судомъ праведнымъ, а границы княжества войною противъ посягающихъ на его цѣлость—насмѣшливый Романъ Мстиславичъ вдругъ вынулъ изъ ноженъ свой грозный мечъ передъ испуганнымъ легатомъ и спрашивалъ его: „Таковъ ли дѣйствительно у папы?“ Съ тѣхъ поръ при римскомъ дворѣ составилось мнѣніе о „Рутеніи“ и объ ея властителяхъ, что это міръ особый, совсѣмъ отличный отъ Запада; что за Венгріею и Польшей живутъ грубыя и невѣжественныя племена—христіане лишь по имени—которыхъ трудно даже и *„напоять здравымъ ученіемъ для оказательства съ ихъ стороны подчиненія Римской церкви“* .Тѣмъ неутолимѣе становилось алканіе Рима присоединить къ себѣ этихъ непокорныхъ не дающихся въ руки, *„безчисленныхъ по множеству, какъ звѣзды небесныя, рутеновъ“*; тѣмъ пуще разжигалась и ревность усердныхъ слугъ папы подчинить во что бы то ни стало его престолу *„эту особую часть свѣта — Рутенію“*. Латыняне не оставляли надеждъ, что „если древле Орфей и Амфіонъ достигли того, что ихъ заслушивались лѣса и камни, кольми паче успѣютъ-же римскіе проповѣдники достичь того, что привлекутъ наконецъ этихъ неподручныхъ *внѣшнихъ“*. Однако всѣ подобныя попытки пришлось отложить до времени въ ожиданіи болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ; а при Романѣ Мстиславичѣ уже они со стороны Рима болѣе не повторялись.

Затишье въ Кіевѣ и его взятіе Романомъ Мстиславичемъ. Въ этотъ краткій промежутокъ времени, — когда въ нѣсколько лѣтъ (1197—1201 гг.) Галичъ и Волынь, соединясь въ единое княжество, заняли первенствующее мѣсто въ южной Руси, — въ прочихъ княженіяхъ не произошло ничего особеннаго. Великій князь Всеволодъ Юрьевичъ, прилежавъ всей душой своему Владимірскому княженію, обновилъ только въ это самое время свой Городецъ Остерскій многимъ новымъ строеніемъ и укрѣпилъ кремлемъ; тогда же прислалъ въ унаслѣдованный имъ Переяславль на Альтѣ своего сына Ярослава Всеволодовича къ великой радости Переяславцевъ. Этими распоряженіями, выставлявшими всѣмъ на видъ причастіе Всеволода въ тамошней Руси, великій князь Владимирскій какъ-бы косвенно отвѣчалъ еще на отнятіе у него Кіевскимъ княземъ незначительныхъ городовъ въ Поросьѣ: со сватомъ своимъ онъ прекратилъ всѣ сношенія, другъ для друга они болѣе не существовали. Къ этимъ же годамъ относится и его походъ на Половцевъ, когда онъ разыскивалъ ихъ по всѣмъ зимовьямъ и не настигъ нигдѣ, — походъ, который онъ предпринялъ въ защиту рязанскихъ князей, углубясь въ ихъ Воронежскія степи и оттуда въ Задонскія.

А въ Кіевской области тѣмъ же временемъ было полное затишье, можно-бы сказать: тишина, какъ предъ грозою. Ольговичи, не вдругъ разобравшись между собой волостями, опроставшимися для раздѣла послѣ двухъ старшихъ князей въ ихъ родѣ (Ярослава Всеволодовича и Игоря сѣверскаго), до времени еще не искали Кіева; самъ же Кіевскій князь, разссорясь со сватомъ, уже заискивалъ у черниговскихъ князей, нуждался въ союзѣ съ Черниговомъ. По мѣрѣ того, какъ тамъ все болѣе одерживалъ верхъ надо всѣми Всеволодъ (Святославичъ) Чермный, занявшій вскорѣ и престолъ Черниговскій—все болѣе заискивалъ въ этомъ князѣ и самъ Рюрикъ; напослѣдокъ утвердился съ нимъ и крестнымъ договоромъ о дружбѣ и союзѣ. Половцы также не тревожили Кіевской области въ это время; изо всѣхъ Мономаховичей, не исключая впрочемъ и самихъ Ольговичей, этихъ извѣчныхъ союзниковъ дикихъ ордынцевъ, нельзя бы и указать ни одного южнорусскаго князя, который бы такъ дружилъ съ „*дикими*“, какъ Рюрикъ Ростиславичъ. Со всѣми

ихъ ордами безъ исключенія хотѣлось ему вступить въ союзы и въ переговоры; въ случаѣ надобности всѣ они готовы уже были къ его услугамъ,—не даромъ о немъ и записано въ лѣтописи, что его княженію обрадовались поганые, „зане всѣхъ пріимаше къ себѣ съ любовію—и крестьяны и поганые—и не отгоняше никого же“. За описываемый промежутокъ времени не было набѣговъ со стороны Поля.

По такому мирному затишью на Руси задумалъ и Рюрикъ Ростиславичъ прославиться сооруженіями „на память отечеству своему“ и исполнилъ это въ своемъ вкусѣ. Отъ времени еще Всеволода - праваго, отца Мономаха, слѣдовательно, въ теченіи ста одиннадцати лѣтъ, оставалась въ Кіевѣ не достроена одна церковь (святого Архистратига Михаила), стоявшая на одномъ изъ крутояровъ Днѣпровскаго берега, близъ самаго обрыва. Вѣроятно, не была она и достроена какъ надлежало или хотя и была достроена, но оставалась въ нѣкоторомъ небреженіи—оттого именно, что опасались размытія обрыва и зданіе грозило паденіемъ. Между ближними пріятелями Рюрика Ростиславича нашелся одинъ искусный строитель, который взялся исправить это дѣло; а до него, до Петра Милонѣга, по словамъ Милонѣговыхъ - же хвалителей, никто изъ роды въ роды, въ теченіи пяти поколѣній, не умѣлъ за это дѣло и взяться, какъ слѣдуетъ. Этотъ, по ихъ словамъ, новый „*Веселеилъ*“ взялся подвести подъ церковь каменную стѣну, съ тѣмъ вмѣстѣ укрѣпить и самый обрывъ. Въ короткое время эта работа была приведена къ благополучному окончанію; что она была вся недолга о томъ обозначено въ точности: найденный для этого дѣла князем *„художникъ во своихъ си пріятеляхъ“* Петръ Милонѣгъ „заложи стѣну камену подъ церковью Михаила у Днѣпра, иже на Выдобичи“ 1199-го года іюля 10-го дня, а въ лѣто 1200-ое „сверши стѣну ту, мѣсяца сентября въ 24-й день“. И хвалители этого чуда *„всякаго церковнаго чина неточмо ту сущая, но и прилучившаяся тогда“*—рьяные хвалители съ тѣмъ вмѣстѣ и самого Рюрика Ростиславича — *„вси калуеры возвеселилисъ духовно о пришедшей въ дѣло таковой царской мысли его“*. Воздавая хвалу князю „новаго ради чудеси, иже во дни царствія его совершися“, ка-

лугеры говорили ему тогда: „дивна днесь видиста очи наша; мнози же преже насъ бывшіе желаша видѣть яже мы видихомъ, и не видиша и слышати не сподобишася“. Кромѣ сооруженія этой стѣны, болѣе ничего не произошло замѣчательнаго за все время кіевскаго княженія Рюрика въ эту пору. Наступилъ 1202 годъ, съ тѣмъ вмѣстѣ наступилъ и затишью конецъ. Съ этого именно года начались тѣ „безчисленныя рати и частыя войны“, которыя уже безнадежно, до конечной гибели, помутили изъ края въ край всю южную Русь*). Только что заключивъ въ это самое время добрый союзъ съ черниговскими князьями, Рюрикъ Ростиславичъ спѣшилъ и воспользоваться имъ.

---

*) Въ добавокъ ко всѣмъ прочимъ знаменіямъ времени, свидѣтельствовавшимъ о тогдашнемъ упадкѣ внѣшняго могущества Кіева и о нравственномъ его обезсиленіи, нельзя не обратить вниманія на эти рѣчи и проповѣди, которыя расточались тогда на Кіевскомъ празднествѣ по случаю именно этого *„новаго чудеси“*. Расточались же онѣ не только въ застольной бесѣдѣ, когда Рюрикъ Ростиславичъ „сотворилъ пиръ не малъ и трапезу съ приготовленіемъ для всѣхъ калугеровъ.... они же велегласно хвалиша князя здоровье“, но и когда онъ поставилъ кутью у Михаила и молитву принесъ о „пріятіи труда потщанія своего“. Уподобивъ его по цѣломудрію Іосифу, по добродѣтели — Моисею, по кротости—Давиду и по правовѣрію—царю Константину —*„ти тако философствоваше моляся по вся дни“* — и подтвердивъ князю: „мнози не вѣдаша и не сподобишася слышати, яже Богъ дарова намъ твоимъ княженіемъ“, витія спрашивалъ: „мы же что воздадимъ тебѣ противу твоихъ благодѣяній?“ А одинъ изъ сотрапезниковъ, уже при здравицѣ въ застольной бесѣдѣ, самое чудо подведенія фундамента подъ церковь и утвержденія каменной стѣны на обрывѣ и всеобщую о томъ радость Кіевлянъ живописуетъ такъ: „больше потщаніе и любовь ко архистратигу имѣти начинаютъ новаго ради чудеси, иже во дни царства твоего свершися, утверждающе бо неподвижно нозѣ свои на удобренемъ ти зданіи, и очима си любезно смотряши, отвсюду веселіе души привлачаше, и мнятся яко аэра достигше“. Это ли безыскуственный, изумительный по своей простотѣ, языкъ нашихъ правдивыхъ лѣтописцевъ? и тѣ ли это еще времена, когда слышались смиренныя прещенія такихъ святыхъ проповѣдниковъ, какъ Иларіонъ и Ѳеодосій? Къ чести того времени и даже тѣхъ самыхъ дней, по счастію, можно указать и на другіе образцы духовнаго краснорѣчія—лучшихъ тогдашнихъ современниковъ. Другъ извѣстнаго черноризца Поликарпа, не менѣе его извѣстный Симонъ, состоялъ тогда во Владимірѣ при великомъ князѣ Всеволодѣ Юрьевичѣ, бывъ духовникомъ великой княгини, благочестивой Марьи; впослѣдствіи при Всеволодовомъ сынѣ (Юріи Ситскомъ) онъ былъ посвященъ во епископа Владимірскаго: первый онъ и былъ, неза-

Онъ рѣшился смирить своего непокорнаго зятя. Потомки схимолюбиваго Ростислава совокупились въ общую дружбу противъ своей же братьи—Мономаховичей колѣна Изяслава Мстиславича,—уговорили идти съ ними въ походъ и всѣхъ Ольговичей. Въ Кіевъ пришелъ самъ Черниговскій князь Всеволодъ Чермный и привелъ свою братью въ помощь Кіевскому князю противъ „Галичскаго самодержца“ и родни его, подчиненной ему на Волынѣ. Всѣ они одинаково не прощали Роману Мстиславичу, что не спросясь никого и ни съ кѣмъ не подѣлившись, онъ владѣлъ Галичемъ, и завидовали его невѣроятно-быстрому возвышенью. Слышно было къ тому же, что „Галичьскій самодержецъ“ сошелся съ великимъ княземъ Владимірскимъ: одного только его почиталъ старше себя и величалъ *отцомъ своимъ и господиномъ*, и въ довершеніе всего между ними было положено отдать Кіевскій престолъ одному изъ волынскихъ князей (Ингварю Ярославичу, сыну бывшаго Луцкаго князя).

Но, сидя на „златокованномъ Галичьскомъ столѣ Ярослава Осмомысла“, Романъ Мстиславичъ хорошо зналъ все, что дѣлалось въ Кіевѣ. Онъ ускорилъ передъ своими противниками и предупредилъ ихъ походъ своимъ собственнымъ вторженіемъ. Союзники еще только совѣщались о будущемъ подѣленіи между собой Бѣлгорода.

висимо отъ Ростовской каѳедры, епископомъ собственно Владимірскимъ. Онъ написалъ въ то самое время къ своему другу Поликарпу извѣстное посланіе и всякое въ немъ слово, все оно отъ первой строки до послѣдней, составляетъ истинный образецъ той же святой простоты, которою, вообще говоря, отличалась древлерусская письменность. „Кто не знаетъ, что у меня грѣшнаго епископа Симона, соборная церковь во Владимірѣ, красота города, а другая въ Суздалѣ, которую я самъ создалъ? Сколько онѣ имѣютъ городовъ и селъ! И десятину собираютъ по всей землѣ той, и всѣмъ этимъ владѣетъ наша худость. Но передъ Богомъ ти молвлю: всю сію славу и власть за уметы вмѣнилъ бы, если бы мнѣ хоть хворостиною торчать за воротами и пыльнымъ прахомъ валяться въ Печерскомъ монастырѣ, и быть попираему людьми. Одинъ день въ дому Божіей Матери лучше тысячи лѣтъ временной чести; въ немъ хотѣлъ бы я жить лучше, нежели въ селеніяхъ грѣшничихъ“. Такъ думалъ и говорилъ и писалъ Симонъ, епископъ Владимірскій, отправляя посланіе къ печерскому иноку Поликарпу въ то самое время, когда—наканунѣ взятія Кіева Романомъ—тамошніе калугеры величали его слабодушнаго тестя. (Впрочемъ, льстивые витіи были бо́льшею частью изъ грековъ).

Вышгорода и прочихъ городовъ подъ Кіевомъ, также о раздѣлѣ самого Галича; еще только распредѣляли свои полки и полчища наведенныхъ половцевъ,—а уже Кіевъ и всѣ подъ нимъ города волновались въ пользу самого Романа Мстиславича, не желая Ольговичей и выражали явную готовность передаться на его сторону. Наконецъ Черкасы, весь Черный Клобукъ, поднялись поголовно и радостно привѣтствовали его пришествіе, сами вышли къ нему навстрѣчу на соединеніе съ Галичскими и Волынскими полками. Поддержанный всѣмъ здѣшнимъ народонаселеніемъ, Романъ Мстиславичъ безъ боя подступилъ къ Кіеву. Сами жители отворили ему ворота; онъ занялъ Подоліе, всю нижнюю часть города и послалъ на гору сказать Рюрику, чтобы онъ сдалъ Кіевъ. Союзники, въ виду такого всенароднаго подъема, даже не сопротивлялись; Романъ привелъ ихъ ко кресту и самъ цѣловалъ имъ крестъ на томъ, что не для себя беретъ Кіевъ, и всѣхъ ихъ отпустилъ во-свояси: Рюрика—въ его Овручъ, а черниговскихъ князей—за Днѣпръ; и въ заключеніе, ссылаясь на волю великаго князя Всеволода Юрьевича, посадилъ въ Кіевѣ, находившагося тутъ-же съ нимъ въ полкахъ Ингваря Ярославича. Тогда же пріобрѣлъ онъ двойную любовь народа, сдѣлавъ еще походъ на Половцевъ. „Дикіе“, вмѣсто того, чтобы ограбить Галичъ, какъ имъ обѣщали, сами поплатились жестоко; Романъ захватилъ ихъ вѣжи, привелъ множество плѣнныхъ, отполонилъ много душъ христіанскихъ и *бысть радость въ русской землѣ*. Началось, такимъ образомъ, въ Кіевѣ новое княженіе; но за все время, пока тутъ сидѣлъ Ингварь Ярославичъ, никому уже болѣе и въ голову не приходило называть: ни его здѣшняго посадничества *великимъ княженіемъ*, ни его самого — *великимъ княземъ*. Къ тому же и пребываніе здѣсь Ингваря Ярославича отличалось лишь кратковременностью своей, ничѣмъ больше.

Взятіе Кіева Рюрикомъ Ростиславичемъ и постриженіе этого князя. Изгнанный Рюрикъ Ростиславичъ и удалившіеся съ позоромъ Ольговичи, раздосадованные торжествомъ Галичскаго князя, не могли простить Кіевлянамъ ихъ „измѣны“ и сговорились между собой объ отомщеньи. Сотворилось такое великое зло, какъ сказано въ лѣтописи, какого еще

не бывало надъ Кіевомъ отъ крещенія, ибо многія надъ нимъ бывали напасти и *взятія многія,* но все это было не то, что сталось напослѣдокъ. Рюрикъ Ростиславичъ со своими и Всеволодъ Чермный съ черниговскою братьей въ ту же зиму (съ декабря 1203 на генварь 1204 года) навели на Кіевъ несмѣтныя полчища Половцевъ, напередъ обѣщавъ дикимъ полное разграбленіе города. О Половцахъ прямо сказано, что они пришли тогда *„всею землею Половецкою“*, и Кіевъ былъ взятъ на щитъ хуже, чѣмъ во времена Андрѣя Боголюбскаго. Не только было разорено все Подоліе, но ворвались на гору, разграбили монастыри и Софійскій соборъ, и храмъ Десятинный, обдирали иконы, уносили кресты и священные сосуды. *„Дикіе“* похитили тогда и драгоцѣнныя одежды древнихъ князей: святого Владиміра и сына его Ярослава и другихъ, которыя на память о нихъ сохранялись въ храмахъ. Городъ пылалъ, по его улицамъ невольниковъ гнали толпами. „Одни купцы иноземные оборонялись въ каменныхъ церквахъ столь мужественно, что Половцы вступили съ ними въ переговоры: удовольствовались частью ихъ товаровъ и не сдѣлали имъ больше никакого зла“; вообще же не щадили ни знатныхъ, ни худыхъ людей, ни бѣдныхъ, ни богатыхъ; множество престарѣлыхъ черницъ и черноризцевъ, а также и бѣлаго духовенства перекололи копьями и изсѣкли мечами, и хромыхъ, и слѣпыхъ, всякихъ недужныхъ и убогихъ,—а все, что было здороваго и помоложе, уведено въ плѣнъ. Не осталось ни одного дома не ограбленнымъ дочиста, въ церквахъ не уцѣлѣло ни сосуда, ни иконы съ окладомъ. Когда насытившіеся грабежомъ оставили наконецъ дымившійся пожарами опустошенный Кіевъ, только стоны умиравшихъ нарушали безмолвіе его улицъ, залитыхъ кровью и покрытыхъ трупами.

Вспомнили тогда многія предвѣщанія и знаменія, случившіяся въ тотъ годъ: въ одну ночь, напримѣръ—что особенно всѣхъ поразило,—вдругъ все небо облеклось въ кровавый цвѣтъ и тогда все на улицахъ и въ хоромахъ казалось окровавленнымъ; нѣкоторые видѣли тогда-же, какъ звѣзды, срываясь съ неба, отторгались на землю, и мнилося, настаетъ кончина міра. Казалось, это самое бѣдствіе и предвѣщали тѣ небесныя знаменія: чтб могло быть и въ самомъ

дѣлѣ ужаснѣй гибели кіевлянъ? подобное злодѣянье, какъ кіевское раззоренье, слыхано-ли еще гдѣ въ мірѣ? Но слухъ о немъ не успѣлъ умолкнуть въ народѣ, какъ вдругъ былъ заглушенъ еще страшнѣйшимъ и ужаснѣйшимъ гуломъ: новый слухъ несся издалече о новомъ великомъ бѣдствіи на весь православный міръ: Цареградъ былъ взятъ Латинцами! западные крестоносцы захватили столицу Греческихъ императоровъ и всю ее пограбили! Фряги заняли Константинополь. „*Внидоша во святую Софію и одраша двери,* и разсѣкли амвонъ, окованный весь серебромъ, и двѣнадцать серебряныхъ столповъ, и четыре столба кіотные, и тябло изсѣкли, и трапезу чудную ободрали: сняли драгоцѣнные камни и великій жемчугъ, и паникадила, и свѣтильники серебряные, евангелія въ окладахъ и кресты честные, и иконы безцѣнныя—*все одраша.* А святую Богородицу въ Лахернѣ—*и ту одраша;* иныхъ же церквей безъ числа.. А иныя церкви во градѣ и внѣ града и монастыри всѣ ограбили, имъ же числа и красоты сказать не можно, и людей многое множество пограбили и побили. *И тако погибе богохранимаго града Константина царство и земля Греческая, ею же* (какъ говорилось въ тѣ дни) *обладаютъ Фряги*“.

Оба эти дѣйствія, взятіе Рюрикомъ Ростиславичемъ и всею землею Половецкою Кіева и Латинскими крестоносцами Цареграда, случились въ одинъ и тотъ же 1204-й годъ *). Главный виновникъ кіевскаго раззоренья, самъ Рюрикъ Ростиславичъ, не смѣлъ однакожъ вступить въ опусто-

*) Римскій папа, величаясь на весь міръ этимъ событіемъ, возвѣстилъ тогда и Кіевскому митрополиту, что Богъ предалъ Риму цареградскую патріархію и уже вся Греческая церковь находится въ повиновеніи у Римскаго престола; увѣщевалъ поэтому и „рутеновъ“ послѣдовать примѣру Грековъ. Папа писалъ въ слѣдующемъ родѣ: „хотя вы были долго до сего времени отъ сосцевъ вашей матери отчуждены, мы, однако, по пастырской обязанности просвѣщать темный народъ, не можемъ не напоять васъ изъ отческаго расположенія къ вамъ, здравымъ ученіемъ дабы возсоединить васъ, пріобщивъ, какъ разсѣянные члены, ко главѣ, и чтобы яко же Ефраима ко Іудѣ и Самарію къ Іерусалиму обратить. Такъ какъ нынѣ Греческая имперія и церковь почти сполна возвратились къ преданности Апостольскому престолу и подчинились ея велѣніямъ и слушаются провозвѣстниковъ ея, не покажется ли несмысленнымъ, что часть цѣлаго, не соючаясь съ тѣмъ, удерживается особнякомъ отъ своего всецѣлаго“. Нашъ исторіографъ такъ описываетъ взятіе Константинополя Латинскими крестоносцами: „Французы, Венеціа-

шенную столицу и ушелъ назадъ въ свой Овручъ; а Ингварь Ярославичъ послѣдовалъ благому примѣру своего отца (кратковременнаго Кіевскаго державца, взбалмошнаго Ярослава Изяславича Луцкаго): захоронился уже на весь свой остальной вѣкъ у себя въ Волынскихъ предѣлахъ.

Романъ Мстиславичъ, между тѣмъ, какъ бы не вѣря собственнымъ ушамъ молвѣ о кіевскомъ раззорень, пожелалъ изъ собственныхъ усть Рюрика Ростиславича слышать объясненіе о происшедшемъ и выступилъ изъ Галича прямо въ Овручъ. Неизвѣстно, какого рода далъ объясненіе бывшій тесть своему бывшему зятю при этомъ свиданіи въ личной бесѣдѣ съ глазу-на-глазъ,—огласилось только, что Романъ Мстиславичъ приходилъ для того чтобы отвести Рюрика отъ союза съ Ольговичами и отъ Половцевъ, а бывшій кіевскій князь съ своей стороны настаивалъ лишь на томъ, чтобы ему еще разъ—и ужъ который разъ—быть Кіевскимъ княземъ. Похоже было, между ними вышло тотъ разъ нѣкоторое недоразумѣніе и оба не остались довольны состоявшимся свиданіемъ. Повидимому, не желая отказывать лично отъ себя бывшему тестю въ испрашиваемомъ имъ Кіевскомъ престолѣ и находясь въ это время въ дружескомъ союзѣ со Всеволодомъ Юрьевичемъ, Романъ Мстиславичъ и хотѣлъ воспользоваться своимъ договоромъ съ владимірскимъ Великимъ Княземъ. Зная тогдашнее нерасположеніе Всеволода Юрьевича къ своему свату (ибо великій князь самъ способствовалъ его низверженію и охотно назначилъ на его мѣсто Ингваря Ярославича) Романъ Мстиславичъ объяснилъ своему бывшему тестю, что не отъ него, не отъ Галичскаго князя, зависитъ кого утвердить на Кіевскомъ престолѣ и далъ совѣтъ обратиться съ просьбою о томъ ко Всеволоду Юрьевичу,—обѣщалъ и съ своей

не, ограбивъ богатые храмы, похитивъ драгоцѣнности искусства и мощи святыхъ, избрали не только собственнаго императора, но и патріарха Латинскаго; Греческій, оставивъ имъ въ добычу казну Софійскую, въ одномъ бѣдномъ хитонѣ уѣхалъ на ослѣ во Ѳракію. Папа Иннокентій III, желая воспользоваться симъ случаемъ, писалъ къ духовенству нашему, что вся Греческая имперія уже ему повинуется, что одни ли Россіяне захотятъ быть отверженными"? (Карамз. И. Г. Р. томъ III, глава 3). Съ тѣхъ поръ Митрополиты наши были поставляемы въ Никеѣ, новой столицѣ Греческихъ Константинопольскихъ патріарховъ, до самаго изгнанія крестоносцевъ изъ Царяграда.

стороны писать о томъ-же во Владиміръ, увѣренный заранѣе въ непремѣнномъ отказѣ. Но вышло не такъ, Всеволодъ Юрьевичъ въ этомъ случаѣ не оправдалъ ожиданія своего союзника: съ изумившею тогда всѣхъ невѣроятною легкостью, великій князь сейчасъ же изъявилъ согласіе на возвращеніе Рюрика въ Кіевъ, и никто тогда не могъ себѣ объяснить этого поступка иначе, какъ отмѣннымъ благосердіемъ великаго князя: „Всеволодъ, милосердъ сый, не помянулъ зла Рюрикова“, ни даже личной своей отъ него обиды. Но Романъ Мстиславичъ, повидимому, иначе объяснилъ себѣ этотъ неожиданный поступокъ своего загадочнаго союзника и, не мирясь болѣе съ возвращеніемъ на Кіевскій престолъ Рюрика Ростиславича, поступилъ по-свойски.

На слѣдующій годъ (въ зиму съ декабря 1204-го на генварь 1205 года), когда Рюрикъ Ростиславичъ, снова княжа въ Кіевѣ, укрѣпился пуще прежняго дружбой съ Ольговичами, также и съ сыномъ Великаго князя (Ярославомъ), сидѣвшимъ въ Переяславлѣ на Альтѣ, Романъ Мстиславичъ пришелъ къ нимъ со своими волынскими и галичскими полками и объявилъ походъ на Половцевъ. Какъ ни дружилъ съ ордынцами бывшій его тесть, нельзя было отказываться отъ „борьбы съ Половцами“: этотъ въ нѣкоторомъ родѣ священный лозунгъ поднялъ на-ноги всю южную Русь. Составилось общее ополченіе и, подъ предводительствомъ Романа Мстиславича, въ самомъ дѣлѣ совершился удачный походъ на Половцевъ. Были они побиты, какъ давно ужъ того не бывало; множество православныхъ возвратились тогда на свободу изъ ихъ дальныхъ улусовъ: возвратили и многое множество добычи, захваченной дикими въ послѣднее *кіевское раззореніе*. Романъ Мстиславичъ заслужилъ великую честь и славу этимъ походомъ, — велика была и всеобщая ему благодарность. Но главная цѣль его прихода, какъ оказалось, заключалась еще не въ томъ. Въ подробностяхъ неизвѣстно, какъ и почему,—но тогда-же вслѣдъ за погромомъ Половцевъ, и Рюрикъ Ростиславичъ былъ свергнутъ съ Кіевскаго престола. Извѣстно только, что виной тому былъ Галичскій князь. Это подтвердилось и тѣмъ еще, что онъ повелъ къ себѣ въ плѣнъ двухъ сыновей Рюрика: Всеволодова зятя, Ростислава Рюриковича, женатаго на его до-

чери Верхуславѣ, и его брата Владиміра. Всѣ же остальные члены великокняжеской семьи — и самъ Рюрикъ и его княгиня и ихъ дочь—были тогда-же пострижены въ монашество *). Никто не сомнѣвался, что Рюрикъ Ростиславичь принялъ постриженіе не добровольно, а по винѣ Романа Мстиславича: онъ-же настаивалъ передъ Рюрикомъ еще и задолго передъ тѣмъ о постриженіи его дочери, своей бывшей супруги.

Услыхавъ о такомъ самоуправствѣ Галичскаго князя, великій князь Всеволодъ Юрьевичъ остался недоволенъ лишь тѣмъ однимъ, что мужъ его любимой дочери Верхуславы былъ отведенъ плѣнникомъ въ Галичъ,—и потребовалъ немедленнаго освобожденія обоихъ братьевъ. На это Романъ Мстиславичъ отвѣчалъ „отцу и господину своему Всеволоду Юрьевичу“ не только полною покорностью, но еще предупредительнѣйшимъ исполненіемъ его воли: Ростиславъ Рюриковичъ, кромѣ того, что былъ немедленно возвращенъ въ Кіевъ, тогда-же еще — какъ-бы въ предупрежденіе воли великаго князя—былъ возведенъ Романомъ Мстиславичемъ, на мѣсто своего отца, на престолъ Кіев-

*) Неосновательно было бы утверждать съ нѣкоторыми историками, что Романъ Мстиславичъ „велѣлъ дружинѣ своей схватить Рюрика, силою везти его въ монастырь съ его дочерью и женою и тамъ силою же настаивать на ихъ постриженіи“: на такое преувеличенное описаніе этого событія лѣтопись не даетъ права. Рюрикова супруга, о которой извѣстно, что она *„ни на что же ино упражняшеся, но токмо о церковныхъ* потребахъ и о милованіи маломощныхъ и всѣхъ бѣдующихъ“, княгиня Анна, по всей вѣроятности, давно склонялась къ мысли о постриженіи; то-же должно предположить и объ ея дочери, разведенной Романовой супругѣ: ей было всего естественнѣй послѣдовать примѣру Всеволодовой сестры Ольги, которая въ подобныхъ-же обстоятельствахъ, по разводѣ съ Осмомысломъ, какъ извѣстно, и постриглась безъ всякаго понужденія. Наконецъ, самъ Рюрикъ, постоянно выказывавшій *„хотѣніе къ монастырямъ и церквамъ и любовь ненасытную о зданіяхъ“*, только что передъ тѣмъ прославившійся построеніемъ Выдубицкой стѣны, по всей вѣроятности, при постигшей его тогдашней невзгодѣ имѣлъ слабодушіе похвалиться, что лучше ему будетъ послѣдовать примѣру своихъ присныхъ, чѣмъ съ позоромъ идти умирать въ свой Вручій. Все это вмѣстѣ и могло побудить Романа Мстиславича прибѣгнуть къ нравственному насилію (а не къ кулачному праву своей дружины) надъ своимъ слабодушнымъ тестемъ: уговорить его и понудить въ самомъ дѣлѣ идти въ монастырь. Въ лѣтописи сказано о Рюрикѣ просто, что онъ *„пріялъ мнишескій чинъ боязни ради Романовы“*.

скій. Но, подобно своему предшественнику Ингварю Ярославичу, и Ростиславъ Рюриковичъ княжилъ всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ: вскорѣ, ко всеобщему изумленію, отецъ его снова занялъ престолъ, отнятый у него, казалось, навсегда: главнаго врага и гонителя Рюрикова уже не было въ живыхъ.

Кончина Романа Мстиславича.—Такому видному и могучему князю, какимъ былъ Романъ Мстиславичъ, казалось, предстояло еще многое совершить на своемъ вѣку, но дни его уже были изочтены. Ходила молва, будто для того только онъ и свергнулъ недостойнаго Рюрика съ престола, чтобы вслѣдъ за тѣмъ собрать всѣхъ князей въ Кіевъ или гдѣ *„нравно будетъ“* и съ общаго совѣта утвердить новые, еще небывалые порядки на Руси. Будто уже и предлагалъ онъ всѣмъ князьямъ на утвержденіе слѣдующій, придуманный имъ уставъ: „для того, чтобы мѣстные князья не оскудѣвали, воспретить имъ свои области между сыновьями дѣлить, но отдавать престолъ по себѣ сыну старшему со всѣмъ владѣніемъ; когда же въ Кіевѣ главный князь умретъ, пусть старѣйшіе мѣстные князья и избираютъ себѣ всякій разъ съ общаго согласія любого, достойного между всѣми, быть надо всѣми прочими великимъ княземъ, *какъ то въ другихъ добропорядочныхъ государствахъ чинится*“. Князья не хотѣли принять такого устава; но боясь прогнѣвать Романа, обѣщали съѣхаться въ Кіевъ для обсужденія,—однакожъ потомъ, подъ разными предлогами, уклонялись отъ сейма. А великій князь Всеволодъ прямо отказалъ Роману, давъ отвѣтъ, что *того не повелось издревле* и онъ не хочетъ обычаевъ преступать, но *быть такъ, какъ было при отцахъ и дѣдахъ*. Романъ Мстиславичь вскорѣ послѣ того *„убіенъ бысть Ляхами“*.

Путаясь все время со своею Польскою роднею, онъ не переставалъ помогать Лешку Бѣлому въ затянувшейся его войнѣ съ дядей Мечиславомъ; участвовалъ, кромѣ того, и въ позднѣйшей войнѣ Лешка противъ Мечиславова сына, такъ называемаго Владислава Ласконогаго; при этомъ Галичскіе и Волынскіе полки постоянно занимали древлерусскую Люблинскую область. Но двоюродные братья, Лешко Бѣ-

лый и Владиславъ Ласконогій, примирились между собой и потребовали отъ Романа очищенія Люблинскихъ мѣстъ. Въ отвѣтъ на это Романъ Мстиславичъ осадилъ самый Люблинъ и сталъ себѣ требовать либо денежнаго вознагражденія за бывшіе походы, либо уступки въ самой этой области древлерусскихъ, изстари между Русью и Польшей спорныхъ мѣстъ. Лешко, сильно возбуждаемый противъ Романа Ласконогимъ Владиславомъ, выступилъ тогда съ братомъ своимъ Конрадомъ противъ Романа войною. Романъ Мстиславичъ, оставивъ тогда осаду Люблина, пошелъ къ нимъ навстрѣчу. Когда онъ расположился станомъ на лѣвомъ берегу Вислы подъ Завихвостомъ, къ нему прибыли послы отъ братьевъ — отъ Лешка и Конрада— и завязали переговоры; положено было прекратить военныя дѣйствія и заключили перемиріе впредь до окончанія переговоровъ. Понадѣявшись на это, Романъ не предпринималъ болѣе предосторожностей и отъѣхалъ разъ отъ своего стана въ малой дружинѣ на охоту. Наткнувшись тутъ на одну изъ непріятельскихъ засадъ, вдругъ онъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ непріятелемъ и въ отчаянной схваткѣ съ непризнававшими перемирія Ляхами палъ съ оружіемъ въ рукахъ вмѣстѣ со всею своею дружиною. Это случилось въ 1205-мъ году, по латинскимъ святцамъ въ день Гервасія и Протасія: Лешко съ братомъ своимъ Конрадомъ такъ обрадовались неожиданной вѣсти о нечаянномъ избавленіи отъ грознаго и суроваго врага, что воздвигли въ Краковскомъ соборѣ особый алтарь Гервасію и Протасію, какъ своимъ патронамъ.

Замѣшательства въ Галичѣ и всей южной Руси. Какъ только огласилось убіеніе Романа, Всеволодъ Чермный съ братіей своею заподымался походомъ на Кіевъ; но постриженный Рюрикъ Ростиславичъ предупредилъ Ольговичей: снявъ съ себя монашескія ризы, онъ опять вокняжился въ древней столицѣ, смѣстивъ тамъ своего сына; Ростиславъ Рюриковичъ покорно возвратилъ отцу престоль Кіевскій *).

*) *„Отметнувъ чинъ мнишескій“*, Рюрикъ Ростиславичъ хотѣлъ тогда, чтобы и бывшая его супруга, инока Анна, послѣдовала его примѣру; но она не только не оставила монастыря, а еще приняла и схиму. Такое благочестіе княгини и грѣшный поступокъ Романа Мстиславича,

Связанные между собой прежними договорами, союзники на этотъ разъ еще не перессорились другъ съ другомъ, а утвердились съ обѣихъ сторонъ новымъ крестнымъ цѣлованіемъ. Рюрикъ согласился тогда уступить Ольговичамъ нѣкоторые изъ городовъ подъ Кіевомъ (Бѣлгородъ и въ Поросьѣ Торческъ съ Триполемъ); кромѣ того, обѣщалъ подѣлиться и Галичскимъ наслѣдствомъ, за которымъ и двинулись общими силами въ походъ къ берегамъ Днѣстра и Серета.

Въ Галичѣ между тѣмъ происходило необычайное волненье; смуты и раздоры уже не унимались, не было конца враждебному разногласію между боярами. Нахлынули со всѣхъ сторонъ, возвратились въ отечество—кто̀ изъ Венгріи, кто̀ изъ Польши—старинные вороги Романа и старались всѣхъ вооружить противъ его наслѣдниковъ. У Романовой молодой вдовы остались на рукахъ два сына: четырехлѣтній Даніилъ и младшій Василько̀—еще грудной на рукахъ кормилицы. Хотя старшаго и провозгласили Галичане своимъ княземъ, присягнувъ ему въ вѣрности, но нельзя было удержаться младенцу среди споривших враждебныхъ сторонъ, грозившихъ другъ другу даже кровопролитіемъ. Въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ вдовствующая княгиня испросила себѣ свиданіе съ Венгерскимъ Королемъ и тронула его своими материнскими слезами, представивъ ему въ Санокѣ сиротъ Романовыхъ. Это былъ король Андрѣй, который нѣкогда самъ королевствовалъ въ Галичѣ, а потомъ сдружился съ Романомъ. Онъ только что получилъ въ это время не дававшуюся ему долго Венгерскую корону и, повидимому, не забылъ обѣщанія, даннаго покойному князю. Вѣрный своему „названому брату“, которому кромѣ того приходился еще и родственникомъ (ибо его дѣдъ Гейза былъ женатъ на Ефросиніи Мсти-

---

употребившаго насиліе въ постриженіи Рюриковой семьи, сохранялись въ памяти русскихъ людей долгое время. Черезъ три съ половиной вѣка отсюда, напримѣръ вспоминалъ еще о томъ грозный царь Иванъ Васильевичъ въ своей извѣстной перепискѣ съ Курбскимъ. *„Многихъ обрящеши не поправшихъ иноческаго образа яко же князь великій Рюрикъ Ростиславичъ постриженъ отъ зятя своего Романа Галичскаго. Смотри же благочестіе: и княгиню его восхотѣвши взяти изъ невольнаго постриженія, она же не восхоте, паче пострижеся и въ схиму“.* Отвѣтное посланіе Іоанна на письмо Курбскаго, 1564 года.

славнѣ, родной сестрѣ Романова дѣда, Изяслава Мстиславича), Андрѣй обласкалъ Даніила, какъ *милаго сына* и, приставивъ къ нему цѣлую дружину изъ Венгровъ, велѣлъ имъ водворить его въ Галичѣ; для спокойствія же страны была тогда поставлена и по многимъ городамъ венгерская стража. Эта своевременная помощь и остановила въ ту пору вторженіе кіевскихъ и черниговскихъ полковъ, которые удачно повоевавъ на Днѣстрѣ и Серетѣ, не посмѣли однакожъ приблизиться къ Галичу и ушли ни съ чѣмъ: *„со срамомъ великимъ возвратишася во-свояси“*. Это же оказательство дружбы Романовичамъ со стороны Венгерскаго короля не дало разразиться и боярскому мятежу въ самóмъ Галичѣ.

Въ слѣдующемъ-же году однако (1206 г.) Всеволодъ Чермный вновь совокупилъ свою братью походомъ на Галичъ, пригласивъ большую силу Половцевъ. Къ нему приложились всѣ тогда сыновья Игоревы (Владиміръ, Ростиславъ, Романъ и Святославъ Игоревичи), внуки Ярослава по ихъ матери, дочери Осмомысла, почитавшіеся поэтому ближайшими и законнѣйшими наслѣдниками Галичины. Тогда же Всеволодъ Чермный склонилъ на свою сторону и Мазовецкихъ князей, которые все еще оставались во враждѣ съ Галичемъ. Состоя въ родствѣ съ ними (Всеволодъ Чермный былъ женатъ на Казиміровнѣ) онъ не особенно полагался на это родство, а расчитывалъ главнымъ образомъ на соперничество между Ляхами и Венграми изъ-за Галича, увѣренный что изъ-за этой добычи между ними непремѣнно произойдетъ ссора, въ чемъ и не ошибся. Къ черниговскимъ-же князьямъ присталъ тогда опять и самъ Рюрикъ Ростиславичъ, не оставлявшій притязаній въ качествѣ Кіевскаго державца быть главнымъ распорядителемъ Галичскаго наслѣдства между князьями. Онъ взялъ въ этотъ походъ съ собою, кромѣ сыновей своихъ (Ростислава и Владиміра, недавно побывавшихъ плѣнниками въ Галичѣ), еще и роднаго племянника — Мстислава Романовича (сынъ кроткаго Романа, замѣстившій покойнаго Рюрикова брата Давида— въ Смоленскѣ и въ Бѣлгородѣ). Сила союзниковъ была этотъ разъ много больше противъ прошлогодней потому особенно, что Всеволодъ Чермный велъ съ собою великое множество Половцевъ.

Въ Галичѣ, при слухѣ объ этомъ ополченіи русскихъ

князей и объ ихъ вступленіи въ союзъ съ Поляками, началась смута, хуже прошлогодней. Враги Романовичей явно уже предпочитали имъ Игоревичей; нѣкоторые изъ бояръ, не желая ни Романовичей, ни внуковъ Ярослава Осмомысла (по женской линіи) принялись за старыя ковы, доказывали необходимость приложиться къ западнымъ сосѣдямъ, стояли за полное сліяніе съ Венгріей; другіе охотнѣе склонялись въ этомъ случаѣ на сторону Ляховъ. Были наконецъ и такіе, которые уже гласно высказывали требованіе—вовсе не принимать никакихъ князей съ Руси,—на всѣхъ ихъ одинаково смотрѣть, какъ на чужихъ зашельцевъ,—однакоже не передаваться и иноплеменникамъ, а учредить разъ навсегда боярское управленіе во всей странѣ. Къ такимъ верховникамъ присоединилось уже довольно отщепенцевъ отъ народа и всякихъ проходимцевъ. Подобные распорядители „Галичьскихъ судебъ“ готовы уже были дружить съ кѣмъ угодно и отъ однихъ передаваться другимъ; готовы были въ одно и то же время льстить и Романовичамъ, и Игоревичамъ и Ляхамъ и Венграмъ, лишь бы поддерживались неурядицы и смуты въ странѣ и не препятствовали бы ихъ собственной наживѣ, а дали бы имъ полную волю забираться волостями. Своеволіе бояръ все росло и росло, и самовольные захваты ими волостей въ свои руки—уже начінали входить въ употребленіе. Съ тѣмъ вмѣстѣ завелось и то, что стали величаться боярами и нѣкоторые изъ приставшихъ къ нимъ проходимцевъ,—уже и этому были примѣры.

Романовичи, окруженные у себя въ столицѣ предательствомъ и измѣной, заслышавъ что на нихъ идутъ русскія войска и польскія, вновь обратились за скорою помощью къ своему покровителю въ Венгрію; но дожидаться королевскаго прихода уже было опасно. Король дѣйствительно далъ знать, что идетъ на ихъ выручку; но безпорядки въ Галичѣ достигли такихъ размѣровъ, что вдовствующая княгиня не сочла возможнымъ оставаться съ дѣтьми въ мятежномъ городѣ, и осиротѣлая семья Романа спаслась бѣгствомъ въ родной ихъ удѣлъ—Владиміръ-волынскій. Король, перейдя Горы и получивъ вѣсть, что Ляхи уже на Волыни, пошелъ на ихъ переёмъ ко Владиміру-же волынскому. Ольговичи, между тѣмъ, вступивъ въ Галичьскую землю и

слыша о приходѣ короля съ сильнымъ войскомъ, не смѣли идти далѣе,—такъ и простояли нѣкоторое время другъ противъ друга на одномъ мѣстѣ: ни король не подступилъ къ Галичу, ни Ольговичи.

Неотложныя дѣла, между тѣмъ, призывали Андрѣя спѣшить назадъ въ Венгрію: тамъ въ свою очередь поднялись такія смуты, что король опасался уже лишиться престола. Вслѣдствіи такой крайности онъ наскоро переслался о мирѣ съ Ляхами, указывая имъ на то, что ни себѣ не ищетъ Галича, ни настаиваетъ болѣе и на тамошнемъ водвореніи враждебныхъ имъ Романовичей,—и давъ совѣтъ Галичанамъ призвать къ себѣ на княженіе изъ Переяславля на Альтѣ сына великаго князя Всеволода, находившагося тамъ Ярослава Всеволодовича, ушелъ во-свояси. Покинутые Андрѣемъ и съ тѣмъ вмѣстѣ всѣми Венгерцами, стоявшими по городамъ у нихъ постоемъ, Галичане въ ужасѣ отъ нашествія Кіевскаго князя и Черниговскаго, дѣйствительно, готовы были принять къ себѣ Ярослава Всеволодовича; но онъ еще только спѣшилъ къ нимъ съ береговъ Альты изъ своего Переяславля,—а его предупредили Игоревичи, находившіеся тутъ на-лицо̀ въ черниговскомъ войскѣ. Благодаря давнимъ связямъ Новгорода-сѣверскаго съ родиною Ярослава Осмомысла, а больше того благодаря торжеству за то время тѣхъ самыхъ бояръ, которые предпочитали Игоревичей всѣмъ прочимъ изъ русскихъ князей—Игоревы сыновья и утвердились въ Галичѣ. Такой неожиданный оборотъ въ пользу Ольговичей положилъ конецъ и всему походу. Всеволодъ Чермный, довольный успѣхомъ, выпавшимъ на долю Олегова племени, отступился отъ союза съ Рюрикомъ Ростиславичемъ и разсорившіеся союзники пошли назадъ.

Но Игоревичамъ мало было владѣть Галичемъ; правильнѣе же сказать: тѣ бояре, которые посадили ихъ въ Галичинѣ, уже не хотѣли отдѣленія отъ нея и Волыни,—они потребовали отъ посаженныхъ ими на всей своей волѣ жалкихъ князей, чтобы они доискивались и Волыни, прогнали бы Романовичей и оттуда. Во Владиміръ-волынскій, гдѣ пріютились малолѣтніе Даніилъ и Василько̀, было прислано посольство съ такимъ дерзкимъ требованіемъ отъ Игоревичей *„сдать городъ“*, что народъ пришелъ въ негодованіе и хотѣлъ растерзать пословъ. Нашлись однако и

между владиміро-волынскими боярами сторонники „галичьскихъ князей Игоревичей“; настроеніе города и тутъ было мятежное. Вдовствующая княгиня, узнавъ что Игоревичи грозились „камня не оставить на камнѣ, если имъ не будутъ выданы сыновья Романа“ и что въ городѣ не мало такихъ людей, которые стоятъ за Игоревичей, совѣтовалась съ дядькой старшаго своего сына, съ Міославомъ: что̀ имъ дѣлать? и рѣшено было бѣжать. Ночью, миновавъ крѣпостныя ворота города, охраняемыя воинскою стражей, на вѣрность которой ужъ нельзя было разсчитывать, въ проломъ городской стѣны вышла жена великаго самодержца Романа вчетверомъ—съ дядькой Міославомъ, со священникомъ и кормилицей, которые несли на рукахъ маленькихъ князей Даніила и Василька. Не вѣдали, говоритъ лѣтописецъ, куда бѣжать, ибо по убіеніи Романа въ Ляхахъ Лешко еще мира не сотворилъ. Но его родственница, къ тому же и сама родомъ полька, Романова вдова къ нему и пошла просить гостепріимства.

До жалости былъ растроганъ Лешко увидавъ передъ собой малолѣтнихъ сиротъ своего бывшаго и врага и друга. „Самъ дьяволъ насъ тогда разстроилъ“, кликнулъ онъ въ горести ихъ матери, — и въ самомъ дѣлѣ: Лешко любилъ Романа, да перессорилъ его тогда съ нимъ злохитрый племянникъ Владиславъ Мечиславичъ: *„льстилъ между ними и зазоръ имѣлъ къ любви его“*. Лешко Бѣлый оставилъ тогда вдовствующую княгиню съ ея грудным̀ ребенкомъ у себя, а Даніила съ добрыми провожатыми отправилъ въ Венгрію къ королю и велѣлъ ему сказать: „я не помянулъ свады Романа, а тебѣ онъ былъ другъ; вы поклялись другъ другу: кто кого переживетъ—имѣть любовь къ сиротамъ; нынѣ же они изгнанники,—возьмемся оба теперь за то, чтобы помочь ихъ возвращенью на родину“. Такимъ образомъ, это лестное по своему довѣрію обращеніе Мазовецкаго князя къ Венгерскому королю послужило еще поводомъ къ ихъ собственному сближенію, а до тѣхъ поръ соперники находились между собой въ разрывѣ. И съ той самой поры началась дѣятельная опека со стороны Польши и Венгріи Романовымъ дѣтямъ, князьямъ Галича и Волыни—дружественная съ виду, но бѣдовая на самомъ дѣлѣ. Коротко сказать: „они имѣли случай и не захотѣли воз-

становить сильнаго дому Романова, опасаясь его могущества". Какъ для Андрѣя такъ и для Лешка „раздѣленіе, областей Галичской и Волынской казалось благопріятнымъ" а еще благопріятнѣй казалось имъ: раздѣлить эти области между собою.

Усугубленіе смутъ и раздоровъ на всемъ югѣ. Во всей Галичинѣ такимъ образомъ и на Волыни пошли съ тѣхъ поръ нескончаемыя смуты, осложняемыя вмѣшательствомъ въ нихъ Венгровъ и Ляховъ; а смуты и неурядицы тѣмъ же временемъ въ Кіевской области увеличились отъ того наиболѣе, что Всеволодъ Юрьевичъ великій князь Владимірскій не считалъ нужнымъ съ своей стороны укрощать ихъ: кіевская Русь была имъ предоставлена своему собственному разладу. Тамъ въ короткое время произошли великія перемѣны. Всеволодъ Чермный, видя что дѣла въ Галичѣ устроились въ его пользу мимо Рюрика Ростиславича и что этотъ слабый князь не имѣлъ даже силы возвратить Чернигову обѣщанные города подъ Кіевомъ, вконецъ разссорился съ бывшимъ союзникомъ и не допустилъ его возратиться въ Кіевъ. Онъ понадѣялся тогда на собственную свою силу и лишилъ его кіевскаго престола, самъ сѣлъ на его мѣсто. Недаромъ же это и былъ старшій наслѣдникъ бывшаго великаго князя Кіевскаго Святослава Всеволодовича, памятнаго „сестричича" Мономаховичей.

Утвердясь въ Кіевѣ, Всеволодъ Чермный послалъ сказать въ Переяславль на Альтѣ и Ярославу Всеволодовичу, чтобы онъ уходилъ по добру по здорову въ свою Залѣскую сторону: *„иди къ отцу своему и Галича подъ моею братьею не ищи; а не оставишь насъ добромъ, пойду на тебя ратью"* и въ опроставшемся Переяславлѣ, этомъ исконномъ наслѣдіи Мономаховичей, посадилъ одного изъ своихъ, изъ Ольговичей. Но Рюрикъ Ростиславичъ призвалъ тогда въ помощь смоленскаго Мстислава Романовича и другаго своего племянника Мстислава Мстиславича Удалаго и обоихъ сыновей своихъ (Ростислава и Владиміра Рюриковичей): совокупными силами имъ удалось выгнать Всеволода Чермнаго изъ Кіева, тогда же и Переяславль на Альтѣ они отвоевали назадъ въ родъ свой.

Но въ зиму (съ декабря 1206-го на генварь 1207 года)

Всеволодъ Чермный навелъ по своему обыкновенію множество Половцевъ и около мѣсяца держалъ Кіевъ въ осадѣ; Рюрикъ впрочемъ похвалился тотъ разъ, что отсидѣлся въ Кіевѣ и что осаждавшіе удалились безъ успѣха. Однако въ концѣ того же года Ольговичи, Всеволодъ Чермный съ братьями и сыновьями и племянниками своими, опять пошли на Рюрика къ Кіеву и начали съ того, что успѣшно воевали въ Поросьѣ подъ Триполемъ; изъ Галича пришелъ къ нимъ сюда въ помощь старшій изъ Игоревичей (Владиміръ) и всѣ вмѣстѣ уже обратились на Кіевъ. Рюрикъ Ростиславичъ, услышавъ что идетъ на него безчисленная рать отовсюду, а помощи ему нѣтъ ниоткуда, удалился по такому безвременью въ свой Вручій; а Всеволодъ Чермный съ союзниками захватилъ кромѣ Кіева, тогда и Бѣлгородъ, откуда выгналъ Мстислава Романовича, ушедшаго опять въ Смоленскъ; кромѣ того выморилъ голодомъ еще и Торческъ, откуда далъ свободный путь Мстиславу Мстиславичу Удалому, ушедшему тогда въ свой Торопецъ — удѣлъ предоставленный ему братіей въ смоленскихъ же владѣніяхъ. Въ короткое время, такимъ образомъ, Кіевское при-Днѣпровье (къ 1208-му году) очутилось въ рукахъ Всеволода Чермнаго.

Не менѣе смутныя дѣла творились въ этотъ самый промежутокъ времени въ Галичѣ и на Волынѣ. Венгерскій король, сжалившійся на первыхъ порахъ надъ Даніиломъ, хотѣлъ было возвратить ему наслѣдіе отца его; но Игоревичи утвердясь въ Галичинѣ послали и не переставали уже посылать дары въ Венгрію, изъявляя готовность оставаться подъ покровительствомъ короля, какъ бы его подручниками: такъ желали бояре. Андрѣй нашелъ не безвыгоднымъ для себя такое подчиненіе Галичины и держалъ при себѣ Даніила, какъ-бы лишь изъ гостепріимства.

Съ другой стороны, не болѣе того оказалъ помощи и самъ Лешко Бѣлый, пріютившій у себя меньшаго Даніилова брата со вдовствующею княгиней. Подъ предлогомъ защиты опекаемыхъ имъ сиротъ и добыванія имъ волостей Романовыхъ, Лешко распоряжался на Волынѣ, какъ у себя дома. Въ томъ ему усердно помогалъ родной племянникъ покойнаго Романа (сынъ Всеволода Мстиславича Александръ Бѣльзскій) желавшій перенять здѣшнія волости въ

свои руки и по возможности вовсе отстранить Романовичей. Подобно тому какъ Игоревичи отдались подъ покровительство Венгерскаго короля, такъ точно и Александръ Бѣльзскій готовъ былъ отдаться подъ покровительство самого Лешка лишь бы, властвуя подъ рукой его, не уступитъ здѣшнихъ владѣній Романовичамъ. Благодаря ему, Лешко съ братомъ своимъ Конрадомъ, заняли Владиміръ-волынскій Польскими войсками, захвативъ тутъ въ плѣнъ одного изъ Игоревичей, посаженнаго изъ Галича (Святослава) и стали распоряжаться Волынскими городами, какъ собственностью Польши: дѣлили ихъ и вновь производили ихъ передѣлы по собственному усмотрѣнію, между потомками Мстислава Изяславича и Ярослава Луцкаго; нѣкоторые же города вовсе выключили изъ этого передѣла, отобравъ ихъ на свою собственную часть.

Волыняне негодовали тогда на это своеволіе Польскихъ князей, Лешка и Конрада, осуждали и *предателя* Александра Всеволодовича, который навелъ ихъ. Вѣдь мы ему довѣрились, говорили они, потому только, что онъ Романовъ племянникъ; а безъ того не дали бы мы Ляхамъ перейти даже и Буга. Въ самомъ Владимірѣ-волынскомъ Ляхи первоначально посадили именно этого подручника своего; въ это же время Лешко взялъ за себя его дочь Гремиславу и прежнее путаное родство Мазовецкихъ князей съ сосѣдями своими Волынскими князьями черезъ этотъ новый бракъ запуталось еще болѣе,—а это въ свою очередь еще болѣе по ихъ мнѣнію давало имъ право распоряжаться Волынью, какъ собственностью Польши. Но вскорѣ старшій въ родѣ между тогдашними волынскими князьями, тотъ самый Ингварь Ярославичъ, который еще въ Романово время мелькомъ побывалъ на Кіевскомъ престолѣ, заявилъ притязаніе на старѣйшинство; во Владиміръ-волынскій и былъ переведенъ Ингварь Ярославичъ Луцкій—однако жъ не надолго. Польскіе опекуны вскорѣ опять передумали и на здѣшній престолъ снова былъ возвращенъ Александръ Всеволодовичъ, тесть Лешка, а Ингваря отправили назадъ въ Луцкъ: младшій же его братъ Мстиславъ прозвищемъ Нѣмой сидѣлъ въ Пересопницѣ.

Малолѣтнему Васильку Романовичу Польскіе его опекуны дали въ удѣлъ лишь Берестье (Брестъ) и то по настоятельному

требованію самихъ жителей. Берестяне, испуганные тѣмъ, что земли по сосѣдству съ ними Ляхи взяли въ свои руки, желали у себя видѣть своихъ прирожденныхъ князей, потребовали чтобы имъ отдали сиротъ Романа,—и привелось исполнить ихъ требованіе. Когда Романова вдова перебралась сюда на жительство и привезла съ собой малолѣтняго Василька, Берестяне устроили имъ торжественную встрѣчу, радостно заявляя, что въ лицѣ ихъ *„вжившъ видятъ великаго Романа“*. А вдовствующая княгиня не переставала жаловаться на польскую родню: „отдали Александру всю нашу вотчину, а сыну моему одинъ только Брестъ“ и ссылалась о томъ съ Лешкомъ: опекунъ, придавъ тогда своему тестю нѣсколько лишнихъ городовъ, велѣлъ ему уступить Бѣльзъ въ пользу Романовичей.

А захваченный въ плѣнъ, при взятіи Владиміра-волынскаго, Святославъ Игоревичъ вскорѣ возвратился въ Галичину къ своимъ братьямъ—не на радость ни имъ ни себѣ. Тамъ бояре, враждуя между собой, ссорили князей другъ съ другомъ. Пока Игоревичи управляли Галичиной, усобицы между ними не прекращались. Одинъ изгонялъ другого изъ одного города въ другой; всякому хотѣлось всѣ волости перенять отъ братіи въ свои руки; всякій изъ нихъ, какъ бы чередуясь, возвышался въ ущербъ другимъ, а потомъ лишался даже и послѣдняго, — всѣ они не одинъ разъ убѣгали изъ своихъ удѣловъ и вновь возвращались назадъ. Галичане непрестанно обращались съ жалобами на нихъ въ Венгрію и утруждаемый ими Король рѣшился наконецъ избавиться отъ Игоревичей поставить въ Галичѣ прямо отъ себя собственнаго намѣстника. Туда былъ отправленъ одинъ изъ знатнѣйшихъ венгерскихъ Бановъ *Бенедиктъ Бора*, снабженный отъ короля великими полномочіями.

Вмѣшательство въ южныя распри Всеволода Юрьевича. Великій князь Всеволодъ Юрьевичъ рѣшился наконецъ выдти изъ того бездѣйствія, которое будто поставивъ себѣ въ правило, соблюдалъ втеченіи многихъ лѣтъ, вовсе не вмѣшиваясь въ дѣла южной Руси. По возвращеніи своего сына Ярослава Всеволодовича, изгнаннаго изъ Переяславля на Альтѣ, слыша о водвореніи въ Кіевѣ Всеволода Чермнаго и о всеобщемъ почти господствѣ повсюду, вклю-

чительно съ Галичемъ, однихъ Ольговичей, онъ сказалъ: *„Или развѣ однимъ имъ вотчина тамошняя земля, а намъ не отчина“?* И такое слово великаго князя, промчавшись изъ края въ край по всей Русской землѣ, сейчасъ же ободрило на югѣ всѣхъ Мономаховичей и привело въ смущеніе черниговскихъ князей. Сила съ сѣвера на югъ двинулась тогда великая. Велѣно было идти Новгородцамъ и Псковичамъ, Ладожанамъ и Новоторамъ и ратникамъ Тверскихъ мѣстъ: ихъ повелъ старшій Всеволодовъ наслѣдникъ, его сынъ-первенецъ Константинъ и сталъ на полпути, сжидаясь съ отцемъ подъ Москвою. Самъ Всеволодъ Юрьевичъ выступилъ съ Суздальскими и Ростовскими и прочими Владимірскими полками; ихъ вели оба старшіе, слѣдовавшіе за Константиномъ, два его сына: Юрій и Ярославъ,—съ отцемъ въ походѣ былъ и младшій Владиміръ. Въ Пронскъ, Рязань и Муромъ также было послано повелѣніе великаго князя: спѣшить къ нему на соединеніе.

Въ Москвѣ оба главныхъ воинства совокупились; тутъ Всеволодъ Юрьевичъ далъ отдыхъ на цѣлую недѣлю; сдѣлавъ милостивый смотръ полкамъ Константина, онъ хвалилъ посадника и бояръ новгородскихъ за ихъ послушаніе и устроилъ для нихъ пиръ великій; вообще эта московская стоянка для всѣхъ была радостна. Отсюда спустились къ Окѣ, гдѣ насупротивъ чернигово-рязанскаго берега и расположились шатрами въ тамошнихъ заливныхъ лугахъ; сюда къ нимъ должны были подойти всѣ подручные князья, ходившіе въ полной волѣ Всеволода Юрьевича.

Но походъ, предпринятый противъ Чернигова, вдругъ совершенно неожиданнымъ для всѣхъ образомъ—обрушился на Рязань.

Ея князья были изстари неразрывны съ Черниговскими, а въ послѣднее время связи между ними еще и усилились. Великій князь, заподозривъ нѣкоторыхъ изъ своихъ подручниковъ въ измѣнѣ, пріостановилъ походъ. Стали дознаваться и производить слѣдствіе; открылось, что нѣкоторые изъ нихъ дѣйствительно находились въ сносѣ со Всеволодомъ Чермнымъ; наконецъ было несомнѣнно доказано, что Всеволодъ Чермный дѣйствительно возбуждалъ Рязанцевъ противъ великаго князя и имѣлъ доброжелателей на Рязанѣ. Тогда Всеволодъ Юрьевичъ, вѣрный своему правилу:

предпочитать дѣла, ближе его касающіяся, всѣмъ прочимъ— вмѣсто того, чтобы вступить въ землю Вятичей, поворотилъ Окой къ Коломнѣ и пошелъ на Рязань.

Но довольно уже было грознаго объявленія съ его стороны: *„хочу идти противъ черниговскихъ князей, пускай насъ Богъ разсудитъ“;* довольно было его выступленія въ походъ противъ нихъ — и Мономаховичи на всемъ югѣ уже не хотѣли уступать передъ Ольговичами. Втеченіи двухъ лѣтъ, пока Всеволодъ Юрьевичъ велъ эту послѣднюю войну съ Рязанью, кіевскій престолъ чередовался между Всеволодомъ Чермнымъ и Рюрикомъ Ростиславичемъ; Кіевъ переходилъ то къ одному то къ другому изъ рукъ въ руки, то одинъ то другой занимали его изъѣздомъ. Тѣмъ же временемъ чередовались смуты и неурядицы въ Галичѣ и на Волынѣ, усиливаясь со дня на-день.

Галичане, выпроводивъ отъ себя Игоревичей, ничего не выиграли отъ присылки къ нимъ королевскаго намѣстника Бенедикта Бора. Этотъ высокоумный и высокомѣрный Банъ, къ тому же сластолюбивый и женолюбивый, правилъ тутъ какъ въ покоренной странѣ, требуя ото всѣхъ, и отъ бояръ и отъ простыхъ гражданъ—всеобщаго раболѣпства. По обычаю своихъ соочественниковъ-магнатовъ, не только не срамившихся своего безпутства, а еще хвалившихся имъ, также и Бенедиктъ Бора любилъ лишь пиры да веселье и отбивалъ чужихъ женъ насиліемъ. Объ немъ стали говорить въ народѣ, что это не правитель, а „томитель страны“, напослѣдокъ онъ получилъ даже прозвище антихриста: иначе какъ такъ ужъ его не называли. А объ его распутствѣ записано прямо: *„блудъ творя, оскверняху жены“* и прибавлено еще въ видѣ отличія: *„черницы и попадьи“*. Требовалось во что бы то ни стало избавиться отъ такого намѣстника. Галичане стали втайнѣ сноситься опять съ Игоревичами и съ прочими князьями по сосѣдству; обратились между прочимъ къ Пересопницкому князю Мстиславу Нѣмому. Этотъ незначительный князь (младшій сынъ Ярослава Луцкаго, братъ Ингваря) невшутку вообразивъ себя „освободителемъ Галича“ явился на помощь противъ *„антихриста“*, но безъ войска: самихъ дружинниковъ съ нимъ было на перечетъ. Бояре подняли его на-смѣхъ, свидѣвшись съ нимъ ночью на урочищѣ „Галичина мо-

гила“ (извѣстный холмъ, по которому дано было имя самой здѣшней столицѣ); одинъ изъ бояръ взвелъ его на самую вершину холма и поздравилъ: „побывалъ еси, княже, на Галичиной могилѣ, такъ и въ Галичѣ княжилъ еси“.

Счастливѣе въ этомъ случаѣ были его соперники Игоревичи; услыхавъ отъ присланныхъ къ нимъ Галичанъ: „*согрѣшили мы предъ вами, придите къ намъ опять и избавьте отъ томителя*“, братья утвердились между собой особеннымъ договоромъ. Они обѣщали другъ другу не заводить болѣе междуусобій, не искать городовъ другъ подъ другомъ, не заискивать и у короля одинъ передъ другимъ, а общими силами своихъ совокупныхъ дружинъ стоять другъ за друга: крѣпко соблюдать страну, которой было лишились и которая опять сама звала ихъ для освобожденья. Когда Бенедиктъ Бора пришелъ на свое намѣстничество въ Галичь, онъ захватилъ въ ту пору старшаго изъ ихъ братіи (Владиміра Игоревича) безпечно прохлаждавшагося въ банѣ: почти тѣмъ-же отплатили ему въ свою очередь и сами Игоревичи. Они такъ неожиданно овладѣли столицей и до такой степени застигли намѣстника врасплохъ, что „антихристъ“ уже не думалъ о сопротивленіи, а лишь бы спастися: со стыдомъ и позоромъ бѣжалъ въ Венгрію.

На Волынѣ, между тѣмъ, послѣ того какъ одинъ изъ волынскихъ князей, Мстиславъ Нѣмой побывалъ въ Галичинѣ, также зачиналось всеобщее недовольство и разжигалась ненависть противъ „находниковъ Угровъ“; жаловались на отторженіе Галича отъ Волыни. Лешко Бѣлый, здѣшній опекунъ Романова наслѣдства, уже ревниво смотрѣлъ на дѣйствія Андрѣя распоряжавшагося Галичемъ, какъ бы собственностью Венгерской короны. Между ними готова была вспыхнуть война, а возсѣвшій вновь на Кіевскій престолъ Рюрикъ Ростиславичъ вступилъ тѣмъ временемъ и въ свой чередъ въ переговоры съ Венгерскимъ королемъ о Галичѣ. Ставя на видъ сколько хлопотъ надѣлала королю Галичина, онъ предлагалъ съ своей стороны благопріятнѣйшій, по его мнѣнію, исходъ изъ всѣхъ затрудненій. Памятуя, что король при своей ссорѣ изъ-за Галича съ Ляхами готовъ былъ уступить Галичину сыну великаго князя Владимірскаго Ярославу Всеволодовичу, Рюрикъ началъ хлопотать за

собственнаго своего сына,—о томъ, чтобы Галичъ былъ уступленъ Ростиславу Рюриковичу, такъ какъ онъ по своей женѣ Верхуславѣ доводился зятемъ могущественному Всеволоду Юрьевичу. Кромѣ того, что черезъ это доставилъ бы знатный престолъ своему наслѣднику, Рюрикъ Ростиславичъ надѣялся еще этимъ возвратить благоволеніе и опять заслужить дружбу своего свата. Онъ не сомнѣвался, что въ этомъ случаѣ его поддержитъ самъ Великій Князь владимірскій, объявившій тѣмъ временемъ войну Чернигову.

Война Великаго Князя владимірскаго Всеволода Юрьевича противъ Рязани. Но Великій Князь, возвѣстивъ на весь міръ, что идетъ разсудиться судомъ Божіимъ со Всеволодомъ Чермнымъ и доказать, что не однимъ черниговскимъ князьямъ, а также и ему южная русь приходится вотчиной, однимъ словомъ объявивъ войну Ольговичамъ, — послѣ того какъ расположился станомъ на Окѣ—не двигался далѣе *).

---

*) Въ числѣ рязанскихъ князей, позванныхъ Великимъ Княземъ въ этотъ походъ (конецъ 1207 и начало 1208 года) изъ стариковъ, съ которыми ему прежде приходилось имѣть дѣло, пришли двое: старшій всѣхъ *Романъ Глѣбовичъ*, старинный Всеволодовъ непріятель, зять бывшаго великаго князя Кіевскаго (Святослава Всеволодовича „сестричича“) и младшій братъ, самый меньшой въ ихъ семьѣ: *Святославъ Глѣбовичъ*,—прочихъ ужъ не было въ живыхъ. Отъ скончавшагося Игоря Глѣбовича пришли двое его сыновей: (*Иньварь* и *Юрій Игоревичи*), а отъ скончавшагося Владиміра Глѣбовича—также двое: *Глѣбъ Владиміровичъ* и *Олегъ*, отъ сихъ двухъ и начались тогда свары противъ своихъ братій и злобные на нихъ доносы, возмутившіе великаго князя противъ Рязани. Особливо былъ въ томъ повиненъ Глѣбъ Владиміровичъ, (на котораго уже было обращено вниманіе при описаніи Константиновой свадьбы) стяжавшій вскорѣ скорбное проименованіе втораго Святополка-Окаяннаго. Памятенъ между рязанскими Глѣбовичами еще пятый ихъ братъ Всеволодъ; но этотъ князь въ самое это время лежалъ боленъ при смерти и вскорѣ скончался; а сынъ его, именовавшійся *Киръ-Михаилъ Всеволодовичъ* отказался придти къ великому князю, бывъ тогда молодымъ супругомъ, а именно женившись на дочери Всеволода Чермнаго: онъ отказался воевать противъ своего тестя. У покойнаго Владиміра Глѣбовича, кромѣ упомянутыхъ сыновей: Олега и „злодѣя Глѣба“ были еще двое — *Константинъ* и *Изяславъ Владиміровичи;* первый изъ нихъ былъ другомъ-же Глѣба и приспѣшникомъ его злодѣяній, а *Изяславъ Владиміровичъ* вышелъ не въ братьевъ. Его любили въ народѣ, самъ народъ и ввѣрилъ Изяславу Владиміровичу защиту Пронска, и онъ храбро бился за Прончанъ въ эту злополучную войну. Слѣдуетъ еще

Въ воинствѣ длилось всеобщее недоумѣніе: жаловались на медленность, роптали противъ нерѣшительности и всѣ считали отказъ отъ похода на Черниговъ стыдомъ и позоромъ.

Слышно было, что самъ Константинъ, старшій сынъ Великаго Князя, вступилъ въ споры съ отцемъ по этому поводу. Въ полкахъ огласилось, что Глѣбъ Владиміровичъ съ Олегомъ оговорили свою братію и дядей своихъ (стариковъ Романа и Святослава Глѣбовичей) будто они состоятъ въ заговорѣ со Всеволодомъ Чермнымъ и обѣщались передаться на его сторону, предать ему и самого́ Великаго Князя, какъ только начнется война и противники сойдутся. Но всѣ знали и то, что сами рязанскіе князья (старики Романъ и Святославъ Глѣбовичи) слезно просили Великаго Князя не вѣрить такой взводимой на нихъ клеветѣ и готовы были подтвердить присягой, что въ заговорѣ со Всеволодомъ Чермнымъ они не состоятъ, хотя и въ самомъ дѣлѣ сносились съ нимъ по общимъ черниговскимъ и рязанскимъ дѣламъ, въ чемъ и не отрицались.

У отца съ сыномъ по этому поводу вышла напослѣдокъ полная размолвка; Константинъ повторялъ вслухъ: „если отецъ хочетъ овладѣть Рязанью—ни кому же, какъ только самому себѣ тѣмъ вредъ чинитъ“. Похоже было, рязанскіе князья точно переговаривались съ черниговскими о томъ, что хотѣли бы они управляться сами о себѣ, а не тянуть всѣми своими волостями ко Владимірскому княженью, а этимъ ихъ не переставали укорять черниговцы,—но другихъ заговоровъ и не было. Похоже было на правду еще и то, что привлеченные къ этому походу противъ воли, они не желали успѣховъ Великому Князю и въ случаѣ его неудачи вѣроятно бы очутились на сторонѣ его противниковъ; но кромѣ этого, ихъ ни въ чемъ нельзя было заподозрить: больше этого ничего не открылось въ ихъ мнимомъ заговорѣ. Самый отказъ Киръ-Михаила Всеволодовича вы-

---

замѣтить для полноты, что старикъ *Святославъ Глѣбовичъ* не только пришелъ самъ, но привелъ Великому Князю въ этотъ походъ и сыновей своихъ: *Мстислава* и *Ростислава*; у братьевъ-же *Ипваря* и *Юрія* (дѣти умершаго Игоря Глѣбовича), пришедшихъ по зову Великаго Князя, остались дома на Рязанѣ и еще два брата: *Романъ* и *Глѣбъ*. Перечисливъ ихъ во всей подробности, далѣе можно будетъ уже и не упоминать всѣхъ поименно при описаніи самого́ похода.

ступить въ походъ нельзя было принять за бунтъ и мятежъ противъ Великаго Князя, такъ какъ зять Всеволода Чермнаго объявилъ о себѣ прямо, что не хочетъ только поднимать оружія противъ своего тестя, но не будетъ и помогать ему противъ Великаго Князя, котораго чтитъ за отца. Тѣмъ не менѣе однако осторожный Всеволодъ Юрьевичъ поступилъ по-своему: всѣхъ князей, пришедшихъ къ нему съ Рязани, а также ихъ бояръ, отослалъ плѣнниками во Владиміръ и велѣлъ содержать подъ стражей; взялъ съ собой только доносчиковъ Глѣба и Олега Владиміровичей и повелъ войска усмирять *„буйныхъ и гордыхъ рязанцевъ“*.

Прежде всего подступили къ Пронску, гдѣ хотѣли захватить главнаго ослушника Киръ-Михаила Всеволодовича; но этотъ князь, какъ только услыхалъ о заточеніи своихъ дядей и двоюродныхъ братьевъ во Владимірскія тюрьмы, убѣжалъ ко Всеволоду Чермному, своему тестю. Пронскъ, благодаря особенно той ожесточенности, съ которою воевали тутъ сами здѣшніе земляки Глѣбъ и Олегъ Владиміровичи, былъ взятъ, не смотря на отчаянное сопротивленье. Здѣсь Великій Князь посадилъ княжить одного изъ доносчиковъ (Олега Владиміровича, который впрочемъ вскорѣ умеръ), а взятую въ плѣнъ дочь Чермнаго, Вѣру Всеволодовну, княгиню Киръ-Михаила, и всѣхъ его плѣненныхъ бояръ отправилъ для заточенія во Владиміръ; потомъ разсадилъ своихъ собственныхъ посадниковъ и тіуновъ по всей области и двинулся на Рязань. Уже были отъ нея въ двадцати верстахъ и готовились перейти рѣку Проню: тутъ пришли къ Великому Князю смирившіеся Рязанцы, привели съ собой и нарочитыхъ пословъ отъ своего Епископа *), кланялись и умоляли не губить ихъ города. Рязанскій епископъ (Арсеній) уже не одинъ разъ присылалъ къ нему свои увѣщательныя грамоты и теперь говорилъ черезъ посланныхъ: „Князь Великій и Господинъ нашъ! не опустоши мѣстъ честныхъ и не пожги святыхъ Божіихъ церквей: въ нихъ жертва Богу приносится и молитва о тебѣ, Князѣ! волю твою всю сотворимъ: такъ и будетъ, какъ ты самъ хочешь“. Всеволодъ Юрьевичъ остался доволенъ изъявле-

---

*) О назначеніи въ Рязанскую область епископа, независимо отъ Черниговской епархіи, см. выше примѣчаніе къ стран. 66.

ніемъ такой покорности и обратилъ гнѣвъ на милость; велѣно было сняться всѣмъ полкамъ и отъ здѣшнихъ мѣстъ отступить къ Коломнѣ, туда же быть и всѣмъ просителямъ—для переговоровъ. А было тогда уже позднее время года—не къ теплу, а къ морозамъ, то самое непогодье, о которомъ извѣстна пословица: „Введенье ломаетъ леденье“. Ока еще не стала, а ужъ заледенѣла. Великій Князь простоялъ два дня на берегу въ шатрахъ, лишь на третьи сутки удалось всему воинству, по усилившемуся морозу, переіти рѣку и вошли въ Коломну; а въ ту же ночь поднялась буря, къ утру пошелъ сильный дождь и всю рѣку взломало. Епископъ Арсеній и Рязанцы, съ опасностью жизни, переѣхали рѣку ужъ въ лодкахъ. Арсеній благодарилъ великаго князя за оказанную милость, но просилъ помиловать и до конца: возвратить плѣнныхъ князей и ручался за ихъ вѣрность. Тронувъ великаго князя своими умильными рѣчами даже до слезъ, смиренный владыко говорилъ ему въ такихъ словахъ: „Остави гнѣвъ твой на нихъ и пріими ихъ въ любовь, да и Всевышній тебѣ твои вины предъ Нимъ отпуститъ. Отврати ухо твое отъ клеветниковъ, они-бо притворною вѣрностью и ласкательными словами—не о благѣ отечества радѣютъ, а себѣ только добра хотятъ. Богъ тебя поставилъ, княже великій, владыкою земли судить людямъ въ правду; надлежитъ тебѣ наказывать виновныхъ: самъ Богъ то повелѣваетъ,—но притомъ должно и милость хранить и не всегда яростію наказывать. Я же смиренный твой богомолецъ, будучи умоленъ и посланъ отъ всѣхъ людей Рязанскихъ, не властію пришелъ повелѣвать—сего намъ отъ Бога не дано—но съ кротостью и слезами прошу и молю принять слово мое“.

Всеволоду Юрьевичу понравились эти рѣчи и онъ вновь подтвердилъ епископу, что по его пастырскому заступленію и по раскаянію самихъ Рязанцевъ онъ согласенъ дать имъ полный миръ—лишь бы они впередъ не замышляли противъ его княжьей власти и не противились бы его волѣ. Епископъ бралъ ужъ это на себя и обязывался утвердить весь народъ крѣпкою присягой. Что же касается однако до плѣненныхъ князей, Всеволодъ Юрьевичъ обѣщался подумать объ этомъ послѣ, а не теперь; теперь-же не только не исполнилъ просьбы Арсенія, принесенной отъ имени всѣхъ Рязанцевъ,

а потребовалъ еще отъ нихъ, чтобы они немедленно же забрали остальныхъ своихъ князей и княгинь и прислали бы всѣхъ—да не будетъ мятежей въ рязанской землѣ—къ нему во Владиміръ. Въ самый праздникъ Введенія (21 ноября) воинство съ великимъ княземъ изъ Коломны прибыло въ столицу—„и была радость великая во Владимірѣ“. Здѣсь Всеволодъ Юрьевичъ вновь пожаловалъ милостью, благодарилъ Псковичей и Новгородцевъ, дѣлившихъ съ нимъ трудности похода и распустилъ во-свояси; особенно обласкалъ онъ тогда раненныхъ изъ нихъ и нѣкоторыхъ оставилъ даже у себя въ столицѣ на собственномъ своемъ иждивеніи впредь до ихъ излѣченія.

Рязанцы, между тѣмъ, по возвращеніи къ нимъ Арсенія, выслушали какія новости привезъ имъ архипастырь отъ великаго князя и стали совѣщаться на своихъ вѣчахъ. Сдумавши тотъ разъ, они не нашли возможнымъ ослушаться великаго князя: *„поимаша останокъ князей и княгинь своихъ и послаша ихъ во Владиміръ“*. Такое быстрое и точное исполненіе великокняжеской воли, можно бы сказать, изумило самого Всеволода Юрьевича. Повидимому, онъ никакъ не ожидалъ такой покорности отъ „буйныхъ и гордыхъ рязанскихъ мужей“; повидимому же ничѣмъ не могъ и объяснить такой покорности съ ихъ стороны, какъ только тѣмъ развѣ, что зависимый отъ него Епископъ—уже не черниговскій, а рязанскій—Арсеній привелъ ихъ къ ротѣ на этотъ разъ по всей правдѣ: то-есть такъ именно, какъ самъ онъ съ нимъ сговаривался лично во время коломенскаго свиданья. Въ ту же зиму (съ декабря 1207 на январь 1208 года) Всеволодъ Юрьевичъ послалъ княжить въ Рязань своего собственнаго сына—лишившагося передъ тѣмъ Переяславля на Альтѣ—Ярослава Всеволодовича. Рязанцы, хотя не безъ удивленія, однакоже и безъ сопротивленія приняли дарованнаго имъ съ чужи князя, цѣловали ему крестъ и въ народѣ не было особыхъ неудовольствій по этому поводу.

Но случилось то, о чемъ Князю предрекалъ Арсеній, справедливо говоря о клеветникахъ, что они своею притворною вѣрностью и ласкательными словами ищутъ только достигать собственныхъ выгодъ. Доносчикъ Глѣбъ, для того только и обнесшій клеветами всю свою братію, чтобы самому выслужиться передъ великимъ княземъ,—послѣ своихъ

услугъ подъ Пронскомъ уже не сомнѣвавшійся о томъ, что за свою вѣрность будетъ награжденъ Рязанскимъ престоломъ—Глѣбъ Владиміровичъ первый сталъ теперь всюду плодить крамолы по поводу назначенія къ нимъ, въ Рязань, Великокняжескаго сына. Не обличаясь явною измѣной но скрытно содѣйствуя изъ всѣхъ силъ зачинавшейся смутѣ, онъ всюду плодилъ и возбуждалъ тотъ *„смыслъ буй“* и *„духъ гордости“*, который такъ не нравился въ рязанцахъ великому князю. Имя Глѣба Владиміровича уже произносилось въ народѣ, какъ лозунгъ отечественной свободы; въ немъ видѣли стоятеля и поборника за рязанскую землю; а великокняжескому сыну уже грозили опасности: многіе изъ его бояръ-посадниковъ были свергнуты по разнымъ городамъ, другихъ сажали въ погреба, заковывали въ оковы и морили голодомъ; начались по всей странѣ кровопролитныя возстанія и все указывало, что готова была вспыхнуть въ Рязанской землѣ еще небывалая смута.

Какъ только обнаружилось для великаго князя, что онъ напрасно положился на вѣрность Рязани и ошибся въ ея преданности, еще рано похвалился ея полнымъ усмиреніемъ—уже не было мѣры его негодованью. Словно, давъ зарокъ себѣ, что теперь ужъ его не обманутъ „буйные и гордые рязанцы“, ни даже самъ ихъ смиренный заступникъ епископъ Арсеній—Великій Князь самъ лично повелъ опять походъ на Рязань и объявилъ ей лютую и безпощадную брань. Когда подступили къ обреченной на гибель здѣшней столицѣ, сынъ его Ярославъ Всеволодовичъ вышелъ къ отцу навстрѣчу и думалъ еще склонить къ примиренію; скрывъ по возможности виновниковъ, увѣрялъ онъ отца въ общей покорности всѣхъ жителей, и даже привелъ ихъ къ нему съ собою, чтобы сами они собственнымъ челобитіемъ оправдали его ходатайство за нихъ передъ грознымъ Великимъ Княземъ. Но самыя рѣчи и оправданія челобитчиковъ показались Всеволоду Юрьевичу дерзки и мятежны; онъ разгнѣвался еще болѣе и, за ихъ непокорство, грозилъ всеобщимъ раззореніемъ страны. Жителямъ велѣно было немедленно очистить городъ, выдти изъ него вонъ „со всѣми товарами своими“—и войску приказано жечь городъ: вся Рязань была пущена на дымъ. Отъ нея перешли къ здѣшнему Бѣлгороду: та же участь постигла и этотъ городъ. *„Всю рязанскую*

землю положилъ пусту“ сказано объ этомъ его походѣ. Множество „буйныхъ и гордыхъ Рязанцевъ“ по разнымъ городамъ были захвачены съ женами и дѣтьми и отосланы во Владимірское княжество для ихъ разселенія по отдаленнѣйшимъ городамъ. Тогда же великій князъ забралъ знатнѣйшихъ бояръ Рязанскаго княжества, съ ними и самого́ ихъ епископа Арсенія—и повелъ плѣнниками во Владиміръ.

Изъ князей, уцѣлѣвшихъ на Рязанѣ отъ этого погрома, лишь двое пробовали еще потомъ продолжать сопротивленье: Изяславъ, единственный изъ четверыхъ сыновей Владиміра Глѣбовича, чуждавшійся козней и коварства своихъ братьевъ (Глѣба, Олега и Константина) и прославившійся въ началѣ этой войны молодецкою обороной Пронска; а другой былъ Киръ-Михаилъ Всеволодовичъ, укрывшійся къ своему тестю Всеволоду Чермному и возвратившійся потомъ на родину княжить на ея развалинахъ и пепелищахъ. Въ зиму (съ декабря 1209 на генварь 1210-го г.) оба эти князя, отомщая сожженіе Рязани, вторглись съ рязанскаго берега Оки въ открытые нехранимые предѣлы, составлявшіе тогда югозападную окраину Владимірскаго княжества и жгли села подъ Москвою. Великій князь выслалъ противъ нихъ одного изъ сыновей своихъ (Юрія) и онъ безъ труда прогналъ обоихъ, сильно погромивъ тотъ разъ всю дружину Изяслава Владиміровича; а Киръ-Михаилъ Всеволодовичъ безнаказанно ушелъ опять за Оку на свою рязанскую сторону. Въ томъ же году (1210-мъ и въ зиму на 1211 г.) продолжались походы на Рязань, но уже съ меньшею силой. Не самъ лично, аославъ воеводу (меченосца своего Козьму Радшича) Всеволодъ Юрьевичъ довоевывалъ дальній конецъ рязанскихъ владѣній, еще не тронутый его собственнымъ походомъ—въ нынѣшнихъ Спасскихъ мѣстахъ. Приведено было и оттуда, для разселенія во Владимірскомъ княжествѣ, „великое множество плѣнныхъ“. Такъ окончилась эта злополучная война съ Рязанью полнымъ ея раззореніемъ и задержаніемъ въ плѣну почти всѣхъ князей ея. Оба старика, Романъ Глѣбовичъ и Святославъ Глѣбовичъ, такъ и не повидали больше своей родины: оба кончили дни во Владимірскомъ заточеніи. Младшіе князья были освобождены вскорѣ, но уже по смерти Всеволода Юрьевича дѣтьми его.

Правъ ли онъ былъ, считая Рязанское княжество болѣе

неспособнымъ держаться своими собственными князьями и обходясь съ ними сурово, можно бы сказать, отвѣтъ на это не замедлился—хотя послѣдовалъ при его дѣтяхъ, именно по освобожденіи этихъ несчастныхъ рязанскихъ князей. Возвратясь къ себѣ на родину, почти всѣ они были перебиты злодѣемъ Глѣбомъ Владиміровичемъ. Заманивъ ихъ къ себѣ на родственное пиршество, онъ устроилъ на нихъ засаду и облаву. Прежній его сообщникъ Олегъ уже умеръ тогда; но онъ нашелъ приспѣшника своихъ злодѣяній въ другомъ своемъ братѣ Константинѣ. Они сговорились вдвоемъ: *„избить свою братью и перенять всѣ ихъ волости въ свои руки“;* на кровавый пиръ собрали тогда множество дружинниковъ и пригласили еще союзныхъ Половцевъ. Когда родня съѣхалась и во всѣхъ шатрахъ открылся пиръ на весь міръ, князья-братоубійцы первые—по заранѣе условленному уговору—дали знакъ обнаживъ мечи свои—и началось повальное избіеніе пировавшихъ: прежде умертвили князей, а потомъ и всѣхъ бояръ ихъ. Тутъ былъ убитъ родной братъ злодѣевъ: палъ подъ ихъ мечами доблестный и добродушный Изяславъ Владиміровичъ и Киръ-Михаилъ Всеволодовичъ и прочіе. Глѣбовы слуги-дружинники и участники пира Половцы соревновали другъ передъ другомъ въ этомъ кроворазлитіи. Глѣбу хотѣлось *избить всю свою братью* но князей было убито... только шестеро; бояръ-же ихъ и дружинниковъ — безъ числа. Званъ былъ и Ингварь Игоревичъ на этотъ пиръ, также и онъ находился въ числѣ приглашенныхъ; но случайно замѣшкался и опоздалъ на приглашеніе: одинъ онъ и спасся тогда. Князья-убійцы, убѣжавъ съ Половцами въ ихъ степи, тогда и захоронились между ними. Впослѣдствіи Глѣбъ пришелъ съ Половцами войною на Ингваря Игоревича,—но Богъ далъ Ингварю полную побѣду. Половцы были разбиты наголову: одну половину ихъ перебили, а другую половину захватили въ плѣнъ, а *„самъ окаянный вмалѣ утече“*. Послѣ того, Глѣбъ и вѣкъ свой доканчивалъ въ пустынѣ на окраинѣ тогдашнихъ рязанскихъ владѣній, въ нынѣшнихъ Воронежскихъ мѣстахъ. То были дальнія и незнаемыя степи, вѣдомыя тогда однимъ лишь Половцамъ; тамъ онъ и погибъ въ разстройствѣ и помѣшательствѣ ума своего, *„обезумивъ, тамъ и скончася“*.

Дальнѣйшія смуты и замѣшательства въ Галичѣ и всей южной Руси. Въ тѣ же годы, когда на сѣверѣ не прекращалась война Всеволода Юрьевича съ Рязанью (отъ зимы съ декабря 1207-го на генварь 1208 года и до зимы съ декабря 1210-го на генварь 1211 года) смуты на югѣ осложнялись все болѣе и болѣе. Хотя Рюрикъ Ростиславичъ не допустилъ на первыхъ порахъ Всеволоду Чермному овладѣть Кіевомъ, но все время они уже и не переставали воевать другъ съ другомъ. Сынъ его Ростиславъ Рюриковичъ, благодаря удавшимся переговорамъ отца съ Венгерскимъ королемъ Андрѣемъ, дѣйствительно побывалъ на Галичскомъ престолѣ; но попавъ въ Галичъ, оставшійся празднымъ лишь по междуусобію Игоревичей, ихъ-же братьею онъ и былъ выгнанъ оттуда — какъ только они возвратились. Про Галичьское княженье Ростислава Рюриковича, такимъ образомъ, можно сказать то же, что и про самое сидѣнье его на Кіевскомъ престолѣ: то и другое не успѣвъ обозначиться ничѣмъ ровно, отличалось лишь мимолетною кратковременностью своей.

А Игоревичи, попавъ сюда напослѣдокъ по зову самого́ народа, начали и свое новое княженіе совсѣмъ по новому: стало узнать нельзя ихъ грознаго и суроваго управленія противъ прежняго. Прежде, на половину подвластные Венгерскому королю, а на половину подчиненные самимъ здѣшнимъ боярамъ, призвавшимъ ихъ къ себѣ, вся ихъ братія и была жалкимъ игралищемъ враждующихъ боярскихъ сторонъ, соперничествовавшихъ одна противъ другой и всякая со всѣми: теперь было не то. Явно было, что хотѣли они теперь утвердиться въ здѣшней странѣ уже съ помощью самого́ здѣшняго народонаселенія, а не по королевской милости и не по волѣ бояръ. Игоревичи начали проявлять свою власть гордо и грозно.

Король уже почиталъ ихъ теперь бунтовщиками противъ своего величества и мятежниками противъ верховныхъ правъ Венгріи на Галичину; за бунтовщиковъ-же почитали ихъ теперь сами бояре: за мятежниковъ противъ утвержденнаго королемъ здѣшняго ихъ боярскаго господства. Игоревичи не только больше не слушались бояръ, а выказывали къ нимъ намѣренное пренебреженье, преслѣдовали ихъ и губили нещадно, казнили за малѣйшее сопротивле-

ніе: словно вновь наступили суровыя времена Романа Мстиславича. „*Совѣтъ сотвориша Игоревичи на бояре галичьскіе: да изобьютъ ихъ; по прилучаю и избіени быша; убьенъ же бысть Юрьи Витановичъ, Илія Щепановичъ* (прославившійся остротою, сказанной имъ Нѣмому о Галичиной могилѣ) *и иніи велиціи бояре; убьено же ихъ бысть числомъ 500, а иніи разбѣгошася*“. Даже тотъ бояринъ, который съ самаго начала и склонилъ всѣхъ Галичанъ въ пользу Игоревичей, знавшій ихъ смолоду еще Новгородсѣверскими князьями, когда мать ихъ была жива, дочь Ярослава Осмомысла — самъ этотъ знатный *Володиславъ-бояринъ* и подвергнулся первый гнѣву Игоревичей. Онъ спасся однако, успѣлъ отъ нихъ убѣжать за Карпаты,— и изъ ихъ союзника обратился въ ихъ злѣйшаго врага. Съ нимъ бѣжали еще Филиппъ да Судиславъ и прочіе, подобные имъ бояре, — и всѣ вмѣстѣ поклялись на прощаньи, что дадутъ же себя знать этимъ... вздумавшимъ еще изъ себя корчить Романа Мстиславича: ожесточеніе въ боярахъ противъ Игоревичей было безмѣрное.

Въ Венгріи Володиславъ не бездѣйствовалъ. Искусно задѣвая самолюбіе короля неотступными напоминаніями объ Игоревичахъ, что въ явное нарушеніе королевскихъ правъ и въ противность его верховной воли они самодержавствуютъ въ Галичѣ, Володиславъ умолялъ Андрѣя дать ему небольшое войско и отпустить съ нимъ только десятилѣтняго Даніила и ручался, что вся Галичина въ самое короткое время опять будетъ у ногъ его величества. Андрѣй и въ самомъ дѣлѣ желалъ такъ или иначе устроить судьбу опекаемаго имъ Романова наслѣдника; ходили даже слухи, что онъ намѣренъ былъ обручить Даніила со своею дочерью и отдать за ней Галичъ ему въ приданое—и королю понравилось предложеніе Володислава. Дѣйствительно, онъ далъ ему надежную дружину изъ Венгровъ и отпустилъ съ нимъ въ путь съ „*великой любовью*“ названаго своего сына, вступившаго въ отроческій возрастъ, Даніила.

Первый городъ оказавшій имъ сопротивленіе, послѣ того какъ они перевалили за Карпаты, былъ Перемышль, а потомъ Звенигородъ,—оба сдались не сразу. Напрасно, указывая осажденнымъ жителямъ на Даніила, увѣщевали ихъ именемъ „*прирожденнаго ихъ князя*“: осажденные крѣпко

держались здѣшняго Игоревича. Они видѣли передъ собой скакавшихъ фаревщиковъ: угорскую конницу и королевскія знамёна; слышали, что въ воеводахъ пришли: великій Банъ Потъ, а съ нимъ Туровичъ и Банко, третій Мика, четвертый Лотохоротъ, пятый Мокьянъ, шестой Тибрецъ, седьмой Марцелъ и *„иніи мнозіи, ихъ же не можно ни сказати ни писати“* и не сдавались, крѣпко стояли за Святотослава Игоревича. Тогда Володиславъ-бояринъ самъ приблизился къ городской стѣнѣ и говорилъ: „что вы, братья, смущаетесь? не чужіе ли зашельцы владѣютъ нашимъ отечествомъ? не они ли избили вашихъ отцевъ и братьевъ! и ваши имѣнья разграбили! дочерей вашихъ своимъ рабамъ раздавали! За нихъ ли хочете души свои положить?“ и эти льстивыя рѣчи подѣйствовали на народъ. Вспомнили и въ самомъ дѣлѣ недавніе прошлые годы смутнаго правленія Игоревичей, когда по ихъ междуусобіямъ и по боярскому своеволію и подчиненію Уграмъ—въ самомъ дѣлѣ не прекращались тѣ самые ужасы, о которыхъ напомнила имъ хитрая рѣчь Володислава; въ горожанахъ проснулась совѣсть кровавить руки противъ Даніила, сына великаго-Романа,—и напослѣдокъ они отворили городъ. Бѣднаго здѣшняго князя (Святослава Игоревича) Венгры не выпустили, а взяли въ плѣнъ. Подъ Звенигородомъ дрались еще упорнѣй; осажденные не подпускали даже близко къ своимъ стѣнамъ и дѣлали отчаянныя вылазки; кровопролитіе подъ Звенигородомъ не унималось долго. Здѣшній князь (Романъ Игоревичъ) успѣлъ еще въ свою защиту пригласить и Половцевъ: *„дикіе“* помяли тогда угорскихъ фаревщиковъ; Мика, прободенный копьемъ, не могъ уже спастися: *„дикіе“* ему сняли голову; а Марцелъ, потерпѣвъ страшный уронъ и потерявъ знамя, тѣмъ только и спасся, что убѣжавъ скрылся *„въ колымаги свои, рекше въ станы“*. Но, заслышавъ приходъ своего Даніила, поднялись теперь противъ Игоревичей сами Волынцы: на Волынѣ весь народъ былъ расположенъ въ пользу Романовичей. Завидуя, что богатая Галичина сдѣлалась почти собственностью Венгріи, спѣшилъ тогда и распорядитель Волыни, другой опекунъ Романовичей, Лешко Бѣлый, участвовать въ выгодахъ этого ополченія. *„И бысть зависть Ляхомъ“*: спѣшили и Ляхи вмѣшаться въ эту войну. Подошли сюда Ингварь Луцкій и Мстиславъ

Нѣмой; малолѣтній Василько прислалъ изъ Бѣльза навстрѣчу къ брату и свою дружину. Трудно было устоять Звенигороду. Романъ Игоревичъ, боясь напослѣдокъ той же участи, которая постигла его брата въ Перемышлѣ, сказавшись горожанамъ что идетъ за помощью, выбѣжалъ изъ города; но дорогою попался въ плѣнъ и былъ приведенъ къ Угорскимъ воеводамъ. Тогда союзники послали сказать горожанамъ: „уже князь вашъ взятъ, сдавайтесь“; они не повѣрили сначала и продолжали за него биться, но когда ихъ въ томъ убѣдили воочью — послѣдовалъ и Звенигородъ примѣру Перемышля. Третій братъ старшій Владиміръ Игоревичъ, сидѣвшій въ самомъ Галичѣ, не сталъ и дожидаться участи своихъ братьевъ, безъ боя уступилъ столицу приближавшемуся непріятелю и искалъ спасенія въ бѣгствѣ; настигнутый, едва не попался въ плѣнъ и спасся лишь быстротою коня.

Такимъ образомъ, въ Галичѣ совершилось наконецъ то, о чемъ вдова Романова, измученная напраснымъ ожиданіемъ въ пятилѣтнюю разлуку съ сыномъ, не смѣла больше и думать: ея первенецъ Даніилъ торжественно вступилъ въ Галичъ и былъ посаженъ на столѣ отца своего, великаго князя Романа въ соборной церкви Богородицы,—сейчасъ же и сама княгиня явилась въ Галичъ. Ребенокъ не узналъ матери; но, по выраженію исторіографа, „тѣмъ болѣе изъявилъ чувствительности, услышавъ отъ нея имя сына и видя ея радостныя слезы“. Боярамъ однакожъ не понравился пріѣздъ этой своенравной матери и *„хотѣвшая княжити сама“* была сейчасъ же удалена ими. Даніилъ плакалъ разставаясь съ нею, не хотѣлъ безъ нея оставаться въ Галичѣ; когда ее провожали на выѣздѣ, онъ, ѣдучи съ ней рядомъ, не отпускалъ отъ себя матери и цѣплялся за складки ея платья; одинъ изъ бояръ ухватилъ его коня за поводъ чтобы отвести силой: десятилѣтній всадникъ замахнулся на него мечемъ, ударъ однакожъ скользнулъ мимо, ранивъ коня боярскаго; мать сама вырвала мечъ изъ рукъ сына и насилу уговорила остаться въ Галичѣ;—сама-же по возвращеніи къ Васильку въ Бѣльзъ немедленно отправилась еще въ Венгрію жаловаться королю Андрѣю на Галичскихъ бояръ, особливо-же на Судислава да Филиппа, а главное на *Володислава-боярина.*

Бояре, дѣйствительно, чего хотѣли—того и достигли: они свергли князьковъ, вздумавшихъ напомнить имъ времена Романа; но ужъ имъ мало было хвалиться сверженіемъ... Игоревичей и издѣваться надъ несчастными: они ужъ требовали ихъ казни. Двое князей оставались послѣ этого похода подъ стражей у воеводъ Угорскихъ; а кто говорилъ: трое и даже четверо. Двое изъ этихъ плѣнниковъ, Святославъ и Романъ, несомнѣнно были сыновья Игоря Сѣверскаго; но кромѣ нихъ могли быть захвачены въ плѣнъ, если не родные ихъ братья, Ростиславъ и Олегъ, то пожалуй кто нибудь еще изъ ихъ племянниковъ. Утверждаютъ за вѣрное, что не два, а три князя были тогда уступлены чуть не на вѣсъ золота Угорскими воеводами въ жертву боярамъ; немудрено, однако, что такіе бояре какъ *Судиславъ и Володиславъ съ товарищи* охотно согласились дать уже, сколько угодно, золота и за двухъ только плѣнниковъ, но такихъ именно — какъ ихъ недруги Романъ и Святославъ Игоревичи. Сначала Угры не соглашались на выдачу Игоревичей, ссылаясь на то, что королевскихъ измѣнниковъ и должно отправить къ королю; но тогда бояре прибѣгли къ подкупу и Угорскіе воеводы *„убѣжени быша великими дарами“* согласились: предали несчастныхъ въ руки злорадныхъ бояръ. Предварительно повѣсивъ, бояре разстрѣляли ихъ изъ своихъ луковъ собственными руками. Послѣ того великій Банъ Потъ, Лотохоротъ и Банко и Марцелъ и прочіе откланялись малолѣтнему Даніилу, посаженику своего короля и отправились во свояси, а Галичемъ—что и требовалось Володиславу съ товарищи—стали управлять бояре.

Король, между тѣмъ, сжалился надъ вдовьими слезами Романовой княгини и еще въ томъ же году (1211 г.) самъ пришелъ водворить ее въ Галичѣ, гдѣ къ немалому изумленію и нельзя сказать чтобы къ радости, засталъ съѣхавшуюся родню Даніила съ Волыни: «*Инваръ пріиде изъ Луцка и иніи князи*“ подъ предлогомъ именно родственнаго свиданья. Володиславъ и Судиславъ и Филиппъ были взяты подъ стражу: ихъ мучили и велѣно было отправить въ ссылку. Но Судиславъ тутъ же откупился: *„премѣнился въ золото“* по словамъ лѣтописи, при чемъ добавлено: „рекше: много злата давъ, избавился“, а Володислава оковали и повели *во Угры*. Но у Володислава оставались на свободѣ братья,

такіе же удальцы, какъ онъ: они очутились въ Пересопницѣ у тамошняго князя Мстислава Ярославича Нѣмого и оказалось, что недаромъ братъ его Ингварь только-что передъ этимъ побывалъ въ Галичѣ изъ Луцка. Вся Волынь вдругъ поднялась общимъ возстаніемъ; на этотъ разъ всѣ Волынскія волости уже безъ исключенья заподымались вновь войною противъ самоуправства Венгерскаго короля Андрѣя... А Волынью по прежнему распоряжался прежній опекунъ Даніилова брата—Лешко Бѣлый: опекунъ въ это самое время отнялъ у Василька и послѣдній Бѣльзъ, возвративъ этотъ городъ назадъ своему тестю (Александру Всеволодовичу, сидѣвшему съ воли зятя во Владимірѣ-волынскомъ); малолѣтній Василько принужденъ былъ тогда укрыться въ бѣдный и вовсе ничтожный городокъ Каменецъ. Въ точности тогда никто не понималъ—ни въ Галичѣ ни на Волыни,—что такое дѣлается вокругъ? Кругомъ была смута. Въ Галичѣ происходило необычайное волненье отъ слуховъ, что къ нему подступаютъ несмѣтные полки; но весь городъ готовилъ имъ не сопротивленье а готовился выйти къ нимъ навстрѣчу. Вдовствующая княгиня, теперь уже вдвоемъ съ Даніиломъ, бѣжала изъ мятежнаго города опять къ Венгерскому королю; а въ Галичъ торжественно вступилъ Мстиславъ Нѣмой, введенный въ городъ двумя братьями боярина Володислава. За невѣроятнымъ успѣхомъ Пересопницкаго князя послѣдовалъ еще невѣроятнѣйшій успѣхъ главнаго способника этихъ двухъ братьевъ: самого́ боярина Володислава: изъ оковъ и тюремнаго заключенія въ Венгріи онъ снова попалъ къ королю во дворецъ и даже приблизился, какъ никогда еще прежде, къ трону Андрѣя;—мало того, промчался слухъ, что король расположенъ передать ему, боярину Володиславу, „тронъ Галичьскій“ подъ собственнымъ верховенствомъ. Не прошло много времени, и въ самомъ дѣлѣ: бояринъ Володиславъ, ведя Угровъ и множество наемныхъ Чеховъ, вторгнулся въ Галичину. Кратковременный ея державецъ Мстиславъ Нѣмой бросилъ только-что доставшуюся ему столицу на произволъ судьбы, и мѣсто его занялъ бояринъ Володиславъ: *„вокняжился и сѣлъ на столѣ*—какъ сказано въ лѣтописи—*Володиславъ бояринъ*“.

Но все это, невѣроятное лишь съ виду, произошло самымъ простымъ образомъ и безъ всякихъ достойныхъ удив-

ленія причинъ. И Ляхи и Угры, опекавшіе въ ту пору личность и имущество несовершеннолѣтнихъ Романовыхъ наслѣдниковъ,— съ одной стороны Угры въ Галичѣ, а съ другой Ляхи на Волынѣ, — одинаково соревновали другъ передъ другомъ не упустить удобнаго случая обратить опекаемое наслѣдство въ свою собственную пользу. На это у нихъ не доставало — не желанія, а только средствъ. Притомъ, какъ желаніе въ этомъ случаѣ у Венгровъ и у Ляховъ было одинаковое, также былъ одинаковъ у тѣхъ и другихъ недостатокъ средствъ. Ляхи пробовали достигнуть своей цѣли, ссылаясь больше на свое родство и сродство съ Русью, особливо же въ Мазовіи; а Венгры инымъ способомъ: сулили боярамъ Галича дать свой государственный нарядъ. Поведеніе Володислава при этомъ понятно само собою. Этотъ бояринъ, какъ годъ тому назадъ такъ и напослѣдокъ, обѣщалъ королю Андрѣю, разумѣется, не бунтъ и мятежъ съ своей стороны, а полное подчиненіе. Годъ тому назадъ онъ ручался королю вырвать Галичъ изъ рукъ Игоревичей и возвратить скипетру его величества, что́ и исполнилъ; вольно́-же было не посадить тамъ намѣстникомъ кого-либо изъ бояръ, а навязать странѣ князя Даніила: въ томъ и заключалась вся прошлогодняя ошибка короля! а съ своей стороны — что́ бояринъ Володиславъ обѣщалъ, то́ и исполнилъ. Прошлогодній опытъ очевидно доказалъ теперь—по толкованію такихъ бояръ, какъ Володиславъ, Судиславъ, Филиппъ и ихъ товарищи, — что Галичъ не желаетъ русскихъ князей, а предпочитаетъ полное сліяніе съ Венгріей и хочетъ принадлежать коронѣ самого́ Андрѣя, разумѣется, подъ боярскимъ управленіемъ. На этотъ разъ Володиславъ обѣщался королю привести въ исполненіе и самое это. Такимъ образомъ, присоединеніе Галича къ венгерской коронѣ, полное сліяніе Галича съ Венгріей, повидимому, уже готово было совершиться окончательно; Андрѣй отпустилъ Володислава съ товарищи впередъ себя, дабы надлежащимъ образомъ все приготовить къ государственному перевороту; а самъ съ главнымъ войскомъ слѣдовалъ за ними. Онъ уже былъ въ Горахъ, не на угорскомъ склонѣ Карпатовъ, а на ихъ русскомъ склонѣ— и „дошелъ до Лелесова монастыря“; но вдругъ получилъ извѣстіе о страшномъ событіи у себя дома, прямо сказать: не только въ своемъ королевствѣ, а въ собственномъ коро-

левскомъ дворцѣ *). Какъ смутный промежутокъ, предшествовавшій *„вокняженію“* боярина Володислава, такъ и разыгравшійся вслѣдъ затѣмъ, едва онъ *„вокняжился“*—оба вмѣстѣ составляютъ въ *„сказаніи о безчисленныхъ ратяхъ и кра-*

---

*) Вся исторія тогдашней Польши состояла изъ безконечнаго ряда смутъ; Лешко Бѣлый, кромѣ того что не имѣлъ богатыхъ средствъ—ни денежныхъ, ни военныхъ—не могъ располагать и своимъ временемъ: внутреннія смуты, происходившія въ Польшѣ, постоянно отвлекали его отъ вмѣшательства въ галичскія дѣла. А въ Венгріи, исторія которой также представляетъ рядъ смутъ, въ это самое время произошли кровавые безпорядки. Король Андрѣй, вообще не отличавшійся доблестями, вынужденъ былъ, противъ всѣхъ своихъ предшественниковъ, сдѣлать наибольшія уступки въ ограниченіе собственной власти и въ усиленіе власти Угорскихъ бояръ. Но его властолюбивая супруга, нѣмецкая принцесса Гертруда, наводнившая всю Венгрію наѣхавшею съ ней роднею и вообще Нѣмцами, постоянно побуждала мужа къ жестокостямъ,—и въ Венгріи мятежи противъ Нѣмцевъ не унимались. Нельзя не замѣтить притомъ, что въ эту самую пору Угры особенно чванились западною образованностью своею и рыцарскою утонченностью нравовъ. Такъ какъ послѣдняя супруга короля Белы III-го королева Маргарита была дочь Французскаго короля, то дѣйствительно Угры въ ея время, хвалясь своими частыми сношеньями съ Парижемъ, имѣли случай учиться въ тамошнемъ университетѣ наукамъ, а придворному обращенію при дворѣ тамошнихъ королей. Насколько однако это послужило въ пользу Угровъ, этого изъ ихъ исторіи не видать. Цвѣтомъ своихъ государственныхъ людей, напримѣръ, они почитали того великаго Бана и Палатина, Бенедикта Бора, который стяжалъ въ Галичѣ проименованіе „антихриста и томителя страны“: по немъ можно судить и о прочихъ угорскихъ сановникахъ. Королева Гертруда, способству яроднымъ своимъ братьямъ занимать въ Венгріи великія должности и маэтности, любила еще входить въ ихъ тайныя дѣла по любовнымъ похожденіямъ. Она доставила случай брату своему Экберту свести короткое знакомство съ супругою Бенедикта Бора и у себя во дворцѣ, даже въ собственной своей комнатѣ отдохновенія, давала пріютъ ихъ свиданіямъ. Хотя великій Банъ и славился въ Галичинѣ „вольностью нравовъ“, но позора своей жены онъ не простилъ королевѣ Гертрудѣ. Бояре составили заговоръ и, пользуясь тотъ разъ походомъ короля на Галичъ, произвели возстаніе; было умерщвлено множество Нѣмцевъ, а королеву Гертруду изрубили въ куски и послѣ того весь дворецъ былъ ограбленъ. Объ этомъ и дали знать Андрѣю, когда онъ спѣшилъ въ Галичъ и уже былъ въ горахъ у Лелесова монастыря. Узнавъ о томъ, король Андрѣй по необходимости возвратился назадъ и сталъ укрощать вспыхнувшій мятежъ цѣлыми потоками крови. Володиславъ, отправленный имъ въ Галичъ впередъ себя, и распоряжался тамъ полновластнымъ намѣстникомъ короля. Какъ ни были велики данныя ему уполномочія, но послѣ того какъ самъ Король замѣшкался, они по необходимости еще и увеличились.

молахъ, о великой лести и многомъ мятежѣ“ верхъ верховъ тогдашней всеобщей смуты.

Новую невѣроятную картину новаго невѣроятнаго раздора явила тогда собой вся Волынь и Галичина. Король Андрѣй, какъ только освободился нѣсколько у себя дома, выступилъ въ походъ и началъ воевать противъ Лешка за опустошеніе Галичской области, которую почиталъ своею. А Лешко Бѣлый, кромѣ опеки надъ Василькомъ и Волынью, взялъ на себя еще опекать тогда самого Даніила: для сиротъ уже готовъ былъ завоевывать даже самый Галичъ. Ибо Даніилъ, — видѣвъ страшное кровопролитіе въ Уграхъ при убіеніи и послѣ убіенія Гертруды—удалился изъ Венгріи въ Польшу и, не получивъ отъ Лешка ничего, кромѣ почетнаго пріема, ушелъ въ бѣдный и незначительный городокъ Каменецъ, къ своему младшему брату. Тутъ однако — еще болѣе, чѣмъ въ ту пору, когда Василько былъ посаженъ въ Бѣльзѣ—собрались вкругъ него старинные слуги и сподвижники отца ихъ; а когда сюда пришелъ напослѣдокъ и Даніилъ, который такъ выросъ въ это время, что „могъ уже на конѣ ѣздить“, всѣ бояре великаго самодержца Романа Мстиславича безъ исключенія собрались въ дружину сироть его. Лешко не умѣлъ скрыть своего удивленія, узнавъ, что послѣ того, какъ онъ вывелъ Василька изъ Бѣльза, никто изъ бояръ его не покинулъ; а когда напослѣдокъ изъ нихъ составился цѣлый дворъ въ Каменцѣ, это еще болѣе безпокоило Мазовецкаго князя.

Съ этихъ поръ, по словамъ лѣтописца, „*Лешко почалъ имѣть великую любовь къ Даніилу*“: въ эту же самую пору начался и подъемъ Волыни противъ вокняжившагося въ Галичѣ боярина Володислава. Прежде всѣхъ пустили впередъ опять Пересопницкаго князя Мстислава Нѣмого; потомъ тесть Лешка пресловутый Александръ выслалъ воевать изъ Бѣльза своего роднаго брата (Всеволода Всеволодовича); двинулся затѣмъ и самъ тесть Александръ Всеволодовичъ изъ Владиміра-волынскаго; выступилъ тогда уже наконецъ и Даніилъ изъ Каменца: „*бяху бояре велиціи отца его всѣ у него*“. Тогда и Лешко, заодно съ Волынянами, пришелъ съ Ляхами самъ воевать противъ „*князя изъ бояръ*“. Володиславъ поручилъ роднымъ братьямъ, ловкимъ своимъ помощникамъ, защищать Галичъ; а самъ съ войскомъ изъ наемныхъ Чеховъ вышелъ

навстрѣчу непріятелямъ, но былъ разбитъ. Галича однако у него отнять не могли; бились подъ его стѣнами и, выбившись изъ силъ, отступили. Тогда на возвратномъ пути Лешко сговорилъ владиміро-волынскаго князя (своего тестя Александра Всеволодовича) уступить два города подъ столицей Романовымъ сиротамъ (Тихомль и Перемилъ): сюда они и перебрались напослѣдокъ со всѣмъ дворомъ своимъ изъ Каменца,—и сѣвши тутъ пососѣдству съ Владиміромъ-волынскимъ, ужъ не переставали воздыхать по немъ: „молъ, рано ли, поздно ли, а будетъ нашъ“. Вдругъ такъ и вышло—скорѣй, чѣмъ даже могли ожидать.

Не самъ Лешко, а ближній его воевода Пакославъ, хитрый на всякія выдумки, придумалъ средство помирить Венгерскаго короля съ Мазовецкимъ княземъ. У Лешка была малолѣтняя дочь, а у Андрѣя малолѣтній наслѣдникъ,—на что лучше: обручить ихъ другъ съ другомъ и дать молодымъ Галичъ—въ приданое отъ обоихъ? Лешко послалъ Пакослава сказать Андрѣю: „не идетъ боярину Володиславу сидѣть на престолѣ, а возьми мою Саломею за своего Коломана и посадимъ ихъ въ Галичѣ обоихъ –ты да я, мы оба“. Полюбилась и Андрѣю эта выдумка Пакослава; онъ съѣхался съ Лешкомъ на свиданье, условился взять его дочь за своего сына,—на томъ и помирились король съ княземъ. Король ему изъ приданаго его дочери и своего сына выдѣлилъ въ награду два города: одинъ (Перемышль) самому князю, а другой (Любачевъ) совѣтчику Пакославу. Тогда гораздый на выдумки воевода далъ и еще одинъ добрый совѣтъ своему Князю: изъ любви къ Романовымъ сиротамъ, пускай Князь дастъ имъ Владиміръ-волынскій. Лешко и самъ ихъ любилъ, какъ дѣтей родныхъ; сейчасъ же послалъ сказать своему тестю: „отдай Владиміръ-волынскій Василько съ Даніиломъ; а не отдашь честью, возьму силой“. На эту уступку у тестя доброй воли не хватило; тогда Лешко принудилъ его къ тому неволею—и сталъ опять его тесть Александръ Всеволодовичъ княземъ Бѣльзскимъ, а во Владимірѣ-волынскомъ Лешко посадилъ обоихъ сиротъ Романовыхъ, которыхъ любилъ, какъ дѣтей родныхъ.

Разумѣется о боярынѣ Володиславѣ съ тѣхъ поръ и слухъ пропалъ со всѣмъ его родомъ: его сейчасъ-же заключили въ оковы и павшій временщикъ умеръ въ темницѣ; никто

изъ князей не пріютилъ сиротъ его потому именно, что онъ *творился княземъ*.

Итакъ, въ самое короткое время уже не стало въ Галичѣ боярина Володислава, а тамъ совершилась коронація короля съ королевой: малолѣтняго Коломана съ малолѣтнею Саломеей. Сынъ Белы III-го, посаженный и самъ нѣкогда отцомъ своимъ королевствовать въ Галичѣ по призыву *„князей Галлиціи“* (какъ Латины звали Галичскихъ бояръ), Андрѣй видѣлъ еще тогда собственными глазами и слышалъ еще тогда своими ушами готовность бояръ *„приложиться къ западнымъ“* и сердечное ихъ расположеніе къ тому,—а сверхъ того помнилъ и ручательство бояръ въ томъ, что самъ народъ не будетъ противъ этого и даже не спохватится о томъ, лишь-бы не затрогивать его вѣрованій и не нарушать обряда. Помня это и убѣдившись наконецъ долговременнымъ опытомъ, какъ вредно было не исполнить просимаго боярами еще во время-оно, Венгерскій король Андрѣй вдвойнѣ теперь заботился споспѣшествовать сыну въ томъ, въ чемъ не успѣлъ самъ. Онъ обратился въ Римъ къ папѣ и писалъ ему по-латинѣ: „да вѣдаетъ ваше святѣйшество, что князья Галлиціи и народъ, намъ подвластные, всенижайше ходатайствовали передъ нами о томъ, дабы мы дали имъ нашего сына Коломана на королевство, и о томъ, что будутъ они пребывать и впредь въ единеніи со святѣйшею Римскою церковью и въ подчиненіи ей съ условіемъ однакоже, чтобы имъ позволено было не отступать отъ собственнаго ихъ обряда. Но дабы столь полезному и для насъ и для васъ намѣренію ихъ не учинилось порухи отъ промедленія, что несомнѣнно легко можетъ произойти, если будемъ просить отъ ребра вашего легата, назначеннаго для совершенія сего, просимъ ваше святѣйшество, чтобы вы ускорили письменнымъ повелѣніемъ Стригонскому архибискупу, нашему досточтимому во Христѣ отцу, совершить въ силу даннаго ему апостольскаго уполномочія, помазаніе упомянутаго сына нашего въ короли имъ, дабы онъ принялъ отъ онаго архибискупа это освященіе въ явное оказательство подчиненія святѣйшей Римской церкви“. Такъ писалъ Венгерскій король въ своемъ латинскомъ посланіи, а въ русской лѣтописи, подъ 1214-мъ годомъ, объ этомъ записано проще: *„король Угорскій посади сына своего въ Галичь, а епископы*

и попы изгна изъ церкви, а свои попы приведе латинскіе на службу“.

Галичъ, такимъ образомъ, въ этотъ послѣдній промежутокъ времени (къ 1211-му году и далѣе) не только ушелъ изъ рукъ, а можно бы сказать: пропалъ изъ виду для южнорусскихъ князей: ни Рюрикъ Ростиславичъ изъ Кіева, ни Всеволодъ Чермный изъ Чернигова болѣе не ссылались съ Венгерскимъ королемъ о Карпатской Руси. А чтобы великій князь Всеволодъ Юрьевичъ вздумалъ „*поберечь златокованнаго стола*, на которомъ *высоко сидѣлъ великій Ярославъ Осмомыслчъ Галичскій*“, этого у него ужъ и въ мысли не было—еще съ самой смерти утвержденнаго имъ на этомъ престолѣ Владиміра племянника своего, сына давно умершей сестры своей Ольги.

Оскудѣніе южно-русскихъ Князей. Въ Черниговѣ и въ Кіевѣ тѣмъ временемъ думали о другомъ; Всеволодъ Чермный и Рюрикъ Ростиславичъ помѣнялись, по добровольному соглашенію, между собой престолами чисто по-сосѣдски: Всеволодъ Чермный перешелъ княжить въ Кіевъ, а Рюрикъ Ростиславичъ—въ Черниговъ. Такимъ образомъ исконное и коренное *родное гнѣздо* Ольговичей перешло къ одному изъ Мономаховичей, а Всеволодъ Чермный—глава тогдашнихъ Ольговичей не только утвердился въ Кіевѣ, а грозилъ еще выгнать изъ кіевскаго Приднѣпровья всѣхъ до одного потомковъ схимолюбиваго Ростислава и Изяслава Мстиславича, обвиняя ихъ отъ имени всей же своей братьи въ томъ, въ чемъ едва ли они были повинны. Онъ винилъ ихъ въ томъ, что если не по прямому ихъ участію, однакожъ косвенно по ихъ-же винѣ произошло безбожное событіе въ Галичѣ: „*брата мои есте два князя повѣсили вы въ Галичѣ яко злодѣя! и положили есте укоръ на всѣхъ, и нѣту вамъ части въ Русской землѣ*“. Всеволодъ Чермный послѣдовалъ наконецъ тому-же, что безпрекословно исполняли втеченіи болѣе тридцати лѣтъ всѣ прежніе князья—каждый въ свою очередь изъ желавшихъ прочно утвердиться на престолѣ: онъ обратился ко Всеволоду Юрьевичу въ его великокняжескую столицу съ просьбою о мирѣ и дружбѣ. „*Присла̀ша къ великому князю Всеволоду съ мольбою Всеволодъ Чермный и вси Ольговичи, прося мира и*

и во всемъ покоряющееся; великій князь, видѣвъ ихъ покореніе къ себѣ, не помянулъ злобы ихъ и цѣловалъ къ нимъ крестъ". Съ просьбою объ этомъ Всеволодъ Чермный уговорилъ съѣздить во Владиміръ митрополита (Матѳея) и миръ былъ данъ,

Уже одно это, что миръ былъ данъ, располагало пріѣхавшихъ пословъ къ ласковому обращенію съ хозяиномъ сѣверной столицы; а самъ Великій Князь, если можно такъ выразиться, превзошелъ самого себя въ гостепріимствѣ. Всеволодъ Юрьевичъ вообще любилъ справлять всякія торжества въ своей столицѣ, любилъ въ ней и похвалиться, кромѣ уже славы Андрѣева княженья, златоверхимъ храмомъ Богородицы—и своимъ собственнымъ сооруженіемъ, Дмитріевскимъ соборомъ. Онъ всегда принималъ радушно съѣзжавшихся къ нему гостей и широкую родню свою, при чемъ дорогихъ пріѣзжихъ чествовалъ обыкновенно богатыми пирами и щедрыми дарами: можно вообразить, какъ былъ онъ обрадованъ пріѣздомъ митрополита Кіевскаго и всея Руси и какъ великолѣпно принимали владыку. Ему оказали всю честь и всю славу, подобавшія его великому сану, и онъ провелъ тутъ всѣ святки; въ праздникъ Рождества самъ служилъ обѣдню въ соборѣ Богородицы и „*былъ въ веселіи у великаго князя*", того же дня и „княгини Рязанскія были выпущены по ходатайству митрополита". Не только великій князь, всѣ его многочисленные дѣти старались все время, чѣмъ только можно, угодить владыкѣ. Съ миромъ и радостью было его пребываніе во Владимірѣ и, всѣмъ довольный, пуще же миру заключеному съ Ольговичами, радостно поѣхалъ онъ въ Кіевъ.

Въ ту же зиму (съ декабря 1210 на генварь 1211 года) миръ со Всеволодомъ Чермнымъ великій князь закрѣпилъ родственнымъ союзомъ; начались сговоры о женитьбѣ великокняжескаго второго сына Юрія Всеволодовича на дочери Кіевскаго князя, а къ веснѣ состоялась и свадьба, подавшая поводъ къ большому веселью и къ новой всенародной радости во Владимірѣ: Юрій обвѣнчался съ дочерью Всеволода Чермнаго. Старое поколѣніе смѣнялось новымъ: былъ на своемъ вѣку великій князь сватомъ отцу Чермнаго, а теперь посватался съ его сыномъ,—и уже на всѣ дни, пока оставался живъ Всеволодъ Юрьевичъ, его

новый сватъ покойно княжилъ въ Кіевѣ. За то другой его сватъ, во время-оно державшійся имъ на Кіевскомъ престолѣ, его забытый сватъ, не смѣлъ ему болѣе и напоминать о себѣ, смѣстясь изъ Кіева въ Черниговъ: съ тѣхъ поръ о Рюрикѣ Ростиславичѣ умолкли и слухи. О немъ записано: *„преставися князь Рюрикъ Ростиславичъ Кіевскій, княжа въ Черниговѣ“*; но даже самый годъ смерти захудалаго князя въ точности неизвѣстенъ: одни утверждаютъ, что онъ *„преставися Черниговѣ“* тѣмъ же лѣтомъ, какъ перешелъ туда, а другіе сказываютъ его живымъ еще спустя пять лѣтъ и послѣ того. Съ глазъ исторіи онъ уже пропалъ навсегда.

Такъ можно сказать словами лѣтописца, *„взмялась Русская земля“*: между захудалыми потомками именитыхъ отцовъ, дѣдовъ и прадѣдовъ, и сами ихъ вотчины, дѣдины и прадѣдины, начали мало-по-малу сходить на-нѣтъ. Въ образецъ подобнаго же захуданія цѣлаго удѣла и превратности *княжіихъ судебъ* удѣльной Руси въ томъ-же черниговскомъ княжествѣ и за то же самое время можно указать напримѣръ, еще на Путивль. Давно ли, еще во время Игоря Сѣверскаго, этотъ городъ Ольговичей пользовался большою извѣстностью, а что̀ съ нимъ сталось къ концу XII-го вѣка и кто въ немъ княжилъ въ началѣ XIII-го? по лѣтописямъ уже этого не видать: здѣшній удѣлъ и удѣльный князь ниспали въ полную неизвѣстность. Объ эту пору тутъ сидѣлъ также одинъ изъ Мономаховичей, а не Ольговичъ: можно бы сказать, изъ всѣхъ малоизвѣстныхъ мономаховичей самый незначительный князь, а именно сынъ Долгорукаго Василько Юрьевичъ, нѣкогда ютившійся у его вѣчнаго союзника Святослава Ольговича и владѣвшій однимъ изъ городковъ Поросья*). Въ образецъ такого захуданія

*) Имя Василька Юрьевича упоминается мелькомъ во времена отца его Долгорукаго. См. *томъ I, стр. 227, 238 и 262*. Что же касается до водворенія этого князя въ Путивлѣ, до его девятнадцатилѣтняго княженія въ здѣшнемъ городѣ, кончины тутъ же на 78-ми лѣтнемъ возрастѣ и погребеніи при здѣшнемъ соборѣ, подробности о томъ сообщены въ *„Очеркахъ Россіи“* извѣстнаго любителя отечественной старины *Вадима Пассека*. Надгробная плита съ могилы Василька Юрьевича была найдена случайно въ 1837 году среди прочихъ остатковъ и обломковъ древностей Путивля; на ней случайно уцѣлѣла надпись, по которой и разобрано, что Василько Юрьевичъ вокняжился въ Путивлѣ въ 1191 году и скончался на здѣшнемъ княженіи въ 1210 году.

древнихъ вотчинъ и полнаго забвенія самихъ ихъ вотчинниковъ довольно уже и двухъ приведенныхъ примѣровъ, а сколько еще ихъ совершилось незримо для исторіи—тому нѣтъ и числа. Съ этого времени, отъ начала XIII-го вѣка, подобные примѣры изъ одного десятилѣтія въ другое стали умножаться съ увеличивавшеюся быстротою; но уже были они многочисленны и за прежнее время. Потомки, напримѣръ, Святополка-Михаила почти вѣкъ тому назадъ затерялись для исторіи; то же можно сказать вообще про князей Пинскихъ и Минскихъ, еще болѣе про князей, напримѣръ, Друцка и Лукомля и прочихъ. Князья Полоцкіе, всѣ такъ называемые Кривьскіе князья, въ эту пору совсѣмъ ниспали въ неизвѣстность: они сами и нѣкоторые изъ ихъ городовъ въ ту пору уже перемѣшивались съ Литвою.

Послѣдніе годы княженія Всеволода Юрьевича и перемѣны въ Новгородѣ. Привыкнувъ къ семейной жизни, Всеволодъ Юрьевичъ послѣ того какъ схоронилъ свою супругу, удалившуюся напослѣдокъ дней своихъ въ монастырь, провдовѣлъ три года и вступилъ во второй бракъ, взявъ себѣ невѣсту изъ княженъ Полоцкихъ (въ 1209 г.) Какъ объ этой княгинѣ, такъ и вообще о второмъ его супружествѣ уже не сохранилось тѣхъ подробныхъ свѣдѣній, которыми богата его семейная лѣтопись за прежнее время. О невѣстѣ извѣстно, что она была приведена изъ Витебска; но самъ родъ Полоцкихъ князей уже не пользовался тогда славой; въ Витебскѣ не было своихъ прочно утвердившихся прирожденныхъ князей: тамъ они мѣнялись безпрестанно. Этотъ городъ (еще съ 1181-го года) переходилъ изъ рукъ въ руки, захватываемый даже и литвою. Къ тому же, въ это второе супружество Всеволодъ Юрьевичъ вступилъ уже на старости лѣтъ и оно продолжалось съ небольшимъ два года. За это время начинаются уже лѣтописныя извѣстія о семейныхъ праздникахъ, родинахъ и крестинахъ дѣтей Всеволодовыхъ: у него пошли внучата. Такъ, напримѣръ, у сына его первенца Константина родился наслѣдникъ Василько́ Константиновичъ (павшій одинъ изъ первыхъ жертвой мучительства при нашествіи Татаръ); къ этимъ же годамъ относится и женитьба на дочери Всево-

лода Чермнаго, второго Всеволодова сына Юрія, описанная въ лѣтописяхъ обстоятельнѣй, чѣмъ свадьба отца.

Въ исторіи долговременнаго княженія Всеволода Юрьевича нельзя не отмѣтить, что тѣ-же самыя дѣла, съ которыхъ онъ началъ свое княженіе по вступленіи на прѐстолъ, также и завершили его княженіе: они-же самыя не дали ему покою и напослѣдокъ. Война съ Рязанью, окончившаяся лишь въ зиму съ 1210-го на 1211-й годъ посылкою въ походъ воеводы Радшича уже достаточно омрачила его послѣдніе годы: но въ эту же самую пору начались у великаго князя небывалыя распри еще и съ Новгородомъ, а до тѣхъ поръ ихъ отношенія были мирны.

Для Новгородцевъ было весьма важно, находясь въ ладу съ Владимірскимъ княжествомъ, пользоваться всѣми выгодами свободной торговли по всѣмъ его обширнымъ владѣніямъ; кромѣ того, получать за недорогую цѣну и хлѣбъ изъ его пристаней, котораго въ самóмъ Новгородѣ постоянно не хватало и, при малѣйшей задержкѣ привоза, цѣна на него достигала страшной дороговизны. Напротивъ того, ничего не было и убыточнѣй для новгородцевъ, какъ ссориться съ Владимірскимъ княземъ. Тогда онъ сейчасъ же начиналъ грозить Новгороду изъ Торжка, сосѣдняго съ своей Тверью; тогда-же по всему своему княжеству задерживалъ гостей новгородскихъ и налагалъ запрещеніе на ихъ товары; кромѣ того, останавливалъ подвозъ хлѣба и Новгороду уже въ этомъ случаѣ угрожалъ голодъ; наконецъ, Владимірскій державецъ отказывался при этомъ вступать въ мирные переговоры съ Новгородцами, и всѣхъ ихъ пословъ однихъ за другими сажалъ обыкновенно во владимірскія тюрьмы. Въ зависимости отъ такихъ крутыхъ обстоятельствъ великій господинъ Новгородъ—послѣ того, какъ съ нимъ Всеволодъ Юрьевичъ велъ войну при самомъ своемъ вступленіи на престолъ—оставался все время ему покоренъ. Три раза по просьбѣ Новгородцевъ онъ отзывалъ отъ нихъ и вновь возвращалъ имъ „*своего свояка*“ (Ярослава Владиміровича), и два раза давалъ имъ въ князья своего сына Святослава, который, попавъ первый разъ въ Новгородъ чуть не младенцемъ, напослѣдокъ княжилъ тамъ уже шестнадцатилѣтнимъ юношей. Но при первомъ его княженіи, длившемся пять лѣтъ

кряду, дѣла въ Новгородѣ приняли наконецъ такой оборотъ, что посадникомъ былъ избранъ не тотъ, кого желалъ великій князь, а его завѣдомый противникъ. Тогда Всеволодъ Юрьевичъ, объявивъ Новгородцамъ: „въ землѣ вашей ходитъ рать, а князь вашъ сынъ мой Святославъ малъ; даю вамъ сына своего старѣйшаго Константина“, исполнилъ это съ такою торжественностью, что Новгородцы были польщены этимъ. Отпуская сына своего первенца, онъ торжественно вручилъ ему крестъ честный на проводахъ и далъ мечъ, сказавъ при этомъ: „сынъ мой Константинъ! Богъ на тебя положилъ старѣйшинство во всей братьѣ твоей и во всей русской землѣ, а Новгородъ великій имѣетъ старѣйшинство между всѣми княженьями въ Русской землѣ. По имени твоемъ и хвала твоя, даю тебѣ старѣйшинство. Се крестъ честный буди тебѣ охранникъ и помощникъ; а мечъ—прещенье и спасенье людямъ твоимъ отъ противныхъ. Не только Богъ положилъ на тебѣ старѣйшинство въ братьѣ твоей, но и во всей Русской землѣ, и вотъ: я даю тебѣ старѣйшинство, княжить въ Новгородѣ поѣзжай ты“.

Когда Константинъ Всеволодовичъ прибылъ тотъ разъ съ великою торжественностью на свое княженье, весь Новгородъ выходилъ къ нему навстрѣчу и радостные клики всенароднаго множества „восходили до небесъ“ по словамъ лѣтописца. Это не значило однакожъ, чтобы Новгородцы смягчились въ нравахъ или отвыкли отъ своихъ буйныхъ безпорядковъ: они оставались тѣ-же: въ Новгородѣ не прекращалось то же самое, что составляло его отличіе искони. Попрежнему, на очахъ князей, ссаживали Новгородцы своихъ посадниковъ, избивали ихъ и бросали съ моста въ Волховъ, бились и сами одни противъ другихъ въ уличной дракѣ. Впрочемъ, самъ великій князь, оправдывая ихъ вольность, выражался о томъ лестнымъ для нихъ выраженіемъ: „кто вамъ добръ—тѣхъ любите, а злыхъ казните“, и Новгородцы исполнили въ точности великокняжескій приказъ въ концѣ концовъ надъ самими приверженцами его: Мирошкиничами: произвели расправу съ Мирошкиничами чисто по новгородски.

Посадникъ Мирошка былъ нѣкогда избранъ Новгородцами (1187 года) въ угоду великому князю, какъ сынъ

Нѣзды, убитаго ими еще во времена Андрѣя Боголюбскаго за приверженность Владимірскому княженью; когда умеръ Мирошка Нѣздовичъ, отъ него и пошли знаменитые Мирошкиничи, его дѣти и внуки. Долго не удавалось Всеволоду Юрьевичу настоять на томъ, чтобы избранъ былъ въ посадники Мирошкинъ сынъ Дмитрій Мирошкиничъ, его любимецъ; но присылка въ Новгородъ Константина помогла и этому. Назначеніе старшаго великокняжескаго сына въ Новгородъ такъ польстило самолюбію Новгородцевъ, что они тогда же свергли бывшаго передъ тѣмъ посадника и дали посадничество именно Дмитру, милостынцу великаго князя. Вышло тогда, правда, враждебное столкновеніе съ однимъ изъ знатнѣйшихъ Новгородцевъ—Олексою Сбыславичемъ, но онъ былъ казненъ немедленно. За все время княженья въ Новгородѣ Константина (1205—1209 гг.) при посадникѣ Дмитрѣ Мирошкиничѣ, можно бы сказать, великій князь повелѣвалъ Новгороду уже вполнѣ самовластно: казнь этого боярина служитъ доказательствомъ тому. Въ Новгородѣ всѣхъ особенно поразило тотъ разъ, что великій князь прислалъ повелѣніе „безъ вины казнить Олексу Сбыславича“, то-есть не предавая суду и безъ малѣйшаго изслѣдованія, а по собственному княжескому усмотрѣнію. И хотя всѣ были возмущены, всѣ на другой же день казни повторяли въ одинъ голосъ, что у нихъ о томъ „*плакала Богородица*“ въ Новгородѣ, но воля великаго князя была исполнена безпрекословно. Послѣ того Дмитръ Мирошкиничъ такъ упрочился на своемъ посадничествѣ и такъ усердно служилъ великому князю, что четыре года Константинова княженья нъ Новгородѣ прошли въ полномъ мирѣ. Когда наконецъ Константинъ былъ позванъ отцомъ на войну съ Рязанью, съ нимъ отправилось въ походъ большое войско и отъ самихъ Новгородцевъ подъ личнымъ предводительствомъ посадника Дмитра. Онъ отличился при взятіи Пронска и весь былъ покрытъ ранами: по окончаніи похода великій князь оставилъ его у себя во Владимірѣ именно для излѣченія отъ ранъ; но отъ нихъ онъ и умеръ во Владимірѣ.

Похоже однако, что этотъ Дмитръ Мирошкиничъ, служивъ усердно великому князю, не забывалъ и себя: въ короткое время своего посадничества онъ такъ нажился имѣньями и

прославился обширными торговыми оборотами, что началъ слыть богачомъ между богачами. Когда посадникъ умиралъ отъ ранъ во Владимірѣ, въ Новгородѣ не переставали жаловаться, что тягости и поборы при немъ сильно увеличились, что онъ и его дѣти явно обличаются своимъ скорымъ разбогатѣніемъ, — и вспыхнулъ мятежъ. Пошли на дворы ихъ грабежомъ; Мирошкинъ дворъ (отца) и Дмитровъ прежде ограбили, а потомъ сожгли; села ихъ пустили въ продажу, также и челядь; захватили все ихъ имущество и разыскали ихъ сокровища безъ числа; когда потомъ дѣлили по-міру выручку—пришлось на кругъ по три гривны; а сколько кто захватилъ еще втайнѣ—одинъ Богъ вѣдаетъ и съ того многіе разбогатѣли; а что на комъ осталось въ долгу Мирошкиничу, записанное на биркахъ (это звалось: *осталось на доскахъ*) тому и числа не было: это предоставили князю.

Месть раздраженнаго народа не удовлетворилась тогда разграбленіемъ имущества Мирошкиничей, потребовали еще суда и казни надъ мертвымъ посадникомъ: когда изъ Владиміра былъ привезенъ гробъ Дмитра Мирошкинича, народъ хотѣлъ самый трупъ его сбросить съ моста въ Волховъ: насилу могъ тотъ разъ удержать неистовствующихъ Новгородскій владыко (доблій архіепископъ Митрофанъ) и не допустилъ такого святотатства. Зато, когда Всеволодъ Юрьевичъ поспѣшилъ прислать князя въ мятежный Новгородъ (опять своего сына Святослава) весь народъ цѣловалъ крестъ на вѣчѣ, чтобы не держать въ Новгородѣ ни Дмитровыхъ дѣтей, ни его приверженцевъ, и всѣхъ ихъ отдали князю для заточенья. Святославъ однакоже, хотя принялъ „Дмитровы доски“, а по нимъ получилъ и „богатства безъ числа“, не исполнилъ воли Новгородцевъ: Мирошкиничей и ихъ приверженцевъ отправилъ не въ заключеніе, а подъ защиту во Владиміръ; нѣкоторымъ же позволилъ и вовсе оставаться въ Новгородѣ у себя дома.

Такъ какъ это возстаніе было направлено противъ всѣхъ вообще приверженцевъ Владимірскаго княженья, то и не осталось безъ наказанія со стороны Великаго Князя. Онъ опять велѣлъ задерживать новгородскихъ гостей и ихъ товары по всѣмъ своимъ обширнымъ владѣніямъ: самъ княжичъ Святославъ въ это вторичное пребываніе въ Нов-

городѣ властвовалъ уже не попрежнему. Начались отъ него великія утѣсненія Новгородцамъ, и мстители за кровь Олексы Сбыславича, тамошніе бояре, всюду, гдѣ могли, плодили жалобы на „Владимірское самовластье“.

„Въ это время Всеволодъ находился наверху своего могущества и значенія“, говоритъ одинъ историкъ, ревностный его хвалитель. „Всеволодъ дѣлалъ что хотѣлъ вездѣ на Руси. Противниковъ не было. Ослушаться, казалось, не могъ никто. И въ это самое время князь самаго незначительнаго удѣла, Мстиславъ Мстиславичъ Торопецкій, осмѣлился объявить себя его противникомъ; услышавъ о притѣсненіяхъ Великаго Князя и о негодованіи Новгородцевъ, самъ назвался къ нимъ въ князья, чего никогда прежде ни съ кѣмъ не случалось“.

Выступленіе на поприще Мстислава Удалаго. Дѣйствительно, какъ въ первые годы своего княженія при неудовольствіяхъ съ Новгородомъ (въ 1180-мъ году) Всеволодъ Юрьевичъ потерпѣлъ вдругъ неудачу отъ непокорливаго князя Мстислава *Храбраго*, такъ и напослѣдокъ (въ 1210-мъ году) причинило ему еще болѣе неожиданную обиду прибытіе въ Новгородъ, выросшаго и возмужавшаго тѣмъ временемъ, сына *Храбраго* и его соименника Мстислава Мстиславича *Удалаго:* отсюда и началась его великая слава.

До сихъ поръ этотъ князь успѣлъ показать себя лишь въ мелкихъ походахъ во время усобицъ своего дяди Рюрика Ростиславича и въ двухъ-трехъ набѣгахъ на Половцевъ; а этимъ новгородскимъ приходомъ сразу выступилъ на то блестящее поприще, на которомъ скоро прослылъ за непобѣдимаго витязя, поборника правды, защитника слабыхъ и угнетенныхъ, и такъ возвысился между всѣми князьями, что уже не имѣлъ себѣ равныхъ. Изъ Новгорода, напомнивъ тѣмъ своего отца, онъ сдѣлалъ знаменитый походъ на возмутившуюся Чудь и всю ее смирилъ изъ края въ край до самаго моря; потомъ съ одинаковымъ успѣхомъ воевалъ всюду, одерживая побѣду за побѣдой, какъ въ сѣверной, такъ и южной Руси. Но уже и самый приходъ его въ Новгородъ всѣхъ поразилъ тогда еще неслыханною отвагой и увѣнчался торжествомъ неимовѣрнымъ. Изъ своего Торопца пришелъ онъ съ малою, но вѣрною дружиной въ

Торжокъ, снялъ здѣсь Святославова посадника и заключилъ въ оковы, *изымалъ* всѣхъ бояръ Святослава, захватилъ все его имущество и послалъ сказать Новгородцамъ: „кланяюсь святой Софіи и гробу отца моего и всѣмъ Новгородцамъ! Я слышалъ про насилье къ вамъ вашихъ князей, и мнѣ жаль стало моей отчины: хотите ли, чтобы я пришелъ къ вамъ княжить?“ Новгородцы обрадовались и послали за нимъ съ великою честью; а Всеволодова сына Святослава засадили на Владычномъ дворѣ съ мужами его— впредь до того, объявили ему, какъ управятся съ его отцомъ.

Всеволодъ сгоряча выслалъ противъ *Удалаго* многочисленное войско и всѣхъ трехъ старшихъ сыновей своихъ: Константина, Юрія и Ярослава Всеволодовичей. Но сейчасъ же и одумался. Теперь и онъ, какъ нѣкогда отецъ его, Юрій Долгорукій, принужденъ былъ сказать себѣ при встрѣчѣ съ неукротимымъ противникомъ: „„*Я уже старецъ,* а сей младъ, еще весь въ страстяхъ сего настоящаго житія; мнѣ ужъ *на конецъ житія сущу* не кровопролитіемъ и сварами, а долготерпѣніемъ уступати“ и выслалъ къ Мстиславу Удалому нарочитыхъ пословъ, велѣлъ сказать ему: „Ты мнѣ сынъ, а я тебѣ отецъ; освободи Святослава съ боярами и возврати все, что ты отнялъ; мною же сейчасъ тогда будутъ отпущены къ тебѣ всѣ захваченные гости новгородскіе съ ихъ товарами“; мстиславъ Мстиславичъ немедленно исполнилъ требуемое, также и Всеволодъ Юрьевичъ исполнилъ свое, и другъ другу цѣловали крестъ на своемъ примиреньи. Выпущенный Святославъ возвратился Торжкомъ и Тверью во Владиміръ къ своему отцу, несказанно обрадованному его свободой; а *Удалой* возвратился въ Новгородъ, ликовавшій по случаю своего собственнаго освобожденья.

Кончина Всеволода Юрьевича. Оглядывая долговременное, все тридцати-семилѣтнее Всеволодово княженье, дѣйствительно, приходится повторить: чѣмъ оно началось, тѣмъ и кончилось,— и это не только относительно его войнъ съ Новгородомъ и съ Рязанью, а во всѣхъ отношеніяхъ и въ самомъ широкомъ смыслѣ. То же самое—чѣмъ онъ началъ, тѣмъ же и кончилъ — должно будетъ сказать и по существеннѣйшему о немъ вопросу: былъ ли онъ, почитавшійся

ото всѣхъ и почитавшій самъ себя за старѣйшаго, или не былъ Великимъ Княземъ *всея Руси*? Какъ съ самаго начала, такъ и до конца — не только въ глазахъ князей того времени, но и въ своихъ собственныхъ—онъ былъ лишь Владимірскимъ Великимъ Княземъ. Это нѣкоторымъ образомъ подтвердилъ онъ и самъ предсмертнымъ распоряженіемъ своимъ.

Вѣрный унаслѣдованной мысли, смутно предносившейся еще въ умѣ отца его Юрія Долгорукаго и особенно въ умѣ его брата Андрѣя Боголюбскаго, онъ не могъ превзойти своихъ предшественниковъ и не былъ въ состояніи стать выше унаслѣдованной отъ нихъ задачи; но ее именно—насколько понималъ и имѣлъ силы исполнить — довершилъ до конца. Впору его силъ и средствъ было выполнить лишь-бы этотъ отцовскій завѣтъ и братнинъ, смутно же притомъ, а не въ точности опредѣленный для его собственнаго сознанія: хоть бы только соблюсти въ цѣлости и утвердить на вѣки нерушимо унаслѣдованное имъ Владимірское княженіе—вотъ въ чемъ полагалъ онъ свою задачу, а обо всей Руси—не его была забота и думать. И онъ сдѣлалъ свое. За продолжительное время его не шаткаго, а твердаго, и не слабаго, а грознаго державства, не только унаслѣдованная имъ держава была соблюдена въ нерушимой цѣльности, но онъ еще возвеличилъ, распространилъ и укрѣпилъ ее; прямо сказать: *утвердилъ основу грядущаго государства на сѣверѣ и закрѣпилъ средоточіе его.*

Раньше Всеволода—не только при Долгорукомъ, но и при Боголюбскомъ — древніе Ростовъ и Суздаль помнили еще себя какъ бы новгородскимъ владѣніемъ даже отъ временъ Рюрика,—и не почитали ни Владиміра ни Юрьева ни Переяславля ни Москвы, ни всѣхъ этихъ новыхъ городовъ—за ту „*великую Русь*“, передъ коей надлежало имъ смириться, къ которой должны-бы были, отомкнувшись отъ Господина Новгорода, тянуть сами они какъ къ настоящему средоточію своему: какъ къ истинному сердцу ново-образовавшагося тутъ княжества-государства. Раньше временъ Всеволодовыхъ, и Бѣлозерскъ и Лаче-озеро, и Галичъ Мерянскій, и дальнѣйшія тамошнія мѣста—если не цѣликомъ, то на половину—все еще оспаривались Новгородомъ, какъ и все вообще Подвинье. При Всеволодѣ-же Юрьевичѣ, когда онъ отъ

Рязани добился Коломны, когда въ сторону Волжанъ-Болгаръ прочно утвердилъ Владимірское княженье Нижнимъ, а въ сторону самого Новгорода Тверью, Рыбьей Слободой, Мологой, Углече-Полемъ и проч., тогда уже вся Бѣлозерская сторона и Вологодскія мѣста и все вообще Подвинье такъ сплотились своимъ устройствомъ и слились по своему быту со стольнымъ городомъ Владиміромъ, что все тутъ преобразилось заново: всей этой обширной страны, которая сама себя почитала и всѣ ее наконецъ начали почитать за *„великую Русь“*, стало узнать нельзя противъ прежняго. Самъ Господинъ Новгородъ-великій, смиривъ наконецъ свою гордыню, долженъ былъ отложить старинную спесь и во многомъ волей-неволей подчиниться Владимірскому княженью: тѣ отдаленнѣйшя земли, на которыя встарь заявлялъ свои притязанія, онъ теперь счелъ безвозвратно потерянными для своего господства ужъ навсегда. Ни Ростовъ ни Суздаль со времени Всеволода не смѣли болѣе и мечтать о своемъ старинномъ первенствѣ, память о чемъ сливалась именно съ преданіями о древней связи съ Новгородомъ; со времени Всеволода объ ихъ отторженіи отъ стольнаго города Владиміра уже не было и рѣчей. Ибо для всѣхъ стало ясно: не къ нимъ гордымъ и стариннымъ городамъ, не къ Суздалю и не къ Ростову, тянула вся образовавшаяся по-за ними *„великая Русь“* — вправо и влѣво отъ Двинскаго верховья, — а именно къ столицѣ Всеволодова княжества: къ его стольному городу Владиміру. Это угадываемое народнымъ чувствомъ всѣхъ здѣшнихъ народонаселеній бытовое преимущество великокняжескаго Владиміра противъ безурядной Суздале-Ростовской старины, (сознаніе о чемъ смутно предносилось въ умѣ еще и Юрья Долгорукаго) — руководило и Всеволодомъ Юрьевичемъ, когда онъ дѣлалъ свое предсмертное распоряженіе.

Подобно тому, какъ отецъ его назначилъ Ростовъ и Суздаль меньшимъ дѣтямъ, а старшему указалъ Владиміръ, такъ и самъ Всеволодъ Юрьевичъ, почти уже наканунѣ своей смерти, указалъ Владиміръ старшему своему сыну *Константину*, а Ростовъ предоставилъ Юрію. Константинъ же, сидѣвшій тѣмъ временемъ въ Ростовѣ и пользовавшійся великою дружбой тамошнихъ бояръ, заслышавъ что излюбленный имъ городъ отданъ не ему, а брату его Юрію, вспыхнулъ

гнѣвомъ и не выѣхалъ изъ Ростова на зовъ отца своего. И это уже былъ не первый случай его столкновенія съ отцомъ; по разницѣ ихъ взглядовъ это было уже не первое разногласіе между Великимъ Княземъ и его наслѣдникомъ. Не забылъ, разумѣется, отецъ размолвки своей съ сыномъ, случившейся еще и во время рязанскаго похода. Константинъ тогда, о чемъ разглашалось въ его полкахъ, вступилъ съ отцомъ въ буйные споры по поводу князей рязанскихъ; а потомъ еще повторялъ и вслухъ на все войско: „если, молъ, Великій Князь хочетъ себѣ Рязань взять—никому же, какъ себѣ и вредъ чинитъ тѣмъ". И какъ въ ту пору сторону Константина держали всѣ окружавшіе его бояре вѣрные преданіямъ не то княжеской, не то боярской старины отдаленнѣйшихъ временъ, такъ и теперь въ его упорствѣ удержать Ростовъ за собою, разумѣется, поддерживали его сами тамошніе бояре.

Всеволодъ Юрьевичъ, разгнѣванный непослушаніемъ сына, повторилъ ему свой вызовъ: оставить Ростовъ и придти къ нему во Владиміръ. Тотъ отказался вторично: сынъ прислалъ къ отцу требованіе, чтобы ему вмѣстѣ со Владиміромъ данъ былъ и Ростовъ. Огорченъ и разстроенъ былъ тогда Великій Князь непослушаніемъ сына и ужъ не было мѣры его негодованью; истинно можно было ожидать повторенія тѣхъ еще временъ, когда не вытерпѣлъ самъ блаженной памяти святой Владиміръ и кликнулъ *„требите путь! и мостите мостъ!"* оскорбленный прекословіемъ Ярослава, и готовъ былъ выступить противъ сына. Но сходство тогдашней распри и нынѣшней было полное даже до конца. Какъ Ярославъ, излюбленный Новгородцами, не исполнилъ тогда отцовской воли не какъ непослушный сынъ Владиміра, а какъ истый князь Новгорода, любившій тамошніе порядки, также и по такому же случаю ослушался теперь и Константинъ. Онъ былъ любъ въ Ростовѣ старинному тамошнему боярству, дружинники готовы были головы свои положить за такого князя, какъ онъ,—и не какъ непослушный сынъ Всеволода Юрьевича, а какъ излюбленный тамошній князь, не захотѣлъ и Константинъ уступить меньшему противъ себя излюбленнаго имъ княженья. Но какъ тогда, во-время-оно, такъ и въ эти послѣдніе дни, не произошло войны между отцомъ и сы-

номъ; однако совершилось *нѣчто* еще неслыханное и невиданное на Руси: старшаго своего сына Всеволодъ Юрьевичъ *лишилъ великаго княженья* и вмѣсто его назначилъ Юрія своимъ наслѣдникомъ. Онъ созвалъ великій земскій соборъ во Владимірѣ: со всѣхъ областей и городовъ бояръ, игумновъ, поповъ, купцовъ дворянъ и всѣхъ людей во главѣ съ епископомъ Іоанномъ, и отдалъ по себѣ стольный городъ Владиміръ сыну своему Юрію: на него *возложилъ старѣйшинство,* ему приказалъ всю братью,—и всѣхъ привелъ на томъ ко кресту. И бояре и дворяне, черницы и бѣльцы, купцы и горожане, и *всякіе люди ото всѣхъ городовъ* Владимірскаго княженія—всѣ цѣловали Великому Князю крестъ на Юрія. *„Константинъ же воздвиже брови своя со гнѣвомъ на братью свою“* сказано про него въ лѣтописи.

Изъ этого и возникли дальнѣйшія смуты между дѣтьми Всеволода; самъ же старикъ-отецъ не пережилъ своего горя: разстроившись съ сыномъ, вскорѣ-же и скончался. Онъ умеръ 58-ми лѣтъ отъ роду, 1212-го года апрѣля 15 дня, въ воскресенье, въ самый тотъ часъ, какъ по всему Владиміру оканчивались обѣдни. По обычаю того времени, на другой же день, въ понедѣльникъ, и схоронили его,—положивъ тамъ же, гдѣ была гробница брата его Андрѣя Боголюбскаго — въ златоверхомъ Владимірскомъ соборѣ Богородицы.

Смутный промежутокъ времени по кончинѣ Всеволода (Большое гнѣздо).

Ослабленіе Владимірскаго княженія. Послѣ того начались безпрерывныя смуты — уже не въ Галичѣ, Кіевѣ и Черниговѣ, гдѣ онѣ не унимались все время и прежде, а во Владимірскомъ княженіи, гдѣ царили миръ, тишина и спокойствіе втеченіи тридцати семи лѣтъ кряду.

Лишенный отцомъ старѣйшинства, Константинъ Всеволодовичъ не могъ съ тѣмъ примириться и воевалъ противъ братьевъ Юрія и Ярослава, соединившихся противъ него въ неразрывный союзъ другъ съ другомъ. Остальные ихъ братья (Святославъ и Владиміръ Всеволодовичи) колебались между двухъ воюющихъ сторонъ, приставая то къ одной, то къ другой. Младшій изъ нихъ захватилъ было Москву

на свою часть, но Юрій выгналъ его оттуда и предоставилъ ему отцовское наслѣдіе на югѣ—Переяславль на Альтѣ и Городецъ Остерскій. Константину Юрій предлагалъ миръ цѣной уступки даже Владиміра, но взамѣнъ требовалъ себѣ Ростова, а Константинъ не согласился: отдавалъ ему лишь Суздаль; Владиміра же хотѣлъ себѣ не иначе, какъ вмѣстѣ съ Ростовомъ. Юрій, освободивъ рязанскихъ и муромскихъ князей, томившихся при его отцѣ въ неволѣ, усилился ихъ помощью и могъ тѣмъ успѣшнѣй воевать противъ старшаго брата; а Константинъ, оставивъ до времени посягательства на Владиміръ, продолжалъ непріязненныя дѣйствія на сѣверѣ: отнялъ Солигаличъ, жегъ Нерехту и Кострому. Изъ края въ край, такимъ образомъ, отъ московскихъ мѣстъ и до вологодскихъ, все Владимірское княженіе было объято войною. Годъ, и другой, и третій по смерти Всеволода усобица его сыновей не переставала: въ нее вмѣшался напослѣдокъ могучій ихъ сосѣдъ по Новгороду—главный рѣшитель всѣхъ тогдашнихъ браней и споровъ на Руси—Мстиславъ Мстиславичъ.

Дѣятельность Мстислава Удалого, до его похода на Владиміръ, въ Кіевской Руси.—Этотъ князь уже два раза ходилъ на Чудь къ Варяжскому морю и оба раза примѣрно наказалъ тамошнихъ данниковъ Новгорода, привелъ ихъ по-старинѣ въ полное повиновенье,—но ему хотѣлось великихъ дѣлъ и важныхъ подвиговъ не въ чужедальныхъ окраинахъ, а у себя на Руси.

Вскорѣ къ нему обратились съ просьбою о помощи и защитѣ (1214 г.) его двоюродные братья, внуки схимолюбиваго Ростислава, которыхъ тѣснилъ Кіевскій князь Всеволодъ Чермный, изгоняя изъ при-Днѣпровья. Они прислали ему сказать: „Всеволодъ Святославичъ не даетъ намъ части въ Русской землѣ; приходи, поищемъ своей вотчины“. Мстиславъ созвалъ вѣче на Ярославовомъ-дворѣ, кланялся Новгородцамъ, сказывая, что идетъ подъ Кіевъ на выручку своей братіи, — и предложилъ имъ вопросъ: не пойдутъ ли съ нимъ они сами въ помощь? Новгородцы отвѣтили: „Куда пòзришь, князь, туда и мы за тобой поголовно“. Рати собранныя для этого похода выступили съ посадникомъ Твердиславомъ; но подъ Смоленскомъ,

гдѣ привѣтствовалъ *Удалого* его двоюродный братъ (Мстиславъ Романовичъ), Новгородцы и Смоляне перессорились между собою. Одинъ изъ Смолянъ тогда былъ даже убитъ Новгородцами, и они не захотѣли вмѣстѣ продолжать похода; отговаривались, что брались только проводить Мстислава до Смоленска, а подъ Кіевъ не пойдутъ. *Удалой* обнялъ дружески посадника, цѣловалъ всѣхъ войсковыхъ старшинъ, откланялся мірскимъ поклономъ на всѣ стороны прочимъ Новгородцамъ,—простился со всѣми и пошелъ одинъ съ своей дружиною при смоленскихъ полкахъ. Новгородцамъ стало неловко по удаленіи князя; они тутъ же собрали вѣче и думали: какъ быть? Твердиславъ сказалъ: „Господа братья! разумѣется, на все ваша воля; какъ сами разсудите, такъ и будетъ; а словно, думается, не годилось бы намъ князя оставлять. Какъ трудились наши отцы и дѣды, ходили въ старину со своими князьями подъ Кіевъ страдать, — видно и мы, братья, также должны бы по-старинѣ поступить“. Новгородцамъ понравился совѣтъ посадника, нагнали Мстислава и отправились въ походъ всѣ вмѣстѣ, начали воевать волости по Днѣпру.

Подъ Вышгородомъ рѣшилась судьба Всеволода Чермнаго: его союзники были разбиты и самъ онъ бѣжалъ, двое его двоюродныхъ братьевъ (наслѣдники Ярослава Всеволодовича) попались въ плѣнъ. Съ *Удалымъ*, въ числѣ прочихъ князей, былъ тутъ и Ингварь Ярославичъ съ Волыни; его было и посадили на кіевскій престолъ,—благо ужъ онъ разъ побывалъ на немъ; но старый князь опять вскорѣ отказался отъ предоставленной ему чести. И тогда былъ утвержденъ на кіевскомъ престолѣ старшій между внуками схимолюбиваго-Ростислава, смоленскій князь Романъ Мстиславичъ. А Владиміръ Рюриковичъ, сынъ Рюрика Ростиславича, вдобавокъ къ своимъ волостямъ подъ Кіевомъ, унаслѣдованнымъ отъ отца, получилъ еще на свою долю и опроставшійся Смоленскъ. Не удалось, такимъ образомъ, Всеволоду Чермному (чѣмъ онъ похвалился, отомщая за кровь Игоревичей въ Галичѣ) изгнать всѣхъ до одного Мономаховичей изъ при-Днѣпровья. На него самого пошелъ *Удалой* еще и къ Чернигову, осадилъ въ его собственной столицѣ и смирилъ его, далъ ему миръ на всей своей волѣ,—послѣ того Всеволодъ Чермный и умеръ вско-

рѣ, оставивъ наслѣдникомъ Михаила. (Этотъ Михаилъ Всеволодовичъ, шуринъ Владимірскаго князя Юрія, благодаря родству съ нимъ, сидѣлъ потомъ въ Новгородѣ; княжилъ еще и въ Кіевѣ, но больше всего прославился напослѣдокъ мученическою кончиной, принявъ смерть въ Ордѣ татарской—подвигъ, за который и чтится святымъ княземъ).

Кіевскій походъ Мстислава *Удалого* увѣнчался, такимъ образомъ, полнымъ успѣхомъ, и онъ возвратился съ вѣрными своими новгородцами въ великомъ торжествѣ ко гробу отца своего въ Софіи. Но восторженная любовь, которую съ отца, со Мстислава *Храбраго*, Новгородцы перенесли на его сына, на Мстислава *Удалого*, не мѣшала однако продолжаться въ ихъ городѣ обычнымъ несогласіямъ и раздорамъ; борьба враждебныхъ сторонъ велась не съ меньшимъ ожесточеніемъ, какъ и прежде. Князю приходилось то и дѣло, въ угоду своихъ приверженцевъ, прибѣгать къ крутымъ насильственнымъ мѣрамъ противъ многихъ, кого общій голосъ выдавалъ въ Новгородѣ за его противниковъ и винилъ въ приверженности ко Владимірскому княженію. Нѣкоторые изъ здѣшнихъ бояръ безъ всякой другой вины жестоко поплатились вслѣдствіе подобныхъ подозрѣній: одни были изгнаны, а другіе заточены Мстиславомъ. Такая же участь постигла самого здѣшняго владыку. Архіепископъ Митрофанъ хотя и славился праведною жизнью и не противъ желанія Новгородцевъ былъ поставленъ ко Св. Софіи, тѣмъ не менѣе однако не нравился сторонникамъ Мстислава—именно, какъ присланный сюда еще по державной волѣ Всеволода Юрьевича. Тогда же возвратился изъ путешествія къ святымъ мѣстамъ извѣстный новгородецъ Добрыня Андрѣйковичъ и привезъ въ даръ своему городу камень отъ Гроба Господня изъ Іерусалима. Отказавшись отъ міра, онъ постригся въ Хутынскомъ монастырѣ и, какъ истый новгородецъ, слылъ вѣрнымъ стоятелемъ и ревностнымъ поборникомъ за здѣшнюю старину: этого Добрыню Андрѣйковича и поставили архіепископомъ ко святой Софіи. Безъ всякихъ другихъ причинъ владыка Митрофанъ былъ тогда смѣщенъ княземъ и сосланъ имъ въ свой Торопецъ, гдѣ и терпѣлъ заточеніе кротко и смиренномудро. За время отсутствія Мстислава и даже по его возвращеніи изъ Кіева, въ Новгородѣ дѣй-

ствительно не бездѣйствовали сторонники Владимірскаго княженья; не переставали собираться и тайныя вѣчи. Князь узналъ въ точности, что нельзя полагаться на дружбу новгородскую; слышно было: совѣщаются изгнать и его. Мстиславъ Мстиславичъ не сталъ дожидаться, чтобъ ему указали путь; вдругъ созвалъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ и простился съ Новгородцами, сказавъ имъ: „есть у меня дѣло *на Руси, а вы въ князьяхъ вольны*“. Всѣ изумились такимъ неожиданнымъ рѣчамъ князя, а онъ одной ногой былъ въ Новгородѣ, а другою ужъ въ Галичѣ. Его звалъ туда никто другой, какъ бывшій опекунъ Василька и Даніила Романовичей, самъ ихъ ближній сродникъ Лешко Бѣлый, Мазовецкій князь, не одинъ разъ приглашавшійся Краковяна-ми занять и тронъ польскій.

Дѣятельность Мстислава Удалаго, до его похода на Владиміръ, въ Галичѣ.—Послѣ коронаціи въ Галичѣ малолѣтняго Коломана съ малолѣтнею Саломеей—ихъ отцы, оба свата, недолго оставались мирны другъ съ другомъ. Венгерскій король, только что далъ—сейчасъ же и отнялъ назадъ Галичскія волости, которыми было щедро наградилъ Лешка и его ближняго боярина, воеводу Пакослова. Приспѣло къ тому же за эти истекшіе годы и то самое, что обыкновенно постигаетъ опекуновъ, когда они расхитятъ опекаемое наслѣдство,—а наслѣдники, придя въ возрастъ, потребуютъ, наконецъ, отчета въ своемъ имуществѣ за время своего малолѣтства.

Тесть Лешка, Александръ Бѣльзскій, попрежнему покорный подручникъ своего польскаго зятя, нимало не оспаривалъ у него той украйны подъ Берестьемъ, которую Лешко исподволь прибралъ къ своимъ рукамъ и втихомолку присоединилъ къ собственнымъ владѣніямъ. Тесть готовъ былъ даже уступить зятю гораздо больше, лишь бы сами Ляхи пособили ему отбиться отъ возраставшихъ съ каждымъ годомъ притязаній наслѣдниковъ „великаго Романа“, которые росли и сами въ это время, можно сказать, не по днямъ, а по часамъ. Радъ былъ, съ своей стороны, и Лешко Бѣлый усилить своего тестя Александра Бѣльзскаго вдесятеро противъ его двоюродныхъ братьевъ и охотно-бы возвратилъ ему изъ ихъ рукъ даже ихъ стольный городъ, но княженіе

во Владимірѣ-волынскомъ было теперь крѣпкое. Теперь уже и младшій княжичъ Василько достигъ того возраста, что могъ *„сидѣть на конѣ“* и участвовать въ походахъ; а пятнадцатилѣтнему Даніилу дядька его Мирославъ и другіе ближніе бояре уже пріискивали невѣсту. Даніилъ Романовичъ явно обличалъ всѣми богодарованными талантами, что *пойдетъ въ своего отца*, и уже не скрывалъ своей обиды, громко жалуясь, что Лешко Бѣлый держитъ его города по Бугу и занялъ его вотчину въ за-Бужской сторонѣ—древнее достояніе Руси, а отнюдь не Ляховъ. Какъ разъ въ это самое время и Венгерскій король лишилъ Лешка щедрой своей награды: отнялъ послѣднее, что у Мазовецкаго князя оставалось въ Галичинѣ. Не видя для себя пользы въ томъ, что родная дочь его Саломея титуловалась *„королевой Галлиціи“*, Ляхъ съ завистью глядѣлъ на Угровъ, распоряжавшихся Галичемъ, какъ собственностью Венгерской короны—и не стерпѣлъ досадъ своихъ. Лешко расчелъ вѣрно, къ кому изъ русскихъ князей можно было обратиться въ этомъ случаѣ. О дѣтяхъ Всеволода Юрьевича было общеизвѣстно, что они ссорились другъ съ другомъ изъ-за открывшагося наслѣдства и зовомый великій князь Владимірскій (одни называли Юрія, а другіе Константина) болѣе не имѣлъ власти на Руси: на сѣверѣ и на югѣ, Кіевомъ и Новгородомъ, распоряжался тогда у всѣхъ на виду Мстиславъ Мстиславичъ и мимо его прочіе князья уже не значили ничего ровно. Этимъ и воспользовался Лешко въ своихъ затрудненіяхъ.

Мстиславъ Мстиславичъ, по близкому родству на Волынѣ именно съ Ингваремъ Ярославичемъ и Александромъ Бѣльскимъ, приходился естественнымъ союзникомъ этой именно отрасли дома Мстислава II Изяславича, а не „наслѣдникамъ великаго Романа“. Его предпочтеніе къ Ингварю Ярославичу выразилось уже возведеніемъ этого князя на кіевскій престолъ; а также и его благоволеніе къ Александру Бѣльскому было общеизвѣстно. По всей вѣроятности, когда Мстиславъ Удалой свергнулъ Всеволода Чермнаго и посадилъ въ Кіевѣ Ингваря Ярославича, въ то уже время Лешко Бѣлый началъ переговоры съ нимъ о Галичѣ. Но то несомнѣнно, что едва только Мстиславъ возвратился изъ кіевскаго похода въ Новгородъ, туда сейчасъ-же и

прислалъ къ нему Мазовецкій князь пословъ своихъ—звать на Галичъ: „*Король* (Угорскій) *отъя Перемышль отъ Лестка и Любачевъ; Лестко же сжалися о срамотѣ своей и посла къ Новгороду по Мстислава, рекъ: братъ ми еси, пойди и сяди въ Галичѣ*“.

Тамъ—по несовершеннолѣтію королевича Коломана—всѣмъ управляли, какъ хозяева страны, Угры и тотъ самый бояринъ Судиславъ, который стоялъ за полное сліяніе Галича съ Венгріей. Судиславъ, испуганный призывомъ Мстислава Удалого со стороны Ляховъ, предпочелъ въ такой крайности видѣть на галичскомъ столѣ бывшаго посаженика самихъ Угровъ-же, Даніила Романовича и послалъ за нимъ, обѣщая передаться на его сторону. Но Мстиславъ предупредилъ Даніила и какъ только приблизился къ Галичу, Венгры оттуда удалились, съ ними и Судиславъ бояринъ. Мстиславъ безъ боя вступилъ въ столицу „*великаго Романа*“; но при всемъ расположеніи къ Лешкову тестю Александру Бѣльзскому радъ былъ видѣть возлѣ себя и Романова наслѣдника, пятнадцатилѣтняго юношу, Даніила. Вмѣсто вражды образовалась у нихъ дружба, а дружба укрѣпилась еще родствомъ: Мстиславъ Мстиславичъ выдалъ тогда же свою дочь (Анну) за Даніила. И этотъ Романовичъ, такимъ образомъ, представитель самой старшей отрасли Мономаховичей, породнился не только съ потомками схимолюбиваго Ростислава (старшая же линія), но и съ отраслью младшихъ потомковъ Мономаха: съ сыновьями Всеволода Юрьевича. Ибо старшая дочь Мстислава Удалого была тогда уже супругою Ярослава Всеволодовича (отца Невскаго). Этотъ бракъ Даніила вообще казался добрымъ знаменіемъ для грядущихъ судебъ здѣшняго края; но тѣмъ былъ онъ досаднѣй для тайныхъ недоброжелателей и для явныхъ враговъ Галича и Волыни.

Тесть ото всей души полюбилъ зятя; Даніилъ съ молодой супругой во Владимірѣ-волынскомъ, а его тесть у себя въ Галичѣ—жили въ полномъ согласіи и мирѣ. Зять, по своимъ волынскимъ дѣламъ, все сильнѣй и сильнѣй между тѣмъ враждовалъ съ Мазовецкимъ сосѣдомъ Лешкомъ Бѣлымъ и все настойчивѣй требовалъ отъ него возвращенія украйны подъ Брестомъ. Находясь съ нимъ уже въ прямой войнѣ, зять жаловался на своего обидчика и Мстиславу: „*занялъ*

Лешко многіе изъ моихъ городовъ и отчину мою держитъ“,— просилъ и помощи противъ него у тестя. Но Мстиславъ отвѣтилъ Даніилу: „Сынъ мой! за его любовь, оказанную имъ мнѣ, не могу идти на него войною; а ты найдешь противъ него союзниковъ и кромѣ меня“. И Даніилъ удачно воевалъ съ Лешкомъ, возвращалъ себѣ городъ за городомъ, Ляхи терпѣли отъ него постоянныя неудачи въ кровопролитныхъ бояхъ по Бугу.

Тогда Лешко не сомнѣвался уже въ расположеніи Мстислава къ Даніилу, ставшему зятемъ Галичскому князю; полагалъ къ тому-же, что самое возвращеніе русскихъ городовъ по Бугу, успѣшно производившееся Даніиломъ, происходило не безъ воли Мстислава и по его же совѣту. И политика Мазовецкаго князя мгновенно измѣнилась. Въ виду успѣховъ Руси, возобновившей во всей силѣ свое прежнее владычество въ Галичѣ и на Волынѣ, Ляхи и Венгры, вчерашніе соперники и враги другъ съ другомъ, сейчасъ же примирились между собой. Лешко Бѣлый послалъ сказать въ Угры, что онъ добровольно уступаетъ Галичскія владѣнія зятю Коломану,—съ тѣмъ вмѣстѣ оба, и Венгерскій король Андрей III и Лешко Бѣлый, заключили дружескій союзъ противъ князей Галича и Волыни и пошли на нихъ общею войною.

Съ Лешкомъ вторгнулось на этотъ разъ не малое войско, еще болѣе пришло Угровъ. Мстиславъ хотѣлъ забрать имъ въ тылъ и отошелъ въ сторону (на Збручь); а Галичъ велѣлъ оборонять Даніилу, звалъ туда еще и любимца своего Александра Бѣльзскаго—приказалъ и ему затвориться въ Галичѣ. Но Александръ Бѣльзскій, тесть и подручникъ Лешка, предоставилъ отсиживаться въ Галичѣ одному Даніилу; одинъ онъ и вынесъ всю тягость осады отъ соединеннаго Польскаго и Венгерскаго войска, не уступилъ Галича и отбивался храбро. Тогда союзники, бросивъ затянувшуюся осаду, обратились всѣми своими силами противъ Мстислава, дѣйствовавшаго у нихъ въ тылу. *Удалой* щадя свой малочисленный отрядъ, сталъ отступать, давъ приказъ въ то же время Даніилу *оставить Галичъ* и спѣшить къ нему на соединенье.

Но что было легко приказать, то было трудно исполнить. Самъ Мстиславъ *Удалой*, дѣйствительно, искусными

движеніями на Збручѣ не далъ восторжествовать надъ собой многочисленному врагу и безнаказанно ушелъ въ такъ называемую *Низовую страну*, или, еще проще, въ *Понизье* (нынѣшнія Каменецъ-Подольскія мѣста) а отсюда, потомъ въ Поросье. Но юный Даніилъ очутился въ безвыходномъ положеніи: союзники уже всѣми соединенными силами опрокинулись на него одного. Не легко было, оставивъ Галичъ, прочистить себѣ дорогу для отступленія; но еще труднѣй совершить это отступленіе по всему теченію Днѣстра внизъ выдерживая постоянный натискъ Венгровъ и Поляковъ, преслѣдовавшихъ Даніила по пятамъ и оспаривавшихъ у него шагъ за шагомъ. Непрестанныя нападенія враговъ, ободренныхъ уходомъ Мстислава и огромнымъ превосходствомъ своихъ силъ, недостатокъ въ припасахъ и полная безкормица, безпрерывные день и ночь переходы, голодъ и холодъ, несхожденіе съ коня безъ сна и безъ ѣды по нѣскольку сутокъ кряду — все привелось испытать юному воителю при этомъ изнурительномъ отступленіи по скалистому берегу Днѣстра. Славу этого похода дѣлили съ нимъ всѣ находившіеся при немъ великіе бояре его отца Романа, дивились мужеству не по лѣтамъ своего князя и соревновали ему тѣмъ усерднѣй, а онъ имъ. Съ удивленіемъ видѣли въ этомъ походѣ, какъ, напримѣръ, молодой князь бился съ утра до ночи, цѣлый день не сходя съ коня; другой разъ онъ одинъ погнался и долго несся за бѣжавшимъ отрядомъ разбитыхъ непріятелей, спасшихся тогда лишь борзостію своихъ угорскихъ иноходцевъ. Кромѣ Ляховъ и Венгровъ, сами здѣшнія населенія, находившіяся во власти Венгровъ и мятежныхъ галичскихъ бояръ, кругомъ были не мирны: приходилось терпѣть постоянныя муки на всемъ пути. Случилось, что когда князь и всѣ воины мучились „*гладомъ великимъ*“, вдругъ увидали тянувшіеся обозы, поспѣшавшіе на торгъ къ празднику святого Димитрія въ ближній городъ: захватили припасы, „*насытилисъ изобильно*“ и „*возблагодарили святого Димитрія, яко накорми я*“. Подойдя наконецъ по Днѣстру къ тому мѣсту, гдѣ имъ слѣдовало переправиться на другой берегъ, не нашли они ни моста ни брода и уже отчаявались за свое спасеніе,—вдругъ нежданно-негадано попались имъ навстрѣчу торговыя суда, плывшія изъ Олешья: ихъ приняли на нихъ, напоили и накормили

виномъ и рыбой и благополучно доставили на другую сторону. Когда наконецъ, исполнивъ трудное порученіе, Даніилъ привелъ измученное войско къ Мстиславу и оно соединилось съ его дружиной въ Подоліи, самъ Удалой *„великую похвалу сотвори Данилови“*, дивился подвигу своего юнаго зятя, обласкалъ его и.. подарилъ ему любимѣйшаго изъ своихъ коней, *своего сиваго*. Тесть сказалъ тогда своему зятю: „Пока ступай въ свой Владиміръ-волынскій, а ужъ мы имъ отомстимъ весь срамъ нашъ“, и обнадеживалъ тѣмъ, что пойдетъ къ Половцамъ: ихъ приведетъ съ собою. Степной бытъ въ шатрахъ половецкихъ былъ смолоду по-душѣ Мстиславу Мстиславичу, онъ тогда и жену взялъ себѣ изъ Половчанокъ;—захвативъ Галичину, словно, лишь по необходимости сидѣлъ въ тамошней столицѣ, а больше пребывалъ именно въ Подоліи, нравилось ему и житье въ сосѣднемъ Поросьѣ, особенно любилъ онъ тамошній свой Торческъ.

Даніилъ, до новыхъ подвиговъ, обѣщанныхъ ему тестемъ, смиренно возвратился изъ этого похода въ свой Владиміръ-волынскій; а тесть его на этотъ разъ пошелъ однако не къ Половцамъ: въ скоромъ времени опять очутился у Новгородцевъ.

Возвращеніе Мстислава Удалого въ Новгородъ и ссора съ Владимірскими князьями.—Тамъ, за время его отсутствія, произошли великія перемѣны. Князь, присланный изъ Владиміра Юріемъ (сынъ его), былъ замѣщенъ новымъ, присланнымъ изъ Кіева отъ Мстислава Романовича (сыномъ же его); но обоимъ княжичамъ одинаково не посчастливилось въ Новгородѣ. Первый, испугавшись происходившей тамъ неурядицы, поспѣшилъ возвратиться къ отцу; а при второмъ мятежи сдѣлались еще сильнѣе: опять повторились кровавые схватки однихъ уличанъ съ другими и опять былъ убитъ Посадникъ. Напослѣдокъ Новгородцы обратились съ такою просьбой къ Юрію во Владиміръ: „если твоему сыну у насъ не любо, пришли къ намъ брата своего Ярослава Всеволодовича“.

Казалось, это былъ *желанный* князь для всѣхъ Новгородцевъ. Приверженцы *Удалого* могли надѣяться, что этотъ князь будетъ у нихъ править въ духѣ своего тестя, ибо Ярославъ Всеволодовичъ былъ женатъ на старшей дочери

Мстислава; а сторонники Владимірскаго княженія чтили въ немъ сильнѣйшаго изъ Владимірскихъ князей, главнаго послѣ самого Юрія. Но какъ только прибылъ Ярославъ сюда на княженіе, на первыхъ же порахъ разразилась такая бурная смута, какой никогда еще въ Новгородѣ не бывало; взрывъ народныхъ страстей и ожесточеніе другъ противъ друга враждебныхъ сторонъ ни разу еще не разражались сильнѣе. Оказалось къ тому же, что и самъ призванный князь былъ, что называется *изъ молодыхъ да ранній*. Ошиблись надѣявшіеся найти въ Ярославѣ Всеволодовичѣ зятя достойнаго такого тестя, какъ Мстиславъ *Удалой*. Это былъ истый Владимірскій князь, отнюдь не расположенный соблюдать пресловутыя „*льготы новгородскія*“, о томъ только и думавшій: какъ бы ему сидя въ Новгородѣ, „*примышлять ко Владимірскому великому княженью*“. Сторонники *Удалого* сразу не взлюбили этого спроптивѣйшаго изъ всѣхъ Всеволодовичей: онъ еще справлялъ новоселье, а ему ужъ грозили изгнаньемъ. Напротивъ того, здѣшніе приверженцы Владимірскаго княженія, поднявъ голову и снова торжествуя свое возвышеніе, горой стали за понравившагося имъ князя. Они ужъ давали совѣтъ Ярославу: уйти въ Торжокъ, тамъ и княжить, оттуда и держать въ своихъ рукахъ мятежный Новгородъ. Ярославъ такъ и сдѣлалъ. А когда изъ Новгорода прислали сказать: „*приходи въ Новгородъ*“, Ярославъ захватилъ посланныхъ и отправилъ изъ Торжка прямо въ свой удѣлъ: въ заключеніе на озеро Клещино (Плещеевское), въ свой Переяславль. Тогда противъ Ярослава Всеволодовича всталъ мятежомъ поголовно весь Новгородъ-Великій; а онъ, сидя въ Торжкѣ, посмѣвался надъ мятежными Новгородцами, велѣлъ задерживать купцовъ съ товарами по всѣмъ дорогамъ; было захвачено множество новгородскихъ мужей и всѣ отосланы въ заточенье—туда же, въ Переяславль, вдобавокъ къ прежнимъ. Мало того, въ тотъ годъ жито не уродилось въ ихъ области, а Ярославъ затворилъ впускъ хлѣба въ Новгородъ: онъ не пустилъ къ нимъ въ городъ ни одного воза. И прежде, еще съ лѣтошняго года, всѣ жаловались на дороговизну; а послѣ мѣръ принятыхъ Ярославомъ, голодъ дошелъ до того, что въ Новгородѣ родители изъ-за куска хлѣба продавали дѣтей своихъ въ рабство; ѣли все нечистое; люди умирали съ голоду на улицѣ; мертвые валялись

по дорогамъ и собаки терзали ихъ. Новгородцы послали къ Ярославу Всеволодовичу честью просить его къ себѣ, но онъ не далъ отвѣта и опять задержалъ посланныхъ. Новгородцы прислали вторично: *„иди въ свою отчину къ святой Софіи, а не хочешь идти—такъ скажи“*. Ярославъ, по обыкновенію задержалъ присланныхъ, велѣлъ только вмѣсто всякаго другого отвѣта *„вывести изъ Новгорода жену“*: вывелъ къ себѣ въ Торжокъ дочь *Удалого*. Такъ какъ по всѣмъ дорогамъ не переставали между тѣмъ хватать гостей новгородскихъ и задерживали ихъ товары, однихъ этихъ плѣнниковъ накопилось уже до двухъ тысячъ и ихъ держали въ неволѣ. *„Вопль и печаль великая“* огласили Новгородъ, по словамъ лѣтописца. Вдругъ тогда, среди всѣхъ этихъ бѣдствій, и явился къ новгородцамъ Мстиславъ Удалой: никто не зналъ откуда.

Ярославъ выслалъ было противъ своего тестя отрядъ новгородцевъ перенять дорогу въ Новгородъ: отрядъ передался Мстиславу. Въѣхавъ въ городъ, Удалой первымъ дѣломъ велѣлъ захватить всѣхъ дворянъ и мужей Ярослава Всеволодовича, и всѣхъ до одного заключилъ въ оковы. Потомъ, собравъ вѣче и вновь цѣлуя на всемъ народѣ крестъ Новгороду, говорилъ: „либо возвращу новгородскихъ мужей и новгородскія волости, либо голову свою повалю за Великій-Новгородъ“.—*На жизнь и на смерть готовы съ тобой*, отвѣтили Новгородцы. Мстиславъ началъ съ того, что отправилъ въ Торжокъ мирное посольство: для переговоровъ выбранъ былъ одинъ священникъ любимѣйшій въ городѣ и изъ самыхъ именитыхъ—знакъ именно того, что переговоры велись не для угрозы, а по совѣсти и любви для увѣщанья. Мстиславъ велѣлъ кланяться своему зятю и сказать: „Сынъ мой! отпусти мужей и гостей новгородскихъ и *возьми со мной любовь*. Уйди въ свою отчину, а Торжокъ оставь“. Ярославъ *„пусти попъ безъ мира“* и отвѣтилъ по-свойски: „а Новгородъ не вотчина мнѣ что ли? *такая же и мнѣ, какъ тебѣ*“. Онъ не только не освободилъ забранныхъ Новгородцевъ, а которыхъ еще содержали въ Торжкѣ велѣлъ заковать и всѣхъ отправилъ въ свою вотчину для заточенья, товары же ихъ и имущество роздалъ своимъ дворянамъ.

Какъ только вѣсть о томъ изъ Торжка пришла въ Нов-

городъ, Мстиславъ Мстиславичъ велѣлъ звонить вѣче и, когда къ нему на Ярославовъ-дворъ собрался мало не весь городъ, онъ говорилъ: „Идемъ, братья! поищемъ мужей своихъ, вашу братью! вернемъ ваши волости! да не будетъ Новый-Торгъ великимъ-Новгородомъ, ни Новгородъ Торжкомъ. А гдѣ святая Софія, туть Новгородъ. И во многомъ Богъ, и въ маломъ Богъ и правда".

Походъ Мстислава Удалого противъ Владимірцевъ. Эта война ужъ съ самаго начала приняла необычный характеръ. Шли новгородцы какъ одинъ человѣкъ и князь былъ съ ними заодно—отомщать ничто другое, какъ *„владимірское самовластье"*. Мстиславъ явно питалъ гнѣвъ—не лично противъ своего непокорнаго зятя, а возненавидѣвъ въ немъ исконную прирожденную гордыню, свойственную вообще *владимірскимъ* князьямъ. Зная притомъ, что эта несносная ихъ гордость опирается дѣйствительно на грозную силу,—хорошо зная, что на ихъ сторонѣ въ самомъ дѣлѣ несмѣтное множество народа и войско безъ числа — неустрашимый воинъ напередъ ожидалъ себѣ не блестящаго, а развѣ подвижническаго вѣнца въ этой неравной борьбѣ и готовился къ ней со страхомъ. Онъ на спѣхъ вызвалъ къ себѣ въ помощь родного брата изъ Пскова (котораго отецъ *Мстиславъ Храбрый*, умирая, поручилъ заботамъ боярина Юрія Захарьича) Владиміра Мстиславича; кромѣ того, призвалъ еще къ себѣ изъ Смоленска двоюроднаго брата Владиміра Рюриковича (сѣвшаго тамъ, когда оттуда Мстиславъ Романовичъ перешелъ въ Кіевъ). Хлопоталъ изъ всѣхъ силъ и Новгородъ собрать *„елико можно"* воиновъ, новгородскіе полки на этотъ разъ были значительны.

Мстиславъ не сомнѣвался, что Ярославъ и Юрій Всеволодовичи, оба брата, будутъ въ этой войнѣ дѣйствовать непремѣнно противъ него заодно; но онъ разчитывалъ на ихъ старшаго брата. Константинъ Всеволодовичъ въ глазахъ *Удалого*, казался нѣкоторымъ образомъ и самъ жертвой тогоже *„владимірскаго самовластья"*. Ему, а не Юрію—по преданью стараго времени—надлежало занять престолъ Владимірскій; по всѣмъ ихъ княжескимъ понятіямъ: лишать дѣтей богодарованнаго имъ наслѣдія грѣшно. И Мстиславъ Мстиславичъ не сомнѣвался, такимъ образомъ, еще и въ томъ,

что едва онъ вступитъ со своими вѣрными Новгородцами въ гордое Владимірское княженье и двинется противъ гордыхъ братьевъ Юрія и Ярослава Всеволодовичей,—какъ кликнетъ кличь, что идетъ возстановить нарушенное право старѣйшаго въ ихъ братьѣ—самъ Константинъ приметъ его сторону. Посадить у нихъ старѣйшаго брата на ихъ старшемъ столѣ—въ умѣ *Удалого* казалось самымъ естественнымъ дѣломъ. Къ тому же, благочестивый Константинъ, *„не помрачавшій ума своего пустошною славой прелестнаго свѣта“* (таковъ былъ о немъ общій голосъ), пользовался и общимъ уваженіемъ. Кроткій и смиренный, одинъ онъ и вышелъ изъ всѣхъ сыновей покойнаго Всеволода—не въ своихъ братьевъ. Рѣшеніе примѣрно наказать Ярослава Всеволодовича за его жестокое самовластіе противъ новгородцевъ уже сливалось въ умѣ *Удалого*, такимъ образомъ, съ его же рѣшеніемъ возстановить старину въ самомъ Владимірскомъ княженіи, возстановивъ неотъемлемое право Константина на старѣйшинство, нарушенное произволомъ его отца Всеволода. Оправить Константина также представлялось справедливѣйшимъ дѣломъ: вся вина сына предъ отцомъ въ этомъ случаѣ въ томъ и состояла, по понятіямъ Удалого, что не взлюбивъ *владимірской новизны,* введенной Андрѣемъ Боголюбскимъ, Константинъ отстаивалъ именно старину въ родной вотчинѣ. Ненависть къ памяти Андрѣя Боголюбскаго составляла, можно бы сказать, наслѣдственную черту въ потомкахъ Мстислава *Храбраго*; а по Андрѣю Боголюбскому не была имъ любезна память и самого Всеволода.

Ярославъ Всеволодовичъ, заслышавъ на себя подъемъ тестя, бросилъ Торжокъ; съ нимъ бѣжали и Новоторы, сами Новгородцы кинулись за нимъ. Всѣ находившіеся въ Новгородѣ единомышленники Ярослава спѣшили выбраться оттуда и цѣлыми дружинами присоединялись къ его дружинѣ. Самъ же онъ не замѣшкалъ обратиться къ брату Юрію и, дѣйствительно, оба стали заодно: для встрѣчи уже готовому вторгнуться въ ихъ землю непріятелю подняли на-ноги все владимірское народонаселеніе.

Этотъ походъ Мстислава отличался неимовѣрною рѣшительностью и быстротою. Предпринятый въ тотъ же мигъ, можно бы сказать, какъ только Ярославъ отвергнулъ съ

поруганіемъ мирныя предложенія Мстислава, походъ пришелся въ самое неудобное время года: была распутица наканунѣ весны и Пасхи (праздновавшейся тотъ годъ 10 апрѣля), тѣмъ не менѣе, однако, въ нѣсколько недѣль—еще ранѣе, чѣмъ наступила просуха—все было кончено. На второй недѣлѣ Великаго поста, во вторникъ, 1-го марта, Мстиславъ выступилъ изъ Новгорода къ озеру Селигеру, и тутъ, проходя свой Торопецкій удѣлъ, дозволилъ воинамъ забираться кормомъ и продовольствіемъ, ѣздить *„въ зажитіе“*, но наносить вредъ населенію запретилъ строго. На рѣкѣ Вазузѣ, гдѣ онъ очистилъ отъ враговъ *Ржеву* и захватилъ ихъ городъ Зубцовъ, съ нимъ соединился Владиміръ Рюриковичъ со своими Смолянами. На первыхъ порахъ смущались колебаніями Константина, котораго какъ слышно было, братья склонили на свою сторону, вслѣдствіе чего и грозились изъ подъ Ржева и Зубцова, не опасаясь Константина у себя въ тылу, что̀ даже вынудило союзниковъ раскидать тогда свои силы въ разныя стороны въ ущербъ походу. Но вслѣдъ затѣмъ прислалъ къ нимъ и Константинъ свой пердовой отрядъ въ помощь, давая знать что спѣшитъ къ нимъ на соединеніе. Тогда, вмѣсто того чтобъ брать Торжокъ и опустошать свою же новгородскую волость, *Удалой* предпочелъ двинуться на самую Тверь, тамъ-же надѣялись захватить и Ярослава,—впрочемъ, гдѣ Ярославъ—прямой вѣсти не было. Къ нему все еще стекались отложившіеся отъ Новгорода Новоторы и сами Новгородцы; цѣлая дружина изъ нихъ была выслана впередъ Ярославомъ остановить движеніе непріятеля; этимъ же перебѣжчикамъ поручилъ онъ защиту Твери. Въ Благовѣщенье, въ пятницу на пятой недѣлѣ поста, былъ разбитъ этотъ вражій отрядъ, высланный изъ Твери; а отъ плѣнныхъ узнали, что Ярослава нѣтъ больше ни въ Торжкѣ, ни въ Твери: онъ у себя въ Переяславлѣ.

Туда, въ самую глубь непріятельскихъ владѣній, и повелъ тогда Мстиславъ своихъ воиновъ; стало свободнѣй *„ходить въ зажитіе“*: вволю забирались житомъ и кормомъ, не только продовольствіемъ, но и всякою добычей; жгли, грабили, уводили плѣнныхъ. Поволжье въ тверскихъ мѣстахъ (со стороны Шоши и Дубны, гдѣ шелъ самъ Мстиславъ съ княземъ Смоленскимъ, и со стороны Холохоль-

ни, куда былъ отправленъ князь Псковскій встрѣчать *„третьяго друга“*, какъ Удалой называлъ князя Константина Всеволодовича)—все здѣшнее Повольже было объято войной и *„положено пусто“*. На Страстной недѣлѣ, въ Великую субботу, 9-го апрѣля, пришелъ желанный *третій* другъ; Константинъ самъ лично привелъ все свое войско, *и радость великая была въ полкахъ* о соединеньи. Отпраздновавъ вмѣстѣ Пасху, двинулись впередъ тогда же на Свѣтлой недѣлѣ. Мстиславъ такъ спѣшилъ напослѣдокъ, что за распутицей побросалъ обозы и *„погнали вборзъ“*; въ Ѳомино воскресенье завидѣли Переяславль; но не тутъ-то было,—узнали, что Ярославъ уже вышелъ изъ своего города. Оказалось, что, забравъ всѣ свои полки, онъ повелъ ихъ нàспѣхъ для соединенія съ Юріемъ; Юрій же Всеволодовичъ рѣшился не допускать непріятелей къ своей великокняжеской столицѣ, хочетъ *дать имъ поле* и со всѣми своими силами уже выступилъ изъ Владиміра имъ навстрѣчу.

Пораженіе Владимірскихъ князей при Липицѣ.—Противники сошлись неподалеку отъ города Юрьева, на памятныхъ берегахъ Колокши. Битвы тутъ случались и во времена Долгорукаго; но два главныхъ боя, одинъ другого памятнѣй, особенно прославили это мѣсто. Сто лѣтъ съ лишкомъ тому назадъ, во дни Мономаха, сынъ его старшій Мстиславъ, предводительствуя Новгородцами (родной прадѣдъ Удалого), разбилъ тутъ нàголову вторгнувшіеся полки Олега Гориславича и гналъ ихъ до Рязани. Тутъ-же менѣе полвѣка тому назадъ, самъ Всеволодъ Юрьевичъ нанесъ страшное пораженіе потомкамъ тѣхъ-же Рязанцевъ, сразу тогда и порѣшившее участь рязанскихъ князей. Всеволодовы сыновья, Юрій и Ярославъ, расположась станомъ въ памятныхъ мѣстахъ, исполненныхъ славою ихъ предковъ, тѣмъ болѣе не сомнѣвались въ собственномъ непремѣнномъ торжествѣ и въ неминуемой гибели противниковъ, что имѣли на своей сторонѣ огромное численное превосходство.

Звавшіеся встарину *„княжіи дружины“* или *дворянство* и *дворяне*, какъ начали именоваться здѣшніе служилые люди, нигдѣ не были такъ многочисленны и въ свою очередь

обильны слугами, какъ у Владимірскихъ князей, ужъ по-сàмому ихъ богатству. А съ Юріемъ сложились на этотъ-разъ (за исключеніемъ Константина) всѣ его братья: всѣ-вмѣстѣ и дружины ихъ, подъ великокняжескимъ стягомъ, слились въ одну. Пришли къ нему въ помощь и подручные-муромскіе князья. Кромѣ того, множество Новгородцевъ и всѣ до одного Новоторжцы передались на его же сторону. Все, что было въ Новгородѣ расположеннаго къ-Владимірскому княженью, дóчиста выбралось оттуда, избывая гнѣвъ Мстислава и торжествовавшихъ его приверженцевъ, грозившихъ гибелью своимъ противникамъ,—все это и присоединилось къ полкамъ владимірскимъ. На этотъ разъ *„раздѣлишася сами на ся“*—ужъ можно было сказать и про-Новгородцевъ. Главная же сила заключалась въ томъ, что со всѣхъ тьмочисленныхъ селъ и городовъ Владимірскаго-княжества (за исключеніемъ Константиновой части) собраны были на этотъ разъ множайшіе полки въ усиленномъ, еще небываломъ размѣрѣ. Какъ по числу городовъ, такъ и по военному устройству Владимірское княжество-превосходило всѣ прочія: съ нимъ въ этомъ отношеніи нельзя было равняться,—это составляло особенную силу *Суздальской земли* и ея преимущество искони. Кромѣ земскихъ полковъ были, наконецъ, тутъ и „бродники“—заведенные еще самимъ Юріемъ Долгорукимъ (звавшіеся при немъ „берендѣи“)—не степнымъ бродникамъ чета! не та полудикая вольница, что больше мутила, чѣмъ охраняла южную Русь. Это размножившееся втеченіи семидесяти лѣтъ войско—съ одной стороны, не утратившее своей отличительной суровости, а съ другой стороны, управленное отначала и вовсе сроднившееся напослѣдокъ-съ мѣстнымъ бытомъ—составляло тутъ весьма значительную-силу. Цѣлыя слободы были заселены ими. Ихъ летучіе отряды при всѣхъ вообще походахъ Владимірскихъ князей призывались къ отправленію свойственной имъ службы при полкахъ; но на этотъ разъ, какъ видно по особому о нихъ упоминанію въ лѣтописи, они были позваны на войну всѣмъ своимъ войскомъ. Что̀ на этотъ разъ призывъ былъ необычайный и наборъ, можно бы сказать, поголовный—это ясно видно изъ словъ лѣтописи. Кромѣ того, что была поднята *„вся сила Суздальской земли“*, какъ это обычно ве-

лось во Владимірскомъ княжествѣ, но брали еще поселянъ отъ сохи, отрывали ихъ прямо отъ сельскихъ занятій—и съ конями и пѣшихъ. „*Бяшетъ бо погнано и изъ поселей и до пѣшецъ. Оле, страшно чудо! и дивно, братіе!* пойдоша сынове на отци, а отци на дѣти, братъ на братъ, рабы на господу, а господа на рабы“.

По собственнымъ словамъ Ярослава Всеволодовича, у нихъ съ братомъ было столько воиновъ, что ихъ приходилось „больше, чѣмъ *сто на одного*“ противъ непріятелей. Еще въ началѣ похода, при самомъ открытіи военныхъ дѣйствій, какъ только Мстиславъ взялъ Зубцовъ, онъ и его братъ, князь Псковскій, послали къ Ярославу въ Торжокъ сказать ему, что имъ не въ радость воевать Владимірскіе предѣлы и лучше бы заключить миръ. Тогда уже Ярославъ далъ гордый отвѣтъ: „Мира не хочу, а пошли, такъ ступайте! На сто нашихъ недостанетъ и одного вашего“.—„*Ты съ силой, а мы съ крестомъ!*“—возразили Мстиславичи. И не прошло еще мѣсяца послѣ такихъ переговоровъ, противники уже стояли лицомъ къ лицу, другъ противъ друга на берегахъ Колокши, въ ожиданіи рѣшительнаго боя. Онъ произошелъ въ четвергъ, 21-го апрѣля 1216 года, и по мѣсту, которое занималъ Константинъ Всеволодовичъ, стоявшій на *Липицѣ*—получилъ названіе *Липецкаго боя*; а побѣда, тутъ одержанная, (единственный случай, что лѣтописцы допустили такое выраженіе) названа, „*побѣдище*“.

И смоленскіе полки Владиміра Рюриковича, и псковскіе брата Удалого, Владиміра Мстиславича, и приведенные самимъ Константиномъ Всеволодовичемъ—всѣ были отданы въ главное распоряженіе Мстислава Мстиславича. Съ вѣрными своими Новгородцами и собственною отборною дружиной, бывъ душой всего похода, онъ и былъ единогласно признанъ воеводой союзнаго ополченія: отъ его имени велись и переговоры. Онъ послалъ сказать Юрію: „кланяемся тебѣ, братъ! Отъ тебя намъ обиды нѣтъ и не было: обида намъ отъ Ярослава“; но Юрій далъ отвѣтъ: „Я и Ярославъ — одинъ братъ. Пришли вы къ намъ, а посмотримъ еще: какъ выйдете?“ Мстиславъ велѣлъ сказать и Ярославу: „Отпусти же новгородскихъ мужей и отступись отъ Торжка, возьми миръ съ нами, а крови не проливай“. Ярославъ возразилъ: „Которыхъ мужей я взялъ, тѣхъ дер-

жу; а ихъ товары войско расхитило: гдѣ жъ я найду?“ Тогда союзники опять начали думать между собою и рѣшили послать Юрію и Ярославу посольство за разъ къ обоимъ. Мстиславъ дѣйствительно отправилъ къ нимъ вторично своихъ пословъ, къ Юрію и Ярославу, съ мирными предложеніями и велѣлъ,—предупредивъ напередъ, что это ужъ рѣчи послѣднія,—говорить такъ: „Братья! мы пришли не кровь проливать, не для войны и раззоренья, не чтобы васъ владѣній лишить—не дай того Богъ: всѣ мы одного рода-племени,—а чтобы управиться между собою. По закону Божьему и правдѣ русской дайте старѣйшинство большому вашему брату; всѣхъ васъ старѣй Константинъ—его и посадите во Владимірѣ, а вамъ Суздальская земля вся“. Юрій велѣлъ отвѣтить на это: „Если ужъ самъ отецъ не могъ насъ управить съ Константиномъ, такъ вы ли еще насъ съ нимъ хотите умирить? Ступайте, откуда пришли“. А Ярославъ прибавилъ: „мира не хотимъ; намъ съ вами мира не надобно“. Кромѣ того, оба брата велѣли особо прибавить своему брату Константину: „когда насъ одолѣешь, вся земля твоя будетъ“ и объявили, что съ своей стороны считаютъ всѣ переговоры оконченными и будутъ готовиться къ бою.

Такъ превозносились Юрій и Ярославъ, видя у себя силу великую, и учредили пиръ въ шатрахъ съ боярами,—и на всю дружину: радость въ многочисленныхъ шатрахъ была шумная. Пили и веселились; а больше того похвалялись, что теперь ужъ самъ бой рѣшитъ между ними: на чьей сторонѣ правда? Пришли-то они пришли, да и попали какъ рыба нàсухо! Сами видятъ, что не выйти имъ цѣлу: вотъ и тянутъ переговоры! на каждаго изъ нихъ у насъ по сту будетъ!.. Какія это рати? мы бы и не съ такими справились. Пиръ пошелъ горою и вино лилось рѣкою; а дружина—какъ встарь, такъ и тогда всегда—рада была пить-ѣсть готовое, все вторило князьямъ на ихъ веселіи.

Нашелся, однако, одинъ бояринъ, въ княжескомъ шатрѣ, не изъ „*младоумныхъ*“ и сказалъ: „А я такъ думаю-гадаю: лучше было-бы помириться. Князь Юрій и князь Ярославъ! лучше бы вамъ и вправду отдать старѣйшинство Контстантину — не отнимать, что̀ ему Богъ далъ и законъ русскій. На то не глядите, что противъ насъ ихъ кажется мало. Въ Ростиславо-

вомъ племени все мудрые, порядливые, храбрые князья; да и воины съ ними—на что̀ лучше! Смоляне и Новгородцы дерзки въ бою. А Мстиславу Мстиславичу—сами знаете—дана храбрость пуще всѣхъ. Такъ-то, княже Юрій! такъ-то Ярославе княже!.. Думайте, оба мои Господина, гадайте".

Не понравились князьямъ такія рѣчи и тогда всѣ за столомъ расшумѣлися, а одинъ изъ „младоумныхъ" всталъ и сказалъ: „Князь Юрій и князь Ярославъ! не было еще того при дѣдахъ и прадѣдахъ, ни при отцѣ вашемъ, чтобъ кто вошелъ въ нашу землю ратью и вышелъ бы изъ нея цѣлъ. Хотя бы и вся русская земля пришла—и Галичьская, и Кіевская, и Смоленская, и Черниговская, и Новгородская, и Рязанская—никакъ противъ нашей силы не успѣли бы! А это что за полки? мы ихъ сѣдлами закидаемъ". И князьямъ понравились эти рѣчи, стали они еще больше обнадеживаться и охрабрять своихъ бояръ и дружинниковъ. „Молъ, сами пришли къ намъ! дается товаръ въ руки!.. Всѣхъ бери, никого живымъ не выпустимъ. Если и золотомъ шито оплечье будетъ—бей всякаго; кто въ бисерѣ или серебрѣ—коли-руби всѣхъ! Да не оставимъ ни одного живого! Ежели кто возьметъ живого—смерть тому. А кто убѣжитъ—вѣшать!.. тѣхъ распинать будемъ. Вотъ князья—другое дѣло; ихъ чтобы живьемъ забирали! а когда они будутъ всѣ въ нашихъ рукахъ—ужъ тогда и посмотримъ послѣ". И, отпустивъ гостей, остались князья съ самыми ближними боярами своими доканчивать пирушку, начали города дѣлить. „Мнѣ, братъ, Владимірская земля и Ростовская, а тебѣ Новгородъ! а Смоленскъ брату нашему Святославу; а Кіевъ уступи, братецъ, Черниговскимъ князьямъ, а Галичъ намъ же". И стали писать грамоты—что кому. Подѣливъ города и написавъ грамоты, закончили наконецъ пиръ отправленіемъ гонца къ противникамъ сказать имъ, что идутъ къ *Липицѣ*: тамъ и готовы бой принять, если кому въ охоту съ ними биться.

Въ тотъ же день Мстиславъ собралъ у себя совѣтъ и рѣшили: принять вызовъ, идти для смертнаго боя на Липицкую равнину; утвердились въ томъ и крестнымъ цѣлованіемъ. Союзники опасались слабости Константина, помня, что въ этомъ походѣ онъ не вдругъ приложился къ нимъ и задержалъ вначалѣ ихъ успѣхи, опасались и напослѣдокъ:

какъ бы онъ не норовилъ своимъ братьямъ? Но Константинъ далъ потребованную отъ него присягу, — и первый повелъ своихъ къ полю битвы. Всю ночь въ его полкахъ не умолкали трубы и били въ бубны; вся эта ночь и прошла во всеобщей тревогѣ и въ приготовленіяхъ къ бою. На утро оказалось однако, что князья, вызвавшіе всѣхъ на бой къ Липицѣ, уклонились отъ исполненія договора. Вмѣсто того, чтобы выровниться на условленномъ мѣстѣ и дать поле, честно сойтись съ противникомъ, Юрій и Ярославъ со всѣмъ ихъ воинствомъ всю ночь дѣлали передвиженія совсѣмъ съ другою цѣлью. Они выбрали мѣсто, защищенное къ сторонѣ непріятелей глухою дебрью, а за ней высилась гора Вдовья: кто́ звалъ ее *вдовой*, поэтому еще *вдовою* или *овдовою* Горой, а кто́ называлъ и Авдова гора. Ее и укрѣпили оба князья въ защиту своего стана, утвердили позади себя обозы, за ночь огородились еще острожками и частоколомъ. Мстиславъ съ союзниками занялъ тогда сосѣднее взгорье поблизости съ самимъ городомъ Юрьевомъ; эта вторая гора такъ и звалась Юрьевскою горою; а Константинъ расположился въ сторонѣ къ Липицѣ. Для того, чтобы подойти къ противникамъ, приходилось теперь переступить непроходимую дебрь.

Юрій и Ярославъ, между тѣмъ, укрѣпясь на Овдовой горѣ, и не думали сражаться: какъ ихъ ни вызывали противники въ чистое поле, братья не трогались. А дебрью выбраться на гору нельзя было и пытаться. Тогда Мстиславъ Мстиславичъ отрядилъ троихъ мужей къ нимъ для переговоровъ и опять предлагалъ кончить миромъ, при чемъ оговаривалъ однако: „Ежели не согласны мириться, такъ отступите за дебрь на ровное мѣсто — и мы выйдемъ къ вамъ; или мы пожалуй отступимъ къ *Липицѣ*, тогда вы приходите на насъ“. Но братья, не согласясь ни на что, опять дали отвѣтъ по-свойски: „Мира не даемъ и съ мѣста не сойдемъ; перешли вы черезъ всю нашу землю, такъ ужъ этой ли дебри не можете перейти?“ *Удалой* велѣлъ наступать во что бы ни стало; но какъ ни приступали ко Вдовой горѣ, не удалось выманить противниковъ; къ бою такого рода ни у кого не было усердья. Тогда Мстиславъ рѣшилъ бросить осаду Авдовой горы, гдѣ засѣли упорные братья, и прямо идти на ихъ столицу: захватить

Владиміръ. Онъ велѣлъ сниматься со стана, и на Юрьевой горѣ все пришло въ движеніе; войска начали спускаться и выбирались, полкъ за полкомъ, на Владимірскую дорогу. Въ то же время надвигался еще одинъ отрядъ войска, оказавшійся полкомъ Псковскаго князя, отряженнаго было въ сторону Ростова и спѣшившаго теперь къ нимъ въ помощь, — но Константинъ мѣшкалъ на Липицѣ: произошло разногласіе.

Такой искусный воитель, какъ Мстиславъ Мстиславичъ, разумѣется, не иначе могъ рѣшиться на смѣлое отступленіе, какъ имѣя въ виду одно изъ двухъ: либо опомнившіеся противники погонятся за нимъ вслѣдъ и тогда можно будетъ ихъ разбить въ чистомъ полѣ, либо и въ самомъ дѣлѣ успѣли бы захватить беззащитную столицу, оставленную тѣмъ временемъ лишь съ людьми, неспособными защищать городъ. Онъ не иначе и распоряжался задуманнымъ отступленіемъ, какъ слѣдя въ то же время за дѣйствіями противниковъ,—такъ бы шелъ и на Владиміръ, что оглядывался-бы на оставшихся за нимъ князей, а въ это самое время не спускалъ глазъ съ Овдовой горы. А Константинъ Всеволодовичъ вступилъ въ пререканія, онъ испугался такого отчаяннаго похода. Ссылаясь, что у него воины большею частью набраны изъ простыхъ поселянъ и непривычны къ бою, онъ боялся, что они, пожалуй, разбѣгутся въ дорогѣ, а противники зайдутъ имъ въ тылъ. По его мнѣнію, лучше было оставаться на мѣстѣ, отсиживаться и самимъ на Юрьевской горѣ. Мстиславъ Мстиславичъ съ горячностью возразилъ на это: „Гора намъ не поможетъ, гора насъ и не побѣдитъ! а надо полагаться на крестъ честный и на правду: въ нихъ побѣда“. И, поддержанный въ своемъ рѣшеніи роднымъ братомъ и двоюроднымъ, успѣвшими склонить и Константина, велѣлъ всѣмъ идти на Владиміръ. Произошло, впрочемъ, съ обѣихъ сторонъ такое неожиданное замѣшательство и разразилось такимъ нечаяннымъ сраженіемъ, что сами военачальники—съ обѣихъ же сторонъ—не могли того и предвидѣть. Какъ только полкъ за полкомъ потянулись по Владимірской дорогѣ, а отъ препирательствъ въ союзномъ войскѣ не все оно еще сдвинулось съ мѣста—началось уже движеніе и на Вдовой горѣ, заколыхались и тамъ полки: оба стана сбочились въ одну сторону, на *Липицу* уже дрались.

Удалой мгновенно остановилъ тогда Смолянъ и Новгородцевъ, повернулъ ихъ лицомъ на врага,—стали и—ни съ мѣста: пришло рѣшительное мгновеніе. Константинъ съ Ростовцами былъ на Липицѣ, отъ нихъ въ сторонѣ—и приходился у нихъ съ краю; самъ Мстиславъ занялъ со своими Новгородцами середину, а въ другой край послалъ Владиміра Рюриковича съ его Смолянами, а между ними и собой оставилъ брата съ Псковичами. Вся непріятельская сила валила къ нимъ въ упоръ; князья Юрій и Ярославъ съ ихъ дружинами „*смялись*“ и сами въ общемъ смятеніи. Главные ихъ полки, великокняжескія рати самого Юрія, шли прямо на Новгородцевъ. Мстиславъ передъ началомъ боя имъ говорилъ: „братья! вошли мы въ глубь земли нашихъ враговъ и земля эта сильная. Если побѣжимъ, братья, уже намъ не уйти. Лучше и не оглядываться теперь; а забудемъ дома свои, женъ и дѣтей нашихъ. На смерть бейтесь! кому не умереть—тотъ цѣлъ будетъ. Бей ихъ крѣпче! Въ правдѣ Богъ, а не въ силѣ. Мужески впередъ! Бейтесь крѣпко—кто съ коней, а кому любо—пѣши! кто какъ хочетъ, впередъ!“ И вспомнили Новгородцы бой своихъ прадѣдовъ, какъ они бились тутъ предводимые прадѣдомъ *Удалого*, и дали отвѣтъ, что имъ не въ охоту биться съ коней. Паръ валилъ, между тѣмъ, отъ наступавшаго на нихъ непріятеля, ужъ запахло кровью; тогда Новгородцы пометали съ себя верхнее платье и сапоги долой: кинулись въ рукопашную съ дубинами и топорами. Дерзки были и Смоляне въ бою; никто ни отъ кого и одни отъ другихъ отставать ужъ не хотѣли. Первый же подсѣченный и павшій стягъ былъ стягъ похвалившагося Ярослава Всеволодовича, за нимъ второй его же. Зачавшійся бой въ самое короткое время обратился уже во всеобщее побоище.

Псковскій князь стоялъ рядомъ съ братомъ своимъ *Удалымъ* и оба глядѣли на поле сраженія; вдругъ Удалой сказалъ ему: „*теперь не дай намъ Богъ съ тобою выдать добрыхъ людей*“ и двинулъ въ помощь собственное свое пѣшее воинство; самъ же верхомъ на конѣ проѣхалъ сквозь всю свою пѣхоту, ободряя направо и налѣво вѣстью, что наступило рѣшительное мгновенье, — выбрался между ихъ рядами впередъ, откинулъ съ плеча перевязь, на которой былъ у него привязанъ топоръ-бердышъ, и, замахнувшись

имъ, скрылся въ гущѣ непріятелей. Видѣли, какъ онъ косилъ имъ направо и налѣво по напиравшимъ толпамъ. „*Бѣ у него топоръ на паворозѣ и тѣмъ сѣчаше*“; за нимъ, за своимъ княземъ, всѣ его полки и вступили въ общую сѣчу. Въ короткое время побоище обратилось уже въ повальное избіеніе Суздальцевъ да Владимірцевъ. Мстиславъ три раза проѣхалъ взадъ и впередъ сквозь всю гущу непріятелей, продолжая рубить направо и налѣво: „*проѣха трижды сквозѣ полки Ярославли, сѣкучи люди*“, пожиная ихъ, *яко на нивѣ класы*. Смоленскій князь и Псковскій „*также сотвориша брань велику*“, пробились сквозь непріятельскіе полки „*до ихъ товаровъ и кошей ихъ*“—до самыхъ обозовъ, брошенныхъ Юріемъ и Ярославомъ. На бѣду себѣ похвалились несчастные князья, что ихъ придется по сту на каждаго Смолянина и Новгородца, —такъ и случилось въ этомъ бою, что противъ каждаго изъ убитыхъ Смолянъ и Новгородцевъ вдесятеро, и больше того, валилось Суздальцевъ и Владимірцевъ. Стонъ раненыхъ и умиравшихъ досягалъ съ поля битвы до самаго Юрьева,—какъ потомъ разсказывали горожане,—а труповъ, оставленныхъ на мѣстѣ побоища, они насчитали свыше девяти тысячъ, кромѣ похороненныхъ ранѣе.

Когда побѣжденные бѣжали, весь ихъ обозъ достался въ руки побѣдителей; Мстиславъ Мстиславичъ остерегъ воиновъ, кинувшихся на обозы: „брось таборы и доканчивайте бой! а то воротятся и возьмутъ васъ“. Смоляне не утерпѣли, чтобы не пограбить обозовъ, и обирали мертвыхъ; а Новгородцы послушались Мстислава и стремительно продолжали бить бѣгущихъ. Константинъ раньше всѣхъ прекратилъ кровопролитіе и, какъ только побѣда склонилась на его сторону, остановилъ преслѣдованіе, жалѣлъ братьевъ и не велѣлъ имъ дѣлать вреда. Ихъ войско безъ того уже было разбито впрахъ. У князя Юрія насчитывали тринадцать полковыхъ знаменъ, а трубъ и бубновъ шестьдесятъ; говорили и про Ярослава, что у него было шестнадцать стяговъ, а трубъ и бубновъ сорокъ—и отъ всего этого не осталось ничего. „*Полци сильніи ни во что же быша*“. Оба князья, Юрій и Ярославъ, бѣжали безъ оглядки; одинъ въ свою сторону—во Владиміръ, а другой къ себѣ въ Переяславль. Юрій домчался до Владиміра на четвертомъ ко-

нѣ, а трехъ задушилъ; сбросилъ съ себя дорогой все платье, даже сѣдельный подкладъ кинулъ прочь. Ярославъ гналъ еще жарче, четырехъ коней задушилъ подъ собою, прибѣжалъ въ свой Переяславль на пятомъ конѣ, а четырехъ загналъ—и затворился у себя въ осаду. Раненные и изувѣченные стекались въ Юрьевъ, стекались и по окружавшимъ селамъ; многіе топли, переправляясь черезъ рѣки, другіе умирали по дорогамъ. Недоставало могильщиковъ, *„во градѣ Юрьевѣ и около града не бѣ кто погребаяй“*. Всѣ кляли Ярослава, какъ главнаго виновника зла, и ему одному приписывали постигшія бѣдствія. Когда во Владимірѣ завидѣли со стѣнъ всадника, несшагося во весь опоръ, думали, что это спѣшитъ гонецъ отъ князя, вѣстникъ побѣды скачетъ къ нимъ, а это прибѣжалъ въ одной сорочкѣ самъ ихъ князь и кричалъ всѣмъ еще издали: *„крѣпите городъ“*; вмѣсто радости наступилъ плачъ въ городѣ,—и потомъ всю ночь не переставали подходить остатки разсѣяннаго войска: кто раненый, кто безъ одѣянья...

Юрій Всеволодовичъ лишенъ Владимірскаго престола. — Потомки схимолюбиваго Ростислава, говоритъ лѣтопись, *„князья милостивые и до христіанъ добры“*; еслибъ они захотѣли воспользоваться своей побѣдой, ни Юрій, ни Ярославъ и никто бы отъ нихъ не ушелъ, отдали бы имъ и Владиміръ безъ сопротивленья. Но они весь четвергъ простояли на побоищѣ и только въ воскресенье поутру приступили ко Владиміру. Тамъ князь уже сговорился съ горожанами и они, по своему обѣщанію, затворили городъ. Юрій Всеволодовичъ, тогда же какъ воздохнулъ и опомнился отъ своего бѣгства, умолялъ Владимірцевъ: „братья! затворимся въ городѣ, кто знаетъ—можетъ быть и отсидимся“; а ему сказали: „съ кѣмъ же затвориться-то, князь? Гдѣ всѣ наши братья? одни побиты, другіе въ плѣну, прочіе прибѣжали наги и босы. Взяться некѣмъ“. Князь Юрій и самъ зналъ это. *„То я все вѣдаю, а не выдайте мя ни брату князю Константину, ни Владиміру, ни Мстиславу“*—онъ просилъ дать ему выйти къ нимъ по своей доброй волѣ. Они такъ и обѣщали сдѣлать. Союзники видя, что городъ затворился въ осаду, окружили его и думали: откуда взять его? Въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ вспыхнулъ кня-

жій дворъ во Владимірѣ и былъ переполохъ въ городѣ; Новгородцы хотѣли воспользоваться этимъ смятеньемъ и ужъ лѣзли на стѣны: Мстиславъ запретилъ. Огонь, впрочемъ, вскорѣ былъ потушенъ; но во вторникъ на ночь, спустя два часа по заходѣ солнца, новый пожаръ занялся въ городѣ и горѣло до свѣта. Теперь ужъ и Смоляне рвались на стѣны, но Владиміръ Рюриковичъ удержалъ ихъ отъ нападенья. Тогда же къ осаждавшимъ князьямъ самъ Юрій выслалъ челобитье: „не донимайте только сейчасъ, завтра поутру я самъ къ вамъ выйду“. И въ середу рано утромъ вышелъ къ нимъ съ повинной, привелъ съ собою двухъ меньшихъ братьевъ (Владиміра и Святослава), кланялся и говорилъ: „Братья, не оставьте безъ хлѣба, бью вамъ челомъ: не лишите меня жизни. А какъ вамъ самимъ угодно—такъ и буди съ братомъ Константиномъ“. Константинъ Всеволодовичъ былъ провозглашенъ Великимъ Княземъ—и во Владимірѣ все уже пришло въ движеніе для его торжественнаго пріема; а Юрію назначили одинъ изъ малыхъ городовъ Поволжья, куда онъ долженъ былъ отправиться тѣмъ же часомъ. Его княгиня и многочисленные его люди поспѣшно ото всѣхъ скрылись на судахъ: ладьи уже были приготовлены ими для своего отъѣзда; всѣхъ тогда поразило, что не захотѣлъ разставаться съ горестнымъ княземъ епископъ Симонъ, дѣлившій втеченіи всей своей жизни скорби и радости Великокняжескаго Дома: отплылъ также и владыка съ княжескимъ семействомъ—внизъ Клязьмою. Самъ же Юрій пошелъ передъ отъѣздомъ, въ соборъ проститься съ „родителями“ и, земно кланяясь передъ гробницей Всеволода Юрьевича, съ плачемъ говорилъ: „Богъ судья моему брату, вотъ до чего довелъ меня Ярославъ“,— послѣ того безъ проводовъ, „*вмалѣ*“, и отправился по назначенью: отбылъ въ свой Городецъ (такъ глухо и безыменно и назывался его ссыльный городъ).

Ярославъ же Всеволодовичъ не укротился и послѣ всѣхъ постигнувшихъ его бѣдствій. У себя въ Переяславлѣ онъ велѣлъ бросить въ погреба и заключить въ тѣсныя избы томившихся у него въ плѣну Новгородцевъ. До полутораста человѣкъ ихъ погибло тогда голодомъ и изнуреньемъ, были и задохнувшіеся отъ дымнаго чада. Человѣкъ пятнадцать привелъ онъ еще сюда плѣнныхъ Смолянъ: эти бы-

ли посажены особо и остались живы. Когда на слѣдующей недѣлѣ послѣ Ѳоминой союзники стали изъ Владиміра приближаться къ Переяславлю, первый подошелъ Константинъ. Ярославъ самъ вышелъ съ великими дарами къ нему навстрѣчу, отворилъ ему свой городъ и умолялъ, чтобы братъ не выдалъ его грозному тестю: „я въ твоей волѣ, не выдай меня Мстиславу, а самъ накорми хлѣбомъ“. Константинъ желалъ ихъ примиренья; послалъ къ Мстиславу дары отъ брата и ходатайствовалъ за него. Но Мстиславъ прислалъ отвѣтъ, что не хочетъ его видѣть, потребовалъ только своей дочери и взялъ ее къ себѣ. Потомъ Ярославъ нѣсколько разъ обращался къ нему съ жалобами и просьбой: *„развѣ не бываетъ распрей между князьями? Пришли ко мнѣ мою княгиню“*. Мстиславъ не отвѣчалъ зятю.

Такъ междуусобіе сыновей Всеволода Юрьевича, благодаря вмѣшательству *Удалого*, разрѣшилось наконецъ полнымъ торжествомъ старшаго Константина. Какъ только онъ утвердился на Владимірскомъ престолѣ, почти вслѣдъ затѣмъ въ 1217 году совершилось страшное Рязанское событіе: извѣстное избіеніе тамошнихъ князей злодѣемъ Глѣбомъ. Рязань, уже довольно подчиненная Всеволодомъ, стала еще покорнѣе при его дѣтяхъ; Коломна отошла съ тѣхъ поръ навѣки ко Владимірскому княженью: къ нему же примкнули тогда и нѣкоторыя мѣста, порубежныя съ Муромскимъ удѣломъ, усвоенныя незамѣтно какъ вымороч-ное наслѣдство послѣ общей гибели, въ томъ страшномъ злодѣяніи, Муромскихъ князей. Ни Юрій, ни Ярославъ Всеволодовичи болѣе не вмѣшивались въ права Константина, посаженика *Удалого*, его *„третьяго друга“*. Только Ярославъ Всеволодовичъ все еще продолжалъ заискивать у своего тестя, докучая ему присылами и засылами все объ одномъ и томъ же: *„отпусти ко мнѣ мою княгиню“*. Мстиславъ заставилъ его наконецъ молчать, велѣвъ сказать разъ навсегда, что не отдастъ ему своей дочери: „довольно она видѣла себѣ отъ него печали: пусть онъ лучше *безъ нея, а не при ней* живетъ съ возлюбленными своими“.

Въ Новгородѣ постигло несчастіе Мстислава Мстиславича: скончался единственный сынъ его (Василій), посаженный имъ въ Торжкѣ; юнаго княжича похоронили у святой Со-

ѳіи—въ головахъ гроба его дѣда, отца *Удалого*. А вскорѣ и самъ Мстиславъ Мстиславичъ ушелъ изъ Новгорода; обѣщалъ еще къ нимъ возвратиться, но разстался какъ потомъ оказалось, съ Новгородцами уже навсегда. По обыкновенію, какъ это часто дѣлалось при его княженіи въ Новгородѣ, велѣлъ онъ звонить вѣче,—и собрался къ нему мало не весь городъ, думая что князь, по обыкновенію-же, скликаетъ міръ по дѣламъ новгородскимъ. А онъ поклонился народу на три стороны и сталъ прощаться съ Новгородомъ. Всѣ ушамъ своимъ не хотѣли вѣрить, думали: будутъ вѣкъ вѣковать съ излюбленнымъ княземъ. Но онъ объявилъ и о цѣли своего ухода: *„хочу поискать Галича“*. Вновь стали упрашивать не разставаться съ ними и вопили всѣмъ міромъ, что ни за что не отпустятъ отъ себя. *„Никогда васъ не забуду“*, отвѣтилъ Мстиславъ *„и дай мнѣ Богъ лечь подлѣ отца моего у святой Софіи“*, и ушелъ отъ нихъ.

Успѣхъ Мстислава Удалого въ Галичинѣ. Дѣйствительно, пора было исполнить обѣщаніе, данное Мстиславомъ другому своему зятю Даніилу Романовичу: *„отомститься за весь соромъ“*, нанесенный имъ обоимъ Уграми и Ляхами въ первый его приходъ въ Галичину. Тамъ же творились дѣла, съ которыми больше не могла мириться совѣсть православныхъ князей. Въ Галичѣ королевствовалъ тѣмъ временемъ несовершеннолѣтній Коломанъ со своею королевой Саломеей. Если еще при „великомъ Романѣ“, когда первый разъ также и онъ долженъ былъ оставить Галичъ, Римъ уже причислилъ *„Галлицію“* къ своимъ епархіямъ, не трудно вообразить, что тутъ происходило теперь. Послѣ того, какъ *„въ оказательство подчиненія римскому апостольскому престолу“* архибискупъ Стригонскій короновалъ Коломана съ Соломеей — Латины прямо торжествовали: въ Галичѣ поставлены были *„латинскіе попы“*, а галичьскій епископъ и православное духовенство были изгнаны.

Мстиславъ Удалой собралъ въ Кіевѣ князей на совѣтъ, побуждая къ галичскому походу. Тогдашній Кіевскій князь (Мстиславъ Романовичъ съ тѣхъ поръ уже и не пользовавшійся расположеніемъ *Удалого*) неохотно обѣщалъ содѣйствіе. Но другой двоюродный братъ (бывшій его союзникъ по походу на Владимірцевъ), Смоленскій князь

Владиміръ Рюриковичъ далъ слово придти. По дружбѣ съ Половцами и по своему родству съ ними, Мстиславъ сходилъ къ нимъ въ степь къ тестю своему Котяну, звалъ и ихъ съ собою: обѣщались собраться. Радъ былъ и зять его Даніилъ Романовичъ, въ защиту и на освобожденіе родной своей вотчины, спѣшить въ помощь.

Но если на Руси готовились возвратить себѣ древнее достояніе предковъ и воевать за Галичское наслѣдіе, то противники, расхитившіе это наслѣдство, готовились съ своей стороны не выпустить его изъ рукъ. Къ королевичу Коломану были присланы подкрѣпленія, прибыли изъ Венгріи новые фаревщики. Мазовецкій князь Лешко Бѣлый, раздѣливъ тогда свое воинство на-двое, одну половину Ляховъ отрядилъ въ защиту своей дочери, королевы Саломеи,ославъ ихъ прямо въ Галичъ, а другую повелъ самъ и грозилъ Волынѣ. Опираясь на тѣхъ изъ здѣшнихъ князей, которыхъ почиталъ подручниками своими, онъ грозилъ прочимъ—завѣдомымъ союзникамъ *Удалого*. Союзникомъ Лешка былъ на Волынѣ попрежнему его тесть Александръ Бѣльзскій со своею ближнею роднею; главнымъ же союзникомъ *Удалого* и почитали они самого Даніила Романовича, юнаго Мстиславова зятя.

Даніилъ и Василько, изъ своего стольнаго города Владиміра-волынскаго, разумѣется, прежде всѣхъ выступили бы навстрѣчу Мстислава, но имъ прежде всѣхъ и угрожалъ союзъ Александра Бѣльзскаго съ Лешкомъ. Ихъ здѣшніе города отовсюду—и со стороны Польши и со стороны Руси—какъ кольцомъ, были окружены врагами,—со всѣхъ сторонъ затѣснены владѣніями ихъ недруговъ по сосѣдству. Всѣ тутъ были протихъ нихъ и, по словамъ лѣтописи *„не бѣ имъ помощи ни отъ когоже, развѣ отъ Бога“*. Мстиславъ Удалой, дождавшись Половцевъ, уже выступилъ изъ своего Торческа; его вѣрный другъ и союзникъ Владиміръ Рюриковичъ уже привелъ къ нему обѣщанныхъ Смолянъ,—и оба шли на Галичъ. А Даніила не было съ ними; изъ Владиміра-волынскаго не было къ нимъ и вѣсти. Даніилъ Романовичъ затруднился бы и самъ перечислить *„великіе труды и многія рати“*, пережитые имъ втупору: гдѣ и съ кѣмъ онъ не воевалъ только! Въ послѣднее же время особенно участились безпрерывныя стычки съ Ляхами; не пре-

кращалось и то усмиреніе мятежей, которому самъ онъ и его дружинники дали имя: *„литовское воеваніе“*. Ляхи подняли за Берестьемъ противъ него и противъ подвластной ему литвы порубежныхъ Ятвяговъ; Даніилъ, защищая своихъ старинныхъ данниковъ, свою подручную литву, не одинъ разъ уже воевалъ въ дебряхъ и пущахъ ятвяжскихъ; кромѣ того билъ и самихъ Мазовшанъ. То и дѣло сталкивался онъ съ ними среди принадлежавшихъ ему литовскихъ племенъ, среди своихъ старинныхъ данниковъ, которыхъ Мазовецкіе сосѣди оттягивали къ себѣ, *„привлащевая къ Мазовіи“*. Тайными происками и негласнымъ вмѣшательствамъ Мазовецкіе князья то и дѣло возбуждали и возмущали этихъ данниковъ Даніила, по временамъ ужъ ихъ приходилось и усмирять.

Съ тѣмъ вмѣстѣ не умолкала и явная открытая брань съ Мазовецкими князьями; Даніилу постоянно приходилось отражать Ляховъ, вторгавшихся въ его предѣлы прямою войною и занимавшихъ вооруженною рукой русскія поселья по Бугу. Въ довершеніе всего не переводились на Волынѣ и внутреннія межеусобицы: Даніилъ и Василько находились въ постоянной тревогѣ отъ безпрерывныхъ посягательствъ и прямо иногда отъ нападеній со стороны Бѣльза и Луцка. Безконечныя войны Романовичей, такимъ образомъ, съ Ляхами, съ Ятвягами, по временамъ съ самой Литвой—осложнялись еще и отъ усобицъ на Волынѣ между своею братіей. „Не бѣ имъ помощи“, говоритъ лѣтописецъ о Василькѣ и Даніилѣ, „ни отъ когоже, развѣ отъ Бога, *дондеже приде Мстиславъ съ Половци*“. Дѣйствительно, только съ приходомъ Мстислава и уже послѣ побѣдъ его могли они наконецъ вздохнуть свободно. Но пока Мстиславъ не пришелъ и Ляхи съ Венграми еще только готовились встрѣтить его войною, на Владиміро-волынскихъ князей и обрушились ея первые удары.

Въ Галичѣ, со времени Бенедикта Бора, смѣнились многіе магнаты, властвовавшіе королевскимъ именемъ, и всѣ мало отличались отъ предшественника своего. Въ эту пору главнымъ сановникомъ при особѣ короля, первымъ изъ всѣхъ Угровъ, состоявшихъ въ королевскомъ совѣтѣ при Коломанѣ, былъ великій банъ Фильній, а Русскіе звали его по-своему *филей*. Но этотъ *Филя*, при всемъ томъ, что

Угры вообще славились непомѣрною гордостью, слылъ за невозможнаго гордеца даже между самими Венгерцами, можно же вообразить: что̀ это было! Поэтому къ одному его прозвищу прибавилось еще и другое, — въ народѣ по всей Галичинѣ иначе его не называли какъ „*Филя величавый*“ или еще „*прегордый Филя*“. Объ немъ разсказывали, что онъ думалъ про себя—и это было у него на лицѣ написано—что нѣтъ ему равнаго на свѣтѣ: онъ весь міръ обниметъ и все море потребитъ! Было общеизвѣстно и то, что, при большомъ самолюбіи, онъ не отличался такимъ-же умомъ. Когда, напримѣръ, его остерегали передъ боемъ, что противниковъ на тотъ разъ много, а силъ противъ нихъ мало, Фильній хотя всякій разъ и уклонялся отъ боя — однакожь непремѣнно повторялъ, уводя свои полки: „*камень и одинъ, а много горшковъ бьетъ*“. Когда же, случалось, въ застольной бесѣдѣ за попойкой одинъ Венгръ хвалился передъ другимъ, чего-бы кто ни захватилъ на свѣтѣ, *если бы* да *кабы* и конца не было притязаніямъ, Фильній, не вмѣшиваясь въ пустыя рѣчи, бормоталъ себѣ по̀дъ носъ, оставляя собесѣдниковъ, но такъ-чтобы его слышали: „*борзый конь, острый мечь—много Руси*“. Давній былъ гордецъ и всѣмъ извѣстный.

Коломанъ и Саломея королевствовали въ Галичѣ, но властвовалъ „*Филя прегордый*“, а распоряжались всѣмъ измѣнные бояре, изъ нихъ же главнымъ почитался Судиславъ— главарь ненавистной для народа боярской стороны, стоявшей за полное сліяніе Галича съ Венгріей. „*Измѣнниче Судиславе! мятежниче земли*“— въ народѣ по всей Галичинѣ иначе не кликали этого боярина. Заслышавъ о подъемѣ Мстислава *Удалого* изъ Кіева, Фильній вдвоёмъ съ Судиславомъ и готовились къ оборонѣ. Ставъ во главѣ Венгерскаго войска и состоявшаго изъ Ляховъ, которыхъ ему прислалъ Лешко, банъ поручилъ Судиславу предводительствовать дружинами, собранными изъ самихъ Галичанъ; впрочемъ, общимъ военачальникомъ всѣхъ соединенныхъ силъ оставался самъ онъ, „*Филя прегордый*“. Увѣренный въ побѣдѣ и не сомнѣваясь, что разбитый непріятель не будетъ допущенъ къ стѣнамъ королевской столицы, предусмотрительный военачальникъ взялъ мѣры однако и на случай осады. Искусный стратигъ въ полѣ, какъ бы еще въ

доказательство, что и въ устроеніи крѣпостей не уступитъ знаменитостямъ своего вѣка, Фильній принялъ всѣ мѣры, какія требовались тогдашнею военною наукой—для приведенія въ неприступность столицы своего короля. При этомъ онъ возбудилъ общее негодованіе въ Галичѣ всѣхъ Русскихъ (которые оставались въ немъ еще православными), изуродовавъ зданіе здѣшняго собора. Храмъ Богородицы онъ обратилъ въ „цитадель“,—и для метанія въ осаждающихъ, какъ это велось въ тѣ времена, стрѣлъ, камней и горючихъ составовъ пристроилъ цѣлую башню въ видѣ колокольни. Фильній особенно хвалился этимъ сооруженіемъ: словно, въ одной ужъ этой башнѣ можно было отсидѣться храброму войску и заставить отступить непріятеля. Коротко сказать: возбужденіе въ отторгнувшемся отъ Руси, на половину венгерскомъ и наполовину ополяченномъ Галичѣ было на этотъ разъ необычайное. Угры и Ляхи братались между собой и клялись „побѣдить или умереть“. А Судиславъ *съ товарищами*, неистовствуя противъ главнаго виновника, двинувшаго на нихъ опять Русь, расточались въ неистовыхъ жалобахъ другъ передъ другомъ, что всѣхъ ихъ теперь вельможныхъ бояръ хотятъ погнать въ *дикую* степь! Хочетъ, молъ, другъ и родня степныхъ бродниковъ *обратить* и ихъ великомочія *въ подданныхъ хана Половецкаго*. Ненависть къ Мстиславу была страшная,—и при дружныхъ соединенныхъ усиліяхъ Венгровъ и Поляковъ и русскихъ измѣнниковъ, война противъ Удалого готовилась ожесточенная.

Самъ онъ, двинувшись отъ береговъ Днѣпра, былъ еще только на полпути къ верховьямъ Днѣстра и Сана, а на берегахъ Буга уже лилась кровь. Война открылась именно тѣмъ, что Лешко, свѣстясь съ Фильніемъ, далъ слово обезпечить ему тылъ. Тамошнихъ войскъ Польскаго и Венгерскаго казалось довольно для отраженія Мстислава: Фильній и взялся прогнать его. А самъ Лешко Бѣлый взялъ на свою часть въ продолженіе всей этой войны держать въ параличѣ всю Волынь: не дать ей и шевельнуться въ пользу Мстислава. Лешко вступилъ въ Волынскіе предѣлы и началъ забирать тамошніе мѣстечки и города: Романовичамъ, Васильку и Даніилу, довольно тогда накопилось дѣлъ у себя дома. *Въ лѣто 6727*, говоритъ лѣтописецъ,

то есть въ 1219 году *„приде Лестко на Данила къ Щекареву, бороня ити ему на помощь Мстиславу, тестеви своему“*.

Лешковъ братъ Конрадъ, болѣе безкорыстный и менѣе двуличный сродникъ Романовичей, чѣмъ Лешко, взялся примирить ихъ. Этотъ простодушный мазовшанинъ пришелъ изъ своей Мазовіи тоже на Волынь и предложилъ Даніилу быть посредникомъ, между нимъ и своимъ братомъ, для мирныхъ переговоровъ. Мазовецкіе князья хорошо помнили добрыя къ нимъ отношенія, хотя по временамъ и грозныя по ихъ же собственной винѣ, дружескія съ ними связи „Романа великаго“; сами наслѣдники Романа съ дѣтства въ нихъ видѣли близкую свою родню. Хотя придя въ возрастъ Даніилъ и ссорился по необходимости съ Лешкомъ, сводя съ нимъ счеты по его опекунству, но личнымъ ему врагомъ никогда не былъ; а съ Конрадомъ, прямо сказать, находился въ большой дружбѣ, что̀ и не переставалъ ему доказывать всю свою жизнь. Онъ охотно принялъ посредничество, добродушно предложенное ему Конрадомъ; но мирные переговоры кончились тотъ разъ хуже, чѣмъ ничѣмъ. Самъ Конрадъ испугался того коварства, которое братъ его Лешко обнаружилъ тогда относительно Владіміроволынскихъ князей, бросилъ начатые переговоры и на прощаньи остерегъ Даніила: Лешку не довѣрять. *„Познавшю-же ему лесть Лестькову, и не велѣ князю Даніилу ехати къ Лестьку“*. Очевидно, и Даніилу Романовичу при довѣрчивой встрѣчѣ съ Ляхами могла бы угрожать участь подобная той, какая постигла отца его Романа. Война на Волынѣ пошла своимъ ходомъ и велась съ обычнымъ кровопролитіемъ; если же не приняла обширныхъ размѣровъ, то благодаря тому только, что весь тогдашній походъ Мстислава разрѣшился однимъ ударомъ и въ столь краткій срокъ, что ни Фильній, ни Лешко никакъ того не ожидали.

„Филя прегордый“—похоже было—ошибся на счетъ движенія непріятелей; онъ спохватился объ ихъ вторженіи тогда уже, какъ Мстиславъ былъ мало не подъ самымъ Галичемъ. Фильній съ бояриномъ Судиславомъ поспѣшили тѣмъ же часомъ вывести всѣ свои силы ему навстрѣчу и, расположивъ ихъ на выбранномъ мѣстѣ, надѣялись еще загородить ему дорогу. То была неоглядная въ даль равнина, состоявшая изъ отлогихъ плоскогорій: съ высоты ихъ

можно было озирать всю даль, а по ихъ удоліямъ можно было и укрыться. Самъ Фильній и устроивалъ рати; онъ расположилъ ихъ на два отдѣльныхъ стана, „*строяшеся на брань, мняше же бо яко никто можетъ стати ему противу на брань*“. Ляхи вмѣстѣ съ Галичскими отрядами Судислава были поставлены особо, а самъ Фильній во главѣ Венгерскаго войска расположился въ сторонѣ отъ нихъ. Одни должны были справа а другіе слѣва принять приближавшагося непріятеля. Мстиславъ, оставивъ въ тылу своихъ многочисленныхъ Половцевъ, двинулся впередъ на непріятелей и издали еще смѣтилъ что Ляхи слишкомъ были откинуты въ сторону. Тогда онъ велѣлъ Владиміру Рюриковичу заманить ихъ въ бой своими „*дерзкими въ бою*“ Смолянами, сказавъ что не отойдетъ отъ него и будетъ поддерживать его натискъ. Ляхи приняли ихъ храбро и сами перешли въ наступленіе. Давъ имъ волю тѣснить, Мстиславъ, вмѣсто того чтобъ поддержать Смолянъ, двинулся отъ нихъ прочь прямо на Венгровъ, повелъ свои отборные полки и дружину прямо на возвышенность того плоскогорья, за которымъ былъ укрытъ станъ Фильнія. Надѣялся ли онъ на стойкость своего вѣрнаго союзника, уже испытаннаго имъ въ прежнемъ Суздальскомъ походѣ или еще на огромныя скопища Половцевъ, которымъ было велѣно до времени нарочно таиться въ тылу, казалось что Смоляне отданы были имъ на пораженіе Ляхамъ.

Они отступали какъ разъ въ ту даль, гдѣ таились Половцы въ тылу—и Ляхи, преслѣдуя бѣгущихъ—какъ это ясно могъ видѣть Мстиславъ съ высоты достигнутаго имъ плоскогорья и озиравшій все поле сраженія—Ляхи съ Галичанами Судислава уже всѣми своими знаменами исчезали туда же, — а противъ Мстислава въ двухъ шагахъ былъ весь станъ Фильнія. Медлить нельзя было и мгновенія. *Удалой*, укрѣпивъ свою рать именемъ Креста честнаго, бросился на Венгровъ: „*бысть тяжкая брань между ними и одолѣ Мстиславъ*“; кончилось тѣмъ, что самъ „*Филя прегордый*“ сдался въ плѣнъ. Ляхи между тѣмъ, прогнавши Владиміра Рюриковича и довольно набравшись плѣнниками и добычей, возвращались уже назадъ распѣвая побѣдные гимны. Не подозрѣвая, что ихъ союзники Венгры были тѣмъ временемъ разбиты на-голову, Ляхи шли весело

назадъ, и вмѣсто того, чтобы сойтись съ Уграми, наткнулись прямо на ихъ побѣдителей. Мстиславъ обратился лицомъ на нихъ, а съ тылу принялъ ихъ возвращавшійся въ свою очередь къ мѣсту боя опять Владиміръ Рюриковичъ со Смолянами, ведя уже на этотъ разъ и всѣхъ Половцевъ. Тутъ уже началось повальное избіеніе воиновъ Лешка и Судиславовой дружины; они были разбиты впрахъ. Половцы забирали Ляховъ въ плѣнъ, жадно бросились отбирать у нихъ коней и оружіе; но Русскіе по приказанію Мстислава, не кидаясь на добычу, били враговъ безпощадно, разсѣявшихся по всему полю вразсыпную и спасавшихся бѣгствомъ уже въ королевскую столицу. Вопль и крики убиваемыхъ стали напослѣдокъ слышаться въ самомъ Галичѣ; все поле на всемъ пути покрылось трупами и вода рѣчная побагровѣла отъ крови. Мстиславъ Мстиславичъ не мѣшкая подступилъ къ Галичу и потребовалъ немедленной сдачи, обѣщая всему городу полную свободу.

Самъ „*Филя прегордый*“, несмотря даже на свою непобѣдимую башню, послалъ въ прибавокъ къ русскимъ посланнымъ для переговоровъ, еще особаго нарочнаго отъ себя, совѣтуя Уграмъ сдаться: послѣ собственнаго пораженія ужъ онъ отчаявался за побѣду. Три раза Мстиславъ повторялъ городу свое обѣщаніе и предлагалъ сдаться. Но при Коломанѣ оставались и кромѣ Фильнія, еще искусные полководцы, какъ напримѣръ великій банъ Потъ; и кромѣ Судислава, также взятаго въ плѣнъ, были еще другіе галичскіе бояре такіе же какъ самъ Судиславъ: Иванъ Лекинъ напримѣръ, да бояринъ Дмитръ и прочіе. И банъ Потъ и бояринъ Дмитръ рѣшили не сдаваться. Венгры, разсчитывая въ крайнемъ случаѣ засѣсть въ устроенной ими „цитадели“, дали слово отстоять своего королевича съ королевной; выслали вонъ всѣхъ, кто только имъ казался подозрительнѣй изъ Галичанъ съ ихъ женами и дѣтьми, чтобъ не было лишнихъ ртовъ въ городѣ, и затворились въ осаду. Тогда Мстиславъ Мстиславичъ объявилъ, что съ этого часа уже никому не будетъ пощады и началъ готовиться „*взятьемъ взять городъ*“. Венгры, сколько были самонадѣянны, столько же и оплошны; хвалились своею башней, метавшей камни въ осаждавшихъ; искусно утвердивъ городскіе ворота, хвалились ихъ крѣпкимъ береженіемъ. А что къ городу

вели подкопъ тѣмъ временемъ,—что дорылись до нихъ уже такъ, что можно было подземнымъ ходомъ пройти въ городъ—о томъ спохватились тогда только, какъ одною темной ночью воины Мстислава дѣйствительно ворвались въ Галичъ и перебили ошеломленную ихъ внезапнымъ появленіемъ вратарную стражу, отбили Угровъ отъ воротъ и отворили ихъ своему войску: на разсвѣтѣ уже и самъ Мстиславъ со своею дружиной былъ въ Галичѣ.

Коломанъ съ супругою и баны со своими женами, всѣ знатнѣйшіе Венгры заперлись въ соборѣ, превращенномъ въ крѣпость. Мстиславъ окружилъ церковь и требовалъ сдачи тѣмъ же часомъ. Венгры не сдавались, метали камни въ осаждающихъ и сыпали стрѣлы. Жажда ихъ мучила; воды у нихъ не было ни капли; Мстиславъ послалъ Коломану ведро цѣлое свѣжей воды: венгры дѣлили ее между собой по глоткамъ... не выдержали долго и были взяты. Венгерскіе бароны съ ихъ супругами, за которыхъ ожидалось особенно цѣнного выкупа, и нѣсколько вельможныхъ Ляховъ были раздѣлены между побѣдителями, частью достались и Половцамъ; а самого Коломана съ Саломеей, также и Фильнія, Мстиславъ взялъ себѣ и отправилъ въ свой Торческъ. Плѣнный Судиславъ, обливаясь слезами, упалъ ему въ ноги, обнималъ его колѣна и клялся, что навѣки теперь „рабъ его и будетъ ему до гроба служить рабски“. Мстиславъ, мало вникая въ положеніе здѣшнихъ дѣлъ и видя то первенство, которое Судиславъ занималъ въ здѣшнемъ боярствѣ и его близость къ самому королю, не только оставилъ жизнь и свободу „измѣннику страны“, а далъ ему еще во владѣнье цѣлый городъ. За освобожденіемъ Галича освободилась изъ края въ край вся Галичская земля. Народъ величалъ Мстислава *„яснымъ соколомъ“* и звалъ своимъ *„краснымъ солнышкомъ“*; радость объ освобожденіи отъ иноплеменныхъ была общею по всей землѣ. Какъ только гибель Фильнія огласилась на берегахъ Буга, Лешко далъ миръ, опять *„нача имѣти великую любовь къ Даніилу“*. Юный зять *Удалого* захотѣлъ тогда свидѣться съ тестемъ, и тѣмъ же часомъ нежданно для всѣхъ *„влалъ“* прилетѣлъ въ Галичъ: радость великая была при ихъ встрѣчѣ.

Не только былъ въ самомъ дѣлѣ отомщенъ ихъ срамъ, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ они потерпѣли отъ

Венгровъ и Ляховъ, а еще врагу было воздано сторицей. Истребленіе Ляховъ и Венгровъ, не въ одномъ Галичѣ, а по всей странѣ было полное. Въ Галичѣ народъ говорилъ про нихъ, что Богъ ихъ предалъ въ руки *„не стерпѣвши осквернения храма своего“*: уже не забывали потомъ кощунственнаго обращенія православнаго собора въ боевую башню и не прощали этого.—*„Бысть радость велика, спасъ Богъ отъ иноплеменныхъ“*: всѣ Венгры и всѣ Ляхи погибли тогда въ чужой землѣ, которою хотѣли завладѣть: одни убиты въ сраженіяхъ, другіе взяты въ плѣнъ; многіе гибли по дорогамъ и въ глуши деревень, умирали въ лѣсахъ съ голода и топли при рѣчныхъ переправахъ; по всѣмъ селамъ поднялись сами поселяне на ихъ истребленіе и ни одинъ уже не ушелъ отъ ихъ рукъ, ни одинъ не вышелъ тогда живымъ изъ Галичскихъ предѣловъ.

Казалось, свѣтлые дни наступили для Галича и Волыни. Побѣдитель Мстиславъ Мстиславичъ, послѣ того какъ лишился сына (Василія) въ Новгородѣ, не имѣлъ наслѣдниковъ. Младшая дочь незамужняя была еще въ несовершенныхъ лѣтахъ, а старшая за ненавистнымъ для него зятемъ Ярославомъ Всеволодовичемъ; средняя за Даніиломъ. Это былъ его любимый зять, онъ же — какъ наслѣдникъ „великаго-Романа“—казался и прямымъ вотчинникомъ Галича. Всѣ ожидали, что Галичъ изъ рукъ побѣдителя и перейдетъ зятю его Даніилу. Но въ самомъ дѣлѣ было не такъ.

Волынь и Галичъ при Мстиславѣ Удаломъ. Не только въ Галичинѣ, но и на Волынѣ *„многія крамолы и частыя возстанія, великія лъсти и безчисленныя рати“*—смуты не унимались. При всякомъ новомъ оборотѣ дѣлъ и самыя смуты въ обоихъ этихъ княжествахъ принимали только новые обороты. И какъ за все время злощастной годины велись тутъ *„безчисленныя рати и крамолы“*, такъ и при Мстиславѣ *„великія лести и многіе мятежи“* продолжались: что̀ кругомъ дѣлается въ этомъ краѣ—никто не понималъ. Мстиславъ взялъ Галичъ себѣ, а Даніилъ былъ отстраненъ. Вскорѣ съ Коломаномъ и Фильніемъ, по неотступнымъ просьбамъ матери и отца королевича, былъ заключенъ миръ; а еще далѣе распространились уже слухи, что свою младшую несовершеннолѣтнюю дочь Мстиславъ выдаетъ за младшаго

венгерскаго королевича, за другого королевскаго сына, и уступаетъ Галичъ опять Венграмъ. А на Волынѣ тесть Лешка Бѣлаго, Александръ Бѣльзскій, всталъ прямою войною на Даніила и хотѣлъ отнять у него Владиміръ-волынскій; когда же Даніилъ осилилъ непримиримаго врага и хотѣлъ нанести послѣдній ударъ своему противнику въ его собственномъ удѣлѣ, Мстиславъ Удалой остановилъ своего зятя. Онъ прислалъ повелѣнье Даніилу: дать миръ Александру Бѣльзскому и впередъ не тѣснить его. Какъ венгерскій король Андрѣй, такъ же и Лешко Бѣлый изъ непріятелей обратились теперь въ друзей Мстислава *Удалого*, а ихъ дружба была еще пагубнѣй для Руси, чѣмъ ихъ открытая вражда къ ней. Поддерживаемый Лешкомъ и самимъ Мстиславомъ, Александръ Бѣльзскій вошелъ, наконецъ, въ такую силу, что Романовичи опять упали съ высоты, на которую только что было начали восходить. Александръ Бѣльзскій пользовался уже явнымъ и неограниченнымъ довѣріемъ удалого воина, но недальновиднаго князя Мстислава; напослѣдокъ склонялъ *Удалого* къ прямой войнѣ противъ зятя его Даніила; въ томъ же помогалъ тестю своему, Александру Бѣльзскому, и его собственный зять Лешко Бѣлый,—и хотя не сразу, однакожъ со временемъ въ томъ успѣли.

Ни Волынь, ни Галичъ, такимъ образомъ, ничего не выиграли отъ блестящихъ побѣдъ Мстислава: не тестю своему, а самому себѣ былъ во всемъ обязанъ Даніилъ. Отложивъ на время всякое попеченіе о Галичѣ, онъ тѣмъ ревностнѣе утвердился въ дѣдинѣ и прадѣдинѣ своей: въ области Владиміро-волынской. Для нея, при всѣхъ тогдашнихъ затрудненіяхъ своихъ, онъ сдѣлалъ много. Отобравъ у Лешка украйныя поселенья, которыя въ его малолѣтство были „привлащены“ къ Мазовіи, Даніилъ съ виду ничего не пріобрѣлъ этимъ; на самомъ же дѣлѣ усилился впрокъ: усилился вслѣдствіе такого обстоятельства, которое именно лишь въ эту пору и объявилось наружу.

Изначала Берестье составляло то крайнее поселеніе Руси, за которымъ уже Ятвяги и вообще Литва оставались не тѣснимы Русью, а находились съ нею полумирными сосѣдями. Волынскіе князья, владѣя тамошними мѣстами, не тѣснили тамошнихъ племенъ: сама литва тѣхъ мѣстъ дру-

жила съ Русью; издавна почитаясь подъ покровительствомъ Русскихъ князей и платя имъ легкую дань, литва не видѣла себѣ отъ нихъ жестокаго насилья. Но Ляхи въ этомъ отношеніи вели себя иначе, не такъ какъ Русь. Едва Лешко присвоилъ себѣ ту украйну, самое обращеніе Ляховъ съ тамошнею литвою уже было не то. И, по ея возвращеніи успѣхами Даніила опять къ Руси, весь этотъ край снова вздохнулъ свободно. Всѣ тамошніе старшины народные (а Русскіе, по своему обычаю, ихъ по просту звали князьями) всѣ до одного прислали торжественное заявленіе Даніилу о мирѣ съ нимъ,—и послѣ того въ тѣхъ дикихъ туземцахъ, въ тамошней *литвѣ* (сборное имя множайшихъ племенъ) Даніилъ и нашелъ себѣ вѣрныхъ союзниковъ противъ Лешка. Эти множайшія племена имѣли еще и множайшихъ сродичей по сторонамъ—подобныхъ себѣ сродныхъ племенъ въ самой Польшѣ и далѣе къ морю; но ихъ сборъ въ при-Берестянской украйнѣ былъ особый. Всѣмъ своимъ сборомъ они и обратились къ Романовичамъ съ миромъ на вѣчныя времена; утвердились тогда съ обѣихъ сторонъ „ротою“ быть въ вѣчной дружбѣ: *„Божіимъ повелѣніемъ прислаша князи литовскіи къ великой княгинѣ Романовой и Данилови и Василькови миръ дающе“* *).

Не много внесло свѣта, разумѣется, въ темную исторію

---

*) У этихъ дикихъ народцевъ не переводились, разумѣется, племенные-родовые раздоры между собой; вражда родовъ-племенъ и ихъ мелкія войны другъ противъ друга, можно бы сказать, и составляли всю ихъ тогдашнюю исторію. Поэтому ихъ легко было возбуждать—одно племя на другое; въ одномъ и томъ же племени случалось не рѣдко—одинъ родъ помогалъ одному союзнику, а другой родъ въ томъ же племени помогалъ другому союзнику и вели войну, такимъ образомъ, другъ противъ друга. Тѣмъ не менѣе, однако, здѣшнія племена при-Берестянской окраины *всѣмъ своимъ сборомъ* приложились къ Владиміро-волынскимъ князьямъ Даніилу и Васильку Романовичамъ—какъ одинъ народъ. Недругамъ этихъ Владиміро-волынскихъ князей ужъ нельзя было послѣ того поднимать противъ нихъ здѣшнюю мирную Литву, а приходилось продолжать здѣшніе раздоры вводомъ иныхъ литовскихъ племенъ со стороны. Мазовецкіе князья, не успѣвая больше возмущать Литву мирную съ Русью, возмущали сборъ этихъ племенъ послѣ того тѣмъ, что напускали на нихъ Литву-же изъ собственныхъ предѣловъ,—и тогда князья Русскіе защищали своихъ союзниковъ, помогали своей мирной Литвѣ войною противъ Литвы-же, наведенной съ чужи. Это и звалось *„Литовское воеванье“*.

этого края и не измѣнило полудикаго быта тамошнихъ племенъ это „Божіимъ повелѣніемъ“ заключеніе договора съ Волынью народныхъ старшинъ, названныхъ по-русски князьями: но въ Русской исторіи нельзя этого событія пропустить мимо. Неважно, что русская лѣтопись тогда же занесла на свои страницы такія имена безвѣстныхъ князьковъ идолопоклоннаго народца, какъ напримѣръ: Живинбутъ, Давьятъ, Довспрункъ, братъ его Миндогъ, братъ Давьяловъ Великаилъ и прочіе, или жемойтскіе князи: Ердивилъ, Выкинтъ и проч. и проч., или еще имена отдѣльныхъ родовъ-племенъ, какъ Дьяволта, Рушкевичи и Булевичи и т. д. Но весьма важно упоминаніе лѣтописи съ тѣмъ вмѣстѣ и о томъ, что *„си же вси миръ даша князю Данилови и Василъку и бѣ земля покойна; Ляхомъ же, не перестающимъ пакостящимъ, и приведе на ня Литву: и воеваша Ляхы и много убійства сотвориша въ нихъ“*. Съ тѣхъ поръ въ этихъ именно старинныхъ данникахъ Руси, испытавшихъ на себѣ разницу перехода изъ-подъ власти Русскихъ князей подъ владычество князей Мазовецкихъ, Даніилъ и находилъ уже вѣрныхъ и надежныхъ союзниковъ и бойцевъ противъ Ляховъ. Послѣ того съ ихъ помощью и велъ Владиміро-волынскій князь свои дальнѣйшія войны со своимъ сродникомъ Лешкомъ Бѣлымъ.

Въ описываемую пору во всѣхъ литовскихъ племенахъ происходило особенное волненіе; то былъ совершенно особенный подъемъ этихъ народцевъ, остававшихся втеченіи вѣковъ, сравнительно говоря, спокойными. На то были и особенныя причины. Скоро эти причины выступили наружу и объявились для всѣхъ явно: тогда, вслѣдствіе подъема этихъ народцевъ, испытала новыя бѣды и новыя великія затрудненія вся сѣверная Русь.

Юрій Всеволодовичъ вторично на Владимірскомъ престолѣ. Какъ только Мстиславъ Мстиславичъ ушелъ на югъ и безотходно пребывалъ въ Галичѣ, больше же въ своемъ Понизьѣ—на сѣверѣ о немъ забыли и думать. Не прошло много времени, отъ всей его здѣшней дѣятельности не оставалось и слѣда; отъ всѣхъ его дѣлъ и подвиговъ какъ во Владимірскомъ княженіи, такъ и въ самомъ Новгородѣ — послѣдствій никакихъ.

Во Владимірѣ скончался, смолоду не отличавшійся здоровьемъ, Константинъ Всеволодовичъ. Онъ, какъ только еще утвердился на владимірскомъ престолѣ, дружески примирился съ своимъ братомъ Юріемъ и, чувствуя себя недолговѣчнымъ, назначилъ его своимъ наслѣдникомъ; а умирая поручилъ ему, какъ отцу, и дѣтей своихъ, — изъ нихъ особенно памятенъ Василько Константиновичъ: юноша расцвѣталъ на красу всѣмъ и подавалъ самыя свѣтлыя надежды. Недолго пережила благочестиваго князя и благочестивая его княгиня, принявшая постриженіе, какъ только овдовѣла, и вскорѣ послѣдовавшая за мужемъ сама въ могилу—инокиня Агаѳія. На великокняжескомъ владимірскомъ престолѣ утвердился, такимъ образомъ, опять Юрій Всеволодовичъ. Онъ ничѣмъ больше не прославился за это время, какъ тѣмъ однимъ, что сдѣлалъ походъ на Волжскихъ Болгаръ—не столько, впрочемъ, на нихъ, какъ на Мордву.

Братъ его Ярославъ Всеволодовичъ, сидя у себя въ Переяславлѣ у озера Клещино (Плещеевское), продолжалъ попрежнему безпрестанно занимать Новгородъ и уходить изъ него; владѣя Торжкомъ уже какъ собственностью Владимірскаго княженья, онъ не переставалъ тѣснить Новгородцевъ, кто бы у нихъ ни княжилъ. Они одинаково не могли—ни ужиться съ Ярославомъ Всеволодовичемъ, ни жить безъ него. Къ тому же много бѣдъ и золъ прибавилось у Новгородцевъ за это время: нарушились старинныя ихъ связи съ Заморьемъ и залегли самые пути къ морю; волновались тогда Литва и Чудь, участились и новгородскіе походы въ ихъ сторону,—а Ярославъ Всеволодовичъ, воюя Чудь, заходилъ далеко—туда, гдѣ *„ни единъ отъ князь рускыхъ не взможе бывати“:* нельзя было Новгороду не дорожить такимъ княземъ! а онъ оставлялъ ихъ, уходилъ еще отъ нихъ на югъ искать тамошняго Переяславля и самого Кіева.

Великій князь Юрій, женатый на дочери Всеволода Чермнаго, отдалъ Новгородъ шурину своему Михаилу Черниговскому. Тогда Ярославъ *„мысляшетъ противитися Юрью брату своему“*, вступилъ въ брань, изгоняя Михаила изъ Новгорода, воевалъ самый Черниговъ и всю черниговскую область. Вспомнивъ притомъ свое изгнаніе изъ Переяславля на Альтѣ отцомъ Михаила Всеволодомъ Чермнымъ,

Ярославъ занялъ этотъ свой прежній удѣлъ; а вспомнивъ еще, какъ во время оно его отсюда приглашали занять Галичъ, онъ уже изъ Переяславля на Альтѣ простиралъ еще виды на Кіевъ и на при-Карпатскую Русь. При малѣйшей неудачѣ на югѣ онъ снова возвращался въ Залѣсскій Переяславль и тогда опять не спускалъ уже глазъ съ Новгорода, вновь *„мыслящетъ противитися Юрью брату своему“*, искалъ разссорить съ нимъ и молодыхъ Константиновичей, изъ которыхъ одинъ былъ княземъ Ростовскимъ (Василько Константиновичъ), а другой (Всеволодъ Константиновичъ), получивъ на свою долю Ярославль-городъ, и былъ тамошнимъ удѣльнымъ княземъ.

Истекло, такимъ образомъ, уже цѣлое десятилѣтіе со дня Всеволодовой кончины (Всеволода Юрьевича, Большое Гнѣздо) и шло другое—а усобица и неурядица, обычные раздоры князей не переставали... Больше не устанавливалось полнаго мира на Руси: какъ на всемъ югѣ, также и на сѣверѣ смута была всеобщая, шаткость и неопредѣленность одинаковыя повсюду... Тѣ же нестроенія *„многія волны и которы“*, что сокрушали Русь въ былую пору, грозили ей и впереди,—но уже съ тою разницей, что имъ не предвидѣлось и конца вдали...

Заключеніе древнихъ междуусобій. И грянулъ, по сказанію лѣтописцевъ, громъ съ небеси. За грѣхи многихъ поколѣній и многовѣковое *„неисправленіе христіанъ“*, за всѣ неправды и беззаконія, творившіяся на Руси изъ одного столѣтія въ другое, явно разразился гнѣвъ свыше, медлившій не одно-же сто лѣтъ—лишь по Божьему долготерпѣнію. *„Се лютая година наступила. Уже бяше Божію гнѣву не противитися: недоумѣніе бо и грозу, и страхъ, и трепетъ, наведе на ны за прегрѣшенія наши“*. Приблизилось страшное время, постигло Русскую землю, изстари всѣмъ славянамъ знакомое горе: нашествіе иноплеменныхъ.

Одинъ врагъ пришелъ съ запада, другой спѣшилъ отъ востока: „пріидоша въ силѣ тяжцѣй отъ Западныя страны Нѣмцы изъ-заморья“; а изъ-за Урала „пріидоша языци незнаеміи, безбожные Моавитяне, рекомые Татары“. И какъ бы въ полное тому подтвержденіе, что *„славянскій языкъ и рус-*

скій одно есть“, всею тяжестью обрушилось на Русскую Землю и во всей силѣ привелось испытать Русскому народу это роковое, можно бы сказать, на-роду́ написанное славянству, двойное горе – памятное ему еще съ Дунайскихъ временъ.

Про древняго славянина поминается въ древнѣйшей пѣснѣ, что не было ему ни съ запада, ни съ востока отъ враговъ отбоя. „Бился со врагомъ черезъ весь день отъ утренней зари до вечерней; а врагъ съ другой стороны подошелъ на зарѣ рано: бился и съ нимъ день цѣлый, бился съ утра до ночи“. Съ одной стороны—это хищникъ-азіатъ съ лукомъ и колчаномъ стрѣлъ за спиною, какъ змій выползающій изъ пустыни; а съ запада — воинъ еще суровѣй, съ ногъ до головы закованный въ желѣзо. Подъ зміемъ, выползавшимъ изъ степи, древлему славянину могли вспоминаться еще Гунны, занявшіе землю славянъ и увлекшіе ихъ съ собою при Аттилѣ (*Валоміръ*), потомъ Обры („*погибоша аки Обрьі*“). А подъ желѣзными полками могли приходить на память сами даже Римскіе легіоны; послѣ того напримѣръ Готы.

Въ русской исторіи лютыми зміями явились Татары; а желѣзными рыцарями—тѣ западные земляки, кого въ противуположность съ собою Словѣни попросту ужъ звали нѣмыми.

Наступилъ переломъ въ исторіи Русскаго народа и коренной переворотъ въ его судьбахъ.

Что пошло въ Русской Землѣ въ XIII вѣкѣ.

По примѣру прежнихъ переходовъ отъ одной эпохи къ другой слѣдовало бы раньше, чѣмъ приступить къ изложенію дальнѣйшихъ событій, предпослать и тутъ краткій обзоръ: что пошло далѣе въ Русской землѣ?

Но исполнить этого попрежнему нельзя.

При подобныхъ предварительныхъ обзорахъ, напримѣръ: временъ, послѣдовавшихъ вслѣдъ за Юріемъ Долгоруким̀ъ и за Владиміромъ Мономахомъ или послѣ еще Ярослава Мудраго, довольно уже было свести итоги „*по былинамъ того времени*“, предуказать лишь послѣдствія чередовавшихся событій отъ одного поколѣнія къ другому

„свивая славы оба-полы того времени“, и все приходило въ ясность. Получалось точное опредѣленіе описываемаго промежутка: ибо въ немъ не оставалось ничего неяснаго для самихъ современниковъ; по крайней мѣрѣ, неясное для предшественниковъ раскрывалось событіями, кои для свидѣтелей слѣдующаго-же поколѣнія становились въ свою очередь уже позади ихъ, а не предстояли еще впереди: въ тѣхъ событіяхъ и разбирались легко сами наши предки, не затрудняясь давать себѣ во всемъ происходившемъ въ ихъ время—ясный и полный отчетъ.

Не такова злополучная эпоха, наступившая въ XIII-мъ вѣкѣ.

Всѣ черныя напасти, вдругъ обуявшія тогда мглой нашу исторію, не вдругъ разсѣялись въ ней. Роковыя событія, постигшія нашихъ предковъ, одно за другимъ въ XIII вѣкѣ, застигли ихъ до такой степени врасплохъ, что современники, переживавшіе тѣ событія, отказывались ихъ понимать.

Что такое Монгольское иго и нашествіе Татаръ? откуда вдругъ возлѣ Полоцкихъ, Псковскихъ и Новгородскихъ владѣній взялся орденъ Ливонскихъ Рыцарей?.. какимъ чудомъ въ нѣдрахъ Русской страны выросла диковинная Литва и въ державствѣ русскихъ князей могла образоваться корона Литовская? —этого наши предки въ свое время никакъ не могли разобрать. Эти вопросы—не только въ слѣдующемъ поколѣніи, ни даже въ слѣдующемъ столѣтіи—разрѣшенія себѣ не нашли: они доищутся или будутъ его искать себѣ—уже въ цѣломъ рядѣ грядущихъ поколѣній изъ вѣка въ вѣкъ. А между тѣмъ, предпослать краткій обзоръ дальнѣйшаго хода русской исторіи,—едва она приблизилась къ XIII-му вѣку—значитъ ничто другое, какъ на эти самые вопросы и дать точный отвѣтъ. Перечни княжескихъ родовъ и смѣнявшихся тогда князей въ разныхъ углахъ тогдашней разрозненной Руси и пересказы о разныхъ отдѣльныхъ приключеніяхъ по тѣмъ угламъ—уже не значатъ за это время ничего ровно. А сами эти, неслучайно взявшіяся въ русской исторіи роковыя событія и выступаютъ въ ней на первый планъ. Они же измѣнили и весь ея дальнѣйшій ходъ.

Очевидно такимъ образомъ, что многосложнаго и труд-

наго содержанія наступившей эпохи нельзя-бы обойти молчаніемъ, коснувшись лишь слегка и ограничась лишь такъ называемыми общими мѣстами,—нельзя однакоже и передать—какъ при прежнихъ обозрѣніяхъ—въ двухъ-трехъ словахъ.

По необходимости, и самые разсказы о *коронѣ Литовской*, о вторженіи нѣмцевъ и *орденѣ Ливонскихъ Рыцарей*, о *Монголахъ* и *Татарахъ* — будутъ изложены, каждый въ своемъ мѣстѣ, въ особыхъ главахъ.

Битва съ Татарами на рѣкѣ Калкѣ *). Калецское побоище.

Лѣто 1224-е отмѣчено какъ лютая и злопамятная година въ Русской исторіи.

Тогда Кіевъ уже давно былъ лишенъ древней славы; а Владимірское княженье, только что было упрочилось Всеволодомъ Юрьевичемъ, поколебалось въ своемъ могуществѣ при его наслѣдникахъ. Сѣверъ, изъ своей новой столицы, уже не простиралъ власти на *всю Русь*; а на югѣ послѣ упадка Кіева, ни Черниговъ, ни Волынь не могли заступить его мѣста. Силенъ былъ тогда на всемъ югѣ Галичь, а въ Галичѣ доживалъ свой вѣкъ славнѣйшій между всѣми тогдашними русскими князьями Мстиславъ Мстисла-

---

*) Нѣкоторые принимаютъ за Калку нынѣшній Калміусъ въ Маріупольскомъ уѣздѣ; другіе одинъ изъ притоковъ Калміуса, рѣчку *Калецъ*,— и послѣднее вѣрнѣе. О рѣкѣ Калміусъ нельзя не замѣтить, что ея названіе, оканчивающееся какъ бы на латинское *us*, звучитъ странно для слуха восточныхъ жителей. Но „*міусы*“, также какъ и самое „*кала*“— чисто татарскіе звуки: вспомнимъ напримѣръ, что въ Москвѣ одно урочище слыветъ *міусами* и тамошняя застава *міусскою*. Могло быть, что рѣка „*Кала-міусъ*“ имѣла въ старину не одинъ притокъ и не одинъ рукавъ, именовавшіеся *Калками*; сами Русскіе покрайней мѣрѣ, въ той „степи незнаемой“ не одну изъ тамошнихъ рѣчекъ могли называть Калкой. Въ лѣтописяхъ, по самой сущности дѣла, нѣтъ точнаго обозначенія мѣста этого боя; не обозначено же въ точности—ни мѣсто, ни даже самое имя злополучной рѣки. Въ одной значится битва на *Калкѣ*, въ другой: на *Калкахъ*; а есть и такая лѣтопись, въ которой эта битва названа *Алецкимъ побоищемъ*, то-есть, разумѣется, „калецкое“ побоище вмѣсто неудобопроизносимаго „калское“: поэтому изъ двухъ рѣкъ Калецъ и Калміусъ, и вѣроятнѣе предположить первую, а не вторую въ этомъ случаѣ.

вичъ „*удатный*“, какъ звали своего любимца любимые и имъ самимъ Черкасы.

Вдругъ къ нему въ столицу явились Половцы и самъ ихъ главный ханъ Котянъ, тесть Мстислава, съ поклонами и дарами „*отъ всей земли Половецкой*“: ему и всѣмъ князьямъ Русскимъ. По внезапности многолюднаго пріѣзда и множеству привезенныхъ даровъ, по всеобщему ихъ страху и смятенію,—а главное, по преувеличеннымъ рѣчамъ о вѣчной дружбѣ къ Руси и о всеобщей ихъ готовности принять даже русскую вѣру—очевидно было, что привело ихъ нѣ что необычайное на этотъ разъ. Одинъ изъ ихъ хановъ Бастей, дѣйствительно тогда-же остался жить на Руси и крестился въ православную вѣру; а Котянъ обѣщалъ привести къ христіанству весь свой улусъ: до тридцати тысячъ Половцевъ. Но что̀ понудило ихъ къ такому подвигу и кого именно испугались они въ степи—ничего путнаго нельзя было разобратъ изъ ихъ рѣчей; очевидно было: они сами недовольно понимали то, въ чемъ хотѣлъ всѣхъ разумить. На всѣ разспросы—„*Татары* и *Татары*“, одно это они и повторяли въ отвѣтъ. Половцы разсказывали о появленіи въ ихъ степи еще невиданнаго на Руси и неслыханнаго зла: новаго для русскихъ и невѣдомаго для нихъ народа, котораго однако-жь сами они, Половцы, боялись какъ лютѣйшаго, изстари имъ знакомаго врага; одна память о которомъ уже приводила ихъ въ ужасъ и чье имя повергало въ оцѣпенѣніе.

„Мы съ вами давніе союзники“—кланялись Половцы—„только вы намъ теперь не поможете—всѣ погибнемъ; но и вамъ-же будетъ хуже. Если насъ истребятъ Татары, очередь и до васъ дойдетъ вскорѣ. Нынче завоюютъ нашу землю, а завтра вашу. Лучше и намъ и вамъ противъ нихъ биться вмѣстѣ“—и они предлагали принять отъ нихъ дары многіе: „кони, верблюды, буйволы, дівкі Половицкія“—всѣмъ князьямъ Русскимъ.

Заслышавъ о новомъ, еще неслыханномъ вражьемъ племени, Мстиславъ Удалой исполнился ратнаго духа. Отъ него вѣсть о Татарахъ полетѣла изъ княжества въ княжество, во всѣ стороны по всей Русской землѣ. На призывъ могучаго князя заподымались полки на Волыни и въ Смоленскѣ; въ Кіевѣ, Черниговѣ и по всей южной украинѣ.

Дали знать и на сѣверъ великому князю Владимірскому,—сыну Всеволода (Большое Гнѣздо)—Юрію.

Князья съѣхались на совѣтъ въ Кіевъ, а въ Кіевѣ сидѣлъ тѣмъ временемъ двоюродный братъ Удалого—Мстиславъ Романовичъ (не пользовавшійся расположеніемъ Галичьскаго державца еще съ тѣхъ поръ, какъ лѣниво помогалъ ему въ его походѣ на Галичъ). Съ тѣхъ самыхъ поръ между двоюродными братьями — Мстиславъ Удалой и не любилъ эту именно старшую отрасль: поколѣніе мягкосердаго Романа Ростиславича; а предпочиталъ сыновей Рюрика Ростиславича: именно союзника своего Владиміра Рюриковича, тогдашняго Смоленскаго князя. Но холодность между обоими Мстиславами тѣмъ и ограничивалась однимъ, что Мстиславъ Мстиславичъ княжилъ у себѣ въ Галичѣ независимо отъ Кіевскаго князя, а Мстиславъ Романовичъ, сидя на княженіи въ Кіевѣ, подавно не хотѣлъ ни въ чемъ зависѣтъ отъ Галичьскаго: въ Кіевѣ на совѣтѣ оба они держали себя какъ равный съ равнымъ. Кромѣ нихъ были тутъ еще два другихъ Мстислава: послѣдне-уцѣлѣвшій изъ сыновей Святослава Всеволодовича: Мстиславъ Святославичъ (памятный тѣмъ, что Всеволодъ Большое Гнѣздо женилъ его на своей свояченицѣ Ясынѣ), а другой—Пересопницкій князь, владѣвшій напослѣдокъ и Луцкомъ—Мстиславъ Нѣмой. Изъ младшихъ князей замѣтнѣе и виднѣй другихъ были въ Кіевѣ на совѣтѣ—Михаилъ Всеволодовичъ, сынъ Чермнаго (будущій первомученикъ въ Ордѣ, принявшій мученическую смерть вмѣстѣ съ своимъ бояриномъ Ѳеодоромъ) и юноша, тогда уже 18-ти лѣтній, Даніилъ Романовичъ. Но Михаилъ Всеволодовичъ долженъ былъ въ то самое время отлучиться на сѣверъ въ помощь къ зятю своему Владимірскому князю Юрію Всеволодовичу (и былъ имъ посаженъ въ Новгородѣ) не могъ поэтому участвовать въ готовившемся походѣ,—всѣ прочіе охотно вступили въ союзъ. Собрался въ походъ противъ Татаръ со старшими—Владиміръ Рюриковичъ Смоленскій; собрались еще князья изъ Курска и изъ Путивля; собралось еще довольно „молодшихъ князей“, чьи имена вообще были мало извѣстны, а звались они прямо по тѣмъ одиночнымъ городамъ, которыми владѣли: Трубчевскій, Шумскій, Несвижскій, Дубровскій и пр. На совѣтѣ всѣ говорили другъ дру-

гу, что необходимо пособить Половцамъ: „лучше встрѣтить Татаръ и биться съ ними на чужой землѣ, нежели на своей“—таковъ былъ общій голосъ. А Мстиславъ Мстиславичъ прибавилъ къ тому: „ежели, братья, мы Половцамъ не поможемъ и они сами перейдутъ къ Татарамъ, то ихъ больше будетъ сила“. Всѣ рѣшили итти.

Полки собрались многочисленные, какихъ давно не видали. Пѣшее воинство спустилось Днѣпромъ въ ладьяхъ конница пошла степью. Лодокъ набралось несмѣтно: съ берега на берегъ переходили ими черезъ весь Днѣпръ какъ по-суху. Часть Галичьскихъ дружинъ и нѣкоторые изъ Волынцевъ спустились изъ своихъ мѣстъ внизъ Днѣстромъ, моремъ всплыли въ Днѣпровское устье и поднялись вверхъ до пороговъ; тутъ и сжидалися: къ нимъ навстрѣчу и пошли сюда внизъ войска, переправлявшіяся выше пороговъ.

Вестахъ въ 70-ти ниже Кіева находился на Днѣпровскомъ берегу такъ называемый Витичевъ-перевозъ съ городкомъ Святополчимъ; а нѣсколько ниже другой городокъ Зарубъ, расположенный противъ устья Трубежа; подлѣ Заруба славился островъ на Днѣпрѣ, слывшій Варяжскимъ. Всѣ эти селенія изстари служили мѣстами для переправы черезъ Днѣпръ а главная переправа подъ Святополчимъ прямо и называлась „бродомъ“. Городки стояли на правомъ, на Кіевскомъ берегу Днѣпра; но и на другой сторонѣ, противъ нихъ, были расположены обширныя-же селенія. Всѣ эти мѣста и перечислены подробно при описаніи выступленія русскихъ войскъ въ злосчастный походъ на Калку. Прежде всѣхъ *перебродился* Днѣпромъ Мстиславъ Мстиславичь, а подъ его воеводствомъ состояли: Даніилъ Романовичь съ волынскими полками и Владиміръ Рюриковичь со Смолянами. Молодые князья охотились тотъ разъ скорѣе перевѣдаться съ невѣдомыми врагами и кинулись впередъ, завидѣвъ издали татарскіе отряды; захвативъ съ собой тысячу дружинниковъ, помчался и Удалой за ними,ославъ отъ себя сказать обоимъ Мстиславамъ (Кіевскому князю и Черниговскому) чтобъ не мѣшкая шли въ помощь, переправились-бы Днѣпромъ: тутъ и надѣялись быть великому бою. Но татарскіе конники, бросивъ часть своего скота въ добычу непріятелю, скрылись изъ глазъ.

Вся Половецкая земля уже была занята Татарами; но ихъ летучіе отряды на всемъ пути лишь изрѣдка мелькали вдали и исчезали по мѣрѣ приближенія Руси; замѣтили ихъ во множествѣ именно лишь при переправѣ черезъ Днѣпръ, когда они оглядывали ладьи русскіе. Первое ихъ стойбище, которое удалось отчасти настигнуть врасплохъ, оказалось отрядомъ Гембяка. Половцы величали его ханомъ. Русь, жадная повидать не дававшихся въ руки невѣдомыхъ чужеземцевъ, радостно устремилась въ погоню; Мстиславъ Удалой перебилъ въ этой схваткѣ не успѣвшихъ скрыться Татаръ, захватилъ весь ихъ скотъ и станъ—и не прежде остановилъ погоню, какъ самъ ихъ ханъ Гембякъ достался живымъ въ руки. Татары укрыли его въ одномъ изъ степныхъ кургановъ, гдѣ вырыто было еще и подземелье; но Половцы догадались при этомъ преслѣдованіи осмотрѣть знакомый имъ курганъ: тутъ Русскіе и захватили нѣсколько плѣнныхъ, въ томъ числѣ самого Гембяка. Половцы выпросили его себѣ и, отомщая „плѣнъ земли Половецкой и всѣхъ князей ея“ убили хана. Кромѣ этой незначительной схватки была еще одна перестрѣлка съ татарами, при чемъ отъ лучнаго боя въ русскомъ отрядѣ оказалось довольно раненныхъ и былъ убитъ одинъ изъ самыхъ знатныхъ воиновъ. Впрочемъ, Татары оставались незримы на всемъ пути; если-жъ гдѣ-гдѣ и были настигаемы въ степи—вездѣ убѣгали. Молодежь хвалилась на первыхъ порахъ: „плохіе-де воины Татары,—даже Половцы ихъ лучше“; но старики остерегали: *„по всему знать: не простые это воины, искусны въ ратномъ дѣлѣ“*; замѣчали притомъ дальнобойность и мѣткость ихъ стрѣлъ.

Въ глубинѣ степей радостно на этотъ разъ встрѣтила Русскихъ вся Половецкая сила: ордынцы привѣтствовали ихъ, какъ своихъ избавителей,—и соединенными силами пошли дальше на востокъ, къ самому при-Азовью: мѣста древняго Тьмутораканскаго княжества.

Заслыша на себя походъ, Татары съ самаго начала – еще когда Русскіе переправлялись подъ Святопольчьимъ-городкомъ,—прислали къ князьямъ отъ себя пословъ для переговоровъ. „Мы не заняли вашей земли, ни городовъ вашихъ, ни селъ,—говорили посланные—пришли мы не на васъ; но Богъ насъ привелъ на холоповъ и конюховъ нашихъ, на

Половцевъ; съ вами у насъ нѣтъ рати. Если Половцы побѣгутъ къ вамъ — бейте ихъ и сами, и забирайте товары ихъ. Слышали мы: много они зла причинили и вашей землѣ". Половцы испугались такого неожиданнаго посольства; но Русскіе, въ удовлетвореніе своихъ союзниковъ, не только не послушались татарскихъ Пословъ, а половцамъ же и отдали ихъ на избіенье.

Послѣ того Татары прислали вторыхъ пословъ уже въ то время, когда Русскіе соединились и, двинувшись всѣмъ своимъ воинствомъ отъ Олешья (ниже пороговъ), готовы были углубиться въ степь. Татары еще разъ остерегали русскихъ князей въ такихъ словахъ: „вы послушались враговъ нашихъ Половцевъ и убили нашихъ пословъ и идёте противъ насъ; смотрите-же, надъ всѣми нами одинъ Богъ, мы васъ не трогали". Князья обошлись на этотъ разъ не по прежнему: хотя и второй разъ не послушались татарскихъ пословъ, однако-же отпустили ихъ мирно.

Великій князь Владимірскій Юрій Всеволодовичь также послалъ въ помощь противъ Татаръ дружину отъ себя съ любимымъ племянникомъ своимъ Василькомъ Константиновичемъ, но за дальностью мѣстъ эта помощь опоздала: Василько́ Константиновичь былъ со своими Ростовцами еще въ черниговскихъ мѣстахъ, какъ вдругъ по всей Русской землѣ огласилась громовая вѣсть: „татары разбили русскихъ! Русское воинство понесло отъ татаръ такое пораженіе, какого еще не бывало".

Весь этотъ походъ происходилъ самымъ раннимъ лѣтомъ, можно-бы сказать—еще весною: въ послѣднихъ числахъ мая и въ первыхъ іюня. Даже роковымъ днемъ самаго́ боя— тогда какъ воины большею частью запомнили 16-е іюня, иные указывали 31-е мая. Меньше чѣмъ въ четыре недѣли все было повершено; бой-же самый, начавшійся притворнымъ отступленіемъ Татаръ и преслѣдованіемъ ихъ со стороны мнимыхъ побѣдителей, а окончившійся избіеніемъ и преслѣдованіемъ бѣгущихъ—былъ по крайней мѣрѣ пятидневный. Татары, по ихъ собственному свидѣтельству, „умышленно заманили Русскихъ въ опасную степь и сражались съ ними цѣлые семь дней".

Встрѣча съ Татарами, послѣ того какъ Русскіе углубились внутрь земли Половецкой, произошла не сразу; битва

съ ними разыгралась въ незнаемой степи у самаго Лукоморья. Девять дней нигдѣ не встрѣчая непріятелей, шли войска почти безостановочно, все подаваясь на востокъ, и достигли наконецъ крутыхъ и каменистыхъ береговъ небольшой рѣки: это и была Калка. Мѣстами ея каменистыя берега, по своей возвышенности и отвѣснымъ крутизнамъ. являли удобныя средства для обороны; а за нею укатывалась въ необозримую даль ровная и гладкая степь—вѣрный знакъ близости къ морю. Тутъ было самое мѣсто остановить полки для ихъ окончательнаго устройства къ общему совокупному дѣйствію, и самое время—сообща посовѣтоваться о томъ. Но Мстиславъ Удалой, предводительствовавшій Половцами своего тестя, распоряжавшійся при-томъ волынскими полками Даніила Романовича и смолянами Владиміра Рюриковича, и ни съ кѣмъ не вступавшій въ совѣты во все время похода, а рвавшійся впередъ—такъ же точно поступилъ и тутъ на берегу Калки. Онъ велѣлъ Даніилу Романовичу немедленно переправиться черезъ рѣку; за нимъ повелъ свои полки Владиміръ Рюриковичь, а вслѣдъ за ними ушелъ и самъ Мстиславъ Мстиславичь. Тогда Мстиславъ Нѣмой и Олегъ Курскій также послѣдовали ихъ примѣру. Позади всѣхъ остались и уже не трогались съ мѣста—кіевскій князь Мстиславъ Романовичъ и другой Мстиславъ, его черниговскій союзникъ.

Мстиславъ Романовичь, занявъ на крутомъ берегу неприступное мѣсто въ каменистыхъ ломàхъ, огородился еще острожкомъ, укрѣпивъ его обозами своими, и засѣлъ тутъ съ княземъ Дубровицкимъ и другимъ изъ младшихъ князей, своимъ зятемъ, въ ожиданіи непремѣннаго боя. Съ высоты своего укрѣпленія, засѣвшіе тутъ князья могли далеко озирать поле, куда ушли не посовѣтовавшіеся съ ними союзники и гдѣ, по примѣчавшемуся передвиженію въ ихъ полкахъ и по всему знать, ужъ они завидѣли непріятелей. Увѣренность въ близости неминуемаго боя, какъ только стали подходить къ берегамъ Калки, уже въ полкахъ была всеобщая; но съ кѣмъ именно предстоитъ драться и что за новый врагъ появился въ степи, съ которымъ приходилось имѣть дѣло—объ этомъ до самаго послѣдняго часу никто не имѣлъ понятія.

Кромѣ немногихъ Татаръ, изрубленныхъ при захватѣ Гем-

бяка и при одной перестрѣлкѣ, Русскіе въ продолженіи всего похода такъ и не повидали еще диковинныхъ чужеземцевъ; а Половцы говорили вздоръ: путнаго ничего, а лишняго много. По ихъ увѣреніямъ, не было на свѣтѣ воиновъ страшнѣе татарь: это злѣйшіе Торки, подобные древнимъ Печенѣгамъ; другіе добавляли къ тому невнятно-произносимое неразборчивое имя: *Монги* и *Могулы*, сказывая, будто ихъ царь „*Чаногизканъ*“ пишется въ своихъ ярлыкахъ сыномъ Бога и „*Обладателемъ вселенной*“ и побѣдилъ неисчислимые народы; одинъ видъ ихъ вселяетъ ужасъ и леденитъ кровь, а ихъ кликъ военный „*гур-ра*“ таковъ, что у всѣхъ оружіе вываливается изъ рукъ при ихъ приближеніи.

И наступилъ роковой день, когда наконецъ Русскіе насмотрѣлись своими очами и наслушались собственными ушами всѣхъ тѣхъ ужасовъ, которые имъ до того часу казались баснословіемъ. Какъ только начали навстрѣчу къ Русскимъ надвигаться передовые отряды татаръ, ихъ мѣткія стрѣлы уже разили войско, а стрѣлы противниковъ до нихъ и еще не досягали. Колебавшіяся издали, какъ лѣсъ темный, длинныя копья дикарей вдругъ съ сухимъ шумомъ опустились на перевѣсъ для нападенья,—и раздались ихъ „*бѣсовскіе*“ крики... Первый врѣзался въ ихъ ряды Даніилъ Романовичъ; за нимъ кинулись и прочіе князья, жадные перевѣдаться со врагомъ, еще ни разу не испытаннымъ; ударилъ на Татаръ и Мстиславъ Мстиславичъ ускоривая рѣшительное пораженіе. Первая схватка была такъ удачна, что Татары казались совершенно разбитыми. Отъ этого несчастнаго боя сохранилось навсегда въ памяти п е р в о е, что вначалѣ Русскіе одержали было верхъ надъ татарами и в т о р о е, что всему напослѣдокъ повредили Половцы,—они въ рѣшительную минуту боя пришли въ такой ужасъ и такъ обезумѣли отъ страха, что на Русскихъ-же всѣмъ своимъ воинствомъ и опрокинулись въ бѣгство. Но у Татаръ было обычною хитростью: прежде заманить врага притворнымъ бѣгствомъ передовыхъ отрядовъ, — отступать передъ непріятелемъ, какъ будто послѣ пораженія, пока не подведутъ его къ своей главной силѣ. А когда опрометчивый врагъ попадалъ въ засаду, тутъ его и окружали татары своимъ многолюдствомъ, и ужъ спасенья не было. Преслѣдуя по пятамъ бѣгущихъ и насти-

гая отступавшіе татарскіе отряды, Русскіе,—уже далече за Калкой—и были окружены напослѣдокъ не полками, а сказатъ-бы: цѣлымъ моремъ воинствующаго народонаселенія. Со всѣхъ сторонъ тучи за тучами напирали на нихъ все новыя и свѣжія полчища ордынцевъ; несмѣтной и тьмущей ихъ силѣ уже не видѣлось конца-краю—и произошло, то, чему было не миновать: побоище, какого еще отъ начала Руси не бывало. „*И бысть побѣда на вси князи Русскіе ака же не бывала отъ начала Русской земли никогда-же*“.

Навидѣлись въ тотъ день Русскіе „*незнаемыхъ безбожныхъ Моавитянъ*“, воочію надивились тогда всѣмъ невиданнымъ и еще неслыханнымъ дивамъ: „*много убійство безчисленное сотворися*“. Хрипло-пронзительные крики лютыхъ азіатовъ, ихъ смуглыя, скуластыя лица съ глазами нàкось, какъ у хищныхъ звѣрей, а главное: ихъ неимовѣрное многолюдство, ихъ подавляющее численное превосходство, такъ что „*отъ того ли пару конячаго, отъ ихъ духа татарскаго*“ нельзя было дышать въ бою... все извѣдали въ этотъ день союзники и защитники Половцевъ, не вѣрившіе ихъ разсказамъ. Какъ только обнаружилась хитрость Татаръ, что вначали они лишь завлекали въ засаду притворнымъ отступленіемъ, а наконецъ того окружили со всѣхъ сторонъ несмѣтнымъ воинствомъ безъ конца-края, никто больше не понималъ: чтò происходитъ?.. Половцы бѣжали конные и пѣшіе, и съ телѣгами своими, давили Русскихъ на своемъ пути... Разсѣянные полки и дружины князей метались по полю изъ стороны въ сторону, не зная чтò предпринять, и всюду новыя тучи татаръ застилали имъ путь; въ какую бы сторону ни обращались на побѣгъ, чтобы выйти изъ боя, отовсюду валили новыя полчища ордынцевъ... сѣкли и кололи растерявшихся воиновъ, безъ толку отмахивавшихся мечами; топтали конями и рубили сдававшихся въ плѣнъ, „*много убійство безчисленное сотворися*“ и пускались въ догонку за бѣгущими... Не то было удивительно, что Русскіе князья всѣ до одного „*обратили на бѣгъ коней своихъ*“ и за ними простые воины, а удивительно было, какъ могли еще хоть нѣкоторые изъ князей и немногіе изъ простыхъ воиновъ вырваться изъ этой облавы, заранѣе подготовленной искусными въ ратномъ дѣлѣ *монголами*: да не выйдетъ никто. Бѣжалъ Даніилъ Романовичъ „*прободенный*

въ грудь“ и „*въ буести*“ не чувствовавшій своей раны: бившійся весь день,—тогда только и опознавшійся, что былъ раненъ и что изъ него сочилась кровь, когда вырвавшись, наконецъ изъ опасности, припалъ къ ручью напиться воды, мучимый жаждой,—и тутъ его настигъ Мстиславъ Нѣмой, искавшій его долго и полагавшій уже убитымъ; бѣжалъ и Мстиславъ Святославичъ съ сыномъ своимъ Всеволодомъ; но оба погибли отъ меча Татаръ, настигнутые въ пути. Бѣжалъ, какъ обезпамятѣвъ, первый вырвавшійся изъ сраженія—и Мстиславъ Удалой, и всѣхъ опередилъ въ своемъ бѣгствѣ, и, переправясь черезъ Днѣпръ, велѣлъ жечь и оттолкнуть всѣ лодки, боясь погони...

Теперь только можно было судить: съ какимъ множествотъ воиновъ „Чаногизкана“ пришлось имѣть дѣло на Калкѣ. Отъ самыхъ береговъ этой рѣки и вплоть до Днѣпра весь путь былъ усѣянъ татарскими отрядами и цѣлыми ихъ полчищами, преслѣдовавшими бѣглецовъ и сметавшихъ передъ собой все, что только встрѣчали жилого во всей землѣ Половецкой. Татары, оставивъ лишь двухъ воеводъ Чюгыркана и Тешукана на мѣстѣ побоища, чистили теперь всю степь Половецкую вплоть до русскихъ предѣловъ.

Кіевскій князь Мстиславъ Романовичъ съ княземъ Дубровицкимъ и зятемъ своимъ Андрѣемъ—три дня отбивали приступы Татаръ отъ своего острожка. Побѣдители съ остервѣненіемъ лѣзли на ихъ укрѣпленіе; Чюгырканъ и Тешуканъ не щадили крови своихъ воиновъ; сколько ихъ ни валилось убитыхъ и раненныхъ, посылали отряды за отрядами взять злоупорный городокъ во что бы то ни стало. Но князья, на чьихъ глазахъ, можно бы сказать, совершилась гибель всего русскаго воинства, очевидно, рѣшились умереть, а не сдаваться. Не одолѣвъ силой, татары взяли ихъ хитростью. Они вступили въ мирные переговоры,—требовали лишь выкупа и обѣщали князьямъ свободный пропускъ съ оружіемъ и съ ихъ дружинами. Въ степи не переводились изстари скитавшіяся тутъ вольныя станицы русскихъ и полурусскихъ бродниковъ. Этотъ сбродъ, изстари сносившійся съ разными ордынцами даже и въ глубинѣ Азіи, не былъ чуждъ нѣкотораго знанія тамошнихъ племенъ и нарѣчій. Татары тутъ-же въ степи, кромѣ уже Половцевъ, именно

въ этихъ полу-русскихъ бродникахъ и нашли себѣ лучшихъ посредниковъ и переводчиковъ для своихъ сношеній съ Русью: нѣкоторые изъ этихъ вольныхъ станичниковъ уже успѣли сойтись и съ Татарами. Съ Чюгырканомъ и Тешуканомъ былъ тутъ, со своими молодцами, одинъ изъ подобныхъ степныхъ князьковъ воевода Плоскиня. Онъ и велъ переговоры съ князьями о сдачѣ острожка. Князья охотно давали за себя требуемый окупъ, но не прежде соглашались сдать городокъ, какъ съ тѣмъ, чтобы станишникъ въ точности сговорился съ ханами объ ихъ свободномъ пропускѣ, и чтобы самъ онъ, Плоскиня, цѣловалъ имъ крестъ въ соблюденіи договора. Плоскиня поручился князьямъ, что условія ихъ приняты татарами, и присягнулъ въ томъ. Тогда Романъ Мстиславичъ и его подручники вышли изъ укрѣпленія съ дружинами своими. Татары умертвили всѣхъ воиновъ на глазахъ князей; самихъ-же перевязали веревками и, бросивъ на земь, накрыли досками; изъ досокъ сколотили помостъ и сѣли на немъ обѣдать, празднуя и пируя свою побѣду: „*тако ту скончаша князи животъ свой*“. Говорили, что однихъ кіевлянъ было въ томъ бою убито до десяти тысячъ; въ прочихъ полкахъ считали, что изъ простыхъ воиновъ домой вернулся лишь десятый; изъ князей воротились назадъ: Мстиславъ Мстиславичъ, Даніилъ Романовичъ, Владиміръ Рюриковичъ и Мстиславъ Нѣмой, также Олегъ Курскій,—прочіе убиты. Одни пали въ бою, а шестеро или семеро князей убиты настигнутые татарами уже на возвратномъ пути къ Днѣпру. О Мстиславѣ Удаломъ сказано въ лѣтописи: „*едва убѣжде отъ татаръ въ Галичъ*“, а о прочихъ: „*прибѣжали въ малолюдіи*“. Очищая отъ бѣгущихъ половецкую степь татары прошли весь тотъ путь, которымъ незадолго передъ тѣмъ двигались на нихъ Русскіе—и дошли до самыхъ тѣхъ мѣстъ опять, гдѣ они слѣдили за переправою Русскихъ на Днѣпрѣ подъ Святополчимъ, Зарубомъ и островкомъ Варяжскимъ. Воины „Чаногизкана“, такимъ образомъ, опустошили на этотъ разъ не только всю половецкую степь но и русскіе предѣлы. Святополчь-городокъ пострадалъ больше всѣхъ. „*Татаромъ, побѣдившимъ русскіе Князи, и дошедшимъ до Святополчскаго,—Русь же, не вѣдяху злобы и лести татарскіе и ненависти на христіаны, исходяху противу имъ со кресты, они же избиша ихъ всѣхъ*“.

15,620

Ужасъ распространился по всей Русской землѣ; но вслѣдъ за ужасомъ скоро распространилась и всеобщая вѣсть, что Богомъ насланные враги—какъ взялись невѣдомо откуда, такъ и пропали неизвѣстно куда: въ степи ихъ больше нѣтъ. Откуда приходили и куда ушли—*„только Богъ вѣстъ“*.

Татары приходили, словно, только еще вывѣдать новыя мѣста, ознакомиться: съ какими народами и странами предстоитъ имъ впереди имѣть дѣло? Послѣ боя на Калкѣ прошло двѣнадцать лѣтъ: объ татарахъ не было и слуха.

Послѣдніе годы Руси передъ Монгольскимъ игомъ.

Общія замѣшательства на сѣверѣ и югѣ. Въ чемъ прошли на Руси послѣдніе годы до ея порабощенія татарами—это составляетъ въ нашихъ лѣтописяхъ самую темную страницу. По тогдашней незначительности размножившихся князей — причемъ сами современники уже путались въ ихъ именахъ и нерѣдко смѣшивали однихъ съ другими—и по общей раздробленности ихъ владѣній, причемъ сами усобицы князей размельчали донельзя—эти послѣдніе 12 лѣтъ, отъ Калецкой битвы до Батыева плѣненія—являютъ самый смутный промежутокъ времени.

Событій, которыя бы стòили помину, не было ни одного за это время; какихъ-либо общихъ дѣйствій во благо Руси не примѣчалось уже нигдѣ; въ этомъ отношеніи лѣтописцамъ не на что было обратить вниманія. Примѣчались лишь обрывки и отрывки событій, не имѣвшіе повидимому и связи между собой, а зависѣвшіе отъ случайностей, мѣнявшихся изо дня въ день. Ни отъ одного изъ тогдашнихъ князей, отъ именитѣйшихъ до неизвѣстныхъ никому по-òтчеству—не уцѣлѣло за это время въ памяти лѣтописцевъ ни одного дѣянія, въ которомъ сами современники могли бы связать конецъ съ началомъ: невообразимая путаница царила кругомъ. Коротко сказать: возвратившіеся съ береговъ Калки, уцѣлѣвшіе отъ тамошняго побоища, князья—немедленно принялись за прежніе раздоры, а прочіе имъ вторили въ томъ.

Князь, заслуживший особенную похвалу тѣмъ, что *„крѣпко бился въ Калецкомъ побоищѣ“* и о которомъ однако уже въ

народѣ не помнили: Игоревичъ онъ или Святославичъ, Олегъ Курскій—какъ только возвратился изъ злополучнаго похода—началъ доискиваться, мимо старшій братіи, Черниговскаго престола, что́ и вовлекло въ войну съ нимъ (1225 г.) Михаила Всеволодовича. Тогда въ помощь своему шурину пришелъ изъ Владиміра В. К. Юрій Всеволодовичъ и утвердилъ Михаила въ Черниговѣ, а Олегъ Курскій долженъ былъ смириться (1226 г.). Но потомъ Юрій приходилъ въ черниговскія владѣнія съ братомъ своимъ Ярославомъ Всеволодовичемъ—уже войною противъ Михаила. Война впрочемъ не дошла тотъ разъ до столицы Черниговскаго князя: противники ограничились тѣмъ, что сожгли въ его волостяхъ Мосальскъ и Серенскъ (1231 г.). Послѣ того, Михаилъ Всеволодовичъ ужъ навсегда примирился съ своимъ зятемъ В. К. Юрьемъ; за то не переставалъ воевать съ Юрьевымъ братомъ Ярославомъ Всеволодовичемъ: одинъ у другого оспаривали безпрестанно—то Новгородъ *), то Переяславль на Альтѣ, а то и Кіевъ. Сами братья къ тому же, Юрій и Ярославъ Всеволодовичи, неоднократно ссорились

---

*) Михаилъ Всеволодовичъ княжилъ въ Новгородѣ первый разъ въ зиму съ декабря 1224 на генварь 1225-го, посаженный тамъ Юріемъ Всеволодовичемъ. *„Пришелъ въ Новгородъ и стало легко у нихъ по волости“*— такая сохранилась о немъ память. Отвлеченный вскорѣ къ себѣ на родину борьбою съ Олегомъ Курскимъ, Михаилъ вторично княжилъ въ Новгородѣ съ 1228-го на 1229-й годъ. Много добра сдѣлалъ онъ въ Новгородѣ по личному благодушію своему: такъ, напримѣръ, умѣлъ остановить народъ отъ *„потока и разграбленія“*, охранивъ въ цѣлости дома и дворы сторонниковъ Ярослава Всеволодовича, когда надъ ними одержали верхъ его, Михаиловы, сторонники. Новгородцы хвалились тогда, что захватили только *„ихъ куны“*, притомъ и самыя деньги не раздѣлили по себѣ, а употребили на благо общее, на постройку „втораго моста на Волховѣ“. Но многое дѣлалъ Михаилъ въ угоду Новгородцевъ именно, какъ Черниговскій князь, потому только, что не былъ ихъ сосѣдомъ по владѣніямъ, слѣдовательно не могъ и не имѣлъ повода *„примышлять къ себѣ“*, чѣмъ Новгородцы всегда укоряли сосѣднихъ съ собою Владимірскихъ князей. Несмотря однакожъ на то, что Михаилъ княжилъ *„на всей волѣ Новгородцевъ“* и уѣзжая отъ нихъ говорилъ: „отпущайте ко мнѣ въ Черниговъ своихъ гостей, какъ въ свою землю“ — они не измѣнили своей обычной суровости и въ отношеніи этого князя: вскорѣ удалили отъ себя его сына Ростислава Михайловича сказавъ: „отецъ твой обѣщалъ вскорѣ быть опять въ Новгородъ, а не ѣдетъ долго; такъ клятва съ насъ этимъ снята, поѣзжай отъ насъ прочь, мы себѣ князя добудемъ“.

другъ съ другомъ. Такія же ссоры не прекращались и у прочихъ князей повсюду. Въ Галичѣ и на Волыни, Новгородѣ и Владимірѣ, въ Кіевѣ и Черниговѣ, въ Полоцкѣ и Смоленскѣ—брани и усобицы не унимались; смуты и раздоры разгарались годъ отъ году все болѣе.

Послѣдніе годы и кончина Мстислава Удалого. Главный между всѣми тогдашними князьями, Мстиславъ Удалой жилъ недолго уже послѣ боя на Калкѣ, всего четыре года—и печаленъ былъ закатъ его славы. Онъ началъ междуусобную брань у себя на Волыни: по наговору, что зять *ищетъ подъ нимъ Галича,* даже по прямому обвиненію, что замышляетъ убить своего тестя — Мстиславъ (въ 1225 и 1226 году) велъ войну противъ Даніила. Но *„имамъ правду въ сердцѣ своемъ“*—таковъ былъ лозунгъ этого Романовича—и клевета, взведенная на него Александромъ Бѣльзскимъ, обнаружилась сама собою. Покаялся тогда въ своихъ черныхъ подозрѣніяхъ Мстиславъ передъ своимъ зятемъ; щедро одарилъ жену его, дочь свою Анну, посланными къ ней подарками,—а ему, опять какъ въ былую пору, подарилъ любимѣйшаго своего боевого коня Актаза: равнаго Актазу не было и коня на свѣтѣ! (не этотъ ли конь и вынесъ Мстислава изъ Калецкаго побоища?). Младшую свою дочь, между тѣмъ, Мстиславъ обручилъ несовершеннолѣтнему сыну Венгерскаго короля Андрѣя III-го, королевичу Андрѣю же, и уступилъ нареченному зятю Перемышельскую область—по совѣту бояръ Галичьскихъ.

Главнымъ изъ нихъ все еще оставался Судиславъ-измѣнникъ, но уже славились и другіе: напримѣръ Глѣбъ Зеремѣевичъ вкрался въ большое довѣріе у князя; не послѣднимъ былъ и Семьюнка-рыжеволосый, котораго по его наружности сравнивали съ лисицей. Склонивъ князя обручитъ младшую дочь королевичу, эти бояре уже не сомнѣвались, что Галичъ снова отойдетъ къ Венгріи: направленныя къ этой цѣли крамолы не прекращались. Вдругъ прошелъ слухъ, будто князь рѣшилъ удалиться въ свое любимое Понизье, а Галичъ передалъ тестю своему Котяну. Этотъ слухъ былъ слишкосъ нелѣпъ и явно пущенъ злоумышленниками, однако-жъ Галичане такъ перепугались подчиненія Половецкому Хану, что многіе оставили родину и бѣжали

за Карпаты. А князь всенародно оправдывался, что на него взвели напраслину *„оклеветали его всуе“*; онъ ссылался даже на своего духовника, на отца Тимоѳея, которому открыты были всѣ его помышленія. Этого самаго отца Тимоѳея Мстиславъ отправилъ еще къ бѣглецамъ цодтвердить имъ подъ присягою, что у него и въ мысляхъ не было *„предать ихъ Котяну“*. Бѣглецы возвратились; но вслѣдъ затѣмъ вторгнулся въ Галичину и самъ король Андрѣй III-й съ многочисленнымъ войскомъ, настаивая на безотлагательной передачѣ Галича своему сыну.

Тогда Мстиславъ еще разъ—и уже послѣдній разъ—прославился блестящею побѣдой: разбитый имъ король Андрѣй III-й бѣжалъ *„въ смятеніи ума своего изнемогся“*. Объ немъ прошелъ слухъ, что уже въ Венгріи ему было предсказано: *„узрѣвшу Галичъ, живъ не будетъ“*—такъ повѣдали ему угорскіе волхвы-гадатели, у которыхъ онъ, отправляясь на войну, просилъ предсказанія. Вѣрные союзники Мстислава, Даніилъ и Василько Романовичи, бившіяся тотъ разъ противъ Лешка и не допустившіе ляховъ подать помощь венгерцамъ, привели тогда свои полки въ Галичину и убѣждали преслѣдовать разбитаго короля; того же хотѣлъ и самъ Удалой. Но Судиславъ съ товариши *„не хотяте пагубы Королеви, имѣяше бо въ немъ надежу великую“*—и война съ Венгріей кончилась ничѣмъ.

Мстиславу надоѣли боярскія докуки и онъ рѣшился бросить Галичъ. Бояре одобрили намѣреніе князя удалится „на спокой“ въ Подолію и въ Поросьѣ; но подъ видомъ доброжелательности остерегали его, что нерасположеніе здѣшней страны къ нему, къ Мстиславу, простиралось еще и на его зятя, Даніила. Они совѣтовали поэтому, чтобы князь не откладывалъ долѣе, а выдалъ-бы немедленно свою обручницу за королевича: имъ въ вѣно передалъ бы и Галичъ! Такой совѣтъ бояре подкрѣпили еще и соображеніемъ: „если ты отдашь Галичъ королевичу“ — сказали они — „то всегда можешь взять назадъ, какъ только пожелаешь; а если отдашь Даніилу — во вѣки уже не будетъ твой Галичъ“. Мстиславъ, выслушавъ молча, не проронилъ и слова въ отвѣтъ своимъ мнимымъ доброжелателямъ, — но волю ихъ исполнилъ; въ самомъ дѣлѣ, обвѣнчалъ свою дочь съ королевичемъ и уступилъ имъ Галичъ; а

самъ уже на весь остатокъ дней захоронился въ Подоліи и въ Поросьѣ.

Обойденный Даніилъ Романовичъ, ниже единымъ словомъ, не выразилъ ни жалобы ни ропота своему тестю, а оставался ему вѣренъ по прежнему; въ ту самую пору онъ еще и усилился на Волыни. Умеръ—горячо полюбившій его напослѣдокъ—Мстиславъ Нѣмой и оставилъ ему по завѣщанію Луцкую волость; но это наслѣдство пришлось Даніилу брать силой. Не только Александръ Бѣльзскій, теперь и Ярославъ Ингваревичъ (родной племянникъ Нѣмаго) вооружился противъ владиміроволынскаго князя; Луцкъ хотѣлъ онъ захватить себѣ, а Чарторыйскъ согласился перепустить даже Пинскимъ князьямъ—лишь бы не Даніилу. Видѣвъ всегдашнее пристрастіе своего тестя къ этому племени, Даніилъ почелъ долгомъ оправдаться передъ Мстиславомъ по случаю зачинавшейся войны,—онъ послалъ къ проживавшему на спокоѣ тестю одного изъ довѣреннѣйшихъ своихъ приближенныхъ, прося не винить за ссору съ Ингваревичами: *„не подобаштетъ Пинянамъ держати Чарторыеска, не могу имъ того терпѣти“*. Воспользовался такою присылкой, радъ былъ Мстиславъ вступить въ сношенія съ своимъ зятемъ, съ которымъ видѣться и сноситься уже ему всячески возбраняли окружавшіе его бояре. Съ присланнымъ отъ зятя довѣреннымъ Мстиславъ послалъ отъ себя тайное слово Даніилу: „Сынъ мой! согрѣшилъ я передъ тобою, что не далъ тебѣ Галича, а отдалъ его иноплеменнику. Обошли меня тогда бояре, сдѣлалось то отъ льстеца Судислава. Иди противъ нихъ съ Божьей помощью! Я призову опять половцевъ, а ты приходи со своими. Богъ дастъ, ты возьмешь Галичь, а я останусъ въ Понизьѣ; помогай Богъ. *А про Чарторыескъ правъ еси*“. Такъ еще надѣялся старый исправить свои ошибки; но вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ и скончался у себя въ Торческѣ. Передъ тѣмъ онъ все просилъ *„видѣть сына своего Даніила“*: ему хотѣлъ поручить домъ свой *„бѣ бо имѣя до него любовь велику въ сердцѣ своемъ“*. Бояре не допустили. *„Глѣбъ же Зеремѣевичъ, убѣженъ завистью, не пустише его“*.

Такъ умеръ одиноко, безвѣстной смертью, въ своемъ глухомъ Торческѣ, знаменитый воинъ. Объ его кончинѣ извѣстно только, что заболѣвъ онъ принялъ схиму (1228-й

годъ). Понизье, всю Подольскую сторону, по духовному завѣщанью, онъ оставилъ Даніилу. Но изъ-за наслѣдства, открывшагося за смертью Мстислава Мстиславича, вспыхнула всеобщая война—въ Галичѣ и на Волыни, въ Кіевѣ и Черниговѣ—на всемъ югѣ.

Соперничество между южнорусскими князьями. Кіевскій престолъ, послѣ погибшаго на Калкѣ Мстислава Романовича, занялъ возвратившійся съ того же побоища Владиміръ Рюриковичъ. Какъ старшій и любимѣйшій двоюродный братъ Удалого, онъ въ такой степени пользовался его поддержкой, что до самой кончины Мстислава казался его подручникомъ: ни самъ не величался передъ другими великимъ княземъ, ни у него никто не оспаривалъ Кіева. Но какъ только умеръ Мстиславъ Мстиславичъ, съ того же (1228 года) поднялись *„волны и которы“* изъ-за Кіевскаго престола. Владиміръ Рюриковичъ вспомнилъ вдругъ старинную обиду, причиненную его отцу отцомъ Даніила—постриженіе Рюрика Ростиславича Романомъ Мстиславичемъ—и, за вину стараго обидчика, пошелъ отомщать его юному сыну. Уже хвалясь теперь въ качествѣ Кіевскаго князя своимъ главенствомъ между всѣми, онъ заключилъ союзъ съ Черниговскимъ Михаиломъ Всеволодовичемъ—и вдвоемъ воевали противъ Даніила Романовича: не хотѣли допустить его завладѣть Подоліей, относились ревниво и къ его притязаніямъ на Галичь. Союзники воевали въ при-Бужской сторонѣ въ межеумочной полосѣ, прилегавшей къ верховьямъ обоихъ Буговъ, западнаго и южнаго *), а владиміроволынскій князь, въ

---

*) Небольшая и незавиднаго свойства земля, прилегавшая къ верховьямъ обоихъ Буговъ и расположенная какъ разъ по серединкѣ, отъ Днѣстра и отъ Днѣпра, составляла издревле ту межеумочную окраину трехъ областей (Кіевской, Галичьской, Волынской), къ которой сходились ихъ предѣлы, не касаясь другъ друга. Она же, глухая сторона *Деревлянская*, изстари тутъ и оставалась сама о себѣ, отъ нихъ (отъ Кіева, Галича, Волыни) особо—какъ для всѣхъ безобидное и вѣчно мирное пограничье. Пока въ Галичѣ сидѣли свои прирожденные князья, отграниченные по ихъ владѣніямъ отъ Кіева и отъ Владиміра Волынскаго, до тѣхъ поръ и этотъ „мертвый уголъ“ соблюдался въ цѣлости. Ни Галичь, ни Волынь, ни Кіевъ не посягали обратить его въ собину;

союзѣ на этотъ разъ съ Ляхами, повелъ войска на самый Кіевъ. Но эта война была тяжела Даніилу; смѣтивъ, что у противниковъ главныя полчища состояли изъ наведенныхъ Половцевъ, онъ воспользовался тогда родствомъ своей княгини съ ханомъ Котяномъ и взмолился ему, какъ отцу родному; *„Отче! уйми эту войну, прійми меня къ себѣ въ любовь“*. Дѣйствительно, ханъ отступился отъ своихъ союзниковъ; сдѣлалъ еще въ пользу Даніила обходное движеніе на Галичину: громя все встрѣчное на своемъ пути въ тамошнихъ мѣстахъ, оттуда и скрылся въ степь; война унялась сама собою. Благодаря такой услугѣ Котяна, Да-

---

но и другъ друга не допустили-бы нарушить эту вѣчно мирную полосу, такъ сказать, *ничью* между ними самими. А какъ только въ Галичѣ прекратился родъ старинныхъ князей, а завладѣли и искали владѣть Галичемъ Кіевскіе, Волынскіе и Черниговскіе князья,—нарушилась и первобытная цѣлость этой изстари древлянской земли, вѣковавшей въ простотѣ по старинному, и которую дотолѣ Кіевскіе державцы намѣренно оставляли на особомъ положеніи. Народъ былъ тутъ русскій-же и *„мирно дѣлалъ нивы свои“*; сами князьки у нихъ велись старинные: такъ называемые *„особніи“ Болоховскіе князья*. Даже въ татарскій погромъ ихъ не тронули раззорители остальной Руси: здѣшній народъ съ своими „особыми“ князьями вызвался на Татаръ сѣять пшеницу и просо: на такомъ уговорѣ ихъ и оставили въ покоѣ. Но когда Даніилъ Романовичъ, этотъ Волынскій князь, пріобрѣлъ все Понизье, доискался отцовскаго наслѣдія Галичины и даже владѣлъ Кіевомъ—некому было отстаивать неприкосновенность этой полосы, которая перестала быть межеумочной, ибо отовсюду была окружена напослѣдокъ владѣніями самого же Даніила. Но и съ самаго начала, какъ только Даніилъ, по завѣщанію своего тестя, забралъ въ свои руки Подолію и пожелалъ ее сомкнуть съ Волынью, онъ болѣе не стѣснялся стариною Болоховскихъ князей, сейчасъ же сталъ пользоваться этою межеумочной полосою какъ собиной; по надобности забиралъ и тамошнія городки: Деревичь, Губинъ, Дядьковъ, Божскій и т. п. Съ первыхъ же его дѣйствій по пріобщенію унаслѣдованной отъ Мстислава Подоліи къ своей Волынѣ—обнаружились противъ него и неудовольствія этихъ „Болоховскихъ князей“, до тѣхъ поръ, можно-бы сказать, и не заявлявшихъ о своемъ существованіи. Съ этой самой поры въ этихъ „Болоховскихъ князяхъ“ противники Даніила и имѣли всегда надежныхъ союзниковъ; эти князьки обратились въ непримиримѣйшихъ противниковъ Даніила и все время потомъ принимали сторону его враговъ. Поэтому, и первый противъ него походъ Михаила Всеволодовича въ союзѣ съ Владиміромъ Рюриковичемъ обращенъ былъ ими именно въ эту сторону: въ это междурѣчіе на равномъ разстояніи отъ Днѣстра и Днѣпра, въ глухую землю, прилегавшую къ верховьямъ Западнаго и Южнаго Буга.

нiилъ и не воспользовался помощью Ляховъ: отпустилъ своего союзника мазовецкаго князя Конрада, не потерявшаго при этомъ ни одного воина съ своей стороны.

А Владиміръ Рюриковичъ не только заключилъ миръ съ Даніиломъ, а вскорѣ просилъ уже самъ у него помощи противъ бывшаго союзника, защиты противъ Михаила Всеволодовича,—Черниговскій князь началъ изгонять Владиміра Рюриковича изъ Кіева и хотѣлъ самъ сѣсть на его мѣсто. Отъ 1230 года, уже въ теченіи всѣхъ этихъ наступившихъ *тридцатыхъ годовъ*, война по всей Галичинѣ и по всей Волыни, въ Кіевской и Черниговской области не прерывалась. Владиміръ Рюриковичъ не одинъ разъ убѣгалъ изъ Кіева и замѣщался Михаиломъ Всеволодовичемъ; не одинъ разъ и Михаилъ Всеволодовичь лишался своихъ владѣній.

Вся Кіевская Русь отъ береговъ Сана и Днѣстра до самой Десны находилась тогда, можно-бы сказать, въ перемежавшемся владѣніи — либо Михаила Всеволодовича съ братіей, либо его противниковъ: Владиміра Рюриковича съ Даніиломъ. Они хвалились другъ передъ другомъ побѣдами, но терпѣли и взаимныя пораженія. Даніилъ Романовичъ нѣсколько разъ приходилъ въ помощь Владиміру Рюриковичу; въ одинъ изъ такихъ походовъ они перешли за Днѣпръ (1234 г.) и громили Черниговъ; воевали по Деснѣ, забирая «*и Хороборъ, и Сосницу, и Сновскъ и иные грады многіе*“. Не одинъ разъ также, съ окровавленныхъ береговъ Десны и Днѣпра, и самъ Михаилъ Всеволодовичъ появлялся съ черниговскими полками на Днѣстрѣ и Санѣ. Онъ самъ владѣлъ Галичемъ, а то оставлялъ тамъ княжить наслѣдника своего Ростислава Михайловича; „*овогды*“ отдавалъ въ видѣ уступки нѣкоторые изъ тамошнихъ городовъ Даніилу, а „*овогды*“ вовсе изгонялъ его изъ Галичьскихъ владѣній. Иногда они одинъ отъ другаго убѣгали въ Венгрію—то союзную, то враждебную тому или другому изъ нихъ, иногда къ Ляхамъ—то союзникамъ, то врагамъ своимъ. Случилось, что Даніилъ Романовичъ и Владиміръ Рюриковичъ потерпѣли отъ воиновъ Михаила и наведенныхъ имъ Половцевъ такое пораженіе въ при-Днѣпровьѣ, что Владиміръ Рюриковичъ попался въ руки Половцамъ и не вдругъ выкупился изъ ихъ плѣна; въ томъже бою конь былъ застрѣленъ подъ Даніиломъ и онъ „едва

убѣже“ изъ проигранной битвы. По временамъ и Михаилъ Всеволодовичъ лишался не только Кіевскаго престола и не только владѣній въ Галичѣ, но и собственныхъ въ Черниговской волости. Мирясь и воюя съ Даніиломъ, и вновь то мирясь то воюя, Михаилъ Всеволодовичъ напослѣдокъ былъ доведенъ до такой крайности, что взмолился съ сокрушеннымъ сердцемъ и, горько жалуясь, каялся Даніилу: „много я согрѣшилъ противъ тебя, не устоялъ въ своихъ обѣщаніяхъ и много тебѣ зла сотворилъ! сколько разъ хотѣлъ съ тобой любви и мира, да въ Галичѣ невѣрные бояре не допускали до того! нынѣ же клятвою клянусь тебѣ: не буду имѣть вражды съ тобою“. И Даніилъ съ братомъ своимъ Василькомъ родственно приняли не чужаго для себя князя *), *„вдаста ему ходити по землѣ своей и даста ему пшеницы много, и меду, и говядъ и овецъ доволѣ“*... Но это было въ 1239-мъ году, когда на мѣстѣ Михаиловыхъ владѣній была изъ края въ край страшная пустыня и Черниговъ лежалъ въ развалинахъ. До самой-же той лютой годины не умолкали брани и усобицы на всемъ югѣ; съ сѣвера въ нихъ вмѣшивались еще полки Владимірскаго

---

*) Они были родственниками, какъ по своей польской роднѣ, (ибо мать Михаила Всеволодовича была Казимировна) такъ и по близкому свойству между ними. Княгиню Михаила Всеволодовича, какъ о томъ ясно упоминается въ лѣтописяхъ, Даніилъ и Василько звали *„сестрою своею“*. Когда, вслѣдствіе грозы татарской (1239 г.) Михаилъ Всеволодовичъ ушелъ къ Венгерскому королю, за дочь котораго сваталъ своего сына Ростислава Михаиловича, одинъ изъ незначительныхъ князей на Волыни захватилъ въ плѣнъ Михаиловыхъ бояръ и его княгиню. Узнавъ объ этомъ, Даніилъ сейчасъ же потребовалъ отъ захватчика: *„Пусти сестру ко мнѣ“*, что и было исполнено; Даніилъ же и Василько Романовичи „содержали сестру въ великой чести“. Слѣдовательно, это была *Ѳеодора,* которую въ лѣта ея отроческой юности отецъ Романъ Мстиславичъ выдалъ въ Галичь за рано умершаго Владимірова сына, за внука Ярослава Осмомысла: этого князя уже не было въ живыхъ еще и при отцѣ его Владимірѣ Ярославичѣ,—юница Ѳеодора и повѣнчалась съ Черниговскимъ княземъ. Тогда какъ извѣстія о рано-умершемъ Владиміровомъ сынѣ умолкаютъ въ лѣтописи еще со времени плѣненія его отца Венгерскимъ королемъ, напротивъ того о сестрѣ Романовичей Ѳеодорѣ упоминается потомъ все время и много позднѣе: такъ, напримѣръ, при построеніи Даніиломъ храмовъ въ городѣ Холмѣ онъ украсилъ ихъ многими *„диву подобными* чудными иконами“; при этомъ о двухъ изъ нихъ, объ иконѣ Спаса и Богородицы, въ лѣтописи замѣчено: *„иже ему* (Даніилу) *сестра Ѳеодора вда“*.

княженья и Новгородцы, наводившіеся Ярославомъ Всеволодовичемъ; а между Полоцкомъ и Смоленскомъ шли свои обычно происходившія тамъ распри. Война была всеобщая.

Въ продолженіе всей этой войны можно бы было сказать: *„Кіевъ стоялъ безъ князя“*, ибо переходилъ между спорившими князьями изъ рукъ въ руки, при чемъ самые перерывы—пока одинъ соперникъ смѣнялъ другаго—бывали иногда продолжительнѣе ихъ княженій.

Усиленіе смутъ въ Галичѣ. Но какъ объ Кіевѣ, такъ-же трудно было бы сказать: кому принадлежалъ въ ту пору и Галичъ? Еще въ 1229-мъ году нѣкорые изъ Галичанъ, вѣрные своему народу, втайнѣ призвали къ себѣ Даніила. При его приближеніи бояре, передавшіеся Венгріи, затворили городъ, подожгли мостъ на Днѣстрѣ и всячески оказывали сопротивленіе; но народъ съ Боброка и съ Ушицы, съ береговъ Прута, отовсюду стекался навстрѣчу къ своему „прирожденному князю“—и Галичь не устоялъ противъ всенароднаго ополченія. Даніилъ, не помянувъ вражды, а помня только любовь къ себѣ Венгерскаго короля, не сдѣлалъ тогда вреда королевичу, своему свояку по Мстиславнѣ, отпустилъ его домой въ Венгрію; самъ даже выѣхалъ проводить его на Днѣстровскій берегъ. Крамольные бояре всѣ тогда склонили повинную голову передъ Даніиломъ; одинъ лишь Судиславъ послѣдовалъ за королевичемъ,—народъ бросалъ камни ему вслѣдъ и кричалъ: „долой измѣнника! вонъ отсюда, мятежникъ земли“! Но уже въ 1230-мъ году опять составился заговоръ противъ Даніила, и за все десятилѣтіе этихъ наступившихъ тридцатыхъ годовъ *„многій мятежъ, великія лъсти и частыя возстанія“* по всей Галичинѣ не унимались. *„Бояре Галичьскіе Даніила княземъ себѣ называху, а сами всю землю держаху“*... разрушеніе общественныхъ связей и общее растлѣніе нравовъ распространялось съ увеличивавшеюся быстротою.

Прежде хвалились своимъ могуществомъ и богатствомъ пуще самихъ князей лишь такіе верховники, какъ Судиславъ да Володиславъ или еще Глѣбъ Зеремѣевичь да Семьюнка, *„чермности ради лисицъ подобный“*; а въ эту пору

расплодились неисчислимые властники, ихъ потаковники; размножилось такое боярство, о какомъ и не слыхивали до тѣхъ поръ. Вошли въ славу, напримѣръ, Волдрысъ да Климята, о которыхъ никто и не зналъ: какого они рода? Вокняжился нѣкій Доброславъ *„безъ княжа повелѣнія прія все Понизье“*; тогда-же Григорій Васильевичь успѣлъ *„горную страну Перемышельскую себѣ одержати“*: вошелъ въ славу Судьичъ, „поповъ внукъ“ *и грабяше всю землю*. Прославились еще Лазарь Домажиричь и Иворъ Молибожичь, *„два беззаконника отъ племени смердья“* и проч. и проч. Сколько бы ни перечислять подобныхъ бояръ— *„бысть мятежь великъ въ земли и грабежь отъ нихъ“*: таково, по словамъ лѣтописца ихъ общее опредѣленье. И всѣ они распоряжались судьбами Галича, сносясь то съ Венграми то съ Ляхами, то съ любымъ изъ Русскихъ князей; отъ однихъ перебѣгали къ другимъ и снова возвращались съ предложеніемъ услугъ—кому угодно.

При такомъ положеніи всего края Даніилъ Романовичь то лишался здѣшней своей вотчины,—не сохранялъ и малѣйшаго города за собой изъ всѣхъ Галичьскихъ владѣній,— то вновь утверждался на столѣ отца своего великаго Романа. Безпрестанно и король Венгерскій „совѣтомъ невѣрныхъ Галичанъ“ приводилъ и насылалъ сюда сыновей своихъ; и Александръ Бѣльзскій съ братьею своею, взявъ сторону Галичьскихъ бояръ, вооружался противъ Даніила; наконецъ и Михаилъ Всеволодовичь приходилъ сюда-же отомщать Даніилу за раззореніе своей родины. А главное не забывалъ Черниговскій князь обиды своего племени, не могъ онъ забыть безбожной гибели Игоревичей: здѣсь на мѣстѣ пролитія ихъ крови, въ самомъ Галичѣ, и долженъ былъ взять честь свою, смыть со всего рода позоръ Ольговичей. Галичина терзаемая по частямъ и владѣемая соперниками, какъ чужими, такъ и своими, черезполосно, а то и сполна захватываемая счастливѣйшими изъ нихъ,—переходила, по случайнымъ обстоятельствамъ и невзгодамъ того времени, изъ рукъ въ руки.

Не одинъ разъ крамольные бояре, при возвращеніи Даніила, *„падши къ ногамъ его, просили милости: согрѣшили мы противъ тебя, держали инаго князя“*; а народъ, выходя изъ своихъ городовъ къ нему на встрѣчу, льнулъ *„какъ дѣти*

къ отцу и пчелы къ матки". Самъ тогда Александръ Бѣльскій, прекращая ковы противъ Романовичей, присылалъ сказать обоимъ; „*самъ вижу: кромѣ какъ вашимъ, не могу ничьимъ быть*",—и тогда Александровы союзники Ляхи также мирились съ Даніиломъ. Напослѣдокъ (когда въ Венгріи умеръ Андрѣй III и его смѣнилъ Бела IV), самъ Венгерскій король замирился съ Даніиломъ настолько, что, коронуемый латинскими прелатами въ своей столицѣ, „звалъ русскаго князя *на честь свою*". Добродушный князь, безъ всякаго подозрѣнія о какой-либо хитрости въ этомъ случаѣ со стороны латинцевъ, участвовалъ въ этой *чести короля*; тогда же такъ сдружился съ Австрійскимъ герцогомъ, что готовъ былъ въ помощь ему итти походомъ противъ Германскаго императора. Но и всякій-же разъ новые успѣхи и временная удача Даніила въ Галичѣ оканчивались новыми измѣнами бояръ, сговаривавшихся то сжечь Романовичей въ ихъ во дворцѣ, то убить ихъ на пиру; возобновлялись тогда съ новымъ озлобленіемъ и козни Александра Бѣльзскаго противъ Даніила: вновь призывались съ Руси тамошніе его противники, съ тѣмъ вмѣстѣ повторялись вновь и вторженія иностранныхъ воинствъ: какъ Венгровъ, такъ и Ляховъ *).

---

*) Венгры при своемъ первомъ приходѣ на Даніила—хотя и хвалились, что камня на камнѣ не оставятъ въ Галичѣ за изгнаніе королевскаго сына, потерпѣли полную неудачу. Противъ нихъ „*сами хляби небесныя разверзлись тогда*": были необычайные паводки и заводненія по всей Галичинѣ; къ тому же въ Венгерскомъ войскѣ свирѣпствовали заразительныя болѣзни. Днѣстръ выступилъ нежданно изъ береговъ и отрѣзалъ отступленіе Венгерцамъ: „*сыралъ имъ злую игру*" по ихъ собственному выраженію. Остатки ихъ разбитаго войска добивались и забирались въ плѣнъ возставшими повсюду сельчанами; а Венгры болѣвшіе заразой, иные „*умирали сидя на конѣ*", а иные, расположась у огня и готовясь насытиться отъ наваренныхъ мясъ, „падали мертвыми, поднося кусокъ ко-рту"; не многіе изъ вторгнувшихся чужеземцевъ возвратились тотъ разъ во свояси. Вторичный походъ противъ Даніила былъ удачнѣй для Андрѣя III-го: подступивъ къ Владиміру-волынскому и удивясь, что такого знатнаго города „*не видывалъ даже въ Нѣмецкой странѣ*", король захватилъ эту столицу Волыни по слабости стариннаго князева дядьки, одряхлѣвшаго Мирослава,—и бояре съ Судиславомъ вновь хвалились, что посадили у себя въ Галичѣ опять королевскаго сына. И еще разъ, пользуясь помощью самого народонаселенія, Даніилъ послѣ двухъ мѣсячной слишкомъ осады, взялъ Галичь: заболѣвшій свояк Даніила умеръ во время этой изнурительной осады; Судиславъ повезъ хоронить королевича въ Венгрію. Вскорѣ послѣ того не ушелъ

Михаилъ Всеволодовичь сошелся въ свою очередь съ новымъ Венгерскимъ королемъ еще тѣснѣе самого Даніила, вскорѣ просваталъ и своего сына Ростислава Михайловича за одну изъ многихъ дочерей Белы; а съ Ляхами Черниговскій князь былъ въ постоянномъ союзѣ и прежде: они помогали ему, какъ сыну Казимировны, еще усерднѣе Венгровъ.

Послѣднія времена Кіева передъ грозой Татарской. Таковы были смуты за всѣ тридцатые годы этого злополучнаго вѣка! Вмѣсто вопроса: кто въ эти тридцатые годы владѣлъ Кіевомъ?—правильнѣе было бы спросить: кто изъ тогдашнихъ князей не владѣлъ имъ? Кромѣ Михаила Всеволодовича, еще и другіе князья, изгоняя Владиміра Рюриковича, садились-же на его мѣсто. Въ этотъ краткій промежутокъ времени можно насчитать по крайней мѣрѣ семерыхъ князей, чередовавшихся въ Кіевѣ одинъ за другимъ съ боя; притомъ, нѣкоторые изгонялись и возвращались не по одному разу. Современники переживавшіе тѣ смутные годы съ трудомъ уже разбирали тогдашнихъ Кіевскихъ державцевъ *).

отъ преслѣдованія Даніила и Александръ Бѣльзскій; преслѣдуя его, Даніилъ *„не спалъ три дня и три ночи, такъ же и все войско его“* и настигъ предателя на границѣ Кіевскихъ и Волынскихъ предѣловъ. Умеревъ въ неволѣ, Александръ Бѣльзскій и пересталъ вредить Даніилу—уже только въ могилѣ. Около того-же времени умеръ и король Андрѣй III-й. Новый *„рикъ Бела“* (такъ произносили Галичане его латинскій титулъ: rex) и пригласилъ Даніила къ себѣ на коронацію. Латыняне старались потомъ дать этому посѣщенію такой видъ, какъ будто Галичьскій князь состоялъ подручникомъ короля. Даніилъ-же не только короля Белу, но и Германскаго императора почиталъ такимъ властителемъ, съ которымъ охотно готовъ былъ помѣриться своими силами: тутъ-же въ Венгріи онъ обѣщалъ Австрійскому герцогу непремѣнно привести и ему свои войска въ помощь противъ Фридриха. Бела поспѣшилъ его отклонить отъ такого намѣренія: даже и это Латинцы старались потомъ обратить въ доказательство подчиненія Галичьскаго князя королю Венгерскому.

*) Отъ 1231 до 1239-го года, изъ князей именитыхъ занимали Кіевскій престолъ: съ сѣвера—*Ярославъ Всеволодовичь*, а изъ южныхъ: *Владиміръ Рюриковичь*, *Михаилъ Всеволодовичь* и *Даніилъ Романовичь*. Наслѣдникъ Михаила Всеволодовича (князь *Ростиславъ Михайловичь*) былъ-же накороткое время посаженъ отцомъ княжить въ Кіевѣ. Его не должно

Послѣдній русскій князь, сидѣвшій въ Кіевѣ до грозы татарской, былъ Ярославъ Всеволодовичь. Подъ кѣмъ онъ взялъ Кіевъ, объ этомъ не записано въ точности потому что захватилъ онъ Кіевъ, хотя можетъ быть и *не изъѣздомъ*, однакожъ безъ всякаго боя. Кіевъ могли тогда оспаривать другъ у друга лишь два князя, одинъ незначительнѣй другаго: Владиміръ Рюриковичь, еще не доплатившій вполнѣ своего выкупа Половцамъ за освобожденіе изъ ихъ плѣна, и его союзникъ Изяславъ—вовсе малоизвѣстный князь, котораго даже не отмѣчали по-отчеству. Ко взаимному ихъ удовлетворенію Ярославъ Всеволодовичь и занялъ Кіевъ безъ сопротивленья: онъ и былъ послѣднимъ русскимъ княземъ, сидѣвшимъ тутъ до грозы татарской. Ибо, занявъ Кіевъ въ 1237-мъ году, Ярославъ Всеволодовичь выбѣжалъ оттуда именно по слухамъ о татарской грозѣ—постигшей тогда Владимірское княженье. Замѣстилъ его, посадивъ за себя въ Галичѣ сына, замѣнилъ Ярослава въ Кіевѣ—Михаилъ Всеволодовичь; но онъ оставилъ Кіевъ въ 1239-мъ году не только по слухамъ о татарской грозѣ, а

смѣшивать съ другимъ Ростиславомъ, однимъ изъ Смоленскихъ князей, который также успѣлъ побывать на Кіевскомъ престолѣ. Но который именно изъ Смоленскихъ князей былъ этотъ *Ростиславъ Мстиславичь*, мимолетно княжившій въ Кіевѣ, сынъ-ли это Мстислава Романовича или Мстислава Давидовича,—въ томъ сбивались сами современники. Одни изъ нашихъ историковъ полагаютъ, что это былъ „внукъ Романовъ“: въ такомъ случаѣ ему, дѣйствительно Кіевъ приходился вотчиной, такъ какъ отецъ его Мстиславъ Романовичь княжилъ въ Кіевѣ. Другіе полагаютъ, что это былъ „внукъ Давыда“: въ такомъ случаѣ это будетъ согласно съ текстомъ лѣтописи (Воскресенской)“: *Ростиславъ Мстиславичь, внукъ Давыда Смоленскаго, сѣде въ Кіевѣ*“; но во 1-хъ, самъ Давыдъ Рюриковичь не занималъ Кіевскаго престола: казалось-бы не дорога была туда и его сыну; а во 2-хъ, въ пользу мнѣнія первыхъ историковъ можно привести другой текстъ лѣтописи (Софійскій Временникъ) подъ тѣмъ-же годомъ: „*Ростиславъ Мстиславичь внукъ Романовъ, сѣде въ Кіевѣ*“. Кромѣ шести перечисленныхъ князей, княжилъ въ Кіевѣ и еще одинъ малоизвѣстный князь Изяславъ, о которомъ точно также сохранились лишь сбивчивыя показанія современниковъ; по тексту одной лѣтописи—это внукъ Игоря сѣверскаго „Изяславъ Владиміровичь“, а по другой—„*Изяславъ Мстиславичь внукъ Романовъ сѣде въ Кіевѣ*“. Такая путаница въ обозначеніи именъ Кіевскихъ державцевъ и отчасти въ опредѣленіи самой срочности ихъ державства, свидѣтельствуя что тогдашніе захваты Кіева не заслуживаютъ именованія княженій, доказываетъ еще и общую шаткость и неопредѣленность за то время.

прямо оттого, что, поразивъ Черниговъ и Переяславль на Альтѣ, татарская гроза приблизилась и къ Кіеву: сюда присланы были послы татарскіе съ требованіемъ сдать городъ; пословъ перебили и Михаилъ бѣжалъ. На убылое мѣсто явился изъ Смоленска Ростиславъ Мстиславичь, тогда-же изгнанный Даніиломъ Романовичемъ, который тѣмъ временемъ завладѣлъ уже Галичемъ; но Даніилъ, удерживая Кіевъ за собою, не княжилъ въ немъ самолично, а поручилъ оберегать его своему боярину Дмитру *).

*) Волынская лѣтопись многое о Даніилѣ и Василькѣ описываетъ весьма подробно; но всѣ эти подробности, важныя развѣ лишь для семейной хроники этихъ князей — должно-ли вносить въ Русскую Исторію? Въ образецъ того, что это было бы излишне, ограничимся лишь слѣдующимъ примѣромъ. Почти въ то же время, какъ Даніилъ лишился своего тестя, умеръ и бѣдовый опекунъ его Лешко Бѣлый, убитый своею-же роднею въ 1229-мъ году во время одного бурнаго сейма. Братъ его Конрадъ мазовецкій и просилъ Романовичей прійти къ нему на помощь—воевать противъ родни, сгубившей Лешка. Романовичи въ глубинѣ Польскихъ владѣній, осадили городъ Калишъ. Конрадъ, *„любя русскій бой“*, понуждалъ своихъ Ляховъ не отставать отъ Руси,—но благодаря только Руси и былъ взятъ Калишъ. Въ первый же день, какъ только русскіе подошли къ крѣпости – ранено было ляховъ, оборонявшихъ стѣны города, 160 мужей; вкругъ города *„обошла вода и сильная лозина и вербье“*, но осажденные такъ сильно метали со стѣнъ каменьями, что по нѣкоторымъ мѣстамъ можно было наконецъ стоять на сушѣ отъ накопившихся камней. Притомъ съ одного мѣста воины дали знать Даніилу: *„ідѣ мы стояли, тамъ воды нѣтъ и гребля не высока“*; князь поѣхалъ освидѣтельствовать и потомъ говорилъ Конраду: „знали бы мы раньше это мѣсто, городъ ужъ былъ-бы взятъ“. Осажденные впрочемъ безъ того взмолились о пощадѣ; выслали просить Конрада, чтобы онъ прислалъ къ нимъ пословъ для переговоровъ. Въ войскѣ Конрада находился и тотъ воевода Пакославъ, который нѣкогда далъ совѣтъ Лешку Бѣлому выдать свою дочь Саломею за королевича Коломана; онъ же посовѣтовалъ тогда „имѣть любовь къ Даніилу: дать Романовичамъ Владиміръ-волынскій“ Конрадъ и отрядилъ для переговоровъ этого хитроумнаго Пакослава,—а онъ и тутъ не обошелся безъ выдумокъ.. Пакославъ обратился къ Даніилу Романовичу и сказалъ ему: „пойдемъ, князь, съ нами; посмотрика и ты нашего посольства!“ Даніилъ не хотѣлъ этого, но младшему его брату понравилась выдумка Пакослава: *„поѣзжай братецъ!“*—говорилъ Василько—*„послушай ихъ вѣча“*. Даніилъ перерядился Ляхомъ, надѣлъ на себя чужія латы съ польскихъ рыцарей, а Пакославъ далъ ему одинъ изъ своихъ шлемовъ. Закрывъ все лицо шлемомъ и подойдя къ стѣнѣ съ прочими, Даніилъ слышалъ, какъ Калишане говорили слѣдующее: „Передайте князю Конраду такъ: не твой ли, развѣ не польскій это городъ? и мы развѣ иностранцы вамъ? Твои же мы люди и братья

Позднее возвышеніе Даніила Романовича. Такъ напослѣдокъ одолѣлъ Даніилъ своихъ противниковъ и соперниковъ на Руси: не было наконецъ равнаго ему между русскими князьями на всемъ югѣ. Въ это время онъ превзошелъ славою даже отца своего, ибо вмѣстѣ съ Галичемъ и Волынью владѣлъ еще и Кіевомъ; но это было въ 1239-мъ году, когда уже лютая година наступила и поздно было пользоваться плодами *„безчисленныхъ ратей и многихъ трудовъ“* своихъ. А вслѣдъ затѣмъ въ сороковыхъ годахъ того несчастнаго вѣка онъ еще грознѣй погромилъ послѣднихъ остававшихся у него враговъ, въ томъ числѣ опять Венгровъ и положилъ конецъ уже навсегда ихъ притязаніямъ на Галичь *), но то было страшное время, когда

вамъ,—такъ зачѣмъ вы насъ отдаете Руси? если Русь теперь и возьметъ Калишъ, какая же въ томъ слава будетъ Конраду? если они свою русскую хоругвь и водрузятъ на нашихъ стѣнахъ—кому, Конрадъ, ты этимъ честь учинишь? не Романовичамъ ли? а себя только пріунизишъ. Нынѣ мы брату твоему служимъ, а—глядишъ—завтра твои будемъ. Не дай же славы Руси, Калиша не губи“... и много говорили въ этомъ родѣ. Пакославъ преважно отвѣтилъ: „Конрадъ и радъ бы милость учинить, да лютъ зѣло Даніилъ; не хочетъ отойти прочь и намъ не велитъ, пока не возьметъ города“ и, не вытерпѣвъ, толкнулъ локтемъ князя и разсмѣяся открылся передъ всѣми: „вотъ онъ и самъ стоитъ!“ Тогда и Даніилъ ткнулъ ножнами своего оскепа по боярину Пакославу и снялъ съ себя шлемъ,—а челобитчики всѣ къ нему же и обратились съ просьбаами: „окажи, князь, такую милость, всѣ молимся: сотвори миръ“—и *„много слъявшуся и много въстововашу съ ними“*. Заключили не только миръ, а еще особый договоръ между собою: на будущее время при войнѣ Русскихъ съ Поляками—соблюдать тоже, что у Ляховъ велось при собственныхъ междуусобіяхъ: чтобы ни русскимъ не уводить ляховъ въ плѣнъ, ни Ляхамъ у Руси. *„Законъ бяше въ ляхахъ таковъ; челяди не имати, ни бити, но лупяхутъ“*. Съ тѣхъ поръ дѣйствительно русскіе и поляки другъ у друга ни кого уже въ плѣнъ не уводили, а только *„лупяхутъ“* и *„кони отбирахутъ“*. А что значило *„лупить“*—ясно изъ слѣдующихъ строкъ лѣтопи. Въ одну изъ послѣдовавшихъ затѣмъ усобицъ въ Польшѣ, въ которой также русскіе опять принимали участіе, Болеславъ взялъ одинъ городъ *„и люди полупиша, и ятровь свою облупи, княгиню Кондратовую и сыновицу свою облупи и учини срамоту велику брату своему Кондратови“*,—яще яснѣе говорится о томъ же по случаю одной битвы подъ Львовомъ, гдѣ дрались русскіе съ поляками и объ участи плѣнныхъ послѣ боя прибавлено: *„иные излупивши, пущаху наги“*.

*) Между этими послѣдними врагами Даніила оставался еще сынъ Михаила Всеволодовича Ростиславъ Михаиловичь, женившійся напослѣ-

вся Кіевская область покрылась грудами развалинъ и труповъ; когда самъ Кіевъ покрывалъ уже мусоромъ то мѣсто,

докъ на дочери короля Белы IV-го послѣ предварительнаго отказа. Отказъ со стороны короля, не смотря на состоявшуюся помолвку, послѣдовалъ по случаю раззоренья Чернигова татарами (въ 1239 году), а вторичное согласіе короля на свадьбу послѣдовало въ сороковыхъ годахъ, когда татары уже разгромили и всю Венгрію. Было-бы неумѣстно обременять подобными подробностями текстъ Русской Исторіи при описаніи той *лютой годины*: по необходимости, объ этой дальнѣйшей борьбѣ галичьскихъ соперниковъ вкратцѣ и упомянемъ заблаговременно. Князь Ростиславъ Михайловичь, женившись на дочери короля Белы IV, не оставлялъ покушеній на Галичь. Въ 1245 году онъ завладѣлъ Перемышельскою областью, но былъ прогнанъ Даніиломъ; послѣ того вновь приходилъ воевать съ нимъ. Главная-же и рѣшительная битва между ними произошла 18 августа 1249 года подъ городкомъ-Ярославлемъ на рѣкѣ Санѣ. Многочисленное войско Ростислава Михайловича состояло тогда изъ передавшихся на его сторону Галичанъ, изъ Венгровъ и еще изъ Поляковъ Болеслава. Польскій князь Болеславъ тогда былъ женатъ на одной изъ дочерей-же Белы и помогалъ своему свояку, отомщая Даніилу его союзъ съ мазовецкимъ Конрадомъ, который велъ съ Болеславомъ междуусобную брань и Даніилъ былъ союзникомъ Конрада. Венгерскимъ войскомъ подъ Ярославлемъ, на рѣкѣ Санѣ, опять предводительствовалъ тотъ самый Фильній, который былъ разбитъ нѣкогда Мстиславомъ „Удалымъ“ и выпущенъ на волю. Ростиславъ Михайловичъ былъ такъ увѣренъ въ побѣдѣ, что хвалился: „зналъ бы я только гдѣ теперь Даніилъ и Василько, такъ бы на нихъ и поѣхалъ; будь у меня даже не болѣе десяти воиновъ—поѣхалъ-бы на нихъ“. Гордясь множествомъ собравшагося къ нему польскаго и венгерскаго рыцарства, онъ тутъ же на берегу Сана, подъ самымъ городомъ устроилъ военныя игрища: скаканіе на иноходцахъ и карусели; самъ вступалъ въ бой съ рыцарями по ихъ западному обычаю, да неудачно: одинъ изъ нихъ сшибъ его съ коня, князь вывихнулъ себѣ плечо при этомъ и не къ добру ему было такое знаменіе. Даніилъ и Василько Романовичи тутъ и настигли ихъ подъ Ярославлемъ: Польско-Венгерское войско съ измѣнниками изъ галичанъ было на голову разбито Романовичами. „*Прегордый Филя*“ и тутъ остался вѣренъ себѣ; стоя съ своею хоругвью въ заднемъ полку и видя бѣгущихъ, онъ успокоивалъ воиновъ: „*суть русь тщиви на брань* стерпимъ ихъ устремленіе: долгое время не выдержутъ сѣчи“. Но самъ молодой княжичъ Левъ, первенецъ Даніила, „*младъ сый, изломи копье свое о того же гордаго Филю*“. Даніилъ въ этомъ бою и Василько Романовичь другъ друга превосходили храбростью и на дню не одинъ разъ уже одинъ другаго считалъ убитымъ. Преслѣдованіе разбитаго непріятеля продолжалось до глубокой ночи. Въ числѣ множества плѣнныхъ былъ приведенъ самъ Фильній и изъ галицкихъ бояръ одинъ изъ злѣйшихъ мятежниковъ земли: оба были казнены на мѣстѣ. А Ростиславъ Михайловичь получилъ послѣ того отъ своего тестя Белы IV въ удѣлъ Мачву на рѣкѣ Савѣ и кончилъ жизнь Моравскимъ княземъ.

на которомъ стоялъ, и когда Галичьскому державцу прислано было татарское повелѣніе: *„дай Галичъ и размечи свои города на Волынь“*.

Канунъ нашествія татаръ. Замѣчательно, что не только безчисленныя рати и повсюду брани военныя производили тогда смуту въ народонаселеніяхъ, къ тому же еще и знаменія небесныя и стихійныя бѣдствія не переставали вселять ужасъ. Съ самаго 1224 года—съ той роковой годины Калецкаго побоища, словно, нарушился весь чинъ природы. Тотъ годъ все лѣто отличалось необычайною засухой и мглистымъ зноемъ: загорались смоляные лѣса и торфяныя болота, дымные туманы разстилались по землѣ, птицы не были въ силахъ летать и падали мертвыми. А осенью явилась „хвостатая звѣзда“ и, по заходѣ солнца, озаряла все небо, простираясь какъ бы длинное копье, лучами отъ запада къ востоку.

Стали ходить слухи о небывалыхъ паводкахъ и наводненіяхъ; тогда же по многимъ городамъ распространились въ небываломъ размѣрѣ страшные пожары. Новгородъ горѣлъ такъ, что пламя черезъ Волховъ перекидывало съ однаго берега на другой; думали всему городу пришла кончина; во Владимірѣ также былъ пожаръ, какого на людской памяти не бывало: сгорѣлъ мало не весь городъ. Происходили землетрясенія. Во Владимірѣ, за обѣдней, вдругъ задвигались паникадила въ соборѣ, колебались иконы на стѣнахъ и свѣтильники; тагда-же по всему городу «въ господскихъ домахъ» тряслись стѣны. Тогда же въ Кіевѣ, въ Печерскомъ монастырѣ, также за обѣдней, каменная церковь Богородицы разсѣлась по угламъ; въ трапезѣ былъ накрытъ столъ, кормъ и питіе ужъ были приготовлены,—вдругъ стали кирпичи падать сверху и все было попорчено. Тогда же и въ Переяславлѣ на Альтѣ тамошній каменный храмъ разсѣлся въ двухъ углахъ и пала кровля; валившимися камнями были повреждены иконы. Не одинъ разъ померкало солнце. Хотя хвалившіеся знаніемъ теченія свѣтилъ небесныхъ, и успокоивали, что это мѣсяцъ идетъ черезъ небо и заститъ солнце,—но въ немъ случались явленія не въ примѣръ обыкновеннымъ затмѣніямъ. Разъ, оно при своемъ восходѣ обратилось какъ бы въ звѣзду малую и не бы

ло видно куда дѣлось? а потомъ объявилось въ своемъ чинѣ; другой разъ отъ него расходились столбы по всему небу: багровые и зеленые и синіи. Особенно грозно было это явленіе въ Кіевѣ! отъ солнечныхъ столповъ отдѣлилось какъ бы огненное облако и его вихремъ понесло на самый городъ; видѣвшіе это по всему городу падали на колѣни, молились и прощались другъ съ другомъ, мня кончину міра; огонь же упалъ, никому не сдѣлавъ вреда, въ самый Днѣпръ: тамъ и сгибнулъ. Наступилъ страшный голодъ; особенно силенъ былъ въ Новгородѣ, но свирѣпствовалъ и въ другихъ городахъ. Уже не доставало на ѣду ни собакъ ни кошекъ, *„ръзаху свою братью и ядяху“*. Открылся моръ. Въ Новгородѣ не хватило кладбищъ, отвели новыя; въ короткое время и на новомъ мѣстѣ похоронили сорокъ двѣ тысячи. Въ Смоленскѣ также отвели новыя кладбища и поставили четыре скудельницы: въ двухъ сложили тогда 16 тысячъ покойниковъ, въ третьей—7 тысячъ, а въ четвертой—9 тысячъ покойниковъ.

Народное воображеніе мѣшалось, ждали необычайныхъ бѣдствій. Отрывочные неясные слухи, еще съ 1234 года, о какомъ-то нашествіи, уже ходили въ народѣ. Отъ востока, изъ страны Волжанъ-Болгаръ, стали доходить зловѣщіе толки. И напослѣдокъ уже молва о *татарахъ* была всеобщая. «Это—*они*!»,—слышалось повсюду,—тѣ самые, которые нанесли тогда русскимъ князьямъ такое пораженіе, *„какого отъ начала Русской земли не бывало“*. Но кто были эти *„языци незнаеміи“* — объ этомъ было всеобщее недоумѣніе; говорили только, что это потомки *„нечистыхъ племъ“*, захоронившіеся въ невѣдомой пустынѣ; говорили еще, что объ нихъ пророчество издревле: *придутъ предъ окончаніемъ временъ и по плънятъ всю землю.*

Чингисхановы Монголы

(языци незнаеміи, рекомые Татары.)

Послѣ первой же битвы съ татарами страхомъ ихъ имени наполнилась вся Русская земля.

Пораженные диковиннымъ видомъ вторгнувшагося чужеземца—этого истаго азіата со скуластымъ лицомъ, сплющенымъ носомъ и глазами нàкось, какъ у хищныхъ звѣрей—

наши предки, дивясь такому еще неслыханному и невиданному диву на Руси, выражаютъ полное недоумѣніе насчетъ *„рекомыхъ Татаръ“*. Свидѣтельствуя единогласно, что ихъ смѣшиваютъ съ Трухменами (Таурменами) или вообще съ Торками и что всякій объ нихъ толкуетъ по своему, правдивые русскіе лѣтописцы отказывались судить о Татарахъ: кто они такіе?

„По грѣхамъ нашимъ пріидоша языцы незнаеміи неслыханніи безбожные Моавитяне, рекомые Татары, *ихъ же добрѣ ясно никто же свѣсть: кто суть и откуда пріидоша? и что языкъ ихъ? и котораго племени суть? и что вѣра ихъ? Зовутъ же я Татары*, а иніи глаголятъ Таурмены, а друзіи Печенѣзи. Иніи же глаголятъ, яко сіи суть о нихъ же свидѣтельствуютъ... вышли изъ пустыни Етривьскія, сущей межи востокомъ и сѣверомъ... ко скончанію времени явитися имъ, ихъ же загна̀ Гедеонъ... и поплѣнятъ всю землю отъ востока и до Евфрата и отъ Тигрь до Понтьскаго моря, кромѣ Еѳіопіи. *Богъ единъ вѣсть ихъ*».

Вѣдь, Торки и подобные имъ народцы въ самомъ дѣлѣ ужъ были давно извѣстны на Руси. Въ татарскихъ полчищахъ на Калкѣ, дѣйствительно, Русскіе могли повстрѣчать массу знакомыхъ и полузнакомыхъ племенъ—дикаго Киргиза и дикую Башкиру, Хиву и Бухару, пожалуй всѣхъ неисчислимыхъ „бесерменовъ“ пресловутаго Ховарезма *). Но Русскихъ, привыкшихъ имѣть дѣло съ азіатами еще во времена Хозаръ, не это разнообразіе ордынцевъ—не разносмѣшеніе племенъ и нарѣчій, обычное между ними—могло смутить въ бою на Калкѣ. А въ томъ сила, что въ татарскихъ полчищахъ высился тотъ разъ надо всѣми одинъ по-

---

*) *Бесерменами* наши лѣтописцы зовутъ жителей именно такихъ странъ, какъ Хива, Бухара, Туркестанъ и прочія. *Ховарезмъ* и значило тогда цѣлое сборище этихъ самыхъ мусульманскихъ народонаселеній (огромное пространство земель отъ Аральскаго моря съ Аму и Сыр-Дарьей до Индостана, включительно съ землями Сарацинъ, въ томъ числѣ слѣдовательно и съ завоеванною Сарацинами Персіей),—сборище племенъ и народовъ, находившихся въ XII-мъ вѣкѣ подъ властью султановъ, то-есть такихъ Торковъ, которые сами себя уже величали Турками. Это были, зовомые по своимъ предводителямъ, сперва Сельджуки потомъ Отоманы: наслѣдники восточнаго Халифата, перенявшіе на себя всю мусульманскую славу Аравитянъ.

велительный народъ и превозмогалъ прочіе одинъ невѣдомый языкъ; наводили тогда всеобщій страхъ и необычайный ужасъ именно тѣ смуглыя скуластыя лица и голосъ подобный звѣриному, гортанные клики незнаемыхъ пришельцевъ, какихъ не видывали до тѣхъ поръ. Невѣдомый, диковинный народъ!.. именно тотъ самый, казалось, о комъ писали древніе книжники, что захоронился онъ до времени въ лютой пустынѣ и выглянетъ оттуда лишь въ послѣдній день, какъ *бичъ вселенной.*

Кто-жъ они были, эти никому несродные и неизвѣстные въ мірѣ—пришельцы съ чужи, незнаемой никѣмъ?

Это были Алтайскіе дикари въ родѣ древлезовомыхъ Гунновъ, отчасти прямые потомки ихъ: кочевники ютившіеся станицами и скитавшіеся ордами у подошвы Алтая. Они занимали пастбищныя долины *„мѣста злачныя и водныя“* въ Алтайской степи, составляющей сѣверную окраину неизмѣримой и безлюдной пустыни—Гоби по-монгольски, а по китайски Шамо, смыкающейся на югѣ съ Тибетомъ. Ихъ тогдашнее имя было—Монголъ, а ихъ родины — Монголія: такъ по крайней мѣрѣ звали себя и свою родину они сами. Но такъ какъ имя *„Мунгалъ“*, данное своей родинѣ и своему народу лишь въ самое это время Великимъ Моголомъ, было еще внови, ибо ни въ Азіи ни въ Европѣ раньше появленія Чингисхана никто ни слыхивалъ о Монголахъ, то и приписываемое ими себѣ названіе не употреблялось никѣмъ; слыли-же они по наслышкѣ за татаръ. А слово *„Тата-Татань“* откуда произошло самое названіе „Татары“, не было тогда въ точности извѣстно никому на свѣтѣ, кромѣ развѣ жителей такъ называемой *„Небесной имперіи“* или *„Серединнаго царства“*...

А что это была за страна такая—объ этомъ наши предки не только не имѣли понятія, даже еще и не слыхивали до тѣхъ поръ. Это былъ и есть единственный языкъ въ своемъ родѣ: народъ—безпримѣрный въ Исторіи. Насчитывая милліоны лѣтъ своей давности, старожилы этой страны—ея исконные туземцы—звали себя такимъ именемъ, котораго нельзя было и выговорить ни на какомъ, кромѣ какъ на ихъ собственномъ, исключительно-своеобразномъ языкѣ. Почитая свою землю средоточіемъ вселенной и всѣхъ на свѣтѣ варварами, кромѣ себя—они и величали себя жи-

телями Серединнаго царства или еще Небесной имперіи, а царившихъ у себя богдыхановъ—*сынами неба*.

Гордые незапамятнымъ лѣтосчисленіемъ и своеобразною цивилизаціей, они отличались еще и тѣмъ, что споконъ вѣка не любили сосѣдей возлѣ себя. Считая всѣхъ инородцевъ по сосѣдству съ собой „смердьими племенами“ они ихъ звали по-своему: „тата-татань“. И огражденные отъ нихъ съ одной стороны Океаномъ, откуда восходитъ солнце, а съ полдня и заката безлюднымъ непроходимымъ сухопутьемъ и горами Тибета—не знались ни съ кѣмъ. Но съ полуночной стороны они никакъ не могли избавиться отъ натиска сосѣдей: древняя цивилизованная нація оградилась отъ нихъ такъ называемою „китайской стѣною“. Тѣмъ не менѣе однако, несмотря и на „Великую Стѣну“, страна, не допускавшая никого съ-чужи, замѣшалась напослѣдокъ съ сѣверными инородцами своими: сама династія богдыхановъ тамъ завелась съ чужи. Манджуры, лѣпшими изъ своихъ племенъ, куда причислялись *Китаны*, не только проникли въ Небесную имперію, а въ свою очередь казались старожилами въ ней. Подчинясь здѣшней дѣйствительно-древней цивилизаціи, они смѣшались съ кореннымъ здѣшнимъ жительствомъ и, послѣ того какъ прошелъ вѣкъ-другой, мало уже отличались отъ туземцевъ. Не вѣкъ и не два, а многія столѣтія прошли въ такомъ размѣщеніи и сліяніи и дальнѣйшемъ распредѣленіи здѣшнихъ народонаселеній; но это не относится до описываемыхъ временъ, а принадлежитъ къ Древней Исторіи.

Когда въ началѣ такъ называемыхъ Среднихъ Вѣковъ, при Аттилѣ, Гунны свирѣпствовали на всю Европу—объ нихъ не сомнѣвались, что они вышли изъ нѣдръ Азіи. То были такіе-же точно какъ и Монголы: смуглые азіаты съ выдавшимися скулами и глазами нàкось, а волосы на головѣ и бородѣ у нихъ были рѣдкіе. Сама родина Гунновъ была все та же—прозвавшаяся потомъ Монголіей — восточная половина Алтайской степи около озера Байкала. (Здѣсь и нынѣ тянутся Калмыцкія степи.) Но не надо забывать, что въ ту-же стародавнюю пору, когда отсюда на Европу двинулись Гунны, поминаются тутъ, какъ ихъ сосѣди на западъ отъ нихъ, еще и другіе земляки: именно алтайскіе турки, правильнѣе же Торки. (Въ тамошнихъ степяхъ и

донынѣ кочуютъ Киргизы.) Съ одной стороны Калмыки (образецъ древняго Монгола), съ другой стороны Киргизы (образецъ древняго Торка) составляютъ донынѣ тѣхъ ордынцевъ, коими населена подошва Алтая; обѣ-же эти племенныя разновидности — *смуглыя племена* въ восточной половинѣ Алтайской степи, а въ ея западной части *бѣлое племя Торковъ*—поминаются за здѣшнихъ земляковъ-сосѣдей издревле, можно бы сказать: искони. Кромѣ двухъ этихъ племенныхъ разновидностей, были тутъ еще и другія, удалившіяся отъ Алтайскаго хребта глубже на крайній Востокъ и примыкавшія совсѣмъ близко къ Небесной имперіи. Но первыхъ и вторыхъ, и третьихъ и т. д. — сколько тутъ ни было племенныхъ разновидностей включительно даже съ Китанами, всѣхъ *чужанъ*, однимъ словомъ, — сами коренные туземцы Срединнаго царства, исконные старожилы Небесной имперіи, считали за сбродъ смердьихъ племенъ, которыхъ и не удостоивали человѣческихъ названій. Самое это прозвище „Смрадные“ и прибавляли они обыкновенно въ общей кличкѣ: тата-татань *).

Все это были бродячія племена, кочевники искони: одни болѣе наклонные къ пастьбѣ скота и къ широкому полевому раздолью съ неизбѣжными по тѣмъ временамъ и по тѣмъ мѣстамъ хищничествомъ и разбоемъ; другіе славились удалью рѣчныхъ походовъ и глядѣли пиратами. Тѣ казались природными степняками, а эти дикими горцами; иные напоминали узбековъ и ускоковъ казачествующаго народа, прочіе походили на пастушескія племена еще временъ библейски-патріархальныхъ. И вѣкъ за вѣкомъ распространяясь многайшими племенами и все отдаленнѣе расходясь въ разныя стороны, ища славы и добычи или только новыхъ „злачныхъ и водныхъ мѣстъ“ (въ теченіи тѣхъ же столѣтій, когда складывалась сама Русская земля, еще не призывавшая къ

---

*) Послѣ того, какъ *чужане* воцарились въ Небесной имперіи, разумѣется стали въ ней тогда и татарское прозвище осторожнѣе примѣнять къ разнымъ инородцамъ; прибавку-же „смрадные“ вовсе откинули на время. Но спустя вѣкъ-другой, когда всѐ обошлось и опять утвердилось постарому, стало опять мало-помалу вводиться въ употребленіе то, что здѣсь искони бѣ. По прежнему перечисляя бѣлыхъ и смуглыхъ и прочихъ татаръ, стали къ нѣкоторымъ изъ нихъ прибавлять п прежнюю кличку „смрадныхъ“.

себѣ Рюрика и потомъ около того времени)—всѣ эти бродники и кочевники—какъ изъ смуглыхъ, такъ и изъ бѣлыхъ татаръ—все болѣе смѣшивались въ такъ называемой Средней Азіи съ прочими народонаселеніями,—скрещивались и между собою *). Одни изъ нихъ входили въ силу и даже достигали нѣкоторой извѣстности: если и не оставили громкихъ именъ въ исторіи, однакожъ не вовсе безызвѣстны въ ней. Нѣкоторые, напримѣръ, сплотились не только ордами, а цѣлыми ханствами въ тѣхъ мѣстахъ или еще оставили слѣды своего пребыванія и обозначили свое вліяніе среди населеній тѣхъ мѣстъ, которыя въ древности звались Согдіей и Бактріей; прочіе пропали безъ слѣда **); эти прочіе, не пріобрѣтя славы даже и ордынцевъ, вели безпрерывно-скитальческую жизнь, гонимые всѣми отовсюду,—и, не оставя именъ въ исторіи, затерялись въ ней. Которые болѣе или менѣе сдѣлались тутъ извѣстными—совмѣстились напослѣдокъ и затьмились въ общей славѣ султанскаго Ховарезма. А тѣ изъ мизинныхъ племенъ, на чью долю не выпала слава даже и ордынцевъ, неизвѣстностью своей участи какъ бы даютъ знать, что тогда какъ ихъ счастливѣйшіе собратья удалились къ Хвалиссамъ—частью расположились близъ рѣкъ Аму и Сыръ-Дарьи у Аральскаго моря, частью же перебрались и дальше на западъ въ самую Европу—они, напротивъ, эти загнанныя мизинныя племена, захоронились въ скудныя и убогія окраины пустыни Шамо. Они, эти обездоленные степняки, повернули опять на востокъ, къ Тибету, — и захоронились тамъ въ разносмѣшеньи, ужъ вовсе невѣдомыхъ для исторіи, племенъ и нарѣчій при-Тибетскихъ.

Всѣхъ этихъ безымянныхъ кочевниковъ—какъ насельниковъ Алтая на окраинѣ пустыни Гоби, такъ и насельниковъ

---

*) Уйгуры и Кара-Китай, напримѣръ, почитаются монгольской-же расы; а въ Башкирахъ угадываютъ Финскую примѣсь.

**) Согдія и Бактрія—знаменитыя мѣста, славившіяся въ древней исторіи—оставались послѣ того въ многовѣковомъ запустѣніи, будто постигнутыя землетрясеніями и занесенныя песками; но къ началу Среднихъ Вѣковъ онѣ ожили и вновь выглянули на свѣтъ Исторіи, и даже процвѣтали. По крайней мѣрѣ, тамъ къ VI-му вѣку скопились уже столь многочисленныя и богатыя народонаселенія, что на первомъ же разцвѣтѣ Магометова ученья, въ VII-мъ вѣкѣ, именно сюда устремили свои завоеванія воспрянувшіе Арабы.

Тибета на окраинѣ пустыни Шамо и звали по-наслышкѣ: „тататататань“, ибо не слыхать было ихъ именъ; да у нихъ и не было собственныхъ громкихъ именъ, а они носили лишь родовыя и семейныя прозвища, мѣнявшіяся безпрестанно— не только изъ поколѣнія въ поколѣніе, а даже и по отдѣльнымъ семьямъ, чуть та или другая возвышалась на счетъ прочихъ. Никѣмъ не отличаемыя по ихъ собственнымъ именамъ, всѣ они вообще, эти темные народцы—и слыли по наслышкѣ за *Татаръ*, а по нимъ и сама ихъ родина по-наслышкѣ звалась *Татаріей*, при чемъ однако какъ обозначеніе ихъ рода-племени, такъ и обозначеніе ихъ мѣстъ жительства для всѣхъ оставалось смутно и неопредѣленно.

Слово „тата-татань“—китайское; къ прочимъ народамъ перешло отъ Китайцевъ и вездѣ, ужъ при самомъ заимствованіи, значило не то, что у нихъ. Что разумѣлъ подъ этимъ именемъ самъ народъ, хвалившійся незапамятнымъ лѣтосчисленіемъ и своеобразною цивилизаціей,—что̀ именно значило „тата-татань“ на языкѣ старожиловъ Срединнаго царства въ ту пору, когда никто еще не называлъ ихъ даже и Китанами,—каковъ былъ нарицательный смыслъ этого слова у первоначальныхъ туземцевъ Небесной имперіи—въ томъ позднѣйшіе Сыны Неба, разумѣется, ужъ не могли разобраться и сами. Но въ VIII-мъ вѣкѣ,— о чемъ сохранились письменныя свидѣтельства у Китайцевъ,—татарствомъ и татарвой звались у нихъ всѣ вообще дикіе кочевники, разсѣянные по окраинамъ Срединнаго царства: одинаково, какъ предки *смуглыхъ* Монголовъ, такъ и *бѣлыхъ* Торковъ, также и прочихъ бродниковъ и кочевниковъ, многоразличныхъ ордынцевъ не разбирая племенъ. Небесная имперія изъ вѣка въ вѣкъ забирала ихъ малопомалу въ свои руки. Въ XII столѣтіи всѣ эти „смрадные Татары“ *) болѣе или менѣе уже числились подданными Небесной имперіи и были подчинены „Сынамъ Неба“. Впрочемъ, они не были включены прямо въ составъ Срединнаго царства, а числились въ зависимости черезъ посредство тѣхъ имен-

---

*) Не надо забывать однако, что выраженіе: „числились подданными Небесной Имперіи“ не относится въ данномъ случаѣ къ народцамъ Тибета: тогда еще Тибетъ былъ независимъ отъ *сыновъ неба*. Тамошніе Татары держались сами о себѣ, отъ другихъ особо, и слыли за *алеутовъ*; то-есть свободныхъ. Сходное съ этимъ значеніе имѣетъ и слово

но межеумочныхъ племенъ, которыя нѣкоторымъ образомъ слились съ Срединнымъ царствомъ и составляли съ нимъ отчасти какъ-бы одно цѣлое. Казалось-бы поэтому—ко времени появленія Чингисхановыхъ Монголовъ — пора-бы было и вовсе перевестись чужанамъ-дикарямъ на сѣверо-восточной границѣ Небесной имперіи; тѣмъ не менѣе, однако, въ эту самую пору — какъ разъ наканунѣ появленія Чингисхана—китайскіе историки упоминаютъ здѣсь татаръ Нью-чи (Нейчужцевъ); но это ужъ не „смрадные“, а какіе-то верховные Татары. Этимъ верховнымъ Татарамъ и были подчинены всѣ прочіе. Ихъ ханамъ (полунезависимымъ ханамъ Нейчужцевъ) алтайскіе кочевники и платили дань, какъ „государьскимъ даньщикамъ“ самого богдыхана. Имъ были одинаково подвластны—какъ бѣлые Татары (Торки, занимавшіе западную половину Алтайской степи), такъ и смуглые Татары (среди коихъ народился въ XII вѣкѣ батырь Есукай, отецъ Чингисхана).

Объ Есукаѣ слышно было, что, собравъ подъ свою руку до сорока тысячъ кибитокъ единоплеменниковъ своихъ и превозносясь надъ прочими ордами, онъ покорилъ и западныхъ земляковъ—Торковъ. Въ битвѣ съ ними онъ взялъ въ плѣнъ главнаго изъ татарскихъ князьковъ Темуджина; будто въ самый день этой удачи родился у Есукая сынъ,—отецъ и назвалъ счастливаго новорожденнаго по имени соперника, убитаго въ тотъ день. Правда-ли, нѣтъ-ли—но Темуджинъ, именовавшійся потомъ Чингисханомъ, и обезсмертилъ имя своей націи, прославивъ на весь міръ Великимъ Могóломъ.

Но тогда какъ бывшіе въ разсѣяніи кочевники восточной половины Алтайской степи собрались въ великую орду подъ могущественнымъ ханомъ и новое ихъ имя „Мунгалъ“ готово уже было войти въ славу,—напротивъ, ихъ западные сосѣди (остатки древлезовомыхъ Алтайскихъ Торковъ) пришли въ упадокъ: распустились въ темныя и безвѣстныя орды. Ихъ прославленные потомки, „лѣпшіе Тор-

---

калэ-мыкъ, означающее свободныхъ-же кочевниковъ, буквально: племя, держащееся само о себѣ. Поэтому иностранные географы, упоминая объ алеутахъ (èlèuthes) непремѣнно указываютъ всякій разъ между ними еще индѣ и калмыковъ; а это даетъ поводъ отыскивать среди прочихъ множайшихъ разноименныхъ Татарій какую-то еще и „Независимую Татарію“.

ки", были тогда ужъ отъ сихъ мѣстъ далеко; у Алтая ихъ и слѣдъ простылъ. То были ужъ къ тому времени султаны Ховарезма—турки-Селджуки и зачинавшіеся Отоманы, наслѣдники Восточнаго халифата, перенявшіе на себя славы Сарацинъ. А ихъ старинная родина у подошвы Алтайскихъ горъ, заглохла и захудала: въ тамошнихъ степяхъ не переводились лишъ орды Башкировъ (образецъ такъ называемыхъ Финно-Монголовъ) и Киргизовъ (образецъ древняго Торка).

Была и другая разница между западными и восточными насельниками Алтайской степи,—*бѣлыми* и *смуглыми* Татарами какъ ихъ звали Китайцы,—кромѣ уже и той, что одни въ это время высилились, а другіе клонились къ упадку. Прозвавшіеся Монголами—всѣми преданіями тянули къ восточнымъ землякамъ: считаясь по-сосѣдски какъ равные съ равными, они почитали себя не хуже ихъ, а ихъ не лучше себя; напротивъ къ западнымъ землякамъ—считая ихъ низшею противъ себя породой—относились брезгливо и съ презрѣніемъ: иначе даже не называли всѣхъ Торковъ, какъ конюхами и холопами своими. Монголовъ постоянно манило на крайній востокъ: въ сердце Небесной имперіи и еще далѣе на острова Океана, откуда восходитъ солнце. Все, что досягало до нихъ изъ этихъ чужедальныхъ странъ черезъ посредство собственно такъ называемыхъ Манджуровъ, постоянно раздражало ихъ племенную ревность, возбуждало зависть и ненависть къ поработителямъ своимъ, раззадоривало ихъ собственную родовую гордость нести рано или поздно свои завоеванія—именно туда. А Торки напротивъ, можно бы сказать, и не знали того владычественнаго народа, у кого слыли за Татаръ; Торковъ манило къ Уралу и за Уралъ, къ Хвалиссамъ, скорѣй на западъ, чѣмъ на востокъ: къ тѣмъ ближайшимъ для нихъ по крови и по языку турецкимъ племенамъ, среди коихъ вслѣдъ за сельджуками зачинались уже отоманы, они-же изъ своихъ малоазіатскихъ владѣній съ самаго начала простирали виды на самый Цареградъ. Въ довершеніе и какъ бы въ вящее подтвержденіе исконной разницы между ними, была и еще отличительная черта между тѣми и другими.

Про смуглыхъ кочевниковъ восточной половины алтайской степи, примыкавшей къ китайской Манджуріи, извѣ-

стно было, что они гнушались татарскимъ именемъ и никогда себя не звали Татарами, почитая это даже обидой. Напротивъ ихъ западные сосѣди, зовомые китайцами Бѣлые татары—здѣшніе узбеки и ускоки, можно бы сказать казаки — даже хвалились татарскимъ прозвищемъ. И было одно племя между ними, возводившее такую похвальбу какъ бы даже въ національное тщеславіе. Утвердилась нелѣпая басня между ними, будто ихъ предки сидѣли тутъ встарь на рѣчкѣ Татѣ: по ней дескать, и было принято ихъ предками самое имя Татаръ! Нелестную кличку, данную этимъ бродникамъ, очевидно, сами они приняли за лестное названіе ихъ удалого образа жизни и лихого быта; впослѣдствіи же званіе по образу жизни образовало еще и въ свое племенное названіе (точь вточь какъ это случилось позднѣе въ Русской Исторіи именно съ казаками). Это было злѣйшее племя изъ всѣхъ здѣшнихъ Торковъ, отличавшееся не только степными, но и рѣчными набѣгами *). Кромѣ того, что они слыли за Татаръ по преимуществу и составляли изъ себя какъ-бы особый народецъ, чванившійся Татарскимъ именемъ—ихъ звали еще „*Рѣчные* Татары“. Обью и Енисеемъ они могли ходить въ глубь Сибири.

Когда Темуджинъ воцарился надъ соотечественниками, какъ ханъ Монгольскій—первымъ его дѣломъ и было истребить это *злое племя*; онъ покорилъ всѣхъ безъ исключенія западныхъ своихъ земляковъ Торковъ,—но покоривъ ихъ разноименныя орды и безповоротно присоединивъ всѣхъ Бѣлыхъ татаръ къ своей Ордѣ Монгольской, онъ злѣйшее племя „*Рѣчныхъ* Татаръ“—искоренилъ вовсе. Хваливших-

---

*) По всему знать: въ свое время это была лютѣйшая орда между всѣми здѣшними ордынцами; это было самое храброе племя изъ всѣхъ здѣшнихъ Торковъ: въ былое время именно изъ него могли исходить знаменитѣйшіе ордынцы, напримѣръ тѣ самые Торки, которые потомъ по имени Сельджука, своего предводителя, слыли Сельджуками. Отъ этого же злаго племени должны были въ разное время разбѣгаться и искать спасенія на сторонѣ ихъ мизинные соплеменники, бѣднѣйшіе ордынцы. Къ числу подобныхъ бѣглецовъ, высельниковъ изъ этого-же края, могли относиться, напримѣръ, сами Половцы, несомнѣнные же Торки—появившіеся на Руси полтора вѣка тому назадъ (около 1070-го года). По крайней мѣрѣ, изъ всѣхъ Торковъ, они первые, именно Половцы, и сообщили русскимъ князьямъ—знакомое и страшное для себя—имя Татаръ.

ся издревле Татарскимъ именемъ и слывшихъ за Татаръ по преимуществу—онъ предалъ острію меча, со старцами и младенцами, женами и дѣтьми—всѣхъ до одного безъ остатка. О немъ и пошла слава, что онъ „*искоренилъ самое имя Татаръ, стеръ ихъ съ лица земного*“ *).

Вслѣдъ затѣмъ обратилъ онъ саблю въ другую сторону, пошелъ на восточныхъ земляковъ: Татаръ Нью-чи (Нейчужцевъ). Когда эти Манджуры вздумали требовать установленной дани съ него и съ покоренныхъ имъ западныхъ сосѣдей, Темуджинъ посмѣялся надъ возгордившимися земляками. Онъ отвѣтилъ ихъ хану, китайскому вассалу, горделивою насмѣшкой: „Ваши богдыханы зовутъ себя Сынами Неба, а ты, братъ, смертный,—какой же ты сынъ неба?“ Истоптавъ кровавыми походами всю ихъ землю, присоединивъ и здѣшнія народонаселенія къ своей Монголіи, Темуджинъ устремился на Китай. Онъ нанесъ погромъ Небесной имперіи въ такой мѣрѣ, что отторгнутыя имъ отъ нея страны и народы утвердились за нимъ безповоротно, а довершить ея покореніе и завоевать самую столицу онъ предоставилъ сыновьямъ; самъ-же всѣми своими неисчетно-умножившимися полчищами обратился на Ховарезмъ. Тутъ, въ такъ называемыхъ Среднеазіатскихъ владѣніяхъ, и возгорѣлась у него, можно-бы сказать, братоненавистная брань, ожесточеннѣйшая война съ турецкими султанами и разносмѣшеніемъ подвластныхъ имъ народовъ, состоявшихъ большею частью изъ Мусульманъ, но были тутъ и христіанскія населенія такъ называемые Несторіане. Въ здѣшнихъ могущественныхъ ордынцахъ, владѣвшихъ цѣлыми ханствами подъ главенствомъ султановъ, Темуджинъ какъ бы встрѣтилъ давнишнихъ непримиримыхъ соперниковъ, полузнакомыхъ земляковъ своихъ, которые не были ему чужды, а сосѣдили съ нимъ еще по Монголіи,—можно бы

*) Этотъ общеизвѣстный фактъ засвидѣтельствованъ всѣми жизнеописателями Чингисхана и ставитъ ихъ втупикъ: какимъ образомъ могло случиться, что народъ, безпощадно истребленный завоевателемъ, ему и передалъ свое позорное имя, ставшее съ тѣхъ поръ знаменитѣйшимъ на всемъ Востокѣ? Восторженные хвалители Чингисхана почитаютъ неразрѣшимою для себя загадкою: какимъ образомъ прозвище сгинувшаго народца и приурочилось потомъ ко всѣмъ завоеваніямъ и опустошительнымъ набѣгамъ, коихъ самъ тотъ злосчастный народецъ и былъ первоначальною жертвой?

сказать узбековъ и ускоковъ казачествующаго народа, которыхъ самъ онъ называлъ конюхами и холопами своими,— а они повелѣвали тутъ множествомъ завоеванныхъ ими смѣшанныхъ населеній! Завоеваніе Ховарезма—этой ипмеріи простиравшейся отъ Аму и Сыръ-Дарьи близъ Каспійскаго моря вплоть до Индостана—доставило ему наконецъ всемірную славу: вотъ сами турецкіе султаны обратились въ „государскихъ даньщиковъ“ Чингисхана и уже весь востокъ былъ у ногъ его. Держава Великаго Могола, затьмившая славу Персовъ и Арабовъ и ихъ замѣстителей турецкихъ султановъ, — имперія простиравшаяся на всю Азію отчасти съ Индіей и Китаемъ—это ужъ превосходило все, что когда либо на своемъ вѣку могли запомнить азіаты. Не было другого завоевателя равнаго Чингисхану.

Въ эту самую пору всемірной его славы всѣ безъ изъятія Турецкія племена—включительно съ угасавшими *сельджуками* и уже возникавшими *отоманами*, здѣшіе *Торки* однимъ словомъ—единогласно ссылались на свое—если не кровное родство, то на давнее землячество съ соотчичами Чингисхана,—и гордясь какъ бы однимъ общимъ источникомъ съ ними, всю славу Татарскаго имени, распространившуюся уже по всему міру, охотно перенимали на себя, утверждая во всеуслышаніе и *пишучи въ своихъ книгахъ*, что Татары—ихнее „Турецкое племя“ *). Одни изъ нихъ повторяли нелѣпую басню, будтобы на старой прадѣдинѣ въ западной половинѣ Алтайской степи, была рѣчка Тата: по ней часть Турецкаго племени сидѣвшая тамъ и звалась Татарами; другіе баснословили, что *Татаръ* и *Монголъ* были два родные брата, потомки коихъ и разродились въ два разныхъ племени, предки же ихъ были общіе,—и всѣ непремѣнно къ тому добавляли еще, что вообще-же турецкія племена происходятъ отъ старшаго Іафетова сына—Турка.

---

*) Стариннѣйшіе писатели изъ Персовъ и Арабовъ, описывая знакомые имъ народы, ни разу ни единымъ словомъ вплоть до Чингисхана, не упоминаютъ о Татарахъ въ своихъ книгахъ; а по достиженія Чингисханомъ всемірной славы и они, заодно съ турецкими писателями, величаютъ Татаръ. Послѣ Темуджина сами Персы и Арабы уже заносятъ въ свои хроники распространившееся тогда общепринятое мнѣніе, что Татары не только одинъ изъ «извѣстнѣйшихъ въ Азіи», но и во всемъ мірѣ «славнѣйшій и самый храбрый народъ».

А побѣдоносное полчище Монголовъ, состоявшее изъ тьмочисленныхъ языковъ и нарѣчій и представлявшее собой массу завоеванныхъ племенъ и народовъ,—догоняя по пятамъ послѣдняго Ховаразмскаго султана,—достигло Каспійскаго моря и горъ Кавказа; тутъ переступило рубежъ отдѣляющій Азію отъ Европы... передовые монгольскіе отряды заняли край поля половецкаго. Половцы пришли въ ужасъ отъ вторгнувшихся чужеземцевъ и огласили страхомъ *татарскаго* имени всю Русь.

И вотъ, китайское слово „тата-татань“ означавшее во время-оно разбойныя племена, варваровъ и дикарей съ сѣвера или откуда-бы они ни приходили, наконецъ бѣлыхъ бродниковъ и смуглыхъ кочевниковъ, всѣхъ вообще темныхъ инородцевъ, однимъ словомъ чужанъ—обратясь въ кличь, передъ коимъ дрожала вселенная и въ лозунгъ побѣдителей, коимъ они наводили ужасъ на побѣждаемыхъ—гнусное прозвище, бывшее національною кличкою одного безславнѣйшаго народца, уничтоженнаго самимъ Чингисомъ—сдѣлалось напослѣдокъ собственнымъ именемъ какъ бы отдѣльной азіатской націи славнѣйшей на всемъ востокѣ. А главный виновникъ этой славы—какъ о томъ свидѣтельствуютъ единогласно всѣ жизнеописатели Чингисхана — Темуджинъ отрицался татарскаго прозвища, отвращался имени татаръ, звалъ свой народъ Монголами и свою родину Монголіей. Самъ онъ и всѣ ближайшіе его преемники иначе не называли своей державы, какъ царствомъ Великаго Могола. Таковъ историческій фактъ *).

---

*) О Темуджинѣ не сохранилось точныхъ біографическихъ свѣдѣній. Лишь такія его дѣянія, какъ истребленіе Торкскаго племени, хвалившагося кличкою Татаръ, покореніе Ньюнчей, вторженіе въ Китай—позднѣйшія, однимъ словомъ, описываются болѣе или менѣе достовѣрно. Что же касается до подробностей объ его дѣтствѣ и рожденіи, вообще о жизни этого необыкновеннаго человѣка ранѣе того, какъ онъ выступилъ на поприще въ Монголіи, все это баснословно. Несомнѣнно одно: прежде, чѣмъ войти въ славу, онъ претерпѣлъ много скитаній и превратностей на своемъ вѣку: прославился уже на склонѣ лѣтъ. Тогда какъ по однимъ расказамъ онъ еще въ юности унаслѣдовалъ Монгольскую орду отъ отца Есукая, „сварилъ въ семидесяти котлахъ ея ослушниковъ“ по другимъ, онъ пришелъ въ Монголію изъ-за моря съ острововъ Восходящаго Солнца. Тамъ, по преданію Японцевъ, родной братъ его Йоритомо, ему именно обязанный своимъ успѣхомъ и возвышеніемъ

Но, прослывъ на весь міръ Великимъ Моголомъ и почитая свой народъ превыше всѣхъ прочихъ, сколько ихъ ни освѣщается солнцемъ во вселенной, Чингисханъ и самъ не просвѣтился христіанскимъ ученіемъ, а остался навсегда грубымъ язычникомъ,—не просвѣтилъ и темнаго своего народа. У Монголовъ не было даже и грамоты: они не умѣли ни писать, ни читать; кланялись *„огню и кусту“*, солнцу съ мѣсяцемъ и звѣздамъ, и водѣ и землѣ, приносили имъ жертвы и творили всякіе „норовы поганьскіе“; поклонялись еще, какъ идоламъ, *„тѣнямъ умершихъ хановъ“* и также приносили имъ жертвы. Хотя они идоловъ не воздвигали (ни каменныхъ, ни деревянныхъ болвановъ не было у Мон-

---

сдѣлался сьойгуномъ (тайкуномъ, какъ выговариваютъ европейцы); но, возревновавъ къ виновнику и участнику своего величія, велѣлъ убить Иошитсона (такъ братъ называлъ брата), а тотъ будто и спасся бѣгствомъ въ Монголію. Самое имя Чингисхана, необъяснимое ни на одномъ изъ восточныхъ языковъ, объясняется у Японцевъ слѣдующимъ образомъ. Темуджиново имя, начертанное китайскими буквами, утверждаютъ Японцы, произносится по китайски: чингисханъ. (Припомнимъ кстати имя Чин-ги-хоанг-ти, приписываемое баснословному повелителю, воздвигшему будто великую стѣну въ 213-мъ году до Р. Х.). По другимъ разсказамъ о Темуджинѣ, отвергающимъ повидимому его пришествіе изъ-за моря, свидѣтельствуется однакожъ, что въ теченіи многихъ лѣтъ онъ находился въ плѣну у Ньюнчей, откуда спасся чрезвычайнымъ образомъ. А страна этихъ Манджуровъ своими окраинами дѣйствительно прилегаетъ къ морю: Темуджинъ легко могъ побывать на островахъ Восходящаго Солнца, куда съ богдыханскаго престола впослѣдствіи такъ стремился родной его внукъ Хубилай. Сама наружность Чингисхана, сохранившаяся у Японцевъ въ древнихъ снимкахъ вмѣстѣ съ изображеніями его родного брата, ихъ перваго тайкуна весьма внушительна. Не безъ тѣхъ признаковъ, которые составляютъ отличіе такъ называемой Монгольской расы, она однако же не имѣетъ ихъ рѣзкости; а родственное сходство Йошитсона съ самимъ сьойгуномъ Йоритомо несомнѣнно. Плотный и рослый богатырь съ виду, онъ отличается еще лихостью всей фигуры; а въ проницательныхъ и какъ бы прищуренныхъ глазахъ столько отваги и такое *ссбѣ на умѣ*: взглядъ жуткій. Одинъ изъ китайскихъ писателей, современникъ Чингисхана, описываетъ Монголовъ слѣдующими нынѣ общеизвѣстными чертами: „лицо у нихъ широкое, плоское, какъ бы четыреугольное, съ выдавшимися скулами; глаза безъ верхнихъ рѣсницъ; волосъ на бородѣ и на усахъ весьма мало; ихъ наружность весьма отвратительна“. Но про Темуджина онъ говоритъ другое: „Только нынѣшній татарскій повелитель“—пишетъ этотъ Китаецъ, Чингисханъ—„гигантъ ростомъ, съ широкимъ лбомъ, длинной бородой и отличается мужественнымъ видомъ“.

головъ), однакожъ и они дѣлали изъ войлока и изъ шелковыхъ тканей разныя идольскія изображенія, ставили ихъ у шатровъ и развѣшивали у себя для мольбы; вѣрили въ кудесниковъ и въ темную волшбу,—волхвованіемъ занимались у нихъ нарочитые мужи и еще жены-чародѣйки. Впрочемъ, Монголы не нарушали ничьей вѣры, а у всѣхъ покоренныхъ, народовъ оставляли ту вѣру, какая гдѣ была; даже сами прилагались къ чужимъ вѣрамъ, говоря, что у всѣхъ о́динъ Богъ. „Мы,—отвѣчали Монголы латинскимъ монахамъ, которые думали ихъ обратить,—мы вѣруемъ во единаго Бога, которымъ живемъ и умираемъ; но какъ рукѣ Богъ далъ различные пальцы, такъ и людямъ далъ различные пути ко спасенію: вамъ далъ Богъ писаніе и вы его не соблюдаете; намъ далъ колдуновъ, мы дѣлаемъ что они велятъ—и довольны“.

Земледѣліемъ они не занимались, не сѣяли хлѣба; не было у нихъ также ни зелени, ни овощей, а питались отъ стадъ; главнымъ мясомъ у нихъ почиталась баранина, но любимая ихъ ѣда была конина, а любимое питье—кумысъ, кобылье молоко. Пили же они подобно лошадямъ, спирая духъ и втягивая пойло въ горло; а куски мяса раздирали руками и, засаливъ пальцы, облизывали ихъ и обтирали объ сапоги или траву или обо что попало; посуды-же своей никогда не мыли: обдавъ немытые горшки съ обьѣдками и котлы новымъ варевомъ, эти самые помои и сливали опять въ похлёбку. Они жили кочевьями, въ кибиткахъ. Татарская юрта—войлочный шатеръ на переплетѣ изъ кольевъ—ставилась прямо на земи; посрединѣ дымился очагъ; дымъ выводили вверхъ, раскидывая войлокъ. Юрта какъ только надо было съѣзжать съ мѣста, обнажалась отъ войлока и разбиралась до послѣдняго колышка, укладывалась на верблюда или на колеса, и легко перевозилась за сотни верстъ и за тысячи. Вьючнаго скота у нихъ было много, въ томъ числѣ и верблюдовъ.

Какъ всѣ кочевые азіаты, Монголы брили голову: отъ ушей кольцомъ вкругъ головы и на самой макушкѣ; остальные волосы спускали впереди до бровей, подстригая чтобы не застили глазъ, а сзади заплетали въ двѣ косы, закидывая иногда косу за̀-ухо. Женщины и мужчины „портами своими“ и кафтанами не отличались одни отъ другихъ, также и верхомъ ѣздили всѣ одинаково.

Сама родина Монголовъ мало располагала къ земледѣлію: то были дикія, угрюмыя степи, прорѣзанныя безплодными разсѣлинами и каменистыми взгорьями. Лишь къ Сибирской сторонѣ природа казалась щедрѣе: тамъ на темени горъ зеленѣли хвойные лѣса и множество рѣкъ увлажняли пастбищныя долины. А на-полдень оттуда бо́льшая часть земли выпала на долю пустыни: необозримыхъ песчаниковъ и каменистыхъ пустырей, гдѣ изрѣдка попадалось одно деревцо-другое, съ тощею чахлой зеленью, да ползучія и колючія растенія замѣняли мураву; воды трудно было достать: попадались лишь одинокіе колодцы на отдаленнѣйшемъ разстояніи одинъ отъ другого. Притомъ на девять слишкомъ зимнихъ мѣсяцевъ не приходилось въ Монголіи и трехъ полныхъ мѣсяцевъ лѣта. Но и наступавшее лѣто было не въ радость: засуха составляла почти всегдашнее явленіе тамошнихъ мѣстъ; днемъ жара была знойная, а ночи морозныя; грозы частыя, но за рѣдкими исключеніями всегда съ градомъ; нигдѣ нельзя было видѣть такихъ крупныхъ градинъ и такого сильнаго града, какъ въ Монголіи: льдины падали иногда въ жерновъ величиною, также нигдѣ такъ часто не била молнія въ людей и скотъ, какъ тамъ. Отечество ихъ издревле изобиловало множествомъ крысъ: татарчата на нихъ учились стрѣлять въ цѣль, ибо у Монголовъ уже двухлѣтнему и трехлѣтнему ребенку давали лукъ и стрѣлы, коня для ѣзды и съ малолѣтства они пріучались къ татарскому быту. Зàзиму, въ войлочныхъ шатрахъ, женская челядь занималась плетеніемъ щитовъ изъ камыша и прутьевъ, заготовленіемъ стрѣлъ цѣлыми пучками, коновязи и прочихъ припасовъ татарскаго обихода; а мужья ладили свои луки и колчаны, оперяли стрѣлы и насаживали на нихъ наконечники, острили ихъ; въ колчанѣ татарина всегда былъ съ собой подпилокъ для точенья стрѣлъ. Желѣзо для своихъ стрѣлъ и копій они умѣли калить такъ, что никто изъ тогдашняго воинства ни въ Азіи, ни въ Европѣ не превосходилъ ихъ въ этомъ искусствѣ.

Когда Чингисханъ вывелъ свой народъ изъ пастушескаго быта на поприще военной славы, уже съ первыхъ-же своихъ войнъ съ ближними ордынцами, съ сосѣдними татарскими племенами, Монголы превосходили всѣхъ въ ратномъ дѣлѣ. А по мѣрѣ того, какъ Монгольская орда сплотилась

въ цѣлое ханство, и Великій Моголъ Темуджинъ повелъ собранные подъ свою руку народы завоевывать дальныя страны,—а напослѣдокъ, прослывъ Чингисханомъ, простиралъ уже свои завоеванія на Китай и султанскія ханства Средней Азіи,—его воинство уже отличалось и славилось необыкновеннымъ искусствомъ въ ратномъ дѣлѣ. Въ его воинствѣ уже находились искуснѣйшіе строителн стѣнобитныхъ орудій и опытнѣйшіе распорядители осадныхъ работъ, умѣвшіе брать крѣпости хитрыми земляными работами: подкопами, отводомъ воды въ сторону или напротивъ поворотомъ, посредствомъ плотинъ, цѣлой рѣки на самый городъ для его затопленія. Были даже искусные воители, опытные въ метаніи огня изъ нефти и прочихъ горючихъ составовъ; прямо сказать: Чингисхановы Монголы славились тогда уже тѣмъ, что ихъ воинство являлось первымъ въ мірѣ и во всеоружіи всѣхъ средствъ тогдашней военной науки,—сами Китайцы, Персы и Арабы въ этомъ уже уступали Монголамъ. Этому, главнымъ образомъ, способствовало то, что, завоевывая чужія страны и кровопролитно истребляя цѣлыя народонаселенія, Монголы всюду отбирали умѣлыхъ людей и щадили ихъ: выискивали мастеровъ и ремесленниковъ всякаго рода и дорожили ими; употребляли ихъ въ свою пользу, держали ихъ въ неволѣ, но въ холѣ; а искусниковъ и знатоковъ такихъ художествъ, которыя считались тогда за рѣдкость, еще приманивали къ себѣ всѣми способами, ласками и богатили ихъ. Кромѣ знатоковъ военнаго дѣла и другихъ мастеровъ, не говоря уже о простыхъ ремесленникахъ, у нихъ по всѣмъ частямъ—отъ битья монеты до отдѣлки драгоцѣнныхъ камней—завелись напослѣдокъ опытные и умѣлые люди, сказать-бы, изъ всѣхъ странъ міра.

Царская орда Чингисхана дивила всѣхъ сбиравшихся на поклоненіе великому Монголу—своимъ баснословно-сказочнымъ богатствомъ; можно-бы сказать: ослѣпляла блескомъ и сіяніемъ всѣхъ сокровищъ Востока. Самъ Чингисханъ и всѣ его близкіе родственники, также именовавшіеся ханами, и ближайшіе слуги ханскихъ ближниковъ иначе ужъ не рядились какъ въ шелкъ и парчу, ѣли съ золотой посуды; зонтики надъ ихъ головами, какъ это было въ обычаѣ у Монголовъ осѣняться ими черезъ нарочно для того

приставленныхъ служителей—зонтики и опахала блистали алмазами, изумрудами и рубинами, жемчугомъ и бирюзою; уборы ихъ коней и сѣдла, употребляемые въ торжественныхъ случаяхъ—оцѣнивались уже въ цѣлыя громадныя состоянія.

Роскошь Сарай-орды, коротко сказать, превосходила все, что до той поры было видано на Востокѣ; великій ханъ и всѣ прочіе ханы Монгольскаго народа затьмили тогда своимъ богатствомъ уже всю славу покореннаго ими султанскаго Ховарезма, превосходили въ этомъ отношеніи древнихъ царей персидскихъ и калифовъ Багдада,—а народъ Монгольскій въ то же время не оставлялъ татарскихъ привычекъ, все также не умѣлъ читать и писать, кланялся огню и кусту; засаленные бараньимъ жиромъ пальцы облизывалъ и обтиралъ объ сапоги. Такихъ-же старинныхъ привычекъ, за одно съ своимъ народомъ, держались и сами ханы. Грамоту и письмо, по необходимости сношеній съ покоренными народами и прочими странами, Монголы заимствовали у своихъ соплеменниковъ—Уйгуровъ: это былъ одинъ изъ безчисленныхъ народцевъ Средней Азіи—ближе прочихъ по происхожденію и языку подходившій къ Монголамъ, но это былъ народъ грамотный и письменный; среди Уйгуровъ было даже не мало христіанъ: такъ называемые Несторіане. Когда, въ числѣ прочихъ завоеванныхъ народовъ, Уйгуры поступили подъ власть Монголовъ (объ нихъ даже утверждали, что, избывая подданства прежнему султану изъ Торковъ, Уйгуры сами добровольно передались Монголамъ), Чингисханъ воспользовался ихъ ученостью, поручилъ имъ составить письмена для своего народа,—съ тѣхъ поръ все письмоводство у Монголовъ и велось грамотниками иаъ Уйгуровъ. Сами-же они тѣмъ и удовольствовались навсегда,—не грамотность, а военное ремесло занимало ихъ больше всего на свѣтѣ; только въ немъ и навыкали они всего болѣе.

Чингисханъ, ввѣривъ свое несмѣтное воинство своимъ сыновьямъ и внукамъ, роздалъ имъ въ завѣдываніе и отдѣльныя части своихъ несмѣтныхъ владѣній; такимъ образомъ, сами Чингисовичи и состояли въ разныхъ покоренныхъ странахъ отдѣльными ханами; каждый самъ по себѣ предводительствовалъ и отдѣльнымъ воинствомъ, всѣ же вмѣстѣ

подчинялись Великому Моголу, самому Чингисхану. Отдѣльное воинство каждаго отдѣльнаго хана составляло въ свою очередь несмѣтную-же силу—отъ множества покоренныхъ Монголами народовъ, ибо всѣ покоренные народы обязаны были ставитъ воиновъ въ ряды Монгольскаго войска. До 300 тысячъ и до полумилліона воиновъ насчитывалось въ воинствѣ каждаго изъ Чингисовыхъ хановъ и это число еще не почиталось особенно великимъ у главнѣйшихъ изъ нихъ. Каждое подобное воинство по обычаю заведенному самимъ Чингисханомъ, раздѣлялось на полчища по десяти тысячъ воиновъ; встарину десять тысячъ звалось тьмою, начальники этихъ отрядовъ и звались: „темники“. Въ свою очередь полчище темника раздѣлялось на полки по тысячи воиновъ въ каждомъ;—предводители этихъ отрядовъ такъ и звались тысяченачальники. Затѣмъ, сами тысячные отряды распадались на сотни, а они въ свою очередь—на десятки. Начальники, именовавшіеся сотниками и десятниками, были уже самые младшіе чины въ Монгольскомъ войскѣ: всѣ прочіе уже числились рядовыми. Какъ бы ни было несмѣтно ханское воинство и сколько бы въ составъ его ни входило простыхъ воиновъ изъ покоренныхъ Монголами племенъ и народовъ, но всѣ военные чины—не говоря уже о темникахъ—ввѣрялись исключительно Монголамъ. Какъ бы ни была велика масса простыхъ воиновъ въ ханскомъ войскѣ изъ азіатовъ другихъ странъ, кромѣ Монголовъ, но вся эта масса перемѣшивалась сверху до низу съ чистокровными Монголами; притомъ включительно до сотниковъ и десятниковъ, должно повторить, всѣ военные чины были изъ самихъ Монголовъ.

Сила-же Чингисова воинства была истинно поразительна! Заимствовавъ у славнѣйшихъ народовъ Азіи—у Китайцевъ и Персовъ, у Аравитянъ и у „лѣпшихъ“ турецкихъ племенъ—все, что въ этихъ странахъ было тогда наилучшаго по военному устройству, Монголы въ тоже время—по своей природной хищности и свирѣпости, свойственной дикимъ кочевникамъ — превосходили лютостью всѣхъ этихъ азіатовъ. При такомъ совмѣщеніи природной лютости дикихъ кочевниковъ съ военнымъ искусствомъ народовъ, болѣе или менѣе изнѣжившихся и умягченныхъ по своему быту—сила Монголовъ превосходило все, что противъ нихъ могли

выставить воевавшія съ ними страны, одна за другой и покоренныя ими въ цѣлой Азіи. Притомъ, съ кѣмъ ни воевали Монголы—всегда ихъ воинство одолѣвало непріятеля и огромнымъ численнымъ превосходствомъ; въ томъ заключалось ихъ неизмѣнное правило: иначе они не вступали въ бой. Лютость и хитрость татаръ во всѣхъ ихъ войнахъ была необычайная, а жестокость приводила въ ужасъ и содроганье даже самихъ турокъ и прочихъ азіатовъ. Они такъ умѣли, заманивъ непріятеля, окутать его со всѣхъ сторонъ напослѣдокъ своимъ многолюдствомъ, что подобный способъ веденія войны вошелъ потомъ въ пословицу: его прямо и звали облавою. Былъ у нихъ въ употребленіи и еще одинъ военный пріемъ, неизвѣстный—кромѣ ихъ, никому изъ тогдашнихъ стратиговъ. Сообразуясь съ расположеніемъ непріятельскаго стана, они устраивали нападеніе съ своей стороны такъ, чтобы—взявъ непріятельскіе отряды пущеные въ дѣло съ двухъ боковъ и съ тылу—оставить непріятелю свободный проходъ въ серединѣ для свободнаго бѣгства; непріятель, тѣснимый со всѣхъ сторонъ безпощадною рѣзней и сѣчей и тучами несмѣтныхъ стрѣлъ, невольно подавался въ свободный промежутокъ гдѣ не встрѣчалъ опасности; въ этотъ свободный пропускъ мало-помалу и обращалось всеобщее стремя; оно переходило въ невольное отступленіе и наконецъ обращалось въ бѣгство: лишь бы скорѣй вырваться вонъ изъ того мѣста, гдѣ наносились тысячи смертей. Татарамъ только это и требовалось: никогда, бившись грудь съ грудью, они не наносили столько вреда непріятелю, какъ избывъ его этимъ хитрымъ пріемомъ,—никогда они не истребляли такъ смертоносно цѣлыхъ полковъ въ открытомъ бою, какъ преслѣдуя потомъ обращенныхъ этимъ способомъ въ бѣгство. Были и другіе способы и пріемы Татарскаго боя, но главныя—эти два; и оба—наиболѣе успѣшно употреблялись ими въ дѣло по причинѣ именно всегдашняго многолюдства, подавляющаго ихъ численнаго превосходства надъ непріятелемъ.

Прибавить надо къ тому ихъ врожденную суровость и привычку къ лишеніямъ. Переправляться черезъ бурныя рѣки вплавь держась за хвосты лошадей; обходиться безъ дровъ и безъ топлива, а разводить огонь для варева и со-

грѣванія на скотъемъ пометѣ,—и множество подобныхъ приспособленій составляли у Татаръ ихъ обычаи съ дѣтства. Ко всему подобному они прибѣгали не только на войнѣ, а и въ мирное время у себя дома; голодать по цѣлымъ днямъ, не теряя силы и бодрости—на это у нихъ была, можно бы сказать, волчья привычка. Случалось, при долговременной осадѣ упорныхъ крѣпостей, истощались у воиновъ Чингисхана всѣ припасы: они ѣли крысъ и мышей, псину и все нечистое,—не становилось и этого—тогда ѣли плѣнныхъ. Свидѣтельствуютъ даже, что при одной изъ подобныхъ осадъ, Чингисханъ разрѣшилъ убивать десятаго воина изъ своихъ собственныхъ: Чингисхановы Монголы довольствовались и этой ѣдою. Забирая плѣнныхъ, они ими-же и пользовались въ бояхъ и при осадахъ: самые тяжкіе работы всегда производили плѣнниками. Для этой цѣли даже нарочно запасались плѣнниками: прежде чѣмъ осадить городъ, набирали въ безоружныхъ селеніяхъ какъ можно болѣе плѣнныхъ—ихъ и выставляли впередъ себя подъ стрѣлы; на нихъ, подъ страхомъ смерти, и взваливали работы. Какъ плѣнниковъ, также точно и рядовыхъ въ своемъ войскѣ изъ иноплеменниковъ, Монголы всегда выставляли впередъ подъ первые удары рѣзни и сѣчи, укрываясь за ними какъ бы щитомъ. При исканіи брода и опасныхъ переправахъ черезъ рѣки, Монголы всегда заставляли итти впередъ также рядовыхъ чужеземцевъ.

Въ заключеніе всего, наклонность къ кровопролитію и мучительству, къ истязанію своихъ жертвъ доходила у нихъ до такой страсти, что для ея удовлетворенія готовы были они и сами на всякія муки и лишенія—лишь-бы добиться напослѣдокъ этихъ неисчислимыхъ жертвъ жребіемъ побѣды. Женъ и дочерей они срамили въ глазахъ ихъ мужей и матерей: въ томъ находили отраду; отобравъ въ плѣненномъ городѣ всякаго рода умѣлыхъ людей, которые имъ были нужны, а также тѣхъ, кого намѣтили себѣ въ рабы и рабыни,—они вырѣзывали до тла все прочее населеніе. Разбивъ на тысячи и сотни цѣлые десятки тысячъ покореннаго народа, отдавали—тысяченачальникамъ, сотникамъ и десятникамъ рубить всѣхъ отъ перваго до послѣдняго топорами, причемъ для счета—одного на-сто; а при огромномъ множествѣ одного изъ тысячи—отличали тѣмъ, что вѣшали на башнѣ

или на кровлѣ или на деревѣ, гдѣ-нибудь на верху на самомъ видномъ мѣстѣ—либо петлей на шею, либо привязавъ кверху ногами,—и сводили общій итогъ порубленныхъ топорами—числомъ повѣшенныхъ. Чингисхановы Монголы любили воздвигать цѣлыя горы изъ отрубленныхъ головъ: истлѣвая они обращались потомъ въ груды череповъ. Кромѣ того, смѣшивая трупы избіенныхъ съ глинами разныхъ составовъ, они научились приготовлять особенную замазку и употребляли ее вмѣсто извести, смѣшивая съ камнями—воздвигали изъ такого разносмѣшенія цѣлыя стѣны въ окруженіе городовъ и отдѣльныя зданія. Ханы любили топтать своимъ конемъ выходившее къ нимъ съ хлѣбомъ-солью населеніе; а когда, въ одной изъ мусульманскихъ странъ, отдавшееся въ волю Чингисхана народонаселеніе, состоявшее изъ двухъ сотъ тысячъ душъ, послало просить его о помилованіи и спрашивало: за что обрекъ онъ всѣхъ ихъ на истребленіе? Чингисханъ далъ отвѣтъ что самъ того не знаетъ, но значитъ велики ихъ прегрѣшенія, если Богъ внушилъ ему такое желаніе. Мусульманскіе историки описывали, что земля стонала, птицы падали мертвыми и шалѣли звѣри, когда проходили войска Чингисхана; а Китайцы описывали татаръ еще ужаснѣй,—и, всѣхъ ихъ относя къ „смердьимъ племенамъ", главнымъ образомъ, побѣдителей своихъ, самихъ Чингисхановыхъ Монголовъ, и клеймили противъ всѣхъ прочихъ наиболѣе позорно.

Когда наконецъ нашествіе Татаръ обрушилось на Европу; когда, занявъ уже православную Русскую Землю, они коснулись еще Венгріи и Польши, этихъ окраинъ латынскаго Запада и передового оплота „священно-римской Германской имперіи"—ея Императоръ, рыцарственный Гогентшауфенъ Фридрихъ II-й пришелъ въ ужасъ и обратилъ воззваніе къ своимъ вассаламъ, вѣнценосцамъ прочихъ государствъ и ко всѣмъ подвластнымъ своимъ народамъ. Онъ возвѣстилъ: „Уже сѣкира лежитъ при деревѣ и по всему свѣту разносится вѣсть о врагѣ, который грозитъ гибелью цѣлому христіанству. Давно мы слышали о немъ; но пока между нимъ и нами находилось столько храбрыхъ народовъ и князей, считали опасность отдаленною. А теперь, когда одни изъ этихъ князей погибли, а другіе обращены въ рабство, теперь пришелъ нашъ чередъ стать оплотомъ христіанству

противъ свирѣпаго врага. Время пробудиться ото сна, разверзнуть очи духовныя и тѣлесныя".

Не только въ Германіи произошло смущеніе отъ приближенія Татаръ,—оно коснулось „послѣднихъ земли", дошло и до береговъ Британіи: Англія прекратила на то время сельдяную ловлю по всему своему взморью, испуганная слухами о Татарахъ. Оцѣпенѣніе въ Европѣ было всеобщее. Поистинѣ, это было самое страшное нашествіе и самыхъ страшныхъ варваровъ, которыхъ когда-либо нѣдра Азіи извергали на Европу.

Но Русская земля приняла Татаръ на свою грудь и защитила отъ нихъ всю остальную Европу; два вѣка съ половиною протомилась въ лютой неволѣ,—напослѣдокъ собралась съ силами при „Московскихъ Государяхъ" и мало-по-малу, исподволь, по упроченіи „Московскаго Государства", одолѣла орду. Все это злополучное время вѣкового рабства получило скорбное наименованіе „Монгольскаго ига"; а такъ какъ началось иго отъ нашествія Батыя,—и самъ онъ, именно Батый, сдѣлался настоящимъ ханомъ Русской земли, то еще и самое „нашествіе Татаръ" прозывалось обыкновенно: *лютое Батыево плѣненіе*.

Нашествіе Татаръ при Батыѣ.

Раззореніе Татарами Рязанскаго края. Татары вторгнулись тотъ разъ изъ-за Волги тѣми пустынными окраинами, которыя прозвались потомъ, много позднѣе, Саратовскими и Тамбовскими степями,—и начали свои опустошенія отъ нынѣшнихъ Воронежскихъ мѣстъ—крайній предѣлъ тогдашнихъ Рязанскихъ владѣній. Войско татарское было несмѣтно; казалось цѣлый народъ возсталъ поголовно, чтобы переселиться изъ одной части свѣта въ другую; велъ ихъ покоритель многихъ царствъ и народовъ — Батый, любимѣйшій внукъ Чингисхана, сынъ его старшаго, рано-умершаго сына Джучи. При одномъ Батыѣ находилось болѣе трехсотъ тысячъ воиновъ, а подъ нимъ состояли еще многіе изъ знаменитѣйшихъ воеводъ татарскихъ (главнѣйшій изъ нихъ былъ Бурундай), начальствовавшіе отдѣльными войсками множайшихъ темниковъ, какъ звались у Татаръ предводители десятитысячныхъ отрядовъ. Вся

эта несмѣтная сила—какъ по своей необъятности, такъ и по татарскому способу веденія войны—состоявшему въ томъ, чтобъ охватить забираемую страну сплошною облавою — распредѣлилась отдѣльными полчищами, которыя простерлись на далекое разстояніе одно отъ другого, доходили до верховій Дона и даже далѣе: одинъ изъ татарскихъ отрядовъ коснулся рѣки Онузы *); и начали потомъ ото всѣхъ сторонъ сближаться между собой, надвигаясь къ Рязанскимъ предѣламъ.

Отъ Батыя было отправлено посольство, поразившее Рязанцевъ тѣмъ особенно, что кромѣ двухъ мужей была еще съ ними женка-чародѣйка: они требовали полнаго подчиненія Татарамъ. Ханъ прислалъ свое повелѣніе въ такихъ словахъ: „платите мнѣ со всего десятину; въ князьяхъ и въ простыхъ людяхъ—отдавайте десятаго; десятину съ коней вашихъ, съ бѣлыхъ и вороныхъ, съ бурыхъ и пѣгихъ, и со всякаго скота — десятое; десятину же и со всякаго богатства". Посовѣтовавшись между собой, рязанскіе князья послали отвѣтъ: „когда никого изъ насъ не останется въ живыхъ — все ваше будетъ". И началось кровопролитіе. Татары прошли съ огнемъ и мечомъ весь древній путь Рязанскій (сказать-бы: путь нынѣшній Воронежско-Козловской и Козлово-Рязанской желѣзной дороги) и подступили къ столицѣ княжества.

---

*) Мало извѣстная въ то время, а потомъ и вовсе утратившая извѣстность рѣка Онуза и по ней самый городъ Онуза—упоминаются лишь мелькомъ, весьма глухо и неопредѣленно при описаніи этого нашествія татаръ. Судя по тому однако, что по разгромленіи сѣвера Батый устремился къ нынѣшнимъ Тульско-Калужскимъ мѣстамъ и оттуда, опять Воронежскими степями, спустился на югъ, должно полагать, что самое это обратное движеніе изъ подъ Суздаля и Ростова къ неопустошеннымъ Тульско-Калужскимъ мѣстамъ произошло именно потому, что еще съ самаго начала похода, при его открытіи, тѣ мѣста уже были обслѣдованы и наперед выглядѣны Татарами. Во всякомъ случаѣ, достойно вниманія, что при древнемъ перечнѣ русскихъ городовъ, городъ Онуза упоминается за одно съ Мосальскомъ и Мещовскомъ и Козельскомъ, какъ принадлежность той мѣстности, которая потомъ отошла къ Литвѣ, простиравшейся какъ извѣстно, до Алексина и Тарусы. „*А се гради литовскіе: Таруса, Олешескъ, Серпейскъ, Ясенецъ, Козельскъ, Сутійскъ, Онуза, Мосальскъ, Мещовокъ*" и проч. и проч. (Воскресенская лѣтопись, глава: *имена градомъ всѣмъ русскимъ, дальнимъ и ближнимъ*).

Это было въ зиму съ декабря 1237-го на генварь 1238-го года. Чтобы не допустить Татаръ внутрь своихъ владѣній, князья выступили противъ нихъ въ Воронежскія степи—и погибли. Одинъ изъ нихъ (Ингварь) находился тогда въ Черниговѣ съ воеводой Евпатіемъ Коловратомъ, гдѣ искали воиновъ и звали Половцевъ противъ Татаръ. Когда они возвращались на родину, вся она уже была обращена въ страшную пустыню и неизмѣримое кладбище: больше не было ни селъ, ни городовъ: „оставались единственно кучи пепла и труповъ, терзаемыхъ хищными звѣрями и птицами. Убитые князья, воеводы, тысячи витязей лежали рядомъ на мерзломъ ковылѣ, занесенные снѣгомъ. Только изрѣдка показывались люди, которые успѣли скрыться въ лѣсахъ и выходили оплакивать гибель отечества“. Въ началѣ декабря Татары, подойдя къ Рязани, не только обложили кругомъ весь городъ несмѣтнымъ воинствомъ, обнесли его еще, замкнувъ какъ кольцомъ сплошнымъ тыномъ; укрѣпили во многихъ мѣстахъ самый тынъ сильными острожками. Это называлось на ихъ языкѣ: *„загнать поросятъ въ хлѣвъ“*: такъ обыкновенно выражались они въ этихъ случаяхъ, заранѣе радуясь, что никто изъ осажденныхъ по взятіи города не ускользнетъ изъ ихъ рукъ. Достроивъ тынъ, начали они городить стѣнобитныя орудія и изготовлять лѣстницы для приступа. Рязанцы бились отчаянно и ожесточенно, нѣсколько дней къ ряду выдерживали и наносили страшное кровопролитіе; но видимо слабѣли,—не выпуская оружія изъ рукъ, едва могли стоять на стѣнахъ отъ усталости, а Татары безпрестанно обновлялись силами, замѣняя бившіеся полки свѣжими. Наконецъ начали громить стѣны и палить городъ пожарами, пустивъ въ дѣйствіе всѣ воздвигнутыя сооруженія, метавшія тяжеловѣсные камни и горючіе неугасимые составы; 21 декабря полѣзли на стѣны,—сквозь дымъ и пламя и кровавую сѣчу ворвались въ улицы... Тогда же и вкругъ Рязани, по всѣмъ селамъ и окрестнымъ монастырямъ, происходило такое же кровопролитіе.

Татарамъ мало было взять городъ: они любили истреблять цѣлое народонаселеніе отъ старцевъ до младенцевъ. Они тѣшились смертоубійствомъ: распинали, жгли на угольяхъ, разстрѣливали изъ луковъ для забавы; насиловали

женъ и дѣвицъ на глазахъ ихъ ближнихъ; разбивали младенцевъ головой о камень въ виду ихъ матерей; изобрѣтали ухищреннѣйшіе роды смерти, любя тѣшиться мученіями своихъ жертвъ—тихо и медленно. Любили еще кромѣ того, производить избіеніе и цѣлыми массами, огромнымъ многолюдствомъ,—и при такихъ повальныхъ избіеніяхъ, какъбы пьянѣя тогда отъ множества проливаемой крови, приходили уже въ неистовство и буйный восторгъ. Нѣсколько дней кряду продолжалось ликованіе побѣдителей; въ тѣ-же дни сносили и свозили для *„дувана“* добычу со всѣхъ сторонъ—цѣлыми горами и длинными обозами. Вопли и стоны умолкли напослѣдокъ въ разрушенномъ городѣ и его окрестностяхъ — не потому чтобы лютые угомонились, а *„не бѣ стонющаго, ни плачущаго... но вси вкупѣ мертвы лежаще“*. Рязань дымилась обгорѣлыми отъ пожара каменными развалинами своими по уходѣ Татаръ; а отъ Пронска, Бѣлгорода, Ижеславля, Борисоглѣбска не осталось болѣе и слѣдовъ, кромѣ самихъ пожарищъ; нѣкоторые изъ старинныхъ селъ и городовъ рязанскихъ были съ тѣхъ поръ стерты съ земли уже навсегда. Рязанскаго княжества, можно было сказать, болѣе не существовало.

Ея несчастные князья, какъ только Татары показались въ ихъ предѣлахъ, послали просить помощи къ великому князю Юрію во Владиміръ и къ своимъ сродникамъ черниговскимъ князьямъ. Посланный въ Черниговъ Евпатій Коловратъ, возвращаясь уже на развалины своей опустошенной родины, ударилъ въ тылъ побѣднаго шествія Татаръ, настигнувъ ихъ ночью на выходѣ изъ рязанскихъ предѣловъ. Татары пришли въ ужасъ: „не мертвые ли, павшіе въ Рязани, встали изъ могилъ и прискакали мстить за смерть свою“? Невѣдомые бойцы рубили несмѣтно, бросали притупленные мечи и, хватая палаши съ мертвыхъ Татаръ, рубили пуще прежняго; во всѣхъ станахъ произошло смятеніе. Удалось пятерыхъ схватить живыми, ихъ привели въ ставку Хана. „Кто вы такіе?“ спросилъ ханъ.— „Не подиви, царю, что не успѣваемъ наливать чашъ на великую силу татарскую“,—отвѣчали бойцы; — „мы слуги великаго князя Ингваря Ингваревича отъ полка боярина Евпатія Коловрата, посланы на тебя, великаго царя, про-

водитъ тебя съ честью". Шуринъ Батыевъ Таврулъ самъ вызвался захватить Евпатія Коловрата, выѣхалъ противъ него на конѣ неустрашимо; но батюшка Евпатій разсѣкъ татарина пополамъ, съ головы до сѣдла; окружили тогда татары горсть уцѣлѣвшихъ богатырей всею своею татарской силой, какъ крѣпость въ осаду, и ни одинъ не сдался, всѣ бойцы пали мертвые. Царь татарскій похвалилъ мертвецовъ, а живыхъ отпустилъ впятеромъ на волю: „хорошо,—сказалъ,—пьютъ Русскіе мертвую чашу заодно съ государями своими" *).

Раззореніе Татарами Владимірскаго княженья. — Великій Князь Юрій, не давъ помощи противъ Татаръ князьямъ Рязанскимъ, отвѣтилъ имъ тотъ разъ, что выступитъ противъ общаго врага самъ лично, но будетъ промышлять отъ нихъ особо. На него и обратились Татары. Старинная дорога изъ Рязани въ столицу Владимірскаго княжества шла тогда жилыми мѣстами на Коломну и Москву, сравнительно говоря, богатымъ и населеннымъ краемъ, а не Муромскими лѣсами. Юрій Всеволодовичъ послалъ полки въ тотъ и другой городъ, — въ Коломну отправилъ сына своего Всеволода, а въ Москву Владиміра, настолько еще малолѣтняго, что приставленнаго къ нему воеводу Филипа иначе не называли въ народѣ, какъ нянькой княжича. Оставивъ свою княгиню съ прочими изъ семейныхъ во

*) Потому что Рязанскій князь Юрій съ Пронскими и Муромскими князьями, выступившіе на первыхъ порахъ противъ Батыя, всѣ полегли въ бою съ нимъ; одного только Олега Ингаревича привели живого къ Батыю и ханъ дивился *Красному* Олегу (такъ звали князя за красоту его), предлагалъ ему свою дружбу и вѣру; Олегъ-же, исходя кровью отъ множества ранъ, отвергъ честь татарскую, готовый лучше смерть принять, а не дружбу. А сынъ Юрія, князь Ѳеодоръ, былъ еще несчастнѣй: отъ него татарскій ханъ потребовалъ его княгиню себѣ въ невольницы, а когда Ѳеодоръ отвѣчалъ на то негодованіемъ, его предали лютой смерти; княгиня, ожидая его возвращенія, вышла съ грудным младенцемъ встрѣчать его и съ высоты *„храма Николы"* глядѣла въ поле; тутъ ей и принесли ужасную вѣсть о томъ, что *„ради любви и красоты ея князь убіенъ бысть"*; не вынесла княгиня отчаянія своего и съ сыномъ *„рину́ся изъ превысокаго храма"*—и заразилась до смерти: съ тѣхъ поръ и храмъ тотъ слыветъ Заразскимъ. Такія и подобныя преданія во множествѣ уцѣлѣли отъ той годины и пріурочивались множайшимъ мѣстамъ и городамъ, которыми шли Татары.

Владимірѣ, увѣренный что въ его стѣнахъ можно будетъ надежно укрыться въ случаѣ прихода Татаръ, самъ онъ выступилъ въ сѣверные предѣлы своей вотчины собирать воиновъ и устраивать рати,—кромѣ того, надѣялся еще и на брата, ждалъ возвращенія Ярослава Всеволодовича съ его полками изъ похода подъ Кіевъ. Подошли къ нему тогда и племянники изъ Ростова и Ярославля—сыновья скончавшагося его брата Константина.

Татары не замѣшкались подъ Коломной: населеніе ея было вырѣзано, а городъ сожженъ. Одинъ изъ уцѣлѣвшихъ Рязанскихъ князей присоединился тогда къ войску, высланному Великимъ Княземъ, но въ неравномъ боѣ всѣ погибли: тысячами полегли сражавшіеся воины, пали воеводы и князья, — одинъ только сынъ Великаго Князя (Всеволодъ) успѣлъ спастись бѣгствомъ во Владиміръ: на горшую погибель. Одинаковая участь съ Коломной постигла и Москву. Филипъ-нянька былъ убитъ съ прочими защитниками, павшими съ оружіемъ въ рукахъ; остальныхъ жителей Татары умертвили при ликованіи побѣды и дѣлежѣ добычи, городъ сожгли до основанія, а Юрьева сына, почти грудного ребенка Владиміра, повезли въ полкахъ съ собою.

Несмѣтное воинство — то самое, о которомъ арабскіе историки писали, что на его пути „земля стонала, птицы падали мертвыми и шалѣли звѣри“—разступилось необъятными полчищами въ разныя стороны; отъ нихъ еще распространились боковые отряды по всѣмъ дорогамъ,—и начали загребать, какъ рыбу неводомъ, встрѣчные на пути города и селенія. Народъ отъ нихъ, цѣлыми толпами, изъ городовъ и селъ, разбѣгался самъ не зная куда,—скрывались въ темныхъ лѣсахъ и прятались въ подземельяхъ по дремучимъ оврагамъ. Но бѣжать, дѣйствительно, не знали: куда? Изъ стороны въ стороны, изъ однихъ городовъ въ другіе одни переходили къ другимъ; и ближніе и дальные слышали другъ отъ друга одно и то же: вездѣ Татары! все огнемъ жгутъ! церкви и монастыри грабятъ! людей старыхъ и молодыхъ, игуменовъ и поповъ, черницъ и чернецовъ *всѣхъ изсѣкоша*, а которыхъ во множествѣ увели въ станы свои—страшно было видѣть! *поведоша босыхъ и безпокровныхъ*: чай всѣ померли на снѣгу! бѣда общая! Какъ отъ саранчи, распространившейся тучами по всему на ги-

бель обреченному краю, такъ и отъ лютаго татарскаго нашествія спасенья уже не было—кругомъ.

Въ самое Срѣтенье (2-го февраля 1238-го года) подошли они ко Владиміру и окружили городъ. Владимірцы, отвергнувъ предложеніе сдаться и затворившись въ осаду, съ ужасомъ глядѣли со стѣнъ, какъ они начали укрѣпляться станомъ; не мѣшкая принялись и за свои сооруженія для приступа, а ихъ начальные обьѣзжали вкругъ города и разсматривали стѣны. Ко всеобщему удивленію, величавая толпа всадниковъ медленно шагомъ, подъѣхала еще къ самымъ градскимъ воротамъ и изъ толпы спрашивали: *„дома ли у себя князь Юрій?“* Въ нихъ пустили стрѣлы; они отвѣтили тѣмъ же, пустивъ каждый по стрѣлѣ на кресты колоколенъ, блестѣвшіе на морозѣ и въ золотыя церковныя маковки,— потомъ начали давать знаки унять метаніе стрѣлъ—для переговоровъ. И когда Владимірцы ждали: что̀ будетъ,—Татары подняли на рукахъ на показъ всѣмъ, плѣненнаго въ Москвѣ Юрьева сына, ребенка изнемогшаго въ неволѣ, и спрашивали Владимірцевъ: узна́ютъ ли княжича?

Плачь распространился среди осажденныхъ. Дѣти Великаго Князя, братья плѣннаго (Всеволодъ и Мстиславъ) не вытерпѣли скорбнаго вида, хотѣли сдѣлать вылазку,—ихъ не пустили. Но всѣ клялись князьямъ: *„пострадать до послѣдняго“*; отъ воеводъ до послѣднихъ людей всѣ Владимірцы повторяли въ одинъ голосъ, что готовы за святыя Божіи церкви—души свои положить,—и такія простыя рѣчи уже не были краснорѣчіемъ въ ихъ устахъ. Владыка, епископъ Владимірскій, всѣхъ увѣщевалъ готовиться къ смертному часу—*„со ангелы жити“*: не имѣть уже болѣе въ умѣ сего тлѣннаго и мимотекущаго житія,—и ставилъ себя въ томъ *„поручникомъ всѣмъ чадцамъ своимъ“*, что не отринетъ Христосъ сподобившихся вѣнцовъ мученическихъ: помянетъ во царствіи Своемъ. *„О семъ же словеси, слышавши вси, начаша крѣпко боротися“*. Отъ стараго до малаго никто не отказывался биться на стѣнахъ, поголовно вооружались и для смертнаго боя при предстоявшемъ приступѣ. На другой или на третій день осады распространилась въ городѣ вѣсть, что взятъ Суздаль, а кто́ говорилъ и Ростовъ: въ самомъ дѣлѣ, со стѣнъ можно было видѣть, какъ по суздальской дорогѣ подходили къ татарскому воинству еще цѣлыя полчи-

ща; замѣтили и чернцовъ и бѣльцевъ, мужчинъ и женщинъ, множество приведенныхъ плѣнныхъ. Въ тотъ же день съ утра до ночи Татары всюду громоздили *„лѣса и пороки“*, приблизили стѣнобитныя орудія свои; а къ утру оказалось, что и ночь у нихъ не пропала даромъ: поутру весь городъ уже былъ обнесенъ кругомъ сплошнымъ тыномъ. Послѣдніе сутки никто не спалъ во Владимірѣ—какъ, впрочемъ, и всю недѣлю никто-же ни днемъ ни ночью не скидавалъ съ себя ни обуви, ни платья: всѣ знали, что ихъ городу никакъ не устоять. Великая княгиня и все княжеское семейство, многіе изъ бояръ и изъ простого народа стали постригаться въ схиму.

Въ воскресенье, 7 февраля 1238-го года, городъ былъ взятъ. На разсвѣтѣ — въ самыя заутрени — Татары полѣзли на стѣны, а до обѣда уже все кончилось. Правда, не сразу были заняты всѣ до одной части города, хоть вломились разомъ со всѣхъ сторонъ—и отъ Клязьмы, и отъ Лыбеди, отъ Золотыхъ воротъ и отъ Волжскихъ. У одной стѣны ворвались по примѣту (слѣды насыпи уцѣлѣли до нашихъ дней) у другой взошли и спустились по своимъ лѣстницамъ, индѣ удалось вышибить ворота. Уже новый городъ былъ заваленъ трупами и пылалъ, а въ старомъ продолжалось упорное кровопролитіе; кипѣла сѣча и вокругъ города; тьмочисленно избивали Татары вырвавшихся изъ стѣнъ и сражавшихся съ ними *„внѣ града“*, рвавшихся выбиться изъ ихъ сплошного тына. Начался и грабительскій разгромъ во взятомъ городѣ: куда ни ворвались—уже и грабили всюду: одбирали оклады съ иконъ, забирали золотые и серебряные сосуды церковные и кресты; изъ домовъ расхищали драгоцѣнную утварь, а гдѣ встрѣчали отпоръ—наволакивали дровъ кострами и палили огнемъ. Какъ только хлынули Татары на городскія стѣны, всѣ Владимірцы поголовно—кто только могъ держать оружіе въ рукахъ—бросились „испить смертную чашу“, напередъ зная, что сопротивленіе невозможно. Молодые князья думали пробиться сквозь непріятеля: не осталось и слѣда отъ ихъ труповъ. Воевода Петръ Ослядуковичъ хорошо напиралъ на Татаръ съ нехотѣвшими отставать отъ него „дѣтушками своими“, то-есть всѣмъ владимірскимъ населеніемъ,—бились и на стѣнахъ города, и вкругъ цѣлаго города за стѣнами,

и на всѣхъ улицахъ внутри города,—до обѣда лилась кровь за вѣнцы мученическіе, а не изъ-за побѣды: татарское множество ломило какъ сила солому; всюду многолюдство одолѣло; и новый городъ, и пещерный, и старый—одинъ за другимъ были „взяты копьемъ“ и уже однимъ общимъ сплошнымъ пожаромъ, изъ края въ край, пылала великокняжеская столица.

Юрьева княгиня со снохами, съ внучатами, и невѣстками своими, всѣ ихъ боярыни—многіе изъ народа и духовенства съ женами и дѣтьми, и самъ владыка—заперлись въ городскомъ соборѣ. Уже дымъ и пламень достигали его стѣнъ и кругомъ слышались побѣдные клики: татары уже рвались и сюда. Собравшіеся въ Соборѣ укрылись вверхъ на его хоры и просились-бы, задыхаясь отъ дыма, опять внизъ; но снизу всею толпой напирали вверхъ: внизу ужъ разгромляли паперть и сшибали запертыя соборныя двери. Ворвавшіеся татары бросились на золото и серебро храма, обдирали съ иконъ жемчугъ и драгоцѣнные камни; сѣкли и рубили не успѣвшую отъ нихъ скрыться толпу, напиравшую вверхъ; натаскали еще хворосту и наволокли дровъ—и зажгли: дымъ повалилъ столбомъ ужъ въ самомъ Соборѣ. И грабежъ, и пожаръ, и кровопролитье, и побѣдный гулъ варваровъ—все слилось въ одинъ общій разгромъ, смѣшиваясь еще съ воплями и смятеніемъ, страданіями и молитвами умиравшихъ. Владыка Митрофаній всѣхъ благословилъ на прощаньи: „Господи! простри невидимую руку Твою и пріими души усопшихъ рабъ Твоихъ съ миромъ“... *„иніи въ огнь изгорѣша, а иныхъ оружіемъ смерти предаша, святую церковь разграбиша, и чудную икону Богоматери одраша“*. Не пали тогда столпы и выдержали стѣны; не рушились отъ множества *„скончавшихъ здѣ животъ свой“*, сохранились и тѣ самыя полати: во всей своей древности уцѣлѣли до нашихъ дней.

Рязанскіе ужасы повторились и тутъ во Владимірѣ: все народонаселеніе отъ старцевъ до младенцевъ было вырѣзано: татары жгли, распинали, веселились умерщвленіемъ безоружныхъ. Лишь юныя черницы и самые рабочіе изъ монаховъ уведены были татарами съ собою,—а калѣкъ и немощныхъ, больныхъ и нищихъ, старцевъ и старицъ—всѣхъ посѣкли мечами. Одни лишь дымившіяся развалины

остались отъ Владиміра, не было уже и тутъ ни плакавшаго ни стонавшаго: „*вси вкупѣ мертви лежаще*“.

Настигнуть великаго князя Юрья и истребить его дружины—татарамъ уже не стоило труда. Они нашли его въ Ярославскихъ мѣстахъ на берегахъ рѣки Сити. Былъ тутъ съ нимъ въ числѣ другихъ князей и любимый его племянникъ Василько Константиновичь, котораго рано-умершій Константинъ особенно поручилъ брату беречь какъ сына. Убитый горемъ Великій князь, подавленный вѣстями изъ Владиміра, повторялъ только: „зачѣмъ я одинъ живъ остался! лучше-бы тамъ и умеръ съ ними!“ и заглушая въ себѣ скорбь о женѣ и дѣтяхъ, а пуще поминая гибель цѣлаго города и всего народа и храма Богоматери и святыхъ Божіихъ церквей—терзался еще безутѣшнѣй; о владыкѣ со „*вспѣмъ освященнымъ Соборомъ*“ плакалъ и сокрушался, повторяя: «*сія-ли угодна*, Господи, милосердію Твоему». А стекавшіяся со всѣхъ сторонъ дружины—изъ подъ Дмитрова, Твери и Торжка, изъ подъ Ростова и Переяславля—приносили отовсюду однѣ и тѣ-же вѣсти: «кругомъ воюютъ и все огнемъ жгутъ, вездѣ татары». Оставалось одно: углубиться на сѣверъ,—но и въ Вологодскихъ мѣстахъ, даже до отдаленнаго Галича-мерянскаго, слышалось о такомъ-же всеобщемъ раззореньи. Развѣдочный отрядъ въ три тысячи человѣкъ, дѣйствительно, былъ посланъ нарочно въ сѣверную сторону, но вернулся назадъ со спѣшнымъ извѣстіемъ: „обложили и оттуда! кругомъ татары, и ужъ близко». И бой на берегахъ Сити обратился въ бойню: многолюдство одолѣло. Юрій помолился только: «Господи! не вниди въ судъ съ рабомъ Твоимъ: всякъ живой не устоитъ правъ передъ Тобою»—и татары, едва начавъ битву, уже торжествовали полную побѣду. Поднявшіеся съ поля изъ ѣсмертельно раненныхъ и немногіе изъ уцѣлѣвшихъ воиновъ разбѣжались по здѣшнимъ лѣсамъ и въ одиночку укрывались въ дебряхъ. Князя Юрья нашли мертвымъ въ грудѣ тѣлъ: онъ лежалъ обезглавленъ, голову ужъ подняли въ другомъ мѣстѣ. Еще страшнѣй была кончина Василька Константиновича. Юный князь былъ взятъ татарами живой въ руки. Прекрасный душой и тѣломъ, о комъ дружинники говорили, что „*кто ему служилъ, пълъ его хлѣбъ и пилъ его чашу—тотъ ужъ не могъ служить никакому другому князю*“, Василько

понравился татарамъ. Батый даровалъ ему жизнь и склонялъ къ дружбѣ съ татарами. «О, темное исполненное всякихъ скверн, царство!» отвѣтилъ Василько, «по грѣхамъ моимъ Богъ меня предалъ вамъ въ руки, но отъ христіанства вамъ меня не отлучить»: ни ѣды, ни питья не принялъ отъ поганыхъ. Озлобленные язычники предали его лютой казни, самое тѣло повелѣно было бросить лѣснымъ звѣрямъ на съѣденье. Неразлучные при жизни, Великій князь Юрій и его племянникъ Василько Константиновичъ, были въ ту пору и похоронены вмѣстѣ. Юный князь былъ убитъ и брошенъ въ лѣсу, найденъ-же по указанію «*нѣкоей жены*», сказывавшей что видѣла самыя страданія его. А Юрій былъ положенъ въ гробъ обезглавленнымъ, какъ найденъ на полѣ сраженія; лишь впослѣдствіи „*принесоша голову великаго князя и вложиша ю въ гробъ къ своему тѣлу*“. Опустошенными и опустѣлыми селеніями тогда-же и повезли ихъ гробы въ опустошенный и опустѣлый Ростовъ. (Вдова юнаго князя, дочь Михаила Всеволодовича Черниговскаго, постриглась послѣ того въ схиму) *).

---

*) Какъ въ Рязанской области, такъ повсемѣстно и во Владимірскомъ княженіи, гдѣ проходили Татары—вездѣ сохранились смутныя преданія о лютой годинѣ: къ разнымъ мѣстамъ пріурочиваются доселѣ мѣстныя преданья. Такъ, напримѣръ, при раззореніи Суздаля всѣ были поражены чудеснымъ избавленіемъ Ризположенскаго Дѣвичьяго монастыря: татары какъ ослѣпленные, миновали обитель. Черницы ея вообще славились многострадальнымъ житіемъ, но особено одной изъ нихъ и силѣ ея молитвъ приписывали самое чудо этого заступленія: въ этомъ именно монастырѣ и постриглась юная вдова Василька Константиновича. По всеобщей любви къ ней народа, впослѣдствіи—когда память о подробностяхъ заглохла—именно ей стали приписывать и самое чудо избавленія этого монастыря. Оба преданія слились въ одно. А позднѣе въ него занесли и ту подробность, будто прославленная инокиня была княжна, оставшаяся безбрачною невѣстой („обручена бывше.. да послушаетъ родителей своихъ и идетъ въ Суздаль... бывше-же ей въ пути и еще Суздаля не дошедшей, обручникъ ея преставися и она обрѣтше монастырь дѣвичій положенія Ризъ Божіей Матери, пострижеся въ немъ“) это позднѣйшее наслоеніе въ общемъ составѣ преданія—также имѣетъ связь съ дѣйствительнымъ событіемъ, оставившимъ въ свое время глубокое впечатлѣніе въ народѣ. Около того-же времени умеръ старшій сынъ Ярослава Всеволодовича, князь Ѳедоръ (1233 г.) неожиданно, почти наканунѣ своей сватьбы, и княжна приведенная для этого брака сохранилась въ народной памяти какъ „въ невѣстахъ ужъ печальная вдовица“: то была невѣста именно Ѳедора, старшаго сына Ярослава

Разрушивъ Владиміръ, Ростовъ и Суздаль, татары опустошили подобнымъ образомъ и все владимірское княженье отъ границъ, гдѣ оно соприкасалось съ Вятичами (подмосковная сторона къ Серпухову) до Вологодскихъ мѣстъ даже до Галича-мерянскаго. На всемъ этомъ пространствѣ (вмѣщающемъ нынѣ владимірскую, ярославскую, костромскую, московскую и тверскую губерніи съ частями новгородской и вологодской) вездѣ остались слѣды ихъ пребыванія и всюду одни и тѣ же. Такихъ именитыхъ городовъ, какъ Тверь и Торжокъ, Волокъ-ламскій, Ярославль, Молога, Переяславль-Залѣсскій, Юрьевъ-Польскій, Дмитровъ и проч. раззорено и пожжено было множество, а сколько еще поменьшихъ городовъ и погостовъ! кромѣ того селъ и деревень—безъ числа.

Народъ видѣлъ въ этомъ нахожденіи Батыя на русскую землю и въ „темномъ Батыевомъ плѣненіи“ гнѣвъ Божій: такое-же неодолимое бѣдствіе и неотвратимое зло, какъ потопъ или землетрясеніе, чему нельзя-бы и сопротивляться. Земля и люди растерялись, всѣ общественныя связи порушились. Едва въ какой области показывались татары, народъ цѣпенѣлъ отъ ужаса: кто могъ—разбѣгался, укрываясь въ лѣсахъ и зарывая въ землю свое имущество; остальное обрекалось огню и мечу. Плачь поднялся во всемъ народѣ изъ края въ край, что такого горя еще не бывало отъ крещенія Русской земли; въ городахъ, которые еще уцѣлѣли, духовенство призывало всѣхъ готовиться къ послѣднему часу; въ проповѣдяхъ говорилось: *„гдѣ города наши, красовавшіеся еще вчера? какъ тѣнь прошли“*. Татары сѣкли людей, какъ траву косили; вступая въ волость, раскидывали свои отряды, какъ саранча во всѣ стороны и, какъ саранча-же, все истребляли и губили на своемъ пути; монастыри и села грабили до-тла; хлѣбные склады и всякіе запасы забирали вволю, остальное пускали на дымъ, хваляся, что тамъ трава не рости, гдѣ они

Всеволодовича. О глубокомъ впечатлѣніи, произведенномъ на народъ этимъ событіемъ уцѣлѣлъ слѣдъ во всѣхъ лѣтописяхъ: „преставися князь Ѳеодоръ, сынъ Ярославль старшій, еще младъ сый и кто не пожалѣетъ сего: сватьба бѣ пристроена и все уготовано, меды посычены, и невѣста приведена, и князи созвани, и бысть въ веселіе мѣсто плачь великъ“.

прошли. Владимірскаго княженья, можно-бы сказать, болѣе не существовало.

Съ наступленіемъ мартовскихъ дней татары, избѣгая быть застигнутыми вскрытіемъ рѣкъ, заторопились въ обратный путь. Надвигаясь отъ взятаго приступомъ и уничтоженнаго Торжка путемъ Селигерскимъ, Батый не дошелъ ста верстъ до Новгорода и повернулъ назадъ. Вся ихъ сила устремилась на югъ уцѣлѣвшимъ при вторженіи и лишь слегка задѣтымъ краемъ—къ нынѣшнимъ Тульско-Калужскимъ мѣстамъ: оттуда и скрылись въ глубину степей. Всѣмъ своимъ болѣе чѣмъ трехсотъ-тысячнымъ множествомъ, обремененные еще неисчислимыми пожитками награбленнаго добра и вереницами гонимыхъ плѣнныхъ, спѣшили они домой на *„на новую траву“* спѣвшую въ степяхъ и ужъ нигдѣ не останавливались дорогой. Тѣмъ досаднѣе было имъ встрѣчать на пути хотя-бы малѣйшее сопротивленіе и тѣмъ злобнѣе было ихъ мщенье при всякой остановкѣ. Такъ они были озлоблены упорствомъ незначительнаго городка, гдѣ сидѣлъ малолѣтній сирота, неизвѣстный по отчеству князь Василій *), только и владѣвшій этимъ одиночнымъ городомъ—Козельскомъ. Подъ его деревянными стѣнами было избито до четырехъ тысячь татаръ, въ томъ числѣ пали сыновья трехъ темниковъ,—городъ былъ взятъ не скоро, зато и уничтоженъ до тла. Татары вырѣзали его народонаселеніе сплошь до послѣдняго младенца, а самъ здѣшній княжичь былъ ими утопленъ въ крови своихъ подчиненныхъ. Накопили-ли татары при повальномъ избіеніи города въ нарочно-выбранномъ мѣстѣ столько крови, что въ ней и утопили младенца, или погибъ онъ инымъ невѣдомымъ образомъ, о Козельскомъ княжичѣ такая молва и сохранилась въ народѣ—*„яко въ крови утонулъ есть“*. Отъ Козельска татары не оставили и слѣда, прозвали его *„Злымъ городомъ“* и, болѣе нигдѣ не встрѣтивъ сопротивленія, пропали въ степяхъ.

---

*) Такъ какъ меньшой сынъ Святослава Всеволодовича, павшій при Калецкомъ побоищѣ со старшимъ своимъ наслѣдникомъ, Мстиславъ Святославичь не достигъ по лѣствичному восхожденію Чернигова, а до самой смерти именовался „Козельскимъ княземъ“, вѣроятно, и сирота Василій, если не его младшій сынъ, его-же потомокъ.

Раззореніе Татарами южной Руси. Водворяясь на этотъ разъ въ степи Приволжской, какъ у себя дома,—излюбивъ ее себѣ въ удѣлъ, какъ свое новое отечество—Батый тогда-же и покорилъ ее всю изъ края въ край, вытѣснивъ изъ нея Половцевъ. Разбитый имъ ханъ Котянъ поднялъ съ собой остатки своего народа, отъ 30-ти до сорока тысячь соплеменниковъ своихъ, и—съ разрѣшенія Венгерскаго короля, давшаго ему земли для поселенія и обязавшаго его креститься со всѣмъ своимъ народомъ—откочевалъ въ Венгрію; прочіе кочевники смѣшались съ татарами. Съ этого года о Половцахъ пропалъ и слухъ—уже навсегда. Переяславль на Альтѣ и Черниговъ, смыкавшіеся окраинами своими съ Полемъ, ужъ не могли уцѣлѣть послѣ того и ихъ гибель казалась неминуема: всѣ, кто только могъ, поспѣшили выбраться оттуда тогда-же.

Какъ только на зиму замерзли рѣки и опять снѣговымъ саваномъ покрылась вся степь, татары пошли снова „*брать взятьемъ*“ города и завоевывать новыя области. Часть своихъ темниковъ (предводителей десятитысячныхъ отрядовъ) Батый отпустилъ опять на сѣверъ: доглядѣть и добрать не осмотрѣнныя еще и не забранныя мѣста Рязанскія, примыкавшія къ завоеванному имъ Владимірскому княженью. Въ зиму съ декабря 1238-го на генварь 1239-го года татары воевали Муромскія мѣста и побережье Оки, гдѣ въ нее пала Клязьма: „*Муромъ пожгоша и по Клязьмѣ воеваша, градъ святыя Богородицы* *) *Гороховецъ пожгоша; бѣ-же тогда полохъ золъ по всей землѣ: сами-бо себѣ людіе не вѣдяху, кто гдѣ бѣжитъ отъ страха*“. А самъ Батый въ то же время, повоевавъ Посемье, взялъ Переяславль на Альтѣ: „церковь архангела Михаила разрушили, епископа убили, люди *вся сущая во градѣ овыхъ избиша, а иныхъ плениша*, а сосуды церковные безчисленные, златые и серебряные и *драгокаменные взяша*“. Тогда-же послѣдовало и взятіе Чернигова: „*градъ пожегши, люди избиша и монастыри пограбиша*“; черниговскія стѣны были разбиты „*таранами*“, метавшими камни подъ силу пяти человѣкамъ и бившими въ полтора раза дальше лучного боя. Одинъ изъ „молодшихъ“ черниговскихъ князей палъ тутъ вмѣстѣ съ прочими заступни-

*) Этотъ городъ былъ приписанъ къ Десятинному собору Владимірскому.

ками города; а про старшихъ его державцевъ записано было въ лѣтописи: *„князи ихъ выѣхаша въ Угры“*.

Дѣйствительно, молодой наслѣдникъ Михаила Всеволодовича, князь Ростиславъ Михайловичь, оставленный отцомъ въ Галичѣ и изгнанный отуда Даніиломъ Романовичемъ, ушелъ тогда въ Венгрію къ своей невѣстѣ, дочери короля Белы IV-го. Самъ-же Михаилъ Всеволодовичь, замѣстивъ тѣмъ временемъ въ Кіевѣ ушедшаго оттуда Ярослава Всеволодовича, не нашелъ возможнымъ удерживаться въ древней столицѣ. По взятіи Чернигова и Переяславля, Батый отпустилъ своего брата Менгу *„солядати Кіева“*, и татары, не переступая Днѣпра, издали съ черниговской стороны *видѣвъ градъ, дивилисъ его красотѣ и величеству* и послали пословъ требовать его сдачи. Пословъ въ Кіевѣ перебили и Михаилъ Всеволодовичь бѣжалъ оттуда—также въ Венгрію на свадьбу сына. Но обстоятельства измѣнились. Узнавъ о раззореніи татарами черниговской области, Бела IV не оказалъ расположенія къ нареченному жениху, ни къ нареченному свату: *„король-же не вдастъ дѣвкы своей Ростиславу, и погна и прочь“*. Михаилъ и Ростиславъ пошли тогда къ другимъ своимъ родственникамъ *„въ Ляхи“* къ мазовецкому князю Конраду: *„Михаилъ-же за страхъ татарскій не смѣ итти Кыеву“*. Смѣлѣй его (въ этомъ отношеніи) былъ одинъ изъ смоленскихъ князей (Ростиславъ Мстиславичь) и занялъ всѣми брошенный Кіевъ; но Даніилъ Романовичь не допустилъ его утвердиться, самъ захватилъ древнюю столицу. Однако-же, по примѣру Михаила Всеволодовича, и Даніилъ Романовичь не сталъ дожидаться Батыя въ Кіевѣ; самъ онъ и братъ его Василько Романовичь вскорѣ оставили даже Волынь и Галичь, также *„выѣхаша въ Угры“*, а вслѣдъ затѣмъ и *„въ Ляхи“*: ибо король Бела IV, по новымъ измѣнившимся обстоятельствамъ, и самъ не зналъ уже куда дѣться напослѣдокъ *„за страхъ татарскій“*.

Въ 1239-мъ году, такимъ образомъ, вся вообще Русская Земля—если и не находилась еще подъ Монгольскимъ игомъ—однакоже болѣе не почитала себя и свободною отъ отъ него; вся подъ ужасомъ татарскаго нашествія находилась изъ края въ край въ одинаковомъ оцѣпенѣніи. Весь этотъ промежутокъ времени,—съ декабря 1237-го по де-

кабрь 1239-го и наконецъ третій годъ по декабрь 1240,— всѣ эти годы раззоренія и плѣненія, пока напослѣдокъ нечего было и раззорять, а ужъ все было поплѣнено на Руси—слились для народа въ одну лютую годину золъ и бѣдствій, отчаянія и страха; сказать бы: самое лѣтосчисленіе забывали. Той Русской Земли, которая противъ всѣхъ враговъ своихъ во времена Ярослава Мудраго и внука его Мономаха такъ легко пересылалась изъ края въ край воинствами своими, обмѣниваясь ими изъ Кіева въ Новгородъ даже до Варяжскаго моря и отъ Суздале-Ростовскихъ мѣстъ до Карпатовъ,—которая еще во времена Мономахова внука Всеволода Юрьевича, при всей раздробленности, сохраняла нѣкоторый видъ цѣльности, можно бы сказать, той прежней Руси болѣе не существовало. На Санѣ и Збручѣ, на берегахъ Днѣстра, Прута и Серета происходило уже *„изъ-за страха Татарскаго“* такое-же смятеніе, какъ въ самомъ при Днѣпровьѣ и на Деснѣ: съ сѣвера же, изъ владимірскаго княженія и съ береговъ Волхова не только уже не приходило и не ждалось болѣе ни полковъ ни кого-либо изъ князей въ помощь, а—какъ изъ пустыни обезлюдѣвшей или съ мертваго кладбища—даже и слуховъ болѣе не досягало.

Новгородъ, правда, не былъ ни взятъ ни разрушенъ Батыемъ; но потому только, что татары считали его подвластнымъ Владимірскому княженію, а въ немъ довольно насытились кровопролитіемъ и почитали весь тотъ край уже пріученнымъ къ повиновенію и покореннымъ вполнѣ. Во избѣжаніе дальнѣйшаго зла, такимъ образомъ, Новгороду для своего спасенія оставалось и впредь: болѣе не разлучаться съ владимірскимъ княженіемъ, а за одно съ нимъ нести Монгольское иго. Притомъ, отдаленный сѣверъ самъ по себѣ не манилъ Монголовъ: за Новгородомъ простиралась Чудь до самаго Ледяного моря. Новгородъ не грозилъ татарамъ сдѣлаться средоточіемъ прилегавшей къ нему страны, опаснымъ для ихъ собственнаго могущества. Татары и оставили древнюю Рюрикову столицу въ цѣлости, безъ того снесли бы ее до основанія: такъ именно поступили они съ Кіевомъ *).

*) Во всемъ Батыевомъ походѣ обличалось явно, что Татары дѣйствовали по заранѣе обдуманному плану, собравъ предварительныя свѣдѣнія о

Взятіе татарами Кіева. Кіевскій походъ былъ предпринятъ Батыемъ въ самыхъ громадныхъ размѣрахъ; съ нимъ пошли братья его и сродники: Гаюкъ, сынъ Великаго Хана, Менгу и Байдаръ, внуки Чингисхана и множество знаменитыхъ воеводъ (Бурундай, Судай-Багадуръ и проч.) всѣхъ-же воиновъ было свыше полмилліона. Батый имѣлъ въ виду притомъ, покончивъ покореніе Руси, проникнуть еще и въ Венгрію,—уже послалъ туда требованіе покорности и выговоръ королю за пріемъ въ свои земли Котяновыхъ Половцевъ, которыхъ почиталъ *„бѣглыми холопами своими“*.

„Вся русская земля переполнилась ратями!“ говорили про татаръ, когда въ первозимье 1240-го года ихъ войско переправилось по только-что замерзшему Днѣпру на кіевскую сторону,—а въ Николинъ день 6-го декабря Кіевъ уже былъ взятъ и лежалъ въ развалинахъ. Отъ тогдашняго многолюдства татаръ, отъ скрипѣнія телѣгъ въ ихъ обозахъ, ржанія ихъ конныхъ стадъ и рева верблюдовъ не было слышно въ городѣ *„глаголяща другъ къ другу“*. Обло-

---

покоряемой странѣ. Избѣгая весенняго разлива здѣшнихъ рѣкъ и непроходимости, отъ множества болотъ и топей, здѣшняго сухопутья (которое въ разныхъ областяхъ тогдашней Руси на огромныя разстоянія оставалось безъ всякихъ сообщеній на все лѣто) они не иначе выступали въ походы, какъ въ зимнее время, привыкнувъ къ стужѣ и суровостямъ зимы еще въ степяхъ Монголіи. Зная что въ покоренной странѣ главную ея силу и средоточіе составляло Владимірское Княженіе, сюда именно и направили они главный сокрушительный ударъ,—и всѣ ихъ дальнѣйшія шаги вслѣдъ за тѣмъ отличались осмотрительностью, а не дѣлались на обумъ. Если они потерпѣли неудачу, напримѣръ подъ Торжкомъ, гдѣ потеряли много народу и простояли двѣ недѣли, это объясняется именно тѣмъ, что по мѣстамъ—незаслуживавшимъ по ихъ соображеніямъ особеннаго вниманія – они дѣйствовали, сравнительно же говоря, ничтожными отрядами. Также точно, если подъ незначительнымъ Козельскомъ они потеряли еще болѣе народа, чѣмъ подъ Торжкомъ и промѣшкали осадой слишкомъ полтора мѣсяца—это вслѣдствіи того только, что спѣша домой не имѣли въ виду дѣлать завоеваній по дорогѣ. Переправя уже тогда главныя силы и орудія разрушенія впередъ, они только по нечаянности сопротивленія вынуждены были наконецъ стянуть сюда столь значительныя силы, что между убитыми поминаются сыновья трехъ темниковъ: слѣдовательно во взятіи Козельска участвовало свыше 30-ти тысячъ татарскаго войска. А главный городъ главнѣйшаго изъ русскихъ княжествъ, самъ Владиміръ, былъ взятъ ими въ теченіи пяти дней.

живъ Кіевъ несмѣтнымъ станомъ, они по своему обыкновенію „обстолпили“ его еще кругомъ сплошнымъ тыномъ, нагромоздили стѣнобитныхъ орудій и били по городу день и ночь безпрестанно. Когда удалось имъ выбить мѣстами проломы—*„взыдоша горожане на избитыя стѣны“* и началось копейное ломленье, щитамъ *скѣпаніе* и стрѣлы мрачили воздухъ; мертвыхъ и издыхавшихъ попирали ногами. Татары валили на стѣны видимо-невидимо толпами безъ конца краю; падали рядами одни, восходили другіе ряды, возрастая какъ саранча и подавались впередъ какъ саранча-же по трупамъ своихъ павшихъ. Съ утра до вечера шелъ бой на стѣнахъ; къ ночи многолюдство одолѣло; татары уже во всю ночь не сходили съ захваченныхъ ими стѣнъ,—а по всему городу во всю же ночь городились новыя укрѣпленія. Утромъ кровопролитіе возобновилось; бой не прекращался по всѣмъ улицамъ. Изъ всякаго монастыря, храма и терема все жительство—даже и жены съ дѣтьми—устраивали крѣпости и бились нàсмерть; въ церквахъ отъ множества скоплявшагося народа и отъ тяжести сносившагося вверхъ имущества разрушались полати, падали и самыя стѣны; одни гибли въ кровавой сѣчи, другіе задыхались пожарнымъ дымомъ,—никто не сдавался. Всѣ знали, что всѣмъ придется одна доля: умирать; нѣсколько дней кряду не прекращалось избіеніе по всему Кіеву и сокрушеніе его зданій. Десятинный храмъ Святого Владиміра палъ въ развалинахъ; отъ Софійскаго Собора Ярослава Мудраго наиболѣе уцѣлѣлъ край одной стѣны съ иконою Предстоящей Богородицы—икона слывущая въ народѣ и доселѣ Нерушимою стѣною. Отъ Печерской лавры не сохранилось ея древнихъ храмовъ, ни ея древнихъ стѣнъ. Отъ Золотыхъ Ярославовыхъ воротъ уцѣлѣла обезображенная развалина. И чѣмъ упорнѣе отстаивалъ городъ свои послѣдки и собственный послѣдній часъ свой — тѣмъ веселѣе тѣшились побѣдители всеобщимъ раззореніемъ; по обыкновенію рѣзали старцевъ и младенцевъ всѣхъ до одного: *„люди отъ мала до велика вся убиша мечемъ“*. Но если, какъ вездѣ по всѣмъ прочимъ городамъ, татары утѣшались повальнымъ смертоубійствомъ, то разрушеніе до-тла всѣхъ твердынь и святынь города нигдѣ еще не совершалось ими съ такимъ неистовствомъ и не доходило до такого ожесточенія—какъ

именно здѣсь въ Кіевѣ. Раззорители города не щадили даже могилъ: давили ногами черепа и кости древнихъ князей; разрушили ихъ гробницы: отъ *„матери градовъ русскихъ“* не должно было остаться и слѣда. Разрушеніе было такъ велико, что весь слѣдующій XIV-й вѣкъ и въ XV-й большая часть города являла изъ себя пустыри, засыпанные мусоромъ; а вѣковыя основы разрушенныхъ каменныхъ зданій врастали въ землю и заносимые ею покрывались мхомъ. Отъ Кіева, славившагося на весь міръ красотою,—отъ того Кіева, какимъ описывали его чужестранцы въ Ярославовы и Мономаховы времена, сравнивая съ Цареградомъ—не могло уже сохраниться и памяти: онъ палъ навсегда и уже не возобновлялся въ прежнемъ своемъ величіи—даже до нашихъ дней. А съ его паденіемъ и вся при-Днѣпровская Русь обратилась въ татарскую степь. „Тутъ городовъ нѣтъ; гдѣ-гдѣ отъ нихъ лежатъ развалины; сотни верстъ приходится ѣхать мертвой пустыней“—говорили путешественники, которымъ приходилось проѣзжать южно-русскими мѣстами послѣ Батыева нахожденья.

Защитнику Кіева, боярину Дмитру—полумертвому отъ ранъ—Батый лично повторилъ похвалу: „хорошо русскіе пьютъ смертную чашу“—и даровалъ жизнь, повелъ его съ собой походомъ на Волынь и на Галичъ; а бояринъ—продолжая служить своему князю Даніилу Романовичу—старался отвести грознаго Хана отъ раззоренія своей родины, совѣтовалъ ему скорѣе выступить въ задуманный походъ на Венгрію—въ отмщеніе королю за пріемъ Котяновыхъ Половцевъ. „Уже время тебѣ пойти на Угровъ, а то соберутся въ большой силѣ и не впустятъ тебя: та земля сильная“—такъ говорилъ бояринъ Дмитръ Батыю, оплакивая раззореніе своей родины. Батый тѣмъ охотнѣе устремился на Венгрію, что на всѣ свои разспросы о южно-русскихъ князьяхъ: гдѣ Михаилъ Черниговскій? гдѣ Даніилъ, князь Галича и Волыни? получалъ все одинъ и тотъ-же отвѣтъ: „и Михаилъ и Даніилъ ушли въ Угры“.

Опустошеніе Галича и Волыни. Походъ татаръ на Галичъ и Волынь отличался краткостью и быстротою; Батый на своемъ пути одинъ несдававшійся городъ (Ладыжинъ) взялъ хитростью: обѣщалъ въ случаѣ добровольной сдачи пощаду

и вырѣзалъ все народонаселеніе, когда сдали ему городъ; а другой (Кременецъ) вовсе обошелъ мимо; устремился прямо на Владиміръ-волынскій и, взявъ его приступомъ, „*изби вси, не пощади ни единаго-же*“; также точно поступилъ онъ и съ Галичемъ. Двинувшись изъ Владиміра-волынскаго по Бугу, татары дошли лишь до Бреста и остановились въ раздумьи: глушь Ятвяговъ и Литвы смутила ихъ; дебри и болота заставили вернуться назадъ. Тогда, явивъ еще небывалый примѣръ кровопролитія даже послѣ всѣхъ совершенныхъ ими повальныхъ избіеній, они до тла опустошили и раззорили Берестье,—и круто, почти тою-же краткою прямою линіей, выбрались опять на югъ и ушли въ Венгрію. Погромивъ Венгерское королевство изъ края въ край, задѣвъ еще и край Польскихъ владѣній по сосѣдству съ Германскими предѣлами, Батый завоевалъ при-Дунайскую страну: нынѣшнія мѣста Молдавіи и Валахіи. Король Бела IV, послѣ того, какъ вся Венгрія была повоевана татарами и его собственный королевскій шатеръ достался въ добычу Батыя, не только поспѣшилъ выдать свою дочь за Ростислава Михайловича, но еще и другую изъ своихъ многочисленныхъ дочерей сталъ сватать за одного изъ сыновей Даніила Романовича. А оба князя, Михаилъ Всеволодовичь и Даніилъ Романовичь, при погромѣ Батыемъ Венгріи, скрылись„ *въ Ляхи*“, откуда возвратились лишь годъ спустя, когда самъ Батый, наскучивъ западнымъ походомъ, возвратился уже во-свояси.

Михаилъ Всеволодовичь, послѣ раззоренія южной Руси, посѣтилъ Кіевскія развалины, проникъ и въ низовья Днѣпра. Безлюдная пустыня царила тутъ кругомъ. Въ опустѣлой степи, въ мѣстахъ наиболѣе неприступныхъ, гдѣ изстари гнѣздились бродники (за такія именно мѣста особенно слыли *Днѣпровскіе пороги* и вообще все Запорожье), скрывались теперь и жили въ совершенной дикости осколки раззореннаго кіевскаго населенія, жалкіе разсѣявшіеся остатки разбредшихся Кіевлянъ и Поршанъ. На одномъ изъ Днѣпровскихъ острововъ укрывался нѣкоторое время и Михаилъ Всеволодовичь, какъ-бы въ полное убѣжденіе того, что „*володѣти*“ въ кіевскихъ мѣстахъ, ни даже подъ самымъ Кіевомъ—болѣе нечѣмъ; а черниговская сторона, его собственная родовая вотчина, была поплѣнена и раззорена татарами вся до-тла.

Волынскіе князья Даніилъ и Василько Романовичи, заслыша объ уходѣ Батыя изъ Венгріи, не вдругъ рѣшились возвратиться на родину; не вдругъ разыскали и свои семьи, разсѣявшіяся и скрывавшіяся гдѣ попало, такъ что другъ про друга и не знали: живы-ли еще всѣ послѣ татарскаго разгрома? И радость была великая, когда всѣ свидѣлись наконецъ и передавали другъ другу обо всемъ испытанномъ въ эти 1240-й и 1241-й годы—одинъ другого злополучнѣй. Велика была и печаль ихъ о раззореніи своей родины. Когда, возвращаясь изъ ляховъ, отъ родственника своего Конрада, Романовичи хотѣли пройти Берестьемъ—не могли пройти тѣми мѣстами и должны были искать себѣ иного пути для возвращенья. На далекомъ еще разстояніи отъ Бреста, повѣяло на нихъ тѣмъ воздухомъ, который въ лютое Батыево плѣненіе слышался по всѣмъ областямъ Русской Земли, гдѣ проходили татары. „Данилови-же съ братомъ пришедшу къ Берестью и *не возмогоша итти: смрада ради множества избіенныхъ*“. Страна, подвергшаяся повальному избіенію, еще вся была покрыта неубранными тѣлами мертвыхъ. Также точно, когда Романовичи прибыли наконецъ въ свою столицу, не нашли болѣе прежняго Владиміра-волынскаго: на его мѣстѣ оставались развалины и заглохшее пожарище. „Не бѣ-бо на Владимірѣ кто живый; церковь св. Богородицы исполнена трупья, *иныя церкви наполнены быша трупья и тѣлесъ мертвыхъ*“ *).

Золотая или Сарай-орда Батыя. Батый, наведя ужасъ на всю Европу своимъ западнымъ походомъ (опустошеніемъ Венгріи, Кроаціи, Сербіи, Дунайской Болгаріи, Молдавіи и Валахіи и Польскихъ областей) не взлюбилъ тѣхъ странъ и послѣ того оставилъ ихъ въ покоѣ. Тѣсно было-бы на

---

*) Описанія бѣдствій того времени многочисленны; нельзя-бы изъ нихъ не привести слѣдующихъ строкъ: „Батый, какъ лютый звѣрь, пожиралъ цѣлыя области... Живые завидовали покою мертвыхъ... Матери плакали о дѣтяхъ, потоптанныхъ конями татарскими; дочери невинныя—о своей чести: многія изъ нихъ, спасая ее, бросались на острый ножь и въ глубокія рѣки. Жены боярскія, не знавшія трудовъ, всегда украшенныя золотыми монистами, въ шелкъ и парчу, всегда окруженныя толпою слугъ, рабствовали въ плѣну у варваровъ, носили воду для ихъ женъ мололи жерновомъ, и бѣлыя руки свои опаляли у очаговъ, готовя пищу невѣрнымъ“.

Западѣ кочевому народу: новымъ царствомъ, подчиненнымъ Великому Моголу, сдѣлалась только Русская Земля; Польша и Венгрія отъ татаръ, сравнительно говоря, потерпѣли мало. Батый раскинулъ свои свои собственныя кочевья въ низовьяхъ Волги. Оттуда легко и удобно было ему посылать полчища свои, по мѣрѣ надобности, во всѣ покоренныя страны для удержанія ихъ въ повиновеніи. Золотая орда, какъ начали съ тѣхъ поръ прозывать ханскую ставку, отличалась и у Батыя тою-же азіатской роскошью и тѣмъ-же татарскимъ великолѣпіемъ, какими славилась царская ставка самого Великаго Могола въ степяхъ Монголіи. Батыю особенно понравился роскошный шатеръ, который онъ захватилъ въ добычу отъ разбитаго имъ венгерскаго короля Белы IV-го. По золотому верху, который онъ приставилъ къ этому шатру, и вообще по множеству золота, блестѣвшаго во всей его ханской ставкѣ, орду его и прозвали „*Золотой ордою*“,—точно такъ же звали, впрочемъ, и орду самого Великаго Могола въ Азіи. Самъ Чингисханъ умеръ еще въ 1227 году, зарѣзанный ночью одной изъ своихъ женъ, которую онъ отнялъ силою у одного изъ подвластныхъ ему князьковъ татарскихъ; ему наслѣдовалъ сынъ его Октай: при немъ Батый и совершилъ свое завоеваніе всей Земли Русской. Но въ самые годы плѣненія кіевской Руси умеръ и Октай: русскіе, зачисленные уже „*подданными*“ Великаго Могола, узнали, что новый царь, третій по Чингисханѣ, возводится на его престолъ въ степяхъ Монголіи,— прямымъ-же ихъ царемъ и настоящимъ ихъ Ханомъ былъ самъ Батый, сынъ Джучи, внукъ Чингисхана. Ему и отдано было владычество надъ всей Кипчакскою ордою, какъ звались Батыевы владѣнія, простиравшіяся отъ азійскихъ степей за-Уралья до береговъ Дуная.

Батый, считая всѣ покоренныя страны собственнымъ достояніемъ, объявилъ русскимъ князьямъ, что „*не подобаетъ имъ жить на ханской земли, не поклонившись хану*“: отселѣ началось Монгольское иго. Татарскій законъ о покоренныхъ земляхъ былъ короткій: все—не только семьи и имущество подданныхъ, а самая ихъ жизнь—въ полной волѣ хана. Этотъ основной законъ, напоминаемый прежде всего и послѣ всего, какъ общее неизмѣнное правило, въ частности примѣнялся ко всѣмъ покореннымъ странамъ слѣдую-

щими ежегодно производившимися мѣрами: требовалось давать десятину ото всего, какъ отъ людей, такъ и отъ вещей: десятину съ урожая и отъ всякаго богатства; отсчитавъ десять—какъ мужчинъ, такъ и женщинъ—брали одного изъ десяти и одну на десять; остальныхъ вносили въ поголовную перепись и обкладывали данью; кромѣ того, всѣ обязаны были ходить на войну съ татарами, какъ только позовутъ ихъ противъ кого-бы ни было. Для наблюденія за точнымъ исполненіемъ татарскаго закона по всѣмъ большимъ городамъ были посажены Баскаки: они и воеводствовали въ покоренныхъ областяхъ, держа въ повиновеніи какъ народъ, такъ и самихъ князей. Князья, оставленные ханомъ въ силѣ, обязаны были являться въ орду съ ежегодною данью; кромѣ того ихъ вызывали еще и нарочно; при поклонахъ съ колѣнопреклоненіемъ и „битьемъ челомъ въ землю“ обязаны они были подносить еще и особые дары-поминки какъ самому хану, такъ его женамъ, также и царедворцамъ его. При представленіи князей, требовалось отъ нихъ и исполненіе разныхъ обрядовъ, которые были въ обычаѣ у Татаръ: такъ, напримѣръ, входя въ ханскій шатеръ, надлежало перешагнуть порогъ, не задѣвъ за него ногою: въ противномъ случаѣ грозила неизбѣжная смерть. Но, прежде чѣмъ быть допущену на очи къ хану, надлежало еще пройти сквозь разныя испытанія волхвовъ татарскихъ и ихъ женъ-чародѣекъ: заставляли кланяться огню и кусту, тѣнямъ умершихъ хановъ; проходить между двухъ огней, разжигая которые жены-чародѣйки и волхвы татарскіе въ то же время творили надъ проходящимъ между огнями свою темную волшбу, будто очищая черезъ это проходящаго отъ возможности безъ того повредить хану. Такъ какъ притомъ поклоненіе кусту и огню и тѣнямъ умершихъ хановъ происходило у татаръ въ виду тѣхъ войлочныхъ и шелковыхъ идольскихъ изображеній, которые у нихъ замѣняли каменныхъ и деревянныхъ болвановъ, то самое требованіе этихъ поклоновъ, при совершеніи очистительныхъ обрядовъ, походило уже на требованіе поклониться ихъ идоламъ. Надлежало еще въ угоду татарамъ хвалить всѣ ихъ обычаи, пить съ ними кумысъ и дѣлить ихъ трапезу; малѣйшее оказаніе неуваженія къ ихъ обычаямъ или брезгливости къ общенію съ ними грозило опасностью.

Притомъ, какъ все у Монголовъ, такъ и самое обращеніе съ подчиненными у нихъ было разсчитано съ необычайною хитростью: татарская ласка и гроза татарская чередовались по мѣрѣ надобности и быстро смѣнялись одна на другую; въ ордѣ знали, кому надлежало воздать честь и кому въ ней можно было отказывать. Властителей отдаленнѣйшихъ земель, гдѣ татарская власть уже прерывалась, въ ордѣ принимали обходительнѣй, чѣмъ прочихъ, чьи владѣнія отъ Татаръ были ближе. Объ этомъ у наблюдавшаго ихъ нравы во время самого Батыя записано такъ: „съ тѣхъ народонаселеній, кои живутъ отъ нихъ далеко и смежны съ такими, которыхъ они опасаются почему-либо и которые не покорены ими, берутъ они дань легче и обходятся съ ними человѣколюбивѣй для того, чтобъ они не привели на нихъ войско, или-же для того, чтобы другіе охотнѣе имъ покорялись“. Лютый и свирѣпый Батый любилъ поклонявшихся ему властителей обвораживать иногда при пріемѣ несказаннымъ великодушіемъ и тогда казался ласковѣйшимъ хозяиномъ въ мірѣ.

Хотя вся Русская Земля подпала Монгольскому игу, но всею своею тяжестью оно пало именно на самое сердце Русской Земли, на ту *„великую Русь“*, которая, какъ истинное средоточіе *всея Руси*, образовалась княженіями Юрія Долгорукаго, Андрѣя Боголюбскаго и Всеволода Юрьевича. Здѣшнему князю Ярославу Всеволодовичу было не въ примѣръ труднѣе противъ князей, напримѣръ, Галича и Волыни. Послѣ того, какъ, Кіевъ былъ, можно бы сказать, стертъ съ лица земли, а съ другой стороны западные сосѣди Венгры и Поляки оставлены были Батыемъ безъ желанія включить ихъ въ свою державу, — Галичъ и Волынь остались въ самомъ выгодномъ и льготномъ положеніи по отношенію къ Ордѣ Татарской противъ всѣхъ прочихъ русскихъ княжествъ. Батый при своемъ первомъ походѣ на Русь, не коснувшись въ западную сторону даже Смоленска, а при своемъ второмъ походѣ—ограничившись за Волынью, на сѣверъ, лишь истребленіемъ Бреста—имѣлъ въ подчиненныхъ державцахъ Галича и Волыни такихъ князей, которые именно оставались уже послѣдними оплотами его собственной державы на пограничьѣ странъ, ему не подвластныхъ. Съ одной стороны были Венгрія и

Польша; а въ другую сторону простирался тотъ край, который изъ собственной своей выгоды Русскіе уже выставляли Батыю—мало зависимымъ отъ нихъ, чужимъ краемъ и намѣренно звали его не Русью, а Литвою. Изъ всѣхъ Русскихъ князей, такимъ образомъ, въ отношеніи къ Ордѣ всѣхъ выгоднѣй было положеніе именно Даніила Романовича. Что же касается, до бывшаго Даніилова соперника Черниговскаго князя Михаила Всеволодовича — уже его владѣній, прямо сказать, не существовало. Всѣ черниговскія мѣста и курское Посемье—послѣ утвержденія татаръ въ бывшей Половецкой степи, совершенно замерли по близости отъ такихъ сосѣдей.

Оба эти князя южной Руси, по завоеваніи ея татарами, и прославились чрезвычайными жребіями противъ всѣхъ остальныхъ русскихъ князей—каждый въ своемъ родѣ.

Судьба Даніила Романовича Галичьскаго. Даніилъ Романовичъ, съ дѣтства не знавшій покоя и только въ зрѣлую пору мужества послѣ многихъ трудовъ и неусыпныхъ стараній добившійся Галича и Волыни—застигнутый въ то же время татарскою грозою—очутился въ роковомъ положеніи. Его княжества, составлявшія окраину кіевской Руси, къ ней и тянули издревле. Но такъ какъ Руси кіевской болѣе не существовало, а сѣверная обратилась въ улусъ татарскій—державцу Галича и Волыни предстояло одно изъ двухъ: либо, сплотивъ свои земли какъ-бы въ новое особое государство подъ собственною державой, отчуждиться отъ остальной Руси,—тогда пришлось-бы волей-неволей примкнуть къ западнымъ сосѣдямъ Венграмъ и Ляхамъ, а по ихъ принадлежности къ „священно-римской Германской имперіи“ не чуждаться единенія даже съ нею. Или, чуждаясь союза съ Латинами, надлежало: по старинѣ признать нерасторжимую связь Галича и Волыни съ остальною Русью—(съ тою Русскою землею, которая зачалась при Рюрикѣ на берегахъ Волхова и крестилась въ Днѣпровской купели при святомъ Владимірѣ): но тогда приходилось заодно со всѣми страдать въ неволѣ у Татаръ и жертвовать родною вотчиной въ пользу общаго многострадальнаго отечества своего,—пришлось бы не только не отрекаться отъ остальныхъ своихъ братій князей дома св. Вла-

диміра, обращенныхъ въ рабовъ, а нести съ ними одну и ту же горькую долю. Но „*приложиться къ западнымъ*“— претило Рускому князю его православное чувство; а вмѣстѣ съ прочею братіей и остальною Русскою землею быть подвластнымъ татарину—на это также не былъ силъ. Ему, „*его же отецъ бѣ царь въ Русской земли, иже покори Половецкую землю и воева на иныя страны всѣ*“,—ему, „*Данилови Романовичу князю бывшу велику, обладавшу Русскою землею, Кіевомъ и Володиміромъ и Галичемъ и инѣми странами, нынѣ стоять на колѣняхъ, называться холопомъ, облагаться данью, за жизнь трепетать и угроз страшиться*“— этого не могло вынести самолюбіе Даніила. Вѣкъ цѣлый и томился онъ безвыходнымъ положеніемъ своимъ.

Венгрія и Польша, можно бы сказать раздавленныя нашествіемъ татаръ, спаслись отъ нихъ именно тѣмъ, что та мошняя страна показалась дикимъ кочевникамъ слишкомъ тѣсною и засиженой противъ вольной шири, которую они встрѣтили на Руси. Но сами Угры и Ляхи, гордясь своимъ избавленіемъ, объясняли его себѣ иначе: Западъ послѣ того уже не опасался вторженія Татаръ. Римъ, домогавшійся еще при Даниловомъ отцѣ Романѣ Мстиславичѣ привлечь „Галичьское королевство“ къ латинству, не переставалъ теперь указывать его державцу съ гордостью на свободу запада отъ Монгольскаго ига и въ случаѣ „*послушанія Апостольскому престолу*“ сулилъ и Даніилу такое-же право на гордость. Тогдашній папа внушалъ Даніилу Романовичу, что единственное средство избавить ему свою родину отъ рабства, которому за свое „нечестіе“ подверглось его „нечестивое“ отечество — это „*возвратиться* въ лоно матери Римской церкви“. Папа обѣщалъ въ такомъ случаѣ Даніилу не только содѣйствіе Венгровъ и Ляховъ, но и защиту ото всей „священно-римской Германской имперіи“, съ тѣмъ вмѣстѣ предлагалъ князю титулъ свѣтлѣйшаго короля и манилъ его королевскимъ вѣнцомъ.

Даніилъ Романовичъ отклонилъ отъ себя даръ королевскаго титула и присылку королевскаго вѣнца, но военной помощи просилъ усердно. Чтобы Германскій императоръ и Венгерскій король, и Польша и Чехія и прочія страны, обязанные послушаніемъ Римскому престолу, были побуждены ко всеобщему походу противъ татаръ—объ этомъ

Данiилъ усерднѣйше просилъ папу. Изъ Рима дѣйствительно начали разсылаться воззванiя и увѣщанья къ подвластнымъ папѣ народамъ о всеобщемъ вооруженiи противъ татаръ, а къ Данiилу Романовичу приходили успокоительныя увѣренiя, что по слову Римскаго Первосвященника—помощь съ Запада не замедлитъ *). Изъ всѣхъ русскихъ князей одинъ только Данiилъ Романовичъ втеченiи нѣсколькихъ лѣтъ княжилъ въ Галичѣ и на Волынѣ безъ татарскаго спроса: ни дани не платилъ татарамъ, ни въ Орду не ѣздилъ на поклонъ къ хану. Но помощи съ Запада не было; а въ 1250-мъ году прибыли къ нему послы отъ Батыя и повторили ему лично объявленное всѣмъ князьямъ: „не подобаетъ жить на ханской землѣ, не поклонившись хану“, прибавили къ тому и грозное слово: „*дай Галичъ*“. Исполняя ханское повелѣнiе буквально, Данiилъ могъ бы еще, пожалуй, отдавъ Галичъ, удалиться въ глубь Волыни и удовольствоваться полуотчиной своей; тѣмъ болѣе, что край въ литовскую сторону не былъ завоеванъ татарами: далѣе Бреста и въ сторону отъ Бреста они не ходили. Но посовѣтовавшись съ братомъ Василькомъ и „*помоливъся Богу*“ Данiилъ сказалъ: „*пъду самъ къ Батыю*“.

Въ разрушенномъ Кiевѣ „*видя бъду страшну и грозну*“, онъ отслужилъ молебенъ архистратигу Михаилу, просилъ игумена съ братiей молиться за него и поплылъ Днѣпромъ въ разрушенный Переяславль на Альтѣ. Отсюда тянулись уже безпрерывныя стойбища татарскiя и князь „*началъ больмя скорбѣть душею*“ видя языческiе обряды Монголовъ—въ мѣстахъ, издревле православныхъ: кланялись солнцу и лунѣ и землѣ и умершимъ родителямъ, „*Чингисханову мечтанiю*“, творили волшбу, водили къ кусту, поклонялись огню,—наглядѣлся Данiилъ всей ихъ *скверной прелести*; сама

---

*) Въ то же время приходили отъ Папы латинскiе монахи; присланъ былъ даже архибискупъ,—Папа разрѣшалъ и благословлялъ „преславнаго короля Галичьскаго“ воевать русскихъ князей, противящихся Риму и отбирать ихъ владѣнiя; а архибискупу предписывалось наблюдать за „*возлюбленнымъ сыномъ Данiиломъ*“, такъ какъ въ Римѣ „*не върили искренности возлюбленнаго*“. Данiилъ выгналъ архибискупа и патеровъ вонъ изъ своихъ владѣнiй. Король Венгерскiй употребилъ тогда всѣ старанiя съ своей стороны примирить Галичьскаго князя съ Римомъ и обстоянiя оттуда начались снова.

ихъ ѣда и питье были ему противны. За Волгой и по пріѣздѣ въ Орду онъ еще болѣе былъ смущенъ разсказами, наслушавшись о томъ, какъ и его заставятъ „творить норовы поганьскіе“. Тамъ ужъ за эти годы перебывали всѣ русскіе князья, — и татары хвалились, что ни одинъ изъ нихъ не посмѣлъ нарушить татарскихъ обрядовъ и обычаевъ, установленныхъ для представленія подвластныхъ на очи къ хану. Одинъ изъ татаръ упомянулъ даже Даніилу: „на что, молъ, великъ князь Ярославъ Всеволодовичъ! а и для него не было сдѣлано исключенья. Братъ твой Ярославъ кланялся кусту, и тебѣ кланяться!“ сказалъ злолукавый татаринъ. Даніилъ даже отплюнулся: „дьяволъ говоритъ твоими устами, Богъ ихъ загради, чтобъ и не слыхалъ я такого слова“.

Но Батый кромѣ того, что избавилъ Даніила отъ всего, что походило на идольское служеніе — обошелся съ нимъ крайне привѣтливо и былъ ласковъ необычайно. Когда князь введенный въ ханскій шатеръ, поклонился по обычаю (который обычай и казался ему унизительнымъ) Батый сказалъ ему: „Данило! почему такъ долго ты не приходилъ ко мнѣ? да вотъ здѣсь нынѣ—и добре сдѣлалъ, что пришелъ. Пьешь ли черное молоко наше питье, кобылій кумысъ?“—Князь отвѣтилъ: „не пивалъ доселѣ; нынѣ же ты велишь—пью“. Батыю понравился такой отвѣтъ и онъ сказалъ: „ты уже нашъ-же Татаринъ! пей наше питье!“ и подали ему чашу. Князь испилъ и поклонился; потомъ повторивъ общія слова, которыя всѣ русскіе князья произносили въ такомъ случаѣ въ родѣ того, что „Богъ далъ тебѣ власть надъ нами, покоряюсь тебѣ по Божіей волѣ“, Даніилъ еще разъ поклонился Батыю и просилъ дозволить ему: пойти откланяться ханшѣ. Батый сказалъ: „*иди*“ и добавилъ еще на отпускѣ „не обыкли вы пить молоко, пей вино!“ и когда еще и ханшѣ откланялся обычнымъ поклономъ князь, ему принесли „*чумъ вина*“ отъ Батыя. Онъ пробылъ въ Ордѣ меньше, чѣмъ обыкновенно тамъ держали князей, и былъ отпущенъ милостиво, утвердясь во всѣхъ своихъ правахъ передъ ханомъ. Много было радости въ семьѣ по его возвращеніи изъ Орды, а еще больше горя отъ самой надобности поѣздки туда. Успѣхъ Даніила, между тѣмъ, огласился по всюду. „Въ то же лѣто присла король

Угорьскій, *река*: пойми дщерь мою за сына своего Льва,— *боящебося его, яко былъ въ Татарѣхъ*". Король боялся Даніила, кромѣ того еще и прежде за то, что онъ королевскаго-же зятя, Ростислава Михайловича, разбивъ на Санѣ, выгналъ изъ своихъ владѣній,—захватилъ тогда въ плѣнъ и множество Венгровъ.

Свадьба Даніилова сына Льва, женившагося на королевнѣ (при этой радости Даніилъ возвратилъ королю всѣхъ плѣнныхъ Венгровъ) сблизила Галичьскаго князя съ Белою IV-мъ тѣснымъ союзомъ; послѣ того онъ приводилъ ему свои войска въ помощь противъ Германскаго императора въ войну за наслѣдство умершаго тогда Австрійско-штирійскаго герцога *). Другой сынъ Даніила (Романъ) вскорѣ и женился на дочери покойнаго, Гертрудѣ, едва не унаслѣдовалъ и самого́ австрійскаго герцогства. Этому воспротивился Чешскій король, женатый также на дочери покойнаго герцога и также искавшій его наслѣдства: по этому случаю Даніилъ въ союзѣ съ Белой IV-мъ и зятемъ его Болеславомъ Польскимъ сдѣлалъ еще походъ и въ Чехію; коротко сказать: въ надеждѣ и съ цѣлью избавленія отъ *восточныхъ* своихъ сосѣдей Монголовъ—Галичьскій князь все болѣе дружилъ съ сосѣдями западными и вступался черезъ союзы съ ними въ кругъ ихъ дѣйствій. Но какъ отъ начала, такъ и до конца—обѣщанная западная помощь ограничивалась лишь словами. Ущедряя посланія ко всѣмъ дворамъ и народамъ, подвластнымъ Риму, о всеобщемъ вооруженіи противъ татаръ—папа хорошо видѣлъ безплодность своихъ посланій. Ибо нельзя было не видѣть, что не только въ Германіи даже въ Венгріи и Польшѣ, на эти папскія буллы втеченіи цѣлыхъ годовъ и вниманія не обращали. Самъ

---

*) Нѣмцы при заключеніи мира, изумлялись блестящему вооруженію княжескаго войска: „*бѣ полковъ его свѣтлость велика*". Самъ Даніилъ ѣхалъ съ королемъ рядомъ: былъ конь подъ нимъ на диво (*дивленію подобенъ*) сѣдло обито чистымъ золотомъ, стрѣлы и сабля также украшены золотомъ и дорогими узорами; плащъ княжескій изъ той матеріи, которая звалась тогда *греческимъ оловиромъ*, обшитъ золотымъ кружевомъ и отороченъ золотой тесьмою,—также и сапоги зеленаго сафьяна шиты золотомъ. Нѣмцы дивились, смотря на Даніила; а король сказалъ ему „дороже мнѣ тысячей серебра, пріѣздъ твой по обычаю князей Русскихъ".

Даніилъ напослѣдокъ уже на папскія обѣщанія... не отвѣчалъ.

Тогда изъ Рима былъ посланъ къ нему легатъ съ порученіемъ вручить королевскую корону и при этомъ по римскому обряду мvропомазать его. Уже не первый разъ съ такимъ настояніемъ приступали къ Даніилу; онъ-же подъ разными предлогами всякій разъ отстранялся отъ того. Раньше, напримѣръ, отвѣтилъ легату, что не время ему принять корону, когда вотчинѣ его грозятъ татары и ему нужна помощь противъ нихъ отъ папы, а не королевская корона. На этотъ разъ нарочитый Посолъ Римскій и даръ его святѣйшества настигли Даніила, повидимому, въ самое удобное время и въ самомъ удобномъ мѣстѣ: князь возвращался изъ похода въ Чехію, гдѣ Русь доходила до Опавы *). Даніилъ отдыхалъ въ Краковѣ, окруженный всѣми союзниками своими, съ которыми только-что окончилъ свой славный походъ, взявъ *„градъ рекомый Насилье“* **) *„постави хоругвь свою на градѣ и обличи побѣду, а самихъ помилова“*. Но какъ прежде Даніилъ ссылался на неудобство времени для коронованья, такъ въ этотъ разъ отказывалъ легату подъ предлогомъ неудобства мѣста. „Я въ чужой землѣ“ — возражалъ онъ нарочитому Послу: можно ли было и въ самомъ дѣлѣ такую честь принять на чужбинѣ?! Но легатъ и ляхи—всѣ Польскіе князья, бывшіе тутъ въ сборѣ, и вельможи ихъ—настаивали на своемъ, уговаривали Даніила принять даръ папы; настаивала на томъ и мать его, которая родомъ также была Полька. А легатъ говорилъ притомъ, что „папа уважаетъ Греческую церковь, проклинаетъ осуждающихъ оную и намѣренъ вскорѣ собрать соборъ по вопросу о соединеніи церквей“; вновь подтвердилъ и прежнія увѣренія: *„помощь имѣти отъ Папы“*. Ляхи уже не отступали съ просьбами *„дабы пріялъ бы вѣнецъ“*; а князья Польскіе (Болеславъ и Земовитъ) тутъ-же дали торжественное обѣщаніе со всѣми вельможами своими, что — какъ только Даніилъ коронуется, всѣ они тогда выступятъ на татаръ общимъ походомъ. Коронованіе къ ихъ общему удовольствію совершилось

---

*) Онѣмеченное: Троппау.

**) Онѣмеченное: Носсельтъ.

въ Дрогичинѣ (1255 г.) и *„оказательство подчиненія Риму“* со стороны Даніила въ ихъ глазахъ было полное, ибо при совершеніи торжественнаго обрядя папскій легатъ мvропомазалъ Даніила.

Послѣ того всякій разъ, какъ только Даніилъ попадалъ опять къ Латинамъ—подавая-ли помощь польскимъ союзникамъ или въ союзѣ съ ними воюя, напримѣръ, въ Ятвяжскихъ мѣстахъ—Ляхи, ввѣряя ему главное военоначальство, непремѣнно восклицали· „Король еси! голова всѣмъ полкамъ! изыди самъ напередъ“. Даніилъ Романовичъ не отказывался предводительствовать войскомъ, такъ какъ сами ляхи терялись при всякой малѣйшей неудачѣ и ему приходилось ободрять ихъ: „что ужасаетесь? не вѣсти ли, яко война безъ падшихъ не бываетъ? не вѣсте ли яко на мужи ратные пришли, а не на жены? Укрѣпите сердца ваши“—но устранялся отъ ихъ лестнаго титула, не любилъ даже· упоминать объ немъ;—и это продолжалось ужъ на всю остальную жизнь.

Ни Ляхи, ни Венгры, ни тѣмъ болѣе прочіе страны и народы, подчиненные „Римскому престолу“, разумѣется, какъ сначала также до конца, и не тронулись противъ татаръ въ помощь Даніилу; а самъ Батый,—должно отдать ему справедливость, — никогда еще не повелѣвалъ Даніилу такъ смѣло и рѣшительно, можно сказать, на показъ всѣмъ открыто, какъ услыхавъ о папской помощи Галическому державцу. Батый прислалъ къ нему сперва слабаго и недальняго умомъ темника Куремшу, а за нимъ отличавшагося противуположными качествами Бурундая съ грознымъ повелѣніемъ срыть и разрушить всѣ укрѣпленія въ городахъ Галичины и Волыни. Даніилъ Романовичъ, зная что никакое сопротивленіе не возможно, удалился въ глубь волынскихъ владѣній (въ дальную сторону къ Литвѣ) и выслалъ своего брата Василька и сына Льва Даниловича къ Бурундаю. *„Размечите города свои“*, подтвердилъ Бурундай, и они разметали города по его повелѣнію. Стѣны вкругъ Владиміра-волынскаго, хотя и деревянныя были такъ огромны и прочны, что ихъ нельзя было разобрать къ сроку, къ назначенному пріѣзду Бурундая: Василько велѣлъ ихъ жечь; Бурундай пріѣхалъ уже на ихъ пепелище и похвалилъ· распорядительность Василька, даже обѣдалъ у него въ тотъ день; а вслѣдъ за его отъѣздомъ, прибылъ

новый гость татаринъ Баймуръ и сказалъ князю: „мнѣ велѣно Бурундаемъ раскопать твой городъ“. Василько отвѣтилъ „и твори повелѣнное!“ Баймуръ своими людьми и срылъ земляные окопы вкругъ Владиміра-волынскаго. Также точно исполнилъ ханское повелѣніе и Левъ Даниловичъ во всѣхъ прочихъ городахъ; въ томъ числѣ разрушилъ и стѣны Львова, имъ самимъ построеннаго города, по его имени и прозваннаго *Львовымъ*. Мало этого, Бурундай велѣлъ обоимъ князьямъ еще итти въ походъ съ собою; вмѣстѣ съ Галичанами и Волынянами воевалъ мѣста къ литовской сторонѣ, — потомъ повелъ съ собой Василька и въ походъ на Польшу, раззорилъ Сендомірскую и Люблинскую область.

При такомъ оборотѣ дѣлъ, давно прекративъ всякія сношенія съ Римомъ, Даніилъ не мало былъ удивленъ, получивъ снова посланіе отъ папы,—но это была уже та самая булла, въ которой Римскій первосвященникъ укорялъ Даніила за то, что онъ *„не оказываетъ повиновенія Папскому престолу“* и грозилъ проклятіемъ. Даніилъ не счелъ нужнымъ и отвѣчать на это.

Не любя Галича, съ которымъ было связано столько воспоминаній *„о безчисленныхъ мятежахъ и великой лести“*, Даніилъ построилъ не подалёку новый городъ Холмъ: нигдѣ во всей Галичинѣ, ни въ одномъ изъ ея городовъ не было такой свѣтлости и красоты православныхъ церквей, какъ въ этой новой его столицѣ; одинъ изъ главныхъ храмовъ воздвигъ онъ тутъ во имя Іоанна Златоуста; иконы большею частью *„принесъ изъ Кіева“*. Въ Холмѣ онъ и скончался (1262-го г.), тамъ и погребенъ въ построенной имъ церкви Богородицы *).

---

*) Ранѣе его скончался (въ 1251 г.) его другъ душевный (хотя не все союзникъ, а подчасъ и врагъ) *«умре Князь Великій Ляшскій Кондратъ, иже бе предобръ: сожалися по немъ Данило и Василько»*— тотъ Конрадъ Мазовецкій, который по простотѣ своей причинилъ, между прочимъ, неисчислимыя бѣдствія и Руси и Польшѣ, впустивъ въ свои владѣнія и даже—самъ пригласилъ ихъ къ себѣ—Нѣмецкихъ Рыцарей. То заодно съ союзниками, то усмиряя мятежныхъ своихъ данниковъ, возбуждавшихся Ляхами противъ Руси—Даніилъ и Василько Романовичи много частно и многообразно и всегда съ великимъ успѣхомъ воевали Ятвяговъ и дикую Литву. Но какъ о Нѣмецкихъ Рыцаряхъ, такъ и о самой Литвѣ — рѣчь впереди.

Нельзя не сказать въ заключеніе объ этомъ князѣ, что „*честь*“, которую онъ принялъ въ Ордѣ у Батыя, легла такимъ тяжелымъ гнетомъ на его душу, что слово занеслось о томъ и въ лѣтопись: „*о! злѣе зла честь татарская*“: нѣчто подобное испытывалъ онъ, принявъ и „*честь*“ въ Дрогичинѣ. Какъ ту чашу лестнаго напитка, поданнаго ему съ привѣтомъ: „ты ужъ нашъ-же теперь“, такъ и оный даръ въ Дрогичинѣ принялъ онъ съ одинаковою болью въ сердцѣ. Весь остатокъ жизни провелъ Даніилъ Романовичъ подавленный горемъ — не столько отъ несбывшихся надеждъ, какъ отъ безвыходности самого положенія, въ которое—какъ въ заколдованный кругъ—попалъ роковымъ образомъ: отъ несбыточности самой задачи, исполненія которой можно было только ужасаться, а не желать и которой онъ самъ въ душѣ содрогнулся еще ранѣе, чѣмъ успѣлъ убѣдиться на опытѣ во всей лживости ея. Если-же въ самомъ дѣлѣ—какъ объ немъ пишутъ нѣкоторые не-русскіе историки—мечталъ онъ о какой-то особенной Руси, въ которой, получивъ титулъ монарха между западными государствами, хотѣлъ и державствовать мимо единой и нераздѣльной Руси Святаго Владиміра, какъ въ особомъ-же „*королевствѣ* Галичскомъ“ — въ такомъ случаѣ правдой будетъ и то, что умеръ онъ не столько прославляемый всею братіей своею, потомками Святаго Владиміра, какъ оплакиваемый ими изъ рода въ родъ. Но самое подозрѣніе о томъ, впрочемъ, не должно омрачать свѣтлой памяти Даніила: эта напраслина взведена на него позднѣе и закралась въ преданія его родины лишь впослѣдствіи, когда весь тотъ край для Руси Владиміра Святаго уже дѣйствительно считался потерянным и былъ чужой.

Святые мученики князь Михаилъ Всеволодовичъ и боярин Ѳеодоръ. — Какъ надлежало вести себя русскому князю даже въ отчаяніи о гибели своей родины, въ полномъ отчаяніи о томъ, что „*отъ духу татарскаго не можно крещёнымъ живымъ быть*“, показалъ черниговскій князь Михаилъ Всеволодовичъ. Онъ противъ всей своей братіи, прочихъ князей, особенными дарованіями никакими не отличался; по общей слабости, свойственной всѣмъ имъ, былъ однимъ-же изъ „сихъ всѣхъ“: также *волостился* на

своемъ вѣку наравнѣ со всѣми и не одинъ разъ, какъ покаялся Даніилу, „не держалъ клятвъ своихъ“: былъ не лучше прочихъ. Но, при всѣхъ человѣческихъ слабостяхъ, живѣй всѣхъ хранилъ онъ завѣтъ въ душѣ своей“: „*христіанинъ есмь*“, а по личному своему жребію отъ рожденія, по природнымъ свойствамъ и исключительнымъ обстоятельствамъ жизни, дѣйствительно, отъ всѣхъ-же былъ во многомъ отли́ченъ. Начать съ того, что по преданіямъ, хранившимся въ его родной семьѣ, онъ былъ „*вымоленный ребенокъ*“: у отца его Всеволода Чермнаго, кромѣ дочери, Юрьевой княгини, погибшей во Владимірѣ, только и извѣстенъ этотъ единственный сынъ Михаилъ *); при томъ смолоду онъ былъ подверженъ неизлѣчимой болѣзни: страдалъ, кромѣ общаго разслабленія, черным недугомъ, повергавшимъ его въ лукавыя навожденія. Напрасно лѣчась отъ этого недуга у извѣстнѣйшихъ врачей своего времени и не щадя никакихъ средствъ на врачеваніе, князь облегченія не получилъ; а напослѣдокъ „былъ прощенъ отъ недуга“ молитвами святого угодника и исцѣлился чудомъ. Бывъ еще молодымъ княземъ, Михаилъ прослышалъ, что въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ спасался, подражая древнимъ пустынникамъ, святой старецъ Никита-столпникъ. Князь взялъ съ собой двухъ ближнихъ бояръ, людей немного,поѣхалъ въ Залѣсскую сторону и въ виду Переяславля раскинулъ шатеръ свой. Никогда бѣсовскія козни еще такъ не одолѣвали и не мучили больного, какъ при приближеніи къ тому столпу, на которомъ спасался Переяславскій угодникъ. Больному не переставали видѣться страшные сны; а наяву его било, какъ въ порчѣ. Но бояринъ, посланный къ угоднику возвѣстить о прибытіи князя, получилъ отъ столпника жезлъ пастырскій съ повелѣніемъ вручить этотъ самый посохъ болящему. Князь принялъ врученный даръ, и съ того часу былъ прощенъ отъ недуга. Онъ бодро пошелъ къ столпу и принялъ благословеніе отъ старца. На мѣстѣ шатра, гдѣ получилъ исцѣленіе, князь воздвигнулъ крестъ и надписалъ на немъ день своего исцѣленія (16 мая

---

*) Въ „*біографическомъ словарѣ русскихъ князей до Монголовъ*“. Погодина ошибочно Андрѣй Всеволодовичъ (женившійся въ 1261 году на дочери Василька Романовича) указанъ за сына Чермнаго. Эту ошибку исправлять „Повѣствованіе о Россіи“, Арцыбашева въ примѣчаніяхъ 61 и 228 книги III-й.

1186-го года; часовня на томъ мѣстѣ стоитъ до нашихъ дней.) Одаривъ монастырь Переяславскій щедрою милостыней, онъ и возвратился восвояси здравствовать уже на всю жизнь. Если къ такой особенности Михаилова житія въ юности можно еще что̀ прибавить, развѣ только тѣ черты его благодушнаго нрава, которыя въ свое время тронули сердца даже суровыхъ Новгородцевъ, когда онъ у нихъ княжилъ. Новгородцы никогда не забывали, что, погромивъ у себя всѣхъ враговъ Михаила, приверженцевъ Ярослава Всеволодовича, они ни одного изъ нихъ ни съ моста не сбросили въ Волховъ, ни иной смерти не предали—именно по настоянію князя Михаила; а кромѣ того, князь не только самъ тогда ничего не взялъ себѣ изъ имущества виновныхъ, подлежавшаго „*потоку* и разграбленію“, а убѣдилъ даже новгородцевъ не дѣлить по себѣ отобраннаго достоянія виновныхъ, а все употребить цѣликомъ на пользу общую: новгородцы и хвалились потомъ, что они дѣйствительно тотъ разъ ничего не взяли себѣ, а все употребили на постройку „другого моста на Волховѣ“ по настоянію-же Михаила.

Къ 1245-му году этотъ единственный сынъ Всеволода Чермнаго (и достойный внукъ „сестричича Мономаховичей“ Святослава Всеволодовича) былъ въ такомъ положеніи, съ которымъ участь всѣхъ прочихъ князей, при всемъ ихъ общемъ тогдашнемъ несчастіи, не могла бы и равняться. Всѣ его „прирожденныя волости“, какъ и самъ родной Черниговъ послѣ конечнаго разрушенія, вошли цѣликомъ въ общій составъ уже не Поля половецкаго, какъ тѣ мѣста звались прежде, а „Кипчакской Орды“, гдѣ кочевали Батыевы татары; поблизости отъ нихъ Черниговскому державцу, собственно говоря, тамъ нечего было и наслѣдовать. А семейное его положеніе заключалось тогда уже въ полномъ сиротствѣ, сказать бы: хуже чѣмъ въ одиночествѣ *). Сестра его Всеволодовна, какъ всѣмъ извѣстно, погибла съ дѣтьми своими въ дыму и пламени Владимірскаго собора; а бѣдный мужъ ея, что не менѣе извѣстно, палъ въ бою на

*) Его княгиня, родная сестра Романовичей, Василька и Даніила, находившая въ послѣднее время пріютъ у своихъ братьевъ, *Θеодора* къ этому времени уже не поминалась въ живыхъ.

Ситѣ. Зять любимый, женатый на единственной Михаиловой дочери, Василько Константиновичъ, также убитъ лютымъ образомъ и юная вдовица, захоронясь тогда-же въ Суздальскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, вскорѣ приняла тамъ и постриженіе. Изъ черниговскихъ князей всѣ ближайшіе сродники Михаила были перебиты. А единственный сынъ его Ростиславъ Михайловичъ составлялъ уже въ это время не утѣшеніе, а дважды сердечное сокрушеніе въ скорбной жизни отца. Сосватанный и помолвленный за дочь короля Белы, вдругъ тогда—послѣ Черниговскаго раззоренія—былъ онъ отвергнутъ горделивымъ сватомъ Михаила,—и отецъ, пріѣхавшій на свадьбу сына и вмѣсто радости попавшій на позоръ его, унесъ жестокую боль въ сердцѣ отъ суетности людской и человѣческаго тщеславія. Но вотъ король, послѣ собственной своей превратности, смиловался напослѣдокъ, и согласился на разстроившійся бракъ; Михаилъ едва-ли далъ на этотъ разъ согласіе сыну съ своей стороны: по крайней мѣрѣ уже болѣе не пріѣзжалъ на его свадьбу; не вытерпѣлъ однако и по любви къ своему единородному, поѣхалъ къ горделивому свату взглянуть на счастье молодыхъ... Новое горе, которое онъ испыталъ тогда, не имѣло и сравненія съ прежнимъ. Уже и король и новый зять королевскій, самъ сынъ Михаила Всеволодовича, вдвоемъ отвернулись теперь — первый отъ своего свата, а второй отъ своего отца. „*Слышавъ же короля Михаилъ вдавъ дочерь за сына его... вдастъ за нь паки король Угорскій дочерь свою... и бѣже въ Угры. Король же Угорскій и сынъ его Ростиславъ чести ему не створиста; онъ-же разнѣвася на сына, возвратися Чернигову*“. Лишившись послѣдняго, что оставалось на свѣтѣ, Михаилъ возвратился на свое родное пепелище самъ-другъ съ вѣрнымъ своимъ бояриномъ Ѳеодоромъ и поклялись другъ другу: явить примѣръ людямъ, какъ надо умирать, если есть въ душѣ вѣра.

Это было какъ разъ то самое время, когда Батый, объявивъ на всю Русь, что считаетъ ея покореніе законченнымъ, приглашалъ съ тѣмъ вмѣстѣ всѣхъ князей и простыхъ людей, бѣжавшихъ и укрывавшихся отъ его лютости, возвратиться на свои мѣста и жить мирными подданными хана. До этого милостиваго объявленія: „*бѣ ви-*

дѣти умиленное видѣніе: селенія человѣческія, грады и веси пусты, а идѣ-же дивіе звѣри живяху—тамо человѣцы водворяхуся, крыющеся отъ варваръ“. А какъ только была объявлена милость хана, всѣ крестьяне въ самомъ дѣлѣ возвращались на свои пепелища и князья объявляли имъ, въ чемъ будутъ состоять ихъ новыя обязанности, дани и повинности передъ ханомъ; сами же князья также со всѣхъ концовъ покоренной Руси вереницами стекались въ Орду къ Батыю *„славы ради свѣта сего прошаху себѣ власти“* и каждаго поклонявшагося ему по татарскимъ обрядамъ, ханъ утверждалъ во власти и возвращалъ ему пользованіе *„славою свѣта сего“*. Михаилъ пріѣхалъ не власть принять на своемъ княженіи, а на исповѣдь къ духовнику своему Іоанну. Онъ болѣе не желалъ „прелести сего мимотекущаго житія“, а готовился умереть; но ему хотѣлось умереть такъ, чтобы сама его смерть была живою проповѣдью на всю Русскую землю въ утвержденіе всему христіанскому роду. Онъ сказалъ духовнику своему Іоанну: „хочу ѣхать предъ царя Батыя“, и указалъ на боярина Ѳеодора, спутника своего.

Отецъ Іоаннъ отвѣтилъ имъ: „многіе ѣздили и творили волю поганаго, прельстившись славою свѣта сего, шли сквозь огни, кланялись кусту и солнцу; ты же, сынъ мой Михайло, не дѣлай этого; а исповѣдуйте оба предъ погаными, что твари покланяться грѣхъ“. И князь и бояринъ отвѣчали Іоанну: „молитвами твоими, отецъ святой, какъ угодно Богу, такъ и будетъ. Мы того и хотимъ, чтобы за христіанство кровь пролить“. Іоаннъ благословилъ ихъ на подвигъ, сказавъ: „когда такъ, новыми мучениками явитесь въ нашъ грѣшный вѣкъ! такъ и сдѣлайте: истинно почеловѣчески на утвержденіе всѣмъ вѣрующимъ людямъ“ и, послѣ многихъ поученій, давъ имъ запасные дары въ дорогу, благословилъ ихъ въ путь: „Господь Богъ да укрѣпитъ васъ и пошлетъ вамъ въ помощь Святаго Духа“.

Когда Михаилъ Всеволодовичъ прибылъ въ Орду и Батыю доложили о пріѣздѣ Черниговскаго князя, онъ велѣлъ своимъ волхвамъ и кудесникамъ представить ему новопріѣзжаго обычнымъ порядкомъ. Михаила съ бояриномъ его Ѳеодоромъ повели къ ставкѣ хана; по дорогѣ вскорѣ они завидѣли самое требище: тамъ тѣснилось множество народа—и Татары, и Русскіе, и разныхъ языковъ инопле-

менники, съѣхавшіеся по своимъ дѣламъ ордынскимъ. Тутъ же творилась и волшба татарская: были тамъ волхвы-заклинатели и жены-чародѣйки; торчалъ кустъ, боготворимый ими; были разведены огни; вкругъ огней были развѣшаны идольскія изображенія, другія разставлены по мѣстамъ. Татары кланялись богамъ своимъ, иные молились на солнце, кто на огонь, а кто на идоловъ. Въ то же время жены-чародѣйки шептали на пылавшіе костры и метали туда для сожженія сгоравшіе въ пламени: крохи отъ приносимаго въ даръ яденія, мелкіе лоскутки и обрѣзки парчевыхъ и шелковыхъ тканей; клочки пуха и щепотки волосиковъ, вырванныхъ изъ приносимыхъ въ даръ хану драгоцѣнныхъ мѣховъ: ибо все приносимое въ даръ предварительно очищалось такимъ обрядомъ сожженія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, волхвы-заклинатели указывали „вводимымъ къ хану“, какъ имъ надлежало проходить между разставленныхъ огней — для очищенія. Подступили волхвы и къ князю Михаилу и къ боярину Ѳеодору, понуждали и ихъ приблизиться къ требищу; но, дойдя до огней и видя вереницы, проходившія сквозь нихъ между пылавшими кострами, князь остановился и сказалъ Ѳеодору: „думаю, намъ не слѣдуетъ идти за ними“; волхвы-же понуждали. Михаилъ Всеволодовичъ сказалъ кудесникамъ; „мы—христіане; по христіанству не слѣдуетъ кланяться никакой твари; мы сквозь огни не пойдемъ и идоламъ не поклонимся“. Ихъ отстранили тогда и оставили въ покоѣ, а объ отказѣ послали доложить хану. Батый прислалъ уговаривать ихъ лаской. Въ этихъ случаяхъ сами варвары—не хуже, а пожалуй искуснѣе даже тѣхъ, кто превозносится надъ варварами просвѣщенностью своей—Монголы умѣли смягчать свои требованія, низводя самое исполненіе ихъ на степень лишь той незначительной обрядности, неисполненіе которой ужъ прямо получало видъ пустого-же упрямства. Уговаривать Михаила былъ присланъ отъ хана не послѣдній между татарскими вельможами Ельдега и принялся за свое дѣло. „За что вы обижаете царя?“ склонялъ онъ ихъ къ повиновенію „труднаго ли требуютъ отъ васъ?“ Но Михаилъ оставался непреклоненъ. „Отчего не исполнить царскаго повеленія?“ продолжалъ уговаривать Ельдега „Князь Михайло! только не оскорби царскаго повелѣнія—

почтенъ будешь: свое великое княженіе примешь тогда. Кто не хочетъ кланяться солнцу—не достоинъ и зрѣть на него. Какъ не поклониться огню? Сохрани свою жизнь и получи княженіе, а если не исполнишь царскаго повелѣнія—самъ подумай—что̀ тогда?“ и онъ ласково нудилъ ихъ идти впередъ. Но Михаилъ Всеволодовичъ не двигался съ мѣста. „За грѣхи наши Богъ предалъ насъ и волости наши вамъ въ руки“—обратился онъ къ Ельдегѣ—„скажи отъ отъ меня царю: тебѣ, Государь, я кланяюсь потому что самъ Богъ поручилъ тебѣ царство и славу міра сего; по чему кланяются вонъ тѣ всѣ — никогда не поклонюся“. — „Вѣдомо буди“ прервалъ Ельдега „уже мертвъ ты, Михайло!“ Михаилъ отвѣтилъ: „я того и хочу, чтобы умереть за Христа, за вѣру готовъ кровь пролить“. Опять пошли доложить хану, что черниговскій князь хвалится готовностью *„пролить кровь за свою вѣру“*, а Батый и на этотъ разъ допустилъ помилованіе. Съ Ельдегой пришли многіе изъ русскихъ уговаривать князя; а главное привели еще юнаго Михаилова внука, сына его дочери, первенца покойнаго Василька Константиновича, княжича Бориса Васильковича, а съ княжичемъ были и всѣ его бояре. Уже не только татарскій вельможа, искусный въ словопрѣніяхъ Ельдега, сами Русскіе начали уговаривать Михаила изъ пустой обрядности не подвергать опасности жизнь свою. Внукъ его княжичъ Борисъ Васильковичъ припадалъ къ его колѣнямъ: „Отецъ мой! Господинъ мой! поклонися! сотвори волю цареву“! упрашивалъ онъ со слезами. Княжичевы бояре говорили и отъ себя: „Самъ-же Богъ видитъ, что сотворишь ты, княже, не своею волею, а по принужденію, насильно; развѣ Онъ вмѣнитъ?“ Михаилъ отвѣтилъ имъ: „не хочу я быть христіаниномъ только по имени, а дѣла творить поганыхъ“. Бояре больше не отрицали грѣха, но брали его на свою совѣсть; они говорили ему что такъ какъ онъ на духу далъ обѣтъ пострадать за имя Христово—они берутъ его обѣщаніе на себя; сами и всей страною своею грѣхъ его возьмутъ на свою душу и вымолятъ прощеніе епитемьею. А княжичъ не выпускалъ „отца своего и господина“ изъ объятій, умолялъ, плакалъ и терзался. Ельдега уже съ радостью видѣлъ, что князь Михаилъ, словно, поколебался и не мѣшалъ уговаривать его. А наро-

ду вкругъ нихъ все прибывало; татары отрывались отъ требища и стекались къ нимъ; пристало еще новое множество и Русскихъ, бывшихъ тутъ по ордынскимъ дѣламъ. Тогда бояринъ Ѳедоръ, смутясь за своего князя, какъ бы вспомнивъ *„женскую любовь и дѣтей ласканіе“* — онъ отъ множества слезъ и моленій не ослабѣлъ духомъ — отвелъ князя въ сторону и говорилъ ему наединѣ: „Помнишь ли, княже, слово отца своего духовнаго, какъ онъ приводилъ изъ евангелія: *иже хочетъ свою душу спасти — погубитъ ю?* помнишь ли слово: *аще ли Меня кто отвержится предъ человѣки, отвергнуся его и азъ предъ Отцемъ Моимъ?*“ Они-же всѣ съ княжичемъ обступили опять Михаила и вновь умоляли его. „Нѣтъ! нѣтъ...“ отвѣтилъ имъ Михаилъ и вдругъ, сорвавъ мечъ свой, откинулъ его въ сторону; сорвалъ съ плечей и княжескую мантію свою и отбросилъ прочь отъ себя. „Примите славу свѣта сего! а я — не хочу“. Ельдега радость смѣнилъ на гнѣвъ и въ бѣшеной ярости обратился къ Михаилу: „жизнь или смерть—выбирай любое“—это было его послѣднее слово.—„*Христіанинъ есмь*“ отвѣтилъ татарину Михаилъ „иди и скажи царю: я идоламъ не поклонюся и сквозь огни не пойду“. Ельдега ушелъ, оставивъ толпившійся народъ въ гробовомъ молчаніи.

Михаилъ и бояринъ Ѳеодоръ стали читать мученичныя псалмы; ближніе уже только крестились съ ними, болѣе не уговаривалъ никто: видѣли какъ они причастились запасными Дарами, которые имѣли съ собой отъ отца Іоанна. Прошло мало времени, вдругъ толпа заколебалась и стали говорить изъ нея: „ѣдутъ! убьютъ васъ сейчасъ“. Кучка таръ, отряженная для ихъ умерщвленія, валила на коняхъ къ мѣсту сборища. „Мученицы твои, Господи, не отвергошася Тебе“ и еще: „страдавши Тебѣ ради Христа, многія муки претерпѣша...“ слышалось изъ устъ осужденныхъ. Убійцы, соскочивъ съ коней, кинулись сперва на Михаила; *растяли* его руки и повалили наземь спиною, стали бить кулаками въ грудь и подъ сердце: долго и крѣпко не переставали; потомъ, перевернувъ полумертваго лицомъ къ землѣ, топтали его, добивая уже пятами: такъ было велѣно предать его смерти побоями, руками палачей и ногами, а не мечомъ; Михаилъ-же сказалъ: *„пролью кровь свою“*. Бездыханный трупъ убитаго обезглавилъ уже одинъ изъ тол-

пившихся тутъ-же между уличными татарами, оказавшійся воръ изъ русскихъ, вѣроотступникъ приложившійся къ татарамъ, сѣверянинъ родомъ, слѣдовательно землякъ князя и будто отрѣзалъ ножемъ главу мученика—*„огорчившись“*. Онъ-же сталъ потомъ шептать боярину Ѳеодору: „поклонись богамъ-то! живъ будешь! тебѣ-же, гляди, отдадутъ и княженье тогда князя твоего! ой, поклонись нашимъ богамъ!“—Бояринъ Ѳедоръ, какъ прежде обѣщалъ своему князю: „съ тобой дѣлилъ я счастье и напасти, съ тобой и умереть готовъ“—такъ и поступилъ. Обратясь къ убійцамъ, онъ сказалъ имъ только: „я за своимъ княземъ иду“—и былъ убитъ такимъ-же образомъ. Татары, по принятому у нихъ обыкновенію на эти случаи, выбросили тѣла казненныхъ „псамъ на съѣденіе“; но множество православныхъ изъ бывшихъ тогда въ Ордѣ, каждую ночь сбирались къ мѣсту, куда были брошены убитые и, по православному обычаю, возжигали свѣчи и творили панихиды: благочестиво соблюли ихъ останки. Тѣла мучениковъ такимъ образомъ, были сбережены какъ драгоцѣнныя мощи и потомъ съ честью перевезены на родное пепелище въ Черниговъ, гдѣ и соблюдались съ прочею святыней; а еще потомъ царь Иванъ Васильевичъ возгорѣлъ ревностью перенести ихъ въ свою царскую столицу, въ *„стольный градъ Москву“*. Донынѣ черниговскій князь Михаилъ Всеволодовичъ и бояринъ его Ѳеодоръ почиваютъ въ Архангельскомъ соборѣ и гробницы ихъ чтутся изъ роды въ роды за святыню.

Монгольское иго. — Татары, покоривъ Русскую Землю, оставили въ ней старинное дѣленіе на княжества, какъ они были прежде; оставили въ силѣ самихъ князей, которые уцѣлѣли отъ ихъ меча, — только утвержденіе князей по ихъ волостямъ и по всѣмъ княжествамъ удержали за собою. Князья утверждались теперь не иначе на своихъ престолахъ, какъ именемъ Великаго хана, какъ подданные самого Великаго Монгола, проживавшаго внутри Азіи у себя въ Монголіи,—но получали ярлыкъ на княженіе отъ царя Батыя, хана Золотой орды, кочевавшаго за Волгою при степяхъ астраханскихъ.

Также татары не коснулись и ни въ чемъ не измѣнили церковнаго устройства на Руси. Вообще должно замѣтить:

Монголы изъ всѣхъ азіатовъ имѣли меньше всѣхъ, можно даже сказать—вовсе не имѣли *„нареченныхъ боговъ“*: больше всѣхъ поэтому и были благосклонны ко всѣмъ чужимъ вѣрамъ. Только впослѣдствіи ханы Кипчакской орды приняли магометанство, тогда уже и своею прежнею вѣротерпимостью не отличались; а въ первоначальное время, пока не замѣшались съ мусульманами, Монголы славились на весь міръ вѣротерпимостью своею. Смутно вѣруя по старинному своему закону въ Творца вселенной, они считали, что сколько бы ни было разныхъ боговъ у разныхъ народовъ, но самъ Создатель міра, у всѣхъ одинъ и тотъ-же, и не трогали чужихъ вѣръ. Какой бы кто ни былъ вѣры, они ея не измѣняли въ покоренныхъ земляхъ; а охраняя чужія вѣры, почитали и чужеземное духовенство. Въ самой Ордѣ у Батыя не возбранялось православной Руси ставить православные храмы, совершать православное богослуженіе и имѣть православное духовенство. А по многому множеству Русскихъ, забранныхъ татарами къ себѣ въ неволю и въ рабское услуженіе,—по множеству еще и такихъ Русскихъ, которые наѣзжали въ Орду по своимъ дѣламъ,—по безпрерывному пребыванію тамъ самихъ князей съ ихъ боярами—не мало требовалось тамъ и православнаго духовенства. Поэтому, вскорѣ на все православное христіанство, не переводившееся въ Ордѣ Батыя, понадобилось даже поставить особаго епископа. И первый же митрополитъ *всея Руси*, святительствовавшій во времена Монгольскаго ига (Кириллъ) учредилъ въ тѣхъ Заволжскихъ мѣстахъ особую епархію. Поставленный имъ Епископъ, по своему мѣстонахожденію въ Золотой ордѣ, которую также называли *Сарай-орда* или просто *Сараемъ*, и именовался Епископомъ Сарайскимъ. Церковные доходы, села и города церковныя, приписанныя къ разнымъ соборамъ, монастырямъ и храмамъ, также и все вообще духовенство—Монголы даже не облагали данью, говоря и пишучи въ ярлыкахъ ханскихъ: *„да не вступаются въ церковное: зане то Божье есть все“*. Какъ митрополитъ *всея Руси*, такъ и Епископы и вообще весь чинъ духовный пользовались у хана почетомъ: ханы дорожили тѣмъ, что православная церковь по христіанскому обычаю, не отказывала и имъ въ молит-

вахъ своихъ *). Вскорѣ начались уже примѣры между татарами, что нѣкоторые изъ нихъ принимали крещеніе и обращались въ православную вѣру. Ордынскій царевичъ племянникъ Батыя, въ крещеніи Петръ—построилъ обитель въ Ростовѣ и скончался преподобнымъ инокомъ. Сарайскій Епископъ приводилъ многихъ къ христіанству въ своей епархіи.

Такимъ образомъ, старинное княжеское устройство и церковное устройство на Руси татары оставили въ силѣ; но церковное не измѣнилось ни въ чемъ, а княженіе тѣмъ и не походило на прежнее, что уже князья Русскіе были данниками Татаръ. Отъ нихъ ханъ требовалъ полнаго повиновенія; татарскіе баскаки, сидѣвшіе по городамъ, были страшны не только всему народу, но и самимъ князьямъ. Всѣ города и княжества были приведены въ извѣстность: сколько откуда приходилось платить въ Орду на царя Татарскаго. Главною обязанностью Русскихъ князей и было доставлять ежегодно въ орду эту дань назначенную со всѣхъ княжествъ. Народъ могъ попрежнему заниматься своимъ дѣломъ, мало сносясь съ татарскими чиновниками; а всѣ сношенія съ ними приняли на себя князья.

Самое подданство Руси татарамъ, главнымъ образомъ, и выражалось именно поклонами князей въ ордѣ. Каждый князь долженъ былъ ежегодно привозить самъ лично эту дань, сходившую съ его княжества, задабривать татарскихъ вельможъ, кланяться всѣмъ царедворцамъ хана, заискивать и льстить татарамъ, испытывать въ Ордѣ всякаго рода

---

*) Ханъ Темиръ (1267 г.) объявлялъ въ ярлыкѣ своемъ: „мы пожаловали поповъ и чернцовъ и всѣхъ богодѣльныхъ людей да правымъ сердцемъ молятъ за насъ Бога и за наше племя, безъ печали, и благословляютъ насъ.. да не клянутъ насъ, но въ покои молятся за насъ“. Такъ объявлялъ ханъ, ссылаясь что этимъ распоряженіемъ слѣдуетъ предшественникамъ своимъ; также объявляли и послѣдующіе ханы. „Мы Божія брежемъ и даннаго Богу не взимаемъ... да пребываетъ Митрополитъ въ тихомъ и кроткомъ житіи, безъ всякія гонки, да правымъ сердцемъ и правою мыслію молитъ Бога за насъ, и за наши жены, и за наши дѣти, и за наше племя“ (ярлыкъ Узбека 1313 г.) однакожъ при малѣйшемъ неповиновеніи князей, когда татарское войско приходило опустошать область непокорнаго князя, всѣ церкви и монастыри подвергались по прежнему ограбленію и сожженію; по прежнему татары *„сѣкли мечомъ“* какъ бѣльцовъ, такъ и чернцовъ заодно съ мірянами.

униженія. Хану было мало, чтобы князья пріѣзжали въ Орду утверждаться на своихъ престолахъ или еще для доставленія установленной дани; князей вызывали въ Орду то и дѣло, держали по цѣлому году и больше; посылали ихъ еще и въ глубину Азіи на поклоненіе великому Моголу. Въ Ордѣ любили присутствіемъ Русскихъ князей украшать торжественные пріемы, которые ханъ давалъ прочимъ властителямъ своихъ покоренныхъ народовъ; князья должны были сопровождать хана и въ его походахъ и на его охотахъ; а ханская охота производилась иногда цѣлыми мѣсяцами и переходила съ мѣста на мѣсто такими разстояніями, какъ, напримѣръ, отъ астраханскаго Поволжья до Кавказскихъ горъ. И не только униженія, князья то и дѣло выносили мучительство въ ордѣ; если кто не угождалъ, томили неволею или прямо убивали. „*Съѣздить въ Орду*“— обратилось въ напущеніе и тяжкое испытаніе; кого Богъ выносилъ изъ Орды цѣлымъ, тотъ крестился;—а собираясь въ Орду, каждый князь прощался обыкновенно и мирился со всѣми у себя дома и писалъ духовное завѣщаніе: не чаялъ себѣ и возврата; утвердилась съ тѣхъ поръ поговорка: „близъ царя—близъ смерти“. У хановъ завелся притомъ обычай: для осторожности и увѣренности въ князьяхъ, отпускаемыхъ домой, оставлять кого-нибудь изъ ихъ ближней родни какъ-бы заложниками. Подъ разными предлогами—то ласки и любезности со стороны хана, то надобности передать какія-нибудь дальнѣйшія распоряженія, а то и прямо безъ всякихъ обяъсненій—отъ князей требовали оставить въ Ордѣ или прислать въ Орду кого либо изъ своихъ сыновей или изъ своей братіи, — такъ что хотя-бы тотъ или другой князь находился у себя въ княжествѣ, а въ то же время нѣкоторые изъ его ближнихъ непремѣнно-же пребывали въ Ордѣ.

На долю сѣверной Руси выпала главная тяжесть Монгольскаго ига; какъ по количеству дани, доставляемой въ Орду, такъ и по всѣмъ прочимъ повинностямъ хану—всѣхъ болѣе терпѣли князья Владимірскаго княженья. Батый, оставивъ въ силѣ старинное дѣленіе Руси на княжества, тѣмъ самымъ утвердилъ еще и то, что именно Владимірскаго князя считалъ „*главою всѣмъ*“.

Хотя Кіевъ былъ разрушенъ до основанія и его разва-

лины изъ десятилѣтія въ десятилѣтіе все болѣе вростали въ землю и покрывались мхомъ, однако-же Батыю извѣстно было, какое великое значеніе имѣлъ этотъ городъ въ древней Руси: при Батыѣ не былъ еще упраздненъ и самый титулъ великаго князя Кіевскаго; какъ при немъ, такъ и при послѣдующихъ ханахъ нѣкоторое время еще держалось обыкновеніе отличать нѣкоторыхъ изъ князей титуломъ великаго князя Кіевскаго. Но главенство принадлежало Владимірскому князю и ни одинъ уже изъ титулуемыхъ по волѣ хана „*Кіевскимъ великимъ княземъ*“, нося такой тщетный титулъ, не ѣздилъ болѣе въ разрушенную древнюю столицу великокняжить на ея развалинахъ.

Великій князъ владимірскій Юрій Всеволодовичъ, внукъ Юрія Долгорукаго и сынъ Всеволода (именуемаго *Большое Гнѣздо*), запечатлѣлъ своею смертью на берегахъ рѣки Сити страшное время Батыева плѣненія и начала Монгольскаго ига на Руси; послѣ его смерти великое княженіе принадлежало старшему по немъ, другому сыну Всеволода Юрьевича—Ярославу. Его и утвердилъ Батый „*главою всѣмъ*“ въ плѣненной Русской землѣ.

Великій князь Владимірскій Ярославъ Всеволодовичъ

(отецъ Невскаго).

Великокняжескій Владимірскій престолъ дѣда Юрія Долгорукаго и отца своего Всеволода Юрьевича (Большое Гнѣздо) наслѣдовалъ—послѣ павшаго на Ситѣ Юрія—старшій изъ его братьевъ Ярославъ Всеволодовичъ.

По преданіямъ ранней юности онъ помнилъ родину еще въ ту славную пору, когда могущественное вліяніе отца его простиралось на всю Русскую землю и ихъ стольный городъ почитался „*главою всѣмъ*“; по преданіямъ молодости былъ участникомъ съ братомъ своимъ Юріемъ той бурной эпохи, когда первое мѣсто между князьями занялъ Мстиславъ Удалой и, поколебавъ могущество ихъ Владимірскаго престола, передалъ его Константину, лишенному наслѣдія отцомъ своимъ. Наконецъ, въ зрѣлую пору мужества—то въ союзѣ съ братомъ Юріемъ, то ссорясь съ нимъ—Ярославъ воевалъ за него и противъ него во владимірской и черниговской области и въ новгородскихъ мѣ-

стахъ; притомъ, княжа у себя въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ, безпрестанно занималъ самый Новгородъ и не одинъ разъ Кіевъ. Вся прежняя жизнь Ярослава Всеволодовича прошла, такимъ образомъ, не только безъ достопамятныхъ дѣяній, а не безъ тѣхъ еще, которыя омрачили его память,—прошла въ безплодныхъ и жалкихъ войнахъ, составлявшихъ не трудъ или подвигъ со стороны князей, а ихъ бранную потѣху и ратную удаль. Лишь къ старости своей, вокняжась на Владимірскомъ престолѣ уже въ злую татарскую годину и переживая общее тогдашнее горе земли Русской заодно со всѣмъ своимъ народомъ, искупилъ онъ всю свою прошлую жизнь: тогда напослѣдокъ и заслужилъ ту всеобщую, долженствовавшую увѣковѣчить его имя и въ потомствѣ, всенародную любовь, которой ему ранѣе того не доставало.

Владимірцы послѣ всѣхъ ужасовъ Батыева плѣненья видѣли особенную Божію милость уже и въ томъ, что не всѣ ихъ князья погибли отъ меча татарскаго, тщательно пересчитывали оставшихся въ живыхъ сыновей Ярослава (Александръ, Андрѣй, Константинъ, Ярославъ-Аѳанасій, Данило и Мстиславъ): *„сіи вси сохранены быша молитвами Богородицы“*; перечисляли и Ярославовыхъ братьевъ: Святослава съ сыномъ Димитріемъ и Ивана Всеволодовича; еще Бориса и Глѣба Васильковичей, сиротъ погибшаго Василька и другихъ сродниковъ великаго князя. *„Богъ имъ велѣлъ жить человѣколюбіемъ своимъ“*,— говорили тогда про этихъ уцѣлѣвшихъ князей, — *„христіанскаго ради языка дабы до конца не оскудѣла вѣра христіанская“*.

Съ трогательною радостью — слезами благодарности на глазахъ и молитвенными благословеніями на устахъ—встрѣчалъ народъ Ярослава на развалинахъ городовъ своихъ. Всѣ въ немъ видѣли теперь такого князя, который также потерялъ своихъ кровныхъ, также лишился всего достоянія своего, также перенесъ неисчислимыя бѣдствія и муки, а главное: также и впередъ готовъ былъ страдать заодно со всѣми. Все прошлое, что было еще *до татаръ*, казалось теперь уже миновавшимъ безвозвратно: съ ихъ *нашествіемъ* изгладились самыя воспоминанія о томъ.

Престрашно было возвращеніе Ярослава на родину: испытанныя имъ впечатлѣнія въ дорогѣ, можно бы сказать, вы-

ворачивали душу и повергало въ отчаяніе всё встрѣченное на пути. Онъ ѣхалъ своими владѣніями хуже, чѣмъ безлюдною пустыней; отъ труповъ нельзя было близко подходить къ разрушеннымъ городамъ; выжженныя села съ опустошенными повсюду и вытоптанными и необсѣмененными полями глохли вездѣ нелюдимы, народъ укрывался еще въ лѣсахъ, — все было мертво кругомъ; что̀ ни селенье, то новое пепелище; что̀ ни городъ, то новыя груды развалинъ и труповъ. И чѣмъ ближе къ столицѣ, тѣмъ страшнѣй становилось опустошеніе: слѣды разоренія были еще злѣй. Весь обгорѣлый и на половину разрушенный Владиміръ оставался еще нежилымъ: трупы наполняли не только его улицы, дворы и опустѣлыя жилища, но и самые храмы. Въ томъ и заключалась на ту пору княжеская дѣятельность: хоронить тѣла, очищать церкви, развалины разбирать и разрушенное исправлять; ободряя населеніе, скликать его изъ лѣсныхъ берлогъ и дебрей; бороться еще съ безкормицей и грозившимъ усилиться голодомъ и съ моромъ, уже наступившимъ отъ голода. Приходилось возстановлять и приводить въ порядокъ, вновь заводить и устроивать то̀, что созидалось вѣками и было разорено татарами въ одинъ погромъ. „*Церкви очисти отъ трупія мертвыхъ и кости ихъ сохрани*“— вотъ въ чемъ состояла забота Ярослава о погибшихъ и: „*пришельцевъ утѣшитъ, люди многи собратъ*“—его забота о живыхъ.

Оплакивая своего брата и не переставая сокрушаться, что отъ многочисленной его семьи не осталось рѣшительно никого,—можно бы сказать: не осталось отъ нихъ даже и пепла,—тѣмъ усерднѣй желалъ онъ сберечь на память отечеству своему мученическіе останки самого̀ Юрія и послалъ за его гробомъ въ Ростовъ. Тамъ жалѣли нарушить покой почившаго, говоря: „Юрій и Василько Константиновичъ при жизни любили другъ друга, *се-бо чудно есть: Богъ и по смерти совокупи тѣлеса ихъ*“,— съ горемъ отпустили отъ себя мощи и проводили ихъ съ честью. Когда же печальное шествіе приблизилось ко Владиміру, князь Ярославъ съ братьей своей, съ епископомъ и архимандритами, съ игуменами и со всѣмъ духовенствомъ—а съ ними и весь владимірской народъ *отъ мала до велика*—вышли навстрѣчу. При погребеніи, когда стали опускать гробъ Яро-

славова брата въ могилу къ отцу ихъ Всеволоду, *„не бѣ слышати пѣнья во множѣ плачи и велицѣ вопли“*.

Схоронивъ мертвыхъ, надо было устроить живыхъ. Свое племя, потомковъ старшаго брата Константина, Ярославъ устроилъ такимъ образомъ, что прежнія ихъ вотчины обратилъ имъ въ выдѣлы ужъ навсегда. Ростовъ, отданный еще при Юрьѣ Василько Константиновичу, и обратился въ удѣлъ Васильковичей: старшій изъ нихъ Борисъ остался въ самомъ Ростовѣ, а Глѣбъ сѣлъ на Бѣлѣ-озерѣ. Ярославль, принадлежавшій убитому Всеволоду Константиновичу, остался за его сыномъ, сиротой Васильемъ; послѣдне-уцѣлѣвшій въ живыхъ изъ сыновей Константина, Владиміръ также не долженъ былъ вступаться въ наслѣдіе павшихъ своихъ братьевъ: удержался у себя въ Угличѣ. Братьямъ своимъ Ярославъ Всеволодовичъ отдалъ въ удѣлъ: старшему Святославу—Суздаль, а младшему Ивану—Стародубъ. Съ того времени, колѣна и поколѣнія, дальнѣйшія линіи этихъ князей и размножились въ тотъ многочисленнѣйшій и многовѣтвистый родъ сѣверныхъ князей, за который общій ихъ родоначальникъ Всеволодъ Юрьевичъ и получилъ свое позднѣйшее проименованіе въ потомствѣ—Большое Гнѣздо.

Новгородъ, уцѣлѣвъ отъ общаго погрома благодаря лишь тому, что татары считали его принадлежностью покореннаго уже ими Владимірскаго княженія, сблизился по необходимости со своимъ сосѣднимъ княжествомъ еще тѣснѣй прежняго. Притомъ, по истребленіи и опустошеніи южной Руси, запала дорога Новгородцамъ искать себѣ князей въ Кіевской и въ Черниговской области: въ этомъ заключалась теперь для Новгорода большая перемѣна. Сверхъ всего, въ это же время дивнымъ промысломъ возвысился въ князьяхъ Александъ Невскій, и его свѣтлое явленіе въ ту мрачную пору произвело необычайное дѣйствіе на всемъ сѣверѣ. Когда Ярославъ Всеволодовичъ предпринялъ свой послѣдній походъ на югъ съ тѣмъ, чтобы занять Кіевъ (въ 1236 г.), онъ посадилъ въ Новгородѣ, вмѣсто себя, сына своего Александра Ярославича, вскорѣ прославившагося чудесной побѣдой на Невѣ, за которую и былъ проименованъ *Невскимъ*. Съ тѣхъ поръ этотъ Богоизбранный князь, отличавшійся необыкновенными дарами, и сталъ любимцемъ Новгородцевъ. Хотя по своему обыкновенію они не умѣли жить

въ мирѣ даже съ любимѣйшими изъ своихъ князей и не одинъ разъ Александръ уходилъ отъ нихъ (такъ, напримѣръ, въ 1240 году, съ Ѳеодосіей, дочерью Мстислава Удалого, въ инокиняхъ Евфросиніей, „своею матерью, и съ княгинею своею, и со всѣмъ дворомъ своимъ отъѣхалъ въ Переяславль-Залѣсскій *роспрьвся* съ Новгородцами“ (но они уже не переставали обращаться съ просьбами къ Ярославу: *„дай намъ своего сына“*, — когда же онъ присылалъ имъ другого, вновь просили неотступно: „ты намъ прислалъ сына своего Андрѣя, а мы просимъ: *дай намъ князя Александра*“. Этотъ всѣми желанный Ярославичъ составлялъ истинное утѣшеніе отца своего въ тѣ скорбные и тяжелые дни.

Но какъ ни были мучительны труды и заботы Ярослава Всеволодовича—не они, ускоривъ его старость, близили и къ преждевременной могилѣ; не въ нихъ заключалось то *„многое томленіе“*, которымъ страдалъ великій князь. Въ то самое время татары вновь напомнили о себѣ тяжкимъ погромомъ: опустошивъ Муромъ и окольные города по берегамъ Клязьмы, они опять нагнали ужасъ на всю землю и навели страхъ на цѣлыя народонаселенія: *„Бѣ полохъ золъ по всей земли, не въдяху и сами кто гдѣ бѣжитъ“*... А къ нему, къ Ярославу, послы отъ Батыя явились въ самый Владиміръ и потребовали, чтобы онъ ѣхалъ въ Орду, привезъ бы съ собой и ту дань, которая надлежитъ хану съ покореннаго имъ Владимірскаго княжества. Ярославъ взялъ съ собой нѣкоторыхъ изъ бояръ своихъ, а изъ сыновей Константина Ярославича, и повезъ дань: поѣхалъ въ приастраханскія степи за Волгу.

Станъ татарскій—Сарай-Орда—представлялъ тогда уже видъ цѣлаго городища. Стада конивыя и верблюдовъ, обозы и лабазы, безчисленныя юрты татаръ, базарныя лавки, требища и торжища—занимали огромное пространство. Ибо, куда бы ни перекочевывалъ Батый, несмѣтное воинство сопровождало его всюду; а разъ ханъ устроилъ еще себѣ въ нынѣшнихъ царицынскихъ мѣстахъ на берегу Волги постоянное зимовище, нагородивъ построекъ даже каменныхъ, можно бы сказать, и весь его воинствующій народъ расположился тутъ-же—не кратковременнымъ стойбищемъ какъ въ степи, а по-городски—жилищами поудобнѣй: и каменныя постройки и деревянные балаганы уже не были рѣдкостью

въ Сараѣ; но кочевыя кибитки конюховъ и юрты чиновныхъ татаръ преобладали повсюду и по своей тьмочисленности заглушали всѣ прочія постройки въ тѣсномъ и многолюдномъ здѣшнемъ жительствѣ. Войлочныя татарскія юрты у вельможъ татарскихъ замѣнялись вмѣщавшими сотни гостей пространными шатрами: внутри все было увѣшано занавѣсками изъ китайскихъ шелковъ и убрано персидскими коврами. Ставка самого Батыя отличалась, по описанію очевидцевъ, несказаннымъ великолѣпіемъ,— глядѣла хотя и азіатскимъ, но роскошнѣйшимъ дворцомъ; главный его шатеръ былъ весь въ золотѣ. Золотной и серебряный атласъ, всѣми радужными цвѣтами блиставшая парча, дорогъ-рыбій-зубъ и слоновая кость, золото и драгоцѣнные камни, чаши изъ цѣльнаго золота и драгоцѣнными камнями усыпанное оружіе—иной утвари тутъ и ни видѣлось кругомъ. Когда Батый принималъ пословъ или своихъ подвластныхъ, пріѣзжавшихъ къ нему съ дарами, онъ сидѣлъ на тронѣ, изукрашенномъ всѣми сокровищами Востока, помѣщавшемся на пространномъ возвышеніи, къ которому вели отлогія ступени, устланныя драгоцѣнными коврами, и по этимъ ступенямъ разсаживались ханши, его жены; въ золотой посудѣ стоялъ кумысъ для угощенія. Въ шатрахъ-же у татаръ ставились и развѣшивались ихъ „домашніе боги“, идольскія изображенія диковинныхъ страшилищъ. Пріѣзжавшіе въ Орду, прежде чѣмъ идти къ Хану, задаривали обыкновенно вельможъ и женъ ханскихъ, и ихъ ближнихъ, и ихъ прислугу; потомъ уже—и еще послѣ того, какъ выполнятъ разные требуемые обряды у идольскаго требища передъ волхвами—ихъ вводили къ хану *бить* ему *челомъ*, по татарскому выраженію: съ того времени это самое выраженіе и завелось на Руси, а прежде въ нашемъ языкѣ его не было.

Исполнилъ требуемое и Ярославъ Всеволодовичъ; долженъ былъ и онъ передъ ханомъ *бить челомъ до лица земного*, просить о помилованіи, объ оставленіи за собой своихъ родовыхъ вотчинъ, дать присягу въ вѣрноподданствѣ, умолять и за весь народъ свой. Батый ласково принялъ его повиновеніе, назначилъ „*старѣйшимъ во всѣхъ князьяхъ Русскихъ*“ и велѣлъ даже именоваться Кіевскимъ великимъ княземъ. „*Будь главою всѣмъ*“—сказалъ Батый Ярославу, а

сыну его Константину велѣлъ ѣхать въ дальнѣйшій путь: въ глубину азійскихъ степей — поклониться еще Великому Моголу: княжичъ Константинъ провелъ въ этомъ странствіи туда и назадъ больше полутора года. Тамъ, въ при-Байкальѣ—близъ береговъ Амура, въ бывшей столицѣ самого Чингисхана—тогдашній великій ханъ Октай сынъ Чингисхановъ праздновалъ свои новыя побѣды, свѣжія завоеванія татаръ: именно, покореніе Русской земли и всего Китая. Въ этомъ торжествѣ, по расчету Батыя, княжичъ и долженъ былъ участвовать, чтобы съ одной стороны умножить собой на праздникѣ число плѣнныхъ владѣтелей, подвластныхъ Монгольской державѣ, а съ другой стороны, чтобы и самъ увидѣлъ своими глазами: какая честь и слава принадлежитъ Великому Моголу и какое множество царствъ и народовъ приведены подъ руку его. Октай отличилъ особенною „честью“, противъ всѣхъ своихъ прочихъ гостей, княжича пріѣхавшаго къ нему издалёка, именно какъ русскаго гостя и какъ сына того князя, котораго Батый назначилъ быть *„главою всѣмъ“* въ новопокоренной дальней странѣ. Съ тѣхъ поръ какъ міръ стоитъ, еще по роскоши и по несмѣтности гостей не было и видано такого праздника,— говорили Татары о тогдашнемъ тріумфѣ Октая: *„обладателя вселенной“*.

Послѣ того какъ Ярославъ Всеволодовичъ подчинился въ волю Батыя, и всѣ прочіе князья послѣдовали его примѣру. Вслѣдъ за нимъ поѣхали въ Орду его братья и все его племя: Батый утвердилъ и подручниковъ Ярослава по ихъ владѣніямъ. Тогда же и остальные князья всѣхъ прочихъ областей и княжествъ, одни за другими, спѣшили туда же. Монгольское иго утвердилось во всей силѣ и съ году на годъ становилось тяжелѣе: на первыхъ порахъ дань съ княжествъ не была еще опредѣлена въ точности; но ханъ объявилъ, что пришлетъ отъ себя такихъ „чиcленниковъ“, которые *„приведутъ въ число“* и перепишутъ всю Русскую землю: тогда и видно будетъ сколько именно съ каждаго княжества должно будетъ поступать всякихъ сборовъ.

Только-что княжичъ Константинъ возвратился къ отцу домой изъ нѣдръ Азіи (въ 1245 году), Батый потребовалъ Ярослава Всеволодовича къ себѣ въ Орду вторично. Въ

то время Октай уже умеръ; на его мѣсто въ Чингисхановой столицѣ избирался татарами и ставился на царство новый великій ханъ—сынъ Октая, Гаюкъ. На готовившееся торжество его воцаренія вновь стекались съ разныхъ концовъ міра къ берегамъ Амура всѣ данники Великаго Могола, всѣ властители покоренныхъ имъ странъ и народовъ. Туда же сбирались и сами ханы, сродники Чингиса, и вся ихъ несмѣтная родня—*„нойоны“*, какъ звали Монголы владѣтельныхъ старшинъ своего народа—для того чтобы участвовать въ выборѣ и утвержденіи на царство Октаева сына: сборище самихъ этихъ выборщиковъ называлось у татаръ *„курилтаемъ“*. Батый также послалъ на это сборище нѣкоторыхъ изъ своей братіи, а самъ и не тронулся съ мѣста. Слывя царемъ у себя въ Кипчакской Ордѣ, простиравшейся одною половиною въ Азіи, а другою половиною въ Европѣ, онъ еще при жизни Чингисхана почитался вторымъ по немъ, по Темуджинѣ, — а въ эту пору возвысился еще болѣе. Отпустивъ своихъ братьевъ и сродниковъ на торжество воцаренія Гаюка, Батый для увеличенія блеска предстоявшихъ тамъ праздненствъ отправилъ туда и собственныхъ своихъ данниковъ. Отобравъ изъ всѣхъ властителей, которые ему были подвластны, лишь самыхъ знаменитыхъ—одинъ только этотъ „избранный цвѣтъ“ вѣрноподданныхъ собственнаго своего обширнаго царства и отправилъ онъ на поклонъ великому хану; поэтому велѣлъ на этотъ разъ ѣхать туда же и самому Ярославу Всеволодовичу: за этимъ и вызвалъ его къ себѣ въ Орду вторично.

Престарѣлому князю, сокрушенному больше чѣмъ старостью злополучіемъ своимъ, пятидесяти-пятилѣтнему Ярославу Всеволодовичу, разумѣется, трудно было вынести столь дальній и мучительный путь,—но онъ повиновался безпрекословно. За Хвалынскимъ моремъ (Каспійскимъ) тянулись безпрерывныя песчаныя пустыни: русскимъ путникамъ, прежде чѣмъ достигнуть ханствъ Средней Азіи, и предстояло ѣхать тамошними знойными и безводными степями. Тамъ, по извѣстію сохранившемуся отъ того времени, „въ этой землѣ, гдѣ по безводію почти вовсе нѣтъ обитателей, *многіе изъ людей Ярослава умерли отъ жажды*“; но къ тѣлеснымъ прибывали и душевныя страданія, шагъ

за шагомъ на этомъ пути. Еще мучительнѣй было, достигнувъ ханствъ бывшаго Ховарезма, встрѣчать по дорогѣ, слѣды разрушенныхъ городовъ: то цѣлые равнины убѣленныя костями, то груды череповъ, сложенныхъ горами—памятники войнъ самого Чинчисхана! А того больнѣй было видѣть въ басурманскихъ ханствахъ, въ тѣхъ уцѣлѣвшихъ сарацинскихъ городахъ—всюду наплывъ скуластыхъ смуглыхъ азіатовъ съ глазами нàкось какъ у хищныхъ звѣрей, всюду царившихъ тутъ на мѣсто прежнихъ мурзъ, малековъ, султановъ и прочихъ разноименныхъ властителей здѣшняго сброднаго населенія, можно-бы сказать: вавилонскаго разносмѣшенія здѣшнихъ неисчислимыхъ языковъ.

Русскаго князя, задыхавшагося смертельной мукой *(отъ духа татарскаго не можно крещёнымъ живымъ быть)* должно было повергать въ отчаяніе—это встрѣчавшееся на всемъ нескончаемомъ пути нескончаемое-же множество разноязычныхъ народовъ, земель и царствъ, неисчислимый сборъ неисчислемыхъ племенъ и нарѣчій, носившихъ тогда за одно съ самимъ русскимъ народомъ уже одно общее имя: данниковъ Великáго Могола. За далью покореннаго Чингисомъ Ховарезма тянулись опять новыя необозримыя степи и пустыни; предстояли опять новыя испытанія неодолимаго тягостнаго пути—изнурительнаго новыми трудностями дороги и опять встрѣчавшимися по ней еще свѣжими слѣдами Чингисовыхъ тріумфовъ. А больше того опять и опять снова подавлялъ невыносимымъ гнетомъ самъ этотъ торжествующій видъ вездѣсущихъ побѣдителей, всюду и тутъ царившихъ надъ покоренными племенами, рабствовавшими подъ монгольскимъ игомъ.

Но всѣ ужасы, перенесенные въ пути Русскимъ княземъ обратились въ ничто по сравненію съ тѣмъ, что привелось ему видѣть и слышать и нести по прибытіи въ Ханскую столицу. „Сынъ самого Бога и самъ земной Богъ“—какъ татары называли своего великаго хана, прикладывавшій къ своимъ рѣшеніямъ ту печать, на которой было вырѣзано: „Богъ на небѣ, а ханъ на землѣ, силою Божіей повелитель всѣхъ людей“ и который при обрядѣ возведенія на тронъ *„великимъ курилтаемъ“* произносилъ: *„слово устъ моихъ да будетъ мечемъ моимъ“*—Чингисхановъ внукъ Гаюкъ собралъ на свой пиръ всѣхъ своихъ государскихъ даньщи-

ковъ, такъ что однихъ только владѣтельныхъ и высокопоставленныхъ особъ кромѣ прочихъ великихъ чиновъ, прибыло четыре тысячи. Привезенные же ими дары составляли цѣлые обозы; въ томъ числѣ однихъ только драгоцѣнностей, золота и серебра было пятьсотъ возовъ.

За все время здѣшнихъ торжествъ Ярославъ Всеволодовичъ былъ не только почетнымъ зрителемъ *„великаго курилтая“* (за оградой ему давали всегда *первое мѣсто* и даже вводили *внутрь ограды)*,—былъ не только постояннымъ очевидцемъ происходившихъ пиршествъ на тѣхъ праздненствахъ, но и дѣятельнымъ въ нихъ участникомъ: между званными гостями, на всѣхъ пирахъ ему давали *первое мѣсто* и отличали его *почетною* чашей. Но эта особенная „честь“ которую воздавали Ярославу, была та самая, которую торжествующій великодушный побѣдитель оказываетъ обыкновенно между многочисленными плѣнниками своими—главному изъ всѣхъ плѣнныхъ. *Зло зла* была она Русскому князю среди множества татарскихъ мурзъ и узбековъ, китайскихъ и манджурскихъ принцевъ, царьковъ и цариковъ *„бывало“* халифата, султановъ сарацинскихъ, грузинскихъ царевичей и проч. и проч. Съ нее, съ этой *„чести“* онъ и умеръ. Къ самому окончанію курилтайскихъ торжествъ, уже отклонявшись гостепріимнымъ хозяевамъ и наканунѣ сборовъ въ обратный путь—тамъ, въ нѣдрахъ Монголіи, и скончался великій князь Владимірскій, а по Батыеву повѣленію еще и *„Кіевскій“* старѣйшій между всѣми русскими князьями *„глава всѣмъ“*.

По мѣсту, гдѣ онъ скончался, никто не хотѣлъ и вѣрить естественности его кончины: такова была Ханская Орда! Всякій изъ ордынцевъ зналъ по себѣ: кто разъ попалъ сюда, зависѣлъ уже отъ рока. Хановъ и ханшъ было такъ много, а еще больше ихъ ближнихъ, и такое безконечное число ближнихъ самихъ этихъ ближнихъ, что угодить всѣмъ было трудно. Никто тутъ не могъ—во всякое время и на всякій часъ—поручиться за себя: заворожили-ли въ его пользу или ждать бѣды? никто никогда не могъ разобраться, какими пружинами приводятся въ дѣйствіе рѣшенія Орды.

Страдальческая кончина Ярослава ото всего видѣннаго и испытаннаго имъ на своемъ страдальческомъ пути, пря-

мо сказать, не представляла ничего невѣроятнаго; было бы, напротивъ того, невѣроятно предположить, чтобы могъ онъ на старости лѣтъ—какъ покинуть свою родину для поѣздки на берега Амура такъ и возвратиться оттуда домой—съ легкимъ сердцемъ. Измученный послѣдними годами злополучія, а на 55-мъ году своей жизни совершенно изнуренный всѣмъ выстрадачнымъ въ теченіи года и на разстояніи 10 тысячъ верстъ проѣханнаго имъ пути—изъ Владиміра къ морю, куда пала Волга, а оттуда къ берегамъ Амура—князь Ярославъ Всеволодовичъ умеръ 30-го сентября 1246 года. А въ Ордѣ не допускали и мысли, что онъ умеръ *своею* смертью: едва она огласилась, пошли толки, что онъ отравленъ. Одни говорили, что татары боялись его могущества и не хотѣли допустить его возвращенія на родину, надѣясь безъ него прочнѣе утвердить свою власть надъ его княжествомъ; а другіе объясняли, что подозрѣнія на него возникли по наговору самихъ же русскихъ: еще въ Ордѣ Батыя его обнесли извѣтомъ сами русскіе, и Батый писалъ о томъ великому хану, послѣ чего и найдено было нужнымъ умертвить его. Самъ Гаюкъ, этотъ удивительный Монголъ, суровый съ виду, о которомъ ближніе разсказывали, что *„никто не видѣлъ, чтобы онъ когда-нибудь смѣялся или шутилъ“*, — великій ханъ все время былъ милостивъ къ Ярославу. Но ханша Туракиня, мать Гаюка — такъ по тайности передавали другъ другу въ Ордѣ — именно по подозрѣніямъ, возведеннымъ на князя, потчивала его на прощаньи и на своемъ пиру отличила его почетною чашей, сама ее и передала ему своими руками: *„опоила его ядомъ“*. А доказывали это лишь тѣмъ, что съ „того пира и занемогъ Ярославъ, а на седьмой день уже умеръ“; притомъ „все его тѣло вскорѣ послѣ смерти удивительнымъ образомъ позеленѣло“. Бояре и прочіе вѣрные слуги князя, сопровождавшіе его въ этомъ путешествіи, не оставили на чужбинѣ его гроба: съ нимъ и отправились въ обратный дальній путь, и привезли во Владиміръ. Тамъ въ Успенскомъ соборѣ и похоронили его рядомъ съ братомъ Юріемъ,—возлѣ гроба отца ихъ Всеволода. Съ нимъ похоронили, можно бы сказать, и все то время, когда Русскіе князья еще не были въ неволѣ у татаръ.

Ярославъ Всеволодовичъ ни военными, ни гражданскими дѣяніями своими, ничѣмъ особенно не прославился на Руси; изъ такъ называемыхъ *громкихъ дѣлъ* не совершилъ ни одного. А имя его осталось памятно народу и память его чтилась—чтится до сегодня—не только за честь, а даже за святыню изъ рода въ родъ. Въ немъ видѣли страдальца, перваго еще изъ поруганныхъ князей „погаными“, склонившагося въ смиреніи передъ ниспосланнымъ отъ Бога несчастіемъ, а не впавшаго изъ гордости въ отчаяніе передъ постигшимъ рокомъ: князя не въ побѣдномъ, а въ мучительскомъ вѣнцѣ, колѣнопреклоненнаго и бившаго челомъ передъ лютымъ Татариномъ за народъ свой. Образъ его и запечатлѣлся въ народной памяти, какъ образъ страдальца за Русскую землю: князя, кому выпало на долю не величаться своимъ народомъ, а терпѣть униженье за народъ свой,—вынести за всѣхъ своихъ подвластныхъ самому̀ униженіе въ Ордѣ. Онъ—начинатель тѣхъ князей-страдальцевъ, коихъ потянулся за нимъ, вѣкъ за вѣкомъ, длинный непрерывный рядъ. Не иначе, какъ на безповоротное бѣдствіе и уже навѣки неотвратимое зло, глядѣлъ тогда весь Русскій народъ на свой плѣнъ. Монгольское иго—казалось тогда—удѣлъ страны на всѣ предбудущіе вѣка. Ничего свѣтлаго и яснаго не предвидѣлось впереди, даже и луча спасенія не свѣтилось вдали; а изъ рода въ роды на всю грядущую даль вѣковъ—плѣнъ, иго, татары. Такова была лютая година, которую пережилъ на своемъ вѣку отецъ Александра Невскаго.

Русскій народъ вмѣнилъ въ заслугу тяжкія испытанія, вынесенныя Ярославомъ въ Ордѣ у Батыя, а поѣздку на старости лѣтъ въ нѣдра Азіи къ Великому Моголу и смерть на чужбинѣ — въ подвигъ. *„Много истомленія пріятъ за землю Русскую; себя не пощадѣ и иде въ великую и пагубную землю Татарскую и положи душу свою за вси люди земли Русской“*. Къ тому еще прибавляли и ту похвалу, что такое же мужество терпѣнія внушилъ онъ своимъ дѣтямъ, одаренному Богомъ великими дарованіями Александру, оставилъ завѣтъ: въ подвигѣ благочестія снискать надежду на избавленіе: *„также и Александръ не остави пути отца своего“*. И благодарственная память къ князю-страдальцу, первому давшему примѣръ смиренія въ

несчастьи, уже не умирала въ потомствѣ, переходила изъ рода въ родъ.

Когда его ближайшіе потомки, а именно правнуки Ярослава, дожили до радостной надежды *„оже насъ Богъ отъ орды избавитъ“*, усерднѣе еще отцовъ своихъ чтили они память страдальца-пращура, который *„многимъ томленіемъ“* отклонилъ въ свое время конечную гибель отъ Русской земли и тѣмъ далъ своему потомству возможность дождаться того времени, когда надежда на освобожденіе уже засвѣтилась.

А по совершенномъ разсѣяніи вѣкового зла, казавшагося вначалѣ неисцѣлимымъ, когда отдаленнѣйшіе потомки Ярослава Всеволодовича, Государи Московскіе и всея Руси, именовались уже въ свою очередь Повелителями царствъ Казанскаго и Астраханскаго и Угорской и Обдорской и Кондійской земли—память объ ихъ родоначальникѣ не умалялась, а возростала. Въ XVI-мъ вѣкѣ и въ XVII-мъ о сынѣ Всеволода говорили такъ: „по Всеволодѣ содержа скифетръ Россійскаго государства сынъ его Князь Великій Ярославъ Всеволодовичъ, его-же соблюде Богъ отъ Батыя въ великомъ Новгородѣ *и съ дѣтьми*, и по плѣненіи безбожнаго Батыя святую и непорочную христіанскую вѣру распространи *) *и святыя церкви паки обнови*“.

Православные князья, смирившіеся въ несчастіи и вынесшіе *Монгольское иго*, возвысились за вѣкомъ вѣкъ до череды царской,—и тѣ самые страны и народы, откуда шла гроза татарская на Русскую землю, начали мало-по-малу включаться въ ихъ державу—можнобы сказать—на радость себѣ, а не къ горю. А отъ старыхъ поработителей, *ига Монгольское* наложившихъ на Русь—гдѣ бы ни искать по свѣту ихъ

---

*) Въ поясненіе словъ *„вѣру распространи“*—необходимо замѣтить, что при своихъ походахъ на Чудь изъ Новгорода Ярославъ заходилъ дальше, чѣмъ кто-либо изъ его предшественниковъ, въ землю Корѣловъ и при немъ „мало не вся Корѣльская земля приняла крещеніе“. Къ такимъ же достопамятнымъ его походамъ относится и его походъ на литовцевъ, выгнанныхъ имъ изъ Смоленска. Но значеніе двухъ этихъ походовъ, какъ въ Корѣльскую землю, такъ и подъ Смоленскъ, имѣетъ особенную важность лишь въ связи съ общимъ вопросомъ о зачавшемся тогда подъемѣ *литвы* (на что были особенныя причины) и съ другимъ вопросомъ о такъ называемой *„Ливоніи“*. Того и другого касаться тутъ не мѣсто, о томъ рѣчь впереди.

потомковъ—вѣкъ за вѣкомъ во всѣхъ же странахъ и народахъ не становилось уже и слѣда.

Какъ во время Ярослава Всеволодовича никто не зналъ на Руси о своихъ поработителяхъ: *откуда взялись они?* такъ по прошествіи вѣковъ, при послѣднихъ его потомкахъ, Государяхъ Московскихъ и всея Руси, числившихъ подъ своею державой царство Казанское съ Астраханскимъ, никтоже по поводу своихъ прежнихъ поработителей не зналъ и того: *куда они дѣлись?* Ибо страны, которыя во времена царей Московскихъ именовались „*татарскими*“, и народы „*татарами*“, были уже не тѣ, отъ которыхъ повелось монгольское иго на Руси. Во всѣхъ этихъ странахъ и народахъ соотчичи и соплеменники Чегыркановъ и Тешукановъ, Менгу-Темировъ и Темуджиновъ—прошли: „*идъ ся дѣли опять—только Богъ вѣсть*“.

Столѣтіе за столѣтіемъ прошли и еще новые вѣка. Въ титулъ, заключавшій въ себѣ царства Казанское и Астраханское, Угорскую землю, Обдорскую и Кондійскую, стали включаться и прочая и прочая и прочая; приложились страны и народы даже тѣхъ самыхъ мѣстъ, въ которыя ѣздилъ по повелѣнію Батыя Ярославъ Всеволодовичъ, сложившій свои кости у береговъ Амура (возвращенныя оттуда подъ сѣнь Успенскаго Владимірскаго собора)... Приложились потомъ,—можно бы сказать, ужъ на нашихъ глазахъ и ужъ въ наши дни,—и еще нѣкоторые даже далѣе тѣхъ мѣстъ...

А съ тѣмъ вмѣстѣ и самый вопросъ о „*рекомыхъ Татарахъ*“, заданный современниками Ярослава Всеволодовича: „*кто суть и откуда пріидоша*“? вопросъ, съ тѣхъ самыхъ поръ и искавшій себѣ разрѣшенія въ Русской исторіи, позволительно думать, выяснился въ ней на́чисто и ужъ ничего темнаго болѣе не представляетъ въ наши дни.

«Татарство» и «татарва».

Чингисханъ умирая завѣщалъ дѣтямъ нести завоеванія на весь міръ, покоряя всѣ страны и народы, сколько ихъ ни освѣщается солнцемъ во вселенной, — далъ завѣтъ: „мириться лишь съ побѣжденными“. Дѣти и внуки его покорили Русскую землю и Китай. Завоеваніе Небесной имперіи было докончено сыномъ Чингисхана; а его внукъ

Хубилай уже царилъ въ ней какъ прямой *сынъ неба*, говорилъ на языкѣ Конфуція и любилъ приводить изъ него тексты. Прочіе внуки и правнуки Чингисхана, размѣстясь въ турецкихъ странахъ, ханствовали по-турецки и славили Аллаха, то-есть обратились въ магометанъ. Монголы, такимъ образомъ, успѣвъ покорить огнемъ и мечомъ множайшіе страны и народы, нимало не успѣли слить ихъ воедино духомъ своимъ; не запечатлѣли ихъ ни своимъ языкомъ, ни вѣрой, ни даже „монгольскимъ“ именемъ своимъ.

Произошло это потому, собственно говоря, что иначе не могло быть. Отчизна Великаго Могола, простиравшая изъ своей при-Амурской столицы владычество на всю Азію и полъ-Европы, сама Монголія была все тою-же дикою Ордою. *Во-первыхъ*, она вовсе не имѣла такого многолюдства, чтобы безпрерывно свѣжимъ приливомъ собственныхъ уроженцевъ наполнять всѣ завоеванныя страны. Разныя части Чингисовой державы перестали обновляться свѣжимъ приливомъ силъ изъ Монголіи еще при его дѣтяхъ; по разнымъ мѣстамъ уже весьма скоро ханы Чингисовой крови должны были обходиться лишь мѣстнымъ населеніемъ, а монгольское вліяніе прекратилось; по прошествіи же нѣкотораго времени эти отдѣльныя ханства уже Монголію знать не знали. А *во-вторыхъ*, духовнымъ преимуществомъ надъ покоренными народами Монголія и вовсе не могла похвалиться: Орда ордой и осталась. Въ этомъ отношеніи Монголы ничѣмъ не были лучше самихъ Половцевъ, которыхъ звали конюхами и холопами своими. Только кровопролитіемъ приводили они всѣхъ подъ монгольское иго, а духовной силы усвоить покоренные народы не имѣли; напротивъ, даже среди мизинныхъ племенъ перенимали ихъ нравъ и обычай, сами подчинялись ихъ быту, а свою народность забывали. Лишь на безлюдьи, въ родныхъ незнаемыхъ степяхъ сохраняли монголы свою цѣлость, нравы и обычаи предковъ, ихъ вѣру и языкъ; а по всѣмъ жилымъ мѣстамъ и смѣшивались съ мѣстнымъ жительствомъ: распускались и растворялись въ немъ. Сама Кипчакская Орда весьма недолго хранила тѣсную связь съ Монголіей, притомъ слабую отъ начала; а въ непродолжительномъ времени оторвалась отъ отчизны Великаго Могола и вовсе. Всюду, такимъ образомъ, во всѣхъ мѣстахъ, завоеванныхъ

Монголами, изсякало и видоизмѣнялось ихъ смуглое и скуластое племя, а вездѣ преобладало и было гуще старинное мѣстное народонаселеніе, превозмогая находниковъ.

Китай, напримѣръ, остался цѣлъ и самобытенъ попрежнему, несмотря даже на то, что сами воцарившіеся тамъ богдыханы повелись изъ Монголовъ. Тѣмъ болѣе должны были уцѣлѣтъ въ полной самобытности и не заклеймились оттѣнкомъ Монголовъ тѣ страны, которыя отъ нихъ освободились вчистую. А которыя народонаселенія по самому быту мало отличались отъ дикихъ кочевниковъ, гдѣ покоренные и покорители были подъ пару другъ другу—тѣ и другіе ордынцы сливались мало-по-малу другъ съ другомъ, напослѣдокъ и вовсе слились въ однихъ и тѣхъ же Татаръ. Подобные мелкіе народцы—либо вовсе темные для исторіи, либо мало извѣстные въ ней, не успѣвшіе составить себѣ громкаго имени и раньше ихъ завоеванія „рекомыми Татарами“—рекутся Татарами даже до сегодня.

Самъ Чингисханъ, ревнуя о славѣ монгольскаго имени, надмевался запечатлѣть имъ всѣ царства и народы, сколько ихъ ни освѣщается солнцемъ во вселенной; но это всемірное царство Великаго Могола можно бы сказать—имъ началось, имъ же и кончилось: только что было пополнилось при его сынѣ новыми завоеваніями, уже начало распадаться; а при дальнѣйшихъ преемникахъ Темуджина и вовсе развалилось на части. Черезъ полтора вѣка послѣ его смерти народился, правда, другой Великій Моголъ, мнившій воскресить славу Чингисхана: скорѣй того разсыпалась и Тамерланова держава. Слава монгольскаго имени увѣковѣчилась, такимъ образомъ, лишь тѣмъ однимъ, что Европейцы, пораженные съ тѣхъ именно поръ наружностью этихъ азіатовъ, прозвали ихъ именемъ въ своей наукѣ цѣлую породу людей „монгольскою расой“; а въ болѣе возвышенномъ смыслѣ ихъ имя не утвердилось нигдѣ; напротивъ, благодаря достигнутой общеизвѣстности у всѣхъ народовъ, и сдѣлалось еще *„притчею во языцѣхъ“*, обратясь въ синонимъ Татаръ. Съ тѣхъ самыхъ поръ Монголы и Татары—оба эти имени—и почитаются у всѣхъ народовъ за одно и то-же. Такъ и въ Русской исторіи. Вторгнувшіеся чужеземцы, съ которыми наши предки бились на Калкѣ—несомнѣнные Монголы и сами себя звали

„Мунгалъ“, а они-же еще и „рекоміи Татары“! Произведенное ими порабощеніе зовется „монгольскимъ игомъ“, а самый приходъ поработителей—„нашествіемъ татаръ“. Такой притчи въ свое время наши предки никакъ не могли разобрать. Какъ ни вслушивались на Руси въ мудреныя толкованія по этому поводу, всѣ единогласно приходятъ къ заключенію, что о „рекомыхъ Татарахъ“ *никто-же добрѣ ясно свѣсть* изъ самихъ толковниковъ.

То-же можно будетъ повторить и въ наши дни, если перебрать все писанное о Татарахъ.

Нѣкоторые утверждаютъ, что „Татары и Монголы—одинъ и тотъ же народъ“; другіе—что это „два разныхъ народа“; третьи — что „хотя Монголы и Татары одинъ народъ, однакоже есть и разница между ними“; четвертые не допускаютъ существенной разницы между ними, а полагаютъ, что „они относятся другъ къ другу, какъ родъ къ виду“; пятые держатся того мнѣнія, что „Монголы составляютъ *родъ* въ этомъ случаѣ, а Татары одинъ изъ *видовъ* этого обширнаго *рода*“; шестые напротивъ того принимаютъ, что „Татары составляютъ *родъ* въ этомъ случаѣ, а Монголы—*видъ* этого многовѣтвистаго *рода*“ и такъ далѣе и т. д. спорятъ безъ конца. При полной извѣстности о томъ, что слава татарскаго имени наполняла нѣкогда всю Азію и полъ-Европы, никто болѣе не можетъ опредѣлить: гдѣ искать ея отблеска въ наши дни и живъ-ли еще тотъ народъ въ мірѣ, чье имя пріурочивается къ ней? Утверждаютъ даже, что этотъ народъ весь вымеръ и его больше нѣтъ. Для наведенія о томъ справокъ обращаются теперь къ тѣмъ именно народамъ, которые доселѣ носятъ имя Татаръ,—прямо къ уцѣлѣвшимъ ихъ царькамъ и князькамъ, давно лишившимся владѣній, но не утратившимъ Чингисово имя до сихъ поръ. Но—къ великому недоумѣнію — тутъ, именно, чего ищутъ—и не найдутъ. Ни у казанскихъ, ни астраханскихъ Татаръ, или еще у Татаръ крымскихъ, даже въ потомствѣ ихъ владѣтельныхъ родовъ—ни о первомъ великомъ Моголѣ Чингисханѣ, ни о другомъ великомъ Моголѣ Тамерланѣ—ни слуха, ни духа. Словно даже всѣмъ этимъ нынѣшнимъ народамъ памятнѣе ихъ давно-прошедшая старина Хозарской державы и Волжанъ-Болгаръ; а о связи современной ихъ исторіи съ эпохою Чингиса и Тамер-

лана преданій нѣтъ. Возможно-ли однако допустить съ нѣкоторыми учеными, что отъ того самаго народа, который нѣкогда весь міръ наполнилъ своею славой, въ цѣломъ же мірѣ не осталось и слѣда? Повѣрить-ли въ самомъ дѣлѣ, что этотъ народъ былъ да весь вышелъ? пронесся въ мірѣ,—какъ утверждаютъ эти ученые,—сокрушительнымъ ураганомъ и разсѣялся какъ туча, постигнутая вихремъ? исчезъ навсегда, ровно его и не было никогда? Неужели вымерли всѣ до одного его потомки? Конечно нѣтъ.

Слава этого народа, который уже не одинъ разъ величалъ себя именемъ „бича Божьяго“ на весь міръ, жива до сихъ поръ; но напрасно было бы искать ея преданій,—какъ и слѣдовъ самого народа, чье имя пріурочивается къ ней,—въ погребенныхъ развалинахъ Чингисовой державы и по уцѣлѣвшимъ кладбищамъ принадлежавшихъ ему народовъ. Она все тамъ-же таится невѣдомая міру, откуда ко всеобщему изумленію взялась на свѣтъ во время оно: въ дикой пустынѣ, въ незнаемыхъ степяхъ. До сихъ поръ разсѣянные соплеменники Чингисхана поминаютъ въ своихъ войлочныхъ кибиткахъ незабвенное былое время и охотно величаютъ свою угрюмую родину Монголіей, а Татаріей ея не зовутъ. Еще и въ наши дни кочевникъ калмыцкой степи *), вспоминая славу Великой Монголіи, славитъ на своихъ пирахъ, опившись кумысомъ и подыгривая на трехстрункѣ, величаетъ батырей своей родины и призываетъ возвращеніе временъ Тимура: „*приди, приди! мы ждемъ тебя*“. „Мы тихи“,—поется въ ихъ завѣтной

*) Уже было замѣчено, что „калэ-мыкъ“ означаетъ на языкѣ тузем-цевъ: независимый родъ, самъ о себѣ отъ другихъ особый. Поэтому, если употреблять это слово въ тѣсномъ смыслѣ, тогда могутъ подразумѣваться такія калмыцкія племена, у которыхъ (разумѣется) нѣтъ и не могло быть преданій о Чингисѣ или о Тимурѣ, ибо въ самое время Чингисхана существовали избѣгнувшіе его власти „калэ-мыки“, жившіе въ незнаемыхъ степяхъ, сами о себѣ, особо. Въ данномъ случаѣ мы употребляемъ слово *Калмыкъ* въ болѣе широкомъ смыслѣ, разумѣя подъ этою именно племенною разновидностью наиболѣе выразительный и во всей первобытной чистотѣ сохранившійся образецъ такъ называемой Монгольской расы. Замѣтимъ кстати, что терминъ „*Монгольская раса*“ весьма недавній; а такъ какъ понятіе „расы“ обнимаетъ множество племенъ и народовъ одного образца и какъ бы уже предваряетъ ихъ подробное обозначеніе, то и самъ этотъ терминъ не мало способствовалъ затемнѣнію вопроса о Монголахъ и Татарахъ.

пѣснѣ, записанной въ наши дни среди кочевниковъ пустыни Гоби... „Мы тихи и мирны, какъ овцы пасомыя нами. Но душа горитъ и вѣщуетъ сердце: о! нашъ батырь Тимуръ! проснется-же твой духъ между нами. Приди, приди, мы ждемъ тебя.—Не всякій-ли еще изъ Монголовъ молодцомъ возьметъ дикаго коня въ полѣ!.. молодцомъ смѣтитъ и затерянный въ степи слѣдъ верблюда? Да ужъ нѣтъ въ рукахъ силы натянуть лукъ праотцевъ; нѣтъ больше глазъ на козни враговъ коварныхъ. О, нашъ батырь Тимуръ! отъ молніи твоихъ зѣницъ дрожала вселенная! цѣпенѣли царства и народы. Встань-очнись между нами! Мы ждемъ тебя. — Даромъ-ли на святомъ холму развѣвается алый убрусъ ламы? Вотъ мы принесли въ даръ всесожженія молоко отъ нашихъ стадъ и зеленое вѣтвіе чайнаго дерева. Бьемъ челомъ до лица земного тѣни твоей, о! нашъ батырь Тимуръ! Ужъ вся Монголія готова вслѣдъ за тобою. Встань-проснись! мы ждемъ тебя. — Не скрой отъ насъ, Лама! когда губы твои дрожатъ молитвою, нѣтъ-ли знаменій съ небеси? Ужъ не открываетъ-ли оно чего вдали? Молись ему, молись-же дать силу монгольскому копью и успѣхъ стрѣламъ нашимъ. О! нашъ батырь Тимуръ! Приди, приди! Мы ждемъ тебя“.

Ясно такимъ образомъ, что племенная разновидность, которую Чингисханъ именовалъ своимъ Монгольскимъ народомъ, жива до сихъ поръ, и какова была прежде —такова сейчасъ. На вопросъ о нынѣшнихъ уроженцахъ его родины: „что языкъ ихъ? и котораго племени суть“? отвѣтъ не затруднителенъ въ наши дни. Это—истые соплеменники Чингисовыхъ Монголовъ, унаслѣдовавшіе родину и породу своихъ пращуровъ, ихъ вѣру и языкъ, нравъ и обычай. Какъ ихъ предки XIII-го вѣка составляли прозванный Чингисомъ „монгольскій народъ“, также и они теперь составляютъ тотъ-же самый, а не иной, могущій слыть Чингисовымъ именемъ „монгольскій народъ“. Родомъ, слѣдовательно, это чистые Монголы, а бытъ у нихъ татарскій; по быту они—Татары даже до сегодня.

Другой вопросъ—подверглись-ли покоренные Чингисомъ народы вліянію Монголовъ настолько, чтобы донынѣ свидѣтельствовать о нихъ? — также до очевидности рѣшенъ Исторіей въ наши дни: одни освободились отъ Монголовъ

вчистую, прочіе слились съ ними. Въ первомъ случаѣ это знакъ того, что тотъ или другой изъ завоеванныхъ народовъ превосходилъ Монголовъ по своему быту; а во второмъ случаѣ, значитъ, какъ ни отличались покоренные отъ Монголовъ родомъ своимъ, но быть у нихъ—у тѣхъ и другихъ ордынцевъ — былъ одинъ и тотъ-же—татарскій. Которые освободились отъ нихъ вчистую —тѣ вовсе не даютъ въ себѣ видѣть образца Монголовъ потому именно, что остались самобытны. А тѣ, которые слились съ ними, также не даютъ болѣе видѣть въ себѣ чистаго образца Монголовъ; ибо тѣ и другіе ордынцы, претворясь взаимно въ новую племенную разновидность, преобразились самъ-другъ въ такую историческую формацію, которой не было до тѣхъ поръ.

Въ такихъ странахъ, какъ Индія и Китай, или среди такихъ народовъ, какъ Персы и Арабы, Чингисовы Монголы должны были изникнуть и исчезли. Напротивъ, въ земляхъ неименитыхъ, среди такихъ темныхъ незнаемыхъ земляковъ, какъ напримѣръ древняя Хозарія или Волжане-Болгары, да и вся Средняя Азія съ ея полукочевыми племенами и полудикими ордынцами—вотъ гдѣ Чингисовы Монголы усѣлись какъ равные съ равными и утвердились впрокъ. Тутъ освоились они, какъ у себя дома, съ подобными-же себѣ ордынцами; ибо всѣ по образу жизни были имъ тутъ подъ пару, а иные даже и по происхожденію — полусвои. Это однакоже не значитъ, чтобы сами Монголы именно тутъ сохранились въ первобытной цѣлости: *менѣе, чѣмъ гдѣлибо*. Въ прочихъ мѣстахъ они могли садиться отдѣльными гнѣздами и держаться особыми поселеніями замкнуто отъ покореннаго ими кореннаго населенія; но среди Бухарцевъ и Хивинцевъ или еще Крымцевъ и Астраханцевъ должны были расплыться въ покоренномъ населеніи и, прямо сказать, распустились въ немъ.

Весьма понятно, что если по необходимости монгольскій оттѣнокъ долженъ былъ распространиться наиболѣе именно среди разновидныхъ ордынцевъ Средней Азіи да еще среди Волжанъ-Болгаръ и ордъ древней Хозаріи, то съ другой стороны, и сами соотчичи Тимура и Чингисхана, смѣшиваясь со здѣшними ордынскими племенами, клеймились по преимуществу и въ свой чередъ ихъ-же разнообра-

зіемъ,—все больше проникались и въ свою очередь чуждыми оттѣнками этихъ именно разновидныхъ племенъ. Вѣкъ за вѣкомъ, чистѣйшаго образца Монголовъ нельзя было уже нигдѣ и найти напослѣдокъ, какъ только развѣ опять въ той или другой незнаемой пустынѣ среди кочевниковъ ихъ породы; прямо сказать, лишь въ калмыцкихъ, то-есть свободныхъ и независимыхъ степяхъ, — ибо калэ-мыкъ и значитъ: родъ, держащійся самъ о себѣ, особо. А въ мѣстахъ Волжанъ-Болгаръ и древней Хозаріи, также и по всей Средней Азіи, Монголы, слившись съ туземными ордынцами, растворились и распустились въ нихъ. Здѣсь покоренные и покорители смѣшивались не въ ущербъ одни другимъ, а въ восполненіе другъ другу: обѣ племенныя разновидности, взаимно претворяясь одна другою, претворялись и обѣ вмѣстѣ самъ-другъ въ новую историческую формацію, которой не было до тѣхъ поръ. Это сліяніе двухъ оттѣнковъ въ нѣкій общій видъ, двухъ отпечатковъ въ одно цѣльное клеймо и составляетъ нынѣ то своеобразное отличіе, коимъ запечатлѣны всѣ здѣшніе „бесермены“. Оно составляетъ въ нихъ то едва уловимое, однакожъ невольно кидающееся въ глаза отличіе, по которому, при всемъ разнообразіи этихъ „бесерменскихъ племенъ“, всѣхъ ихъ вмѣстѣ причисляютъ къ „татарству“ и „татарвѣ“. Это нѣчто неуловимое для научнаго опредѣленія и тѣмъ не менѣе однакоже невольно угадываемое всѣми — столь существенно, что въ силу того именно, *съ одной стороны*, даже такія племенныя разновидности, какъ Туркестанцы и Афганцы, нѣкоторые Горцы и наши Крымцы съ Астраханцами, не взирая на то, Иранцы-ли они или Тураны, Торки или хотя бы даже Семиты, всѣ одинаково слывутъ теперь за „Татаръ“; а *съ другой стороны* никто теперь уже болѣе не причисляетъ къ „Татарамъ“ ни чистаго Монгола (каковыми сохранились теперь лишь Калмыки), ни собственно такъ называемаго Турка, тогда какъ во время-оно Монголовъ и Турокъ постоянно смѣшивали за однихъ и тѣхъ-же Татаръ.

Никто не сомнѣвается въ наши дни, что жители Мерва, Самарканда, Кашгара, ни тѣмъ болѣе наши Крымцы съ Астраханцами не являютъ собой чистыхъ Монголовъ, тѣмъ не менѣе однако несомнѣнно еще и слѣдующее: во-

1-хъ, ранѣе ихъ покоренія Чингисовыми Монголами ихъ вовсе не звали Татарами; во-2-хъ, унаслѣдовавъ съ тѣхъ именно поръ это имя, они зовутся Татарами даже до сегодня и, въ-3-хъ, произошло это не случайно, а въ свою очередь отъ природныхъ-же причинъ; потому именно, что еще до покоренія всѣхъ этихъ „бесерменовъ“ Чингисовыми Монголами—бытъ у тѣхъ и другихъ былъ одинъ и тотъ-же татарскій.

Это нѣчто неуловимое для точнаго опредѣленія и тѣмъ не менѣе рѣзко бросающееся въ глаза и невольно угадываемое всѣми—такъ важно и столь существенно, что въ силу этого именно, еще во дни Тамерлана, стали уже отличать отъ Татаръ всѣхъ Турокъ и черезъ два-три поколѣнія послѣ Тамерлана ихъ, то есть Турокъ, болѣе уже не причисляли къ „татарству“ и „татарвѣ“, хотя наканунѣ и смѣшивали однихъ съ другими *).

За два, за три поколѣнія до Тимура всѣ Ахметы и Магометы Ховарезма почитались сущими Татарами также точно, какъ сами дѣды и прадѣды Тимура; а черезъ два-три поколѣнія послѣ Тимура (тогда Отоманы уже сидѣли въ Цареградѣ) ни Солимановъ, ни Магомета IV-го, ни всѣхъ вообще собственно такъ называемыхъ Турокъ больше не

---

*) Кому желательно видѣтъ „Татарина“, какъ понимаютъ эту племенную разновидность въ настоящее время, тотъ долженъ искать татарскаго образца никакъ не въ Цареградскомъ Туркѣ, никакъ вмѣстѣ съ тѣмъ и не среди настоящихъ Монголовъ (то и другое теперь былобы одинаковою ошибкой), а именно среди Туркестанцевъ и Афганцевъ да еще въ мѣстахъ древнихъ Хозаровъ и Волжанъ-Болгаръ. А кому желательно, напротивъ, видѣть не „рекомыхъ Татаръ“ а истыхъ Монголовъ, совершенно подобныхъ Чингисовымъ Монголамъ, тотъ отнюдь не долженъ заглядывать ни къ Крымцамъ и Астраханцамъ, ни во владѣнія Средней Азіи, коротко сказать: ни въ одно изъ мѣстъ, покоренныхъ Чингисовыми Монголами, а долженъ обратиться въ калмыцкія степи: въ наши дни лишь тамъ Монголы и нигдѣ кромѣ. Еще при Тимурѣ, пожалуй, чистыхъ Монголовъ уже надлежало искать въ калмыцкихъ степяхъ; а во времена самого Чингисхана за ними не надо было ходить столь далеко: довольно было взглянуть на ближнихъ Чингисхана, на его родню, на всю его окружавшую свиту—все это и были они самые: зовомые имъ „Мунгалъ“. Лишь вѣкъ спустя или даже полтора вѣка послѣ Чингисхана зачалась и продолжала слагаться та историческая формація, разгадать смыслъ которой стало возможно лишь въ наши дни; но Тимуръ и жилъ какъ разъ спустя полтораста лѣтъ полѣ Чингиса:

называли и не почитали Татарами. Этого не должно опускать изъ вида. Отомановъ по переселенiи съ малоазiйскаго берега на европейскiй материкъ болѣе уже не смѣшивали съ татарами, повторяемъ, а между тѣмъ почти накануне—и чѣмъ ближе отъ Тимура къ Чингисхану, тѣмъ рѣшительнѣй—въ турецкихъ-то племенахъ предпочтительно, лишь въ Торкахъ по преимуществу, и видѣли главнымъ образомъ тѣ народонаселенiя, коимъ сплошь да рядомъ приписывалось имя татаръ. Но если раньше Тимура обѣ племенныя разновидности, Турокъ и Монголъ, одинаково слыли за однихъ и тѣхъ-же „рекомыхъ Татаръ", а послѣ временъ Тимура это вышло изъ употребленiя—ясно само собой что при Тимурѣ и ближе ко времени Чингисхана самое прозвище „татарство" и „татарва" не то́ значило, что послѣ нихъ, — и собственно въ племенномъ смыслѣ (этнографическомъ) въ ихъ время не значило ничего ровно,—что̀ и совершенно вѣрно*).

Вся обманчивая сбивчивость имени „Татаръ", такимъ образомъ, въ томъ и заключается, что въ разное время оно имѣло разныя значенiя. Въ тѣ баснословныя времена, незапамятнымъ лѣтосчисленiемъ коихъ гордятся Китайцы, подъ „татарствомъ-татарвой" разумѣлось одно; во время всемiрной Чингисхановой славы, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, начали въ Азiи и въ Европѣ подъ тѣмъ-же именемъ разумѣть другое; наконецъ, когда, не даромъ утвердясь въ исторiи, татарское имя прошло цѣлый рядъ вѣковъ и достигло настоящаго времени, уже „татарство-татарва" получило новое окончательное значенiе, въ которомъ и пребываетъ. Эти, послѣдовательно одно за дру-

---

*) Въ ихъ время прозвище „Татары" ошибочно было-бы принимать за строго-опредѣленный этнографическiй терминъ: лишь пройдя сквозь цѣлый рядъ вѣковъ и не даромъ утвердясь въ исторiи, оно получило наконецъ нѣкоторымъ образомъ племенной смыслъ: въ наши дни напрасно было-бы уже отрицать это,—множайшiя историческiя условiя содѣйствовали и способствовали тому. Съ этимъ по необходимости и приходится считаться въ наши дни. Ясно однако, что если мы и обязаны считаться съ этимъ, то именно благодаря уже той исторической формацiи, которая образовалась вѣками послѣ Чингисхана и которой не только при немъ не было, а даже и быть не могло: зачатки ея относятся ко временамъ, наступившимъ развѣ-развѣ лѣтъ полтораста послѣ Чингисхана,—а это и есть уже время Тамерлана.

гимъ смѣнявшіяся, три разныхъ значенія суть слѣдующія: во I-хъ, китайское „тата-татань“—мнимое имя не того или другого народа въ отдѣльности, а всѣхъ ч у ж а н ъ вкругъ Срединнаго царства: сборное прозвище цѣлаго сброда племенъ; также и „рекомая Татарія“ — вымышленное имя не существующей страны: искать ее на географической картѣ значило-бы то-же самое, что отыскивать какую-то „Барбарію“, страну варваровъ, не находящуюся нигдѣ, а если угодно—вездѣ. Во 2-хъ, подъ „татарствомъ-татарвой“ разумѣли нѣкоторое время самихъ Монголовъ, предводимыхъ ихъ ханомъ и съ тѣмъ вмѣстѣ всѣхъ ордынцевъ Хова-резма, поглощеныхъ воцарившеюся надъ ними Монгольскою Ордою. Наконецъ, въ 3-хъ, „татарство-татарва“ уже прямо въ смыслѣ племенной разновидности составилось лишь напослѣдокъ, — образовалось лишь съ теченіемъ вѣковъ, когда отъ сліянія Монгольской Орды съ разноличными туземцами прочихъ ордынцевъ *съ одной стороны*, сталъ пропадать въ этихъ сліянныхъ народностяхъ чистый образецъ монгольскій и ужъ приходилось его искать въ калмыцкихъ степяхъ; а *съ другой стороны* во всѣхъ-же этихъ сліянныхъ народностяхъ отмѣтился монгольскій отпечатокъ уже столь внушительно, что при всемъ различіи этихъ „бесерменовъ“, отмѣтились они и нѣкіимъ общимъ клеймомъ—именно, какъ „татарство“ и „татарва“.

Выходитъ такимъ образомъ, что Татары и Монголы вовсе не одинъ и тотъ-же народъ, какъ доселѣ полагаютъ нѣкоторые; но это и не два разныхъ народа, какъ доселѣ-же утверждаютъ прочіе,—ни то ни другое. Было-бы одинаковою ошибкой: какъ утверждать безусловное единство Татаръ съ Монголами, отрицая, чтобы напримѣръ турецкія племена могли быть татарскими, такъ и обратно: отрицать татарство Монголовъ, утверждая что оно свойственно лишь турецкимъ племенамъ. Ошибочно предполагать и то самое, будто Татары и татарскій языкъ составляютъ какихъ-то пращуровъ и какой-то пра-языкъ многихъ-же племенъ и нарѣчій, кои и относятся къ „Татарству-Татарвѣ“, какъ множайшіе особые виды къ одному общему корню или роду,—самыя-же отличія этихъ племенъ произошли дескать лишь отъ разницы мѣстъ жительства, вліянія сосѣдей, религій и проч. Все это невѣрно.

Когда, напримѣръ, два роковыхъ соперника, Баязедъ и Тимур-ленкъ, сошлись для смертнаго боя подъ Ангорой—одинъ изъ нихъ былъ Турокъ, а другой Монголъ, и оба были Татары. Не скажутъ-же, что одинъ былъ Турокъ, а другой Монголъ потому только, что тотъ правовѣрный, а этотъ кланялся огню и кусту: ужъ мусульманами были тогда оба, во славу Аллаха и пророка его Магомета они и бились подъ Ангорой. Если-же допустить, что Баязедъ и Тимуръ одного *„рода“* и оба *„чистокровные“* Татары, получимъ абсурдъ: мудрено тогда быть одному изъ нихъ Туркомъ, а другому Монголомъ. Ибо *Турокъ* и *Монголъ* означаютъ именно двухъ чужеземцевъ: одного бѣлаго, а другаго смуглаго, и первый говоритъ по-турецки, а второй по-монгольски; безъ того оба эти имени, не знача ничего ровно, не имѣли-бы и смысла. А такъ какъ Баязедъ былъ несомнѣнный Турокъ, а Тимуръ былъ несомнѣнный Монголъ, то болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы *„родъ“* у нихъ могъ быть общимъ. Не родъ ихъ дѣдовъ и прадѣдовъ былъ общій; а нравъ и обычай, унаслѣдованный еще каждымъ изъ нихъ на прадѣдинѣ своей—и у Торковъ, и у Монголовъ, и у прочихъ подобныхъ инородцевъ, у всѣхъ ордынцевъ однимъ словомъ—былъ одинъ и тотъ-же: татарскій.

Что именно разумѣли подъ Татарами наши предки въ XIII-мъ вѣкѣ, о томъ они оставили драгоцѣнное по своей искренности свидѣтельство: *„объ нихъ-же добрѣ ясно никто-же свѣсть; единъ Богъ вѣсть ихъ“*. И они были правы въ своемъ невѣдѣніи, безукоризненно правы и признаваясь въ немъ. Лишь по прошествіи цѣлаго вѣка послѣ нихъ и больше, начали мало-по-малу образовываться тѣ историческія формаціи, совокупность которыхъ нынѣ зовутъ „татарствомъ“ и „татарвою“ уже прямо въ этнографическомъ смыслѣ; а въ ихъ время слово „Татары“ никакой племенной разновидности не означало, и дѣйствительное значеніе этого имени представляется наконецъ болѣе или менѣе выясненнымъ лишь въ наши дни. А чѣмъ отдаленнѣй отходить ко временамъ Тимура и Чингисхана,—или еще отъ нихъ забираться въ глубь временъ—тѣмъ смутнѣй и неопредѣленнѣй становится имя „Татаръ“, точно также впрочемъ, какъ и самихъ *Монголовъ*,—объ нихъ-же при первомъ ихъ явленіи никто въ цѣлой Азіи, какъ и въ Европѣ, не зналъ ничего ровно.

Что же однако выходитъ такимъ образомъ и оказывается напослѣдокъ? выводъ поучительный для насъ. Хотя наши предки, пораженные въ XIII-мъ вѣкѣ появленіемъ на Руси невѣдомыхъ азіатовъ съ глазами нàкось, и признавались открыто въ полномъ относительно ихъ невѣдѣніи, *„премудріи мужи вѣдятъ я̀ добрѣ, кто книгы разумно умѣетъ; мы-же ихъ не вѣмы: кто суть?“* а выходитъ однакоже, что они судили о „рекомыхъ Татарахъ“, вѣрнѣй и правильнѣй, чѣмъ кто-либо. Одни они и были безукоризненно правы когда, отказываясь видѣть въ незнаемыхъ чужеземцахъ племя древнихъ Торковъ, не отказывались однако въ тоже время еще и въ самихъ Монголахъ видѣть „рекомыхъ Татаръ“, что̀ и безусловно-вѣрно.

Правильно, слѣдовательно, и всякаго пріятія достойно то утвердившееся въ русской исторіи народное воззрѣніе, по которому сама бѣда, обрушившаяся на Русскую землю въ XIII-мъ вѣкѣ, зовется безразлично и слыветъ одинаково—и „Монгольскимъ игомъ“ и „нашествіемъ Татаръ“.

КОНЕЦЪ II-ГО ТОМА.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Страницы.	*Строка сверху.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
49	20	Святославичь	Всеволодовичь
50	27 и 29	Святославичь	Всеволодовичь
51	9	Святославичемъ	Всеволодовичемъ
102	34	въ	и. въ
175	29	способству яроднымъ	способствуя роднымъ
179	11	Осмомыслчь	Осмомыслъ
188	25	мстиславъ	Мстиславъ
236	38	Калское	Калкское
240	27	икусны	искусны
243	19	и еще	еще и
248	3	старпій	старшей
265	31	по плѣнять	поплѣнять
266	10	*дорѣ*	*добре*
267	24	ни	не
273	4	славы	славу
276	4	ипмеріи	имперіи
282	31	иаъ	изъ
301	11	солядати	соглядати
308	32	дод	до—
330	27	обяъсненій	объясненій
335	6	Новгородцами“ (но	Новгородцами“) но
352	42	Чингйса:	Чингиса.